

Дафна дю Морье

В КОГТЯХ СТРАХА

Дафна дю Морье

В КОГТЯХ СТРАХА

Избранное

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО
КОНЦЕРНА «ШАРК»
1994

И (Англ)

Перевод с английского

Составление С. Милова

Художественное оформление Н. Сучковой

Дю Морье, Дафна.

Д 95 В когтях страха: / Пер. с англ. /
Т.: Шарк, 1994.— 528 с.

Острота сюжета предлагаемых произведений типична для творчества Дафны дю Морье. В сборник вошли наиболее интересные рассказы английской писательницы, а также готический роман «В когтях страха». Скрип половиц в кромешной тьме, захлебывающиеся крики о помощи, давящая атмосфера страха захватывают читателя.

И (Англ)

© Перевод. Составление.
Оформление. Главная редакция издательско-полиграфического концерна «Шарк», 1994.

В КОГТЯХ СТРАХА

Уютная и гостеприимная гостиница «Джамайка» находится в двадцати милях от Богмина по дороге на Лончестон. В этой истории я пыталась нарисовать картину, которая могла бы произойти сто двадцать лет назад, и хотя на страницах книги вы встретите реальные названия городов и поселков, события и герои этой истории, конечно же, вымышлены.

Дафна дю Морье
Бодинник-на-Фови
Октябрь, 1935

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В конце ноября дни в Корнуэлле становятся серыми и холодными. Так и на этот раз: с вечера погода изменилась, небо стало низким и тяжелым, постоянно моросил дождь и казалось, что среди окутанных туманами холмов воцарился бледный зимний вечер — это несмотря на то, что не было еще и двух часов дня. Воздух стал густым и холодным, и в салоне экипажа сразу же повеяло сыростью, хотя окна были плотно закрыты. Кожа-ные сиденья намокли, потому что из трещины в потолке просачивались капли дождя, они падали вниз и оставляли на сиденьях темно-синие пятна, похожие на чернильные кляксы. Время от времени карета сворачивала на очередной изгиб дороги, налетала на кочки и вздрагивала с такой силой, что огромный корпус между высоких колес раскачивался из стороны в сторону, подобно крепко подвыпившему мужчине.

Кучер с головой укутался в пальто и согнулся вдвое, пытаясь укрыться от дождя и ветра, а его унылые лошади угрюмо подчинялись понуканиям, почти не обращая внимания на то, как кнут кучера снова и снова щелкает над их головами.

Колеса экипажа скрипели и стонали на дорожных ухабах, вылетающие из-под них брызги грязи попадали на окна и тут же смывались постоянно идущим дождем. Все, что можно было увидеть во-

круг — это мрачную и безнадежно тоскливую сельскую местность.

В салоне теснилось несколько раздраженных попутчиков, которые хором вскрикнули, когда карету тряхнуло сильнее обычного. Один из пассажиров, пожилой мужчина, который постоянно жаловался на все на свете с того самого момента, как присоединился к экипажу в Труро, в ярости вскочил с места, нашарил защелку и со стуком опустил окно вниз, причем и его, и других пассажиров тут же окатило волной дождя. Мужчина высунул голову наружу и закричал на кучера, проклиная его своим высоким раздраженным голосом, называя его мошенником и убийцей и предрекая, что они все погибнут еще до того, как доберутся до Бодмина, если сумасшедший кучер будет продолжать гнать с такой безумной скоростью. И так, мол, они еле-еле душа в теле, и лично он сам вообще никогда больше не сядет в карету.

Слышал ли его кучер или нет, было неясно. Скорее всего, большую часть гневных упреков отнесло ветром в сторону, и пожилой мужчина, дожидаясь мгновения, снова поднял окно. Внутри экипажа стало еще холоднее, и мужчина опять устроился в своем углу и завернулся в одеяло, что-то бормоча себе в бороду.

Сидящая рядом с ним улыбчивая краснолицая женщина в синем плаще сочувственно и тяжело вздохнула, подмигнула кому-то невидимому, кивнула головой в сторону соседа и заметила, наверное уже раз в двадцатый, что это самый гнусный вечер в ее жизни: раньше, мол, погода всегда была хорошей, и в это время стояло настоящее лето. После этого она нырнула в пучину своей огромной корзины, выудила оттуда огромный ломоть пирога и впилась в него сильными белыми зубами.

Мэри Йеллан сидела в противоположном углу, как раз в том, куда просачивалась струйка дождя из трещины в крыше. Иногда холодные мокрые капли падали ей на плечи и она нетерпеливо стряхивала их.

Девушка сидела, оперев подбородок на руки и не сводила глаз с оконного стекла, забрызганного грязью, в отчаянной надежде, что какой-нибудь луч света прорежет тяжелую мокрую ткань неба, но тщетно — последний раз сияющее голубое небо она

видела в Хэлфорде вчера, и эта хмурая погода, казалось, предвещала недоброе.

Хотя Мэри отделяло от того, что было ее домом двадцать три года, всего лишь сорок миль дороги, сердце ее ныло все сильнее, и воля, — одна из главных черт ее характера, поддерживающая девушку в течение долгого времени, весь период болезни и смерти матери, ослабла с первыми порывами ветра и каплями дождя.

Все вокруг было чужим, и это очень расстраивало Мэри. Каждый раз, когда она бросала взгляд сквозь мутное окно экипажа, она видела чужой мир, совершенно отличающийся от того, который окружал ее еще за день до путешествия. Сверкающие воды Хэлфорда, зеленые холмы и широкие долины, белые домики на берегу — все это было теперь так далеко, а может, ушло навсегда. Ушел навсегда и мягкий дождь Хэлфорда, постукивающий по листьям деревьев и скрывающийся в сочной траве, дождь, образующий ручьи и ручейки, впадающие в широкую реку, на плодородных берегах которой тут же вырастало множество цветов.

Здесь же дождь был резкий и безжалостный, он громко стучал в окна кареты и заливал эту пустынную, твердую и бесплодную землю. Деревьев почти не было, разве что одно или два, подставляющих свои голые ветви всем четырем ветрам. Они были такими черными, что, казалось, если весна когда-нибудь и придет в эти края, то почек, которые могли бы дать листья, на них все равно не будет: мороз убьет их. Живой изгороди и лугов тоже не было видно — это была земля, поросшая низким кустарником, страна камней и черного вереска.

«Наверное, здесь никогда не бывает хорошей погоды, — подумала Мэри, — или как сейчас — суровая зима, или сухая и опаляющая все на свете жара. Эти долины никогда не дадут тени, потому что трава становится желто-коричневой тотчас же, как только кончится май».

Этот край был таким же серым, как погода, и даже люди, встречающиеся на дорогах и в селениях, были такими же серыми. В Хэлстоне, где Мэри села в первый экипаж, она все еще шагала по знакомой земле — с этим городком у нее было связано множество детских воспоминаний. Каждую неделю она

ездила сюда с отцом на ярмарку; это было так давно, что воспоминание почти исчезло. Когда же отец умер, мать мужественно взялась за содержание фермы. Теперь Мэри с матерью ездила по этой дороге взад и вперед зимой и летом, возя в тележке кур, яйца и масло, со всей силой вцепившись в ручку огромной корзины и облокотив на нее свой маленький подбородок. Народ в Хэлстоне был добр и приветлив с ними, имя Йелланов здесь все знали и уважали, уважали и то мужество и усердие, с которыми вдова боролась с тяготами жизни после смерти мужа. Было не так уж много женщин, способных воспитывать ребенка и содержать ферму, даже не думая о втором замужестве. Один фермер из Мэнаккана делал ей предложение, был еще один, из Гвик-ривер, но оба они прочитали в глазах женщины, что уже никто не заменит ей того, кто умер. Работа на ферме была тяжелой, и хотя все семнадцать лет своего вдовства женщина подстегивала свою энергию, напряжение было адским, и последнего удара она не выдержала.

Скот все уменьшался в своем поголовье, каждый раз становилось труднее продать его, и как она частенько говаривала в Хэлстоне, цены все падали и денег становилось все меньше. В деревнях было то же самое, на фермах голодали. По всем деревням вокруг Хэлфорда пошел мор, которому не было ни названия, ни лечения. Это была болезнь, поразившая и разрушившая все вокруг, она пришла вместе с молодой луной, и не оставила после себя никаких следов, кроме мертвых тел. Это было тяжелое и ужасное время для Мэри Йеллан и ее матери. Каждый день они видели, как цыплята и утята один за другим становились больными и умирали, как теленок упал прямо на той лужайке, где пасся. Еще печальнее стало, когда умерла старая кобыла, которая прослужила им более двадцати лет и по чьей широкой и крепкой спине Мэри сделала свои первые шаги. Добрая и верная кобыла умерла в своей конюшне рано утром, положив голову на колени Мэри. Для нее выкопали яму под яблоневым деревом, где она и была похоронена. Никогда больше она не повезет их на ярмарку, и мать Мэри повернулась к дочери и сказала:

— Знаешь, что-то от меня ушло в могилу вместе

с беднягой Нелл. Я не знаю точно что, может, это моя вера, но так или иначе, мое сердце устало и я больше не могу.

Она зашла в дом, села на кухне, бледная, как полотно, и сразу постаревшая лет на десять. Когда Мэри спросила, не стоит ли позвать доктора, мать только пожала плечами.

— Слишком поздно, дитя,— сказала она.— Лет семнадцать, как поздно.

И она заплакала так горько, как никогда до этого не плакала.

Мэри все равно отправилась за старым доктором, который жил в Могэне и в свое время помогал ее рождению. Когда они тряслись в его старенькой повозке, доктор только качал головой.

— Я понимаю, что это такое, Мэри,— говорил он.— Твоя мать не щадила ни своего тела, ни разума с того самого времени, как умер твой отец, и теперь она сломлена. Мне это не нравится. Это очень плохо.

По извилистой дороге они подъехали к дому на краю деревни, и около ворот их встретила соседка, на лице которой были написаны дурные вести.

— Твоей матери хуже,— заплакала она.— Она стояла у дверей, потом замерла, словно увидев привидение, вся затрепетала и рухнула прямо на дорожку. Миссис Хоблин и Уилл Сирл подняли и занесли в дом бедняжку. Они говорят, что ее глаза все еще закрыты.

Доктор разогнал собравшуюся у дверей толпу любопытствующих, а затем вместе с Уиллом Сирлом перенес бедную женщину в спальню на верхнем этаже.

— Это удар,— сказал он,— но она дышит и пульс ее тверд. Я и боялся-то больше всего, что ее вот так схватит, внезапно, как сегодня. А почему это произошло именно сейчас после стольких лет, знает только Бог и она сама. Теперь ты должна доказать, что ты дочь своих родителей, Мэри, и помочь ей. Ты единственная, кто может это сделать.

Шесть месяцев Мэри ухаживала за своей матерью, но это была ее первая и последняя болезнь. Ни ее забота, ни уход доктора не могли помочь вдове, потому что она сама не хотела бороться за свою жизнь.

Казалось, что она сама желала скорее приблизить свой исход, и как-то она сказала Мэри:

— Я не хочу, чтобы ты мучилась так же, как я. Это разрушает душу и тело. Тебе нет смысла оставаться в Хэлфорде после того, как я умру. Будет лучше, если ты поедешь в Бодмин к тете Пэйшэнс.

Говорить матери, что она не умрет, было бесполезно — эта мысль прочно царила в ее мозге и побороть ее было невозможно.

— Я не хочу покидать ферму, мама, — сказала Мэри. — И я, и отец родились на ней, и ты сама тоже из Хэлфорда. Йелланы должны жить здесь. Я не боюсь оказаться в нищете — ты ведь работала в одиночку семнадцать лет, почему же я не могу сделать то же самое? Я сильная, я могу работать, как мужчина, и ты это знаешь.

— Девушке нельзя жить здесь, — ответила мать. — Все это время я работала из-за тебя и из-за твоего отца. Работа ради кого-то успокаивает и удовлетворяет женщину, но работа на себя — совсем другое дело. В ней нет сердца.

— Я не смогу жить в городе, — сказала Мэри. — Я никогда не видела ничего, кроме этой жизни у реки, да и не хочу ничего больше видеть. Для меня довольно поездки в Хэлстон. Здесь мне будет лучше, у нас осталось несколько цыплят и старая свинья, в саду есть зелень, а на реке — шлюпка. Зачем мне ехать к тете Пэйшэнс в Бодмин?

— Девушка не должна жить одна, Мэри, она или сойдет с ума, или станет злой. Одно из двух. Разве ты забыла бедняжку Сью, которая в полночь при полной луне гуляла по церковному саду и звала своего любимого, которого у нее никогда и не было? Или ту девушку, которая в шестнадцать лет осталась сиротой, та, которая сбежала в Фалмут и стала гулять с матросами? Ни я, ни отец не успокоимся в своих могилах, если ты не будешь в безопасности. Тетя Пэйшэнс тебе понравится, она любит смех и игры, и сердце у нее такое же большое, как и вся жизнь. Помнишь, она приезжала к нам двенадцать лет назад. На ее шляпке развевались ленты, а нижняя юбка была шелковой. На нее положил глаз парень из Трелоуоррена, но она посчитала, что он ей неровня.

Да, Мэри помнила тетю Пэйшэнс, ее кудрявую

челку и огромные синие глаза, помнила ее смех и болтовню, помнила, как она на цыпочках пробиравалась между грязными лужами в саду, аккуратно приподняв свою юбку.

— Что за человек твой дядя Джошуа я сказать не могу,— продолжала мать.— Я его никогда не видела и не знаю, кто он. Но после того, как Пэйшэнс вышла замуж десять лет назад, после дня святого Михаила от нее пришло письмо с такой легкомысленной чепухой, что, казалось, оно написано девчонкой, а не тридцатилетней женщиной.

— Им может показаться, что я грубая и неотесанная,— медленно произнесла Мэри.— У меня нет никаких манер, которые, наверное, они ожидают от меня, может, мы даже не сможем поговорить.

— Они будут любить тебя не за такт и манеры. Я хочу, чтобы ты обещала мне, дитя, что когда я умру, ты напишешь тете Пэйшэнс и скажешь ей, что это мое последнее, самое заветное желание. Я хочу, чтобы ты отправилась к ней.

— Я обещаю,— сказала Мэри, но на ее сердце было тяжело и горько от мыслей, что ее будущее шатко и ненадежно, все, что она знает и любит, уходит от нее, и даже эта знакомая и родная земля не сможет ей помочь, если придут плохие дни.

С каждой неделей мать слабела, жизнь в ней угасала. Она провела в постели все время урожая и время сбора фруктов, даже время падения листьев. Но когда по утрам стали идти дожди и мороз стал схватывать землю, переполненная река понесла свои пенящиеся воды в бурное море, грохочущие волны смыли маленькие пляжи Хэлфорда, вдова заворочалась в кровати, хватаясь руками за простыню, стала звать Мэри и своего умершего мужа, говорила о тех вещах, которые уже давно прошли и о тех людях, которых Мэри никогда не знала. Три дня она прожила в своем собственном маленьком мире, а на четвертый умерла.

Мэри видела, как все, что она любила, постепенно покидало ее. Скот был продан на ярмарке в Хэлстоне, мебель купили соседи, дом пожелал приобрести мужчина из Коверека. Он расхаживал по саду, держа во рту трубку и рассказывал о том, какие изменения он хочет произвести: вырубить деревья, чтобы увеличить обзор. Мэри с отвращением на-

блюдала за ним из окна и собирала в отцовский чемодан свои пожитки.

Незнакомец из Коверека вел себя так, что Мэри почувствовала себя чужой в своем доме, она видела, что он ждет не дождется, когда девушка уедет, и у нее самой не было другого желания, как поскорее убраться прочь от всего этого. Она прочитала письмо от своей тети, написанное неразборчивым почерком на плохой бумаге. Тетя писала, что поражена обрушившимся на племянницу горем, что она и не знала о болезни своей сестры. И дальше следовало:

«У нас тоже произошли перемены: в Бодмине я прожила недолго, и теперь живу в двенадцати милях от него по дороге в Лончестон. Это дикое и пустынное место, и если ты приедешь к нам, я буду рада твоей компании в это зимнее время. Я говорила с твоим дядей и он не возражал, хотя и добавил, что надеется, что ты девушка спокойная, неболтливая и будешь помогать нам. Денег он, конечно, не даст, пропитания тоже, но сказал, что работой в баре ты сможешь заработать и на еду, и на жилье. Может, ты не знаешь, что твой дядя хозяин гостиницы «Джамайка» .

Мэри положила письмо в чемодан. Довольно странное послание от такой жизнерадостной женщины, как тетя Пэйшэнс. Холодное, пустое письмо. В нем не было ни слова доброты и сочувствия, только просьба о том, чтобы племянница не просила денег. Тетя Пэйшэнс в шелковой юбке и с изящной походкой — жена хозяина гостиницы! Мэри решила, что ее мать кое-чего не знала. Это письмо сильно отличалось от того, которое пришло десять лет назад.

Впрочем, Мэри дала слово, и переступить через него не могла. Дом был продан, и больше здесь ей делать было нечего. Как бы то ни было, тетя была сестрой матери, и это надо было помнить. Старая жизнь кончилась — родная ферма и сияющие воды Хэлфорда остались позади. Впереди было ее будущее — гостиница «Джамайка».

Мэри Йеллан направлялась к северу от Хэлстона, через городок Труро в скрипящей раскачивающейся карете по дороге к Фалмуту. В городке были широ-

кие мощенные булыжником улицы, высоко вверх устремлялись шпили домов, небо было синим и все еще говорило о юге, стоящие в дверях люди улыбались и махали руками, приветствуя дребезжащий экипаж. Но когда Труро остался позади, небо потемнело, а земля со всех сторон стала грубой и не-возделанной. В появляющихся тут и там деревнях в дверях все так же стояли люди, но улыбались они уже меньше. Деревьев почти не было, а живая изгородь исчезла совсем. Потом подул ветер, а вместе с ним появился и дождь. Когда карета въехала в подобный окружающим его холмам серый и непри-ветливый Бодмин, пассажиры один за другим разоб-рали свой багаж, а Мэри осталась в своем углу. В окно заглянул кучер с мокрым от дождя лицом.

— А вы едете в Лончестон?— спросил он.— Ночью ехать по болотам тяжеловато. Вы можете остаться в Бодмине, а карета пойдет утром, тем более, что никто, кроме вас, не едет.

— Я не боюсь дороги и меня ждут друзья,— сказала Мэри.— Да и вообще я еду не так уж далеко. Мне надо добраться всего-навсего до гостиницы «Джамайка».

Мужчина озадаченно взглянул на девушку.

— Гостиница «Джамайка»?— переспросил он.— А что вам делать в гостинице «Джамайка»? Для де-вушки это совсем неподходящее место, наверное, вы ошиблись,— он не сводил с Мэри глаз, все еще не веря услышанному.

— Да, я знаю, что там довольно одиноко,— ска-зала девушка,— но все равно я не хочу жить в горо-де. Всю свою жизнь я провела в Хэлфорд-ривер и никогда не чувствовала себя одиноко.

— Я ни слова не сказал об одиночестве,— произ-нес мужчина.— Может, вы не поняли, потому что приезжая. Здесь по болотам более двадцати миль, и вообще-то женщину одно это должно насторо-жить. Подождите минуту.

И он позвал стоявшую в дверях постоялого двора женщину с зажженной лампой в руках.

— Миссис,— сказал он,— взгляните на эту де-вушку. Я думал, что она едет в Лончестон, а она просит отвезти ее в «Джамайку».

Женщина спустилась вниз и уставилась на ку-чера.

— Там дикое и опасное место, — наконец сказала она. — И если вы собираетесь там работать, то вы не найдете там ферм. Там, в болотах, не любят чужих. Лучше оставайтесь здесь, в Бодмине.

— Все равно, — улыбнулась Мэри. — Я еду к родственниками. Мой дядя — хозяин гостиницы «Джамайка».

Наступила долгая пауза. Мэри могла увидеть в сером свете фонаря, что кучер и женщина внимательно смотрят на нее, и внезапно девушка почувствовала легкую дрожь. Ей захотелось что-то противопоставить женщине, что-то ей сказать, но что именно — она не знала. Наконец женщина отступила назад и тихо сказала:

— Простите, конечно, это не мое дело. Спокойной ночи.

Кучер присвистнул и покраснел, как человек, попавший в неловкое положение. Мэри бессознательно рванулась вперед и дотронулась до его руки.

— Скажите пожалуйста, что вы имеете в виду? Чем вам не нравится мой дядя? В чем дело?

Мужчина был явно не в своей тарелке. Он отвел глаза и произнес внезапно севшим голосом:

— «Джамайка» имеет плохую репутацию. Ходят разные странные рассказы, но лично я не хочу неприятностей. Возможно, все это неправда.

— Что за рассказы? — не унималась Мэри. — Что, там слишком много пьют? Или мой дядя по-такает какой-то дурной компании?

Кучер явно не хотел касаться этой темы.

— Я не хочу неприятностей, — повторил он. — Я ничего не знаю кроме того, что говорят люди, а уважаемые люди больше не останавливаются в «Джамайке». Это все, что я знаю. Раньше мы поили там лошадей, кормили их, да и сами выпивали и перекусывали, но теперь мы там не останавливаемся. Мы хлещем лошадей до тех пор, пока не доедем до Файт-Лэйнс.

— А почему люди не едут туда? В чем дело? — допытывалась Мэри.

Кучер явно не знал, что ответить, казалось, что он подыскивает нужные слова.

— Они боятся, — наконец вымолвил он и встряхнул головой, ничего не желая больше говорить. Возможно, он чувствовал, что ведет себя грубовато,

поэтому через минуту он снова заглянул в окно и произнес:

— Может, выпьете кружку чая до того, как мы поедем? Ехать долго, а в болотах довольно холодно.

Мэри отрицательно покачала головой. Есть ей не хотелось, и хотя чай согрел бы ее, девушка не желала идти на постоянный двор вместе с кучером, где хозяйка смотрела бы на нее во все глаза, а посетители бы перешептывались. Кроме этого, внутри нее кто-то осторожно шептал: «Оставайся в Бодмине, оставайся в Бодмине», и она чувствовала, что могла бы не устоять и действительно остаться. Но так как Мэри дала матери слово, что отправится к тете Пэйшэнс, она не могла нарушить свою клятву.

— Тогда лучше поедем сейчас, — сказал кучер. — Сегодня вы единственный пассажир, так что возьмите еще один плед и оберните колени. Я буду гнать до тех пор, пока не вскарабкаюсь на холм за Бодмином, чтобы ночь не застала нас в дороге. Теперь я не успокоюсь до тех пор, пока не лягу в свою постель в Лончестоне, мало кому нравится пересекать зимние болота в такую грязь.

Он закрыл дверцу и забрался на свои козлы.

Через минуту экипаж уже громыхал по улицам, проезжая мимо солидных и уютных домов, кругом замелькали огни и торопящиеся к ужину люди, кланяющиеся дождю и ветру. Сквозь забрызганные грязью окна Мэри видела уютные отблески светильников, горящий в камине огонь, за накрытыми чистыми скатертями столами сидели женщины и дети, а мужчины грели руки у горячих каминных решеток. Она подумала, что та улыбающаяся селянка, которая была ее попутчицей, наверное, сейчас вот так же сидела за столом со своими детьми. Как приятно она выглядела — ярко-красные щеки, крепкие натруженные руки, а бархатный голос, который просто вливал в тебя спокойствие!.. Мэри даже успела сочинить целую историю о том, как она могла бы выйти с этой женщиной из кареты и составить ей компанию, и попросить ее взять к себе домой. Конечно же, отказать она не могла, и в ее доме всегда была бы протянута ей дружеская рука, и постлана постель, и они бы всегда улыбались друг другу. Мэри помогала бы этой женщине, любила бы

ее, познакомилась бы с ее семьей и разделила бы с ней горе и радость.

А сейчас лошади карабкались по крутому холму за городом, и когда Мэри оглянулась назад, она увидела, как один за другим исчезают огни Бодмина. Сначала они помигивали, потом замерцали, и, наконец, совсем исчезли. Теперь она была совершенно одна среди пустынных болот, и до конечной точки ее путешествия оставалось долгих двенадцать миль.

Мэри подумала о том, что и корабль больше всего ощущает безопасность своей гавани, когда покидает ее. Но, наверное, корабль все же менее одинок, чем она, даже если вокруг него шумит ветер и волны лижут его палубу.

В салоне кареты было совсем темно, фонарь мог дать только слабый бледно-желтый свет, сквозняк, пробирающийся из трещины в крыше постоянно колыхал пламя и делал его то больше, то меньше. Язычок пламени иногда находился в такой близости от кожаной обшивки, что Мэри решила погасить фонарь. Она еле-еле удерживалась в своем углу, потому что карету кидало из стороны в сторону, и пустой салон еще более подчеркивал ее зловещее одиночество. Целый день в экипаже, целый день раскачиваться, словно в колыбели, постоянный скрип и стон колес... Ветер просто срывал крышу, и становился все более свирепым. Ничто не могло среди этих холмов укрыть от хлещущего по окнам с всевозрастающей злобой ливня. Со всех сторон дороги тянулось бесконечное пустое пространство, не было видно ни домиков в деревушках, ни деревьев — миля за милей темные и бесконечные мрачные болота, эта доходящая до горизонта пустыня. «Наверное, мало кто сможет жить здесь,— подумала Мэри.— Наверное, дети здесь такие же низенькие, как этот черный кустарник, сгибающийся от ветра, который никогда не прекращается и дует сразу с севера и юга, с востока и запада. Наверное, их мысли так же изогнуты, а может, и злы, потому что они обитают между разрушающимися гранитными камнями, иссохшим вереском и болотами. Должно быть, здесь жили странные люди, они спали на этой земле под этим черным небом. Кажется, что это Дьявол оставил их здесь».

Путешественница продолжала ехать по изви-

стой дороге, по темной и безмолвной земле, и ни одного огонька надежды не встречалось ей. Может, на много миль между Бодмином и Лончестоном нет никакого жилища, даже бедной хибарки пастуха не встретится на этой безумно пустынной дороге, нет ничего, кроме странного места, означенного гостиницей «Джамайка».

Мэри уже не понимала, где она находится, сколько времени едет, может, пройдено уже сто миль, может, уже глубокая полночь. Хотя с самого утра девушка знала, что рано или поздно ей придется покинуть экипаж, делать этого именно сейчас не хотелось: карета была хоть каким-то подобием безопасности. Хотя эта вечная поездка и была кошмаром, но все же здесь ее защищали стены, старая протекающая крыша и даже присутствие кучера. Казалось, что он погоняет лошадей с еще большей яростью, чем раньше, девушка слышала, как он покрикивает на них, его голос доносился до нее с порывами ветра.

Мэри отодвинула защелку, опустила окно и выглянула наружу. На мгновение дождь и ветер ослепили ее и разметали волосы во все стороны, но когда она убрала с глаз пряди, то увидела, что карета несется с холма яростным галопом, и со всех сторон были видны только темно-чернильные болота.

Но нет, чуть впереди слева показалось какое-то строение, была видна его высокая труба, из которой шел слабый дымок. Других домов рядом с ним не было. По-видимому, это и была «Джамайка», гордо и уверенно стоявшая на семи ветрах. Мэри застегнула пряжку на плаще, и в это время лошади остановились, и их окутали клубы пара.

Кучер слез с козел и помог Мэри вынести ее чемодан. Было видно, что он встревожен, потому что несколько раз опасливо покосился на дом.

— Вам сюда, — сказал он. — Вон туда, через сад. Постучите в дверь, и они вас впустят, а я должен ехать, чтобы побыстрее добраться до Лончестона.

Через минуту он уже натягивал вожжи, сидя на своих козлах, затем прикрикнул на лошадей и экипаж загромыхал прочь. Через мгновение он исчез, проглоченный темнотой, как будто его и не было.

Мэри осталась одна, и у ее ног стоял чемодан. Было слышно, как отпираются запоры, и дверь рас-

пахнулась. В дверях выросла огромная фигура, в руке которой раскачивался фонарь.

— Кто здесь?— слышался грубый мужской голос.— Что вам надо?

Мэри сделала шаг вперед.

В глаза ей ударил луч света, и она ничего не могла видеть. Мужчина приблизил фонарь к ее лицу и внезапно расхохотался, затем взял девушку под локоть и грубовато втолкнул ее в прихожую.

— А, так это ты!— произнес он.— Приехала к нам после всего этого, да? Я твой дядя Джосс Мерлин, и я приветствую тебя в гостинице «Джамайка».

Все еще хохоча, он завел Мэри в дом, поставил фонарь на стол в прихожей и закрыл дверь. Затем он повернулся, и они внимательно посмотрели друг на друга.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Джосс Мерлин оказался огромным мужчиной почти семи футов роста со смуглой, как у цыгана, кожей, густыми бровями и падающими на глаза и полностью закрывающими уши черными волосами. Мэри показалось, что перед ней стоит громадный медведь с человеческими руками, достигающими колен и заканчивающимися огромными кулаками размером примерно с ее голову. Торс Джосса был настолько велик, что потонувшая меж плеч голова казалась малюсенькой. Создавалось впечатление (и этому немало способствовала его густая черная растительность, покрывающая голову и тело), что дядя Джосс весьма и весьма похож на гигантскую гориллу. Однако в чертах его лица не было ничего обезьяньего: крючковатый нос, почти совершенный рот (хотя и несколько искривленный), а темно-серые глаза, если не обращать внимания на окружающие их морщинки и опухшие мешковатые нижние веки, казались просто божественно красивыми.

Зубы у дяди Джосса тоже были в порядке, прямые, белые, просто великолепные; однако, когда улыбка появлялась на его загорелом лице, рот его напоминал оскалившуюся пасть голодного волка. Такое сочетание можно с трудом представить на лице

любого другого человека, но Джосс Мерлин был явно не простым человеческим экземпляром.

— Итак, ты и есть та самая Мэри Йеллан,— произнес после паузы дядя Джосс, наклоняясь к девушке и тщательно изучая ее лицо,— которая проделала такой изнурительный путь, чтобы взглянуть на своего любимого дядю Джосса... Что ж, это очень любезно с твоей стороны,— и он снова захохотал, словно приглашая присоединиться к его смеху, который гулким эхом разнесся по всему дому и стеганул по натянутым нервам Мэри.

— Скажите, а где тетя Пэйшэнс?— спросила девушка, стараясь что-нибудь разглядеть в тускло освещенном коридоре, холодном и неприветливом, мощенном каменными плитами и увенчивающемся шаткой узенькой лестницей.— Разве она не ждет меня?

— «Где тетя Пэйшэнс, где тетя Пэйшэнс»,— передразнил ее мужчина.— Действительно, где же это твоя дорогая тетушка, почему это она не обнимет и не поцелует свою ненаглядную племянницу? Что, не можешь уделить несколько секунд своему дяде? Почему бы тебе для начала не чмокнуть его в обе щеки?

Мэри испуганно попятилась назад, ошеломленная сказанным. Дядя Джосс наверняка спятил, был пьян, а возможно, что и оказался и сумасшедшим и алкоголиком одновременно. Она даже не смогла рассердиться: так она была напугана.

Дядя Джосс довольный оглядел сконфуженную Мэри и в очередной раз расхохотался во весь голос.

— Да не бойся,— сказал он, отсмеявшись,— во-первых, я вовсе не собираюсь даже прикасаться к тебе. В этом доме ты в такой же безопасности, как и в церкви. Во-вторых, мне никогда не нравились темноволосые, а в-третьих, у меня есть дела поважнее, чем игры в кошки-мышки со своей племянницей.

Джосс все еще презрительно посмеивался, никак не нарадуясь своему остроумию, но вскоре задрал голову и проорал:

— Пэйшэнс! Что ты там, черт тебя задери, делаешь? Твоя девочка давным-давно приехала и рыдает, оттого что до сих пор не увидела тебя! Она уже вымокла насквозь!

Откуда-то сверху послышались шаркающие шаги, показалось пламя свечи, а затем раздались приглушенные восклицания. По узкой лестнице спускалась прикрывающая глаза рукой женщина. В неясном свете свечи тем не менее можно было заметить, что ее спутанные редкие седые волосы прикрывал темный неряшливый капор; концы волос, по-видимому, она хотела накрутить, но завивка уже не держалась на этих жидких лохмах. Лицо женщины казалось стертым, а кожа на скулах туго натянутой, большие внимательные глаза мерцали тусклым пламенем, а выражение лица было таким, словно женщина пыталась задать какой-то очень важный вопрос, но никак не решалась и только нервно пожевывала губами, то сжимая, то снова расслабляя их. Одета женщина была в выцветшую юбку, когда-то, видимо, вишневую, а теперь, после многократных стирок превратившуюся в темно-розовую, плечи ее покрывала перештопанная шаль, а чтобы хоть как-нибудь приукрасить свое платье, она вдела в капор новую ленту, что только лишь подчеркнуло общую картину ее печального состояния: ярко-алая лента фальшиво блестела и страшно контрастировала с изнуренным и бледным лицом. Мэри в ужасе смотрела на женщину: неужели это оборванное и несчастное создание и есть тетя Пэйшэнс ее воспоминаний?

Маленькая женщина наконец-то спустилась со ступеней, вошла в прихожую, взяла Мэри за руку и вгляделась в ее лицо.

— Это ты?— прошептала она.— Ты... моя племянница Мэри Йеллан, дитя моей несчастной умершей сестры?

Мэри кивнула, в глубине души благодарная Богу за то, что он не допустил того, чтобы ее мать увидела свою сестру в таком прискорбном виде.

— Дорогая тетя Пэйшэнс,— мягко произнесла девушка,— я так рада снова увидеть вас. Прошло уже так много времени с тех пор, как мы в последний раз виделись с вами у нас в Хэлфорде.

Женщина крепко держала Мэри за руку и вдруг внезапно уткнулась ей головой в плечо и громко и отчаянно разрыдалась, разрыдалась с такой силой, что все ее маленькое тело вздрагивало от резких судорог.

— Пэйшэнс, сейчас же прекрати эту чертовщину,—прорычал дядя Джосс.— Это что за встреча! Ты что, не видишь, что девочка проголодалась? Давай-давай, проклятая дура, беги на кухню и принеси ей бекона и вина,— он подхватил чемодан Мэри, будто пустую бумажную коробку, и продолжил:— Я отнесу ее багаж в комнату наверху, а если к моему возвращению ужина на столе не окажется... ты долго тогда будешь вспоминать этот вечер. А может, и ты тоже,— добавил он, повернувшись к Мэри и внезапно схватив ее за щеку огромными пальцами.— Ты как, приручена или кусаешься?—и Джосс хохоча загрохотал наверх по узкой лестнице, унося чемодан.

Тетя Пэйшэнс через силу улыбнулась, отбросила со лба назад прядь волос (этот жест тут же слабым огоньком вспыхнул в памяти Мэри) и, нервно помигивая и сжимая губы, направилась по другому коридору, не менее мрачному, чем все остальные, на кухню, где от тлеющего в очаге торфа зажгла три свечи.

— Ты не должна бояться своего дядю,— произнесла она странным, почти раболепным тоном. Наверное, так бы заговорила собака, которую постоянными побоями приучают к послушанию и которая несмотря на все пинки и ругань будет биться за своего хозяина не на жизнь, а на смерть.— У него сложный характер, и многие этого не понимают, а вообще он большой шутник и очень хороший муж. Ты можешь мне поверить.

Тетя Пэйшэнс сновала по кухне взад и вперед, накрывая на стол, доставая хлеб и сыр и протирая большие кружки, и механически тараторила, а Мэри в три погибели согнулась у огня, безнадежно пытаясь согреть застывшие пальцы.

Кухня насквозь пропиталась гарью, на потолке и в углах виднелась копоть, и висящий в воздухе сизым облаком дым резал Мэри глаза, щекотал ноздри и горчил на языке.

— Я уверена, что дядя Джосс тебе понравится, как только ты к нему привыкнешь,— продолжала тем временем маленькая женщина,— он очень добрый и смелый человек, у него огромный авторитет, и все в округе его уважают. Никто не сможет и слова сказать против Джосса Мерлина! Здесь не всегда так тихо, как сегодня, ты ведь знаешь, это очень

оживленная дорога, каждый день по ней проезжают кареты и у нас частенько собираются приказчики, кучера и даже дворяне, да, даже дворяне. Только вчера нас посещал один из соседей, я угощала его пирожными, да. «Миссис Мерлин,— говорил он,— вы единственная женщина в Корнуэлле, которая печет такие пирожные». Это его собственные слова. Даже сам сквайр, сквайр Бассет, ну, с Северного холма, владелец всех этих земель, проезжал недавно мимо, да, во вторник. Он даже снял шляпу и сказал: «Доброе утро, мадам»,— и поклонился мне. Говорят, что в молодости все женщины округи сходили по нему с ума. Вот, а в это время Джосс подошел с конюшни, он там чинил колесо на повозке. «Как жизнь, мистер Бассет?»— спросил он. «Да так же, как и у тебя, Джосс»,— ответил сквайр, и они оба расхохотались.

Мэри в ответ на эту небольшую речь пробормотала что-то невнятное, потому что ей показалось странным, что тетя Пэйшэнс не смотрела ей в глаза, и ее слова казались пустыми и лживыми. Словно ребенок, который рассказывает свои сказки и старается всех убедить в их правдоподобии, маленькая женщина и сама, кажется, не верила своим словам. Мэри раздумывала, подыгрывать ли ей тете или продолжать хранить молчание, потому что эта речь была еще более ужасна, чем недавние слезы.

Вдалеке послышались шаги, и сердце Мэри сжалось, потому что она догадалась, что это возвращается Джосс Мерлин, который мог услышать последние слова его жены.

Тетя Пэйшэнс тоже услышала приближающегося мужа, побледнела и сжала губы. Джосс вошел в комнату и тяжелым взглядом обвел присутствующих.

— Что раскудахтались, курицы?— прорычал он и расхохотался так, что его глаза сузились.— Стоит только вам начать болтать, как вы тотчас же забываете о слезах, да? Слышал я вас, болтливые дуры, гугль-гугль, чисто индюшки. Ты думаешь, Пэйшэнс, твоя племянница поверит хоть одному твоему слову?

Джосс взял стоявший у стены стул, с грохотом поставил его у стола и тяжело уселся на него, так что стул заскрипел под ним, взял каравай хлеба

и отрезал себе огромный ломоть. Затем он запихнул хлеб себе в рот и довольный кивнул Мэри:

— Ты тоже хочешь есть? Понятно,— сказал он, аккуратно отрезал от каравая тоненький кусочек, разрезал его на четыре части и намазал маслом, а потом очень деликатно подал девушке. С теми манерами, которые он продемонстрировал раньше, все это находилось в таком разительном контрасте, что Мэри просто удивилась, как это огромное животное могло обладать такими человеческими проявлениями. Даже огромные пальцы Джосса превратились в эту минуту в вежливых и проворных слуг и вовсе не напоминали те узловатые корневища, которыми они были некоторое время назад. Если бы дядя вместо этого отломил бы громадный кусок и швырнул бы его Мэри, то в этом случае она бы не удивилась: все это было в гармонии с виденным ею раньше. Но эта неожиданная грация, быстрые и изысканные движения рук показались довольно зловещим знаком. Зловещим именно потому, что были неожиданными, странными и абсолютно не подходящими к этому человеку.

Мэри тихо поблагодарила дядю и принялась за еду. Тетя Пэйшэнс, не издавая с того момента, как ее муж вошел в комнату, ни звука, жарила на огне бекон. Все молчали: Мэри чувствовала, что дядя Джосс наблюдает за ней и слышала, как сзади нее тетя пытается аккуратно взять сковороду за горячую ручку, но уже через секунду послышались причитания и раздался грохот. Мэри вскочила со своего места, чтобы помочь женщине, но Джосс остановил ее резким окриком.

— И одна дура справится, нечего другой совать-ся,— прокричал он.— Сядь на место, твоя тетя и сама прекрасно справится. Это уже не впервой,— он тяжело откинулся на спинку стула и принялсяковыряться ногтем в зубах.— Выпьешь? Бренди, вино, эль. В гостинице «Джамайка» можно голодать, но от жажды никогда не умрешь. Здесь не приживаются кислые глотки,— Джосс снова расхохотался, подмигнул девушке и прищелкнул языком.

— Я бы выпила чашку чая. Если можно,— тихо произнесла Мэри.— Ни вина, ни пива я не пью.

— А, не пьешь... Ну, это твоя проблема. Сейчас

ты можешь пить чай, но, клянусь небом, через месяц-другой ты сама запросишь бренди.

Джосс наклонился вперед и взял Мэри за руку.

— Для девушки, работающей на ферме, рука довольно нежная, — произнес он. — А я так боялся, что она будет красной и грубой. Мои мужики очень бы расстроились, если бы им наливала эль именно такая рука. Конечно, мои посетители не красавцы и не чистюли, но все же в «Джамайке» никогда раньше не было барменши, — Джосс низко поклонился и отпустил руку Мэри.

— Пэйшэнс, дорогая, — проорал он, — возьми ключ, иди и принеси мне бутылку бренди. Ради Создателя, я так хочу пить, что, кажется, все воды Дозмари не утолят мою жажду!

Тетя Пэйшэнс безмолвно исчезла в коридоре. Джосс некоторое время насвистывал сквозь сжатые зубы, а Мэри ела хлеб с сыром и пила чай. Голова ее раскалывалась от боли, глаза слезились от гари, но она не хотела, чтобы дядя увидел, что она ослабела. Она очень не хотела походить на тетю Пэйшэнс, хотя в глубине души ей и казалось, что сейчас они напоминают попавших в угол мышей, а дядя Джосс — играющего с ними огромного чудовищного кота.

Через несколько минут тетя Пэйшэнс вернулась, неся бутылку бренди, которую поставила перед своим мужем. Джосс тут же наполнил стакан и потягивал огненную жидкость, глядя довольно перед собой и постукивая ногой по столу. Пэйшэнс дожарила бекон и разложила его по тарелкам, и в ту же секунду Джосс так сильно ударил по столу кулаком, что тарелки и чашки вздрогнули, а одно блюдечко упало на пол и разбилось.

— Вот что я скажу тебе, Мэри Йеллан! — заорал он. — В этом доме хозяин я, и я хочу, чтобы ты это знала! Ты будешь выполнять все, что тебе прикажут, будешь помогать Пэйшэнс в работе по дому и будешь обслуживать посетителей. Я тебя и пальцем не трону. Но клянусь Богом, если ты когда-нибудь откроешь свой рот и что-нибудь ляпнешь, я переломаю тебе все кости, как вот твоей тете.

Мэри подняла глаза. Она была рада, что ее руки лежали на коленях, и дядя не мог увидеть, как они задрожали.

— Я поняла вас, — произнесла она. — Я любопытна и неболтлива. Мне все равно, чем вы здесь занимаетесь и кто приходит в гостиницу. Я буду выполнять всю работу по дому, и вы не останетесь мной недовольны. Но если вы только дотронетесь до тети Пэйшэнс, я тут же уйду прочь, найду окружного судью и приведу сюда. Потом, если вам будет угодно, вы сможете избить меня.

Сказав все это, Мэри очень побледнела. Она вдруг почувствовала, что если Джосс снова накричит на нее, она не выдержит и расплачется, что будет означать: она навсегда оказалась под властью этого мрачно-жизнерадостного чудовища. Весь поток слов вырвался из нее против ее воли, просто потому, что ей стало безумно жаль свою несчастную истерзанную тетю. Но, как оказалось, эта демонстрация силы духа спасла ее: дядя Джосс откинулся на спинку стула и расслабился.

— Отлично, — ухмыльнулся он. — Правда, отлично. Теперь я знаю, что за постоялец появился у нас: если ее оцарапать, она тоже покажет когти. Отлично, моя дорогая — ты оказалась тем самым, что я про тебя и подумал с самого начала, и если мы и будем играть, то только вместе. У меня есть для тебя работа, и я ручаюсь, что ничем подобным ты раньше не занималась. Это мужская работа, Мэри Йеллан, и весьма напоминает игру. Правда, игру между жизнью и смертью.

Мэри показалось, что она услышала, как тетя Пэйшэнс тихонько вздохнула.

— О, Джосс, — прошептала женщина, — я прошу тебя!

В голосе Пэйшэнс послышался такой нескрываемый ужас, что Мэри оглянулась и заметила, что ее тетя просит знаком мужа помолчать и ее глаза наполнены таким ужасом, что девушка в первый раз за весь вечер почувствовала холодную и безотчетную дрожь во всем теле — это был настоящий мистический ужас, который тотчас же передался и ей. Почему тетя Пэйшэнс так испугалась? Что за тайный смысл заключался в словах дяди Джосса? Мэри ощутила странное и лихорадочное любопытство, а дядя Джосс устало махнул рукой в сторону жены.

— Иди спать, Пэйшэнс, — сказал он. — Я до смер-

ти устал от тебя. Эта девочка и я, мы понимаем друг друга.

Женщина поднялась со своего стула и безропотно направилась к двери, безнадежно и отчаянно глядя на мужа. Через мгновение шорох ее шагов затих.

Джосс Мерлин и Мэри остались одни.

Мужчина отодвинул стакан в сторону и скрестил руки на груди.

— У меня есть одна слабость,— после некоторой паузы вымолвил он.— И тебе я расскажу о ней. Я пью. Сильно пью. Я знаю, это мое проклятие. Дело в том, что я не могу остановиться, и когда-нибудь бренди меня прикончит, прикончит меня и весь мой бизнес. Придет день, и я не смогу выпить ни капли, но пока я могу пить часами, сутками, неделями. Для меня это все — и сила, и слава, и женщины, и все Царствие Небесное, все это объединяется во мне, и я чувствую себя королем, Мэри! Весь мир принадлежит мне, это и ад, и рай! И тогда я начинаю говорить, говорить, до тех пор, пока вся моя подноготная не оказывается выболтанной. Черт возьми! Тогда я запираюсь в своей комнате и кричу в свою подушку. Моя подушка знает очень много тайн... Твоя тетя запирает меня на ключ, а когда я прихожу в себя, то тарабаню в дверь, и она меня выпускает. Про это не знает никто в мире, кроме нас двоих, да вот теперь еще и ты. Я рассказываю все это потому, что уже немного готов и не могу придержать язык. Но я еще не настолько пьян, чтобы совсем потерять голову, я не совсем пьян, чтобы рассказать тебе, почему я живу в этом Богом забытом уголке, почему я владею этой гостиницей,—голос Джосса, и без того хриплый, сейчас превратился в настоящий шепот. Пламя в очаге почти погасло, и по стенам потянулись длинные темные тени. Свечи тоже постепенно погасли, и чудовищная тень Джосса Мерлина легла на потолок, а хозяин тени пьяно улыбался и покачивал указательным пальцем перед своим носом.

— Нет, Мэри Йеллан, я не скажу тебе этого, нет, я еще соображаю! Хотя, если ты хочешь узнать побольше, ты можешь спросить свою тетю, и она все тебе расскажет. Я слышал тот вздор, который она несла тебе, о сквайре, который снимает перед ней

шляпу!.. Это ложь, это все ложь. Я скажу тебе, да ты все равно это узнаешь, сквайр Бассет слишком напуган, чтобы совать сюда свой нос. Когда он видит меня на дороге, он так прищипоривает лошадь, что только его и видели. То же самое можно сказать и о этих местных дворянчиках. Здесь никто не останавливается, ни кареты, ни почта. Ну а мне все равно, у меня и так навалом посетителей, и то, что дворянчики держатся от меня подальше, мне только на пользу. О, здесь пьют, здесь много пьют, пьют те, кто приходят в гостиницу «Джамайка» в субботнюю ночь, и тогда вся округа закрывает двери на ключ и затыкает пальцами уши. В такие ночи все дома на болотах темны и молчаливы, и только в моей гостинице сверкают огни, и эти горящие окна видны на много миль вокруг. Песни и крики слышны далеко за Рафтором, на самых дальних фермах. В одну из таких ночей ты будешь стоять за стойкой бара и сама увидишь, какая здесь собирается компания. Я думаю, она тебе понравится.

Мэри сидела не шелохнувшись во время всего монолога дяди, сидела, накрепко вцепившись в ручки стула. Она не могла сдвинуться с места от страха, целиком овладевшего ею, когда она услышала этот хриплый голос, вырывающийся из грубой глотки и звучащий так доверительно.

— Они все боятся меня,— продолжал дядя Джосс,— все, черт их подери, боятся так, как не боятся никого на свете. Эх, Мэри, если бы у меня было образование, если бы я учился, я не имел бы никого, равного себе во всей Англии, исключая, разве, короля Георга. А этот бренди разрушает меня, бренди и моя горячая кровь. Это наше общее проклятие, Мэри, никто из Мерлинов еще не умер спокойно в своей постеле.

Моего отца повесили в Экзетере — он поссорился с одним парнем и убил его. У моего деда за воровство отрубили уши, его осудили и сослали, и он умер в тропиках, сойдя с ума от укуса местной змеи. Я старший из братьев, и мы все трое родились около этих болот, под тенью Килмара, вон там, рядом с болотом Двенадцати. Если ты доберешься до Рашифорда через Восточные болота, то увидишь огромную гранитную скалу, похожую на указующий в небо перст дьявола. Это Килмар. Если бы ты родилась

под его тенью, то тоже бы пила, как и я. Мой брат Мэттью утонул в трясине Треуорта. Мы думали, что он сбежал из дома и стал моряком, поэтому-то от него и нет известий, а летом случилась засуха, дождя не было семь месяцев. Тогда-то мы и нашли Мэттью торчащего в болоте с поднятыми над головой руками, а вокруг него летали вальдшнепы.

Мой брат Джем, черт его подери, был еще малышом и цеплялся за юбку матери, когда я и Мэтт стали взрослыми мужиками, а теперь я бы не хотел встретиться с ним с глазу на глаз: слишком уж он жесток и слишком остер у него язык. Когда-нибудь его все-таки поймают и повесят, как и моего отца...

Дядя Джосс уставился в пустой стакан и умолк, словно пытаюсь что-то вспомнить.

— Нет,— сказал он,— довольно, больше сегодня я ничего не скажу. Иди спать, Мэри, пока я не свернул тебе шею. Возьми свечу. Твоя комната сразу над верандой.

Мэри без лишних слов взяла подсвечник и почти уже прошла мимо дяди, когда он внезапно схватил девушку за плечо и развернул к себе.

— В одну из ночей ты можешь услышать скрип колес на дороге,— прохрипел Джосс,— и эти колеса не проедут мимо, а остановятся во дворе гостиницы. Ты услышишь шаги и голоса, но ты останешься в своей постели и накроешь голову одеялом. Ты поняла меня, Мэри Йеллан?

— Да, дядя.

— Очень хорошо. А теперь иди, и если ты задашь мне хоть один вопрос, я переломлю тебе все кости до единой.

Мэри вышла в темный коридор и пошла в свою комнату, то и дело натыкаясь на домашнюю утварь и раздумывая, куда же ей повернуть дальше. Дядя сказал, что ее комната находится над верандой, и она проскользнула в очередной неосвещенный коридор, в котором находились двери — наверное, гостевые комнаты, ожидающие своих постояльцев, которые никогда сюда не приедут, и наконец остановилась у последней двери, повернула ручку и в мерцающем пламени свечи увидела свой чемодан. Значит, вот ее комната.

Не очень веселое зрелище представляло собой это помещение: стены обшарпанные и лишенные

обоев, некрашенные голые половицы, служащий туалетным столиком перевернутый ящик, на котором красовалось треснувшее зеркало. Оглядев комнату, Мэри не заметила ни тазика, ни кувшина: по-видимому, придется умываться на кухне. Девушка присела на скрипящую кровать и почувствовала, что тоненькие одеяла на ней совершенно сырые. Мэри решила не раздеваться и лечь спать в своем запыленном дорожном платье, завернувшись в плащ. Она подошла к окну и выглянула наружу. Ветер утих, но дождь все еще шел — с крыши стекали тонкие струйки, размазывающие по оконному стеклу грязь.

Вдруг откуда-то издали послышался странный звук, похожий на стон раненого животного. Хотя на дворе было очень темно, Мэри все же смогла заметить раскачивающуюся вдаль темную фигуру. В одну секунду в мозгу девушки вспыхнула кошмарная картина: она вспомнила о том, что ей рассказывал дядя Джосс и представила, что это виселица, на которой висит человек, и только через некоторое время догадалась, что это вывеска гостиницы или что-то вроде этого, запущенная вывеска, которая сорвалась с гвоздей и теперь раскачивалась взад и вперед от малейшего ветерка. Просто старая разбитая доска, которая, видимо, знала лучшие дни, и чьи белые буквы теперь потускнели и посерели, и чье название принадлежало теперь только лишь семи ветрам. Мэри опустила штору и легла на кровать. Зубы ее стучали от холода, руки и ноги онемели. Прошло всего несколько минут, и она вскочила, полная отчаяния. Ею овладело безумное желание выйти из дома и отправиться через долгих двенадцать миль в Бодмин. Если бы только она не была такой усталой!.. Если бы утомление так не мучало ее, Мэри ушла бы отсюда, но она подумала, что могла бы просто-напросто уснуть на дороге, и тогда, проснувшись от утреннего света, она снова увидела бы возвышающегося над ней огромного Джосса Мерлина.

Мэри закрыла глаза и снова представила его искаженное лицо, искаженное тысячью морщин, черную шевелюру, крючковатый нос и длинные сильные пальцы, держащие ее мертвой хваткой.

Она почувствовала, что похожа на схваченную

в гнезде птицу, но она не птица, и ей надо бороться. Если быть свободной — это сейчас главное, то надо бежать прямо сейчас, выбраться через окно и, как сумасшедшей, нестись по этой белой дороге, которая как змея тянется через болота. Завтра может быть уже слишком поздно.

Вдруг Мэри услышала тяжелые шаги в коридоре, тихое бормотание дяди и в ужасе замерла. Только когда она поняла, что Джосс повернул в другой коридор слева от лестницы, она с облегчением вздохнула. Да, ждать нечего. Если она еще на одну ночь останется здесь, ее нервы не выдержат и она будет покорена. Покорена, сломлена и безумна, как тетя Пэйшэнс. Мэри тихо открыла дверь, на цыпочках прокралась к лестнице, замерла и прислушалась. Ее рука уже коснулась перил, а нога нащупала первую ступеньку, когда из другого конца коридора послышался тихий плач. Чье-то судорожное дыхание прерывалось рыданиями, заглушаемыми подушкой. Тетя Пэйшэнс.

Мэри некоторое время постояла, слушая эти звуки, а затем вернулась в комнату, бросилась на кровать и закрыла глаза. Какой бы ни была ее судьба, как бы она ни была напугана, сегодня из гостиницы «Джамайка» она не уйдет. Наверное, именно тетя Пэйшэнс постаралась украсить ее комнату. Мэри должна поговорить с ней и встать между ней и ее мужем. Да и, честно говоря, на сегодня она слишком устала. Семнадцать лет ее мать жила и работала одна, и ей было гораздо труднее, чем Мэри могла бы себе представить. Зачем ей бежать от этого полубезумного человека? Сейчас ей уже не был так страшен этот задымленный злом дом, одиноко стоящий на обдуваемом ветрами холме. У матери Мэри хватило силы духа и смелости бороться с невзгодами и побеждать их, хватит их и у нее. Другого пути у нее нет.

Мэри помолилась перед сном и легла на свою твердую кровать. Все звуки, начиная от царапанья мышей в углу и кончая скрипом вывески во дворе, кололи ее нервы раскаленным железом, и Мэри считала минуты и часы этой бесконечной ночи, и только когда первый петух закукарекал где-то неподалеку, девушка вздохнула и заснула мертвым сном.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сильный порыв ветра ворвался в комнату и разбудил Мэри. Девушка потянулась, подошла к окну и по цвету неба и чахлому и влажному виду солнца поняла, что проспала она довольно много и что сейчас уже гораздо больше восьми часов. Дверь в конюшню была открыта, а на грязной земле виднелись отпечатки копыт. Сердце Мэри наполнилось радостным чувством — она догадалась, что хозяин гостиницы уехал из дома, и какое-то время они проведут с тетей Пэйшэнс вдвоем.

Девушка торопливо распаковала свой чемодан, достала из него теплую юбку и цветной фартук, затем тяжелые башмаки, те самые, что она носила на ферме, и через десять минут уже умывалась на кухне над раковиной.

Скоро появилась тетя Пэйшэнс: она вернулась из курятника, неся в фартуке несколько свежих яиц, и с таинственной улыбкой принялась их готовить.

— Я думаю, этот завтрак тебе понравится, — произнесла тетя. — Я вчера заметила, что ты слишком устала, чтобы нормально поесть, и решила приберечь тебе сливки для хлеба.

При свете утра тетя Пэйшэнс выглядела абсолютно нормально, несмотря на то, что ее глаза окружали темные ободки, свидетельствующие о бессонной ночи. Очевидно, тетя приложила немало усилий, чтобы выглядеть такой спокойной, и Мэри решила, что именно присутствие мужа делает ее похожей на испуганное дитя. Ведь когда он ушел, даже такая мелочь, как приготовление завтрака для Мэри, привела ее в столь хорошее настроение.

Обе женщины избегали разговора о вчерашней ночи, и имя Джосса не упоминалось. Куда он уехал и по какому делу, Мэри не интересовало — она просто была рада тому, что он уехал. Она заметила, что тетя Пэйшэнс оживленно говорила о различных пустяках, избегая разговора о ее теперешней жизни: казалось, что она боится вопросов, и Мэри щадила ее, рассказывая о последних новостях Хэлфорда, о полосе неудач, посетивших их, о болезни матери и о ее смерти.

Слушала ли ее тетя Пэйшэнс, сказать было трудно — во всяком случае, время от времени она качала

головой и сжимала губы, что-то тихонько лопотала, но казалось, что годы страха и тревоги отучили ее сосредотачиваться и какой-то скрытый ужас мешал ей заинтересоваться разговором.

Утром в гостинице занимались обычными домашними делами, и Мэри смогла изучить помещение более тщательно.

Гостиница «Джамайка» представляла из себя мрачное, построенное без особого плана строение, основой которого являлись длинные коридоры и встречающиеся то тут, то там комнаты. Отдельный вход со двора вел в бар, и хотя сейчас этот зал был пуст, в атмосфере таилось что-то тяжелое, напоминающее о том, что не так давно она была заполнена: в воздухе витал устоявшийся запах табачной гари, кислый вкус выпивки и мерзкий аромат невымытых тел.

Но ко всем этим запахам прибавлялось ощущение того, что это единственная комната в гостинице, где теплится жизнь. Мрака и уныния в ней не было и в помине. Все остальные помещения казались запущенными и пустыми, даже гостиная возле входа с веранды оказалась нежилой, хотя всего несколько месяцев назад честные путники переступали ее порог и грелись у жаркого каминного пламени. Гостевые же комнаты оказались в еще более худшем положении. В одной из них Мэри обнаружила различный хлам, старые коробки и попоны, которые долго грызли полчища крыс и мышей. В комнате напротив на сломанной кровати находился разложенный картофель и турнепс.

Мэри подумала, что, видимо, и ее комната была точь-в-точь в таком же состоянии, и что только заботами ее тети она приобрела хоть какое-то подобие жилого помещения. Следом по коридору шли комнаты дяди и тети, и в них Мэри не зашла. Внизу в сторону кухни вел еще один коридор, и в его конце девушка обнаружила комнату, запертую на ключ, и хотя Мэри даже вышла во двор, чтобы заглянуть в окно снаружи, она ничего не увидела: ставни оказались заколочены гвоздями.

Дом и двор представляли из себя три стороны маленького квадрата, а дальше находился сад, в центре которого можно было увидеть поросшую травой насыпь и поилку для скота. Дальше виднелась тонкая

белая лента дороги, которая доходила до горизонта и со всех сторон была окружена коричнево-бурыми и сырыми от тысяч дождей болотами. Как Мэри не вглядывалась, ничего, кроме черных холмов да болот, на много миль вперед не было видно. Необитаемая и внушающая страх серая гостиница являлась единственным жилым местом: к западу от «Джамайки» возвышались высокие и гладкие, как зеркало, скалы, и желтая трава сверкала там под слабыми лучами зимнего солнца, а окружающие их холмы выглядели зловещими и мрачными, их вершины были украшены огромными гранитными глыбами. Вновь и вновь солнце скрывалось за тучами, и через болота летели длинные напоминающие пальцы тени. Цвета на холмах располагались пятнами: где-то они были фиолетовыми, чернильными или пестрыми, но когда бледные лучи солнца прорывались сквозь низкие тучи несмотря на то, что все холмы все еще были погружены во мрак, один из них мог оказаться уже ярко-золотистым. В отличие от неподвижных и пустынных болот эти картинки менялись каждую минуту, а когда на холмы прилетел северный ветер, то рваные облака, похожие на плащ разбойника с большой дороги, разбросали по гранитным скалам град и снег. Воздух оказался необычайно чистым, свежим и холодным, и Мэри, которая привыкла к теплоте и мягкому климату Хэлфорда, где высокие деревья и густые живые изгороди закрывают дома от порывов ветра, это показалось сказочно странным. В Хэлфорде и ветер не такой суровый, к тому же речной мыс защищал деревню от его порывов, и о том, что поднялся ветер, можно было догадаться уже только по реке: она тут же становилась бурной, мутной и пенящейся.

Все же несмотря на суровость и строгость этой страны, на эту черную неводеланную землю, где посреди холмов на всех четырех ветрах одиноко стояла гостиница «Джамайка», этот воздух будил в Мэри жажду приключений, колот и румянил ее щеки, зажигал в ее глазах огонь, обдувал ее лицо и играл с волосами. И глубокий вдох этого пьянящего воздуха привел Мэри в такое восторженное состояние, ее ноздри и легкие затрепетали с такой силой, что она почувствовала: ее жажда утолена лучше, чем от хорошего глотка сидра. Девушка по-

дошла к поилке и опустила в чистую и ледяную воду руки, а затем немного отпила. И вода здесь была совсем непохожей на ту, что она пробовала раньше — странная и горькая, с устоявшимся привкусом торфа, напоминающим о кухонном очаге.

Пить теперь Мэри не хотелось совершенно, ей было хорошо и спокойно.

Тело девушки наполнилось такой силой, что она почувствовала несказанный аппетит. Мэри вернулась в дом, чтобы найти тетю Пэйшэнс и сообщить ей, что неплохо было бы пообедать. В первый раз за последние двадцать четыре часа ей захотелось есть, и когда Мэри увидела стоявшую перед ней тарелку с тушеной бараниной и турнепсом, она поняла, что вместе с аппетитом к ней вернулась и смелость, и она может рискнуть кое о чем спросить свою тетю.

— Тетя Пэйшэнс, — начала она, — скажите, а почему дядя Джосс стал хозяином гостиницы «Джамайка»?

Этот вопрос поверг бедную женщину в такое изумление, что она некоторое время не мигая смотрела на свою племянницу и не могла вымолвить ни слова.

— Ну... как же, — наконец, запинаясь, произнесла она, — это же очень выгодное место... Рядом дорога, ты же сама понимаешь, что это основной путь с юга... Дважды в неделю по ней едут кареты из Труро и Бодмина туда, в Лончестон... Да ты и сама только вчера приехала с одной из таких карет. По этой дороге всегда едут люди, частные лица, путешественники, моряки из Фалмута...

— Да, тетя Пэйшэнс, это все так. Но почему они не останавливаются в гостинице «Джамайка»?

— Они останавливаются! Они просят выпить, у нас здесь вечно много посетителей...

— Зачем вы говорите мне все это, ведь гостиница пуста, а в гостевых комнатах свален мусор, годный только для крыс и мышей? Я же видела все это. Я бывала в других гостиницах, гораздо меньших, чем эта, и ужасных, и респектабельных, даже у нас в деревне была такая гостиница, и ее хозяина знали все. Мать и я много раз пили у него в гостинной чай, и хотя наверху было только две комнаты, они всегда могли принять путешественников.

Тетя Пэйшэнс немного помолчала, сжала губы и нервно потерла пальцами колени.

— Твой дядя не поощряет посетителей, — сказала она после паузы. — Он говорит, что никогда не знаешь, кто поселится. В таком пустынном месте, как у нас, можно оказаться убитыми в собственных постелях — столько сброда бродит здесь по дорогам, что никогда не чувствуешь себя в безопасности.

— Тетя Пэйшэнс, простите, но вы говорите глупости. Кому нужна гостиница, в которой нельзя провести ночь? Для каких же тогда целей она построена? И на какие средства вы живете, если у вас нет посетителей?

— У нас есть посетители, — упрямо повторила женщина, — я уже говорила тебе это. К нам приходят жители окрестных ферм. По этим болотам на много миль вокруг разбросаны фермы, и с них приходят люди. Есть вечера, в которые бар переполнен.

— Кучер кареты, в которой я вчера приехала, сказал мне, что честные люди больше не останавливаются в «Джамайке». Он сказал, что они чем-то напуганы.

Тетя Пэйшэнс побледнела, и ее глаза забегали. Она тяжело сглотнула комок в горле и облизала внезапно пересохшие губы.

— У твоего дяди Джосса сложный характер, — сказала она. — Ты сама видела это. Он легко выходит из себя, постоянно ссорится...

— Тетя Пэйшэнс, зачем кому-то ссориться с хозяином гостиницы, который занят честным трудом? У человека может быть дурной характер, это все так, но не этим же все люди в округе смертельно запуганы? Так что же?

Тетя Пэйшэнс молчала, ее силы иссякли и она упрямо молчала, как старый мул, не желающий идти. Мэри попробовала еще раз разговорить ее:

— Почему вы переехали сюда? Моя мать ничего не знала о вашем переезде, мы думали, что вы живете в Бодмине, вы сами писали ей оттуда вскоре после свадьбы.

— Я встретила твоего дядю в Бодмине, но мы никогда не жили там, — медленно ответила тетя Пэйшэнс. — Мы жили рядом с Пэдстоу, а затем переехали сюда. Джосс купил гостиницу у сквайра Бассета, она долго стояла пустой, и Джосс решил, что она

ему подходит. Он хотел обосноваться здесь. Понимаешь, в свое время Джосс много путешествовал, был в больших странах, чем я могу вспомнить имен, я знаю, что он добрался даже до Америки...

— Странно, что он остановился в таком безлюдном месте,— сказала Мэри.— Неужели у него не было выбора?

— Здесь рядом находится его старый дом. Он родился здесь, недалеко от болота Двенадцати, а теперь в этом доме живет его брат Джем, конечно, когда не мотается по окрестностям. Иногда он и сюда заходит, но Джосс не очень его жалует.

— А сквайр Бассет заходит в гостинцу?

— Нет.

— Почему же, если он сам продал ее дяде?

Тетя Пэйшэнс нервно сжала руки и закусила губу.

— Это недоразумение,— ответила она.— Твой дядя уплатил деньги не сам, а через друга, так что мистер Бассет и не знал, что Джосс — хозяин гостиницы, пока он сам не появился здесь. Сквайру это не очень понравилось.

— Почему?

— Он помнит Джосса с тех времен, когда тот жил в Треуорта и обладал не очень лестной репутацией. Это его ошибка, Мэри, и его несчастье. Мерлины издавна пользовались дурной славой. Младший брат Джосса Джем еще хуже, чем твой дядя, а мистер Бассет выслушал о Джоссе море лжи после того, как продал ему гостиницу «Джамайка». Вот и все.

Пэйшэнс откинулась на спинку стула, устав от длительного разговора, и Мэри, поймав ее взгляд, увидела в нем такую мольбу, такую просьбу больше не мучить ее, лицо женщины стало таким бледным и печальным, но остановиться Мэри не могла, хотя и сама удивилась своей жестокости.

— Тетя Пэйшэнс,— сказала она,— я хочу, чтобы вы мне ответили еще на один вопрос, и больше я вас не беспокою. Что это за запертая комната в конце коридора, и что это за повозки останавливаются ночью у гостиницы «Джамайка»?

Мэри не успела договорить, как уже пожалела о том, что задала этот вопрос. Слишком необдуман-

но, в азарте любопытства она задала его, но было уже поздно и катастрофа произошла.

По лицу тети пробежала черная волна ужаса, и огромные глубокие глаза уставились на девушку в неподдельном страхе. Рот Пэйшэнс задрожал, а рука судорожно потянулась к горлу. Все в ней говорило о том, что она смертельно испугалась.

Мэри соскочила со своего стула и бросилась к тете, порывисто обняла ее и стала целовать ее волосы.

— Простите, — повторяла девушка, — ради Бога, не сердитесь на меня: я дерзкая и грубая девчонка. Это все не мое дело, у меня нет никакого права допрашивать вас, и мне очень стыдно. Пожалуйста, забудьте обо всем, что я говорила.

Пэйшэнс сидела без движения, с лицом, не выражающим никаких эмоций, словно не замечая свою племянницу. Несколько минут прошли в молчании, только Мэри нежно гладила тетю по плечам и целовала ее руки.

Наконец тетя Пэйшэнс открыла лицо и взглянула на Мэри. Страх в ее глазах исчез и уступил место спокойствию. Женщина взяла девушку за руку и заглянула ей в глаза.

— Мэри, — сказала она печально и тихо, почти шепотом, — Мэри, я не могу ответить на твои вопросы, потому что и сама не знаю, как на них ответить. Но ты моя племянница, дочь моей покойной сестры, и я кое о чем тебя должна предупредить.

Она опасливо оглянулась, словно боясь, что в те же двери притаился сам Джосс Мерлин.

— Здесь, в гостинице «Джамайка», происходит много такого, Мэри, о чем я никогда не осмелюсь рассказать. Здесь творятся дурные дела, Мэри. Злые дела. Я никогда не скажу тебе об этом, может, ты сама обо всем узнаешь, не избежешь этого. Дядя Джосс встречается со странными людьми, они ведут подозрительную торговлю. Иногда они приезжают ночью, и из твоего окна над верандой ты сможешь услышать легкий шум: голоса, шаги и стук дверей. Твой дядя поведет их по коридору к запертой двери, они зайдут туда, и тогда из своей спальни наверху я слышу голоса. Они долго о чем-то разговаривают. Потом они уходят, и от них не остается и следа.

Когда они придут, не говори ни о чем ни со мной,

ни с дядей Джоссом. Ложись в свою постель и закрой уши пальцами. Никогда и ничего не спрашивай об этом ни у меня, ни у него, ни у кого, ибо если ты узнаешь хоть половину того, что знаю я, твои волосы так же поседеют, как и мои, Мэри, ты так же будешь вздрагивать, пытаешься заговорить, и плакать по ночам, и вся твоя молодость, Мэри, умрет так же, как умерла моя.

Тетя Пэйшэнс встала из-за стола и отодвинула стул, и Мэри услышала, как она поднимается наверх тяжелой неуверенной походкой, как где-то в глубине коридора захлопнулась ее дверь, и в доме стало тихо.

Мэри опустилась на пол возле пустого стула, и сквозь окно кухни увидела, что солнце исчезло за дальним холмом, и как и раньше, за много часов до этой минуты серый и зловещий ноябрьский мрак объел гостиницу «Джамайка».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Джосс Мерлин отсутствовал дома около недели, и все это время Мэри занималась изучением окрестностей.

В баре ей делать было нечего. Хозяина дома не было, следовательно, в баре никто и не появлялся, так что после того, как Мэри помогала тете в домашних делах на кухне и во дворе, она становилась свободной и могла гулять, где хотела. Пэйшэнс Мерлин гулять не любила, она не имела никакого желания покидать свой двор, и самое дальнее, куда она уходила, был курятник. Названий окрестных скал она не знала, хотя много слышала о них от своего мужа, но на этом все и заканчивалось. Поэтому Мэри, освободившись в полдень от работы, ничего не боясь и не опасаясь, шла по направлению к солнцу.

Болота оказались еще более необитаемыми, чем она предположила сначала, они простирались с запада на восток, подобно огромной пустыне, пересекаемой там и сям тропинками и ограниченной гигантскими холмами.

Где находилась их действительная граница, Мэри сказать не могла, хотя, забравшись на самую высо-

кую скалу у «Джамайки», на западе она увидела серебряное поблескивание моря. Эта страна была молчаливой и пустынной, огромной и нетронутой человеческой рукой, и ломаные глыбы гранита на вершине скал все еще находились в тех же странных положениях, в которые их установила рука Господа.

Отдельные глыбы напоминали гигантскую мебель, какие-то чудовищные стулья и причудливые столы, другие походили на самих гигантов, раскинувшихся на вереске и грубой траве.

Некоторые продолговатые камни балансировали на одной из своих граней, и зрелище это было довольно занимательным: как долго еще они будут сопротивляться ветру? Какие-то камни были плоскими и гладкими и походили на алтарь, глядящий в небо и ожидающий жертвы, которой никогда и не будет. По скалам прыгали дикие бараны, вороны садились на куски гранита: эти холмы являлись приютом для многих тварей божиих.

Внизу, по болотам, бегали черные лошадки, их осторожные ноги выбирали твердые участки земли и инстинкт подсказывал им, что травянистых кочек надо избегать: это вовсе не земля, а влажная, вздыхающая и шепчущая трясина. Когда ветер попадал в расщелины холмов, то раздавался печальный свист, и холмы словно вздрагивали от боли.

Этот странный ветер дул ниоткуда: он появлялся на поверхности травы и колыхал ее, вздыхал в маленьких лужицах дождя, оставшихся на камнях, тогда по лужицам шла рябь. Иногда ветер кричал и плакал, и этот плач эхом разносился по расщелинам и со стоном исчезал. Тишина в скалах принадлежала другому веку: этот век исчез, словно его никогда и не было, век, когда человек еще не существовал, но по холмам уже шагали друиды. Воздух был чист и спокоен, и этот странный старый мир не был миром Бога, нет, не был.

Мэри Йеллан гуляла по болотам, карабкалась по скалам и отдыхала в глубоких расщелинах рядом с родниками и ручейками и все это время думала о том, что в этих краях и прошло детство Джосса Мерлина, здесь он вырос, и весь цвет его юности сдул северный ветер.

Однажды девушка шла по Восточному болоту в направлении, которое ей указал в первый вечер

дядя. Когда Мэри потеряла все ориентиры и остановилась у подножия холма, со всех сторон окруженная тусклыми болотами, она увидела, что есть лишь один путь: через коварную и глубокую трясины, по которой протекал ручеек. Возвышаясь над трясиной с другой стороны и указывая огромным пальцем в небо, громадная скала, подобная расколотой до основания руке, походила на скульптуру, начатую каким-то безвестным мастером, да так и не законченную.

Это — скала Килмар.

Здесь, среди огромных скал, которые скрывают солнце, и родился Джосс Мерлин, здесь и живет его брат, а в нижних болотах утонул средний брат, Мэттью.

Мэри представила себе, как он, насвистывая песенку и слушая журчание ручейка, спускается с соседнего холма, как спускался столько дней до этого. Но вот он оступился и чуть отошел от привычной тропинки. Наверное, он на секунду застыл и тихо выругался, затем пожал плечами и сделал еще один шаг. Уверенность вернулась к нему, следующие несколько шагов пройдены, и оказывается, что земля под ногами проседает... Мэтт спотыкается и падает, внезапно оказывается по колено в липкой грязи, пытается схватиться за стебли травы, но под его тяжестью они обрываются. Мэтт пробует пошевелить ногой, но ноги не слушаются его, он еще раз рвется вверх всем телом и почти высвобождается, но это обман, он проваливается еще глубже, беспомощно барахтается, хватается руками за что попало.

Мэри так явственно услышала его последний вопль ужаса, над болотом, печально посвистывая и хлопая крыльями, пролетел вальдшнеп, и когда он скрылся за холмом, болото вновь стало спокойным, только трава шелестела.

Мэри повернулась спиной к Килмару и осторожно побежала через болота, оступаясь на камнях и спотыкаясь о стебли вереска, но не останавливаясь до тех пор, пока трясины не скрылись за холмами, а скала Килмар совсем не исчезла. Она, по-видимому, забрела дальше, чем предполагала, и путь домой оказался долгим. Казалось, вечность прошла, прежде чем она покорила последний холм, и наконец,

над извилистой дорогой показались высокие трубы гостиницы «Джамайка». Когда Мэри подошла утомленная и грустная к дому, она с опустившимся сердцем увидела, что дверь в конюшню открыта и пони находится внутри.

Возвратился Джосс Мэрлин.

Девушка постаралась открыть дверь по возможности тише, но старая дверь протестующе скрипнула, и этот звук прорезал тишину коридора. Через минуту появился хозяин гостиницы, огромный, чуть не касающийся головой потолка, с закатанными у рубашки рукавами и со стаканом в руке. Кажется, он находился в хорошем расположении духа, потому что помахал Мэри стаканом и шумно поприветствовал ее:

— Ну что, наконец-то мы все вместе! Как, рады видеть меня? Надеюсь, что да. Не очень без меня скучали?

Мэри попыталась улыбнуться и вежливо спросила, хорошо ли дядя провел время.

— Чертовски хорошо! — прогрохотал Джосс. — Я заработал деньги — а это все, что мне нужно. А во дворце короля я не обедал, если ты это имеешь в виду! — и он захохотал во все горло.

За плечом Джосса глупо улыбалась тетя Пэйшэнс.

Когда Джосс отсмеялся, улыбка на лице женщины тоже угасла, и все та же испуганная маска снова заняла свое место, вернулся все тот же почти идиотский взгляд, который всегда появлялся на ее лице, когда рядом с Пэйшэнс находился ее муж.

Мэри поняла, что та искра свободы, которой ее тетя наслаждалась прошедшую неделю, погасла, и Пэйшэнс стала все тем же нервным и разбитым созданием, что и раньше.

Девушка уже собралась подняться к себе к комнате, когда Джосс позвал ее.

— Эй, — крикнул он. — Сегодня вечером ты не ускользнешь от работы! В баре ее предостаточно! Сегодня ты будешь трудиться бок о бок со своим дядюшкой! Ты что, забыла, какой сегодня день недели?

Мэри задумалась: она совсем потеряла счет времени. Если она приехала в понедельник, то сегодня... Сегодня суббота, и впереди субботняя ночь.

Теперь она поняла, что имел в виду Джосс Мерлин. Сегодня в гостинице «Джамайка» должны появиться посетители.

Они приходили по одному, эти люди с болот, тихо и быстро пересекали двор, как будто не хотели, чтобы их видели. Казалось, что они растворялись в тусклом свете и выглядели мелькающими тенями, проникающими под укрытие веранды. Они стучались в дверь бара и тут же исчезали за ней, некоторые несли фонари, неровное пламя которых беспокоило их, и они закрывались от света своими плащами. Один или два въехали во двор на пони, чьи копыта звонко застучали по камням, очень звонко в этой ночной тишине. Они проследовали в открытую дверь конюшни, оттуда приглушенно доносились голоса хозяев, ставящих в стойло своих лошадей. Другие появлялись еще более скрытно, и в их руках не было ни факелов, ни фонарей, они пересекали двор в низко надвинутых на глаза шляпах и с поднятыми воротниками, очень стараясь, чтобы ни одно лишнее движение не выдало их. Если эти люди были путниками, то причина такой скрытности была просто непонятна.

Окна гостиницы «Джамайка» сверкали приветливыми огнями, и с каждым часом шум голосов все усиливался и усиливался в ночном воздухе. Отовсюду доносились крики, песни и раскаты смеха, свидетельствующие о том, что гости, которые появлялись так таинственно, как будто чего-то опасаясь, оставили свой страх за порогом дома. Теперь вся компания веселилась в баре, дружно зажигая трубки и наполняя стаканы.

Очень странные люди собрались в эту ночь в баре Джосса Мерлина. Спрятавшаяся за стойкой и надежно скрытая барьером бутылок от зала, Мэри оставалась незамеченной и внимательно наблюдала за происходившим.

Веселая разношерстная толпа расположилась на стульях и табуретах, посетители растянулись на скамьях, облакачивались на стены, склонялись над столами, пара мужчин, чьи головы и желудки оказались слабее, чем у остальных, во весь рост вытянулись на полу.

Большей частью эти люди были грязны и оборванные, со спутанными волосами и сломанными ногтями; бродяги, браконьеры, воры, конокрады и цыгане. Здесь присутствовали: фермер, продавший свою ферму после того, как совсем запустил на ней дела и она пришла в упадок: пастух, поджегший хозяйские стога; торговец лошадьми, мошенник, которого выгнали в шею из Девоншира. Один парень подрабатывал разносом мелких товаров в Лончестоне, а под этой маркой приторговывал краденым; тот, кто в стельку пьяным валялся на полу, в свое время был помощником капитана в Пэдстоу: он посадил свою шхуну на мель; коротышка в дальнем углу, кусающий ногти, был рыбаком из Порт-Айзека (ходили слухи, что он хранил золото в трубе своего дома, но откуда оно у него взялось, никто не знал). Некоторые посетители пришли с болот, и они за свою жизнь не видели ничего, кроме болот, гранита и скал: один пришел с Тысячи болот, что за Рафтором, другой — из Уизеринга: он сидел, уткнувшись в кружку с элем, а его ноги находились рядом с бедным полуненормальным пареньком, приковылявшим из Дозмари. Все лицо несчастного идиота было покрыто огромным фиолетовым родимым пятном, и он меланхолично выдергивал из щек волоски, так что когда Мэри, стоявшая совсем рядом за стойкой, увидела эту картину, она почувствовала просто физическую тошноту — и так ее уже начинало мутить от всего этого зрелища, тяжелой вони, смешавшей в себе запахи табака, кислого пива и немытых тел. К ее большой радости, в зале ей работать не пришлось, и все ее обязанности заключались в мытье стаканов и их наполнении из бутылок или бочек. Посетителей обслуживал сам Джосс Мерлин, который иногда выходил в зал, хлопнув рукой по стойке. В зале он чувствовал себя как рыба в воде: с одним пересмеивался, другому бросал грубоватую шутку, кого-то похлопывал по плечу, а с кем-то и раскланивался.

Первые вспышки веселья и любопытно-нескромные взгляды, хихиканья и подмигивания давно прошли, и компания перестала замечать Мэри. Все уже были в курсе, что она племянница хозяина, и хотя несколько молодых людей и делали попытки поговорить с девушкой, они при этом осторожно коси-

лись на Джосса, опасаясь, что это может рассердить его. Они думали, что хозяин наверняка привел эту красотку в гостиницу для собственного удовольствия. Мэри, конечно, об этом не догадывалась, хотя если бы она узнала причину этой странной сдержанности, то тотчас бы выскочила из бара от стыда и негодования.

Тетя Пэйшэнс не появлялась в течение всего вечера, хотя Мэри как-то раз показалось, что она увидела мелькнувшую за дверьми тень, услышала торопливые шаги и даже заметила испуганный взгляд, устремленный на нее из щели между створками. Вечер казался бесконечным, и Мэри мечтала о той минуте, когда она сможет отдохнуть. Воздух стал таким тяжелым от дыма и смрадного дыхания, что зала почти не было видно, и Мэри почудилось, что фигуры людей становятся расплывчатыми и бесформенными, их рты и глаза увеличивались все больше и больше, так что еле умещались на их лицах, и все чаще посетители бара падали на скамьи или на пол, подобно мертвецам.

Те, кто еще в состоянии были передвигаться, собрались вокруг мерзкого типа из Редрута, который распевал похабную песенку. Этот тип мотался по всей округе, подрабатывал и лудильщиком, и сапожником и знал множество гнусных песенок, которые он собирал по недрам трущоб, откуда он и произрос, и сейчас он потчевал ими собравшуюся в гостинице компанию.

Сопровождавший его возгласы смех чуть не срывал крышу, а увенчивал этот гогот рев самого хозяина. Мэри показалось, что этот смех просто ужасен: в нем не было и грамма веселья, а по темным каменным коридорам и пустым комнатам эхо разносило лишь мучительные судороги.

Сапожник же теперь дразнил несчастного идиота из Дозмари, который, совсем обезумев от выпивки, соскочил со стула и, потеряв над собой контроль, стоял на полу на четвереньках и раскачивался из стороны в сторону, как животное. Сапожник поднял дурачка на ноги и продолжал петь свою мерзкую песенку, обращая ее слова прямо к пьяному паренку, и тот, возбужденный смехом окружающей его толпы и их хлопками, принялся танцевать впри-

сядку, повизгивая и пощипывая сломанными ногтями свое родимое пятно.

Больше Мэри вынести это не смогла и дотронулась до плеча дяди Джосса. Тот повернулся, и девушка увидела, что его лицо покрыто крупными каплями пота.

— Я больше не могу оставаться здесь, — произнесла девушка. — Обслуживайте своих друзей сами, а я уйду наверх, в свою комнату.

Дядя Джосс обтер взмокший лоб рукавом рубахи и уставился на Мэри. Странно, ведь он выпил за этот вечер совсем чуть-чуть и был трезв, тем более он верховодил всей этой пьяной компанией, и казалось, полностью контролировал себя.

— Тебе довольно, да? — спросил он. — Ты слишком нежна для этой компании, да? Вот что я скажу тебе, Мэри. Сегодня ты работала за стойкой, а теперь можешь встать на колени и поблагодарить Бога за то, что ты моя племянница, а именно по этой причине никто не дотронулся до тебя. Так что, моя дорогая, если ты лишишься этой привилегии, то, Господи Боже, от тебя останется только кучка костей, — Джосс захохотал и ущипнул девушку за щеку. — Ладно, можешь проваливать. Дело близится к полуночи, и больше ты мне не нужна. Закрой дверь покрепче, Мэри, и опусти шторы. Твоя тетя уже добрый час лежит в своей постели с одеялом на голове.

Дядя Джосс понизил голос до шепота, и вдруг внезапно схватил Мэри за запястье и стал заворачивать ее руку за спину до тех пор, пока та не вскрикнула от боли.

— Ладно, — хрипло произнес Джосс, — ты получила представление о боли, и знаешь, что тебя ожидает. Держи рот закрытым, и будешь жить, как у Христа за пазухой. В гостинице «Джамайка» не любят любопытных, еще раз напоминаю тебе об этом.

Мужчина внимательно и мрачно смотрел на Мэри, как будто пытаясь прочесть ее мысли.

— Нет, ты не такая дура, как твоя тетушка. У тебя умное обезьянье личико и острый обезьяний ум, к тому же тебя нелегко напугать. Но я еще раз повторяю, Мэри Йеллан, если ты пойдешь по неверному пути, я переломаю тебе все кости. А теперь

иди спать. Больше сегодня ночью тебе нечего делать.

Джосс отвернулся и стал аккуратно собирать со столов и стойки стаканы и кружки. Казалось, что промелькнувшее в глазах Мэри упрямство разозлило его, и все его хорошее настроение улетучилось в одну секунду. Внезапно Джосс отшвырнул в сторону стакан и заорал во всю глотку:

— Сдерните с этого чертова идиота одежду и выбросьте его прочь в чем мать родила! Может, эта ноябрьская ночь остудит эту фиолетовую рожу и вылечит его собачьи повадки! К черту его из «Джамайки»!

Сапожник и окружающая его свора дико заорали, тут же повалили безумца навзничь, сорвали с него рубаху и штаны, а тот только размахивал беспомощно во все стороны руками и блеял, как овца.

Мэри стремглав выскочила из бара, захлопнула за собой дверь и, заткнув руками уши, стала подниматься по шаткой лестнице наверх, стараясь не слышать взрывов смеха и диких возгласов, доносящихся снизу сквозь щели в половицах.

Когда она вошла в комнату, то тут же рухнула на свою постель, так плохо ей было. Теперь дикие вопли раздавались со двора, а по стенам комнаты пробегали полосы света от качающегося фонаря. Девушка вскочила и опустила штору, но при этом успела заметить мечущуюся по двору огромными прыжками дрожащую обнаженную фигуру, преследуемую толпой вопящих и улюлюкающих мужчин, во главе которой можно было видеть гигантскую фигуру Джосса Мерлина, размахивающего над головой длинным кнутом.

И тогда Мэри поступила именно так, как ей приказал дядя. Она торопливо разделась и скользнула в постель, укрылась с головой одеялом и закрыла уши пальцами — ее единственным желанием было не слышать этих ужасных воплей, доносящихся снизу. Но даже закрыв глаза и плотно прижав к лицу подушку, Мэри видела перед собой багровое лицо несчастного идиота, с визгом убегающего от своих мучителей, и слышала эхо его воплей.

Долгое время Мэри пролежала в полубеспамятстве, граничащем со сном, и события прошедшего дня перемешались в ее голове. Перед ее глазами

плясали лица незнакомых людей, иногда ей чудилось, что она идет по болотам, и над окрестными холмами возвышается зловещая тень Килмара, а потом по ее постели пробежал луч лунного света и где-то недалеко загрохотали ставни. Снова где-то послышался шум приглушенных голосов, по дороге проскакала лошадь, прогрохотали колеса повозки, и вновь все стихло. Хотя Мэри и казалось, что она уже уснула, внезапно какой-то легкий щелчок вернул ее в прежнее состояние бодрствования, и она села на кровать, подставив лицо под луч лунного света.

Мэри прислушалась, но ничего не могла услышать, кроме стука собственного сердца. Однако через несколько секунд откуда-то снизу послышался странный звук. Кто-то перетаскивал по каменным плитам коридора тяжелые вещи и складывал их у стены.

Девушка выбралась из постели, подошла к окну и осторожно отодвинула штору. Во дворе выстроились пять повозок, три из которых были покрыты какой-то тканью. В каждую повозку впряжены по две лошади, от которых шел пар. Одна повозка стояла прямо рядом с верандой.

Мэри смогла заметить, что многие из тех, кого она видела раньше в баре, сейчас находятся во дворе: разносчик из Лончестона, он стоял прямо под окном Мэри и о чем-то болтал с торговцем лошадьми: сапожник, который издевался над дурачком, сейчас залазил в одну из открытых телег, после чего стал разгружать ее; моряк из Пэдстоу похлопывал одну из лошадей по шее, но многие из появившихся во дворе людей были совершенно незнакомы Мэри. Их лица хорошо освещались лунным светом, и Мэри увидела, как один из незнакомцев указал на небо и покачал головой, другой пожал плечами, а третий, явно старший из них, нетерпеливо махнул рукой, словно стараясь их поторопить, и все они проследовали в гостиницу. Снизу снова послышался звук передвигаемого груза, и с того места, где находилась Мэри, без труда прослеживалось направление, в котором его перетаскивали. Его несли в ту самую комнату, которая находилась в конце коридора, и где были закрыты окна и заперта дверь.

«Значит, груз привозился на повозках, — стала

лихорадочно соображать Мэри, — потом его сгружали в гостинице «Джамайка» и хранили в запертой комнате. Если от лошадей шел пар, значит, они прошли значительное расстояние, а может, шли с побережья».

Девушка снова выглянула в окно: после того, как повозки разгружались, они быстро и тихо исчезали в ночи, словно их и не было.

Люди во дворе работали быстро и споро, и Мэри смогла заметить, что содержимое одной повозки не перенесли в гостиницу, а положили в стоящую во дворе деревенскую телегу. Груз был упакован по-разному: и в большие мешки и в маленькие, иногда что-то было просто завернуто в солому или в бумагу. Когда эта телега наполнилась, то незнакомый Мэри кучер вскарабкался на козлы, стегнул лошадей, и повозка умчалась прочь.

Оставшиеся повозки также разгружались быстро, аккуратно и в полнейшей тишине: их содержимое так же распределялось по пустым телегам или заносилось в гостиницу. Странно, те самые люди, которые только что орали во весь голос, сейчас выглядели тихими и трезвыми, и даже лошади, казалось, понимали, что надо молчать, и стояли без малейшего движения.

На веранде появился Джосс Мерлин, а рядом с ним — сапожник. Оба они были без шляп и курток, несмотря на холод ночи, и более того — рукава их рубаш были закатаны по локоть.

— Это все? — тихо спросил хозяин гостиницы, и в ответ на это кучер последней повозки кивнул. Оставшиеся во дворе забрались в повозку, чтобы проехать милю-другую до дому. Они уезжали, явно вознагражденные за свои труды: каждый из грузчиков держал в руках или коробку, или сверток, а разносчик из Лончестона не только нагрузил своего пони огромной седельной сумкой, но и сам стал гораздо шире и толще, чем тогда, когда он приехал в гостиницу.

Скрипящие повозки и телеги в странной процессии, весьма напоминающей похоронную, отправились из гостиницы, их еще долго можно было видеть в лунном свете, но потом одни повернули на север, другие на юг, на дорогу, и еще через некоторое время они исчезли. Во дворе остались только са-

пожник, какой-то мужчина, которого Мэри раньше не видела, и сам хозяин гостиницы.

Они повернулись и вошли в дом, и двор опустел совершенно. По звуку шагов Мэри догадалась, что они прошли в бар и захлопнули за собой дверь.

Теперь услышать ничего было невозможно, разве что сухое тиканье часов в коридоре и их неожиданное жужжанье — знак того, что они сейчас пробьют. И они пробили три часа ночи и снова затихли, тикая еле-еле, задыхаясь, словно умирающий, который пытается вдохнуть полной грудью.

В окно подул холодный ветер, Мэри взяла шаль со стула и села на свою кровать.

Ни о каком сне теперь не могло идти и речи, она совсем проснулась, и каждый нерв в ней напрягся независимо от ее желания. Хотя страх перед дядей и ненависть к нему были сейчас сильны как никогда, тем не менее она почувствовала, что внутри нее разгорается невыносимый жар любопытства.

Кажется, кое о чем она догадалась: как минимум его бизнесом была контрабанда в особо крупных размерах. Несомненно, гостиница «Джамайка» идеально подходила для таких целей, и именно поэтому дядя Джосс и купил ее. Все то, что тетя Пэйшэнс рассказывала о возвращении в родные места, конечно же, было полной ерундой. Гостиница стояла на дороге между севером и югом, и мало-мальски сообразительному контрабандисту ничего не стоило понять, что для того, чтобы перевозить в глубь страны с побережья Тэймара товар, нужно иметь место для промежуточного хранения — этим местом и была гостиница «Джамайка».

А для полного успеха бизнеса надо наводнить округу своими тайными агентами: вот откуда и моряк из Пэдстоу, и разносчик из Лончестона, цыгане и бродяги, и весь прочий сброд, включая маленького сапожника.

И еще, — размышляла Мэри, — действительно Джосс Мерлин обладает огромной энергией, и его физическая сила, несомненно, внушает страх его компаньонам, но достаточно ли у него ума и хитрости, чтобы руководить таким предприятием? Чем он занимался всю ту неделю, когда его не было дома? Неужто составлял план всех передвижений, при-

бытий и отправлений и готовился к сегодняшнему ответственному дню?

Наверное, все именно так. Другого варианта у Мэри пока не было, и несмотря на все отвращение, которое она питала к личности Джосса Мерлина, Мэри почувствовала что-то вроде некоторого уважения к его способностям.

Надо было контролировать все дело, собирать агентов, следить за тем, чтобы из-за своих выходов они не попали в руки представителей правопорядка. Наверняка власти подозревают, что в гостинице занимаются контрабандой, но никак не могут этого доказать. Мэри сложила руки на груди и нахмурилась. Если бы не тетя Пэйшэнс, она тотчас бы ушла отсюда и в ближайшем же городке сообщила о Джоссе Мерлине и его грязных делах. Он тут же бы оказался в тюрьме, и вся его шайка вместе с ним. Но все эти прожекты неосуществимы: собачья преданность тети Пэйшэнс к своему мужу все усложняла.

Мэри снова и снова спрашивала себя, что она может предпринять, и никак не могла дать толкового ответа. Да, гостиница «Джамайка» оказалась пристанью воров и гнездом контрабандистов, а ее дядя, по всей видимости, был главарем шайки, да, между побережьем и Девонширом шла торговля грязным товаром, это ясно. Но Мэри видела только часть этого бизнеса, а что еще было от нее скрыто? Она помнила ужас в глазах своей тети и те слова, что она прошептала в первый день ее пребывания в гостинице, тогда, когда тени ранних сумерек пробежали по полу кухни: «Здесь, в гостинице «Джамайка», творятся дурные дела, Мэри. Злые дела. Здесь происходит много того, о чем я тебе никогда не расскажу, не осмелюсь рассказать». Когда Мэри смотрела вслед тете Пэйшэнс, поднимающейся по лестнице, она видела, что та совершенно запугана и разрушена.

Да, контрабанда — весьма опасное предприятие, оно бесчестно и преследуется по закону, но зло? Что же является злом? Мэри очень бы хотелось посоветоваться с кем-нибудь, но вокруг не было никого, с кем она могла бы переговорить. В этом жестоком и полном ненависти мире она осталась совершенно одна, и никаких надежд на разрешение обрушившихся на нее проблем не было. Будь она мужчиной, Мэри спустилась бы вниз и прямо спросила Джосса

Мерлина, не боясь ни его, ни его друзей, и стала бы с ним драться без страха оказаться убитой или раненой, а победив в этом бою, вскочила бы на лошадь, посадила рядом с собой тетю Пэйшэнс и увезла ее на юг, к родным берегам Хэлфорда. Там бы они и зажили на какой-нибудь ферме недалеко от Могэна или Гвика.

Да, в мечтах теперь толку мало, и та ситуация, которая теперь возникла перед ней, требовала от девушки недюжинных смекалки и смелости.

Она не была мужчиной, а всего-навсего простой двадцатитрехлетней девушкой, сидящей на кровати в юбке и шали и не имеющей никакого оружия, а ее противником стал мужчина в два раза старше ее и раз в восемь сильнее. Ему стоило всего лишь объять пальцами ее шею и легонько надавить, и этим все ее вопросы и завершатся.

И тогда Мэри решила дать себе клятву — она всего лишь раз в жизни до этого делала что-то подобное, в Мэнаккане, когда она гналась за быком, — и делала это для того, чтобы полностью увериться в своих силах и обрести присущую ей смелость.

— Я ни перед кем не покажу, что я боюсь, ни перед Джоссом Мерлином, ни перед кем другим, — сказала девушка. — И сейчас я докажу, что я не трусиха — я спущусь в темный коридор и посмотрю, что делается в баре. Я сделаю это, даже если в результате меня поймают и убьют.

Мэри торопливо оделась, натянула чулки, взяла в руки башмаки, но передумала и поставила их на место. Затем открыла дверь и мгновение вслушивалась в ночную тишину. Нет, ее ничто не наполняло, разве только приглушенно тикали часы в коридоре.

Мэри выскользнула из комнаты и подошла к лестнице. Она хорошо помнила, что третья ступенька сверху скрипит, поэтому стала спускаться крайне осторожно, держась одной рукой за перила, а другой — за стену, стараясь чтобы ее вес стал меньше. Наконец она достигла темного коридора у входной двери, в котором не было ничего, кроме шаткого стула и старых часов. Их хриплое тиканье действовало Мэри на нервы, — казалось, что это дребезжание производится живым существом. В коридоре было темно, словно в погребке, и хотя Мэри

знала, что она находится в нем совершенно одна, ей все равно стало страшно, а закрытая дверь в гостиную, в которую никто никогда не заходил, пугала еще больше.

Воздух казался затхлым и тяжелым, а холод каменных ступеней обжигал необутые ступни девушки. Мэри постояла мгновение, пытаясь собраться с силами, как вдруг в коридоре внезапно мелькнул луч света, и она услышала голоса. Наверное, дверь в бар осталась открытой, а может, кто-то выходил и не прикрыл ее. Да, точно, Мэри услышала шорох направляющихся в сторону кухни шагов, потом шаги проследовали в обратном направлении, но дверь в бар все же осталась незакрытой, луч света падал на то же место, и голоса стало слышно чуть лучше. Мэри было решила снова вернуться в свою спальню и спокойно лечь спать, но жар любопытства снова овладел ей, и девушка подкралась к двери так, что оказалась всего в нескольких дюймах от нее. Руки и лоб Мэри взмокли от пота, и сначала ей не было слышно ничего, кроме громкого стука своего сердца. Дверь оказалась открытой довольно широко, так что можно было увидеть весь бар: бутылки и стаканы все так же в беспорядке располагались на столах и стойке, а на полу валялись осколки стакана, разбитого дядей Джоссом, а рядом с ними можно было заметить рыжие пятна эля, пролитого чьей-то некрепкой рукой. Мужчины, по-видимому, сидели у дальней стены, потому что Мэри не видела их, но внезапно тишину пререзал высокий дрожащий голос, принадлежащий незнакомцу:

— Нет и еще раз нет. Я говорю это в последний раз: больше я в этой игре не участвую. Я порываю с тобой раз и навсегда, ибо то, что здесь происходит — это убийство, мистер Мерлин, этому нет другого названия. Это просто убийство.

Этот голос был таким слабым, как будто говоривший терял силы и не мог в полной мере управлять своим языком. Кто-то — несомненно, хозяин — отвечал низким голосом, так что Мэри не смогла разобрать, о чем он говорил, а вскоре речь Джосса прервалась, и Мэри услышала хихикающее кудахтанье сапожника. Он говорил быстро и сбивчиво, но по общему тону можно было догадаться, что он о чем-то намекает незнакомцу. И действительно,

незнакомец тихо противопоставлял сапожнику какие-то свои доводы:

— Виселица? — слабым голосом говорил он. — Я много раз мог быть повешенным, и за свою шею я не боюсь. Нет, я думаю о своей совести, о Всемогущем Боге, и я готов понести от него наказание, когда оно придет, за убийство, убийство невинных, а может, женщин и детей. Этот путь ведет прямо в ад, Джосс Мерлин, и ты знаешь это так же хорошо, как и я.

Далее Мэри могла услышать, как заскрипел чей-то стул, освобожденный от чьей-то тяжести, а потом раздался стук кулака по столу, и дядя Джосс в первый раз за время разговора повысил голос.

— Не так быстро, мой друг, — прорычал он, — не так быстро. Ты сидишь в этом деле по горло, а раз так, то к черту твою совесть! Я, Джосс Мерлин, говорю тебе прямо: возврата нет, ты слишком далеко зашел, да не только ты, мы все. Честно говоря, я и раньше в тебе сомневался, видя твои чистенькие манжеты и джентльменские повадки, и клянусь Богом, теперь я уверен, что прав на все сто процентов. Гарри, закрой дверь.

Из комнаты донесся внезапный вскрик, за ним послышался шум драки, вроде бы на пол рухнул стол, перевернутый ударом, захлопнулась дверь, ведущая во двор и все стихло. Потом раздался мерзкий и отвратительный смех сапожника и его посвистывание.

Через несколько секунд прервался и свист, и сапожник спросил дядю Джосса:

— Мы его пощекочем, как глупого Сэма? Пощекочи его своим кнутом, Джосс, и мы посмотрим, какого цвета у него кожа. Какой он маленький без своей прекрасной одежды! А вот эти часики да цепочки я, пожалуй, возьму себе: бедные люди, такие, как я, никогда не имеют денег, чтобы купить себе часы!

— Заткнись, Гарри, и делай, что тебе говорят! — ответил хозяин. — Встань у двери, а если он еще раз попробует из нее выйти, попросту подколи его своим ножом. Итак, мистер Законник, смотри на меня. Сегодня ты сделал глупость, мистер Законник, или кто ты там есть в своем Труро, но я-то глупостей не делаю! Ты, наверное, очень хочешь выйти за эту дверь, да, сесть на лошадь и ускакать в Бодмин?

Я понимаю, но думаю, что уже в девять утра все власти Корнуэлла будут знать о гостинице «Джамайка», и сюда бы уже направлялись королевские солдаты. Ты ведь думаешь об этом, не так ли?

Мэри ясно слышала тяжелое дыхание незнакомца и поняла, что его, по-видимому, ранили в драке, потому что когда он заговорил, его голос прерывался, словно от боли.

— Делай все, что хочешь... Я вижу, что не могу остановить тебя, и даю слово, что ничего и никому не скажу о тебе. Но работать с тобой я больше не буду... это все, что я могу сказать.

Долгое время из бара не доносилось ни звука, и наконец Джосс Мерлин произнес:

— Поберегись, мистер Законник. Я уже слышал как-то такие же речи от другого человека, но через пять минут после того, как он договорил, он шагнул в воздух. Он очень неудачно зацепился за веревку, мой друг, так неудачно, что его большие пальцы ног всего полдюйма не доставали до пола. Я спросил у него, не хочет ли он быть поближе к земле, но он ничего не ответил: ему очень мешал вывалившийся из рта язык. Хотя мне и сказали потом, что он жил еще несколько минут, это же надо...

Стоящая в коридоре девушка почувствовала, что ее шея и лоб покрылись холодной испариной, а ноги и руки потяжелели, словно налитые свинцом, перед глазами замелькали черные точки, и к своему ужасу ей показалось, что она падает в обморок.

Ее единственным желанием стало добраться до пустого коридора и спрятаться там в тени часов, пока она не рухнула на пол и не обнаружила себя. Мэри дотронулась до стены, волна тошноты подкатила к горлу, голова закружилась, а голос дяди все проникал в ее уши, хотя сейчас и казалось, что дядя почему-то говорит, зажав себе рот руками:

— Оставь меня с ним, Гарри. На сегодня ты свободен, бери лошадь и скачи прочь отсюда, только не забудь оставить ее с той стороны Кэмелфорда. А свои дела я устрою сам.

С трудом соображая, что она делает, Мэри добралась до коридора, повернула ручку двери в гостиную и проникла внутрь. Там она и съежилась на полу, обхватив голову руками и прижав ее к коленям.

Через минуту-другую тошнота стала проходить, хотя мушки перед глазами словно собрались в одно огромное пятно, и весь мир уродливо исказился и почернел. Лежать на полу было очень неудобно, и Мэри чуть-чуть приподнялась и оперлась на локоть. Со двора доносился цокот копыт, затем голос Гарри-сапожника, который, прикрикнув на лошадь, должно быть, вскочил в седло и пришпорил пони, потому что цокот копыт замолк где-то далеко у подножия холма. Значит, теперь дядя Джосс остался в баре наедине со своей жертвой. Сможет ли она найти по дороге в Дозмари хоть одно обитаемое место, размышляла Мэри, сможет ли она попросить о помощи хоть кого-нибудь? Наверное, до ближайшего жилища пастуха не менее двух-трех миль пути через болота, наверное, по этой тропинке и убежал бедный дурачок, а может, он и сейчас кривляется где-то там, с той стороны рва.

Она ничего не знала о тех, кто живет на болотах, может, все обитатели их принадлежали к шайке ее дяди, и в таком случае она по своей воле попадет в ловушку. Тетя Пэйшэнс спит в своей комнате, и конечно, ничем не сможет помочь, более того, она только помеха во всей этой истории. Ситуация казалась безнадежной, а несчастный незнакомец — обреченным. Кто бы он ни был, он восстал против Джосса Мерлина. Оставалось надеяться на то, что тот сам сможет как-то вывернуться, ведь сапожник ускакал, и они остались один на один. Правда, наверняка, дядя во много раз сильнее физически, но все же.... Мэри почувствовала, что ею овладевает отчаяние: если бы у нее было хоть какое-нибудь оружие, ружье или нож, тогда она смогла бы напасть на дядю, ранить его или хотя бы просто угрожать ему до тех пор, пока незнакомец не скроется из бара.

О себе Мэри сейчас не думала, она была уверена, что скоро выйдет из пустой комнаты, а нахлынувшая тошнота — это так, ерунда, минутная слабость, и девушка презирала себя за так внезапно проявившуюся неуверенность. Она встала на ноги, отодвинула задвижку и на несколько дюймов приоткрыла дверь. Казалось, во всем доме воцарилась мертвая тишина, и только старые часы своим тиканьем нарушали ее. Проникавший раньше в ко-

ридор луч света исчез — значит, дверь в бар закрыли. Может, именно в эту минуту незнакомец боролся за свою жизнь с Джоссом Мерлином, может, они катались взад и вперед по каменному полу бара, но ни единого звука не проникало из-за плотной и прочной двери.

Мэри уже почти вышла из гостиной и собиралась перебежать в другой коридор, как вдруг сверху раздался звук, который заставил ее застыть на месте и поднять голову. Этим звуком был скрип половицы. Мэри уже было подумала, что это ей показалось, но нет — через мгновение звук повторился: кто-то наверху осторожно переходил с места на место. Тетя Пэйшэнс спала в своей комнате, которая находилась на другом конце коридора, Гарри-сапожник ускакал минут десять назад, дядя Джосс оставался в баре вместе с незнакомцем, и пока она была в гостиной, наверх никто не поднимался. Снова наверху скрипнула половица: кто-то продолжал расхаживать по пустой гостевой комнате, в этом не было сомнений.

Сердце Мэри яростно застучало, дыхание участилось: кто-то скрывался наверху вот уже несколько часов, должно быть, он зашел в место своего укрытия ранним вечером, а когда она шла спать, стоял за дверью. Если бы он пришел позже, Мэри сама бы услышала его шаги по лестнице. Возможно, что он так же, как и она, наблюдал за прибытием повозок из своего окна, и он так же видел вопящего и кривляющегося дурачка, бегущего по дороге в Дозмари. Их разделяла только тонкая перегородка стены, и незнакомец должен был слышать все ее движения, все до единого, лежала ли она в постели, встала ли с нее, открыла ли дверь.

Следовательно, он хотел остаться незамеченным, иначе, когда она вышла в коридор, он вышел бы вслед за нею. Если бы он принадлежал к шайке ее дяди, он наверняка заговорил бы с ней и поинтересовался, куда это она направляется. Но кто же впустил его? Если он спрятался, значит, не хотел, чтобы контрабандисты видели его, и значит, он не один из них, значит, он враг ее дяди! Шаги наверху смолкли, и хотя Мэри не дышала и внимательно вслушивалась в тишину, шаги более не продолжались. Нет, ошибиться она не могла, это точно. Кто-то, возможно, союзник, прятался в гостевой комнате рядом с ее

собственной и мог помочь ей спасти незнакомца! Мэри сделала шаг по направлению к лестнице, но в это время в коридоре мелькнул луч света и дверь в бар открылась. В дверном проеме появилась массивная фигура дяди Джосса, и Мэри снова шагнула назад в гостиную и спряталась за дверью: еще несколько секунд, и она столкнулась бы с дядей нос к носу.

Мэри трепетала от того, что ее дядя прошел всего в нескольких дюймах от нее, страх и возбуждение странно переплелись внутри нее, и она, затаив дыхание, наблюдала, как дядя поднимается вверх по лестнице. Его тяжелые шаги замерли прямо над ее головой, несколько секунд ничего не было слышно, а потом сверху донеслись два тихих стука в дверь. Дядя Джосс стучал в ту самую гостевую комнату, где прятался незнакомец.

Половица скрипнула еще раз, неизвестный подошел к двери и открыл ее. Сердце Мэри замерло, и прежнее отчаяние вновь объяло его. Прячущийся наверху не был дядиным врагом, более того, вероятно, именно сам Джосс Мерлин и впустил его в эту комнату в тот момент, когда Мэри и тетя Пэйшэнс готовили бар. С тех пор неизвестный и оставался там, ожидая, когда вся шайка разойдется. Значит, это был друг хозяина, который просто не хотел вмешиваться в его темные дела и не показывался даже перед женой Джосса.

Вот почему дядя отправил сапожника домой — он не хотел, чтобы инкогнито его друга было нарушено. Мэри поблагодарила Бога за то, что он не позволил ей подняться наверх и постучаться в дверь гостевой.

Зайдут ли они теперь в ее комнату, чтобы осмотреть ее и убедиться, спит она или нет? Если зайдут, то ее отсутствие тут же будет обнаружено. Мэри бросила взгляд на окно, но нет, окно плотно заперто. Прятаться некуда, тем более, что на лестнице уже раздавались шаги спускавшихся. Через несколько секунд они остановились возле двери в гостиную, и Мэри с ужасом попыталась представить, что будет, если они сейчас войдут в комнату. Дядя и неизвестный стояли так близко, что девушка сквозь щель в двери могла дотронуться до дядиного плеча.

— Ты сам должен все решить, — раздался шепот

дяди Джосса. — Это твое дело, рассуди все по чести, и если надо, я сделаю это, или мы вместе это сделаем. Ты должен все решить.

Из-за двери Мэри не могла видеть спутника дяди, не могла даже увидеть его тени, чтобы понять, что он ответил дяде жестом. Наконец дядя и его спутник отошли от гостиной и зашли в бар.

Массивная дверь захлопнулась, и больше ни звука не доносилось во всей громаде гостиницы «Джамайка».

Первой мыслью Мэри было открыть дверь и бежать как можно дальше, но через секунду она поняла, что это ей ничего не даст: ведь на дороге могла оказаться засада, сапожник или кто-нибудь другой могли охранять гостиницу.

Наверное, тот человек, который весь вечер скрывался в комнате наверху, не услышал, как она выскользнула из своей спальни. В противном случае он, несомненно, рассказал бы об этом дяде, и они вместе стали бы ее искать. А может, дело в том, что сейчас самой главной для них задачей является мужчина в баре, а ею они займутся позднее.

Мэри несколько минут простояла в тишине, ожидая, что сейчас что-нибудь произойдет, но все было тихо. Невозмутимо и медленно тикали часы, словно являясь символом равнодушия. Как-то ей показалось, что кто-то вскрикнул, но этот звук был таким странным и далеким, что, скорее, просто почудился ей; уж больно сильно перевозбудилось ее воображение за сегодняшнюю ночь.

Наконец Мэри вышла в коридор и направилась к бару. Из-под двери несколько минут назад была полоска света, но сейчас она исчезла. Должно быть, в баре погасли свечи, а может, находящиеся внутри просто сидели в темноте? В мозгу девушки возникла странная картинка: несколько мужчин злоеще и молчаливо сидели в темном баре, и тишина, стоящая в помещении, была действительно мертвой.

Мэри подошла к двери вплотную и приложила к ней ухо. За дверью не было слышно даже дыхания, не то что шума голосов, и что странно, даже тот затхлый и застоявшийся запах кислого пива, которым, казалось, коридор пропитался насквозь, сейчас исчез. Более того, из замочной скважины шел поток свежего воздуха, как будто в баре царил сквозняк.

Мэри в который раз за сегодняшний вечер почувствовала странное и необъяснимое чувство любопытства, и наконец решившись, открыла дверь и шагнула в бар.

В баре никого не было. Дверь во двор осталась открытой, и комната наполнилась свежим ноябрьским воздухом — поэтому-то в коридоре и дул сквозняк. Посреди зала валялся перевернутый стол, и его три ноги печально смотрели в потолок.

Те, кто всего несколько минут назад находился в этой комнате, исчезли. Вероятно, они обошли кухню и направились прямо в болота. Да, именно так, потому что в любом другом случае Мэри бы услышала их. В баре сейчас было свежо и холодно, а после того, как отсюда ушли дядя Джосс и незнакомец, казалось, что и весь ужас ночи ушел вместе с ними. Теперь бар спокоен и уютен.

Мэри облокотилась на дверной косяк и увидела, что на полу появилось белое пятно — в бар проник последний лучик лунного света. Но странно — посреди этого пятна возник темный силуэт, как будто тень какого-то предмета. Мэри подняла глаза и увидела, что с потолочной балки свисает веревочная петля и что именно она оттенялась в белом круге и тихо раскачивалась вперед и назад в такт дуновению сквозняка.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Шли дни. Мэри по-прежнему жила в гостинице «Джамайка» и по-прежнему страстно желала во всем разобраться. Конечно, перед наступлением зимы покинуть гостиницу и тетю Пэйшэнс не было никакого смысла, но можно попробовать уговорить тетю покинуть болота ближе к весне для того, чтобы отправиться в мирную и тихую долину Хэлфорда.

Эта надежда поддерживала Мэри, а впереди было еще целых пять суровых месяцев, и за это время надо придумать, каким образом передать дядю и его компаньонов в руки закона. Если бы дело было просто в контрабанде, то несмотря на всю вопиющую мерзость этого промысла, на это можно было бы закрыть глаза и справиться со всем своим раздражением по этому поводу. Однако все, что ей до-

велось увидеть, убеждало девушку в том, что Джосс Мерлин и его шайка занимались не только контрабандой: эти люди ничего и никогда не боялись и, отчаянные до безумия, не останавливались даже перед убийством. События той памятной субботней ночи никак не стирались из памяти Мэри, и веревочная петля, свисавшая с потолочной балки могла рассказать о многом.

Не было никаких сомнений в том, что незнакомец убит дядей и тем другим человеком, и его тело спрятано где-то в болотах.

Доказать, конечно, это было невозможно, впрочем, при свете дня все виденное ночью казалось просто фантастичным. После того, как Мэри вернулась в свою спальню опустошенная всем виденным, она тотчас же уснула, а когда проснулась, солнце было уже высоко, и где-то внизу слышалась возня тети Пэйшэнс.

Когда Мэри спустилась вниз, она заметила, что от вчерашнего вечера не осталось никаких следов: бар был убран и вычищен, мебель расставлена по местам, разбитое стекло исчезло, и конечно, никакой веревочной петли не было и в помине. Сам хозяин провел утро в конюшне и на скотном дворе, занимался обычной уборкой и всеми теми делами, которыми всегда занимается простой сельский житель.

Когда в полдень Джосс пришел на кухню, его аппетиту мог бы позавидовать голодный волк. Дядя с интересом расспрашивал Мэри о хэлфордских фермерах и почему, по ее мнению, на них обрушился мор, но, конечно, ни одного слова о прошедшей ночи сказано не было. Дядя Джосс находился в таком прекрасном настроении, что даже забыл о своей всегдашней привычке покрикивать на свою жену, которая, как обычно, суетилась вокруг и глядела на мужа преданными собачьими глазами. Джосс Мерлин сейчас был абсолютно трезв и нормален, и невозможно было поверить в то, что всего несколько часов назад он убил своего экс-компаньона.

Может, сам Джосс и не убивал его, а это сделал его неизвестный спутник, но в любом разе Мэри своими собственными глазами видела, как дядя преследовал голого дурачка и хлестал его бичом. Девушка видела, что он является главарем всей этой

мерзкой компании в баре, слышала его угрозы незнакомцу, который вздумал его послушаться, а сейчас этот человек сидел перед ней с набитым турнепсом ртом и сожалел о судьбе больных телят, время от времени покачивая головой.

На все вопросы дяди Мэри старалась отвечать проще и однозначнее, пила чай, поверх чашки наблюдая за уминающим тушеные овощи Джоссом Мерлином и его длинными мощными пальцами, которые странным образом сочетали в себе силу и изящество.

Прошло уже две недели, но никакого сборища в баре больше не было. Возможно, последняя экспедиция полностью удовлетворила запросы хозяина и его шайки и они на время успокоились. Повозки больше не появлялись, и хотя Мэри спала очень чутко, скрип колес больше не будил ее. Дядя Джосс не возражал против путешествий Мэри по окрестным болотам, и день за днем знания девушки об окружающей ее стране увеличивались. Она стала замечать подробности, которые ранее были скрыты от нее, и поднималась все выше и выше, достигая скал, научилась избегать кочек с влажной травой, которые так и манили своей видимой надежностью, а на самом деле являлись границей коварных и опасных болот.

Мэри гуляла совсем одна, но ей вовсе не было скучно, а прогулки в сером свете раннего полудня бодрили девушку и отвлекали от мрака и уныния долгих темных вечеров в гостинице, когда тетя Пэйшенс сидела, уставившись на торфяное пламя и подолгу не шевелясь, а Джосс Мерлин закрывался в баре или просто исчезал со своим пони в неизвестном направлении.

Никто не появлялся в гостинице, чтобы попросить отдых и ночлег, и общаться было не с кем. Кучер сказал правду: в «Джамайке» больше никто не останавливается. Два раза в неделю Мэри видела, как кареты проезжают мимо гостиницы, громяхают одну или две секунды и исчезают в направлении Файв-Лэйнс, даже и не думая остановиться и перевести дух. Однажды Мэри показалось, что она узнала того самого кучера, который привез ее сюда, и она махнула ему рукой, но тот не обратил на девушку никакого внимания и только подстегнул своих лоша-

дей. Мэри поняла, что все люди вокруг уверены, что она истинная племянница своего дяди, и что если она попробует сама добраться до Бодмина или Лончестона, то никто ей не поможет, и все двери попросту будут захлопнуты перед ней. Огромное чувство одиночества и беспомощности наполняло девушку, и в такие минуты будущее казалось особенно беспросветным, а тетя Пэйшэнс, как назло, словно сторонилась ее, хотя время от времени брала Мэри за руку и похлопывала ее, говоря, как она рада видеть у себя дома племянницу. Но большей частью бедная женщина существовала в своем мирке и механически выполняла работу по дому, иногда что-то роняя на пол и почти не разговаривая.

Когда же на тетю Пэйшэнс находило разговорчивое настроение, то обычно это был все тот же поток глупостей. Она рассказывала Мэри о том, какой великий человек ее муж, и что он непременно был бы министром или кем-нибудь в этом роде, если бы не неграмотность и постоянные неудачи, преследующие его. Поговорить нормально не было никакой возможности, и Мэри, стараясь не обидеть тетю, общалась с ней, как с ребенком.

Иногда погода менялась, поднимался ветер и шел дождь, тогда прогулки отменялись. В один из таких дней Мэри мыла каменные плиты длинного коридора, расположенного между баром и верандой по всему дому. Работа эта была довольно тяжелой и нудной, через некоторое время все мышцы девушки страшно ныли, а внутри ее росла глухая злоба. К моменту окончания работы она так ненавидела «Джамайку» и всех ее обитателей, что еще чуть-чуть, и она бы прошла в ту часть сада за кухней, где невзирая на дождь работал ее дядя и надела бы ведро с мыльной водой прямо ему на голову. Еще больше ее раздражал вид тети Пэйшэнс, которая меланхолично помешивала торфяное пламя концом палки. Мэри решила было отдраить каменные плиты у входа, когда услышала во дворе цокот копыт, и через секунду кто-то загрохотал кулаком в закрытую дверь бара.

До этого к гостинице «Джамайка» никто не приближался, и этот стук так ошеломил Мэри, что та вернулась на кухню, чтобы рассказать об этом тете. Но тетя Пэйшэнс только что покинула помещение:

девушка увидела ее шлепающей по саду в направлении конюшни, где Джосс в это время сгружал торф в небольшую тачку. Услышать, о чем они говорили, Мэри, конечно же, не могла, и тогда она вытерла руки о фартук и вернулась в бар. Должно быть, дверь осталась незапертой, потому что Мэри, к своему удивлению, обнаружила в баре сидящего верхом на стуле мужчину, который держал в руке кружку, до краев наполненную элем. Видимо, пришелец сам налил из бочки и теперь преспокойненько попивал свой напиток.

Некоторое время они в недоумении глядели друг на друга. Что-то в лице мужчины показалось Мэри знакомым, но вспомнить, где она видела его раньше, не получалось. Большие глаза, искривленный рот, уверенный подбородок и смелость, если не сказать наглость во взгляде, которым незнакомец одарил девушку, — все это было знакомо Мэри, довольно неприятно знакомо.

— Что это вы тут делаете? — резко спросила девушка. — У вас нет никакого права входить сюда и хозяйничать. Более того, хозяин гостиницы не любит посторонних.

В любой другой момент Мэри наверняка посмеялась бы над собой, потому что уж очень ее речь походила сейчас на слова дяди, но, проведя весь день за мытьем каменных плит, она потеряла все свое чувство юмора, и только одним желанием она сейчас руководствовалась: излить свою злобу на первого попавшегося.

Мужчина не торопясь допил свой эль и преспокойно принялся наполнять кружку вновь.

— С каких это пор в гостинице «Джамайка» появилась барменша? — спросил он, достал из кармана трубку, зажег ее и выпустил огромный клуб дыма прямо в лицо Мэри.

Этого уже девушка выдержать не смогла, она рванулась вперед, выхватила из рук мужчины трубку, и, швырнув ее изо всех сил на пол, разбила вдребезги. Мужчина пожал плечами и принялся нестройно насвистывать, и это еще более разозлило Мэри.

— Кто тебя научил так встречать посетителей? — внезапно прекратив свистеть, спросил мужчина. — Это делает честь твоему хозяину. В Лончестоне,

а я там был только вчера, очень много служанок, но все они обладают хорошими манерами. Они даже красятся, вот как. А что тут с тобой делают? Волосы непричесанные, лицо грязное...

Мэри было повернулась и пошла прочь из бара, но мужчина не унимался:

— Наполни мою кружку! Ты ведь должна обслужить посетителя, не так ли? Я проехал целых двенадцать миль, голоден и хочу пить.

— Мне совершенно все равно, вы могли бы проехать пятьдесят миль, — сухо ответила Мэри. — Вы, я вижу, и сами знаете, где тут что находится, так что и сами прекрасно наполните свою кружку, а я пока схожу к мистеру Мерлину и сообщу ему, что вы ожидаете его в баре. Я думаю, что если он захочет, он и сам вас обслужит.

— О, не беспокойте Джосса! В это время дня он очень напоминает медведя, у которого разболелась голова, если только у медведей болит голова, — последовал ответ. — Кроме того, он никогда не радуется, когда видит меня. А что же все-таки случилось с его женой? Он выгнал ее, чтобы освободить место для тебя? По-моему, это весьма жестоко по отношению к бедной женщине, тем более, что вы не проживете с ним десять лет, как прожила она.

— Миссис Мерлин в саду, если вы и ее желаете увидеть, — сказала Мэри, — выйдите в эту дверь и потом поверните налево, там они и находятся, между конюшней и курятником, вернее, были там пять минут назад. Другой же дорогой вы не пойдете, потому что я только что вымыла коридор и больше я его мыть не собираюсь.

— О, не волнуйтесь, больше его вы мыть не будете, — ответил мужчина, и при этом осмотрел Мэри сверху донизу все тем же знакомым ей ленивым и наглым взглядом. Эта наглость взбесила девушку, и она зло бросила своему визави:

— Вы будете разговаривать с хозяином или нет? Я не собираюсь стоять здесь целый день и быть мишенью для ваших плоских шуток. Если вы не хотите видеть его, то допивайте свой эль, кладите деньги на стойку и убирайтесь прочь!

Мужчина рассмеялся, и его улыбка опять живо напомнила Мэри о каком-то знакомом ей человеке, но о каком, она так и не смогла вспомнить.

— Вы и с Джоссом разговариваете таким образом? — поинтересовался мужчина. — Должно быть, он очень изменился. Какое странное создание — человек! Я никогда бы в жизни не подумал, что старина Джосс станет бегать за молоденькой. А что вы делаете с беднягой Пэйшэнс по ночам? Кладете ее на пол, или спите все втроем?

Мэри вспыхнула.

— Джосс Мерлин — мой дядя, — сказала она, — а тетя Пэйшэнс — единственная сестра моей матери. Меня зовут Мэри Йеллан, если вам это что-нибудь говорит. Доброго вам утра, и все, что мне остается сказать — это то, что дверь из бара дожидается вашего ухода.

Мэри повернулась и вышла прочь, но едва она очутилась на кухне, как тут же попала прямо в руки хозяина.

— С кем это ты там болтаешь? — прогремел он. — Мне казалось, что ты поняла меня и будешь держать язык за зубами!

Не менее громкий голос, голос посетителя, раздался из бара:

— Все нормально, Джосс, не трогай ее! Она честно разбила мою трубку и отказалась меня обслуживать. Это ведь именно то, чему ты ее учил, да? Я надеюсь, эта девушка — отличная помощница, ты можешь быть ею доволен. Заходи, я хотел бы взглянуть на тебя.

Джосс Мерлин нахмурился, и, оттолкнув Мэри в сторону, вошел в бар.

— А, это ты, Джем, — протянул он. — Чем обязан твоему появлению в «Джамайке»? Если ты хочешь продать мне лошадь, то я ее у тебя не куплю. Дела у меня сейчас идут неважно, и я беден, беден, словно полевая мышь в неурожай, — дядя закрыл дверь, оставив Мэри с той стороны.

Девушка взяла стоящее у стены ведро, вымыла руки и умылась. Так значит, это и есть Джем Мерлин, младший брат ее дяди? Вот почему его лицо казалось ей знакомым во все время их разговора! Да-да, у него было все точь-в-точь, как у ее дяди: такие же глаза, правда, без мешковатых век и без кровавых прожилок, рот Джема был потоньше и потверже, чем у его брата, тем более, что нижняя губа Джосса отвисала, в общем, он был таким, каким был

восемнадцать, а может, и двадцать лет назад его старший брат, разве что поменьше ростом и постройнее.

Мэри выплеснула воду на каменные плиты пола и принялась яростно их тереть.

Итак, наглость и грубость были основными чертами характера Мерлинов, ибо этот Джем так же бессердечен, как и его брат — это можно заметить, взглянув на очертание его рта. Тетя Пэйшэнс говорила, что Джем самый худший из братьев... Видно, что он хоть и ниже ростом и почти вдвое уже брата в плечах, он намного ловчее и сильнее, да, пожалуй, умнее и тверже характером. У хозяина гостиницы подбородок вял и расслаблен, а плечи виснут, как два мешка, — видно, что силы покидают это огромное тело, постоянная пьянка подтачивает этот гигантский торс... Теперь-то Мэри увидела, что представлял из себя Джосс Мерлин до своего саморазрушения — увидела в его брате. Да, хозяин гостиницы убивал сам себя, и если Джем имеет хоть что-нибудь в своей голове, он должен сделать все от него зависящее, чтобы не пойти по той же тропе. Хотя, может, не в разуме тут дело, если фатальность, сопровождающая всех Мерлинов и отклоняющая их от верного пути, возьмет верх.

Да, репутация у Мерлинов всегда была плохая... Мэри вспомнила, как ее мать говорила: «Нет ничего хуже дурной крови, Мэри. Дурная кровь все равно возьмет свое, с ней невозможно бороться. Несколько поколений могут жить спокойно, а потом дурная кровь проснется, возьмет свое, и все начнется сначала». Как это ужасно! Бедная тетя Пэйшэнс, как же ее угораздило оказаться в одной повозке с Мерлином, в повозке, где исчезло все ее счастье и веселье, так что теперь она не многим отличалась от несчастного дурачка из Дозмари... А ведь она могла быть женой фермера из Гвика, иметь сыновей, землю и дом и все те маленькие радости нормальной счастливой жизни: болтовню с соседками, церковь по воскресеньям, раз в неделю поездку на рынок, сбор фруктов... Она бы могла полюбить все это и наконец-таки узнать, что значит спокойствие — эти годы заставили бы ее забыть время, проведенное в гостинице «Джамайка», дни, когда ее волосы по-

седали в эти однообразные и жуткие мгновения, длящиеся часами.

Но все это прошло стороной, а наяву оставалась лишь полужизнь с пьяницей и грубияном. Почему женщины так глупы, так близоруки, думала Мэри, яростно скребя каменные плиты, как будто желая счистить все ошибки и промахи, произошедшие в этой жизни, с лица земли.

Девушка добралась до мрачной и серой гостиной, той самой, которая несколько лет не видела щетки, и принялась выбивать старый потертый половик, почти потонув в облаке пыли. Она так сосредоточилась на своем занятии, что сразу и не услышала, как в окно гостиной стукнул камешек, и только когда целая горсть мелких камешков дождем застучала в стекло, вся сосредоточенность Мэри исчезла и она выглянула в окно. Во дворе рядом со своим пони стоял Джем Мерлин.

Мэри было нахмурилась и отвернулась, но в окно снова застучал град камешков, и на этот раз стекло треснуло, так что небольшой осколок упал внутрь и разлетелся по каменному полу.

Мэри открыла тяжелую входную дверь и вышла на веранду.

— Что вам угодно? — спросила она, чувствуя внезапное смущение из-за своих нечесаных волос и мятого грязного фартука.

Джем с любопытством оглядел девушку, но на этот раз из его взгляда исчезла наглость, более того, было видно, что он и сам несколько смущен.

— Прости, если я был немного груб с тобой, — произнес он. — Просто я не ожидал увидеть девушку в гостинице «Джамайка», тем более такую молодую, как ты. Я думал, что Джосс нашел тебя в одном из городков и привел сюда тайком от жены.

Мэри опять вспыхнула и в раздражении закусил губу.

— Во мне нет ничего тайного, — усмехнулась она. — Да и хорошо бы я выглядела в городе в своем старом фартуке и тяжелых башмаках. По-моему, каждый, кто имеет глаза, видит, что я деревенская.

— Да нет, — беззаботно продолжал Джем, — если одеть тебя в хорошее платье и туфельки на высоком каблуке, то я просто уверен, что ты заткнешь за пояс любую из этих леди даже в самом Экзетере.

— Наверное, это должно льстить мне, — произнесла Мэри, — но больно не хочется мне менять мою старую одежду. Лучше уж я буду выглядеть, как мне угодно.

— Ну конечно, можно даже одеться еще хуже, — согласился Джем, и Мэри увидела, что он попросту смеется. Она повернулась, чтобы войти в дом, но Джем остановил ее:

— Постой, не уходи! Я знаю, что заслуживаю и более строгого взгляда за то, как разговариваю с тобой, но если бы ты знала моего брата так же хорошо, как его знаю я, ты бы поняла, почему я ошибся. Мне очень странно видеть в гостинице «Джамайка» женщину. Что же все-таки ты здесь делаешь?

Мэри внимательно взглянула на Джема: казалось, что сейчас он совершенно серьезен и не похож на Джосса. Ей даже захотелось, чтобы этот мужчина оказался не Мерлином.

— Я приехала сюда к тете Пэйшэнс. Моя мать умерла несколько недель назад и я осталась одна. И я скажу вам одну вещь, мистер Мерлин — я счастлива, что моя мать сейчас не сможет увидеть свою сестру.

— Понимаю, жизнь с Джоссом — это не клумба с розами. У него характер, которому мог бы позавидовать сам черт, да и пьет он, словно губка. И зачем она вышла за него замуж? Сколько я его помню, он всегда был таким, всегда колотил меня, когда я был маленьким, и колотил бы и сейчас, если бы, конечно, смог.

— Наверное, она была очарована его прекрасными глазами, — ехидно произнесла Мэри. — Мама говорила, что когда Пэйшэнс приезжала в Хэлфорд, она порхала, словно бабочка. Несколько фермеров делали ей предложения, но она всем отказала и отправилась в Бодмин, где и встретила вашего брата. Я думаю, что этот день стал худшим в ее жизни.

— Наверное, ты не очень лестного мнения о хозяине? — осведомился Джем.

— Конечно, — ответила Мэри. — Он груб и жесток, и именно он превратил мою тетю в жалкую и ничтожную рабыню. Я никогда ему этого не прощу.

Джем присвистнул и потрепал свою лошадь по шее.

— Мы, Мерлины, никогда не были добры к своим женам. Я помню, отец избивал мать до полу-смерти, но она ни разу не уходила от него: более того, она всю жизнь провела вместе с ним. Когда его повесили, она ни с кем не разговаривала три месяца, и за эти дни ее волосы поседели. Свою бабушку я не помню, но мне рассказывали, что она сражалась под Кэллингтона бок о бок с моим дедом, а когда все-таки солдаты арестовали его, она откусила одному из гвардейцев палец. За что она любила деда, я не знаю, но только после освобождения он смотался на ту сторону Тэймара с другой бабой.

Мэри притихла: это равнодушие озадачило ее. Джем рассказывал о всех этих ужасных вещах без стыда и сожаления, и девушка в очередной раз подумала, что он, как и все его родственники, и в помине не знает значения слова «совесть».

— Ну и как долго ты собираешься прожить в «Джамайке»? — поинтересовался Джем. — По-моему, для такой девушки, как ты, пребывание здесь — пустая трата времени. Тут тебе нечего делать.

— Ничем не могу помочь, — ответила Мэри. — Я не уеду отсюда до тех пор, пока моя тетя не отправится со мной. После всего, что я видела, я не оставлю ее одну.

Джем наклонился и счистил ком грязи с копыта пони.

— И что же ты узнала такого за столь короткое время? — осведомился он. — Кажется, здесь все довольно тихо, все честь по чести.

Мэри задумалась. Может, это ее дядя попросил своего брата поговорить с ней и таким образом выведать все что она знает? Ну нет, теперь она поумнела, и не попадетсЯ на эту удочку. Девушка пожала плечами и сменила тему разговора.

— Я помогала дяде в баре в одну из субботних ночей, — сказала она, — и не в восторге от той компании, которая там собралась.

— Еще бы, — ухмыльнулся Джем. — Те ребята, которые приходят в гостиницу «Джамайка», не имеют хороших манер, потому что большую часть времени проводят в сельской тюрьме. Интересно, что

они подумали о тебе? Наверное, то же самое, что и я, и можешь быть уверена, твое имя склоняется сейчас по всей округе. Может, Джосс когда-нибудь сыграет на тебя в кости, а так как играет он очень плохо, то я думаю, ты не успеешь и глазом моргнуть, как уже будешь сидеть в седле какого-нибудь грязного браконьера по ту сторону Рафтора.

— Я так не думаю, — сказала Мэри. — Пока я буду в силах сопротивляться, ни в каком седле ни с каким браконьером я не поеду.

— В силах или без сил, им это совершенно все равно, — усмехнулся Джем. — Браконьеры с Бодминских болот не видят в этом никакой разницы, — и он рассмеялся, точь-в-точь, как его брат.

— А чем занимаешься ты? — с внезапным любопытством спросила Мэри, почувствовав, как изменилось ее отношение к Джиму за время их разговора.

— А я конокрад, — довольно ответил Джем, — хотя большого дохода это не приносит. Мои карманы всегда пусты. Слушай, раз уж речь зашла об этом: поехали со мной! Я продам тебе пони, он просто создан для тебя! Поехали, посмотрим. Он сейчас пасется за Треуорта.

— А ты не боишься, что тебя поймают?

— Даже если и поймают, чем они смогут доказать свое обвинение? Пони и так иногда убегают из загонов, и хозяева пытаются их найти, а взгляни на эти болота — они же просто забиты этими самыми пони. Как же хозяину найти своего? Он скажет, что у его пони длинная грива и одна белая нога, а метка на ухе — ромб. И тогда хозяин едет на ярмарку в Лончестон и глядит по сторонам. Но нет, он не найдет своего пони, хотя заметь, что пони стоит прямо перед ним, и вскоре этого пони купит какой-нибудь торговец и перегонит в глубь страны. Правда, его грива короче и все четыре ноги одного и того же цвета, да и ромбовидное клеймо стало прямоугольным. Его хозяин и не взглянет на животное во второй раз. Довольно просто, не так ли?

— Так просто, что я не понимаю, почему ты не приехал в «Джамайку» на собственной карете с лакеем на запятках, — улыбнулась Мэри.

— А, ну да, — покачал головой Джем. — У меня никогда не хватало мозгов сэкономить что-нибудь. Ты просто удивишься, если узнаешь, как быстро

деньги просачиваются сквозь мои пальцы. Знаешь, на прошлой неделе у меня было десять фунтов, а сегодня — только шиллинг. Вот почему я и хочу продать тебе пони.

Неожиданно для себя Мэри рассмеялась — Джем был настолько последователен в своей нечестности, что она даже не смогла на него рассердиться.

— У меня не так уж много денег, чтобы тратить их на лошадей, — ответила она. — Я их откладываю на случай, если мне придется покинуть гостиницу. Тогда мне понадобится каждый пенни. Понимаешь?

Джем Мерлин мрачно взглянул на девушку и вдруг внезапно вскочил на веранду.

— Слушай, — прошептал он, — я серьезно, можешь забыть все глупости, что я говорил тебе раньше. Гостиница «Джамайка» не место для девушки, да и вообще для любой женщины. Мой брат и я никогда не были друзьями, хотя мы и похожи друг на друга, идем на виселицу одной дорогой и будем прокляты вместе, но тебе нет никакой корысти участвовать в этой грязной игре. Почему бы тебе не сбежать отсюда? Я подброшу тебя в Бодмин.

Голос Джема был прост и спокоен, и Мэри почти поверила ему, но она не забыла, что все-таки это брат Джосса Мерлина, и доверяться такому человеку нельзя. Во всяком случае — сейчас. Время покажет, на чьей он стороне.

— Мне не нужна твоя помощь, — сказала девушка. — О себе я побеспокоюсь сама.

Джем запрыгнул в седло и сунул ноги в стремяна.

— Ладно, — произнес он. — Не нужна, так не нужна. Мой домик за ручьем, с той стороны Треуорта, рядом с Болотом Двенадцати. Если я тебе понадоблюсь, то до весны я буду там. Счастливо, — и Джем ускакал раньше, чем Мэри успела ему ответить.

Девушка не спеша вернулась в дом. Если бы он не носил фамилию Мерлин, она бы доверилась ему. Конечно же, ей нужен друг, но брат хозяина вряд ли мог стать таким другом. Джем не больше, чем простой конокрад, бесчестный тип, и все, что он говорил — ничуть не лучше поступков Гарри-сапожника и его компаньонов. Несомненно, он обладал приятной улыбкой, приятным голосом, и очень хотелось ему поверить, но в те минуты, когда Джем смеялся,

он настолько напоминал своего брата, что Мэри терялась. В Джеме текла дурная кровь, и что бы ни было, он переступал закон каждый день своей жизни, он был достойным братом Джосса Мерлина. Может быть, то, что он говорил, было сказано для того, чтобы заслужить ее симпатию, и вся беседа просто была инспирирована хозяином.

Нет, что бы ни случилось, свое дело надо делать самой, нельзя доверять никому. Стены гостиницы «Джамайка» насквозь пропитались ложью и преступлениями, и говорить вслух в этом строении значило нарываться на неприятности.

В доме все было тихо: хозяин вернулся к своей торфяной куче на задворках сада, а тетя Пэйшэнс отправилась на кухню. Станный визит Джема Мерлина несколько нарушил однообразие дня, он принес с собой что-то из внешнего мира, мира, свободного от болот и суровых каменных глыб, а когда Джем ушел, казалось, что все краски дня ушли вместе с ним, небо помрачнело, с запада потянуло вечным дождем, холмы завешало туманом. Черный вереск низко пригнулся от ветра, но дурное настроение, в котором Мэри пребывала с самого утра, исчезло. Оно уступило место немому равнодушию, усталости и отчаянию. Перед девушкой предстала длинная вереница дней, и впереди не было ничего, кроме бескрайней белой дороги, зовущей покинуть эти каменные унылые стены.

Мэри представила себе, что Джем Мерлин в эту самую минуту прищипоривает своего коня и с песней на губах скачет навстречу дождю и ветру, скачет, куда пожелает.

Мэри с грустью подумала о том, что путь в Хэлфорд почти совсем исчез из поля ее зрения. Вспомнился берег реки, по которому шлепают утки, собираясь подойти к воде, она услышала, как какой-то селянин зовет с поля своих коров... Все это было частью ее жизни, но эта часть словно стала прикрыта завесой тумана. Мэри оказалась в гостинице «Джамайка», повинувшись обещанию, которого не могла нарушить, и словно напоминание об этом обещании с кухни доносились шлепающие шаги тети Пэйшэнс.

Мэри увидела, что по оконному стеклу в гостиной вновь покатались капли дождя, и села на стул,

подперев подбородок руками. Словно состязаясь с дождем, из ее глаз хлынули слезы и покатались по щекам, Мэри чувствовала, как они капают вниз, но даже не подумала их вытереть.

Сквозняк из открытой двери трепал длинный оторванный от стены кусок обоев, когда-то, видимо, розового цвета, а теперь потускневший и посеревший; темно-коричневые стены отдавали сыростью. Девушка отвернулась от окна, и ее обьял холодный мертвый мрак гостиницы «Джамайка».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В эту ночь повозки появились вновь. Мэри проснулась, когда часы в коридоре пробили два раза, и почти тут же под верандой слышались шаги и тихие приглушенные голоса. Мэри выскользнула из постели и подбежала к окну: да, на этот раз внизу стояли две повозки и возле них не менее полудюжины человек.

В тусклом ночном свете повозки и сами выглядели призрачными и напоминали катафалки, а снующие вокруг них люди походили на привидения, которые не могут появляться при свете дня, и только ночью передвигаются по двору, бесшумно и таинственно. Что-то ужасное и зловещее было в этих повозках, которые прибывали в тишине ночи, и на этот раз они произвели на Мэри еще более сильное впечатление, ведь сейчас она понимала всю суть происходящего внизу.

В очередной раз эти страшные люди привезли свои товары в гостиницу «Джамайка», может, и не зная, что не так уж давно один из них был убит своими компаньонами. Возможно, что и этой ночью свершится еще одно преступление, и снова веревочная петля повиснет на потолочной балке.

То, что происходило во дворе, странным образом притягивало Мэри, и она просто не могла оторваться от окна. На этот раз повозки приехали пустыми, и их нагружали тем, что осталось в гостинице с прошлого раза. Мэри сообразила, что гостиница несколько недель служила хранилищем, а когда было нужно, в нее прибывали повозки, чтобы перевезти груз за Тэймар и там распространить его. Должно быть,

шайка имела ответвления по всей стране, и чтобы быть в курсе всех событий, агенты шныряли везде и всюду. Возможно, в это грязное дело вовлечены сотни от Пензэнса и Сент-Ивса на юге до Лончестона на границе с Девонширом. В Хэлфорде тоже иногда пахивало контрабандой, хотя там об этом говорили со снисходительными улыбками, говорили о табачке и бренди, которые попадали сюда с фэлмутских кораблей и доставляли невинное и безвредное удовольствие. Все это не было ни на чьей совести.

Здесь же по-другому, эта контрабанда жестока, кровава и беспощадна, она лишена усмешек и многозначительных подмигиваний. Если кто-нибудь осмеливался выступить против дяди Джосса, он тотчас же получал петлю на шею. В той паутине, что опутала все побережье вплоть до границы, не должно быть дыр, и тот, кто этого не понимает, может посмотреть на потолочную балку — как раз на этот случай на ней висит веревочная петля. Незнакомец попытался сопротивляться Джоссу Мерлину — где же он теперь? Внезапно Мэри подумала о том, что утренний визит Джема в гостиницу имеет какой-то скрытый смысл. Странное совпадение — эти повозки вполне могли приехать по его наводке. Он прибыл из Лончестона, он сам говорил об этом, а Лончестон и находится на побережье Тэймара. Мэри рассердилась сама на себя — ведь несмотря ни на что она перед сном подумала о том, что могла бы подружиться с Джемом. Какая же она дура, что надеялась на это!

Два события сегодняшнего дня связывались в узел, и можно довольно легко вычислить значение этого узла.

Джем мог не ладить со своим братом — но это отнюдь не мешало их сотрудничеству. Наверняка он приезжал в «Джамайку» предупредить хозяина о прибытии вечером колонны. Теперь это утверждение казалось Мэри простым и логичным. И этот негодяй еще советовал ей ехать в Бодмин! Он говорил, что здесь не место для девушки — еще бы, никто лучше, чем он сам, не знал об этом, потому что Джем также являлся участником этой сети, сети Джосса Мерлина. Да, со всех сторон это дело было мерзким и гнусным, и, находясь в самом центре

разворачивающихся событий, Мэри не видела и проблеска надежды, тем более, что на ее руках, словно дитя, оказалась тетя Пэйшэнс.

Вскоре повозки нагрузили доверху, кучера запрыгнули на козлы, а их компаньоны — в телеги. Сегодня работники большой дороги управились довольно быстро.

Почти на уровне веранды Мэри видела голову своего дяди — он держал в руке накрытый тряпкой фонарь. Как и ожидала Мэри, телеги повернули в сторону Лончестона.

Девушка отошла от окна и забралась в постель. На лестнице слышались тяжелые дядины шаги, который направлялся в свою спальню. В гостевой комнате на этот раз никого не было.

Следующие дни, как и ожидалось, прошли спокойно, один раз по дороге прогремела идущая в Лончестон карета, которая промелькнула у «Джамайки» подобно испуганному таракану. Дни стояли великолепные, в безоблачном небе ярко светило солнце, только земля чуть-чуть подмерзла. Четкие очертания скал ясно вырисовывались на фоне неба, а трава на болотах, обычно коричневая и влажная, от мороза стала упругой и белой. Колодец во дворе покрылся тоненькой корочкой льда, грязь затвердела, и там, где проходили коровы, следы запечатлелись в самых причудливых формах, которые сохранятся до того времени, когда пойдут дожди.

С северо-востока прилетел легкий и холодный ветер, и Мэри, чей дух всегда крепчал от солнечной и морозной погоды, решила провести утро за стиркой. Она закатала рукава выше локтя и принялась возиться в наполненной горячей мыльной водой кадке. Пена на поверхности воды пузырилась, и было приятно ощущать этот странный контраст — морозный воздух и тепло воды.

Мэри даже принялась напевать какую-то песенку, так ей сделалось хорошо. Дядя уехал на болота, и с той же минуты девушке стало легко и свободно. Мэри отжимала белье и раскидывала его на низкорослых кустах дрока, думая о том, что солнце жарит всю, и день будет сухим.

Внезапно она услышала, как кто-то торопливо барабанит в оконное стекло, и за ним Мэри увидела побледневшую и явно испуганную тетю Пэйшэнс.

Мэри быстро вытерла руки о фартук и побежала к двери; как только она зашла на кухню, тетя схватила ее дрожащей рукой и принялась что-то бессвязно бормотать.

— Тише, тише, — сказала Мэри, — я не понимаю ни слова. Ради всего святого, садитесь на стул и выпейте воды. Ну, в чем дело?

Бедная тетя Пэйшэнс нервно сжала губы и кивнула головой в сторону двери.

— Там мистер Бассет из Норт-Хилла, — прошептала она. — Я увидела его из окна в гостиной. Он прискакал на лошади, а с ним еще один джентльмен. О, Господи, что же нам делать?..

Как только тетя вымолвила это, во входную дверь громко постучали. Потом последовала минутная пауза, и целый град ударов обрушился на гостиницу.

Тетя Пэйшэнс громко застонала и закусил губу.

— Зачем он приехал? — заплакала она. — Раньше он никогда не приезжал, он всегда держался в стороне. Он что-то узнал, я знаю это... О, Мэри, что делать? О чем говорить?

Мэри лихорадочно размышляла, что ей предпринять. Она оказалась в очень сложном положении. Если это мистер Бассет, то ему как представителю закона нужно сообщить все, что она знала о своем дяде. Надо рассказать о повозках и всем том, что она видела с момента своего появления в гостинице. Но... Она взглянула на дрожащую женщину.

— Мэри, Мэри, ради Бога, скажи мне, что мне говорить, — молила тетя Пэйшэнс, прижимая руку своей племянницы к сердцу.

Стук в дверь усилился.

— Слушайте, — решила Мэри, — мы должны дать им войти, иначе они выломают дверь. Говорить ничего не надо, просто скажите им, что дядя Джосс уехал из дома и больше вы ничего не знаете. Я буду рядом с вами.

Женщина взглянула на Мэри изможденным и отчаявшимся взглядом.

— Мэри, — хрипло произнесла она, — если мистер Бассет спросит тебя о том, что ты знаешь, ты ведь не ответишь ему? Я могу тебе довериться? Ты не скажешь ему о повозках? Мэри, пойми, если Джоссу будет что-то угрожать, я этого не переживу...

Спорить было некогда, да и Мэри скорее бы согласилась оказаться в аду, чем причинить тете страдания. Ситуация, в которой она оказалась, была почти смешной.

— Идемте к двери, — сказала Мэри, — мы не задержим мистера Бассета. Не бойтесь, я ничего не скажу.

Они прошли в прихожую и Мэри отперла тяжелую входную дверь. На веранде находились два человека — один пеший, который и колотил в дверь, а второй — плотный мужчина в теплом пальто и изящной шляпе, сидящий в седле превосходной гнедой лошади. Мэри обратила внимание на его лицо и заметила, что черты его крупные и хищные, и на вид ему лет пятьдесят.

— Где вы прохлаждаетесь? — крикнул сидящий в седле. — Вы не очень-то любезны с путешественниками, желающими передохнуть. Хозяин дома?

Тетя Пэйшэнс сжала руку племянницы, и Мэри ответила:

— Мистера Мерлина нет дома, сэр. Вам нужно отдохнуть? Если вы пройдете в бар, я обслужу вас.

— К черту отдых! — ответил сквайр. — Я могу отдохнуть в местах куда более приятных, чем гостиница «Джамайка». Я хочу поговорить с хозяином. Эй, вы его жена? Когда он должен вернуться?

Тетя Пэйшэнс слегка присела в небольшом реверансе.

— К вашим услугам, мистер Бассет, — произнесла она необычайно громким и чистым голосом, похожим на голос отвечающего урок ученика. — Мой муж уехал сразу после завтрака, и вернется ли он до ночи, я не могу сказать. Мне об этом ничего не известно.

— Хм, — пробормотал сквайр, — что за неприятность, черт возьми! А я так хотел переброситься парой слов с мистером Джоссом Мерлином! Ну ладно, мои дорогие. Этот господин приобрел «Джамайку» за моей спиной, на свой мерзкий манер, и мы бы здесь и не появились, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что все, что есть на этой земле дурного и бесчестного, все совершается в этой гостинице!

— Я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Бассет, — сказала тетя Пэйшэнс, теребя свой пере-

дник. — Мы живем очень тихо. Моя племянница может подтвердить мои слова.

— Ну ладно, я не такой уж дурак, как вы думаете, — ответил сквайр. — Я уже давно обратил внимание на это местечко, и поверьте, что без причины дурные слухи не распространяются. Видите ли, миссис Мерлин, вонь от этого дома идет по всему побережью. Не надо притворяться! Ричардс, придержи мою чертову лошадь!

Мужчина, который раньше стучал в дверь, взял поводья, и мистер Бассет тяжело соскочил на землю.

— Я бы хотел оглядеться, пока я здесь, и скажу вам сразу, что удержать меня вы не сможете. У меня есть разрешение из магистрата, — и сквайр прошел в прихожую, не обращая никакого внимания на двух женщин, хотя тетя Пэйшэнс сделала невольное движение, словно пытаясь остановить его. Мэри заметила это, покачала головой и нахмурилась.

— Дайте ему войти, — прошептала она. — Если мы попробуем задержать его, он еще больше разозлится.

Мистер Бассет с отвращением огляделся.

— Господи, — воскликнул он, — здесь воняет, как в могиле! Гостиница «Джамайка» всегда была простовата и грубовата, но то, что я вижу сейчас, это просто позор! Ну что ж, мебели у вас маловато и живете вы бедно, это ясно.

Сквайр толкнул дверь в гостиную и, осмотрев ее, указал кнутом на мокрые стены.

— Если вы не остановите это, крыша рухнет вам прямо на головы, — сказал он. — Я в жизни не видел ничего подобного! Ну, миссис Мерлин, ведите меня наверх.

Бледная и злая Пэйшэнс Мерлин повернулась, и ее глаза вопросительно уставились на племянницу, словно ожидая ее поддержки или спрашивая совета, как ей поступить.

Комнаты наверху были тщательно осмотрены, сквайр даже оглядел все пустые углы и приподнял пустые мешки, пнул ногой вывалившуюся оттуда картофелину, не переставая при этом ворчать и бормотать проклятия. Было видно, что он очень недоволен.

— И это вы называете гостиницей, да? — наконец произнес он довольно громко. — У вас не най-

дятся места, чтобы кота устроить на ночлег. Здесь все прогнило, прогнило насквозь! Почему так, миссис Мерлин? Вы проглотили язык?

Бедная женщина не могла вымолвить ни слова, она только лишь покачала головой да еще сильнее сжала губы, и Мэри внезапно догадалась: ее тетя так же, как и она, думает о том, что произойдет, когда они доберутся до запертой комнаты в глубине коридора.

— Да, жена мистера Мерлина умеет становиться немой и глухой в одно мгновение, — сухо произнес сквайр. — А вы, милая девушка? Что вы скажете?

— Я не так давно здесь, — ответила Мэри. — У меня умерла мать, и я приехала к своей тете. Она неважно себя чувствует, вы и сами видите это, — очень нервная и легко расстраивается.

— Это и неудивительно, раз она живет в таком месте, — заметил мистер Бассет. — Ладно, здесь больше нечего смотреть, поэтому, будьте любезны, проведите нас вниз и покажите, что находится в комнате с закрытыми ставнями. Я со двора заметил, что окна там заперты, и мне очень захотелось узнать, что там внутри.

Тетя Пэйшэнс с отчаянием взглянула на Мэри: она не могла вымолвить ни слова.

— Мне очень жаль, сэр, — сказала Мэри, — но если вы говорите о старой кладовке в конце коридора, то боюсь, что эта дверь заперта. Мой дядя всегда держит ключи у себя, так что открыть ее я вам не смогу.

Сквайр подозрительно взглянул сначала на одну женщину, а потом на другую.

— Миссис Мерлин, это так? Вы тоже не знаете, где находятся ключи вашего мужа?

Тетя Пэйшэнс покачала головой. Сквайр фыркнул и повернулся на каблуках.

— Ладно, это препятствие легко устранить, — сказал он. — Я думаю, что мы довольно быстро откроем эту дверь.

Бассет вышел во двор, и женщины услышали, как он подзывает своего слугу. Мэри погладила тетю по руке и придвинулась поближе к ней.

— Попробуйте не дрожать, — прошептала она, — а то любой дурак увидит, что вы что-то скрываете. У нас есть единственный шанс выпутаться —

притвориться, что все нормально, и все, что нас интересует — это работа по дому.

Через несколько минут мистер Бассет и Ричардс вернулись, причем улыбающийся во весь рот слуга нес старую оглоблю, которую он, видимо, подобрал в конюшне.

К сожалению, присутствие при этой сцене тети Пэйшэнс подавляло все те эмоции, которые могла бы испытать Мэри, ведь она сейчас неминуемо должна узнать, что же все-таки хранится в запертой комнате. Хотя нет, ведь в зависимости от того, что они там найдут, какие-то обвинения могут быть выдвинуты и против нее. Действительно, ведь теперь перед ней самой встает довольно трудная задача логично и уверенно доказать свою непричастность к темным делам дяди Джосса... А что же тетя Пейшэнс?.. Видимо, она так же слепо будет держаться за своего мужа. Ну что ж, тут уже ничего не поделаешь...

Мэри с нескрываемым любопытством наблюдала за тем, как мистер Бассет и Ричардс взяли оглоблю и принялись колотить ею в замок. По всему дому разнеслось эхо ударов, потом последовал звук раскалывающегося дерева, и через несколько секунд дверь распахнулась. Тетя Пэйшэнс издала тихий вздох отчаяния, сквайр вошел в комнату. Ричардс опустил оглоблю и вытер со лба пот, а Мэри через его плечо заглянула внутрь.

В комнате стоял крошечный мрак, потому что заколоченные окна не позволяли проникать сюда свету.

— Кто-нибудь, принесите мне свечу! — крикнул сквайр. — Здесь темно, словно в склепе!

Ричардс достал из кармана огарок свечи, аккуратно поджег ее фитиль и подал сквайру, который, подняв пламя высоко над головой, прошел в середину комнаты.

Некоторое время все молчали, а затем сквайр осветил каждый угол, повернулся к стоящей за ним маленькой группе и прищелкнул языком от досады и разочарования.

— Ничего, — только и вымолвил он. — Совершенно пусто. Этот мерзавец опять провел меня.

Действительно, в комнате ничего не было, кроме старых мешков, сваленных в угол. Еще была пыль,

лежащая везде плотным слоем да затянутые паутиной углы. Мебель отсутствовала, печь была заложена кирпичом, а пол был таким же, как и во всем строении, то есть каменным. Разве что моток скрученной веревки лежал поверх груды мешков, но кого это заинтересовало?..

Сквайр пожал плечами и вышел в коридор.

— Да, мистер Джосс Мерлин на этот раз выиграл,— произнес он.— За то, что мы нашли в этой комнате, нельзя повесить и кота. Признаю себя побежденным.

Ричардс отправился в конюшню за лошадьми, а женщины вышли на веранду.

Мистер Бассет задумчиво смотрел перед собой и меланхолично постукивал по сапогу кнутовищем.

— Вы родились под счастливой звездой, миссис Мерлин,— сказал он.— Если бы то, что я хотел найти, обнаружилось в этой комнате, завтра в это время ваш муж уже сидел бы в окружной тюрьме. Как бы то ни было...— он опять прищелкнул языком и замолчал, не dokonчив предложения.

— Пошевеливайся, Ричардс,— в раздражении прокричал сквайр после паузы.— Что ты копаешься, черт тебя возьми!

Слуга не преминул появиться в воротах конюшни, а две лошади шли за ним.

— Итак, слушай меня,— произнес мистер Бассет, указывая кнутом на Мэри.— Твоя тетя, кажется, проглотила язык, а с ним и мозги, но я вижу, что ты-то понимаешь английский язык. Что ты знаешь о делишках твоего дяди? Кто здесь появляется? Если здесь никого нет днем, может, кто-то приезжает ночью?

Мэри взглянула сквайру прямо в глаза.

— Я никого не видела.

— Тогда ты, наверное, видела то, что хранилось в пустой комнате?

— Нет, никогда в жизни.

— А почему же тогда твой дядя закрывает эту комнату?

— Понятия не имею.

— Ты слышала скрип колес какой-нибудь ночью?

— Я сплю очень крепко, и ночью меня разбудить практически невозможно.

— А куда твой дядя направляется, когда уезжает из дому?

— Не знаю.

— Слушай, а тебе самой не кажется странным, что гостиница, находящаяся на Большой Королевской дороге, пуста?

— Мой дядя и сам довольно странный человек.

— Да, это так... Действительно, он дьявольски странен, так, что половина жителей этой области не сомкнут глаз до тех пор, пока его не повесят, как раньше повесили его отца. Можешь передать ему эти слова.

— Я так и сделаю, мистер Бассет.

— Неужели ты не боишься жить здесь в полном одиночестве, имея компаньонкой лишь эту полубезумную женщину?

— У меня есть время привыкнуть к этому одиночеству.

— Кажется, милая, у тебя неплохо подвешен язык, а? Я не завидую тебе, что ты имеешь таких родственников. Лучше бы увидеть любую из своих дочерей в могиле, чем в гостинице «Джамайка» рядом с Джоссом Мерлином.

Сквайр вскочил в седло и взял в руки поводья.

— Итак, еще пара слов!— крикнул он с лошади.— Видела ли ты здесь младшего брата Джосса, Джема Мерлина из Треуорта?

— Нет,— твердо ответила Мэри.— Его здесь никогда не было.

— Ага... Это все, что я хотел бы сейчас узнать. Счастливо оставаться!— и всадники ускакали прочь вниз по дороге, направляясь к подножию дальнего холма.

Тетя Пэйшэнс ждала Мэри на кухне, и даже одного взгляда было достаточно, чтобы понять: она находится в полном шоке.

— О, тетя, ради Бога, успокойтесь,— устало произнесла девушка.— Мистер Бассет уехал, не произошло ничего плохого, разве что выломали одну дверь. Вот если бы там находились ящики с бренди, вот тогда можно было бы и поплакать. А так и вы, и дядя Джосс довольно легко отделались.

Мэри налила себе в бокал воду и выпила ее одним глотком. Чувствовала она себя сейчас препогано — ей пришлось лгать, чтобы спасти дядину

шкуру, а тем временем каждый дюйм ее тела жаждал совсем другого. Ей хотелось, чтобы все узнали о его преступлениях, узнали обо всем, а вместо этого...

Странно... почему же все-таки оказалась пустой та самая пресловутая комната? Хотя если вспомнить о визите повозок, все станет на свои места. Оставался только ужасный моток веревки, который она тут же узнала: еще бы, ведь именно эта веревка свисала той ночью с потолочной балки. А для того, чтобы спасти тетю, ей пришлось стоять молча... Это просто проклятие, другого слова у Мэри не было.

Ладно, все, что прошло — прошло, и хорошо это или плохо, но теперь она стала одной из соучастниц темных дел в гостинице «Джамайка». Мэри выпила еще один стакан воды и с раздражением подумала, что в конечном итоге ее запросто повесят рядом с собственным дядюшкой, тем более, что она лгала не только для того, чтобы спасти его самого, но и для того, чтобы спасти его младшего брата. Раздражение Мэри еще больше увеличилось, когда она вспомнила и об этом факте. Джем Мерлин должен ее отблагодарить за этот жест, хотя, наверное, он и не узнает об этом. Да если и узнает, то не обратит никакого внимания. И зачем она все это сказала?

Тетя Пэйшэнс все еще стонала и всхлипывала, но утешать ее у Мэри не было никакого настроения, и так за сегодняшний вечер она много сделала для ее семьи, и нервы девушки уже были на пределе. Мэри почувствовала, что если она останется на кухне еще чуть-чуть, то не выдержит и раскричится. Она вернулась к своей кадке, стоящей в саду у курятника, и когда опустила руки в серую мыльную воду, то почувствовала, что та холодна, как лед.

Джосс Мерлин вернулся сразу же после обеда. Мэри услышала, как он встретился со своей женой, и она тотчас же быстро и невнятно залопотала. Мэри даже не сдвинулась с места, предоставляя возможность тете объяснить всю ситуацию самой, но через несколько минут она услышала, что дядя Джосс зовет ее в дом. Девушка не спеша вытерла руки о фартук и направилась к входной двери.

Все, что она слышала по дороге — это высокий и дрожащий голос тети, который время от времени прерывался раздраженными и резкими вопросами

дяди. Когда Мэри зашла на кухню, она увидела, что Джосс стоит у очага с черным, как ночь, лицом.

— Входи, входи! — заорал он. — Ну, а что ты расскажешь обо всем этом? От твоей тети я не могу добиться ни одного внятного слова, сорока и та расскажет больше! Что, черт возьми, здесь произошло? Я хочу знать все!

Мэри в нескольких словах рассказала обо всех произошедших событиях, не пропустив ничего, кроме, разве, вопроса сквайра, касающегося его брата, и закончила рассказ словами мистера Бассета о том, что никто в округе не сомкнет глаз до тех пор, пока Джосса Мерлина не повесят, как до этого повесили его отца.

Хозяин гостиницы слушал внимательно и молчал, а когда Мэри закончила, то с силой ударил по столу кулаком, выругался и пнул один из стульев так, что тот отлетел в сторону.

— Проклятая скотина! — закричал он. — У него было не больше прав вламываться в мой дом, чем у любого другого подонка! Все его разговоры о разрешении из магистрата — это блеф, глупые простофили, блеф и ничего иного! Господи, да если бы я был здесь, он вернулся в свой Норт-Хилл в таком виде, что его родная жена бы не узнала, а если бы и узнала, то не знала бы, в каком качестве его использовать! Проклятье! Я отучу этого мерзавца бегать где не следует и путаться у меня под ногами! А вы и испугались... Да если он попробует еще раз так пошутить, я спалю его дом.

Джосс Мерлин орал, словно резаный, и этот рев был поистине оглушающим, но Мэри почему-то совершенно не было страшно. Все это очень напоминало выступление площадного артиста. Вот если бы Джосс понизил голос до шепота, тогда бы она почувствовала во всем этом угрозу. А это извержение вулкана стало следствием того, что дядя Джосс попросту испугался, и его самоуверенность получила сокрушительный удар, — Мэри очень ясно видела это.

— Дайте мне пожрать, — наконец устало вымолвил дядя Джосс. — У меня теперь нет времени, я снова должен уйти. Прекрати выть, Пэйшэнс, или я разобью тебе голову. Мэри, сегодня ты была умницей, и я этого никогда не забуду.

Мэри внимательно посмотрела в глаза своего дяди.

— Вы, надеюсь, не думаете, что я сделала это ради вас?— спросила она.

— Черт возьми, мне наплевать, ради кого ты это сделала. Результат все равно один и тот же,— ответил Джосс.— Никто ничего не нашел, даже этот дурак Бассет. Он, видно, родился с головой не на том месте. Отрежьте мне хлеба, прекратите болтовню и садитесь за стол.

Женщины сели на свои места и обед прошел без каких-либо разговоров, а когда он закончился, хозяин поднялся и прошел в конюшню. Мэри ожидала услышать, что сейчас он выведет оттуда пони и поскачет по дороге, но через некоторое время дядя вернулся, пройдя через кухню, вышел в сад и пошел дальше, в поле. Мэри видела, как он идет через болота, поднимается по крутому склону и направляется к скалам Толборо и Кодд. Минуту она размышляла, словно хотела до конца увериться в разумности принимаемого ею решения, но раздавшиеся сверху шаги тети Пэйшэнс помогли рассеять все сомнения.

Девушка подождала, когда дверь в спальню тети хлопнется, и тогда, сорвав фартук и схватив с вешалки у стены плотную шаль, она бросилась в поле за своим дядей. Все время, пока она бежала к подножию холма, Мэри пригибалась, но вот фигура дяди мелькнула у гребня и исчезла, и тогда она последовала дальше, ища дорогу среди грубой травы и камней. Предприятие это было довольно рискованное, но игра уже началась, и в награду за свое утрешнее молчание Мэри должна кое-что узнать. Например, куда это собрался дядя.

Несомненно, визит сквайра в гостиницу принес с собой определенные проблемы, и нынешнее путешествие через Западные болота связаны именно с этим. Необходимо только остаться незамеченной, и дядина тайна может оказаться у нее в руках.

Время для прогулки было идеальным — всего лишь только половина второго, на ногах Мэри красовались плотные башмаки, которые наверняка помогут в этом пути, а если учесть, что земля довольно сильно промерзла, то для Мэри, привыкшей к мокрой гальке берегов Хэлфорда и густой грязи ферм,

путешествие казалось несложным, тем более, что ее недавние прогулки кое-чему ее научили.

Девушка старалась идти точно по следу своего дяди, но вот эта задача была трудной — надо держаться на приличной дистанции, чтобы быть незамеченной. Путь дяди пролегал среди весьма опасных мест — они зашли уже далеко, прошли Кодду и повернули на запад к низинам Броун-вилла, и дядя Джосс несмотря на свой внушительный рост казался маленькой точкой среди бескрайних коричнево-бурых болот.

Перспектива карабкаться выше несколько озадачила Мэри и она остановилась, чтобы перевести дух и вытереть вспотевшее лицо. Ветер играл ее волосами, которые девушка распустила для удобства, и обдувал ее разгоряченное лицо. Зачем в этот декабрьский полдень хозяин гостиницы «Джамайка» вздумал забраться на наивысшую точку Бодминских болот? Это было неясно, но раз уж она зашла так далеко, то нет смысла оставаться на половине дороги и единственное разумное решение — прибавить шаг.

Земля потихоньку оттаивала, и сверху долина выглядела желтой, словно намокшей от зимних дождей. Башмаки Мэри отсырели и намокли, стали липкими и холодными, подол юбки был весь забрызган грязью, а кое-где и разорван. Мэри подняла юбку повыше и перевязала ее у талии вынутой из волос лентой, но пока она занималась всем этим, дядя с пугающей быстротой скрылся за гребнем холма, только лишь тень мелькнула на фоне темного вереска и огромных валунов Броун-Вилли, а затем и она исчезла за острыми гранитными скалами.

Найти тропинку, по которой Джосс прошел через болота, казалось невозможным: Мерлин появился и исчез в одно мгновение, хотя Мэри и следовала за ним так долго, как только могла. Конечно, теперь все это было совершенной глупостью, и Мэри знала об этом, но какое-то тупое упрямство заставляло ее идти дальше. Она даже не обращала внимания на оставшиеся кое-где дядины следы, а просто обошла опасный участок, сделав довольно большой крюк, и пройдя около двух миль, оказалась в сравнительной безопасности. Теперь найти дядю не было ни-

какой возможности, более того, она окончательно заблудилась.

Тем не менее Мэри решила забраться на Броун-Вилли. Скользя и оступаясь на мокром мхе, она вскарабкалась на этот огромный гранитный пик, который нарушил все ее планы. Стадо горных баранов, напуганных появлением девушки, врассыпную бросились во все стороны. Они заняли близлежащие валуны, и, цокая копытами, внимательно смотрели на пришлицу.

Облака с запада бросали на долину переменчивые тени, и вскоре солнце скрылось за ними.

На холмах стало очень тихо. Рядом с Мэри сел подлетевший неизвестно откуда ворон, громко закаркал, захлопал большими черными крыльями и с протестующими хриплыми криками устремился вниз, к земле.

К тому моменту как Мэри добралась до вершины холма, вечерние облака собрались прямо над ее головой, и все вокруг посерело, горизонт сразу скрылся в собравшихся сумерках, а над болотами стал подниматься белый пар. Наверное, Мэри забиралась наверх с самой крутой и труднопроходимой стороны, потому что она потеряла на этом около часа, и по-видимому, скоро станет смеркаться. Нет, восхождение оказалось бесполезным — вокруг не было ни души.

Джосс Мерлин исчез, причем мог вовсе не забираться на скалу, а попросту проскочить среди камней и спокойно продолжать свой путь на восток или на запад, надежно укрытый со всех сторон холмами.

Итак, авантюра потерпела поражение, и сейчас надо попросту спуститься с холма наиболее коротким путем и как можно быстрее, потому что если она не поторопится, то будет иметь ночлег на этих зимних ночных болотах, и черный вереск станет ей и подушкой, и одеялом. Да, конечно, забредать так далеко было глупостью, ведь в декабре сумерки на Бодминских болотах сгущаются так быстро! Тьма окружает со всех сторон в считанные мгновения, без предупреждения, солнце тотчас же исчезает, а с сырых болот поднимается белый пар, аккуратно прикрывая опасные трясины.

Расстроенная и испуганная, с упавшим духом

Мэри спускалась по крутому склону холма. Прямо внизу она заметила источник, который, по-видимому, являлся началом реки Фови, несущей свои воды в море. Земля вокруг него была болотистая и опасная, а сам источник — очень глубоким.

Мэри взяла чуть вправо, избегая этого нового препятствия, но когда она все-таки достигла уровня долины, оставив за собой одиноко возвышающуюся могучую вершину Броун-Вилли, влажный пар и темнота уже накрыли болота, и все дороги утонули во всеобъемлющем мраке.

«Ничего страшного не произошло, — утешала себя Мэри, — надо только держать себя в руках и не поддаваться панике». В принципе, было не очень холодно, и если бы не тьма, то найти путь к гостинице «Джамайка» представлялось весьма вероятным.

Если не спускаться очень низко, то можно избежать и угроз трясин. Мэри снова подвязала свою юбку, плотнее укуталась в шаль и уверенно пошла вперед, время от времени проверяя возникающие перед ней участки земли и избегая тех, которые казались зыбкими и мягкими. Куда она шла, девушка и сама сказать не могла, вокруг не было ни одного знакомого ориентира, и явно, что это был вовсе не тот путь, которым она шла в полдень.

Дорога спускалась все ниже и ниже, и ноги Мэри промокли уже до колен, хотя мокрая обувь и чулки не очень беспокоили ее. Девушка была рада, что ручейки, встречающиеся ей, не оказались такими глубокими, что ей пришлось бы переплывать их. Впереди мелькнуло что-то напоминающее сухую землю, и Мэри смело направилась к этому участку, еще чуть-чуть, и перед ней появилась белая лента дороги. Что это была за дорога — неизвестно, но по крайней мере, по ней проходили телеги, на земле остались следы колес, а там, где прошла телега, Мэри и подавно пройдет. Худшее осталось позади, и теперь перед девушкой вставал новый враг — жуткая усталость.

Руки и ноги стали такими тяжелыми, что еле шевелились, и казалось, что кости растворились в теле, а глаза словно утонули под веками. Мэри опустила голову и еле-еле брела по дороге, вспоминая высокие серые трубы гостиницы «Джамайка», в первый раз ощутив странное желание увидеть их

снова. Колея дороги расширялась, стало заметно, что по ней ездят во всех направлениях, и Мэри остановилась, размышляя, в какую сторону ей идти дальше. Прошло мгновение, и ей стало казаться, что слева из темноты доносится топот лошадиных копыт.

Да, точно, подковы мягко стучали о торф, и Мэри напряженно ожидала приближения лошади со всадником. И действительно, внезапно из влажной мглы появились две призрачные фигуры, окутанные тусклым светом. Всадник заметил девушку и повернул к ней.

— Эй,— крикнул он,— кто здесь. Вам нужна помощь?

Всадник внимательно взгляделся в фигуру Мэри и с удивлением воскликнул:

— Женщина! Что вы здесь делаете?

Мэри взяла поводья лошади и тихо спросила:

— Не могли бы вы подвезти меня до дороги? Я заблудилась и оказалась довольно далеко от дома.

— Тише, тише,— прикрикнул на лошадь всадник,— стой спокойно. Конечно, я помогу вам, чем смогу. Откуда вы?

По мягкости и сдержанности этого голоса Мэри поняла, что перед ней находится человек не простой и воспитанный.

— Я живу в гостинице «Джамайка»,— произнесла она, но как только эти слова слетели у нее с языка, девушка тут же пожалела о сказанном. Как только он осознает, какое название произнесла эта странная девушка, он тут же хлестнет лошадь и оставит Мэри. Опять она сморозила глупость!

Как и ожидала Мэри, всадник некоторое время молчал, но когда девушка вновь услышала его голос, она поняла, что в нем ничего не изменилось.

— Гостиница «Джамайка»,— произнес он.— Вы зашли довольно далеко, и мне кажется, совершенно в другом направлении. Это совсем не Большая Королевская дорога, как, наверное, вам показалось, а дорога на Хендра-даун.

— Это ужасно,— только и вымолвила Мэри.— Я никогда не была в этих местах раньше. Как глупо, что я ушла так далеко от дома! Если вы укажете мне правильный путь, то я буду вам очень благодарна...

Мужчина поразмыслил мгновение, и затем соскочил на землю.

— Вы, я вижу, очень устали,— сказал он,— и вам будет тяжело идти дальше, во всяком случае, я не могу вам этого позволить. Мы недалеко от деревни, и поедем прямо туда. Ставьте ногу, я посажу вас,— и через секунду Мэри уже оказалась в седле, а неизвестный устроился сзади и взял поводья.

— Вот так-то лучше, не правда ли?— спросил он.— Вы, наверное, долго бродили по болотам — ваша обувь и подол юбки насквозь промокли. У меня дома мы все просушим, немного отдохнем и поедем, а потом я отвезу вас в гостиницу «Джамайка».

Мужчина говорил с такой спокойной уверенностью, что Мэри облегченно вздохнула и в первый раз за время своего неудачного похода отбросила все свои тревоги, довольная таким неожиданным доверием к своей персоне. Всадник натянул поводья и взглянул на девушку, и впервые Мэри увидела из-под полей шляпы его глаза. Необычные и прозрачные, как стекло, они были такие светлые, что казались совсем белыми,— такого Мэри никогда раньше не видела. Эти глаза словно проникали внутрь нее, читали ее мысли, и девушка почувствовала, что все ее тело расслабляется — и она вовсе не сопротивлялась этому чувству. На фоне черной широкополой шляпы волосы неизвестного казались совершенно седыми, и Мэри была просто ошеломлена, потому что лицо всадника не было морщинистым, а голос вовсе не принадлежал старику.

Через некоторое время Мэри поняла в чем дело и в смущении отвела глаза. Неизвестный мужчина был альбиносом.

Всадник снял шляпу и слегка поклонился.

— Возможно, будет лучше, если я представлюсь,— произнес он с улыбкой.— Как бы необычна ни казалась наша встреча, это необходимо сделать. Меня зовут Фрэнсис Дэйви. Я викарий Алтарнуна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дом, в котором очутилась Мэри, казался необычайно спокойным, странным и очень похожим на дом из старой сказки: когда уставший герой увидел его, окруженный стеной боярышника, он с трудом пробился сквозь его цепляющиеся ветви и вновь

отступил в сторону, пораженный морем цветов с чудовищно яркими соцветиями. Гигантские папоротники укрыли окна и двери, а белые лилии изящно покачивались на своих длинных стеблях. В этой сказке все стены дома покрывал плющ, и этот странный дом, казалось, спал тысячу лет.

Мэри улыбнулась своим мыслям и протянула руки поближе к горящему камину. Эта тишина наполняла ее радостью, растворяла ее усталость и страх. Этот мир абсолютно не был похож на мрачную атмосферу гостиницы «Джамайка», тишина которой давила и уничтожала своей злобой, а в пустых комнатах пахло гнилью. Здесь все было по-другому. Комната, в которой Мэри находилась сейчас, хранила тишину ночи, и все: мебель, стол посреди комнаты, картины на стенах — все, казалось, было отмечено этой тишиной, ничего из этого нельзя представить при свете дня. Все словно спало много лет и с удивлением проснулось в эту полночь. Люди, которые здесь жили, наверняка были счастливы и спокойны, старые священники с тяжелыми книгами в руках, седовласые женщины с прялками у окна — все это было, но было очень давно. Теперь они спали в церковном саду, за воротами, и их имена уже практически невозможно прочесть на поросших мхом каменных плитах. Эти люди ушли из дома и стали молчаливы, но атмосфера в нем осталась неизменной, и попадающий сюда человек моментально ощущал это.

Мэри наблюдала за накрывающим на стол викарием и думала, что напряжение тишины могло бы исчезнуть в одну секунду, стоило только ему стукнуть чашкой или начать болтать о какой-нибудь ерунде. Мэри перевела взгляд с викария на стены, совершенно чистые, если не считать нескольких картин на библейские сюжеты, потом на полированный стол, свободный от бумаг и книг. Именно так, по ее мнению, и должен выглядеть дом приходского священника. В углу находился мольберт, на котором Мэри заметила картину, видимо, незавершенную, что-то вроде пейзажа озера Дозмари, изображенного, правда, в непогожий день. На небе можно заметить дождевые тучи, а совершенно спокойная от безветрия вода имела сланцевый оттенок. Эта картина просто зачаровала девушку, и ничего не понимая

в живописи, она тем не менее почувствовала, что капли дождя падают ей на лицо. Должно быть, долгий взгляд девушки не ушел от внимания викария, потому что он подошел к мольберту и повернул полотно лицом к стене.

— Не надо смотреть,— сказал он.— Я очень торопился, когда писал это, а теперь никак не могу закончить. Если вы интересуетесь живописью, я покажу вам кое-что поинтереснее, но сначала я хочу предложить вам ужин. Не вставайте, я перенесу стол сюда.

Мэри несколько удивилась, но викарий перенес стол с такой аккуратностью, как будто каждый день занимался подобным упражнением, и девушка успокоилась.

— Ханна живет в деревне,— произнес Фрэнсис,—и каждый день в четыре часа она уходит. Я остаюсь один и сам готовлю себе ужин. К счастью, сегодня она приготовила яблочный пирог, и я надеюсь, что он вам понравится; хотя ее кушанья и скромны, они тем не менее очень вкусные.

Он наполнил чашки чаем и принес еще молочницу со сливками. Мэри до сих пор никак не могла привыкнуть к белым глазам и волосам викария — так сильно они контрастировали с его черной одеждой священника. Несмотря на то, что ее утомление почти исчезло, девушка все еще чувствовала себя немного скованной, и причиной этому являлась странность окружения и изысканность Фрэнсиса. Она единым духом проглотила свой ужин и из-за чашки чая снова принялась рассматривать своего спасителя, но тот, казалось, не замечал этого и своим всепроникающим взглядом слепого смотрел куда-то вперед. Вскоре Мэри переключилась на светло-зеленые стены, потом на полированный стол, на мольберт, в общем, проделала тот же путь, что и несколько раз до этого.

— Это провидение, что я сегодня проезжал по болотам,— сказал викарий после того, как Мэри отодвинула от себя тарелку и откинулась на спинку стула. Тепло, возникшее внутри нее после чашки чая, полностью расслабило ее, а мягкий голос священника, казалось, усыплял.

— Иногда, по долгу службы, я отправляюсь на дальние фермы и хутора,— продолжил Дэйви.—

Сегодня, например, я помогал рождению ребенка. С ним все в порядке и с его матерью тоже. Эти люди с болот крепки и бесстрашны, вы, наверное, тоже это заметили. Я очень уважаю их.

Мэри ничего не ответила: те, кто приходил в гостиницу «Джамайка», не очень располагали к уважению. Мягкий запах роз коснулся ее ноздрей, и, оглянувшись, она заметила за своим стулом на маленьком столике вазу с засушенными розовыми лепестками. Викарий снова заговорил, но на этот раз в его голосе появились новые нотки:

— Скажите, что вы делали ночью на болотах?— спросил он, и спросил весьма настойчиво.

Мэри стряхнула с себя сон и взглянула священнику в глаза. Он смотрел на нее с такой жалостью, что девушка, сама не понимая, как это происходит, зататорила:

— Я чувствую, что, наверное, скоро сойду с ума, как моя несчастная тетя, потому что то, что я пережила за это время, не поддается описанию. Может, слухи о гостинице «Джамайка» дошли уже и до Алтарнуна... вы пожимаете плечами?... значит, еще нет. Я не прожила там и месяца, но у меня такое ощущение, что уже прошло двадцать лет. Я живу там только из-за своей тети... Если б я только могла забрать ее оттуда! Но несмотря ни на что она не бросит дядю Джосса... Каждую ночь я ложусь спать и с ужасом думаю, не разбудит ли меня скрип повозок. В первый раз их было шесть или семь, они привезли мешки и ящики, и все это было спрятано и заперто в комнату в конце коридора. Этой ночью они убили человека — я сама видела свисающую с потолочной балки петлю...— внезапно Мэри замолкла и краска бросилась ей в лицо.— Знаете, я никогда и никому этого не говорила, все это вырвалось из меня помимо моей воли, но я больше не могу молчать, хотя и не должна говорить. Это ужасно...

Некоторое время священник молчал, ожидая, когда Мэри успокоится, а затем, как только девушка взяла себя в руки, он заговорил, мягко и медленно, словно отец, успокаивающий испуганное дитя.

— Не бойся,— произнес он.— Твоя тайна в безопасности, никто, кроме меня, не будет о ней знать. Ты очень устала, и это моя ошибка, что я привел тебя в жаркую комнату и заставил ужинать. Тебе

сначала следовало бы выспаться. Ты долго ходила по болотам, причем по самым дурным местам между Алтарнуном и гостиницей «Джамайка», а в это время года болота особенно опасны. Отдохни, а потом я отвезу тебя в коляске, и если это нужно, извинюсь перед хозяином гостиницы.

— О нет, не надо! — жарко произнесла Мэри. — Если он узнает хотя бы чуточку из того, что я сегодня сделала, он убьет меня, да и вас тоже. Вы, наверное, не поняли — это безумный человек, который не остановится ни перед чем. Нет, чтобы не было хуже, я рискну забраться по веранде в окно моей спальни. Он не должен знать, что я была в Алтарнуне, даже то, что я встречалась с вами.

— А вы не преувеличиваете? — спросил викарий. — Я знаю, с моей стороны не очень вежливо говорить так, но сейчас на дворе девятнадцатый век, и люди не убивают друг друга просто так. Я так же, как и ваш дядя, частенько езжу по Большой Королевской дороге, но... Послушайте, если вы уже столько мне рассказали, почему бы вам не поведать мне всю вашу историю? Как вас зовут? Давно ли вы в гостинице «Джамайка»?

Мэри снова взглянула в эти белые глаза на бесцветном лице, на ореол этих белых волос и еще раз подумала о том, как жестоко природа обошлась с этим человеком. Ему можно было дать и двадцать лет, а можно было и все шестьдесят, и именно его мягкий и убедительный голос заставил ее рассказать свою самую сокровенную тайну. Викарию можно довериться — это точно. Некоторое время Мэри размышляла, подыскивая нужные слова.

— Ну же, — улыбнулся Дэйви, — в свое время я исповедовал, правда, не здесь, в Алтарнуне, а в Ирландии, в Испании... Твоя история вовсе не такая уж необыкновенная, я уверен, что за свою жизнь выслушал много такого, что тебе и не снилось.

Эта речь несколько смутила Мэри — ей даже показалось, что Фрэнсис подсмеивается над ней, правда, тактично и деликатно, в глубине души, наверное, думая, что Мэри — просто впечатлительная девица, фантазерка, немного не в себе, но отступать уже было поздно, и она очертя голову принялась рассказывать обо всем, что произошло с ней, начиная с первой субботней ночи в баре, перескакивая на

день своего приезда в гостиницу. Она чувствовала, что говорит довольно плоско и не совсем убедительно, потому что даже она сама, зная, что все это правда, не совсем верила рассказанному. Усталость мешала ей мыслить, Мэри постоянно сбивалась, замолкала, пытаясь найти нужные слова, снова возвращалась к началу истории и повторяла ее.

Викарий слушал не перебивая, без комментариев и вопросов, но девушка постоянно чувствовала, что белые глаза неотрывно следят за ней, а время от времени раздавался странный звук — это оказалось странной привычкой Дэйви сглатывать слюну. Все страхи, страдания и сомнения до сих пор преследовали Мэри, в глубине памяти оживали воспоминания, и в результате всего этого смещения беседа в баре между ее дядей и незнакомцем превратилась в глупейшую путаницу. Она уже просто боялась взглянуть на священника, потому что чувствовала, что он не верит ей, потому что, пытаясь смягчить краски этой истории, она превратила своего дядю из негодяя и убийцы в обыкновенного крепко выпивающего и наглого селянина, раз в неделю избивающего жену, а повозки являются не чем иным, как багажными телегами, которые едут по ночам для того, чтобы быстрее достигнуть места назначения.

Визит сквайра Бассета вроде бы вселял некоторые надежды на правдоподобность истории, но пустая запертая комната разрушала и этот пункт, так что единственным моментом, который не подлежал сомнению, было то, что Мэри сегодня ночью заблудилась на болотах.

Когда девушка закончила свой рассказ, викарий встал из-за стола и стал медленно расхаживать по комнате, что-то напевая себе под нос и поигрывая с полуоторванной пуговицей, повисшей на ниточке. Вскоре он остановился у камина, повернулся спиной к огню и взглянул на Мэри, но она не смогла прочитать в этих глазах что он думал обо всей этой истории.

— Я верю вам, — наконец, после паузы, сказал Фрэнсис. — Вы не похожи на человека, который бы говорил неправду, и я не сомневаюсь, что вы в полном рассудке. Но нашей истории не поверят в магистрате, даже если вы ее расскажете и более подготовленно, чем сейчас. Она слишком невероятна.

И еще... Мы конечно знаем, что это позор и нарушение закона, но половина магистратов кормится на контрабанде. Это довольно часто раскрывается то тут, то там. Вы шокированы, да? Но я уверяю вас, что это правда. Наверняка сеть вашего дяди опутала всю округу, но... Я несколько раз встречался с мистером Бассетом, и знаю, что он честный человек, хотя, говоря между нами, немного туповатый. Конечно, он угрожает «Джамайке», он недоволен творящимися там делами, но это и все. Если я не ошибаюсь, свою утреннюю экспедицию он сохранит в тайне — несомненно, он не имел права входить в гостиницу и обыскивать комнаты, и если об этом кто-нибудь узнает, тем более, если узнают, что он ничего там не нашел, то он просто станет посмешищем для всех. И еще — этот визит наверняка испугает вашего дядю и он заляжет на дно. Я думаю, что теперь эти повозки долго не появятся, да я просто уверен в этом.

Мэри слушала все эти рассуждения с каким-то странным смешанным чувством. Она надеялась, что викарий будет просто ошеломлен, тем более, что он признал правдоподобность истории, но Дэйви оставался совершенно спокойным и говорил о гостинице, как о чем-то вполне обыденном.

Должно быть, священник увидел все это в глазах Мэри, потому что он произнес:

— Если хотите, я увижусь со сквайром Бассетом, и расскажу ему обо всем мной услышанном, но до тех пор, пока вы не схватите вашего дядю с поличным, у нас немного шансов на успех. Я хочу, чтобы вы это поняли. То, что я говорю, боюсь, расстроит вас, но все-таки положение довольно неустойчивое и сложное. Кроме того, как я понял, вы не хотите чтобы ваша тетя оказалась причастна ко всему происходящему и попала в тюрьму, но как это сделать? Более того, вы также можете подвергнуться аресту.

— Так что же делать?! — в отчаянии воскликнула Мэри.

— Вы должны выждать. Я на вашем месте поступил бы именно так. Наблюдайте за своим дядей, а когда повозки появятся опять, тотчас же сообщите мне, и тогда мы вместе решим, что предпринять. Но все это в том случае, если вы доверяете мне.

— А как же исчезнувший незнакомец? — спроси-

ла Мэри.— Я уверена в том, что его убили. Что, в этом случае уже ничего нельзя поделывать?

— Я боюсь, что это так. Можно, конечно, попробовать найти тело, но я думаю, это практически невозможно. Хотя, может, его вовсе и не убили. Простите, но я думаю, что в этом случае вы несколько преувеличили. Все, что вы видели — это всего лишь кусок веревки, правда? Вот если бы вы видели, что этого человека убили или хотя бы ранили, вот тогда совсем другое дело.

— Но я слышала, как мой дядя угрожал ему, — настаивала Мэри. — Разве этого недостаточно?

— Мое дорогое дитя, люди угрожают друг другу каждый день, но при этом никто никого не вешает. Итак, слушай меня. Я хочу, чтобы ты мне доверяла. Если ты увидишь что-нибудь такое, что беспокоит тебя, вообще, если возникнут проблемы, ты можешь прийти ко мне и рассказать обо всем. Судя по твоему сегодняшнему путешествию, гулять ты не боишься, а Алтарнун всего в нескольких милях от большой дороги. Приходи в любое время, а если меня здесь не окажется, то ты найдешь Ханну и передашь ей все, что нужно. Договорились?

— Большое вам спасибо за все, мистер Дэйви.

— А теперь одевай свои чулки и ботинки, а я пока схожу в конюшню и выведу коляску, чтобы отвезти тебя домой.

Мысль о возвращении была сейчас ненавистна Мэри, но делать было нечего. Какой контраст между этой уютной комнатой с ее мягким светом свечей, жарким теплом камина и холодными мрачными коридорами «Джамайки», как не хотелось теперь возвращаться в свою комнату над верандой! Единственная мысль немного утешила Мэри — то, что теперь в Алтарнун можно вернуться в любую минуту.

Темные облака раннего вечера рассеялись, и небо было усыпано звездами. Мэри устроилась на высоком сиденье двухколесного экипажа рядом с Фрэнсисом Дэйви и закуталась в теплое пальто с огромным воротником. Викарий на этот раз запряг не ту лошадь, на которой она встретила его на болотах, а серой масти, свежую после отдыха в конюшне и быструю, как ветер. Путешествие было веселым и необычным — ветер обжигал лицо Мэри, потому что, когда после довольно долгого подъема из Ал-

тарнуна по крутому склону холма последовал спуск, и дорога плавно перешла в большую, на Бодмин, викарий так хлестнул лошадь, что она, прижав уши, понеслась безумным галопом.

Копыта гулко стучали по твердой белой дороге, поднимая облака пыли, и тогда Мэри бросила взгляд на своего спутника. Он почти без усилий удерживал поводья и улыбался.

— Давай,— услышала девушка его негромкий голос,— давай, ты можешь еще быстрее!— голос был низким и азартным, и казалось, что он говорит сам с собой. В этом было что-то странное и пугающее, и Мэри подумалось, что тихий викарий перенесся в какой-то другой мир, совсем забыв о ее существовании.

Мэри внимательно смотрела на своего спутника, разглядывая его четко очерченный профиль, его выступающий нос, да, действительно, природа позаботилась об этом человеке, на свой лад выделив его из всех прочих людей.

Согнувшийся на сиденье Фрэнсис Дэйви был похож сейчас на птицу, а развевающиеся за его спиной полы плаща походили на крылья. Неожиданно викарий улыбнулся и снова стал похож на человека.

— Я люблю эти болота,— сказал он.— Ты наверняка получила о них искаженное представление и не согласишься со мной, но если бы ты знала их так же хорошо, как я, наблюдала бы за ними и зимой и летом, ты тоже бы их полюбила. Они сохранились с давних времен — иногда мне кажется, что они никогда не менялись, потому что сначала на земле появились болота, потом леса, потом долины и моря. Заберись как-нибудь до рассвета на Рафтор и послушай шум скользящего по камням ветра, может, тогда ты поймешь меня.

Мэри вспомнила своего хэлфордского священника: это был жизнерадостный человечек с целым выводком похожих на него детей, и его жена делала сыр с черносливом. На Рождество он читал проповедь, а прихожане постоянно подсказывали ему. Интересно, а что говорит в своей церкви в Алтарнуне Фрэнсис Дэйви? Или он проповедует с Рафтора, глядя на воды озера Дозмари? Экипаж покатился вниз по дороге, вдоль деревьев, растущих по берегам реки Фови; впереди стал виден ничем не защищен-

ный холм, а почти на горизонте уже показались очертания высоких труб гостиницы «Джамайка».

Путешествие подходило к концу, и веселье уступало место старому страху и отвращению. Викарий остановил лошадь прямо около двора, возле небольшого холмика.

— Отсюда нас не видно,— спокойно произнес он.— А этот дом весьма смахивает на кладбище. Давайте, я попробую войти в дверь?

Мэри покачала головой.

— Она всегда закрыта, так же, как и окна. Видите, там, над верандой, моя комната. Если вы посадите меня, я заберусь туда. Не бойтесь, я попадала и в худшие переделки. Окно в моей комнате открыто, и если я доберусь до него, все будет нормально.

— Вы можете поскользнуться на черепице и упасть,— сказал священник.— Я не могу позволить вам так рисковать. Ну неужели нет другого способа, придумайте что-нибудь, вспомните, может, пройти через черный ход?

— Дверь в бар наверняка закрыта, и на кухне тоже,— ответила Мэри.— Если хотите в этом убедиться, давайте обойдем дом.

Они осторожно двинулись вдоль стены, как вдруг девушка обернулась и прижала палец к губам.

— На кухне свет,— прошептала она.— Значит, там дядя. Тетя Пэйшэнс в это время уже давно спит. На окнах нет штор, значит, если мы пройдем здесь, он нас увидит,— и Мэри плотно прижалась к стене, а викарий последовал ее примеру.

— Отлично,— прошептал он,— так он нас не увидит. Я, пожалуй, загляну в окно.

Он чуть-чуть приподнялся и несколько минут внимательно вглядывался в окно, а затем улыбнулся той тонкой улыбкой, которой уже не раз улыбался раньше и кивком подозвал девушку. В тусклом свете его лицо выглядело еще бледнее обычного.

— Сегодня вам не о чем спорить с хозяином гостиницы «Джамайка»,— сказал викарий.

Мэри также приподнялась и осторожно заглянула в окно. Кухня была освещена единственной воткнутой в бутылку свечой, уже почти догоревшей, по столу расплылась огромная лужа воска, пламя колыхалось от проникающего из открытой двери сквозняка.

Совершенно безумный Джосс Мерлин расположился за столом, откинувшись на спинку стула и вытянув свои длинные ноги. Шляпа его еле-еле держалась на самом затылке, а сам хозяин ничего не видящим взором смотрел на оплавившую свечу, и его глаза остекленели, словно у мертвеца. Еще на столе можно было заметить бутылку с отбитым горлышком и полупустой стакан.

Фрэнсис Дэйви указал на открытую дверь и произнес:

— Ты можешь спокойно зайти и подняться в свою комнату. Твой дядя даже не заметит тебя. Только потуши свечу и закрой дверь, а то, не ровен час, ваша кухня загорится. Спокойной ночи, Мэри Йеллан. Если у тебя возникнут какие-нибудь проблемы, я жду тебя в Алтарнуне.

Он повернул за угол и исчез, словно и не было во дворе гостиницы викария Дэйви.

Мэри на цыпочках вошла на кухню и заперла за собой дверь. Сначала она боялась двинуться, потому что подумала, что от какого-нибудь звука дядя Джосс может проснуться.

Но нет, Мерлин находился далеко отсюда, в своем Царстве Снов, и этот мир уже не существовал для него. Мэри задула свечу, и дядя Джосс остался один на один с темнотой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Джосс Мерлин пил пять дней. Все это время он пребывал в полубесчувственном состоянии и валялся на импровизированной кровати на кухне. Когда он спал, его рот оставался широко раскрытым и звук его храпа был слышен даже в комнатах на верхнем этаже. Около пяти вечера дядя Джосс просыпался на полчаса и кричал, что он хочет бренди, после чего плакал, как дитя. Тетя Пэйшэнс ухаживала за ним, утешала, как могла, меняла мокрые наволочки и давала немного разбавленного водой бренди, нежно разговаривала с мужем, словно с больным ребенком, а дядя Джосс смотрел прямо перед собой ничего не видящими красными глазами, что-то бормотал себе под нос и вздрагивал, как больной пес.

Тетя Пэйшэнс превратилась совсем в другую

женщину, и ее спокойствие и присутствие духа просто поразили Мэри, она даже и представить себе не могла, что ее тетя обладает такими свойствами. Она нянчилась со своим мужем так, что, казалось, это является для нее делом чести, и выполняла свой долг, не обращая внимания на крики и ругательства, которыми муж встречал ее. Мэри с чувством легкого отвращения наблюдала за тем, как тетя меняет одеяла и белье дяди Джосса. Сама она не могла подойти к нему даже на фут.

Это были те минуты, когда Пэйшэнс имела неограниченную власть над своим мужем, и он не протестуя позволял ей ополаскивать его лицо горячей водой и вытирать полотенцем. Потом тетя стелила свежую простыню, приглаживала шевелюру мужа, и через несколько минут он уже спал, лицо его багровело, рот широко раскрывался, язык вываливался; хозяин гостиницы «Джамайка» храпел, как медведь.

Теперь находиться на кухне стало невозможно, и Мэри со своей тетей сделали своей комнатой нежилую гостиную. Снова тетя Пэйшэнс стала спокойной и рассудительной, они опять болтали о старых днях в Хэлфорде, тетя вспоминала те дни, когда она и мать Мэри были девочками, и тихо и легко скользила по дому, а иногда Мэри даже слышала, как она напевает отрывки из старых гимнов и песен. За время этих разговоров девушка выяснила, что Джосс Мерлин уходит в запой каждые два месяца. Иногда они были несильными, иногда — жестокими, и тетя Пэйшэнс никогда не знала, когда случится следующий запой.

Причиной этого, несомненно, оказался визит в гостиницу сквайра Бассета, потому что, как рассказывала Пэйшэнс, Джосс сразу стал злым и расстроенным, а когда он вечером вернулся с болот, то тотчас же отправился в бар, и она сразу поняла что теперь должно произойти.

Тетя Пэйшэнс даже не усомнилась в версии племянницы о том, что та заблудилась в болотах, и только просила не ходить возле трясин и быть осторожной. У Мэри отлегло от сердца: она не хотела, чтобы ее приключение стало известным, и решила ничего не говорить о своей встрече с викарием Алтарнуна.

Пока Джосс Мерлин находился в запое, две женщины провели пять сравнительно спокойных и мирных дней.

Дни стояли холодные и серые, и Мэри практически не выходила из дому, но на пятое утро ветер утих и засияло солнце, и несмотря на то жуткое происшествие, которое еще было свежо в памяти Мэри, она решила снова пойти на болота. Хозяин проснулся часов в девять и тут же начал вопить дурным голосом. Шум, который он производил, и запах из кухни заполнили весь дом, и тетя Пэйшэнс с чистыми простынями в руках поспешила к мужу. Мэри с чувством глубокого отращения выскользнула из дома, завернув в чистый платок краюху хлеба и надев свои обычные крепкие башмаки.

Она пересекла большую дорогу, но на этот раз девушка решила направиться к Восточным болотам, к Килмару, и провела возле него почти целый день, не опасаясь заблудиться.

Мэри думала о Фрэнсисе Дэйви, этом странном викарии из Алтарнуна, и понимала, что он почти ничего не рассказал ей о себе, тем временем как она сообщила обо всем, что знала. Девушка размышляла о священнике, и представила, насколько необычно он выглядит, наверное, когда пишет свои картины на озере Дозмари. Он стоит без шляпы, и ореол его белых волос сияет вокруг головы, словно нимб. На озеро, наверное, залетают чайки с моря, они скользят по поверхности воды и садятся у ног художника, который тогда выглядит, как Илия.

Мэри вспомнила, как он говорил ей о народе болот, и подумала о том, что именно эти люди и являются его прихожанами. Скоро наступит Рождество, в Хэлфорде все уже украшают дома остролистом, омелой и ветвями сосны, готовят праздничные пироги и пирожные, откармливают индюшек и гусей. Маленький священник в радостном предощущении праздника сияет, как медный грош, в Сочельник он отправится в Трелоуоррен и примет там свою праздничную порцию джина.

Интересно, украшает ли Фрэнсис Дэйви свою церковь остролистом и благословляет ли своих прихожан?

Единственное, что можно сказать с полной уве-

ренностью, это то, что в гостинице «Джамайка» будет совсем невесело.

Мэри гуляя довольно долго и, наконец, увидела, что путь ей преграждает текущий в лощине среди холмов ручей. Эта местность была ей незнакома, и когда Мэри огляделась, она увидела за гладкими поверхностями скал огромную расколотую руку Килмара, указывающую перстом в небеса. По-видимому, она дошла до болот Треуорта, а так как солнце сейчас светило с юго-востока, то время осмотреть эту незнакомую для нее местность еще было. Вода ручья весело журчала по гладким камням, слева от Мэри протянулись болота, и легкий ветерок колыхал бледно-зеленую траву, а встречающиеся то тут, то там заросли буру-желтого цвета вздрагивали, вздыхали и шелестели при соприкосновении с этим ветерком.

Это и были коварные островки трясины, обманчиво надежные, заросшие чертополохом и словно приглашающие ступить на них, но стоило только коснуться их палкой, как островок тут же исчезал, и вместо него появлялась мутная темно-коричневая жижа, пенящаяся и через несколько секунд становящаяся совсем черной.

— Мэри отвернулась от болот и перешла через ручей, направляясь вдоль холма к извилистой лощине. Облака бросали на землю свою тень, и в зависимости от того, светило ли солнце или плыли облака, болота становились то темными, то ярко-желтыми, песочного цвета. Посередине ручья стоял задумчивый вальдшнеп, сосредоточенно рассматривающий свое отражение в воде, через секунду его длинный клюв с невероятной быстротой устремился вниз и вонзился в мягкую грязь, а затем птица подняла голову, переставила длинные ноги и взмыла в воздух, время от времени уныло крича.

Что-то напугало этого вальдшнепа, и через пару минут Мэри поняла что. По дороге вдоль холма шли один за другим два пони; они стали спускаться к воде, чтобы напиться, звонко цокали копытами по камням, смешно подталкивали друг друга и размахивали хвостами. Видимо, они появились из тех дальних ворот, на которые Мэри только сейчас обратила внимание, так как заметила ведущую к ним

дорогу, по которой проехало довольно много телег (это было видно по запечатленным в грязи следам).

Мэри наблюдала за смешными пони, а потом увидела появившегося из ворот человека, который в каждой руке нес по ведру. Она уже собиралась повернуться и пойти прочь, как вдруг вышедший из ворот мужчина помахал ей ведром и что-то крикнул.

Это был Джем Мерлин, и уйти теперь Мэри не могла, оставалось только ждать, когда тот подойдет к ней. Джем был одет в никогда не знавшую стирку рубашку и в пару грязных бриджей, покрытых лошадиной шерстью и навозными пятнами. Ни шляпы, ни куртки на нем не было, подбородок покрылся щетиной, но Джема это вроде вовсе не угнетало, и он улыбался во весь рот, демонстрируя свои великолепные зубы. Сейчас он выглядел точь-в-точь таким, каким, должно быть, был его брат двадцать лет назад.

— Неужели ты нашла меня так быстро?— прокричал он.— Я и не думал, что ты такая легкая на подъем, а то непременно бы побрился в твою честь, ведь я и не мылся дня три, а ел одну картошку! Ну-ка, возьми это ведро.

И он сунул одно из ведер в руку девушки раньше, чем она смогла запротестовать, а сам пошел к своим пони.

— А ну, вон отсюда!— крикнул он.— Прочь, слышите? Не смейте мутить мою воду! Ну-ка ты, черный дьявол!

И он ударил большего из пони по крупу ведром. Лошади в панике поскакали прочь, и высоко взбрасывая ноги, стали забираться на холм. Джем подошел к ручью.

— Я случайно не закрыл ворота,— крикнул он Мэри.— Принимай ведро, это моя питьевая вода, она совсем чистая.

Он наполнил и второе ведро и улыбнулся.

— А что бы ты сделала, если бы не нашла меня дома?— спросил Джем и вытер лицо рукавом. Мэри также не смогла удержаться от улыбки.

— Я даже не знала, что ты здесь живешь,— сказала она.— И конечно же, никогда не пошла бы этой тропой, если бы знала, что она приведет к тебе.

— Я тебе не верю,— произнес Джем.— Ты очень хотела меня увидеть, и даже не притворяйся, что это

не так. Ладно, ты появилась как раз вовремя, и приготовишь мне обед. На кухне есть отличный кусок баранины.

Они обогнули холм и по грязной дороге подошли к небольшому серому домику, возле которого Мэри заметила несколько подсобных помещений и грядки картофеля. Из невысокой трубы шла тонкая струйка дыма.

— Огонь уже зажжен, так что сварить баранину не составит большого труда. Я надеюсь, готовить ты умеешь? — внезапно подозрительно осведомился Джем.

Мэри прищурилась и оглядела его сверху донизу.

— Ты это со всеми так разговариваешь, или я исключение? — спросила она.

— Я вообще ни с кем не разговариваю, — ответил Джем. — Я думаю, тебе у меня понравится. Со времени смерти матери женщины в этом доме не было... Заходи.

Мэри последовала этому приглашению, но, заходя, слегка пригнулась, чтобы не удариться головой о низкую притолоку двери.

Комната оказалась очень маленькой — вполовину кухни в гостинице «Джамайка», в одном углу находился очаг, пол грязный и забросанный различным мусором: кожурой картошки, кочерыжками капусты, кусками хлеба, плюс ко всему этому забрызган какой-то дрянью и покрыт налетом пепла от торфяного пламени. Мэри пришла в неопиcуемый ужас, когда все это увидела.

— Ты когда-нибудь убирался? — спросила она. — У тебя не кухня, а свинарник, должно быть стыдно. Дай-ка мне ведро воды и найди щетку. В такой грязи я есть не стану.

И Мэри принялась за уборку. Всего полчаса прошло с момента, как она пересекла порог этого дома, а он уже изменился до неузнаваемости: каменный пол сиял, стулья расставлены вдоль стен, а весь мусор выметен прочь. В посудном шкафу Мэри нашла фаянсовые тарелки и чашки, на стол постелила чистую скатерть, тоже неизвестно каким образом оставшуюся целой во всем этом бардаке, а пока девушка занималась уборкой и сервировкой стола, в котелке верилось мясо, которое Мэри приправила картофелем и турнепсом.

Через некоторое время, привлеченный ароматом готовящегося блюда, в дверях появился Джем Мерлин, принюхивающийся, как голодный пес.

— Пора заводить женщину, — сказал он. — Теперь мне это ясно. Ты не собираешься оставить свою тетю, чтобы приглядывать за мной?

— Ты не сможешь выдавать мне жалованье — у тебя никогда не бывает денег.

— Зато у женщин они всегда бывают, — сказал Джем, усаживаясь за стол. — Что они делают со своими деньгами я не знаю, но они никогда их не тратят. Моя мать была такая — она хранила деньги в своем старом чулке — но я никогда не видел их. Поторопись с обедом — я пуст, как барабан.

— Ты слишком нетерпелив, и я не слышу даже слова благодарности. А ну-ка, убери руки — блюдо горячее.

Мэри выложила мясо на блюдо и поставила перед Джемом.

— Тебя кое-чему научили, — сказал тот, причмокивая губами. — Я всегда говорил, что женщины инстинктивно умеют делать две вещи, готовка — одна из них. Принеси кувшин с водой, он там, снаружи.

Но Мэри уже поставила перед Джемом полную чашку и села за стол напротив него.

— Все мы родились в этом доме, — мотнул головой Джем, — в комнате наверху. Но Джосс и Мэтт уже были здоровыми мужиками, когда я пешком под стол ходил. Отца мы почти не видели, но когда он приходил, в доме становилось весело. Я помню, он как-то бросил в мать нож и поранил ее чуть выше глаза. Все ее лицо было залито кровью, я напугался, побежал и спрятался вон в том углу за очагом. Мать тогда ничего не сказала, просто вымыла лицо и подала отцу ужин. Я могу сказать, что она была смелой женщиной, хотя и говорила мало и никогда не кормила нас досыта. Когда я был маленьким, она меня немного баловала, потому что я был меньше всех и мои братья постоянно лупили меня. Мерлины никогда не были дружной семьей, я видел, как Джосс колотил Мэтта так, что тот не мог стоять. Мэтт был очень смешным и спокойным, даже спокойнее, чем мать, он утонул вон там, в трясине. Здесь можно орать до тех пор, пока у тебя не лопнут

глаза, и никто тебя не услышит, никто, кроме птиц и диких пони. В свое время я и сам чуть не утонул.

— А твоя мать давно умерла?— спросила Мэри.

— Семь лет до этого Рождества,— ответил Джем.— Отца повесили, Мэтт утонул, Джосс умотал в Америку, я рос свободным, как ястреб, а мать стала очень религиозной и целыми днями молилась и звала Господа. Этого я вынести не смог и тоже ушел отсюда, немного походил на шхуне в Пэдстоу, правда, оказалось, что мой желудок не очень хорошо относится к морю, и я вернулся домой. Мать очень похудела, и хотя я говорил ей: «Ты должна есть», она меня не слушалась, и я снова ушел. Некоторое время я жил в Плимуте, поднимая те шиллинги, которые судьба бросала мне на дороге, а когда перед рождественскими праздниками вернулся домой, то увидел, что дом пуст, а дверь заперта. Я чуть не сошел с ума, не ел сутки, а потом пошел пешком в Норт-Хилл, где мне и сказали, что мать умерла и ее похоронили три недели назад. Лучше бы я остался на Рождество в Плимуте. Слушай, там за тобой на шкафу есть кусок сыра. Хочешь половину? Может, правда, там завелись личинки, но это не страшно.

Мэри отрицательно покачала головой, а Джем встал и сам взял пресловутый кусок сыра.

— Что случилось?— спросил он.— Ты стала похожа на больную корову. Это баранина заставила тебя так погрустнеть?

Мэри наблюдала за тем, как Джем кладет засохший кусок сыра на черствый ломоть хлеба и возвращается на свое место.

— Когда в Корнуэлле не останется Мерлинов, в нем станет спокойно,— сказала она.— Для страны лучше мор, чем такая семья, как ваша. Ты и твои братья рождены злыми и жестокими. Ты никогда не думал о том, что твоя мать, наверное, очень страдала?

Джем в удивлении замер, не донеся бутерброд до рта.

— С матерью все было в порядке, — сказал он. — Она никогда не жаловалась и жила для нас. Когда она вышла замуж, ей было шестнадцать, и у нее не было времени страдать, потому что через год родился Джосс, потом Мэтт. Ей надо было вырастить их, а когда они стали самостоятельными, родился

я и все началось сначала. Я знаю, что меня не очень-то и хотели, но отец продал три краденые коровы и пьянствовал несколько дней на лончестонской ярмарке. Если бы этого не случилось, я вряд ли бы сидел сейчас рядом с тобой. Дай-ка мне кувшин.

Мэри поднялась и молча стала убирать со стола.

— Как там хозяин гостиницы «Джамайка»? — спросил Джем, откинувшись на спинку стула и наблюдая за тем, как девушка полощет в воде тарелки.

— Пьянствует, как и его отец в свое время, — отрезала Мэри.

— Это погубит его, — Джем был серьезен. — Джосс пьет до беспамятства и после этого валяется, как свинья, несколько дней. Когда-нибудь это убьет его. Проклятый идиот! Что, долго пьет?

— Пять дней.

— Ну, это еще ничего. Обычно Джосс укладывается на неделю, а потом ходит шатаясь, как новорожденный теленок, а рот его черен, как трясина Треуорта. А когда он выпивает все до капли и начинает отходить — он становится опасен. Ты сама увидишь это. В такие минуты не попадайся ему на глаза.

— Он не тронет меня. Я уверена в этом. Сейчас его беспокоит кое-что другое, и я уверена, будет беспокоить еще долгое время.

— Не надо быть такой загадочной, Мэри, не надо подмигивать и покачивать головой. Ну, что же там случилось, в этой «Джамайке»?

— Да вообще-то ничего особенного, — вытирая тарелку, ответила Мэри. — Мистер Бассет из Норт-Хилла посетил нас на прошлой неделе.

Джем вскочил со стула.

— Черт возьми! — произнес он. — И что же сквайр сказал такого интересного?

— Дяди Джосса не было дома, и он настоял на том, чтобы его впустили в гостиницу и дали осмотреть комнаты. Он даже выломал дверь в одной из них, в конце коридора, но эта комната оказалась пустой. Сквайр был очень раздосадован и удивлен, и уехал злой и недовольный. Он и о тебе спрашивал, но я сказала, что никогда не видела тебя.

Джем нестройно присвистнул. Во время рассказа Мэри он казался невозмутимым, но когда дело до-

шло до упоминания его имени, он сузил глаза и рассмеялся.

— А зачем ты солгала?— спросил он.

— Мне показалось, что так будет лучше. Если бы у меня было время подумать, я сказала бы правду. Ведь тебе нечего скрывать, правда?

— Нечего, разве того самого черного пони, которого ты видела у ручья. Это его пони,— беспечно произнес Джем.— На прошлой неделе он еще был серым в яблоках и стоил сквайру небольшое состояние, тем более, что он сам его вывел. Если мне повезет, то я получу за него на ярмарке в Лончестоне несколько фунтов. Пойдем, посмотрим на него.

Они вышли во двор, и пока Джем выводил лошадей, Мэри стояла в дверях домика и вытирала руки о фартук. Коттедж Джема был построен над Уиттибрук на холме, а перед домом расстилалась широкая долина, доходящая до самих скал,— огромное пастбище для скота, не имеющее границ аж до самого Килмара и называемое не иначе, как Болото Двенадцати.

Мэри представила, как Джем Мерлин ребенком выбегает из этих дверей, а его изможденная старая мать стоит в дверном проеме с прижатыми к груди руками, тая в глазах какой-то невысказанный вопрос. Печаль и одиночество, злоба и разочарование — все дурное скопилось под крышей этого дома, под зловещей тенью Килмара.

Раздался крик Джема, застучали копыта, и вскоре мужчина появился верхом на черном пони.

— Это как раз тот самый парень, которого я и хотел тебе продать,— крикнул он,— но ты слишком любишь деньги. Он очень тебе подходит — сквайр вывел его для своей жены. Ты уверена, что не передумала?

Мэри покачала головой и улыбнулась.

— Я думаю, что если он окажется в конюшне гостиницы «Джамайка», то сквайру Бассету будет на что посмотреть. Ты так не думаешь? Спасибо за заботу, но я лучше не стану рисковать. Я и так довольно много нагала для вашей семьи, Джем Мерлин, и сделала это единственный раз в жизни.

У Джема вытянулось лицо и он соскочил на землю.

— Это могла быть лучшая сделка, которую ты

когда-либо заключала,— сказал он,— и больше у тебя нет никаких шансов. На Сочельник я отведу его в Лончестон на ярмарку, и торговцы проглотят его на твоих глазах в одно мгновение.

Джем хлопнул по крупу животного ладонью и крикнул:

— Давай, беги отсюда!

Пони сделал испуганный прыжок в сторону и убежал. Джем сорвал длинную травинку и стал пожевывать ее, изредка поглядывая на свою спутницу.

— А что сквайр Бассет хотел найти в гостинице «Джамайка»?— спросил он.

Мэри взглянула ему прямо в глаза.

— Наверное, ты знаешь это лучше, чем я.

Джем задумчиво жевал стебелек.

— А много ли знаешь ты? — внезапно спросил он и отбросил стебель в сторону.

Мэри пожала плечами.

— Я пришла сюда не для того, чтобы меня допрашивали,— ответила она.— Хватит с меня и мистера Бассета.

— Счастливчик Джосс, он успел перебросить свое барахло, — задумчиво произнес Джем. — Я говорил ему на прошлой неделе, что он плывет против течения, и только дело времени, когда его поймают. И все, что он делает, чтобы спасти свою шкуру,— пьет, как лошадь, проклятый дурак.

Мэри ничего не сказала: если Джем хотел поразить ее тем, насколько от твердо и спокойно воспринял ее сообщение, то он может быть разочарован, она тоже умеет играть в такие игры.

— Из твоей комнаты над верандой открывается хороший вид,— сказал Джем.— Спящая красавица, неужели они тревожат твой сон?

— А откуда ты знаешь, что моя комната находится над верандой?— тихо поинтересовалась Мэри.

Мужчина оглянулся, и Мэри увидела в его глазах огонек удивления, но через секунду Джем рассмеялся и сорвал еще один стебелек.

— Когда я въехал во двор, то заметил, что это окно широко распахнуто и штора трепещется от ветра. До этого я никогда не видел в «Джамайке» открытых окон.

Объяснение казалось правдоподобным, но оно не удовлетворило Мэри, и в ее мозг вкралась ужасная

мысль — неужели это Джем прятался в субботнюю ночь в пустой комнате? Девушка почувствовала, что ее руки резко похолодели.

— Что ты примолкла? — продолжал Джем. — Что, ты думаешь, я сейчас пойду к своему брату и скажу ему: «Знаешь, эта твоя племянница совсем не может держать язык за зубами»? Черт возьми, Мэри, это же так просто. Ты ведь не слепая и не глухая, даже ребенок и тот почувствует запах гнили, если хотя бы неделю проживет в гостинице «Джамайка»!

— И что ты хочешь, чтобы я тебе рассказала? — спросила Мэри. — Зачем тебе знать, что я знаю? Все, что я хочу — это увезти свою тетю оттуда, сделать это как можно быстрее. Я уже говорила тебе об этом, когда ты приходил в гостиницу. Понимаю, что потребуется время, чтобы переубедить тетю, но я постараюсь быть терпеливой. А что касается твоего брата, то он может пить до полусмерти — мне все равно. Его жизнь — это его жизнь, то же касается и его личных дел. Меня это не интересует.

Джем присвистнул и пнул ногой камешек.

— Ага, значит, контрабанда тебя не пугает, да? И если мой братец забьет все комнаты в «Джамайке» бочонками с бренди, ты ничего не скажешь? Но подумай, что если он втянут и в другие дела, дела жизни и смерти, а может быть, и убийства, что тогда?

Джем повернулся и взглянул на Мэри, и девушка увидела, что сейчас он не шутит. Беспечность и веселье сейчас слетели с его лица, глаза были суровы, но ничего в этих глазах прочесть Мэри не смогла.

— Я не понимаю, о чем ты, — ответила она.

Некоторое время Джем смотрел на девушку молча, словно пытаясь подобрать нужные слова или найти в глазах девушки разрешение своих проблем. Неожиданно он стал казаться старше и все его сходство с братом исчезло.

— Может, и не понимаешь, — наконец вымолвил он после паузы, — но рано или поздно поймешь. А можешь ли ты мне объяснить, почему твоя тетя выглядит, словно оживший призрак? Спроси у нее, когда в следующий раз ветер подует с юго-запада.

И он снова тихо и нестройно засвистел и засунул руки в карманы. Мэри задумалась: Джем заговорил

загадками, но испугало ее это или нет, она сказать не могла. Джем был конокрадом, беспечным и вечно нуждающимся в деньгах, но сейчас он открылся с совершенно другой стороны, и Мэри никак не могла понять, нравится ли ей это или нет.

Джем коротко рассмеялся и пожал плечами.

— Когда-нибудь я и Джосс сойдемся на очень узкой дороге, но наш спор разрешится очень быстро и я уверен, разрешится не в его пользу,— после этого несколько мрачного замечания он повернулся и пошел в сторону болот за своим пони. Мэри проводила его задумчивым взглядом. Значит, ее интуитивные подозрения оправдались — речь шла не о контрабанде. В ту самую ночь незнакомец тоже говорил об убийстве, а сейчас и Джем упоминул об этом. Нет, она не была душой или фантазеркой, как о ней подумал викарий из Алтарнуна.

Какую роль во всей этой игре играл Джем Мерлин, сказать было трудно, но, несомненно, он тоже был ее участником.

И если это он был тем человеком, который тихо спускался по лестнице рядом с дядей, тогда он прекрасно знает о том, что она той ночью покинула свою комнату и все подслушала. Тогда Джем должен помнить и о петле на балке и знать, что она также увидела ее после того, как они с хозяином гостиницы ушли на болота.

Да, если Джем был тем человеком, становилось ясным, почему он расспрашивал ее. «И много ли ты знаешь?» — спрашивал он, но она ничего ему не ответила.

Настроение Мэри испортилось и ей захотелось тут же уйти прочь, чтобы избавиться от присутствия Джема и остаться наедине со своими мыслями. Она стала медленно спускаться с холма в сторону Уиттибрук, и уже почти добралась до ворот, когда услышала сзади топот и вскоре перед ней появился похожий на полоумного цыгана из-за своих грязных бриджей и щетины Джем Мерлин.

— Почему ты уходишь? — спросил он. — Еще рано, стемнеет только после четырех. Если хочешь, я провожу тебя до Рашифорда. Так что случилось? — он дотронулся рукой до подбородка девушки и взглянул ей в глаза. — Кажется, ты боишься меня? Думаешь, что это я складываю все эти бочки с брен-

ди и коробки с табаком в старые спальни наверху, и что после того, как ты все это узнала, я перережу тебе горло? «Эти Мерлины просто безумны, а Джем — худший из них», да? Это именно то, о чем ты думаешь?

Против своего желания Мэри улыбнулась.

— Что-то в этом роде,— призналась она.— Но я не боюсь тебя, можешь не беспокоиться. Может, ты мне даже бы и понравился, если бы так не напоминал своего брата.

— Ну, переделать свое лицо я не могу,— произнес Джем,— и к тому же, я гораздо симпатичнее Джосса, ты должна это признать.

— Да, от скромности ты не умрешь. Конечно, я не собираюсь утверждать, что ты страшен, как черт, но ты, должно быть, разбил много сердец ради своего удовольствия. А сейчас дай мне уйти — до «Джамайки» довольно далеко, а я не собираюсь снова заблудиться на болотах.

— А когда ты заблудилась до этого?

— Как-то днем я шла по Западным болотам и туман спустился слишком рано. Я еле-еле нашла дорогу домой.

— Да ты просто дура, раз ходила там. Между «Джамайкой» и Рафтором может пропасть стадо коров, не говоря уже о такой малявке, как ты. Слушай, для женщины у тебя весьма странные интересы. Зачем ты туда пошла?

— Я хотела немного размяться. Не могу же я целыми днями сидеть взаперти.

— Ладно, Мэри Йеллан, если ты еще раз захочешь размяться, разминайся где-нибудь в другом месте. Итак, если сейчас ты пойдешь прямо, то не собьешься с пути, но старайся не уходить влево, чтобы не забрести в трясину. От тебя можно ожидать любой глупости. Слушай, Мэри, ты поедешь со мной в Лончестон на Сочельник?

— А что ты хочешь делать в Лончестоне, Джем Мерлин?

— Я собираюсь продать черного пони мистера Бассета, моя дорогая. В любом разе, в этот день лучше находиться подальше от «Джамайки», если я хорошо помню своего братца. Он наверняка опять примется за бренди и нарвется на неприятности. Если все будет именно так, то никто и не заметит

твоего отсутствия, а к полуночи я привезу тебя обратно. Скажи, что ты поедешь, Мэри.

— Ты думаешь, что я очень хочу видеть, как тебя поймают вместе с краденым пони мистера Бассета? Не кажется ли тебе, что ты будешь выглядеть тогда круглым идиотом? Да и я вместе с тобой, потому что меня наверняка схватят тоже.

— Никто не собирается меня ловить, во всяком случае, сейчас. Рискни, Мэри, разве ты не любишь приключения? Разве ты так уж дрожишь за свою шкуру? Неужели в твоём Хэлфорде все рождаются мягкотелыми.

— Ладно, Джем Мерлин, — не выдержала Мэри. — Не надо думать, что я трусиха, да и все-таки в тюрьме получше, чем в гостинице «Джамайка». Как мы доберемся до Лончестона?

— Я заеду за тобой в двуколке, а пони мистера Бассета побежит сзади. Ты знаешь дорогу в Норт-Хилл, через болота?

— Нет.

— Да, не везде ты еще пробежала. Пройди по большой дороге милю, а затем возьми вправо через брешь в живой изгороди на холме. Впереди будет скала Кэри, а справа — скала Хоук, так что если держаться прямо, ни за что не собьешься. На половине пути я встречу тебя. Будем ехать по болотам — на дорогах в Сочельник слишком много народа.

— В котором часу мне выйти?

— Мы должны приехать в такое время, когда народ уже заполнит улицы, значит, нам надо быть там часа в два. Выходи из «Джамайки» в одиннадцать. Нормально?

— Я не обещаю. Если ты не увидишь меня, езжай сам. Не знаю, вдруг я понадоблюсь тете Пэйшэнс?

— Понимаю.

— Я перейду ручей в этом месте. Дальше не провожай меня, я сама найду дорогу. Надо идти прямо по склону, да?

— Если хочешь, передай привет хозяину и скажи, что я надеюсь, что его нрав улучшится. Спроси у него, не повесит ли он для меня букетик омелы над верандой гостиницы... Осторожнее, Мэри. Хочешь, я перенесу тебя на тот берег? Ты ведь намочишь ноги, если пойдешь сама.

— Ничего страшного. Счастливо оставаться,

Джем Мерлин,— и Мэри смело вошла в бурлящий ручей, одной рукой держась за большой камень. Юбка тут же нырнула в воду, девушка слегка приподняла ее и тут же услышала, как Джем засмеялся. Она поднялась на холм, даже и не думая поворачиваться или махать рукой.

«Интересно сравнить его с парнями с юга,— подумала Мэри,— сравнить с ребятами из Хэлфорда, Гвика или Мэнаккана». Она вспомнила, что в Константине есть кузнец, который может обхватить его двумя пальцами. И чем он гордится, этот Джем Мерлин? Конокрад, ничтожный контрабандист, жулик, а возможно, и убийца. Да, престелные создания живут на болотах.

Мэри не боялась его, и в доказательство этому собиралась отправиться в его двуколке на Сочельник в Лончестон.

Когда Мэри вошла во двор гостиницы, уже довольно стемнело. «Джамайка», как обычно, выглядела пустой и мрачной, все двери были заперты, а окна затворены. Девушка обошла дом и постучалась в дверь кухни. Дверь тотчас же отворилась, и из-за нее показалось бледное лицо тети Пэйшэнс.

— Твой дядя весь день спрашивает о тебе,— сказала она.— Где ты была? Уже почти пять часов, а ты ушла ранним утром.

— Я гуляла по болотам,— ответила Мэри,— и не думала, что мое отсутствие так всех встревожит. А зачем я нужна дяде Джоссу?— она чуть занервничала, когда взглянула в угол кухни и увидела, что постель дяди пуста.— Куда он ушел? Ему лучше?

— Он сказал, что ему надоела кухня и он хочет побыть в гостиной. Он весь день просидел у окна и смотрел во двор. Прошу тебя, Мэри, не вздумай перечить ему и разговаривай вежливо, ладно? Когда он выходит из запоя, наступает дурное время, он становится жестким, капризным, может, даже жестоким. Будь осторожна, Мэри, ладно?

Перед девушкой снова стояла старая тетя Пэйшэнс с трясущимися руками и сжатым ртом, и когда она разговаривала, то вечно смотрела в сторону или оглядывалась через плечо. Как печально видеть это

снова, и Мэри в ответ на все ее просьбы только кивала головой.

— Зачем я ему понадобилась? Раньше он никогда не хотел разговаривать со мной... Что ему нужно?

Тетя Пэйшэнс прищурилась и сжала губы.

— У него видения,— прошептала она.— Он говорит сам с собой, что-то бормочет, не обращай на это внимания, даже не думай о том, что он говорит в таких случаях. Это все неправда. Я пойду и скажу ему, что ты пришла,— тетя вышла из комнаты и направилась в гостиную.

Мэри подошла к кухонному столу и налила стакан воды — ее горло пересохло, а стакан в руке задрожал. «Дура!» — зло подумала о себе девушка, ведь на болотах она была такая смелая, а когда вошла в гостиницу, то вся ее смелость словно куда-то испарилась. В комнату вошла тетя Пэйшэнс.

— Сейчас он спокоен,— прошептала она.— Он дремлет в кресле, и может быть, уснет совсем. Мы рано поужинали, но я оставила тебе кусок пирога. Возьми.

Есть Мэри совершенно не хотелось, но она сделала над собой очередное усилие и решила подкрепиться, после чего выпила две чашки обжигающего чая. Во время этого ужина ни одна из женщин не вымолвила ни слова, и посуду они убирали в таком же молчании. Мэри подбросила в огонь немного торфа и присела у очага. Сизый и горький дымок поднялся в воздух, но желанное тепло не пришло, только защищало глаза.

Часы в коридоре пробили шесть раз, и когда Мэри считала эти удары, она затаила дыхание.казалось, что после последнего удара прошла вечность, а его эхо все еще звенело в пустом доме. Наконец, медленное тиканье продолжилось. Из гостиной не доносилось ни звука, и Мэри снова вздохнула. Тетя Пэйшэнс сидела за столом и что-то шила при тусклом свете свечи. Ее губы были сжаты, а лоб нахмурен, словно она решала какую-то трудную задачу.

Вечер продолжался, а хозяин так никого и не звал. Мэри стала клевать носом, глаза независимо от ее воли стали слипаться, и в этом странном и тяжелом состоянии между сном и явью она слышала, как тетя встала со стула и положила свое рукоделье на

кухонный стол, а затем послышался и ее голос: «Я иду спать. Дядя сегодня уже не проснется — он уснул на всю ночь. Беспокоить его я ну буду». Мэри пробормотала что-то в ответ, в полубессознательном состоянии услышала легкие тетины шаги и скрип ступенек лестницы.

Затем последовал шум шагов наверху, стук закрываемой двери, и Мэри уже ясно понимала, что летаргия сна окутала ее и что она тонет все глубже и глубже. Медленное тиканье часов отпечатывалось в ее мозгу, подобно шагам, шлепающим по большой дороге. Один... Два... Два... Один... Два... Эти шаги следовали один за другим, и вот уже она идет по болотам вдоль бурлящего ручья и несет на плече мешок. Какой тяжелый мешок... Если бы она могла немного отдохнуть, положить его на берег, лечь рядом и поспать...

Нет, холодно, слишком холодно. Ноги уже погрузились в воду, надо выбираться на берег, скорее на берег... Огонь погас, огня больше нет... Мэри открыла глаза и увидела, что она лежит на полу рядом с белым пеплом очага, огонь почти погас и на кухне стало так холодно... Мэри зевнула и вздрогнула, потом вытянула вперед свои окоченевшие руки, а когда подняла глаза, то увидела, что дверь на кухню тихо открывается... Медленно-медленно, дюйм за дюймом...

Мэри сидела без движения и ждала, но ничего не происходило. Вдруг дверь резко распахнулась и ударилась об стену. На ее пороге стоял Джосс Мерлин с вытянутыми руками, и было видно, что его качает из стороны в сторону.

Сначала Мэри подумала, что он не замечает ее, потому что его глаза устали в одну точку прямо перед собой и он стоял не двигаясь и не собираясь заходить на кухню. Она пригнулась, убрав голову под стол, не слыша ничего, кроме гулких ударов своего сердца. Дядя Джосс медленно повернул голову в ее сторону и вперился взглядом в стол, по-прежнему не говоря ни слова. Когда же он заговорил, его голос был напряженным и хриплым и звучал чуть громче шепота.

— Кто здесь? — спросил он. — Что ты здесь делаешь? Почему ты молчишь?

Лицо его посерело, словно полностью потеряло

свой естественный цвет, а красные ничего не видящие глаза устремились вперед.

— Брось нож,— прошептал Джосс.— Брось, я тебе сказал.

Мэри протянула руку вперед и коснулась кончиками пальцев ножки стула, но взять его и не пошевелиться она не могла. Девушка ждала, еле дыша, а хозяин гостиницы, пригнув голову, шагнул в сторону, и шаря руками в воздухе, медленно опустился на пол. Он оказался прямо рядом с Мэри, и она увидела, что его руки тянутся к ней, они уже совсем рядом и девушка могла чувствовать дыхание дяди Джосса.

— Дядя Джосс,— прошептала она мягко,— дядя Джосс...

Мерлин съежился, пристально глядя на Мэри, а затем поднял руку и коснулся ее волос и губ.

— Мэри? — прошептал он.— Это ты, Мэри? Почему ты молчишь? Куда они ушли? Ты их видела?

— Дядя Джосс, здесь нет никого, кроме меня. Тетя Пэйшэнс спит наверху. Вам плохо? Я могу что-нибудь для вас сделать?

Дядя Джосс взглянул в темный угол кухни.

— Им не запугать меня... Мертвецы ничего не могут сделать живому человеку. Они растают, как дым... Правда, Мэри? Правда?

Мэри напряженно кивнула, не сводя глаз со своего дяди, а тот пододвинул к себе стул и сел на него, положил перед собой руки на стол, тяжело вздохнул и облизал губы кончиком языка.

— Это сон,— прошептал он.— Просто видения. В темноте их лица кажутся живыми, и тогда я просыпаюсь в холодном поту. Мэри, я хочу пить... Вот ключ от бара, принеси мне немного бренди.

Он пошарил в кармане и вытащил связку ключей, передал их Мэри, которая постаралась унять дрожь в руках, когда брала эту связку. В ее голове проскользнула шальная мысль: не подняться ли ей в свою комнату и не оставить ли дядю бредить в одиночестве? Но как только она вышла в коридор и стала на цыпочках пробираться к двери, из кухни донесся дядин крик:

— Куда это ты собралась? Я сказал тебе принести из бара бренди!

Мэри услышала, как скрипнул стул, когда дядя

встал со своего места, и поняла, что она опоздала. Она открыла дверь в бар и подошла к ряду бутылок, а когда вернулась на кухню, то увидела, что дядя склонился над столом, положив голову на руки. Сперва она подумала, что он снова уснул, но при звуке ее шагов Джосс поднял голову и откинулся на спинку стула. Мэри поставила перед ним бутылку и стакан, и дядя тотчас же наполнил его до краев, искоса поглядывая на девушку.

— Умница,— сказал он.— Я так люблю тебя, Мэри. У тебя есть голова и у тебя есть мужество — ты можешь стать хорошим компаньоном. Тебе надо было родиться мальчишкой,— дядя отпил бренди, глупо улыбнулся и подмигнул Мэри.— Это лучшее бренди, которое покупают на золото. Сам король Георг не имеет такого в своих погребах. А разве я плачу хоть что-нибудь? Да ни единого пенса! Ни единого чертова пенса, и тем не менее в гостинице «Джамайка» всегда пьют вволю.

Дядя Джосс глупо засмеялся и продолжил:

— Это трудное дело, Мэри, но это дело для настоящих мужчин. Я рисковал своей шеей десять, а может, и двадцать раз, пули свистели у моего виска, но они все равно не поймают меня, Мэри, я слишком хитрый. До того, как появиться в этих местах, я работал в Пэдстоу, на побережье. Груз приходил раз в две недели вместе с весенним приливом, и кроме меня было еще пять человек. Но так не очень много зарабатываешь — компания разрастается, надо что-то менять... Сейчас нас около сотни и мы охватили все побережье, нас можно найти по всей границе. Господи, в свое время я видел столько крови, Мэри, я много раз видел мертвых людей, но это... Это дело бьет все другие дела, здесь жизнь и смерть ходят рядом каждую минуту...

Джосс еще раз пьяно подмигнул Мэри, подозвал ее к себе кивком и обернулся на дверь.

— Слушай,— прошептал он,— придвинься поближе, и я все расскажу тебе. Я раскусил тебя — ты смелая девушка, и тебя не напугать, как твою тетю. Мы должны работать вместе, ты и я. Эта проклятая выпивка вышибает из меня все мозги,— и он сильно сжал руку девушки.— Когда я пью, я становлюсь слаб, как крыса, ты сама это видишь... Меня преследуют кошмары, и я вижу то, что никогда меня не

испугает, когда я трезв. Черт возьми, Мэри, я убивал людей своими руками, я топил их, забивал обломками скал и камнями и никогда не вспоминал об этом, я спал в своей кровати, как дитя. Но когда я пью, я снова вижу их, я вижу глядящие на меня бледно-зеленые лица, в которых нет глаз, потому что их съели рыбы, я вижу разорванные тела и висящие на костях куски плоти, я вижу волосы, спутанные с водорослями... Я помню одну женщину, Мэри, она уцепилась за какой-то обломок, а другой рукой держала ребенка. Корабль шел так близко от скал, а море походило на зеркало, так оно было гладко... Они все были живы, да, живы. Вода едва доходила им до пояса, и она просила о помощи, Мэри, а я разбил ей лицо камнем. Она упала и ударилась о скалу, но ребенка из рук не выпустила, и тогда я ударил ее снова, а затем еще раз, и наконец, они поплыли по воде, все дальше и дальше от нас. Мы тогда здорово напугались, потому что боялись, что кто-нибудь из них доберется до берега.

... В первый раз мы все рассчитали не очень точно, потому что вода сошла слишком быстро, и они могли идти по отмели, даже не замочив ног. И тогда мы забросали их камнями, Мэри, мы ломали им руки и ноги, и они тонули, тонули прямо перед нами, как та женщина и ее ребенок, тонули, хотя вода не доходила им до плеч, тонули, потому что мы забили их обломками скал и камнями и они просто не могли подняться...

Красные глаза дяди Джосса смотрели в упор на Мэри, а дыхание обжигало ее щеку.

— Ты что, — прошептал он, — никогда раньше не слышала о грабителях погибших кораблей?

Часы в коридоре пробили один раз, и этот звук повис в воздухе, как эхо от гонга судьи. Никто не двигался. В комнате было холодно, огонь в очаге погас, а из открытой двери повеяло сквозняком, так что желтое пламя свечи вздрогнуло и замерцало. Джосс придвинулся к Мэри поближе и взял ее за руку, которая сейчас напоминала руку покойницы. Возможно, он заметил в глазах девушки выражение холодного ужаса, потому что тут же выпустил ее руку, отвернулся и стал смотреть в свой пустой стакан, пальцами постукивая по столу. Скорчившаяся на полу Мэри наблюдала, как по его волоса-

той руке ползет муха, перебираясь по толстым венам и костяшкам пальцев к длинному тонкому ногтю. Она вспомнила, как в первый вечер ее пребывания в гостинице эти легкие и неожиданно грациозные пальцы резали ей хлеб, вспомнила их мягкость и изящество, и представила себе, как они обхватывают неровный камень и бросают его вниз, и камень летит, летит к своей несчастной жертве...

Дядя Джосс кивнул в сторону тикающих часов и прошептал:

— Когда они бьют, то очень напоминают мне тот самый звук, который я так часто слышу в своих снах, напоминают мерный звон колокола на буе в заливе. Я слышу, как этот звон разносится западным ветром: бом, бом, бом, язык колокола бьет в стены и звенит, звенит, как на похоронах. В своих видениях я постоянно слышу этот звук, Мэри, этот печальный и усталый звон буя в заливе. Это разрывает мои нервы и заставляет меня кричать... Когда мы выходим на дело, мы подплываем к нему на лодке и глушим его, обертываем его язык фланелью, и он замолкает. Мы убиваем их... Ночь темная и мгlistая, над водой поднимается белый туман, и корабль болтается в заливе, как что-то ищущая собака... Они пытаются услышать звон колокола и не слышат его... И тогда они пробираются сквозь туман и идут прямо к нам, а мы ждем их, Мэри, мы ждем того момента, когда корабль вздрагивает, потому что его настигает бурун.

Дядя Джосс взял бутылку, и тонкая струйка бренди полилась в стакан, а дядя Джосс принюхался, как пес, к аромату жидкости и продолжил:

— Ты видела когда-нибудь, как мухи попадают в кувшин с патокой? Вот так и люди цепляются за снасти, пытаясь спастись, точь-в-точь, как рой мух, они орут от ужаса при виде буруна, эти мухи, эти маленькие черные точки, и мы видим, как корабль раскалывается пополам, мачты и реи ломаются, как иголки, и многие мухи плывут к берегу, пытаясь спасти свои жизни. Но они еще не доплыли до берега, Мэри, а уже мертвы...

Дядя Джосс вытер рот тыльной стороной ладони и взглянул на девушку.

— Мертвецы молчат, Мэри,— сказал он тихо. Лицо хозяина гостиницы вдруг увеличилось до

огромных размеров, потом уменьшилось и внезапно исчезло. А Мэри вдруг почувствовала, что она не лежит на полу кухни, а бежит вслед за отцом на скалу за Сент-Кеверном. Отец сажает ее на плечо и они стоят среди плачущих и кричащих людей, кто-то указывает далеко в море, и маленькая Мэри видит белый корабль, беспомощно кружащийся в водовороте со сломанными мачтами, а паруса плывут за ним по воде. «Что происходит?» — спрашивает Мэри, но никто ей не отвечает, все стоит молча, не сводя глаз с крутящегося на одном месте корабля. «Бог спасет их», — сказал отец, и от этих слов маленькой Мэри стало очень страшно и она заплакала. Из толпы вышла ее мать и взяла девочку на руки, и они пошли в сторону, чтобы не видеть моря и белый корабль.

Много лет после этой истории мама рассказала ей, что в тот день у Сент-Кеверна потонул большой барк со всем экипажем. Мэри вздрогнула и вздохнула, видения померкли перед ней, и снова в полутьме кухни возникло обрамленное черной шевелюрой безумное лицо дяди Джосса. Мэри чувствовала, что ей стало очень плохо, руки и ноги отнялись и очень захотелось забраться в постель, обхватить голову руками и спрятаться под одеяло, чтобы не видеть дяди Джосса и всего услышанного ею ужаса. Может, если она заткнет уши, то не услышит этот голос и заглушит грохот буруна у побережья, а перед глазами девушки плыли белые лица утопленников, в ее ушах раздавались крики ужаса и похоронный звон буя.

Мэри снова вздрогнула, взглянула на дядю и увидела, что он откинулся на спинку стула, его голова повисла на груди, рот широко раскрылся, а руки так и остались лежать на столе сложенные вместе, будто Джосс Мерлин молился.

Но он всего лишь уснул.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На Сочельник небо покрылось тучами, и казалось, что вот-вот пойдет дождь. Днем, правда, было тепло, и земля во дворе покрылась коровьими следами, которые опутали все дороги. Стены в спальне

Мэри совсем отсырели, а на потолке появилось желтое пятно — это отвалилась штукатурка.

Мэри выглянула в окно и мягкий влажный ветер коснулся ее лица. В назначенное время Джем Мерлин должен ждать ее на болотах, чтобы забрать на ярмарку в Лончестон. Да, ехать ли ей или не ехать — теперь все зависит только лишь от ее собственного желания. За эти последние несколько дней Мэри Йеллан стала намного старше, и то лицо, которое смотрело на нее из грязного и треснувшего зеркала, было усталое и осунувшееся.

Под глазами девушки темнели круги, скулы торчали, она почти не спала и потеряла аппетит, и теперь она окончательно поняла, что становится похожей на тетю Пэйшэнс: на лбу ее отпечатались такие же морщины, появилась привычка так же покусывать губы, казалось, что перед ней стоит тетя Пэйшэнс, вот только волосы у нее еще оставались каштановыми и блестящими. Когда Мэри увидела, что ее руки так же нервно вздрогнули, она не выдержала, отвернулась от мерзкого зеркала и принялась прохаживаться вперед и назад по своей маленькой комнате.

Все эти последние дни она старалась не покидать пределы своей комнаты, не обращая внимания на постоянный холод. Мэри не стала разговаривать с тетей Пэйшэнс ни тогда, ни теперь, по прошествии нескольких дней: ее глаза могли предать девушку, они были переполнены выражением какого-то немомого ужаса и скрытого страдания, и тетя Пэйшэнс, взглянув в них, могла бы догадаться обо всем. Теперь обе женщины знали тайну, которую никогда и никому не смогут рассказать. Мэри думала о том, что тетя Пэйшэнс вот уже столько лет хранит ее, хранит в мучительном молчании, и никто не знает, что она так страдает, более того, что бы ни произошло в будущем, боль эта будет постоянно мучить ее и никогда не оставит в покое. Наконец-то Мэри поняла, что означает бледность этого искаженного лица, эти терзающие платье руки, эти широко раскрытые глаза — это тайна Джосса Мерлина кричала из нее во весь голос.

Сначала Мэри чувствовала себя больной, смертельно больной, она лежала на своей постели и молила сон о милосердии, но сон не приходил к ней,

и тогда в темноте появлялись лица, которые она не знала, усталые и изможденные лица утопленников, перед ней появлялся ребенок со сломанными запястьями, женщина с облепленным мокрыми волосами лицом, ей слышались крики не умеющих плавать и захлебывающихся людей, и иногда Мэри казалось, что она видит среди них лица отца и матери. Они смотрели на дочь широко раскрытыми глазами, их губы были мертвенно бледны, а руки вытянуты вперед. Наверное, и тетя Пэйшэнс страдала в своей комнате от того, что к ней приходили те же самые лица, молили о спасении и не покидали ее до рассвета. Она не могла их освободить, потому что тоже была убийцей — она убивала их своим молчанием, и ее вина была так же велика, как и самого Джосса Мерлина, хотя она все-таки была женщиной, а он — чудовищем. Дядя Джосс уничтожил ее плоть, но даже душой она принадлежала ему.

После ночного рассказа шел уже третий день, первый ужас прошел и Мэри чувствовала себя усталой и равнодушной ко всему, почти все ощущения притупились. Казалось, девушка давно подсознательно готовилась к тому, что произошло с ней с самого первого дня ее пребывания в гостинице, с того самого момента, как она увидела Джосса Мерлина с фонарем в руках, и даже раньше — с прощального звона кареты, уезжающей в Лонгстон.

Когда-то в Хэлфорде болтали о таких происшествиях: в разрозненных слухах на деревенских улочках доносились обрывки историй, которые, обычно, сопровождались недоверчивыми покачиваниями голов. Об этом практически не говорили. Может, это и было, но лет двадцать назад, а то и пятьдесят, было в те времена, когда отец Мэри еще был маленьким, но не сейчас, не в девятнадцатом столетии. Но снова и снова перед лицом Мэри возникал Джосс Мерлин, и снова раздавался его страшный шепот: «Ты что, никогда раньше не слышала о грабителях погибших кораблей?» После этих слов у нее перехватило дыхание, а ведь тетя Пэйшэнс жила с ними вот уже десять лет...

Весь страх перед дядей Джоссом у Мэри пропал и в сердце осталось только отвращение, в нем уже давно не осталось ничего человеческого и он пре-

вратился в бродящее в ночи животное. После того, как он в запое выболтал все свои тайны, Мэри перестала бояться и его, и всю его шайку. Они действительно были творениями зла и гнили везде, где бы ни оказывались, и до того момента, пока они не окажутся уничтожены и земля не очистится от их скверны, Мэри не успокоится. Больше эту мразь не спасут никакие сантименты.

Но еще оставался и Джем Мерлин. Он ворвался в мысли Мэри помимо ее желания, а у нее и без него забот хватало. Джем слишком походил на своего брата глазами, ртом, улыбкой, в этом таилась опасность, ведь теперь становилось понятным, почему тетя Пэйшэнс так глупо поступила десять лет назад. В такого мужчину, как Джем Мерлин влюбиться нетрудно. До недавнего времени мужчины в жизни Мэри почти ничего не значили. Многие из них улыбались ей в церкви и бегали по пятам на пикниках во время сбора урожая, а один из соседских парней, выпив лишку сидра, даже поцеловал ее за стогом сена. Все это казалось Мэри довольно глупым, и она старалась избегать мужчин, хотя тот самый парень вовсе не хотел ничего дурного и наверняка забыл об этом происшествии через пять минут. Замуж она не вышла и даже подумывала о том, чтобы не выходить вообще: работать на ферме она могла и сама, зарабатывать деньги тоже. Когда она наконец-то уедет из «Джамайки», устроится сама и устроит жизнь тети Пэйшэнс, у нее не будет особенно много времени, чтобы думать о мужчинах.

Но несмотря на эти мысли, перед глазами Мэри снова появилось небритое лицо Джема, его бродяжническая грязная рубаша и смеющийся вызывающий взгляд. Да, он груб, ему не хватает такта, и дальше — дело не просто в его бессердечности, он просто вор и лжец, в нем было все то, что Мэри презирала и ненавидела, и тем не менее она чувствовала, что могла бы его полюбить; как говорят, любовь зла... Это просто ужасно, что мужчины и женщины схожи с животными на фермах Хэлфорда, их объединяет простой закон притяжения друг к другу, в этом нет никакого проявления разума. Мэри вовсе не была ханжой, она родилась в сельской местности и долгое время жила среди птиц и зверей, наблюдала за ними, видела их жизнь и смерть. Она видела,

как девушки ходят с деревенскими парнями, как они держатся за руки, краснеют и стесняются, долго и томно вздыхают и смотрят на отражение луны в воде. Мэри видела, как они бродят по тропинкам за фермами — по Тропинкам Любви, как эти места прозвали в деревне, хотя старики называли и другое название, и парни обнимали девушек за талии, а те склоняли головы им на плечи, пары любовались звездами и луной, а если дело было летом, то пылающим закатом. А Мэри выходила из коровника и вытирала вспотевшее лицо дрожащей рукой, думала о новорожденном теленке, который лежал рядом со своей матерью, и глядела вслед проходящей паре, улыбалась и пожимала плечами, а зайдя на кухню, рассказывала матери о свадьбе, прошедшей в Хэлфорде вот уже месяц назад. Гремели колокола, разрезали на куски пирог, парень в воскресных одеждах сиял на ступенях церкви и расшаркивался перед своей невестой, завитой и облаченной в муслин. Но проходил год, и хотя месяц и звезды все так же сияли в ночном небе, парень, приходя вечером домой после работы в поле, грубо ругал жену за то, что ужин подгорел и не годится даже собаке; фигура его прекрасной невесты расплылась, кудри распрямились, и в ее руках появился мяучащий сверток, который не давал спать, и все разговоры об отраженной в воде луне давным-давно забылись. Нет, Мэри не питала никаких иллюзий насчет романтики. Любовь — прекрасное слово, но не более того. Да, Джем Мерлин мужчина, а она — женщина, что-то в нем привлекало ее, хотя и пугало, и эти мысли раздражали Мэри и возбуждали ее. Эти мысли никак не хотели оставить ее в покое, и желание вновь увидеть Джема иногда преобладало над всеми остальными желаниями.

Мэри снова взглянула на серое небо и низко плывущие облака. Если наконец-то она решилась на поездку в Лончестон, то пора собираться. Никто не смог бы ее удержать в гостинице, за эти четыре дня она стала крепче, а тетя Пэйшэнс должна сообразить, что если Мэри избегает общения с ней, значит, она просто не хочет с ней видаться. Конечно, по виду своего мужа, по его красным глазам и трясущимся рукам она должна обо всем догадаться, может, за все последнее время язык Джосса Мерлина

развязался в первый раз, позволив его тайне выплеснуться наружу, но теперь будущее хозяина находилось в руках Мэри. Она еще не решила, как употребить свое знание, но больше ничто не заставит ее спасать дядю Джосса.

Сегодня Мэри отправится в Лончестон вместе с Джемом Мерлином, и на этот раз она знает, как ей ответить на его вопросы, и будет очень интересно посмотреть на то, каким он станет, как только поймет, что она больше не боится их и может уничтожить, когда пожелает. Завтра, да, завтра надо решаться. Есть Фрэнсис Дэйви и его обещанная помощь, она наконец-то должна успокоиться и укрыться от всех проблем за стенами Алтарнуа.

Когда Мэри шла через болота в сторону скалы Хоук, она размышляла о том, какое странное Рождество предстоит ей на этот раз. В прошлом году в это время они стояли с матерью в церкви и молились о здоровье, счастье и удаче, которые должны были сопутствовать им обоим. Мэри молилась о спокойствии и милосердии, об отдыхе для матери и о преуспевании фермы. Что же они получили? Болезни, нищету и смерть... Сейчас Мэри совсем одинока и живет в одном доме среди жестоких и преступных людей, и вот в эту самую минуту она идет по Восточным болотам на встречу с конокрадом и убийцей. О чем же теперь молить Бога на Рождество?

Мэри перешла вершину Рашифорда и заметила вдалеке приближающуюся к ней кавалькаду: пони, впряженную в двуколку, и две лошадки, скачущие сзади экипажа. Возница приветственно помахал девушке кнутом, и Мэри почувствовала, как она вспыхнула. Эта слабость являлась признаком внутренних мучений, таких острых и сильных, что, казалось, они сейчас разорвут ее на куски. Мэри крепко сжала руки и нахмурилась, а Джем приблизился и нестройно засвистел, размахивая маленькой коробочкой.

— С Рождеством! — прокричал он. — Вчера в моем кармане находилась серебряная монета, а сегодня там одна лишь дыра. Вот этот платок для тебя!

Мэри собиралась выглядеть сухой и молчаливой, но такое начало разрушило все ее планы.

— Очень любезно с твоей стороны, — ответила она. — Сожалею, что ты потратил все свои деньги.

— Ничего страшного, скоро они опять вернутся на свое место,— и Джем оглядел Мэри сверху донизу вызывающим взглядом, а потом снова засвистел какую-то нестройную мелодию.— Что-то ты рановато,— внезапно прервался он.— Испугалась, что я уеду без тебя?

Мэри забралась на козлы и взяла в руки поводья.

— Я хочу править,— сказала она, сделав вид, что не слышит заданного вопроса.— Раз в неделю мы с мамой ездили в Хэлстон на ярмарку... Как давно это было. Когда я вспоминаю эти дни, мне становится больно. Я вспоминаю, как мы смеялись, смеялись даже тогда, когда дела шли из рук вон плохо. Конечно, тебе этого не понять, ты никогда не думал ни о ком, кроме самого себя.

Джем взглянул на девушку и произнес:

— Этот пони может пройти по болотам с завязанными глазами. Ослабь хватку, он никогда в жизни не оступится. Вот так-то лучше. Понимаешь, он приучен идти сам, так что не мешай ему. Так о чем ты говорила?

Мэри смотрела прямо перед собой на бегущую полосу дороги.

— Ни о чем особенном,— ответила она.— Я говорила сама с собой. Значит, ты хочешь продать на ярмарке обоих пони?

— Конечно, это же двойная выгода, Мэри Йеллан, и если ты поможешь мне в этом, то у тебя будет новое платье. Не улыбайся и не пожимай плечами, я просто ненавижу неблагодарность. Что с тобой сегодня? Ты такая бледная... А куда исчез огонь твоих глазок? Ты что, заболела? Может, у тебя болит живот?

— Я не выходила из дома с того дня, как последний раз виделась с тобой и находилась в своей комнате вместе со своими мыслями, так что хорошей компании рядом со мной не было. За эти дни я стала старше...

— Жаль, что в твоих глазах погас огонь,— продолжал Джем.— Я думал, что приеду в Лончестон с красавицей и парни будут провожать нас взглядами и подмигивать, а сейчас ты выглядишь, как серая корова. Не лги мне, Мэри, я вовсе не слеп; если ты думаешь, что я ничего не вижу, то это не так. Что произошло в гостинице «Джамайка»?

— Ничего не произошло. Тетя бродит по кухне, дядя сидит за столом, положив голову на руки, а перед ним красуется бутылка бренди. Единственное, что изменилось — это я.

— И никто не приходил в гостиницу?

— Нет.

— Ты ничего не говоришь, но под глазами у тебя круги. Ты утомлена. Я видел женщину в таком состоянии, но у нее на это была причина — ее муж вернулся к ней в Плимут после четырех лет морских путешествий. Видимо, у тебя все же причина другая. Или ты думала обо мне?

— Да, я думала и о тебе тоже. Я думала о том, кого из вас повесят первым — тебя или твоего брата. Хотя вот в этом-то большой разницы нет.

— Если повесят Джосса, то это будет его собственное желание. Когда у человека появляется на шее петля — это значит, что он сам очень стремился на свидание с этой штукой, более того, Джосс уже прошел три четверти пути до встречи с эшафотом. А когда он пройдет весь путь, его уже не спасет никакая бутылка ни с каким бренди. Его повесят трезвым.

Дальше некоторое время они ехали в тишине, Джем поигрывал кнутовищем, а Мэри искоса поглядывала на него. Да, руки у Джема были такие же стройные и изящные, как и у его брата. Это изящество притягивало ее, а вот все остальное отталкивало. В первый раз Мэри поняла, насколько близко неприязнь и симпатия ходят рядом, так близко, что границу между ними заметить практически невозможно. Эта мысль показалась девушке такой неприятной, что она тут же отогнала ее. А что если представить, что рядом с ней идет Джосс, только на десять или двадцать лет моложе? Мэри содрогнулась, испугавшись нарисованной ею самою картины. Как же сейчас она ненавидела своего дядю!

Мысли девушки прервал голос Джема.

— Куда ты смотришь?!

— Я смотрела на твои руки, — коротко ответила Мэри. — Они очень похожи на руки твоего брата. Нам еще далеко? Кажется, болота кончаются. Вот это впереди — большая дорога?

— Сейчас нам надо взять ниже и проехать еще две-три мили. Так ты еще обращаешь внимание на

мужские руки? Я не могу в это поверить. Оказывается, ты все-таки женщина, а не сельский сорванец. Может, ты мне расскажешь, почему ты сидела в своей комнате четыре дня и ни с кем не разговаривала, или хочешь, чтобы я сам обо всем догадался? Эти женщины так любят разного рода таинственность!

— Да нет у меня никакой тайны! В прошлый раз, когда мы встретились у твоего дома, ты спросил у меня, почему моя тетьа похожа на оживший призрак. Ведь твои слова были именно такими, да? Ну так вот, теперь я знаю, почему она так выглядит.

Джем с любопытством взглянул на девушку и опять присвистнул.

— Смешная штука — запой,— произнес он после паузы.— Как-то у меня был запой, в Амстердаме, это было тогда, когда я ходил в море. Помню, часы на церкви пробили половину десятого вечера, и я сидел на полу, обняв хорошенькую рыжеволосую девушку. Следующий же момент, который я помню — семь утра следующего дня, и я лежал на спине в сточной канаве, и на мне не было ни сапог, ни бриджей. Я частенько размышляю над тем вопросом, что же я делал в течение этих десяти часов. Я бьюсь над этой загадкой вот уже несколько лет, но думаю, что так и не разрешу ее.

— Да это просто подарок тебе,— сказала Мэри.— Твой брат далеко не так счастлив. Когда он пьет, то не теряет память, а приобретает ее.

Пони сбавил ход, и девушка подхлестнула его вожжами.

— Если бы он жил в одиночестве, то разговаривал бы с самим собой,— продолжала Мэри,— и тогда в стенах гостиницы «Джамайка» все было бы спокойно. Но на этот раз он не был в одиночестве. Случилось так, что когда он начал выходить из запоя, но еще оставался в состоянии бреда, рядом с ним оказалась я.

— И когда ты слышала о его видениях, то заперлась в своей комнате и не выходила из нее четыре дня?— спросил Джем.

— Ты очень близок к разгадке.

Джем наклонился в сторону Мэри и взял из ее рук поводья.

— Ты совсем не смотришь, куда правишь,— ска-

зал он. — Я уже сказал тебе, что этот конь никогда не оступается, а ты продолжаешь направлять его вон в тот обломок скалы, похожий на пушечное ядро. Дай-ка поводья мне.

Мэри откинулась назад. Да, это верно — она никак не может сосредоточиться, и вполне заслужила это замечание.

Пони ускорил шаг и перешел на рысь.

— И что же ты теперь собираешься предпринять? — спросил Джем.

Мэри пожала плечами.

— Я еще ничего не решила, мне надо придумать что-нибудь с тетей Пэйшэнс. А ты думаешь, что если я что-то придумаю, то тут же расскажу тебе?

— А почему бы и нет? Я ничего не передам Джоссу.

— Ты его брат, и этого довольно. У меня в этой истории пока еще есть неясные моменты, и ты можешь прояснить мне кое-что.

— Ты что, думаешь, что я трачу свое время на участие в делах Джосса?

— Да насколько я знаю, особенно тратить время и не требуется. Все рассчитано, рассчитано до минуты, выгода налицо, а расплаты ждать не приходится. Мертвецы молчат, Джем Мерлин.

— Да, но зато могут разговаривать корабли, особенно, когда они идут при хорошей погоде. Ты видела, как мотылек летит на пламя, опалая крылышки? Вот так и корабли направляются на свет. На ложный свет. Такое весьма вероятно, и корабли могут разбиваться раз, два, может быть, три. Но когда подобное происшествие происходит в четвертый раз, гарь от погибшего корабля поднимается до небес, и вся страна, включая короля, желает знать причину столь странного обстоятельства. Я знаю, что мой брат выпустил штурвал из рук, и теперь его самого несет на берег страшным буруном.

— Джем, ты с ним?

— Я? А что мне делать с ними? Он сам сует свою голову в петлю, а я честный конокрад, и вот еще что, Мэри Йеллан, я скажу тебе одну вещь: ты можешь мне поверить, а можешь и нет, как хочешь, но я никогда еще не убивал людей. Никогда.

Джем яростно щелкнул кнутом над головой лошади, и пони бросился в галоп.

— Там, где живая изгородь уходит на восток, мы найдем брод, переберемся через реку и через полмили выедем на дорогу в Лончестон, а еще миль через семь доберемся до города. Ты устала?

Мэри покачала головой.

— Под сиденьем есть корзина, ты можешь взять оттуда хлеб и сыр,— сказал Джем.— Есть еще пара яблок и немного груш. Ты наверняка голодна. Итак, ты думаешь, что это я уничтожаю корабли и премило стою на берегу, наблюдая за тем, как тонут люди, да? Расхаживаю руки в брюки и смотрю, как они набухают от воды, да? Приятная картинка.

Была ли эта злость притворной или искренней, Мэри сказать не могла, но рот Джема стал тверд и жесток, а на скулах зарделся румянец.

— Так что, ты так не делаешь?— спросила она.

Джем взглянул на девушку злым полупрезрительным взглядом и рассмеялся, как будто она была глупым ребенком. Мэри было разозлилась на него за этот смех, но внезапно догадалась, что вопрос, видимо, попал в цель, и руки ее моментально стали горячими.

— Если ты так обо мне думаешь, тогда зачем поехала сегодня со мной в Лончестон?— спросил Джем.

Если бы он стал уворачиваться или дал бы неуверенный ответ, Мэри вышла бы победительницей, но он всего лишь насмеялся над ней, и девушка еще больше разозлилась.

— Я поехала для того, чтобы разглядеть получше твои яркие глаза, Джем Мерлин,— ответила она.— Других причин у меня нет.

Мэри зло взглянула на Джема, а тот снова рассмеялся, встряхнул головой и принялся насвистывать. Наступила пауза. Очевидная смелость слов Мэри обезоружила Джема.

Они выехали на большую дорогу, и двуколка загромычала еще сильнее.

По небу бежали низкие и грозные дождевые облака, но дождь даже не моросил, а дальние холмы были хорошо видны, потому что туман болот еще не окутал их. Мэри опять подумала о Фрэнсисе Дэйви и вспомнила, что Алтарнун остался слева. Интересно, что сказал бы викарий, если она рассказала бы всю эту историю ему? Наверняка на этот раз он не

посоветовал бы ей подождать. Возможно, он не очень обрадуется своему прерванному Рождеству... Перед глазами девушки возникла высокая церковная башня, возвышающаяся среди крыш и труб, подобно часовому на посту.

Да, она может успокоиться только в Алтарнуне (даже название это походило на шепот), да, только голос Фрэнсиса Дейви обеспечит ей безопасность и забытие. Сам облик викария был привлекателен и необычен: картины, которые он писал, его привычка скакать на лошади во весь опор, его пристальное внимание к ней, да и вообще весь полумрак и тишина его комнаты, которая, казалось, была полностью лишена присутствия кого-либо. Сам священник тоже походил на тень, и Мэри, когда общалась с ним, вовсе не чувствовала проявления в нем мужской агрессии, такой, какой, к примеру, обладал Джем. Казалось, что викарий просто не обладал плотью и кровью. Все, что называлось Фрэнсисом Дэйви, было лишь двумя белыми глазами и голосом в темноте.

Неожиданно пони скакнул в сторону, и громкий крик Джема выхватил Мэри из своих мыслей.

Она решила рискнуть снова.

— Здесь есть поблизости церковь?— спросила она.— Я эти месяцы живу, словно язычница. Мне это очень не нравится.

— Эй, ты, проклятый дурак, давай в сторону!— крикнул Джем.— Ты хочешь, чтобы мы оказались в канаве?— и он с силой дернул поводья.— Церковь, говоришь? Я ни черта не знаю о церквях. Я был в одной из них только раз, но тогда мама держала меня на руках, и вышел оттуда я уже Джереми. Нет, в этом вопросе я не могу тебе ничем помочь. Единственное, что я знаю о церквях, это то, что в них заперты золотые блюда.

— Вроде в Алтарнуне есть церковь, да? Это не так уж далеко от гостиницы. Я бы хотела завтра сходить туда.

— По-моему, тебе лучше провести это время со мной на рождественском обеде. Индейку я тебе не обещаю, но гусь у меня уже есть. Гусь старого фермера Таккета из Норт-Хилла. Он такой слепой, что никогда не знает, что у него пропало.

— А ты знаешь кого-нибудь в Алтарнуне?

— Нет, не знаю, Мэри Йеллан. Я не имею никаких дел со священниками, да и, честно говоря, не очень люблю их. Когда я был мальчишкой, в нортхиллской церкви служил священник, очень близорукый. Говорили, что как-то на воскресную обедню он никак не мог найти жертвенное вино, и вместо него подал прихожанам бренди. В деревне об этом узнали в один миг, и ты знаешь, церковь стала такой переполненной, что никто даже не смог встать на колени, и все ждали своей очереди причаститься стоя. Священник просто обалдел — он никогда до этого не видел в церкви столько народа; он возвышался над кафедрой и его глаза сияли из-под очков неземным блеском. Он прочитал проповедь об овцах, вернувшихся в загон, а историю эту мне рассказал мой брат Мэтт — лично он причащался два раза, и священник даже не заметил. В Норт-Хилле это был великий день. Доставай, Мэри, хлеб и сыр, у меня от этого рассказа просто засосало под ложечкой.

Мэри покачала головой и вздохнула.

— Ты хоть раз в своей жизни был серьезным? Неужели ты ничего и никого не уважаешь?

— Почему, уважаю. Я очень уважаю свой желудок, и как раз именно в эту минуту он просто изнывает от голода. Вот коробка, прямо под моими ногами. Если ты постишься, то можешь съесть яблоко. Я знаю, что яблоки частенько встречаются в Библии.

Итак, в половине третьего в Лончестон въезжала довольно веселая кавалькада: Мэри забыла о своих проблемах и неприятностях, и назло своему первоначальному желанию оставаться холодной и неприступной, таяла и заражалась веселостью Джема.

Гостиница «Джамайка» оставалась далеко позади, дух Мэри воспрял и молодость ее восторжествовала. Джем явно заметил произошедшую в девушке перемену и не преминул воспользоваться этим.

Мэри смеялась потому, что хотела смеяться и потому, что Джем хотел того же. Вокруг царила праздничная атмосфера, в воздухе носилось чувство возбуждения и благополучия и Рождество приближалось с каждой минутой. Улицы были переполнены людьми, на мощеных площадях теснились телеги, повозки и кареты, на каждой улочке возникали

цветные прилавки и лавочки, на ярмарочной площади толкалась жизнерадостная толпа, гуси и индюшки царапали деревянные решетки, какая-то женщина в зеленом платье держала над головой корзину с яблоками, и красные яблоки сверкали так же, как и ее щеки. Все это было так близко и знакомо Мэри: каждый год на Рождество Хэлстон становился именно таким, хотя в Лончестоне все было намного ярче, громче и непринужденнее. В этот день в городе собиралась вся страна: по реке граничили Англия и Девоншир, фермеры из ближних районов поглаживали плечи селянкам из Корнуэлла, неторопливо расхаживали перекупщики из Плимута, а торговцы, кондитеры и мальчишки-подручные сновали в толпе, разнося на подносах свежие пирожные и сосиски со скоростью хороших шхун. Какая-то леди в шляпе с перьями и в синей бархатной накидке вышла из кареты и направилась внутрь гостеприимного Уайт-харта, сопровождаемая джентльменом в сером пальто, который важно следовал за дамой, не замечая, что своей мнимой важностью весьма напоминает индюка.

Все вокруг радовало и веселило Мэри. Город располагался на широком холме, а в середине его возвышался похожий на сказку замок. По всему городу росли деревья, а внизу сверкало зеркало воды. Болота остались далеко, и из города были совершенно не видны. Мэри просто забыла о них — вокруг блистал Лончестон, и расхаживающие по улицам люди были абсолютно живыми. В город входило Рождество, влажное и яркое солнце боролось на хмуром небе с серыми облаками, словно пытаясь отвоевать себе место на празднике. Мэри растаяла настолько, что когда повязала себе подаренный Джемом платок, позволила ему затянуть узелок под подбородком. Они оставили пони и двухколку наверху, и сейчас Джем протискивался сквозь толпу и вел за собой двух краденых лошадей, а Мэри следовала за ним по пятам. Джем уверенным шагом направлялся на главную площадь, где, казалось, собрался весь Лончестон, и будки и тенты заняли все хоть чуть-чуть свободные уголки.

Место, где продавался и покупался домашний скот, было оцеплено канатами, и внутри расхаживали фермеры, селяне, а также перекупщики из Анг-

лии и Девоншира. Когда Джем и Мэри приблизились к этому кольцу, сердце девушки забилося сильнее: наверняка здесь присутствовал кто-нибудь из Норт-Хилла или фермер из соседней деревни. Неужели они не узнают своих лошадей? Джем сдвинул шляпу на затылок и принялся нестройно насвистывать какую-то залихватскую песенку. Временами он оглядывался и подмигивал Мэри, которая стояла за пределами кольца рядом с толстой торговкой и наблюдала, как Джем размещается среди группы торгующих лошадьми людей. С некоторыми из них он раскланялся, не спеша оглядел их пони, а потом спокойно прикурил свою трубку. Выглядел он хладнокровно и невозмутимо. Вскоре мужчина пижонского вида в огромной шляпе и кремовых бриджах протолкался сквозь толпу и подошел к лошадям Джема. Голос у него был громким и важным, он постукал по сапогам тростью, а затем указал ею на пони. По его тону и показной важности Мэри догадалась, что это перекупщик. Вскоре к нему присоединился низенький мужичок в черном пальтишке и с рыщущими глазами, который раз за разом толкал перекупщика локтем и что-то нашептывал тому на ухо.

Мэри заметила, как пристально они смотрят на черного пони, того самого, который когда-то принадлежал сквайру Бассету, как остроглазый наклоняется и щупает ему ноги, а затем снова нашептывает что-то громкоголосому. Мэри занервничала.

— Где ты взял этого пони?— спросил перекупщик, постукав Джема по плечу.— Он явно не с болот, это видно по его ногам и голове.

— Он родился в Каллингтоне четыре года назад,—не вынимая трубку изо рта беспечно отвечал Джем,—а когда ему был год, я купил его у старого Тима Брэя, знаете такого? В прошлом году он уехал в Дорсет. Тим всегда говорил мне, что этим пони я верну все свои деньги сторицей, в нем есть ирландская кровь, и он возьмет все призы в стране. Взгляните на него получше, взгляните! Но предупреждаю сразу — задешево я его не отдам.

Джем выпустил изо рта огромный клуб дыма, а перекупщики осторожно обошли лошадь. Прошла целая вечность до того, как они вернулись назад.

— А что у него со шкурой?— спросил острогла-

зый. — Она вся шершавая и острая, как щетина. Кажется, он порченный. Ты что, чем-то намазал его?

— Этот пони совершенно здоров, — отвечал Джем. — Летом он немного линяет, но я все равно привел его. Конечно, лучше бы его оставить до весны, но мне очень нужны деньги. Нет, этот черный пони просто красавец, и вы не охаете его. Я не сниму ни пенни, и не просите. Старый Тим Брэй и не думал, что его кобыла ожеребится — в то время он был в Плимуте, и за ней присматривал его пацан, а когда вернулся, то все и узнал — вот так-то. По-видимому, его отец был серым — видите, вон там, где волосы короткие, вон там кожа серая, да? Тим много потерял, продав мне своего пони! Посмотрите на его плечи, посмотрите, он чистокровный, говорю я вам, и я возьму за него восемнадцать гиней, ни пенни меньше.

Остроглазый покачал головой.

— Давай пятнадцать, и мы сделаем дело, — предложил он.

— Нет, я уже сказал, мое слово — восемнадцать.

Перекупщики о чем-то азартно заспорили, и до слуха Мэри донеслось слово «фальшивка». Джем стрелял глазами поверх толпы, перекупщики спорили, и остроглазый снова нагибался и щупал ноги серого пони.

— Я тебе не советую, — наконец вымолвил он. — Мне все это не нравится. Где его клеймо?

Джем показал на продолговатое тавро на ухе, и остроглазый принялся тщательно изучать его.

— Ты очень придирчив, тебе так не кажется, а? — спросил Джем. — Ты что, думаешь, что я украл эту лошадь? Что ты ищешь в этом клейме?

— Нет, с клеймом, видимо, все в порядке. Но знаешь, для тебя очень хорошо, что старый Тим Брэй уехал в Дорсет. Насколько я знаю, у него никогда не было такого пони. Стивенс, я бы на твоём месте не брал его. Вляпаешься в какую-нибудь неприятность. Лучше пойдем отсюда, дружище.

Громкоголосый глядел на лошадь с величайшим сожалением.

— Он такой красивый, дружище, — произнес он. — Мне все равно, что с ним там, даже наплевать на то, что у него пегий отец. Кажется, ты действительно придираешься, Уилл.

Но остроглазый приподнялся на цыпочки и снова что-то зашептал ему в ухо. Перекупщик сразу изменился в лице и сказал:

— Ладно, я не сомневаюсь, что ты прав. Считаешь, что нам это не нужно? Ну что ж, пусть так и будет. Счастливо оставаться, моему партнеру твой пони не понравился. И вот еще что: послушай моего совета, сбавь на него цену, а то ты пожалеешь, что он находится так долго в твоих руках,— он протиснулся сквозь толпу, за ним последовал и остроглазый, и они исчезли где-то в районе Уайт-харта. Мэри облегченно вздохнула, увидев завершение этой сцены, но Джема она, казалось, совсем не тронула — он продолжал все так же беспечно насвистывать. Люди мелькали, косматые болотные пони продавались за два или три фунта, и их бывшие хозяева уходили удовлетворенные. Больше никто так и не подошел к черному пони, и в ярмарочной толкотне такое казалось подозрительным. Без четверти четыре Джем продал своего другого пони за шесть фунтов жизнерадостному и добропорядочному фермеру. Этому предшествовал долгий и веселый спор. Фермер настаивал на пяти фунтах, а Джем не соглашался, называя цифру семь. Прошло минут двадцать, и шумная сделка завершилась — шесть фунтов устроили всех, фермер с улыбкой до ушей, уехал на своей покупке, а Джем остался продавать пресловутого пони сквайра. Мэри несколько подустала, на ярмарочной площади стали собираться сумерки, зажглись лампы и город погрузился в атмосферу таинственности. Мэри уже собиралась вернуться в двуколку, когда услышала где-то сзади высокий женский смех. Она повернулась и увидела синее пальто и шляпу с перьями — это была та самая женщина, которая днем выходила из кареты.

— О, Джеймс, взгляни,— сказала она.— Ты когда-нибудь в жизни видел такого красивого пони? Он держит голову точь-в-точь, как бедняжка Красавчик. Я даже могла бы подумать, что они родные братья, если бы не этот черный цвет, ну и, конечно, Красавчик был породистым, а этот... Какая досада, что здесь нет Роджера! Я бы хотела взять его. А как ты думаешь, Джеймс?

Ее спутник поднял очки и всмотрелся в лошадь.

— Черт возьми, Мария,— медленно произнес

он.—Я ничего не понимаю в лошадях. Пропавший пони был серый, да? Ну а этот черный, совершенно черный, моя дорогая. Ты хочешь купить его?

Женщина рассмеялась.

— Это был бы такой чудесный подарок на Рождество детям!— воскликнула она.— С тех пор, как исчез Красавчик, они просто замучили бедного Роджера. Джеймс, пожалуйста, спроси, сколько он стоит.

Мужчина подошел к Джем.

— Послушай, старина, ты продаешь этого черного пони?

Джем печально покачал головой.

— Я уже обещал его одному отличному парню. Мы даже с ним подружились, и он захотел его взять. Кроме того, этот пони не вынесет вас, на нем можно разве что детей катать.

— Ах, в самом деле... Да, я вижу... Благодарю вас. Мария, этот парень говорит, что пони не продается.

— Правда? Как жаль. Он мне так понравился. Скажи ему, что я заплачу сколько он хочет, прошу тебя, Джеймс, спроси его еще раз.

Мужчина снова нацепил очки и медленно прогундосил:

— Послушай, старина, этой леди очень понравился твой пони. У нее как раз недавно пропал точь такой, и теперь нужна замена. Если ее дети узнают, что такой пони не достался им, они очень расстроятся. К черту твоего друга! В самом деле, он может и подождать! Сколько ты просишь?

— Двадцать пять гиней,— моментально ответил Джем.— Эту цену мне обещал заплатить мой лучший друг, и только в том случае, если вы дадите столько же, я продам его.

Леди в синем пальто подскочила к торгующимся мужчинам и залепетала:

— Даю за него тридцать! Я миссис Бассет из Норт-Хилла, и я собираюсь подарить этого пони своим детям на Рождество. Половину суммы я вам дам сейчас, а остальное принесет этот джентльмен. Мистер Бассет сейчас не с нами, и я хочу, чтобы для него и для его детей эта покупка стала сюрпризом!

— Что ж, это действительно неплохой сюрприз,— согласился Джем.

— Мой конюх заберет этого пони и отвезет его до того, как мистер Бассет вернется туда. Вот деньги. Джем снял шляпу и низко поклонился.

— Благодарю вас, мадам,— сказал он.— Я надеюсь, мистер Бассет будет доволен нашей сделкой. Этот пони просто предназначен для того, чтобы на нем катали детей.

— О, я уверена, что он будет просто великолепен! Конечно, этот пони немного похуже того, что у нас украли, но тоже очень неплох и обрадует детей!

— И мистера Бассета,— добавил Джем.

— Конечно, и мистера Бассета. Пойдемте, Джеймс, становится темно, и я замерзла.

Она вышла за натянутые канаты и направилась к ожидающей ее карете. Высокий лакей предупредительно открыл перед ней дверцу, а женщина громко произнесла:

— Я только что купила пони для мастера Роберта и мастера Генри. Найдите Ричардса и скажите ему, чтобы он забрал его домой. Я хочу сделать сквайру сюрприз,— она подобрала юбки и вошла в карету, а следом за ней запрыгнул Джеймс.

Джем торопливо огляделся и похлопал по плечу стоящего рядом парня.

— Слушай,— сказал он,— хочешь заработать пять шиллингов?

Парень разинул рот и закивал головой.

— Тогда держи этого пони, а когда за ним придет конюх, передай его от меня, ладно? Мне только что сообщили, что моя жена родила двойню и ее жизнь в опасности, понимаешь? В страшной опасности! Мне надо срочно идти. Давай, бери поводья. С Рождеством тебя.

И через секунду Джем уже шел через площадь, засунув руки в карманы бриджей. Мэри последовала за ним, ее лицо пылало и она была не в силах оторвать глаза от земли. Смех расpirал ее, и она прикрыла рот шалью, чтобы не расхохотаться, но когда они достигли дальнего угла площади, Мэри не выдержала и разразилась громким смехом. Джем остановился рядом с ней, он был мрачнее тучи.

— Джем Мерлин, ты действительно заслуживаешь того, чтобы тебя повесили,— сказала Мэри, когда пришла в себя.— Встать посреди ярмарочной пло-

щади и продать краденого коня миссис Бассет, его хозяйке! Ты нахален, как черт, а вот я, глядя на твои штучки, чуть не поседела.

Джем почесал затылок и тоже расхохотался, и Мэри снова поддержала его веселье. Их смех разнесся по всей улице, люди, услышав его, стали оборачиваться и тоже улыбаться. Казалось, весь Лончестон задрожал от раскатов смеха, смешавшегося с шумом ярмарки, на которой все кричали, пели и звали друг друга в полный голос. Факелы и фонари отбрасывали на лица людей странный отсвет, и атмосфера города вновь изменилась.

Джем взял Мэри за руку и сжал ее ладонь.

— Ну что, теперь ты довольна, что поехала со мной?— спросил он, и Мэри безрассудно ответила «Да», хотя вовсе и не хотела так отвечать.

Они нырнули в ярмарочные волны, и в них Джем купил Мэри ярко-красную шаль и золотые сережки, а потом они съели под полосатым тентом по апельсину и погадали по руке у морщинистой цыганки.

— Берегись смуглого незнакомца,— сказала она Мэри. Девушка переглянулась с Джемом и они расхохотались.— А вот на твоей руке кровь, молодой человек,— сказала цыганка Джему.— Когда-нибудь ты убьешь человека.

— Что я тебе говорил утром в двуколке?— усмехнулся Джем.— Я невиновен, теперь-то ты мне веришь?

Но Мэри только покачала головой и ничего не сказала. Стал накрапывать дождь, палатки затрепетали от порывистого ветра, листы бумаги, ленты и куски шелка взлетели в воздух, а яблоки и апельсины покатались в канаву. Вскоре порывы ветра усилились, пошел дождь, люди забегали в поисках укрытия.

Джем втащил Мэри в какой-то дверной проем и обнял ее за плечи, а когда девушка обернулась к нему лицом, быстро и внезапно поцеловал ее.

— Берегись смуглого незнакомца,— улыбнулся он и снова поцеловал Мэри.

Дождь принес с собой ночные облака, свет фонарей потускнел и пожелтел и все яркие краски ярмарки исчезли, площадь опустела и полосатые палатки и будки внезапно стали одинокими и заброшенными. Капли дождя достигали лица Мэри,

и Джем повернулся к улице спиной, чтобы прикрыть девушку, а затем развязал подаренный платок и погладил Мэри по волосам. Она почувствовала, как пальцы Джема скользнули по шее, дотронулись до ее плеч, но она взяла и убрала их в сторону.

— Я сделала глупость, что задержалась так долго, Джем Мерлин,— произнесла она.— Но сейчас нам пора возвращаться.

— Ты что, хочешь в такой дождь и ветер ехать в открытой двуколке? Это же циклон с побережья, и нас просто снесет с холмов! По-моему, лучше остаться на ночь в Лончестоне.

— Очень хорошо. Иди к пони и приведи его сюда, пока циклон не усилился. Я подожду тебя здесь.

— Не будь такой пуританкой, Мэри. Мы промокнем до костей на Бодминской дороге. Представь себе, что ты в меня влюбилась, и тогда ты спокойно можешь остаться ночевать вместе со мной.

— Ты разговариваешь со мной так, потому что я барменша из гостиницы «Джамайка»?

— Да к черту «Джамайку»! Ты мне нравишься, и все тут. По-моему, этого достаточно для женщины, и мне кажется, для мужчины тоже.

— Осмелюсь сказать — этого достаточно для некоторых женщин. Я немного другая.

— Ты что, хочешь мне сказать, что на Хэлфорд-ривер рождаются другие женщины? Отлично, оставайся со мной на ночь, Мэри, и мы попробуем отыскать эти различия. Я клянусь тебе, утром тебе не придется ни о чем жалеть!

— Я не сомневаюсь в этом, и поэтому лучше рискну и помокну в двуколке.

— Господи, ты тверда, как кремь, Мэри Йеллан. Когда ты останешься одна, ты жестоко пожалеешь об этом.

— Лучше пожалеть раньше, чем позже.

— А если я тебя поцелую еще раз, ты передумаешь?

— Ни за что.

— Теперь я ничуть не удивляюсь тому, что мой братец на неделю ушел в запой. Еще бы, в доме появилась такая святоша. Ты, небось, еще и псалмы поешь ему?

— А как же.

— Никогда не думал, что женщины так извращены. Я купил ей сережки, чтобы показать, как я ее уважаю — не часто имеется столько денег, чтобы доказать свои чувства.

— В таком случае, сколько же у тебя жен?

— Шесть или семь, но они разбросаны по всему Корнуэллу. А сколько за Тэймаром, я и не считал.

— Неплохо для одного. Я должна подумать, прежде чем решусь стать восьмой.

— Ага, вот как? Как же ты прекрасна в этой шали, как блестят твои глаза! Ладно, я приведу двуколку и отвезу тебя домой к тетушке, но нравится тебе это или не нравится, а я поцелую тебя еще раз, — и Джем снова дотронулся до подбородка Мэри. — Первый раз огорчилась, а второй — развеселилась, — пропел он. — Можешь немного отдохнуть, а я подожду, когда ты поумнееешь. Стой здесь, я скоро вернусь, — Джем подставил голову под дождь и побежал через улицу, а Мэри смотрела ему вслед.

Теперь она осталась совсем одна... Да, на большой дороге в этот час пусто, ветер и дождь усиливаются, и нет никакой надежды, что они прекратятся. Чтобы в такую погоду проехать по болотам одиннадцать миль, надо очень захотеть добраться до дома. А может, остаться в Лончестоне вместе с Джемом? От этой мысли сердце Мэри забилося сильнее, но теперь Джем ушел, и можно было подумать об этом, не боясь того, что он увидит ее лицо и обо всем догадается. Нет, то, что она решила, было твердо, и менять принятое решение нельзя, иначе она окажется полностью под властью Джема, и освободиться будет просто невозможно. Такое чувство поглотит ее и сделает стены гостиницы «Джамайка» еще более ненавистными. Бороться с одиночеством лучше всего в одиночку, в противном случае тишина болот станет мучением для Мэри: ведь Джем находится всего в четырех милях от нее. Девушка поплотнее укуталась в шаль и сжала кулаки. Как ей хотелось стать слабохарактерной, чтобы остаться этой ночью вместе с Джемом Мерлином, забыть о себе так, как забывает он, а утром просто-напросто улыбаться друг другу и пожимать плечами. Нет, конечно, это невозможно, несколько поцелуев не замутят ей рассудок. Мэри вспомнила тетю Пэйшэнс, которая как тень следовала за своим

мужем и вздрогнула. Ведь она тоже могла бы стать таким вот призраком, но слава Богу, у нее есть сила воли. Очередной порыв ветра взметнул ее юбку, и несколько капель дождя попали в лицо. Стало холодно, по мощеным улицам побежали потоки воды, и Лончестон утратил весь свой блеск. Должно быть, завтрашнее Рождество тоже будет серым и безрадостным.

Некоторое время Мэри переминалась с ноги на ногу и потирала руки. Странно, но Джем уже давным-давно должен был привести двуколку. Наверное, он все-таки рассердился на нее за отказ остаться с ним на ночь и теперь заставляет ее мерзнуть и мокнуть у чьего-то дома. Шло время, но Джем все не возвращался, и если это действительно месть, то в ней нет ни вкуса, ни оригинальности. Где-то рядом часы пробили восемь, и прошло уже более получаса с того времени, как Джем ушел, а дойти до двуколки и привести ее обратно — дело пяти минут. Мэри не на шутку разозлилась: она с самого утра на ногах, вся ее радость давно прошла, и теперь осталось только лишь чувство усталости. Джем унес всю радость с собой.

Больше стоять у этих дверей не было никакого смысла, и Мэри решила отправиться на поиски Джема. Длинная улица была почти пуста, и лишь несколько запоздавших пешеходов тут же бросались в тот дверной проем, из которого только что ушла Мэри, чтобы укрыться от дождя. Ветер все усиливался, и от праздничной атмосферы не осталось и следа.

Через несколько минут девушка добралась до конюшни, в которой они сегодня днем оставили своего пони и двуколку. Двери оказались заперты, и посмотрев в щелку, Мэри увидела, что помещение пусто. Джем уехал. Мэри постучалась в дверь находящейся по соседству лавочки, и через некоторое время двери отпер тот самый парень, который впускал их в конюшню днем.

Он выглядел злым и раздраженным — еще бы, ведь его оторвали от тепла и уюта праздничного вечера, и сначала не узнал Мэри, потому что заметил только мокрую шаль.

— Чего тебе надо? — грубо спросил он. — Мы не подаем бродягам.

— Я не попрошайка, — сказала Мэри, — я ищу своего спутника. Мы вместе приехали на двуколке, помните? Я вижу, что конюшня пуста. Вы не скажете, куда он уехал?

— О, извините, извините, — забормотал парень. — Ваш друг уехал минут двадцать назад, он, по видимому, был очень взволнован, а рядом с ним я видел еще какого-то мужчину. Я не очень уверен, но кажется, это был один из людей Уайт-харта. Они направились вон в ту сторону.

— И он ничего не передавал мне?

— Нет, простите, нет. Может, вам надо узнать про них в Уайт-харте? Вы знаете, где это?

— Да, спасибо, я знаю. Спокойной ночи.

Парень быстро прикрыл дверь, явно довольный тем, что избавился от нежданной гостьи, а Мэри направилась в город. Почему Джем оказался в компании с одним из служащих Уайт-харта? Впрочем, парень мог и ошибиться. А теперь делать нечего — надо искать какой-то выход из положения. В очередной раз она пересекла площадь. Уайт-харт выглядел довольно гостеприимным, его окна горели, но возле ворот не стояло ни пони, ни двуколки. Сердце Мэри снова заныло — неужели Джем все-таки уехал без нее? Наверное, стоит зайти вовнутрь, решила Мэри.

Холл здания был переполнен разговаривающими и смеющимися людьми, а слуги явно насторожились, увидев странную девушку в сельской одежде и с мокрыми волосами. Вскоре один из них приблизился к Мэри и попросил ее уйти.

— Я ищу мистера Джема Мерлина, — твердо произнесла Мэри в ответ на эту не очень вежливую встречу. — Он приехал сюда на двуколке с одним из ваших людей. Я сожалею, что беспокою вас, но мне необходимо его найти. Не могли бы вы помочь мне?

Слуга отошел в сторону с недовольной миной, а Мэри осталась ожидать его в прихожей. Она увидела у камина несколько мужчин, и среди них — своих утрешних знакомцев: перекупщика и остроглазого.

«Наверняка случилось что-то плохое», — думала Мэри, а тот самый слуга, к которому она обращалась, через несколько минут вернулся, нагруженный подносом со стаканами. Компания у камина быстро разобрала стаканы, слуга исчез и появился снова

с тем же самым подносом, но на этот раз на нем уже высились горы пирогов и ветчины. Он делал вид, что не замечает Мэри, и девушка тщетно звала его. Только когда Мэри явно повысила голос, он подошел к ней с плохо скрываемым чувством недовольства на своем рябоватом лице.

— Извините, — сказал слуга, — но у нас навалом работы и тратить время на людей с ярмарки мы не можем. Здесь нет человека по имени Мерлин, я спросил там, но никто даже не слышал о таком.

Мэри было пошла прочь, как вдруг рядом с ней оказался остроглазый.

— Если ты интересуешься этим смуглым цыганистого вида парнем, который сегодня днем пытался продать моему партнеру пони, то я могу рассказать тебе о нем, — сказал он широко улыбаясь и при этом демонстрируя ряд мелких гнилых зубов. Сидящая у камина компания рассмеялась. Мэри зло взглянула на нее.

— И что вы можете рассказать?

— Минут десять назад он разговаривал с неким джентльменом, — начал остроглазый, продолжая улыбаться и оглядывая Мэри сверху донизу, — и о чем-то не договорился, потому что некоторые из нас помогали потом ему войти в карету, которая ожидала его у двери. Сначала он не очень хотел входить в нее, но тот самый джентльмен все же убедил его. А не скажете ли вы, что произошло с его черным пони, за которого он заламывал такую бешеную цену?

Его реплика вызвала новый взрыв восторга у группы греющихся у камина людей, а Мэри внимательно посмотрела на остроглазого.

— Вы не знаете, куда они направились?

— Нет, их местонахождение мне неизвестно, — пожал перекупщик плечами в притворном сожалении, — и очень печально, что ваш спутник уехал не попрощавшись. Знаете, сейчас Сочельник, ночь только еще начинается, а в такую погоду под открытым небом сможет находиться только самоубийца. Если хотите, подождите своего друга здесь. Я и эти джентльмены будут очень рады, если вы присоединитесь к нам, — и сочувственно-мягкой рукой остроглазый дотронулся до шали Мэри. — Этот парень просто негодяй, если забыл про такую чудесную де-

вушку, — продолжал он слащаво. — Пойдемте к нам, вы отдохнете и забудете про все на свете, и про этого парня тоже.

Не говоря ни слова Мэри повернулась и вышла, и дверь не успела захлопнуться за ней, как сзади раздался громкий и визгливый смех остроглазого.

Девушка опять стояла на пустой рыночной площади под струями дождя и думала о том, что худшее произошло. Кража пони обнаружилась, другого объяснения этим событиям не существовало. Джем исчез. Мэри тупо смотрела перед собой, вспоминая, как теперь наказывают за воровство. Неужели вешают, как за убийство? Девушке стало так плохо, как будто в ее теле не осталось ни одной целой косточки, голова закружилась, взгляд помутнел, и самое страшное было то, что она и представить себе не могла, что теперь делать. Итак, Джем исчез, и найти его она не может. Короткое приключение закончилось... Некоторое время Мэри стояла ошеломленная всем произошедшим, а затем, с трудом понимая, что она делает, побежала через площадь к замку, возвышающемуся на холме. Если бы она только согласилась остаться на ночь в Лончестоне, то ничего бы и не случилось. Они вместе вышли бы из-под своего укрытия у двери, нашли бы какую-нибудь комнату в одной из гостиниц, она все время была бы рядом с Джемом, и они любили бы друг друга!

И даже если бы Джема все равно арестовали утром — эти часы они успели бы провести вместе. Все эти мысли прожгли тело Мэри насквозь раскаленной иглой, и эта боль чуть не заставила девушку закричать, потому что только сейчас она осознала, насколько ей был необходим Джем. Ведь его поймали именно из-за нее, и она ничем не смогла ему помочь. Несомненно, его повесят — это просто судьба, что ему суждено погибнуть именно так, как и его отцу.

По дорогам бежали уже целые реки воды, и оставаться в Лончестоне не было никакого смысла, город в одно мгновение стал суровым, серым и безжалостным, и буквально каждый камень в мостовой приводил Мэри в чувство глубокого отчаяния.

Она шла, спотыкаясь чуть ли не через каждый шаг, а дождь бил ей прямо в лицо, но Мэри даже не

обращала на него внимания, как не обращала внимания и на тот факт, что перед ней пролегли долгие одиннадцать миль до гостиницы «Джамайка». Если слово «любовь» означало только мучения, боль и страдания, то такой любви ей не надо! Спокойствие и смелость растаяли, как туман на утренних болотах, стать равнодушной и сильной у нее не получалось, она по-прежнему была маленьким и лепечущим ребенком. Мэри почти дошла до склона холма и увидела сучковатый ствол дерева, который она заприметила еще утром при въезде в город. Тогда Джем весело насвистывал какую-то песенку, а она подпевала ему, не зная слов. Внезапно Мэри пришла в себя и замедлила шаг. Идти дальше было полным безумием — при таком дожде и ветре она не пройдет и двух миль.

Мэри опять повернула к городу и взгляделась в его мерцающие огни. Может, в этом чужом городе найдется хоть один добрый человек, который приютит ее на ночь или хотя бы просто постелет ей на полу. Денег у нее нет, но, может, ей поверят на слово, что она расплатится после? Низкорослые деревья сгибались перед Мэри от порывов ветра, и девушку пробирало до костей. Рождество начиналось с бури и дождя.

Мэри шла по дороге, ее несло ветром, как сорванный с дерева лист, и вдруг она сквозь тьму увидела медленно ползущую по холму карету, похожую на маленького толстенького жука, который двигался так медленно, что, казалось, изо всех сил сопротивляется уносящему его ветру. Мэри смотрела на экипаж, ничего не соображая, то, что она сейчас видела, ее мозг не воспринимал. Теперь она думала только об одном, о том, что вот так же по неизвестной дороге везут сейчас Джема Мерлина, везут навстречу своей смерти. Карета уже стала проезжать мимо девушки, как Мэри очнулась и громко крикнула укутанному в теплый плащ кучеру:

— Вы едете в Бодмин? У вас есть пассажиры? Возьмите меня!

Кучер покачал головой и хлестнул лошадей, но прежде чем Мэри отступила в сторону, чья-то рука появилась из окна экипажа и дотронулась до плеча девушки.

— А что это Мэри Йеллан делает в Лончестоне в такую погоду? — спросил кто-то изнутри кареты.

Рука мужчины была твердой, но голос был мягким и знакомым: из темного салона кареты на Мэри смотрело бледное лицо викария из Алтарнуна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мэри пригляделась и увидела в полумраке резкий и четко очерченный профиль Фрэнсиса Дэйви, его выступающий вперед тонкий нос, напоминающий искривленный клюв птицы, узкие и бесцветные губы, как всегда, туго сжатые вместе, белые глаза и волосы. Викарий наклонился вперед и облокотился подбородком на длинную трость из черного дерева, которую он держал между коленей.

Какое-то время Мэри ничего не могла разглядеть в этих глазах, потому что они были прикрыты короткими белыми ресницами, и лишь когда священник тихо сглотнул комок в горле, ресницы взметнулись, и Мэри в очередной раз увидела прозрачные и невыразительные белые глаза.

— Итак, мы второй раз едем с вами вместе, — произнес Дэйви мягким и тихим голосом. — В очередной раз я оказался на твоем пути и рад, что могу оказать тебе помощь. Ты промокла насквозь — будет лучше, если ты снимешь одежду, — викарий смотрел на Мэри с холодным равнодушием, и девушка смущенно дотронулась до булавки, которая скрепляла концы ее шали.

— Вот сухой плед, пока мы будем ехать, ты сможешь согреться, — продолжал викарий. — Да, обувь сними тоже. В карете не сквозит.

Мэри молча выскользнула из намокшей шали и сорочки и укуталась в грубое мохнатое одеяло, которое ей предложил священник. Волосы рассыпались по ее плечам, и Мэри чувствовала себя очень неловко — так, по-видимому, себя чувствует пойманный за проказами ребенок.

— Все в порядке? — спросил Дэйви, печально глядя в окно. — Итак, я слушаю тебя.

Мэри, запинаясь, стала рассказывать священнику о произошедших сегодня событиях. Ее опять посетило чувство того, что викарий не очень-то до-

веряет ей, и как в прошлый раз в Алтарнуне, Мэри почувствовала себя глупой и невежественной деревенской девчонкой. Ее рассказ был таким убогим и нескладным, что превратился в простую историю о том, как какая-то женщина отправилась на лончестонскую ярмарку, где она потеряла приехавшего вместе с ней мужчину, так что домой ей приходится идти одной. Произносить имя Джема ей показалось неудобным, так что она представила его просто как человека, занимающегося продажей лошадей, с которым она как-то встретилась, когда бродила по болотам. Они продавали на ярмарке пони, и кажется, именно от этого и возникли некоторые проблемы. Она очень опасается, что его уличили в каком-то жульничестве.

Интересно, что теперь о ней подумает Френсис Дэйви: отправилась в Лончестон с каким-то случайным знакомым, который попал в темную историю, и вот теперь идет из города ночью, в перепачканной и мокрой одежде. Все это весьма походит на поведение простой уличной женщины. Викарий дослушал рассказ Мэри в полном молчании, лишь только изредка сглатывал слюну, Мэри помнила эту его привычку.

— Значит, ты не так уж и одинока? — спросил Фрэнсис после паузы. — Гостиница «Джамайка» вовсе не такое уж заброшенное место, как ты предполагала раньше?

Мэри вспыхнула, и хотя в темноте ее лицо нельзя было рассмотреть, она все равно почувствовала себя виноватой. Она действительно поступила глупо, и сказанное викарием сейчас весьма походило на обвинение.

— А как зовут твоего спутника? — осведомился викарий спокойно. Мэри на секунду задумалась, ей стало совсем неловко.

— Этот человек — брат моего дяди, — ответила она с неохотой, ибо это признание действительно походило на исповедь.

Что теперь о ней подумает викарий, невозможно и представить, ведь не прошло и недели с того момента, как она заклеила Джосса Мерлина как убийцу, и вот — она без угрызений совести уехала из гостиницы с его братом, подобно простой барменше, желающей повеселиться на ярмарке.

— Теперь, конечно, вы посчитаете меня фантазеркой, — торопливо продолжала Мэри, — ведь отвлечение к моему дяде с трудом увязывается с доверием к его брату. Более того, я знаю, что он мошенник и вор, он сам мне говорил об этом, но...

Предложение осталось незавершенным, ведь в самом деле, Джем ничего не отрицал, он даже не сделал ни малейшей попытки защитить себя в тот момент, когда Мэри обвинила его в соотрудничестве с дядей Джоссом. А теперь она вопреки здравому смыслу защищала его, и делала это просто потому, что Джем обнял и поцеловал ее в вечерней темноте.

— Как ты думаешь, брат хозяина что-нибудь знает о ночных делах? — продолжал мягкий голос викария. — Он принадлежит к тем людям, которые привозят в гостиницу повозки?

Мэри в отчаянии покачала головой.

— Я не знаю, — сказала она. — У меня нет никаких доказательств. Он ни в чем не сознался, только пожал плечами и сказал мне одну важную вещь: он сказал, что никогда не убивал людей, и знаете, я верю ему. Я все еще верю ему. Он говорил также, что его брат идет прямо в руки палачу и что скоро его поймают. Если бы он был из его компании, он вряд ли так сказал бы.

Мэри говорила все это скорее для того, чтобы убедить себя, а не сидящего напротив нее человека. Невинность Джема стала для нее вдруг жизненно важным делом.

— Вы говорили мне, что знакомы со сквайром, — быстро проговорила Мэри, — и, возможно, можете на него повлиять. Я знаю, что вы можете убедить его в том, что к Джему Мерлину надо отнестись по-милосерднее! Ведь он еще так молод и способен начать жизнь заново! Вы можете использовать весь свой авторитет для того, чтобы убедить сквайра в этом.

В ответ Мэри услышала только молчание. Видя, как белые и холодные глаза смотрят на нее, Мэри поняла, что сейчас она выглядит просто бесстыжей дурочкой и простой сельской бабой. Несомненно, викарий догадался, почему она так хлопочет, и теперь, не говоря ни слова, стал презирать ее.

— Мое знакомство со сквайром Бассетом из Норт-Хилла весьма поверхностно, — мягко произнес

Фрэнсис, — пару раз мы здоровались и разговаривали о делах наших многоуважаемых прихожан. Вряд ли он помилует вора по моей просьбе, особенно если тот виновен, да еще и является братом хозяйина гостиницы «Джамайка».

Мэри умолкла. Слова этого странного служителя Бога как всегда были мудры и логичны, и сказать в ответ ничего нельзя. Неожиданная любовная лихорадка послужила причиной краха ее логики, и в мыслях девушки вновь царил беспорядок.

— Ты беспокоишься за его безопасность? — спросил викарий, и Мэри не смогла разобрать, было ли в этом голосе притворство, упрек или недоумение, потому что Дэйви тут же продолжал:

— А если твой друг виновен в других преступлениях, связан со своим братом и так же занимается контрабандой и убийствами, что тогда, Мэри? Ты по-прежнему будешь стараться спасти его?

Мэри настолько устала за сегодняшний день и была так напугана и расстроена. Она чувствовала, что любила Джема несмотря на все обвинения, что весь сумбур ее чувств восстал в одно мгновение и она заговорила громко и несвязно:

— Я не думала об этом. Я нахожусь в одном доме со своим дядей, ужасным человеком и с его женой, самоотверженно-глупой тетей Пэйшэнс, и все, что есть в этой ужасной гостинице «Джамайка», все просто толкает меня к тому, чтобы без раздумий убежать оттуда. Я не могу быть одна. Конечно, борьба с дядей Джоссом придает кое-какие силы, и я очень хотела забрать свою тетю оттуда, спокойно работать на ферме и жить своей жизнью, как я и жила до этого. Но сейчас я ничего не могу разобрать, у меня нет никаких планов и мыслей, я презираю этого человека, но ничего не могу поделать с собой. Я не хочу быть женщиной, мистер Дэйви, это значит постоянно терпеть страдания, боль и унижения. Я так не хочу.

Наконец Мэри устала, отвернулась к окну и почувствовала, что по ее щеке ползет слезинка, так ей стало стыдно своего внезапного взрыва. Теперь ей было все равно, что о ней подумает Фрэнсис Дэйви, он священник и, значит, чужд ее миру, маленькому миру штормов и огня. Он может даже ничего и не

знать о том, что такое любовь. Как ей было сейчас плохо!

— Сколько тебе лет? — неожиданно спросил викарий.

— Двадцать три, — ответила Мэри.

Священник снова сглотнул слюну и облокотился на свою трость из черного дерева.

Карета отъехала от долины Лончестона и сейчас поднималась по холму, а ветер и дождь даже и не думали утихать, хотя облака уже не были так густы, и кое-где на небе одинокие звезды появлялись то тут, то там. Но проходила секунда, и черное покрывало дождя прятало от Мэри эти приколотые к небу свечи, и снова из окна кареты не было ничего видно, разве что черная непроглядная тьма стала чуть-чуть посветлее.

Высокие холмы не могли укрыть карету от дождя, а ветер выл с такой силой, что Мэри вздрогнула и невольно придвинулась поближе к своему спутнику. Викарий все еще молчал, но девушка чувствовала, что сейчас он смотрит на нее, и вспомнила, что ее мокрая шаль и сорочка лежат у ее ног на полу и под грубым одеялом она совершенно обнажена.

Когда же Фрэнсис Дэйви заговорил, оказалось, что и его голос стал довольно смущенным.

— Ты очень молода, Мэри Йеллан. Ты еще только вылупившийся из яйца цыпленок и ты преодолешь свой небольшой кризис. Женщины как ты не плачут из-за мужчин, хотя я понимаю, что первый поцелуй — это то, что никогда не забудется. Но забудется и твой друг, и его краденый пони, и многое другое. Утри слезы — ты не первая и не последняя среди тех, кто потерял друга.

Этот мягкий голос немного успокоил Мэри, ведь действительно, такие ситуации возникают каждый день, и она далеко не первая. Странно, почему викарий не сказал ничего из того, что обычно говорят в таких случаях священники: мол, надо молиться и все пройдет, жизнь вечна и на том свете может ей и воздастся за страдания на этом. И тогда Мэри вспомнила, как они в прошлый раз скакали по болотам, вспомнила, как Фрэнсис хлестал свою лошадь, поглощенный азартом скорости и шептал лошади какие-то тихие слова, которых она не расслышала. Опять Мэри почувствовала, что викарий словно

не принадлежит к этому миру и ощутила неловкость за свои мысли, потому что поняла, что причиной этому являются его белые волосы и глаза: природа действительно отделила его от других людей. В мире животных уродливое вызывает всеобщее неприятие и изгоняется или уничтожается... Господи, о чем она думает, ее мысли не делают ей чести, и, более того, звучат совсем не по-христиански. Он — человек, а не животное, и даже священник. Мэри забормотала извинения за то, что оказалась такой дурой и говорила, как простая сельская девушка, а затем взяла свою одежду и под прикрытием одеяла стала торопливо натягивать ее.

— Итак, когда в прошлый раз я высказал предположение, что в гостинице «Джамайка» теперь все будет тихо, я не ошибся? — спросил викарий после паузы, словно завершая цепь своих умозаключений. — Повозки более не тревожили твой сон, а хозяин остался наедине со стаканом и бутылкой?

Растрепанная и взволнованная Мэри все еще думала о человеке, которого она только что потеряла, так что для того, чтобы ей вернуться в реальный мир, потребовались определенные усилия. За последние десять часов она и думать забыла о существовании гостиницы, а теперь вспомнила весь ужас последней недели, вспомнила о бесконечных бессонных ночах, днях, проведенных в одиночестве, снова у нее перед глазами промелькнули кроваво-красные глаза дяди, и Мэри внезапно для себя прошептала:

— Мистер Дэйви, вы когда-нибудь слышали о грабителях погибших кораблей?

Мэри никогда не говорила вслух о том, что ей довелось услышать от дяди Джосса, эта фраза сорвалась с ее языка и прозвучала в тишине кареты страшно и почти святотатственно. В салоне было слишком темно, и увидеть реакцию Фрэнсиса Мэри не могла, так что она только лишь услышала, как он слотнул слюну.

— Много лет назад я слышала, как соседи говорят об этом, — продолжала Мэри, — а когда я выросла, то поняла, что все это не просто страшные слухи. Многие из тех, кто ездил на северное побережье, рассказывали об ужасных событиях, которые иногда происходили там, но эти разговоры

быстро умолкали — власти были против распространения таких слухов. Сама я долго не верила в эти истории и спрашивала у матери, правда ли это, а мама говорила, что это просто страшные выдумки злых людей, и такое не существовало и не могло существовать. Она оказалась права, это теперь я знаю наверняка, мистер Дэйви. Мой дядя — один из таких грабителей, он сам мне сказал об этом.

Викарий все не отвечал и сидел без движения, подобный каменному изваянию, а Мэри все продолжала, причем ее голос бессознательно перешел в шепот:

— Все те люди, которых я видела в первую субботнюю ночь в баре гостиницы, все они из шайки с побережья Тэймара. Цыгане, браконьеры, бродяги, моряки, сапожник со сломанными зубами... Они собственными руками убивают женщин и детей, забивают их камнями и топят. Эти страшные повозки, которые появляются ночью, перевозят не просто контрабандные бочки с бренди и ящики с табаком: все это — груз с разбитых кораблей, и он имеет цену крови. Вот почему все в округе так боятся моего дядю, вот почему он вызывает отвращение у робких селян и фермеров, вот почему перед ним заперты все двери, вот почему кареты испуганно проносятся мимо его гостиницы. Все они чувствуют то, что никто из них не может доказать. Моя тетя живет в смертельном ужасе, оттого что оказалась соучастницей, молчаливой соучастницей его преступлений, а сам дядя Джосс теряет последний ум за бутылкой и все его тайны оказываются выболтанными. Вот так, мистер Дэйви, теперь вы знаете всю правду о гостинице «Джамайка».

Бездыханная, Мэри откинулась на спинку сиденья, закусил губу и сжала кулаки. Она была полностью опустошена и потрясена, и только где-то очень далеко в ее сознании мелькало лицо Джема Мерлина, человека, который вырос в злом и искаженном мире, достойного брата Джосса, и, к ее ужасу, человека, которого она полюбила.

Фрэнсис Дэйви наконец-то повернулся к Мэри, и девушка заметила, как под широкополой шляпой быстро моргнули белые ресницы.

— Это все рассказал хозяин гостиницы? Он был пьян? — спросил Фрэнсис, и Мэри показалось, что

его обычная мягкость несколько потускнела, голос стал жестче и выше, но глаза смотрели так же — холодно и равнодушно.

— Да, — ответила Мэри. — Когда у дяди случаются запои, его душа уходит в другой мир, он сам говорил мне об этом в тот самый день, когда я только приехала в гостиницу, и тогда он не был пьян. Четыре дня назад он выходил из запоя и в полночь пришел на кухню, еле держась на ногах. Вот тогда он все и рассказал. Вот откуда я все знаю, вот почему я потеряла последнюю веру в человечность, в Бога и в себя, вот почему сегодня в Лончестоне я вела себя как последняя дура.

Ветер дул с такой силой, что, казалось, карета стояла на месте, кабина ходила ходуном между высоких колес, а волны дождя били в стекло, как пригоршни гравия. Дождь обладал резким соленым привкусом — ветер принес его с моря, которое находилось в десяти милях отсюда.

Фрэнсис Дэйви наклонился вперед.

— Мы приближаемся к Файв-Лэйнс. Кучер едет до Бодмина и подвезет тебя до гостиницы «Джамайка», а я выйду на Файв-Лэйнс и пойду в Алтарнун пешком. Скажи, я единственный человек, который узнал твою тайну, или делю ее с братом хозяина?

И снова Мэри не поняла — говорит ли он серьезно или иронизирует.

— Джем Мерлин кое-что знает, — неохотно призналась девушка. — Мы говорили об этом сегодня утром. Вообще-то он не распространялся много, и я знаю, что он не дружит со своим братом... Во всяком случае, сейчас это несущественно. Джем арестован за другое преступление.

— Тогда он может спасти свою шкуру, продав брата. Что же будет тогда, Мэри Йеллан? Вот вопрос... Подумай над этим.

Мэри замерла. Это вариант, и за него надо хвататься, как за соломинку... Но сейчас нельзя показывать, что она что-то придумала, так как викарий может все заметить. Мэри взглянула на Фрэнсиса и увидела, что он улыбается: тонкая линия рта на мгновение изменила свое неподвижное положение, и создалось такое впечатление, что лицо викария было маской, и сейчас эта маска треснула. Мэри

быстро отвернулась, как будто уличенная в том, что увидела что-то запретное.

— Несомненно, это будет выходом и для тебя, и для него, — продолжал викарий, — конечно, при случае, если он не впутан в дело. Но в этом есть сомнения, не правда ли? И ни ты, ни я не сможем ответить на этот вопрос точно. Но точно одно — человек, осужденный за воровство, вряд ли захочет своими руками надеть петлю себе на шею.

Руки Мэри вздрогнули, и, должно быть, Фрэнсис увидел в ее глазах отчаяние, потому что его голос опять стал мягче, а появившаяся минуту назад жесткость исчезла.

— Хорошее время прошло, и вот мы опять во тьме, — произнес он тихо. — Если б можно было использовать тексты Шекспира, то завтра в Алтарнуне была бы странная и необычная проповедь. Твой дядя и его шайка не являются моими прихожанами, но даже если бы они и присутствовали на службе, то все равно ничего бы не поняли. Ты качаешь головой? Я говорю загадками? «Этот человек не может утешать», — скажешь ты. — «Он просто урод, у него же белые волосы и глаза». Не отворачивайся, я знаю, что ты так думаешь. Но я скажу тебе одну вещь в утешение, и если ты хочешь, то поверишь в это. Скоро Новый год, фальшивые огни вспыхнут в последний раз и погаснут навсегда. Кораблекрушений больше не будет.

— Я не понимаю вас, — сказала Мэри. — Откуда вы это знаете? Почему все кончится после Нового года?

Викарий застегивал пуговицы на пальто, готовясь выйти из кареты, потом поднял задвижку на окне и крикнул кучеру, чтобы тот остановил лошадей, и только потом обернулся к Мэри.

— Я возвращаюсь с одной встречи в Лончестоне, — сказал он. — Она, видимо, будет последней среди подобных, которые происходят в течение нескольких последних лет. Те, кто присутствовал на этой встрече, были информированы о том, что Правительство Его Величества в следующем году готовит серьезные меры для патрулирования и охраны побережья. Теперь на маяках появятся смотрители, и те тропинки, по которым ходит сейчас твой дядя, будут заняты полицейскими офицерами. Паутина,

опутавшая Англию, будет сметена. Теперь тебе все понятно? — он открыл дверь и вышел на дорогу, снял шляпу и подставил голову под дождь, и опять Мэри увидела этот странный ореол густых белых волос. Викарий снова улыбнулся, поклонился и поднял руку, желая что-то добавить.

— Твои беды кончились. Скрип повозок исчезнет навсегда, а запертая комната в конце коридора превратится в гостиную. Твоя тетя будет снова спать спокойно, а дядя мирно пьянствовать, избавив тебя ото всех проблем, а может, примет протестанство и станет проповедовать проезжающим по большой дороге. А ты, ты снова поедешь на юг и встретишь там любимого. Спи сегодня спокойно, завтра Рождество, и колокола в Алтарнуне прозвонят о мире и благополучии. Я буду думать о тебе, — он махнул кучеру рукой, и карета понеслась прочь.

Мэри прильнула к окну, стараясь увидеть священника еще раз, но тот повернул на Файв-Лэйнс и почти не был виден.

Карета загромыкала по Бодминской дороге дальше; до высажившихся в небе высоких труб оставалось три мили, и эти три мили были более пустыми и серыми, чем все двадцать миль, протянувшиеся между двумя городами.

Мэри так хотела бы выйти в Алтарнуне вместе с Фрэнсисом Дэйви, укрыться в его доме и не слышать ни шума дождя, ни грохота ветра. На завтра она пришла бы в церковь и помолилась бы в первый раз за все время пребывания в гостинице «Джамайка». Если все то, что сказал викарий, было правдой, то можно предаться радости праздника и благодарить Бога за все совершенное. Дни кораблекрушений должны прекратиться, дядя со своей шайкой окажется в руках закона и покой окрестных деревень и ферм будет вновь восстановлен. Никто больше не вспомнит о шайке грабителей, и они не отравят разум тех, кто придет позже. Новое поколение родится и вырастет, даже не зная, что означают эти страшные слова — «грабитель погибших кораблей». Корабли станут ходить в Англию без страха, не опасаясь приливов. Бухты, которые слышали хруст шагов по гальке и приглушенный мужской шепот, снова погружаются в тишину и единственными криками, нарушающими эту тишину, будет крик чайк. Под

гладью моря на дне будут спокойно спать безымянные черепа, а в глазницах их лежать зеленые монеты, когда-то золотые. Все это забудется навсегда. Новая эра начнется с того, что люди будут спокойно путешествовать, и вся земля станет принадлежать им, а здесь, на этих болотах, фермеры вновь приступят к возделыванию земли и сушке торфа на солнце, как делали много-много лет, и возле гостиницы «Джамайка» снова вырастет трава и зацветет вереск.

Мэри сидела в самом углу кареты, и видения новой жизни проплывали перед ней, а за окном звенела ночная тишина, в которую внезапно ворвались крики и выстрелы, послышался топот бегущих по дороге ног. Мэри выглянула в окно, и дождь ударил ей в лицо, она услышала, как кучер закричал от ужаса, а его лошадь шарахнулась в сторону и споткнулась. Дорога поднималась ввысь, и вдалеке можно было увидеть подобные виселицам трубы гостиницы «Джамайка». По дороге бежала толпа людей, которых вел прыгающий, словно заяц, мужчина, в руке его можно было увидеть фонарь. Раздался еще один выстрел, и кучер как-то странно съехал на козлах, а через секунду упал вниз. Лошадь споткнулась еще один раз и, как слепая, побежала в сторону канавы, карету затрясло из стороны в сторону, а вокруг творилось что-то невообразимое: кто-то кричал и ругался, кто-то дико хохотал, вокруг орали и свистели.

В окне кареты появилась обрамленная черными нечесанными волосами голова, и на Мэри уставились неподвижные кроваво-красные глаза. Губы разошлись в жуткой улыбке, демонстрируя великолепные белые зубы, затем в окне появился фонарь, который и осветил салон и вторую руку жуткого человека. В этой-то руке Мэри и увидела большой дымящийся пистолет, рукоятку которого обхватили длинные тонкие пальцы с изящными, но испачканными в грязи ногтями.

Джосс Мерлин улыбался: это была безумная бредовая улыбка сумасшедшего, возбужденного опиумом. Затем он поднял пистолет и приставил его к горлу Мэри.

Прошло несколько секунд, которые показались Мэри вечностью, и наконец дядя захохотал, откинул

пистолет себе на плечо, схватил девушку за руку и выволок наружу, а потом поднес фонарь к ее лицу для того, чтобы все могли ее разглядеть. Вокруг стояло несколько в дымину пьяных подобий людей, над щетинистыми подбородками вылупились безумные глаза, некоторые держали в руках пистолеты, а некоторые все, что попало под руки: бутылки, ножи, камни. Гарри-сапожник подбежал к лежащему без движения кучеру и обшарил его тело быстрыми умелыми движениями.

Джосс Мерлин зажал лицо Мэри руками и повернул его к свету. Мэри застонала от боли, а вся безумная компания дико захохотала. Сапожник сунул два пальца в рот и свистнул, а хозяин отпустил девушку, поклонился ей с пьяной грацией и вдруг внезапно схватил ее за волосы и принялся, как собака.

— Итак, это ты, — заорал он. — Ты все-таки решила вернуться, зажав хвост между ног, как маленькая скулящая сука?

Мэри ничего не отвечала, она просто смотрела на лица окруживших ее со всех сторон мужчин, а те хмыкали, усмехались и хихикали, показывая пальцами на ее грязную и мокрую юбку и сорочку.

— Ты что, оглохла? — дядя Джосс ударил девушку кулаком по лицу. Мэри попыталась вырваться и закричала, но дядя только еще крепче сжал ее запястье, а другой рукой обхватил за спину. Девушка опять закричала от боли, но Джосс Мерлин лишь улыбнулся.

— Ты слишком легко отделаешься, если я убью тебя сразу, — прошептал он. — Ты что, думаешь, что сможешь встать на моем пути? И что ты делала ночью на Королевской дороге в чьей-то карете, полуголая и с распущенными волосами? Да ты ведь просто шлюха, — он дернул Мэри за запястье, и девушка упала.

— Пусти меня! — закричала она. — Ты не имеешь права трогать меня и так говорить со мной! Ты кровавый убийца и вор, и тебе не избежать виселицы — весь Корнуэлл знает это. Твоя власть кончилась, дядя Джосс, сегодня я была в Лончестоне и все там рассказала.

По толпе пронесся ропот недовольства, Мэри

увидела, как страшные лица приблизились к ней, но дядя Джосс махнул рукой и прокричал:

— Отойдите, проклятые кретины! Разве вы не видите, что она просто лжет, пытаясь спасти свою шкуру? Что она может рассказать, если она ничего не знает? Да и как она смогла пройти одиннадцать миль до Лончестона? Посмотрите на ее ноги, она просто была с каким-то мужиком, а когда она ему надоела, он посадил ее в карету и отправил назад! Давай вставай, или ты хочешь, чтобы я ткнул тебя лицом в грязь?

Он потянул Мэри за руку и поставил на ноги рядом с собой, а затем ткнул пальцем в небо, по которому порывистый ветер гнал прочь дождевые тучи и где время от времени появлялись мерцающие влажные звезды.

— Посмотрите туда! — прогремыхал дядя Джосс. — В небе чисто и дождь уходит на восток. Ветер усиливается, и в шесть часов на побережье придет серый рассвет. Мы не можем больше тратить время! Хватай поводья, Гарри, и правь туда — в карете поместятся полдюжины человек. Возьмите в конюшне лошадь и телегу — все равно они только и отдыхают последнее время. Давайте, пьяные, ленивые черти, или вы хотите, чтобы золото и серебро утекло сквозь ваши пальцы? Я семь чертовых дней валялся как свинья, но клянусь Богом, сегодня я чувствую себя как Бог и хочу на берег! Кто отправится со мной в Кэмелфорд?

В ответ раздался дикий рев дюжины голосов, в воздух взметнулись десятки рук, кто-то принялся горланить буйную песню, размахивая над головой бутылкой, кто-то зашатался и упал в жидкую грязь. Сапожник подбежал к упавшему и пнул его ногой, но тот даже не пошевелился. Тогда Гарри взял поводья и потащил лошадь вперед, подгоняя ее ударами и криками. Колеса кареты переехали упавшего, который вздрогнул всем телом, как раненый заяц, перевернулся в грязи, издал крик боли, но так и остался лежать.

Вся шайка заорала и побежала вслед за каретой. Джосс Мерлин одно мгновение стоял, глядя на Мэри идиотской пьяной улыбкой, затем схватил ее за руку и с силой затолкнул в карету. Мэри упала на сиденье в угол, а хозяин взглянул в окно и крикнул

занявшему место на козлах сапожнику погонять лошадь.

Этот крик поддержала тысяча глоток тех, кто бежал сзади: некоторые из них запрыгнули на приступки и зацепились за окна, другие вскарабкались на козлы и стали подгонять лошадь ударами палок.

Животное вздрогнуло от страха и бросилось в галоп, стараясь избавиться от хлещущих его поводьями и горланящих дикие песни безумцев.

Карета пролетела мимо ярко освещенной гостиницы, в которой сегодня все двери и окна были распахнуты, благодаря чему она казалась ожившей.

Джосс схватил Мэри за щеки и с силой прижал ее к стенке салона.

— Ты все рассказала обо мне, да? — прохрипел он. — Побегала в магистрат для того, чтобы меня повесили на веревке, как кота? Ладно, тогда и ты получишь кое-что взамен — сегодня ты будешь с нами на берегу, посмотришь на рассвет и прилив, Мэри! Ты ведь знаешь, что это такое, не так ли? Ты ведь знаешь, зачем мы с тобой едем туда? Ты узнаешь, что такое морской ветер, Мэри, и запомнишь его навсегда!

Мэри в ужасе уставилась на дядю, не в силах вымолвить ни слова, и весь цвет схлынул с ее лица.

— Ты думаешь, что очень смелая? — скрежетал дядя Джосс. — Ты хотела посмеяться над старым Джоссом? Нет, я теперь пьян, а когда я пьян — я король, достигший невозможного! Теперь небо и земля слиты воедино, вот чего я достиг! И сегодня ночью мы все вместе отправляемся навстречу радости, может быть, в последний раз, и ты поедешь с нами, Мэри, на берег с нами...

Джосс отвернулся от девушки и дико закричал. Лошадь, испуганная этим криком, рванула изо всех сил, волоча карету за собой, и вскоре огни гостиницы «Джамайка» исчезли во тьме.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ужасное путешествие до берега длилось около двух часов, и избитая Мэри в полубесчувственном состоянии лежала в углу кареты, даже не пытаясь разобраться, как ей выпутаться из этой передраги.

В салоне, кроме дяди Джосса, устроился еще Гарри-сапожник, а с ним два неизвестных Мэри оборванца, и воздух тотчас же пропитался вонью табака, пота и винным перегаром.

И хозяин гостиницы и его спутники находились в состоянии дикого возбуждения, а присутствие рядом с ними женщины добавило в это состояние зловещий привкус удовольствия. То, что Мэри была напугана и потрясена, радовало и веселило их.

Сначала они пытались поболтать с ней и принялись отпускать дурацкие шуточки, перемежая их песенками непристойного содержания, и особенно на этом поприще выделялся Гарри, который распевал с таким остервенением, что все слушающие его пришли в еще большее возбуждение, и свист и крики не прекращались ни на секунду.

Безумная компания явно ожидала посмотреть, какое впечатление все это произведет на девушку, желая насладиться ее смущением, но Мэри так устала за этот день, что не реагировала ни на что, и эти голоса были слышны еле-еле, словно проникали сквозь толстый слой ваты. Она едва чувствовала, как локоть дяди толкает ее в бок, и сквозь тупую головную боль и резь в глазах девушка видела расплывающиеся хохочущие лица, но о чем они говорили Мэри не понимала. Это странное состояние между сном и явью превратилось для нее в пытку.

Когда все увидели, что Мэри почти без сознания, то ее присутствие потеряло всякое значение, песни прекратились, Джосс Мерлин достал из кармана колоду карт и шайка занялась новым развлечением. Эта короткая пауза обрадовала лежащую в углу Мэри и она закрыла глаза, тут же полностью расслабившись, несмотря на то, что карета раскачивалась из стороны в сторону, а от дяди исходил горячий животный запах. Утомление девушки было таким сильным, что она в один момент оказалась по ту сторону сознания, и хотя она все еще ощущала боль, тряску и где-то вдали бормотание голосов, но все это куда-то провалилось, и сказать точно, где и в чем она сейчас существует, Мэри не могла. Темнота укрыла ее, подобно небесному благословлению, и Мэри тотчас же укрылась в этой темноте, время исчезло и все вокруг замерло, только холодный

и сырой воздух касался ее лица, сквозя из открытого окна кареты.

Когда Мэри очнулась, она увидела, что находится в салоне совсем одна: мужчины ушли и забрали фонари с собой. Сначала Мэри сидела без движения, боясь даже шелохнуться, а потом, все же решив выглянуть в окно, поняла, почему все тело онемело, а сорочка стала еще влажнее, чем раньше. За окном лил серый холодный дождь, и именно он-то и залил лежащую девушку.

Карета осталась стоять в узкой лощине, и с обоих берегов стекали ручейки воды, тропинка впереди через несколько ярдов становилась разбитой и извилистой, так что увидеть, куда идет путь, Мэри не смогла. Правда, можно было заметить то, что лошадь выпряжена из постромок и куда-то уведена, но куда — выяснить тоже не представлялось возможным из-за совершенной темноты. Ночь сгустила свои краски, звезды исчезли, и ветер с болот выл и свистел, принося с собой белый туман и запах торфа.

Мэри высунула руку из окна и дотронулась до края берега. Пальцы девушки коснулись мокрого песка и стеблей травы, усеянных каплями воды, и она отдернула руку. Дверь заперта, это она заметила сразу, как только пришла в себя. Откуда-то слышался шум, по-видимому, принесенный ветром, и Мэри внимательно прислушалась, напряженно вглядываясь в темноту. Она сразу же узнала этот шум, и в первый раз за всю жизнь он не понравился ей, потому что принес с собой дурное предчувствие, от которого тут же задрожало ее сердце.

Этот шум был шумом моря, и лощина вела прямо на берег.

Теперь Мэри догадалась, почему вокруг было так тихо и почему дождь пах солью... Недолгая пауза кончилась, и оттуда, где море граничило с берегом, вскоре слышался громовой удар волны, шум прибоя не прекращался, и Мэри даже смогла различить бормотание и вздохи, которые издавала вода, брошенная на берег и нехотя откатывающаяся назад. Затем следовала пауза, во время которой море собирало свежие силы, проходило мгновение, и раздавался еще более сильный удар, буруны ревели, и камни со скрежетом перекатывались по берегу

и возвращались на свои места. Грохот стоял ужасающий, и Мэри вздрогнула — там, на берегу, в полной тьме дядя и его шайка ожидали прилива. Если бы от них до Мэри донесся хоть один звук, ее ожидание в карете стало бы более выносимым, если бы снизу доносились дикие крики, смех и песни, которые они распевали всю дорогу, то это успокоило бы ее, хотя и вызвало бы отвращение, но эта дикая и смертельная тишина выглядела просто зловеще. Видимо, их ужасное дело трезвило моментально и заставляло умолкнуть и приготовиться к работе.

Сейчас, когда она снова пришла в себя и первая усталость прошла, Мэри почувствовала, что сидеть сложа руки невозможно. Если дверь заперта, значит, можно подтянуться и выбраться через узкое окно, и это будет выходом из положения. Надо рисковать.

Да, рисковать надо, хотя сегодня этот риск особенно опасен: ее жизнь и гроша ломаного не стоит, и если дядя или кто-нибудь из его шайки найдут ее, то запросто могут убить. Лежащая вокруг местность ей неизвестна, и если ее отсутствие быстро обнаружится, то этой стае гончих ничего не стоит выследить и поймать ее. Мэри поднялась и попробовала вылезти в узкую щель окна. Это усилие оказалось еще более трудным, чем она предполагала, потому что плечи и спина затекли, крыша кареты была мокрой и скользкой, так что пальцам девушки не за что было зацепиться. Все-таки Мэри исхитрилась и вылезла, правда, губы ее крепко сжались, а в глазах потемнело, когда она почувствовала, что несмотря на все старания оконная рама расцарапала ее тело. Прошла еще доля секунды, и девушка, оставив точку опоры, достигла земли.

Сам прыжок даже не напугал Мэри, хотя удар об землю получился довольно чувствительным. Девушка недолго полежала на мокром песке, чтобы немного прийти в себя, тем более, что спина вдруг стала горячей — это из царапин, оставшихся после соприкосновения с оконной рамой, засочилась кровь. Но долго отдыхать было нельзя, и Мэри поднялась и стала осторожно пробираться под укрытием берега лощины в сторону, противоположную морю. Ей еще и самой не было ясно, куда идти, но желание оказаться подальше от дяди и его головорезов преобладало над всеми остальными. Они

находятся на берегу, это ясно, значит, по этой тропинке, уходящей вверх и налево, можно добраться до утеса, а там наверняка найти какую-нибудь дорогу, остановить карету. А может, возле дороги есть чьи-нибудь дома, там живут честные люди, и она расскажет им все, а они разбудят всю округу!

Мэри быстро перескакивала с камня на камень, оступалась и чуть не падала, волосы закрывали ей глаза и мешали разглядеть путь, но несмотря на все препятствия она довольно скоро добралась до склона. Она подняла руку для того, чтобы отбросить с глаз упавшую на них прядь волос, поэтому-то и не заметила возникшую прямо перед ней сгорбленную фигуру какого-то мужчины, который сидел на камне и пристально вглядывался в извилистую тропинку, ведущую к морю. Мужчина ошеломленно глазел на появившуюся девушку, словно не веря своим глазам, а затем закричал от ярости, злости и некоторого страха и бросился на Мэри.

Они упали на землю, и хотя Мэри изо всех сил пыталась вырваться из рук своего соперника, царапая его лицо ногтями, все же силы были слишком неравны, и когда девушка чуть ослабила свой натиск, ее соперник тут же воспользовался выгодным моментом, и, схватив ее за волосы, намотал их на кисть, так что Мэри оказалась повержена ниц. Соперник нагнулся к ней поближе, чтобы разглядеть девушку, и она увидела расплывшийся в улыбке рот, обнаживший желтые поломанные зубы.

Это был Гарри-сапожник.

Мэри лежала неподвижно и только проклинала себя за то, что повела себя как последняя дура. Первым делом надо было изменить свой маршрут бегства, а не идти по случайно попавшейся тропинке; ведь даже ребенку известно, что на ней должен был оказаться сторожевой пост.

Гарри некоторое время молчал, наблюдая за реакцией Мэри, но когда увидел, что та не собирается ни кричать, ни вырываться, также откинулся на локоть, мерзко улыбнулся и кивнул головой в сторону берега.

— Не ожидала меня увидеть, да? — спросил он. — Думала, что я там, внизу, вместе с хозяином и со всеми остальными? Вот и попалась в мешок, потому что ты ни о чем не подумала, когда про-

снулась, а тут же побежала по тропинке, где и встретила меня. Добро пожаловать, я очень рад, — и Гарри дотронулся до щеки девушки своим черным ногтем.

— Здесь, в канаве, холодно и сыро, — произнес он после паузы, — но сейчас это не имеет значения. Они еще долго пробудут внизу, и мы можем поговорить. Насколько я понял, ты собираешься повоевать с Джоссом, ты сама сказала это не так уж давно, и конечно, он неправильно делает, что держит тебя в «Джамайке», как птицу в клетке, и не дает одевать красивенькие платья. Сомневаюсь, что он хотя бы подарил тебе какую-нибудь брошь на платье. Ведь не дарил, правда? Но теперь ты можешь не беспокоиться. Я подарю тебе ожерелье, и красивые браслеты на руки, и шелковое платье. Ну-ка...

Гарри кивнул, и все улыбаясь, так же мерзко, хитро и натянуто, протянул руку к лицу девушки. Мэри прищурилась, а затем резко, сильно и неожиданно для себя ударила сапожника кулаком в челюсть: рот Гарри захлопнулся, как мышеловка, и зубы прикусили язык, он взвизгнул, словно заяц, и тогда Мэри ударила его еще раз. Но Гарри уже пришел в себя, вся его притворная ласковость исчезла, лицо пошло красными пятнами, и заревев, как дикое животное, он бросился на девушку, желая сломить ее сопротивление. В одну секунду Мэри поняла, что силой тут ничего не добиться — мужчина был гораздо сильнее ее, — надо действовать хитростью. Она внезапно расслабилась, заманивая соперника мнимой обессиленностью, и тогда Гарри радостно хрюкнул и ослабил хватку. Этого-то Мэри и добивалась; когда сапожник придвинулся к ней поближе и отвел взгляд, девушка моментально и изо всех сил пнула соперника под колено и в ту же секунду ткнула пальцами в глаза. Гарри заорал, скрючился в три погибели и повалился на землю. Мэри оказалась свободна и смогла действовать: она тут же пнула катающегося по земле сапожника ногой и оглянулась вокруг в поисках камня. Нет, вокруг ничего не было, кроме рыхлого песка и того валуна, на котором Гарри устроил свой форпост. Тем не менее девушка набрала полную пригоршню песка и метнула врагу в лицо, ослепив его и лишив любой возможности помешать ей.

Теперь Мэри могла бежать, и она бросилась прочь, как преследуемый собаками зверь. Она спотыкалась о корни, выступающие из-под земли, и бежала до тех пор, пока не услышала сзади вопли Гарри. Неизвестно, близко ли он к ней подбежал или это было акустическим капризом, но ноги девушки моментально ослабели от холодного ужаса, и она из последних сил стала карабкаться на высокий склон, стараясь выбраться из лощины. Ноги ее скользили по мягкой земле, но, наконец, с огромным усилием, рожденным страхом, она достигла вершины, всхлипывая, проползла сквозь брешь в колючем кустарнике, который ограждал склон, и побежала прочь. Руки и ноги Мэри кровоточили, но сейчас она даже не думала об этом, она бежала изо всех сил, пригибаясь в высокой траве и желая уйти подальше от этого животного, Гарри-сапожника.

Вскоре со всех сторон ее окружила стена тумана, так что даже кустарник впереди исчез, и Мэри решила остановить свой стремительный бег, опасаясь мглы и ее лукавства — она запросто могла вернуться обратно к лощине. Мэри опустилась на колени и осторожно поползла вперед, внимательно осматриваясь по сторонам. Она двигалась медленно, но инстинкт подсказывал ей, что расстояние между ней и сапожником увеличивалось, и хоть это сейчас улучшало ее положение. Мэри даже и представить не могла, сколько сейчас времени: три, а может, и четыре утра, но темнота все не уходила, более того, снова заморосил дождь, стало казаться, что со всех сторон бушует море. Шум буруна стал еще громче и яснее, чем прежде, так что Мэри поняла, что рассчитывать на ветер не приходится, он постоянно меняет направление и может привести ее на берег, может и обратно в лощину, в любом разе, ориентироваться на него не стоит. Где точно находится берег, сейчас неясно, разве что шум бурунов раздавался не снизу, а откуда-то с уровня ее местонахождения. Это означает только то, с ужасом поняла Мэри, что к морю ведет не длинный и извилистый путь, а всего-навсего та самая лощина, в которой находилась брошенная карета, и находилась она в нескольких ярдах от бухты. Вот почему не было слышно голосов, склоны приглушали их. Как только Мэри догадалась об этом, в тумане впереди

нее образовалась брешь, и за ней появился кусочек неба. Мэри поползла вперед, тропинка расширилась, туман стал пореже, ветер снова подул в лицо, и когда Мэри встала на колени среди гнилой древесины, водорослей и рыхлой гальки, она увидела, что в пятидесяти футах от нее высокие морские волны набегают на берег.

Еще через мгновение ее глаза привыкли к темноте, и свернувшись калачиком за зазубренным камнем, Мэри огляделась.

Рядом с ней можно было увидеть небольшую группу людей, молчаливо вглядывающихся в темноту. Их полная неподвижность придавала им еще более зловещий вид, эта тишина и это внимание во взглядах таили в себе ужас и опасность.

Если бы они пели и кричали, звали друг друга, а их тяжелые сапоги хрустели бы на прибрежной гальке, все это подходило бы к их характерам и было бы именно тем, чего бы и ожидала Мэри, но эта тишина таила в себе что-то угрожающее, предвещавшее этой ночи что-то страшное. Между Мэри и полосой открытого берега находился обломок скалы, и передвигаться дальше она не стала из-за боязни обнаружить себя. Девушка осталась лежать на гальке, а впереди, прямо перед ее глазами маячил ее дядя со своей шайкой.

Мэри ждала. Люди не двигались, ничего не было слышно, кроме монотонного плеска волн, а в темноте ночи виднелась только тонкая белая линия бурунов. Мгла отступала очень медленно, постепенно вырисовывая очертания бухты, скалы становились все более выступающими, утес приобретал массивность. Море распространялось от линии берега все дальше, так что вскоре можно было увидеть весь залив.

Прямо впереди, там, где самая высокая скала выступала над уровнем моря, Мэри заметила яркий источник света, и сначала ей показалось, что сквозь завесу растворяющейся мглы проникла звезда, но затем разобралась, что звезды не могут быть такими яркими и не раскачиваются от ветра на поверхности утеса. И вправду, стоило взглянуть повнимательнее, и сразу стало видно, что звезда снова качается, как маленький белый глаз в темноте. Он плясал и прыгал, раскачиваемый ветром, этот огонь, он то

вспыхивал, то снова угасал, и те, кто находились внизу, не обращали на него никакого внимания — их взгляды были направлены на море, на полосу бурунов.

Внезапно Мэри поняла причину их равнодушия и маленький белый глаз, который казался сначала источником дружелюбия и символом уюта, мигая среди дикой ночи, теперь превратился в знак ужаса и смерти.

Эта звезда была не чем иным, как фальшивым маяком, который установила дядина шайка, этот свет — лишь зло и притворство... Мэри показалось, что маяк вспыхнул еще сильнее, но его свет больше не был белым, он стал желтым, предательским. Наверняка, рядом с маяком находился человек, следящий за тем, чтобы он не погас, потому что кто-то быстро карабкался по склону скалы в сторону берега, эта фигура то скрывалась во мгле, то вновь освещалась, человек явно торопился, словно у него совсем не было времени, он не разбирал своего пути и почти бежал, так что рыхлая земля и камни вылетали у него из-под ног и падали вниз. Звук падающей земли отвлек внимание скрывающихся внизу, и в первый раз за все время, что Мэри наблюдала за ними, шайка оторвалась от созерцания прилива. Девушка видела, как бегущий замахал руками и что-то прокричал, но его слова подхватил ветер, так что она ничего не слышала, но зато бегущего слышали сидящие на гальке люди, потому что в их среде произошло некоторое оживление, кто-то даже вскочил и побежал к утесу навстречу гонцу, но тот еще раз что-то прокричал и указал на море, в сторону бурунов. Вся тишина исчезла в долю секунды, раздался хруст гальки под сапогами и крики, перекрывающие шум моря, затем один из бандитов — это был дядя Джосс (Мэри сразу узнала его по широкому шагу и массивным плечам) — поднял руку, и все тут же замолчали и прислушались. Волны подкатывались к ногам грабителей, но никто не трогался с места, все оставались там, где их застал крик дяди, и эти фигуры напомнили Мэри черных воронов, севших на белый песок.

Сквозь мглу девушка разглядела еще один яркий фонарь, он не плясал и не раскачивался, как тот, что находился на утесе, он то появлялся, то исчезал,

пытаясь последней отчаянной попыткой проникнуть сквозь стену тьмы, и вскоре два огня стали похожи на два белых глаза в темноте, а стоящие на берегу люди все не двигались, ожидая, когда же эти огни сблизятся.

Второй огонь снова нырнул, и теперь уже Мэри могла ясно увидеть очертания корпуса, черные рей, вздымающуюся под кормой белую пену, и тот самый свет, который она увидела, конечно же, шел с мачты. Корабль направлялся на утес, на тот маяк, который манил его, как мотылька свет свечи.

Мэри и сама не осознала, как это произошло, но опять какая-то неведомая сила наполнила ее, и она побежала вниз, на берег, плача и размахивая руками, пытаясь перекрычать шум ветра и моря. Кто-то схватил ее и бросил на песок, чьи-то руки стали душить ее, Мэри отбивалась, пока хватало сил, но все же вскоре ее крик умолк, ей заткнули рот куском грубой мешковины, руки заломали назад и связали толстой, разрывающей тело веревкой, после чего оставили на берегу, лежащей на гальке, а волны плескались в двадцати ярдах от Мэри. Теперь она не могла даже пошевелиться и только приглушенные рыдания вырывались из ее горла, но даже этот плач казался Мэри чужим, и весь мир был наполнен этим плачем, он перекрывал оглушительный шум ветра и моря, но тут раздался еще более громкий звук, — это был треск раскалывающегося дерева, ужасный грохот налетевшего на риф корабля, дрожащие раскаты рассыпающихся и ломающихся бревен и балок.

Словно притянутое магнитом, море отлило от берега, и буруны высоко взлетели над палубой крепящегося корабля. Мэри видела, как огромный черный силуэт медленно перевернулся на бок, подобно гигантской плоской черепахе, и мачты, словно спички, наклонились вниз, а по скользкой поверхности палубы карабкались черные точки, стараясь уцепиться хоть за какой-нибудь обломок. Но когда тяжелая и дрожащая масса под ними раскололась на две части, точки одна за другой стали срываться и падать в белые волны моря, маленькие точки, лишённые жизни и сути.

Мэри почувствовала, что на нее наваливается смертельная усталость и она закрыла глаза. Тишина

и спокойствие исчезли, и те, кто столько времени ждали в холоде своего часа, больше не бездействовали, они бегали, как сумасшедшие, вперед и назад по берегу, безумно и бесчеловечно вопя и крича, они шлепали по пояс в воде, не обращая внимания ни на что, кроме обломков кораблекрушения, которые крутились в бурлящей воде прилива.

Это были не люди, а животные, которые дрались и грызлись за куски расколотого дерева; некоторые из грабителей разделись, не обращая внимания на холод декабрьской ночи, думая только о приносимых бурунами трофеях, они спорили и ругались, словно обезьяны, выхватывая друг у друга вещи, кто-то разжег на утесе костер, и он ярко и сильно горел невзирая на морозящий дождь, на берегу появлялись все новые и новые предметы, которые выносились грабителями из воды и складывались в груду, а огонь с утеса отбрасывал вниз мертвенно-бледный свет, разрывая темноту и образовывая длинные тени там, где сновали вперед и назад эти ужасные подобию людей.

Через несколько минут они сгрудились вокруг вынесенного на берег тела, и сразу несколько рук принялись обыскивать карманы его одежды, жадные и трясущиеся руки обшарили тело до костей, разжав даже разбитые пальцы в поисках колец, а после того как несчастное тело потеряло для них всякий интерес, они просто оставили его валяться в пене прилива.

Сегодняшний грабеж не походил на обыденный, сегодня каждый работал на себя, и безумные и пьяные грабители, не ожидавшие такого успеха, бегали за своим хозяином, как стая собак, и даже когда он заходил в волны, они следовали за ним по самое горло.

Прилив явно ослабел и вода стала убывать, но крутящийся на утесе фонарь все еще плясал от ветра, похожий на старого шута, чьи шутки уже давно перестали всех интересовать, а он сам все не мог понять этого. Небо и вода стали одинакового серого цвета, и сперва те, кто находились у воды, не заметили этого, они все еще пребывали в полубредовом состоянии, гоняясь за своей добычей. И тогда Джосс Мерлин задрал свою огромную голову и принюхался, затем повернулся вокруг себя, вглядываясь

в очертания утесов, ставшие ясными после того, как схлынула тьма, и внезапно крикнул, призывая всех к тишине и указывая на небо, которое из серого превращалось в бледное.

Грабители смотрели на своего главаря, потом стали озираться, наблюдая, как обломки снова уплывают в море, не дождавшись, пока их соберут, а после повернулись все разом в сторону лощины и побежали, не произнося ни слова и не производя ни жеста, побежали, еще более молчаливые, чем когда сидели в засаде, и наступающий свет освещал их испуганные серые лица. Рассвет застал их врасплох, и оставаться здесь дольше значило подвергать себя опасности быть обнаруженными на месте преступления. Теперь весь мир был их врагом, а бывшая союзницей ночь позорно сбежала прочь.

Джосс Мерлин поднял Мэри на ноги и выдернул у нее изо рта кусок мешковины, но так как ни стоять, ни идти девушка не могла — так ослабело ее тело — она опять опустилась на мокрый песок. Джосс зло выругался, взглянул на утес, который с каждой минутой становился все освещеннее, а затем перекинул тело девушки через свое плечо и тоже побежал в сторону лощины, куда только что рванулась вся его шайка, похватав с берега остатки добычи. Руки Мэри кровоточили, тело онемело от лежания на гальке, и она, словно во сне, безмолвно наблюдала за тем, как почти ничего не соображающие грабители лихорадочно и неуклюже носились вокруг трех привязанных лошадей, как протрезвевший по необходимости хозяин орал на своих компаньонов в бесплодных попытках привести их в сознание. Оставленная в лощине карета увязла в мокром песке на половину колеса и сопротивлялась любым попыткам извлечь ее, и это неожиданное препятствие сразу же усилило панику, несколько человек бросились на дорогу, забыв обо всем, в слепом желании обезопасить себя: рассвет стал врагом, и лучше сейчас спрятаться одному где-нибудь в кустарнике или канаве, что будет хоть относительно безопасностью, чем оказаться в компании еще пяти таких же оборванцев на дороге... На побережье и так давно их подозревали, здесь каждый человек был известен, а незнакомец — замечен, но бродяга или цыган могут спокойно идти своей дорогой.

Дезертиры тут же были прокляты теми, кто остался и дрался за место в карете. Толкая ее, они от страха приложили столько усилий, что карета за- качалась, выбираясь из песочной трясины, перевер- нулась на бок и ее колесо отлетело.

То, что произошло с каретой, ввергло всех в состояние совершенной истерии, лощина тут же превратилась в крошечный ад, грабители в дикой панике бросились к стоящей чуть дальше телеге, а кто-то, всегда послушный своему вожаку, из соображений предосторожности поджег сломанную карету, и в свете костра беспорядок продолжился: началась драка за обладание местом на телеге, потому что было ясно, что уйти подальше от берега на своих двоих невозможно, началась отвратительная потасовка, в которой все кусались, царапались, разбивали друг другу зубы камнями и резали глаза кусками стекла.

Хозяин и Гарри-сапожник достали пистолеты и стояли спиной к телеге, пытаясь разогнать толпу грабителей, которые, сойдя с ума от ужаса неминуемого преследования, глядели на них, как на лютых врагов, как на ложных пророков, приведших их к гибели. Раздался выстрел, но он только лишь взрыхлил склон лощины, и один из стоящих напротив хозяина воспользовался этим промахом и ударил его в глаз обломком камня: Джосс Мерлин выстрелил снова и на этот раз попал точно в живот нападавшего, который рухнул в грязь как подкошенный, визжа, словно заяц. Гарри-сапожник тут же выстрелил другому оборванцу в горло, и кровь фонтаном забила из сквозной раны.

Появившаяся кровь закрепила победу хозяина, оставшиеся смутьяны, испугавшись до смерти при виде страшной судьбы своих товарищей, все как один побежали прочь и стали карабкаться вверх по склону, стараясь выбраться на дорогу и убежать как можно дальше от своего бывшего главаря. Джосс же оперся на телегу, вытирая рукой текущую из раны над глазом кровь. Теперь они остались втроем, тратить время нельзя, и они быстро покидали в телегу рядом с Мэри различные странные и ненужные предметы, а оставшаяся страшная добыча потихоньку смывалась волной обратно в море. Забрать ее уже

невозможно — при свете дня их деяния были бы непременно обнаружены.

Двое, раненные пистолетными выстрелами, лежали около телеги, и живы они или нет, сейчас было неважно для Джосса Мерлина — в любом разе они свидетельствовали против него. Гарри-сапожник в очередной раз проявил свою жуткую смекалку, затащив тела в огонь, и они запылали вместе с каретой.

Джосс Мерлин схватил поводья, и без лишних слов оставшиеся от всей шайки два компаньона забрались в телегу.

Мэри лежала без движения и смотрела на низко бегущие облака. Темнота ушла, утро было сырым и серым, шум волн почти смолк: море потратило всю свою ярость на прилив и сейчас успокоилось.

Ветер утих тоже, длинные стебли растущей на склонах лощины травы стояли неподвижно, и на побережье вновь воцарилась тишина. Воздух пах сырой землей, турнепсом и пролежавшим всю ночь над землей туманом, облака все так же неслись по серому небу, заморосил дождь и капли его упали на бескровное лицо Мэри.

Колеса телеги скрипели по неровной дороге, но вскоре Джосс повернул направо и выехал на ровный тракт, который вел на север, к гостинице «Джамайка».

Где-то недалеко звонили в утреннем небе радостные колокола; звон летел через поля и пашни, становясь нестройным и расплывающимся.

И внезапно Мэри вспомнила, какой сегодня был день.

Сегодня началось Рождество.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Этот квадрат стекла чем-то знаком... Он больше, чем окно кареты, и имеет другую форму... И эта трещина, Мэри очень хорошо помнит ее. Девушка подняла глаза и увидела, что небо исчезло, дождь больше не капает ей на лицо, а ветер затих. Она стала размышлять, почему это произошли такие метаморфозы, и почувствовала, что тряски кареты также нет. Первой мыслью было то, что карета опять

увязла в мягком песке лощины, и судьба вновь заставляет пройти ее по тому же страшному кругу, по которому она уже шла: ей придется выбираться в окно, раздирая себя в клочья, падать на землю, затем бежать по извилистой тропинке на встречу с Гарри-сапожником, притаившимся в канаве, только на этот раз сил драться с ним у нее нет... Вновь на полосе гальки шайка грабителей молчаливо ожидала прилива, гигантская черепаха переворачивалась на бок, как спички, ломались мачты, и маленькие черные точки падали в пенящееся море. Мэри застонала и замотала головой, и перед ее глазами возникла обшарпанная коричневая стена, стена ее собственной спальни в гостинице «Джамайка».

Вид этой холодной и мрачной комнаты, которую она ненавидела, сейчас даже обрадовал ее — здесь не было ни дождя, ни ветра, ни липких рук Гарри-сапожника, не было слышно шума моря, и рев бурунов больше не беспокоил ее. Если бы Мэри сейчас умерла — это стало бы абсолютным исполнением ее желания, потому что жить она не хотела: это лежащее на кровати тело все равно больше не принадлежало ей, оно давно умерло. В голове девушки шумело, а из глаз катились огромные слезы.

Над ней склонилось чье-то лицо, и Мэри резко отпрянула назад, вытянув перед собой руки и пытаясь хоть как-то защититься от сломанных зубов и вороватых липких ладоней Гарри-сапожника.

Но несмотря на то что глядящие на девушку глаза были такими же красными и заплаканными, как и ее собственные, руки, гладящие ее, принадлежали не Гарри, а тете Пэйшэнс.

Женщины обнялись, и Мэри снова не смогла удержаться от слез, потому что все, что ее наполняло изнутри, было горем, жалостью и мученьем, потому что, казалось, она уже никогда не успокоится и не забудет того, что с ней произошло в эти дни.

— Вы знаете, что со мной было? — спросила Мэри сквозь слезы, но тетя Пэйшэнс ничего не ответила, только еще крепче сжала ее руки. Сейчас она напоминала животное, попавшее в капкан, по крайней мере, ее намокшие голубые глаза точно принадлежали когда-то какому-то крохотному зверьку.

— Долго ли я лежу? — задала еще один вопрос Мэри, и на этот раз тетя ответила:

— Второй день.

Некоторое время Мэри молчала, обдумывая услышанное, ведь двое суток — это такой огромный срок для того, кто только несколько минут назад наблюдал за рассветом на морском берегу. За это время столько всего могло произойти, а она беспомощно лежала здесь, в постели...

— Вам надо было разбудить меня, — довольно грубо сказала Мэри, отводя в сторону обнимавшие ее руки. — Я не ребенок, и не стоило сюсюкать надо мной из-за нескольких чертовых синяков. У меня очень много дел, но, по-видимому, вам меня не понять.

Тетя Пэйшэнс робко и печально погладила девушку по руке.

— Ты вряд ли могла бы сдвинуться с места, — вскрикнула она. — Все твоё тело кровоточило, ты так сильно была избита... Я вымыла твоё лицо и омыла твоё тело, но ты никак не приходила в себя, и я было испугалась, что ты очень сильно пострадала, но слава милостивому Богу, тяжелых повреждений у тебя нет. Синяки должны скоро сойти, а спокойный сон восстановит силы...

— А вы знаете, кто все это сделал? Знаете, где я была?

Мэри знала, что её жестокие и горькие слова хлещут по тете Пэйшэнс, словно кнутом, но никак не могла остановиться, и захлебываясь, стала рассказывать о людях на берегу, но не успела она произнести и нескольких слов, как старая женщина заплакала, и Мэри, увидев, в каком ужасе усталились на неё эти пустые и бесцветные глаза, тут же почувствовала себя физически плохо и не смогла продолжить. Она спустила ноги с кровати и закачала головой из стороны в сторону.

— Что ты теперь хочешь сделать? — нервно спросила тетя Пэйшэнс.

— Это моё личное дело, — тряхнула головой её племянница и стала одеваться.

— Дядя Джосс внизу. Он не позволит тебе выйти из гостиницы.

— Я не боюсь его.

— Мэри, ради Бога, ради меня, не зли его опять, ты же знаешь, что только пострадаешь ещё больше. С того момента, как вы вернулись, он сидит внизу,

бледный и страшный, и держит на коленях ружье. Он закрыл в доме все двери и окна... Я знаю, что ты перенесла адские муки, я знаю все, что с тобой было, но разве ты не понимаешь, что если ты спустишься вниз, то он просто изобьет тебя, а может даже и убьет... Я никогда не видела его таким и не знаю, что с ним стряслось. Не ходи вниз, Мэри; на коленях умоляю тебя, не ходи!

И тетя Пэйшэнс опустилась на колени, взяла ее руки и стала целовать их. Мэри, которая, казалось, уже совсем пришла в себя, почувствовала, что вот-вот расплачется от горечи и обиды.

— Тетя Пэйшэнс, — сказала она, — я вынесла слишком много для того, чтобы принимать во внимание ваши слова. Что бы для вас ни значил дядя Джосс, для меня он не человек, ваши слезы больше не спасут его, и вы должны это понять. Это животное, наполовину сошедшее с ума от крови и бренди, он же убивает людей, понятно вам? Он топит людей в море! Я ни о чем больше не хочу думать, я больше ничего не хочу видеть. Я умерла.

Голос девушки все рос, и казалось, что он вот-вот сорвется в истерику, она была еще слишком слаба, чтобы думать логически, и единственная картина, которая возникала в ее мыслях, — та, как она выбегает на большую дорогу и громко кричит о помощи, и эта помощь должна прийти, иначе и быть не может.

Тетя Пэйшэнс предпринимала отчаянные попытки заставить девушку замолчать, но все было тщетно, и предупреждающие жесты женщины не возымели на Мэри никакого действия. Она все еще кричала, когда дверь распахнулась от сильного удара, и на пороге появился хозяин гостиницы «Джамайка». Он слегка пригнулся, чтобы не удариться головой о притолоку, и мрачно и внимательно смотрел на женщин. Он выглядел изможденным и серым, и только лишь ярко-алая рана над глазом жутковато оживляла его лицо.

— Мне кажется, что я слышал голоса во дворе, — произнес Джосс. — Я слышал, как там внизу звякнули ставни, там, в гостиной, но никого не заметил. Вы здесь что-нибудь слышали?

Никто не ответил хозяину, только лишь тетя Пэйшэнс покачала головой и через силу улыбнулась той

самой улыбкой, которая всегда появлялась на ее лице в присутствии мужа. Дядя Джосс присел на кровать, вытер грязной рукой вспотевший лоб, и его красные воспаленные глаза отупело уставились на окно.

— Он придет, — пробормотал он. — Он скоро придет. Я буду драться с ним, я перережу ему глотку... Он предупреждал меня, а я не послушался его, но теперь я играю в свою игру... Мы уже давно мертвы, все трое, ты, Пэйшэнс, ты, Мэри, и я... Все кончено, говорю вам, все кончено. Зачем вы дали мне этот бренди, почему вы не разбили эти чертовы бутылки и не заперли меня? Я бы не тронул вас, пальцем бы не коснулся, волоска бы с ваших голов не упало... Теперь слишком поздно. Это конец.

Дядя Джосс переводил взгляд с Пэйшэнс на Мэри, и девушка заметила, что его глаза налились кровью, массивные плечи висели, как два мешка, взгляд абсолютно пустой, а выражение лица такое, какое она никогда раньше у него не замечала.

— О чем это вы? — спросила она после паузы. — Кого вы боитесь? Кто вас предупреждал?

Дядя Джосс прижал руки ко рту, и его пальцы задрожали.

— Нет, — произнес он медленно, — сейчас я не пьян, Мэри Йеллан, и моя тайна так и останется моей. Но одну вещь я тебе скажу, и ты запомнишь это на всю жизнь — ты не такая, как моя старая Пэйшэнс — у нас много врагов. С одной стороны это закон, а с другой... — он внезапно замолк, и в его глазах блеснул прежний злой и хитрый огонек. — Ты хочешь знать, да? Ты хочешь выбежать из дома с этим именем на губах и предать меня, ты хочешь увидеть меня на виселице, да? Отлично, я не обвиняю тебя, я принес в твою жизнь столько горя, что ты будешь помнить меня до скончания дней, но ведь я и спас тебя, не так ли? Ты не задумывалась над тем, что бы сделала с тобой эта шайка, если бы меня там не было?

Дядя Джосс засмеялся, сплюнул на пол, и было видно, что он несколько пришел в себя.

— За это ты должна быть мне благодарна. В ту ночь до тебя никто не дотронулся, разве что я, но я совсем не испортил твое личико. Порезы и синяки заживают быстро. Эх, дурочка, ты же прекрасно

знаешь, что стоило мне только захотеть, и от тебя только мокрое пятно бы осталось, да, черт возьми, ты бы валялась у моих ног, как твоя тетушка, разбитая и уничтоженная, проклятая Богом тварь! Идемте отсюда. Здесь воняет сыростью и гнилью.

Он приподнялся и вытолкнул Мэри в коридор. Тетя Пэйшэнс двинулась за ними следом, но только они сделали несколько шагов, как дядя Джосс остановился, дотронулся до подбородка Мэри и некоторое время разглаживал ее царапины длинными и тонкими пальцами. Девушка смотрела на него с ненавистью и отвращением: эти тонкие руки напомнили ей все, что она потеряла, этот рот, так похожий на рот его брата, находился всего в нескольких дюймах от нее, и это сравнение было таким ужасным, что Мэри вздрогнула и закрыла глаза. Джосс задул свечу, и они стали спускаться по лестнице, не произнося ни слова, лишь их шаги разносились по пустому дому.

Печальная процессия прошла в кухню, в которой двери и окна были закрыты, а все освещение исходило от двух стоящих на столе свечей.

Дядя Джосс уселся на стул, вытянул ноги, а затем оглядел женщин, пошарил в кармане, достал трубку и стал не спеша набивать ее.

— Нам надо выработать план кампании, — произнес он после паузы. — Мы будем сидеть здесь все вместе столько, сколько понадобится. Двигаться куда-либо нет никакого смысла, с меня уже довольно движений. Я никогда не играл в такие игры, и мне становится страшно. Вот если бы вокруг все было тихо, то тогда, клянусь всемогущим Богом, у нас был бы шанс выбраться.

Он выпустил клуб дыма и задумчиво уставился на пол, отбивая ногой по каменным плитам какой-то незамысловатый ритм.

— Гарри должен остаться верным мне, — продолжал Джосс через некоторое время, — но и он имеет свой дом и будет прятаться там. А остальные, они все разбежались по округе кто куда, визжа от страха и зажав хвосты между ногами, как чертова свора псов. Да, они навсегда перепуганы... Я тоже испуган, вы это прекрасно знаете, я сейчас трезв и отчетливо вижу всю эту чертову кутерьму, которую я затеял, но если мы будем действовать четко

и уверенно, все должно кончиться хорошо. Ты, Мэри, можешь смеяться, если хочешь, но можешь быть спокойна — ты тоже вляпалась во все это дело по шею, тебе не сбежать, и тебе будет так же плохо, как мне и Пэйшэнс, в этом-то уж будь уверена. Почему вы не заперли меня на ключ? Почему не остановили меня?

Пэйшэнс тихо подошла к своему мужу, теребя жакет и облизывая пересохшие губы.

— Ну, что, Пэйшэнс? — спросил Джосс, видя, что его жена явно собирается что-то сказать.

— Почему мы не можем попросту сбежать, если все уже кончилось? — прошептала женщина. — В конюшне есть коляска, мы можем поехать в Лончестон и через несколько часов нас уже не будет в Корнуэлле. Надо только отправиться ночью...

— Ты, идиотка проклятая! — закричал дядя Джосс. — Ты что, не понимаешь: любой встретившийся нам по дороге в Лончестон уверен в том, что я сам дьявол, и тут же доложит в магистрат, а там только и ждут того момента, чтобы навесить на мою шею все совершенные в Корнуэлле преступления. Любой идиот жаждет схватить меня, вся страна уже осведомлена о том, что произошло в Сочельник на побережье, а если они увидят, что мы бежим... Вот вам и доказательства! Господи, ну неужели ты думаешь, что я не почесался бы, чтобы спасти свою шкуру? Мы можем бежать, но тогда каждый мерзавец на побережье ткнет в меня пальцем. Представляю, хорошо бы мы выглядели в набитой доверху барахлом телеге на площади Лончестона, совсем, как фермеры в ярмарочный день! Оставалось только платочком помахать... Нет, у нас один-единственный шанс, мы должны залечь на дно и лежать, не высываясь. Если мы будем тихо сидеть в гостинице, то им ничего не останется, как только почесывать затылки и шмыгать носами, у них не будет никаких доказательств, понимаете? Им нужны доказательства, без этого им не схватить нас, но пока никто из той безмозглой толпы не сказал о нас, — мы свободны.

Да, конечно, корабль лежит на прибрежных скалах, а по берегу разбросано барахло, и только и ждет, кто бы его забрал. Но кто его заберет, кому это теперь надо? Да, они найдут два обугленных тела и гору пепла... «Что это? — спросят они. —

Здесь был пожар, здесь убили людей...» Да, это все гнило, и для многих из нас это чуть ли не прямое обвинение, но где доказательства, спрашиваю я вас? Ответьте мне на этот вопрос. Я провел Сочельник как уважаемый человек, в кругу своей семьи и занимался только играми в кошки-мышки и пятнашки со своей племянницей, — Джосс усмехнулся и подмигнул Мэри.

— Вы только одно забыли, — сказала девушка.

— Нет, моя дорогая, я ничего не забыл. Да, кучер кареты упал в канаву в четверти мили отсюда, потому что ему очень мешала унция свинца, застрявшая у него в груди. Ты думаешь, что мы оставили его тело там, да? Может, для тебя это и неожиданность, Мэри, но я скажу тебе, что его тело тоже отправилось с нами на побережье, и теперь лежит, надежно скрытое десятью футами береговой гальки. Конечно, его будут искать, я думал об этом, но ни его, ни карету никогда не найдут. Странно, не правда ли? А может, ему попросту надоела его жена и он сбежал от нее куда-нибудь в Пэйзанс? Ну что ж, пусть они поищут его и там.

А теперь, когда мы выяснили все, что касается меня, я хотел бы узнать, что ты делала в той самой карете, и где ты была в тот самый день? Ты должна мне ответить, Мэри, в противном случае мне придется найти способ заставить тебя заговорить.

Мэри взглянула на свою тетю, потому что та вздрогнула всем телом, словно испуганная собака, и ее голубые глаза застыли на моментально побледневшем лице. Надо срочно придумать что-нибудь подходящее; время сейчас — очень важный фактор, но надо все рассчитать, чтобы выбраться из этой заварухи с наименьшими потерями. Играть надо наверняка, для того чтобы дядя оказался в петле раньше, чем она окажется арестованной. Надежда на спасенье есть, но она находится в пяти милях отсюда, в Алтарнуне, и надо срочно дать знать обо всем, что происходит в «Джамайке», Фрэнсису Дэйви.

— Я расскажу вам все, хотя и не знаю, поверите ли вы мне или нет, — начала Мэри, — и мне в принципе все равно, что вы обо мне подумаете. Я ездила в Лончестон на Сочельник, была там на ярмарке. Вечером пошел дождь, и я вымокла до нитки, поэтому наняла карету. Я сказала кучеру, что еду в Бод-

мин, — боялась, что если я произнесу название гостиницы, он не возьмет меня. Вот и все, и больше мне сказать нечего.

— И ты была в Лончестоне совсем одна?

— Конечно же, одна.

— И ты ни с кем не разговаривала?

— Ну почему же, я разговаривала с торговцами и купила себе платок.

Джосс Мерлин сплюнул на пол.

— Ладно, — произнес он, — чтобы я теперь с тобой ни сделал, ты ведь все равно будешь рассказывать мне то же самое. У тебя есть преимущество в том, что я не могу проверить сказанное тобой. Не многие из девушек твоего возраста отважатся провести день в Лончестоне, добираясь туда в полном одиночестве, а уж тем более отправиться домой в карете. Если ты сказала правду, значит, все в порядке, они никогда не найдут кучера. Черт возьми, мне теперь хочется выпить!

Джосс откинулся на спинку стула и сжал трубку зубами.

— Мы еще сможем уехать, Пэйшэнс, — сказал он. — И ты еще сможешь вдоволь покрасоваться в шляпке и в бархатном пальто. Я пока не проиграл, пусть сначала вся эта банда окажется в аду! Мы переждем и начнем все сначала. Мы живучи, как бойцовские петухи... Может, я перестану пить, стану ходить по воскресеньям в церковь, а ты, Мэри, будешь кормить меня с ложечки, когда я стану совсем старым.

Джосс запрокинул голову назад и захохотал, но смех его продолжался недолго и моментально осекся, рот его захлопнулся, словно капкан, он отшвырнул стул в сторону, встал посреди комнаты и стал дико озираться по сторонам, причем побледнел, как полотно.

— Слушайте, — прошептал он хрипло, — слушайте...

Мэри проследила за направлением взгляда ее дяди и увидела, что тот неотрывно смотрит на щель между ставнями. Там появился лучик света.

Кто-то пытался осторожно открыть окно на кухню, легонько постукивая и царапаясь украдкой в пространстве между стеклом и ставней.

Звук напоминал шуршание оторвавшегося от сте-

ны побега плюща, который раскачивается ветром из стороны в сторону. Но нет, с этой стороны гостиницы «Джамайка» плющ не рос...

Настойчивое и пугающее царапанье не прекращалось, кто-то упрямо постукивал в окно: тук... тук... словно птица постукивает клювом... тук... тук... или это чьи-то пальцы?..

Больше в кухне ничего не было слышно, разве что испуганное дыхание тети Пэйшэнс, которая судорожно схватилась за руку племянницы и сжала ее. Мэри наблюдала за замершим посреди комнаты хозяином, и синева его губ была заметна даже на фоне его небритого подбородка. Он подождал пару секунд, а затем на цыпочках подошел к дальнему углу, в котором стояло его ружье, причем взгляд его так и не оторвался от лучика света между ставнями.

Мэри попыталась сглотнуть комок в горле, но все горло пересохло: было ли существо за окном другом или врагом? Эта мысль делала ее ожидание еще более невыносимым, но общий страх, несомненно, заразил и ее — это можно понять по гулким ударам ее сердца. Было видно, как на лице дяди образовались крупные капли, а Мэри дрожащей и непослушной рукой дотронулась до рта, чтоб не закричать от испуга.

Какое-то мгновение Джосс стоял у окна неподвижно, а затем рванул задвижку и отворил ставни настежь.

Серый свет полудня залил комнату, и в этом свете можно было увидеть прижавшегося к стеклу лицом человека, оскалившего свои сломанные зубы.

Это был Гарри-сапожник... Джосс Мерлин выругался и рывком распахнул окно.

— Черт тебя подери, Гарри! — закричал он. — Заходи вовнутрь побыстрее. Ты что, захотел получить пулю в живот, проклятый дурак? Ты заставил меня пять минут прислушиваться, как охотник прислушивается к шороху шагов зверя, и мое ружье было направлено точно тебе в кишки. Открой дверь, Мэри, не стой у стены, словно призрак. И так в этом доме невозможно собраться с мыслями, а еще ты стоишь там с кислой рожей, — подобно тем людям, которые плохо переносят испуг. Джосс пытался обвинить всех вокруг себя в том, что и сам испытал, и таким образом расслабиться.

Мэри медленно пошла к двери. Вид сапожника оживил в ее памяти яркую картину их драки на побережье, и отвращение и ненависть к этому человеку выросли в ее душе настолько, что она не могла поднять на сапожника глаза, только молча отворила дерь, а когда тот вошел, прикрыла ее и отвернулась; лицо девушки побледнело, и она прошла к огню, чтобы оказаться спиной к комнате.

— Итак, какие новости? — спросил хозяин.

Сапожник причмокнул губами и ткнул большим пальцем за плечо.

— Все вокруг в дыму, — сказал он. — Болтают по всему Корнуэллу, от Тэймара до Сент-Ивза. Я только что из Бодмина, весь город словно обезумел — они все жаждут крови, а прошлой ночью я был в Кэмелфорде, так и там каждый болван трясет в воздухе кулаком и что-то лепечет своему соседу. Этот шторм может кончиться только одним, Джосс, и знаешь, как это называется? — Гарри провел ладонью по своему горлу. — Нам надо бежать, это наш единственный шанс. Все дороги отравлены, а хуже всего в Бодмине и Лончестоне. Я выведу всех через болота, через Ганнислэйк, это большой крюк, знаю это, но мы тотчас же окажемся в Девоне. Миссис, нет ли у вас в доме куска хлеба? Я не ел со вчерашнего утра.

Гарри обращался к жене хозяина, но при этом смотрел в сторону Мэри. Пэйшэнс Мерлин достала из буфета хлеб и сыр, и движения ее были такими неповоротливыми, а губы так сжались, что любому стало бы ясно: думает она совершенно о постороннем, какие-то свои мысли овладели этим изможденным телом. И точно, когда она положила продукты на стол, то умоляюще взглянула на мужа и проговорила:

— Ты слышишь, что он сказал? Оставаться здесь — безумие, надо уходить пока не поздно, ты ведь знаешь, чего хотят эти люди, они не пожалеют тебя, а просто убьют без суда и следствия. Ради Бога, послушай его, Джосс. Ты знаешь, что о себе я не думаю, но если ты...

— Заткнись, понятно? — прогремел в ответ ее муж. — Я никогда не спрашивал у тебя совета, не спрошу и сейчас. Я и сам справлюсь со своими проблемами, и незачем, чтобы еще ты блеяла у меня

под ухом, словно свца. И ты, Гарри, тоже успокойся! Ты тоже зажал хвост между ног только потому, что какая-то жалкая кучка селян размахивает кулаками! Да как они докажут, что именно мы причина всему произошедшему? Скажи мне, как? Или твоя печенка уже давным-давно все обдумала за тебя?

— К черту мою печенку, Джосс! Я просто ищу выход. Здесь теперь будет очень плохо, и я уйду отсюда в любом разе, уйду, как только смогу. А насчет доказательств... Эти последние месяцы мы и так плевали против ветра, чем это тебе не доказательства? Я рисковал башкой, чтобы предупредить тебя, чтобы сказать, что надо уходить, а ты... Знаешь, я никогда ничего не говорил против тебя, но ведь ты и сам знаешь, что именно ты своей проклятой тупостью вовлек нас в эту заваруху! Ты напоил нас досмерти и вывел на берег, ты повел нас на эту авантюру, о которой никто и подумать не мог! У нас всегда был только один шанс из миллиона, и вот теперь этот шанс ушел от нас к чертовой матери. Мы были пьяны и оставили все это чертово барахло на берегу, мы совсем потеряли головы! Так чьих же это рук дело? Я могу сказать, Джосс, — ты один виновен во всем случившемся! — Гарри ударил кулаком по столу, и его желтое наглое лицо почти вплотную приблизилось к лицу хозяина.

Джосс Мерлин одно мгновение смотрел сапожнику прямо в глаза, а потом заговорил, и на этот раз голос его был зловещ и мрачен:

— Итак, ты обвиняешь меня, Гарри? Ты уподобился всем этим змеям, которые расползлись по болотам, когда игра перестала быть удачной? Без меня все было бы нормально, да? Вы уже забыли про то золото, которое наполняло ваши карманы доверху, вы уже забыли, что все эти месяцы вы жили, словно принцы, вместо того, чтоб обтирать углы притонов, где вам самое место? А если бы мы вовремя открыли глаза и убрались бы с берега до того, как начнется рассвет, как мы делали до этого тысячу раз, тогда все было бы нормально, да? Вы снова просили бы меня набить ваши карманы, вы снова бы виляли хвостами, как стая шавок, умоляя выдать часть вашей добычи, снова называли бы меня всемогущим Богом, снова лизали бы мои сапоги

и лежали бы в пыли? Беги, беги, если хочешь, беги за Тэймар, и будь проклят! Я и сам справлюсь.

Сапожник пожал плечами и через силу усмехнулся.

— Разве нельзя спокойно обо всем поговорить? Разве обязательно рвать друг другу глотку? Я ничего не имею против тебя, Джосс, я с тобой. Я знаю, что в этот Сочельник мы просто перепились до смерти, но забудем это, — что было, то было! Шайка разбежалась, и на них полагаться нельзя — они слишком напуганы и вряд ли вылезут на поверхность. Мы остались вдвоем, Джосс, ты да я. В этом деле мы завязли глубже других, и если мы поможем друг другу — это будет лучше для нас обоих. Я пришел специально для того, чтобы все обговорить и обдумать, — и Гарри снова осклабился, обнажив сломанные желтые зубы, а затем принялся отбивать по столу дробь своими черными ногтями.

Хозяин холодно наблюдал за ним. Трубку свою он отложил в сторону.

— Так куда же ты ведешь, Гарри? — спросил он, потом снова взял отложенную было в сторону трубку и принялся набивать ее табаком.

Сапожник втянул в себя воздух и усмехнулся.

— Никуда я не веду, я просто хочу выяснить между нами все вопросы. Игра окончена, это очевидно, и надо выкручиваться. Но вот еще что, Джосс, я не понимаю, зачем завершать все с пустыми руками? Мы два дня назад набили комнату тем барахлом с побережья, так? Оно по праву принадлежит тем, кто добывал его в Сочельник. Но из шайки никого не осталось, только ты да я. Я думаю, что все это может нам помочь, когда мы окажемся в Девоне. Ведь правда?

Хозяин выпустил клуб дыма и усмехнулся.

— Я знал, что ты обязательно вернешься в гостиницу, Гарри, чтобы взглянуть на мою улыбку, я уверен в том, что ты обожаешь меня. Вот тебе за это моя рука.

Сапожник опять осклабился и, пожав руку хозяину, откинулся на спинку стула.

— Мы ведь друзья, Джосс, не правда ли? В нашем разговоре никто не держит камня за пазухой, все ясно — барахло здесь, и двое мужчин без труда перенесут его куда надо. Женщины не в счет.

Хозяин снова выпустил клуб дыма и задумался.

— Ты просто набит мыслями, Гарри, и они все просто разложены по полочкам, точь-в-точь, как твои шнурки и гвоздики. Значит, мой друг, ты думаешь, что барахло здесь, да? Ты думаешь, что вправе им располагать? А если я два дня подряд не отдыхал ни минуты, и только-только от моих ворот отъехали повозки, что тогда?

Лицо сапожника перекосила гримаса и он закусил губу.

— Что за шутки? — прорычал он. — Ты что, ведешь двойную игру? Тогда ты заплатишь за это! Ты всегда молчал, Джосс Мерлин, когда от твоих ворот уходили повозки, никто никогда не знал, куда они отправляются, я видел много такого, что не понимал, но я всегда молчал. В этом деле многие считали, что имеют слишком мало выгоды с такого большого риска, но ведь никто никогда тебя ни о чем не спрашивал, правда? Слушай, Джосс Мерлин, за тобой стоит еще кто-то?

В ту же секунду, как прозвучал последний вопрос сапожника, Джосс резко вскочил и так сильно ударил Гарри кулаком в челюсть, что тот отлетел назад и рухнул на каменные плиты. Он было попытался подняться на ноги, но Джосс уже стоял рядом, и ствол его ружья упирался прямо в горло Гарри.

— Одно движение, и ты мертвец, — мягко произнес Мерлин.

Гарри-сапожник не мигая смотрел на своего бывшего главаря, и его одутловатое лицо пожелтело, — по-видимому, при ударе об пол он сильно ушибся, потому что теперь судорожно дышал. Как только драка началась, смертельно испуганная тетя Пэйшэнс прижалась к стене и впиалась взглядом в свою племянницу, ожидая от нее какой-либо помощи. Мэри стояла совсем рядом со своим дядей, но что делать в такую минуту, она тоже не могла сообразить. Наконец Джосс опустил ружье и пнул сапожника ногой.

— Вот теперь-то мы можем поговорить, — он отошел в сторону, по-прежнему держа ружье в руках, а сапожник остался сидеть на полу, скорчившийся и испуганный.

— В этой игре я главный и всегда был им, — медленно произнес хозяин. — Я начал это дело три года

назад, мы таскали груз в Пэдстоу и были счастливы, когда у нас появлялся семипенсовик, я работал до тех пор, пока торговля не охватила все побережье от Хартлэнда до Хэйла. Стоит ли за мной еще кто-то? Мой Бог, я хотел бы увидеть такого человека, который осмелился бы давать мне приказания! Да, сейчас все кончено, мы всегда знали, к чему приведет этот путь, и теперь день закончился и игра сыграна.

Ты шел сюда вовсе не для того, чтобы предупредить меня, ты шел из-за своей выгоды, Гарри. Ты увидел, что гостиница заперта, и твое гнусное сердечко возликовало. Ты лез в это окно, потому что знал, что задвижку в ставне можно отодвинуть, а потом спокойно войти вовнутрь. Ты ведь не знал, что я здесь, да? Ты думал, что на кухне обычно Пэйшэнс или Мэри, их легко можно запугать, можно взять мое ружье, которое всегда висит на стене, ты же часто его видел? И тогда — к черту хозяина гостиницы «Джамайка»! Ты гнусная крыса, Гарри! Ты что, думал, что я не заметил всего этого в твоих глазах в тот момент, когда открыл ставни и увидел твою мерзкую рожу, прижатую к стеклу? Ты думаешь, я не слышал, как ты вздохнул от удивления, не слышал, как заскрежетали твои желтые зубы?

Сапожник с трудом облизнул свои пересохшие губы и бросил взгляд на стоящую у огня Мэри. Он и в действительности в этот момент напоминал загнанную в угол крысу, он ждал, что теперь и Мэри расскажет про него все, что произошло между ними на берегу, но Мэри молчала и ждала, что же произойдет дальше.

— Очень хорошо, — продолжал дядя Джосс, — мы заключим сделку, как ты и хотел, и у нас, действительно, все будет замечательно. Я передумал, мой дорогой друг, и теперь мы в самом деле отправимся в Девон, и сделаем это с твоей помощью. Как ты и говорил, барахло надо будет загрузить, и один я с этим не справлюсь. Завтра как раз воскресенье, благословенный день и крушение даже пятидесяти кораблей не подымет этих глупых селян с коленей. Они ослепнут на своих проповедях и будут молиться о спасении душ тех бедных моряков, которые по несчастью попали в лапы к дьяволу, но самого дьявола искать в праздник они не будут.

У нас двадцать четыре часа, Гарри, дружок мой,

и завтра ночью, после того, как нагрузишь поверх моего барахла торф и турнепс, тогда-то ты и попрощаешься со мной, с Пэйшэнс, с Мэри. И тогда можешь встать на колени и поблагодарить Джосса Мерлина за то, что он оставил тебе жизнь вместо того, чтобы бросить тебя в канаве, где тебе самое место, и оставить подыхать с пулей в твоём черном сердце.

И Джосс снова поднял ружье и приставил его ствол к горлу сапожника. Гарри всхлипнул и закрыл глаза. Хозяин рассмеялся и произнес:

— Ты очень меткий стрелок, Гарри. Разве не ты пристрелил Нэда Санто прошлой ночью? Ты прострелил ему горло, и кровь била из раны фонтаном. Нэд был отличным парнем, но только очень болтливым, да? Так значит, ты попал ему вот сюда? — и Джосс чуть-чуть надавил ружьем на горло сапожника. — Если я не ошибаюсь, то и твоя глотка прочистится так же, как и у бедняги Нэда. Ведь ты не считаешь, что я ошибаюсь?

Сапожник не отвечал, его рот был широко открыт, а глаза косили на страшную холодную дырку в стволе.

Хозяин отвел ружье в сторону и, наклонившись, пнул Гарри ногой.

— Давай вставай. Ты что, думаешь, я буду играть с тобой всю ночь напролет? Шутка является шуткой всего пять минут, а потом она превращается в мешок мяса. Открывай дверь и иди по коридору направо, до тех пор, пока я не скажу тебе, где надо остановиться. Все двери в доме закрыты, и через выход в баре тебе не сбежать. У тебя чесались руки потрогать то, что мы привезли с берега, да, Гарри? Эту ночь ты проведешь в кладовой среди этого барахла. Знаешь, моя дорогая Пэйшэнс, ведь мы в самом деле в первый раз примем гостя в гостинице! Я не считаю Мэри — она все-таки из нашей семьи, — и Джосс рассмеялся, довольный своей шуткой.

Теперь его настроение менялось с каждой минутой, это было очень ясно видно. Хозяин упер ружье в спину сапожника и повел его из кухни по темным каменным коридорам в кладовую. Дверь, которую в свое время так невежливо открыли сквайр Бассет и его слуга, теперь была установлена на место и стояла еще крепче прежнего. Джосс Мерлин по-

следнюю неделю провалился в запое, но, протрезвев, сделал многое для себя и своего дома.

После того, как хозяин запер своего бывшего дружка на ключ, приказав на прощанье тому не кормить крыс, которых там было видимо-невидимо, он похохатывая вернулся на кухню.

— Я думаю, Гарри теперь придется несладко, — сказал он. — Я видел в его глазах все последнее время какой-то гнилой огонек, я заметил его задолго до того дня, когда мы вляпались во всю эту передрагу. Он всегда будет рядом, но только до того момента, пока все идет хорошо; а в случае же неудачи он первый бросит в тебя камень. Он завистник и трус, он насквозь прогнил! Все они завидовали мне! Они поняли, что у меня есть мозги, и ненавидели меня за это. Что ты так смотришь на меня, Мэри? Ты лучше обедай и иди спать. Завтра нам предстоит длительное путешествие, и предупреждаю вас, оно будет трудным.

Мэри исподлобья взглянула на своего дядю. Показать, что она вовсе не собирается бежать с ним, невозможно, наоборот, Джосс должен подумать, что она всем довольна, и несмотря на усталость и накопившееся за все это время напряжение, в ее мыслях возник план.

За время, оставшееся до завтрашней ночи, она должна добраться до Алтарнуна, и тогда ее миссия закончится. Ее делами займутся другие. Возможно, в первое время ей и тете Пэйшэнс придется нелегко, ведь они ничего не понимают в поворотах и хитро-сплетениях закона, но ведь, в конце концов, правосудие должно восторжествовать! Очистить свое имя, а также имя своей тети необходимо.

Мысль о том, что ее дядя, который сейчас сидел напротив и набивал рот сухим хлебом и сыром, через какое-то время будет стоять со связанными руками, раз и навсегда потеряв всю свою силу, доставила Мэри острое удовольствие, и она снова и снова рисовала себе эту картину. Тете Пэйшэнс необходимо будет отдохнуть — прошедшие годы расстроили ее здоровье, но теперь у нее будет возможность пожить в мире и спокойствии. Дальше Мэри подумала о том, как осуществится арест ее дяди; возможно, все произойдет в момент бегства, когда они выедут на дорогу и дядя Джосс за-

смеется в полной уверенности того, что все его планы исполнятся. И тогда их окружит огромная масса хорошо вооруженных солдат, так что любое сопротивление будет бесполезным, а когда его свяжут, Мэри подойдет к дяде, улыбнется и скажет: «Я думала, что ты умнее, дядя Джосс!», и он будет знать, что это значит.

Мэри отвела глаза в сторону и посмотрела на кухонный стол.

— Я сегодня не буду ужинать, — произнесла она.

Тетя Пэйшэнс что-то расстроено забормотала, указывая на стоящую перед Мэри тарелку с ломтиками хлеба и сыра, но Джосс Мерлин резко оборвал ее.

— Дай ей подуться, если она этого хочет! Не все ли тебе равно, ест она или нет? Голод полезен женщинам и животным, от него они становятся умней. Наутро она будет поспокойнее. Подожди меня, Мэри, тебе надо хорошо выспаться, и для этого я запру тебя на ключ. Я не хочу, чтобы кто-нибудь ходил сегодня ночью по коридорам.

Он взглянул на стоящее у стены ружье, а затем непроизвольно на все еще открытые ставни кухонного окна.

— Закрой окно, Пэйшэнс, — произнес дядя Джосс, — и проверь ставни в баре. Когда поужинаешь, можешь отправляться спать. Я сегодня переночую на кухне.

Тетя Пэйшэнс с опаской посмотрела на мужа и попыталась было что-то сказать, но Джосс оборвал ее:

— Когда же, черт возьми, ты научишься ни о чем не спрашивать!

Тетя Пэйшэнс вздохнула, закрыла окно и вышла прочь, а Мэри все еще стояла у двери, держа в руках свечу.

— Ну а ты что стоишь там? — произнес дядя Джосс. — Я же сказал, ты можешь идти.

Мэри вышла в коридор. Пламя свечи образовывало странные тени на стенах, и хотя из кладовой в конце коридора не доносилось ни звука, девушка подумала о сапожнике, о том, как он лежит сейчас в крошечной тьме и ожидает, когда придет день. Даже простое воспоминание о нем было для Мэри неприятно, он на самом деле казался огромной крысой, которую посадил в клетку его же компаньон,

и в воображении девушки у Гарри выросли крысиные когти, он стал царапать и грызть раму окна, пытаясь выбраться на свободу, пользуясь тишиной ночи...

Мэри вздрогнула, в глубине души поблагодарив дядю за то, что он решил так надежно запереть сапожника. Ночью дом казался наполненным неведанными опасностями, и несмотря на то, что девушка старалась идти как можно тише, звук ее шагов гулко разносился по каменным коридорам и эхо ударялось о каменные стены. Даже кухня, единственное место в доме, где она могла чувствовать себя относительно спокойно, после того, как Мэри ее покинула, печально глядела девушке вслед, зловеще освещенная желтым пламенем. Неужели дядя будет сидеть там всю ночь, даже когда погаснут свечи, держать ружье на коленях и кого-то ждать?.. Или чего-то?.. Но когда Мэри поднималась по лестнице, дядя догнал ее.

— Дай мне свой ключ, — сказал он, и Мэри беспрекословно подчинилась его приказанию. Дядя Джосс секунду размышлял, затем бросил взгляд на девушку, наклонился к ней и прижал палец к ее рту.

— Ты все еще сильна, Мэри, — сказал он. — Ты еще не потеряла свое мужество, несмотря на то, что я так избил тебя, я видел все это сегодня в твоих глазах. Если бы я был молодым, я бы ухаживал за тобой, и вот тогда бы одержал над тобой победу, это точно. Я бы увез тебя с собой, увез навстречу славе. Ты понимаешь меня, ведь верно?

Мэри пристально взглянула дяде в глаза и ничего не ответила, но независимо от ее воли подсвечник в руке дрогнул.

Голос Джосса понизился до шепота:

— Мне грозит страшная опасность. На закон я давно плевал, если я захочу, то выберусь на свободу, даже если весь Корнуэлл станет наступать мне на пятки. Меня пугает другое, Мэри, те шаги, что появляются в ночи и исчезают под утро и та рука, которая повергнет меня ниц.

В полумраке его лицо выглядело худым и старым, и Мэри заметила, как в его глазах вспыхнул огонек желания рассказать племяннице всю правду, но этот огонек горел лишь мгновение, а затем погас.

— Мы уйдем за Тэймар, — сказал дядя Джосс,

и его рот искривила до боли знакомая улыбка, улыбка, подобная эху из прошлого. Он вышел из комнаты, закрыл дверь и повернул в замке ключ.

Мэри услышала, как он спускается по лестнице, затем идет по коридору, поворачивает за угол и заходит на кухню. Она подошла к постели и села, сложив руки на коленях, а затем внезапно унеслась в далекое прошлое, вспоминая свое детство и те мечты, которым не дано осуществиться. Ее пальцы невольно коснулись губ, и Мэри неожиданно для себя тихо заплакала, и когда слезы побежали по ее щекам, то ей показалось, что они настолько горячие, что обжигают ее.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мэри уснула не раздевшись на том самом месте, где присела, и, проснувшись от какого-то шума, она сперва подумала о том, что, наверное, снова началась буря и дождь всюду колотит в ее окно. Она открыла глаза и увидела, что еще ночь, а оконное стекло вовсе не дрожит от ветра и не забрызгано каплями дождя. Девушка насторожилась и стала ждать, не повторится ли разбудивший ее звук, и он повторился через секунду — это был звук града ударивших в окно комьев земли, брошенных со стороны двора. Мэри опустила ноги на пол, лихорадочно соображая, опасно или нет подойти сейчас к окну.

По-видимому, кто-то таким грубым способом пытался предупредить кого-то, наверняка хозяина, но плохо знал расположение комнат в гостинице и уж подавно не подозревал, что Джосс сегодня ночует на кухне, — сидит внизу с ружьем на коленях и ждет своего ночного гостя, может, как раз он и пришел и теперь находится в саду... Лучше не подходить к окну, говорил Мэри внутренний голос, но все же любопытство взяло верх, и она тихонько подползла к окну и приподнялась, скрываясь за выступом стены. Во дворе было темно, везде лежали тени, но появившаяся на горизонте тонкая линия облаков уже предвещала рассвет.

Ошибиться Мэри не могла — на подоконнике действительно лежала земля, а прямо под верандой маячила чья-то фигура — фигура мужчины. Девуш-

ка застыла у окна, наблюдая, как незнакомец пытается что-то найти в цветочной клумбе, расположенной у окна в гостиную, затем выпрямляется и швыряет небольшой комок земли в ее окно. Снова по стеклу застучали камешки, и на этот раз Мэри увидела лицо незнакомца и вскрикнула от удивления, забыв о том, что хотела остаться незамеченной.

Во дворе стоял Джем Мерлин собственной персоной. Мэри открыла окно и хотела было позвать его, но Джем поднял палец, останавливая ее, подошел поближе к стене, приложил ко рту ладони и громко прошептал:

— Спустись вниз и открой мне дверь.

Мэри покачала головой.

— Я не могу. Я заперта в своей комнате.

Джем в замешательстве уставился на девушку, видимо, озадаченный сказанным, оглядел дом, словно пытаясь спросить у него совета, затем ощупал стену, проверяя ее прочность и обдумывая, выдержат ли ржавые гвозди его вес в качестве точки опоры. Дотянуться до черепичной поверхности веранды было нетрудно, но вот схватиться за нее уже сложнее — не имея опоры можно было запросто соскользнуть обратно на землю.

— Принеси мне одеяло, — тихо произнес Джем.

Мэри догадалась, чего он хочет, и прижав один конец одеяла ножкой стола, выбросила второй в окно, и он повис прямо над головой Джема, который тут же ухватился за него и осторожно забрался на низкую выступающую крышу веранды, опираясь ногами о стену дома, и таким образом добрался до окна Мэри. Девушка попыталась развернуть раму пошире, но это у нее не получилось, окно открылось только на фут, и попасть в комнату, не разбив его, Джем не мог.

— Я хочу поговорить с тобой, — произнес мужчина. — Придвинься поближе, чтобы я видел тебя.

Мэри придвинулась, и некоторое время они рассматривали друг друга, не говоря ни слова. Джем выглядел усталым, глаза его запали, как у человека, который долго не спал и сильно утомился, а вокруг рта пролегли морщинки, которых Мэри раньше не замечала.

— Я должен извиниться, — произнес Джем после паузы. — Я оставил тебя одну в Лончестоне.

Простишь ли ты меня или нет — это уже на твоей совести, но поверь, что у меня была причина, о которой я сейчас не могу рассказать. Прости меня.

Мэри ясно увидела, что за эти дни Джем сильно изменился, и это изменение насторожило ее.

— Я так боялась, что с тобой что-то произошло, — сказала она. — Я пошла за тобой в Уайт-харт, и там мне сказали, что ты отправился в карете с каким-то джентльменом, и не оставил ни записки, ни слов объяснения. Они что-то знали, те люди, что стояли там у камина, среди них был тот самый торговец, с которым ты разговаривал на рыночной площади. Они показались мне плохими людьми, я не поверила сказанному ими, и подумала, что, наверное, обнаружилась кража пони. Я очень расстроилась, хотя твои дела — это всего лишь твои дела.

Мэри старалась говорить в тоне, присущем Джемму. Когда она увидела его во дворе, то подумала о нем, как о любимом человеке, который специально пришел к ней ночью, чтобы помочь ей, но эта неожиданная холодность, с какой он произнес слова извинения, резко привела ее в состояние спокойствия, хотя и деланного; Мэри постаралась, чтобы Джем не заметил в ее глазах ничего, кроме холодного равнодушия.

Он ведь даже не поинтересовался, как она вернулась домой в ту самую ночь, и это безразличие больно кольнуло самолюбие Мэри.

— Почему ты заперта в комнате? — спросил Джем.

Мэри пожала плечами и ответила плоским и тусклым голосом:

— Мой дядя боится, что я стану подслушивать, боится, что я выйду в коридор и раскрою все его тайны. А вот что касается твоего появления... Я полагаю, если я поинтересуюсь его причиной, ты не очень оскорбишься?

— Да, ты можешь позволить себе быть злой — я заслужил это, — неожиданно вспыхнул Джем. — Я знаю, что ты думаешь обо мне, и когда-нибудь я все тебе объясню, конечно, если ты будешь рядом со мной. А сейчас, пожалуйста, будь терпеливой и пошли свою уязвленную гордость и свое любопытство к черту. Я сейчас иду по тонкой ниточке,

Мэри, и один неверный шаг убьет меня. Где мой брат?

— Он сказал, что проведет ночь на кухне. Он чего-то или кого-то боится, окна и двери заперты, а на коленях у него ружье.

Джем хрипло усмехнулся.

— Я и не сомневался, само собой, он боится, и я могу сказать, что с каждой минутой он будет бояться все больше и больше. Я пришел взглянуть на него, но раз он сидит там с ружьем в руках, я, пожалуй, отложу свой визит на завтра, тогда и погода прояснится.

— Завтра может быть слишком поздно.

— О чем это ты?

— Джосс собирается покинуть гостиницу.

— Ты говоришь правду?

— А почему я должна лгать?

Джем умолк. Эта новость явно озадачила его, и он что-то лихорадочно обдумывал, а Мэри наблюдала за ним, и прежние сомнения и подозрения вспыхнули с новой силой. Наверное, именно Джема и ожидал ее дядя, значит, это именно его он ненавидел и боялся, значит, именно он держит в своих руках нити жизни дяди Джосса. Вновь перед ней возникло мерзкое лицо сапожника и слышались те слова, которые вызвали у хозяина такой прилив ярости: «Слушай, Джосс Мерлин, за тобой стоит еще кто-то?». Неужели это он тот самый человек, который своим разумом управлял силой дяди, тот самый человек, который прятался в пустой комнате в первую субботнюю ночь?

Мэри снова вспомнила о смехе Джема по дороге в Лончестон, о его объятиях и поцелуях на рыночной площади... Сейчас он был мрачен и молчалив, а на его лицо пала тень. Мысль о том, что Джем ведет двойную игру, расстроила и напугала Мэри. Этой ночью он выглядел каким-то чужим, он преследовал какую-то цель, которая была ей неясна. Предупредить ли его о планах Джосса? Это может нарушить ее планы, это может стать самой большой ее ошибкой, но что бы Джем ни сделал, что бы он ни собирался сделать, был ли он коварным обманщиком или даже убийцей, Мэри поняла, что справиться с собой она не может и обязательно предупредит его.

— Будь осторожен при встрече с братом, — ска-

зала она. — У него очень плохое настроение, и любое вмешательство в его дела будет угрожать твоей жизни, я говорю это для твоей собственной безопасности.

— Я не боюсь Джосса и никогда не боялся его.

— Может, и так. Но, может быть, он боится тебя?

Джем ничего не ответил на это, и только наклонился вперед, всмотрелся в лицо девушки и дотронулся пальцем до царапин, исчертивших ее лицо от лба до подбородка.

— Кто это сделал? — резко спросил он и коснулся синяка на ее скуле. Мэри секунду колебалась, а потом ответила:

— Я получила эти украшения на Сочельник.

Вспышка, последовавшая за этими словами в глазах Джема, показала ей, что он все понял, что он знает о том, что произошло в ту ночь на побережье, и, может, именно поэтому и появился в гостинице «Джамайка».

— Ты была с ними на берегу? — прошептал он.

Мэри осторожно кивнула, а Джем громко выругался и, рванув вперед, ударом кулака выбил из рамы стекло, не боясь, что этот резкий звук насторожит хозяина. Из образовавшейся на руке раны хлынула кровь, но теперь Джем мог пробраться в комнату. Это он и сделал, оказавшись возле девушки раньше, чем она смогла сообразить, что происходит. Мужчина взял Мэри на руки и отнес на кровать, потом нашел в темноте свечу, зажег ее, вернулся к постели и, встав на колени, осветил лицо девушки. Его палец осторожно погладил разлившийся до подбородка синяк, но когда Мэри все-таки прищурилась от боли, Джем судорожно выдохнул воздух и выругался.

— Я не должен был позволить произойти этому, — сказал он, задул свечу и присел на кровать. — Всемогущий Бог, зачем ты пошла с ними? — прошептал он.

— Они напились до смерти, я думаю, они даже не соображали, что делают. Я не могла сопротивляться, их было больше дюжины, да еще мой дядя... Он вел их, он и сапожник. Послушай, если ты все знаешь, то зачем спрашиваешь? Не напоминай мне об этом, я не хочу это вспоминать.

— Они сильно избили тебя?

— Ты и сам видишь. Я пыталась бежать и ободрала спину, но они поймали меня, связали руки и ноги и заткнули рот мешковиной так, что я не могла кричать. Они оставили меня на берегу, и я видела, как корабль блуждает в тумане, но ничего не могла сделать, чтобы помочь ему, я просто лежала и смотрела, как они все погибают...

Мэри остановилась, голос ее задрожал и она отвернулась, прикрыв лицо руками. Джем не бросился ее утешать, он просто молча сидел на кровати, и Мэри даже показалось, что он вообще думал о чем-то своем.

И от этого ей сделалось еще тоскливее, чем раньше.

— Мой брат бил тебя больше других? — наконец произнес Джем.

Мэри устало вздохнула, все эти подробности казались ей теперь несущественными, все это давно прошло.

— Я говорила тебе, он был пьян. Ты лучше меня знаешь, на что он похож в таком состоянии.

— Да, это я знаю, — Джем замолк, и через секунду взял девушку за руку. — Я убью его за все это.

— Смерть Джосса не вернет тех, кого убил он.

— Я не думал о них, я думал...

— Если ты думал обо мне, то тратил время зря. За себя я и сама отомщу, если я чему и научилась — так это полагаться на свои силы.

— Я никогда не понимал женщин, Мэри, и я не верю в их смелость. Тебе лучше выйти из этой игры, потому что то, как она закончится, зависит только от меня.

Мэри ничего не ответила — ее игра была ее собственной, и посвящать в нее Джема она не собиралась.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Джем.

— Я еще не решила, — солгала Мэри.

— Если он собирается уйти завтра ночью, то у тебя не так уж много времени принять какое-то решение.

— Он собирается забрать с собой и тетю Пэйшэнс.

— А как же ты?

— Моя судьба зависит от завтрашнего дня.

На этот раз Мэри все-таки попыталась взять себя в руки и не рисковать, рассказывая Джемму о своих планах. Она до сих пор никак не могла понять его; кроме того, он все же враг закона, и, сообщая властям о своем дяде, она могла невольно предать и Джема.

— Если я попрошу тебя кое-что сделать для меня, что ты мне ответишь? — спросила девушка.

В первый раз за все время Джем улыбнулся той самой хитрой и снисходительной улыбкой, которой он улыбался в Лончестоне, и сердце Мэри сжалось, обрадованное такой переменной.

— Как я могу тебе что-то обещать?

— Я просто хочу, чтобы ты ушел отсюда.

— Я уйду.

— Нет, я имею в виду — уйти с болот, подальше от гостиницы «Джамайка». Я хочу, чтобы ты пообещал, что не вернешься сюда снова, с твоим братом я и сама справлюсь, я не боюсь его, но я не хочу, чтобы ты завтра оказался здесь. Пожалуйста, пообещай мне, что ты уйдешь.

— Что это на тебя нашло?

— То, что не имеет к тебе никакого отношения, но может очень сильно повредить, если ты окажешься рядом. Больше я ничего не могу сказать, я просто прошу, чтобы ты доверился мне.

— Довериться тебе? Господи, да я-то доверяю тебе, а вот ты до сих пор мне не доверяешь, маленькая дурочка, — и Джем тихо засмеялся и обнял Мэри, а затем поцеловал ее, но уже не так, как в Лончестоне, а медленно и страстно.

— Играй в свои игры, а я буду играть в свои. Если бы ты была парнем, я и слова бы тебе не сказал, но прошу, побереги свое лицо, которое я только что целовал и собираюсь целовать снова, прошу тебя, не лезь в пекло. Ты же не хочешь убить себя? Я сейчас уйду, через час уже станет светло, но скажи, если твои планы потерпят неудачу, что тогда? Ты очень расстроишься, если никогда больше не увидишь меня? Да нет, конечно, тебе плевать.

— Я бы так не сказала, но я думаю, мы все равно никогда не пойдем друг друга.

— Да, женщины и мужчины думают по-разному, да и вообще ходят по разным тропинкам. Вот почему я недолюбливаю их — они все время попадают

впросак. Было очень здорово ехать с тобой в Лонгстон, Мэри, но сейчас я хотел бы, чтобы ты находилась за тысячу миль отсюда и спокойно сидела с шитьем на коленях в гостиной, которая принадлежала бы мне.

— Да, такого никогда не было в моей жизни и, я думаю, вряд ли когда-нибудь будет.

— Почему нет? Ты выйдешь замуж за какого-нибудь фермера или мелкого торговца и будешь преспокойно жить в полном ладу со своими соседями, ты и не расскажешь им никогда, что жила в гостинице «Джамайка» и любила конокрада, ведь вполне возможно, что тогда перед тобой закроются все двери. Ладно, Мэри, прощай, я желаю тебе счастья.

Джем встал с кровати, подошел к окну и выбрался сквозь проделанную им брешь на веранду, после чего спустился на землю, держась за одеяло.

Мэри смотрела за ним из окна, надеясь, что он обернется и тогда она помашет ему рукой, но Джем ушел не оглядываясь, он выскользнул из двора, словно тень. Девушка медленно подтянула одеяло и положила его обратно на кровать. Скоро должно начать светать, а спать ей абсолютно не хотелось.

Мэри снова опустилась на постель и принялась обдумывать предстоящий день. Не должно возникнуть никаких подозрений, она должна вести себя мрачно и недовольно, несколько пассивно, потому что предстоящее путешествие ничем ей не нравится. Затем, позже, ей надо придумать причину, по которой она отправится в свою комнату, допустим, это будет усталость, она попросит дядю дать ей отдохнуть перед ночным путешествием, и вот тогда-то и настанет самый ответственный момент: надо будет незаметно покинуть гостиницу и побежать в Алтарнун. На этот раз Фрэнсис Дэйви обязательно поверит ей, время теперь их враг, и он будет вынужден действовать активно. Затем она вернется в гостиницу, успокоенная гарантиями викария и посмотрит, осталось ли ее отсутствие незамеченным. Если хозяин зайдет в ее комнату и увидит, что ее там нет — ее жизнь не будет стоить и ломаного пенни. К этому надо быть готовой. На этот раз ее не спасут уже никакие оправдания. Но вот если дядя Джосс ничего не заметит и будет думать, что она мирно спит

в своей комнате — вот тогда игра продолжится. Они опять станут готовиться к путешествию, заберутся в телегу и выедут на дорогу... Ну что ж, на этом ее миссия и закончится. С этого момента их судьбы будут находиться в руках викария Алтарнуна, и дальше Мэри ничего уже не видела, да и думать о том, что будет дальше, не хотела.

Так Мэри дождалась, когда придет день, но когда он пришел, череда длинных и томительных минут и часов потянулась перед ней, каждая минута казалась часом, а час казался вечностью. Атмосфера в доме накалилась до предела, измотанные этой нервотрепкой люди ждали вечера, потому что в течение дня ждать ничего не приходилось, разве что каких-то неприятностей.

Тетя Пэйшэнс бродила из комнаты в комнату, эхо ее шагов разносилось по лестницам и коридорам, но женщина ни на минуту не останавливалась, совершая свои бессмысленные и бесполезные приготовления. Она увязывала в платки принадлежащие ей скудные пожитки, затем развязывала эти узлы снова, потому что вспоминала, что забыла положить какую-то тряпку, она бесцельно бродила по кухне, открывая шкафы и заглядывая в их ящики, дотрагивалась до тарелок и горшков усталыми пальцами, никак не решаясь взять их, потому что все равно что-то придется оставить. Мэри помогала ей чем могла, хотя в глубине души жалела, что не может ничего сказать своей тете, и от этого на ее сердце скреблись кошки — вся эта работа была никому не нужна.

Временами Мэри задумывалась о будущем и тогда ее посещали дурные предчувствия. Что будет делать тетя Пэйшэнс? Как она поведет себя, когда увидит, что ее мужа арестовывают? Тетя просто ребенок, и надо отнестись к ней, как к ребенку. Шаги Пэйшэнс теперь слышались сверху, она перетаскивала по пол какие-то коробки, и Мэри ясно увидела, как тетя заворачивает свой единственный подсвечник в шаль и кладет его рядом с выцветшей муслиновой шляпкой, затем снова разворачивает шаль для того, чтобы освободить место для еще более древних сокровищ.

Джосс Мерлин наблюдал за всем происходящим в доме и раздраженно ругался, когда его жена что-

то роняла на пол или просто спотыкалась. С ночи его настроение не изменилось, а если изменилось, то самую малость. Тот факт, что его ночное бдение ни к чему не привело и его ночной гость так и не появился, заставлял его быть еще внимательнее, чем прежде. Он нервно и бесцельно грохотал по всему дому, что-то бормотал себе под нос и вглядывался в окна, как будто ожидая увидеть кого-то, кто неожиданно подкрадется к дому. Его нервозность передавалась и Пэйшэнс и Мэри, и они опасливо поглядывали в его сторону, а когда Джосс увлекался своим наблюдением из окна, Мэри видела, как сжимались губы тети Пэйшэнс и как судорожно начинала она крутить свой фартук.

Из закрытой кладовой не доносилось ни звука, а сам хозяин ни словом не упоминул о своем пленнике, и это молчание казалось зловещим и странным. Если бы сапожник стучал в дверь и кричал — это было бы понятным, но он лежал в своей каморке без звука и движения, и хотя она испытывала к этому мерзавцу чувство глубокого отвращения, при мысли о том, что, может быть, Гарри умер, Мэри вздрогнула.

Обед накрыли на кухне. Ели в молчании и чуть ли не украдкой. Хозяин, который обычно ел, как буйвол, на этот раз задумчиво барабанил пальцами по столу, и холодное мясо на его тарелке так и осталось нетронутым. Мэри осторожно взглянула на своего дядю и увидела, что тот мрачно смотрит перед собой из-под косматых бровей. Девушка вздрогнула, потому что она на секунду представила, что Джоссу все известно о ее планах. Вполне возможно, что к нему вернется настроение прошлой ночи, и Мэри приготовилась ничему не сопротивляться и по возможности подыгрывать его шуточкам. Главное, ничем не показать недовольства. Дядя Джосс мрачно молчал, и насколько Мэри знала, это его состояние обычно переходило в ярость. Наконец она собралась с силами и спросила, когда они все-таки покинут гостиницу.

— Когда я буду готов, — коротко ответил Джосс и больше ничего не прибавил.

Мэри стала убирать со стола оставшуюся пищу, а по дороге тихонько посоветовала тете Пэйшэнс собрать корзину с провизией для того, чтобы взять

ее с собой, а потом повернулась к дяде и снова попробовала завязать разговор.

— Если мы уезжаем ночью, не лучше ли, если мы с тетей днем отдохнем и наберемся сил для вечера? Ночью никто из нас не уснет, а тетя и так с утра на ногах, да и я тоже. Мы уже сделали все, что необходимо, а до сумерек еще так далеко, — Мэри старалась говорить как можно более спокойно, но сердце ее сжалось и она с нетерпением ждала ответа, поэтому поднять глаза на Джосса Мерлина она не сумела. Дядя Джосс ничего не отвечал, и боясь рассердить его, Мэри отвернулась и притворилась, что копается в буфете.

— Если хотите, можете отдыхать, — произнес хозяин после паузы. — Позже у вас на самом деле будет навалом работы. Ты права, ночью вы не уснете. Идите, я пока обойдусь и без вас.

Первый шаг был сделан, но Мэри все же задержалась у буфета, продолжая свою мнимую уборку, потому что опасалась, что излишняя поспешность вызовет ненужные подозрения, а тетя Пэйшэнс послушно поднялась вверх и проследовала в свою комнату.

Мэри зашла в свою спальню над верандой и заперла за собой дверь, сердце ее забилось сильнее, и девушка не могла сказать точно, что послужило этому причиной — страх или возбуждение. До Алтарнуна четыре мили, это расстояние можно пройти за час. Если она уйдет из гостиницы в четыре, то вернется назад не раньше шести. Хозяин вряд ли заявится к ней до семи часов, значит, для того, чтоб сыграть свою партию, у нее есть три часа. Мэри задумалась над тем, каким образом теперь ей выбраться отсюда. Можно забраться на веранду и прыгнуть вниз, как это сделал сегодня Джем. Да, это наиболее верный способ выйти, вся цена ему — несколько ссадин и немного страха, но в любом разе это безопаснее, чем пробовать выйти внизу: придется обязательно идти мимо дяди, причем тяжелая входная дверь никогда не открывается без шума, а идти через бар — значит, проходить через кухню.

Мэри одела свое самое теплое платье, завязала покрепче свою старую шаль и при этом заметила, что руки ее дрожат. Она усилием воли заставила себя

успокоиться. Нечего дрожать понапрасну, впереди еще долгий путь и надо собраться с силами.

Девушка присела на подоконник, оглядела двор и дорогу, на которой мог появиться какой-нибудь прохожий, но нет, все вокруг было тихо и спокойно. Мэри подождала, пока часы в прихожей пробьют четыре раза, и после того, как они замолкли и по дому разлилась звенящая тишина, девушка собралась было вылезти в окно, но внезапно остановилась — ей показалось, что кто-то тихо перешептывается в коридоре прямо у ее двери.

Мэри открыла дверь и выглянула наружу. Конечно, ей показалось, в коридоре никого не было, часы принялись отсчитывать новый час и каждая секунда дорога — тратить время попусту нет смысла. Она закрыла дверь и заперла ее, потом осторожно подошла к окну и вылезла в пролом, стараясь действовать так, как Джем утром, потом крепко схватилась за подоконник и взглянула вниз, на землю.

До земли было не так уж далеко, и тем не менее Мэри пожалела, что у нее нет одеяла, как у Джема, оно могло бы облегчить падение, а сейчас ноги соскальзывали с черепицы, точки опоры нигде не предвиделось, и руки девушки инстинктивно и сильно вцепились в подоконник. Она зажмурила глаза, превозмогая дикое желание забраться обратно в комнату, подождала еще мгновение и спрыгнула вниз. Как она и предполагала, прыжок не был особенно сложен, ноги почти в ту же секунду коснулись земли, но черепица в кровь ободрала ее ладони, и в памяти девушки ярко вспыхнула картина ее прошлого прыжка из кареты, в лощине на берегу.

Мэри посмотрела на серую и зловещую в надвигающихся сумерках громаду гостиницы «Джамайка», вспомнила о тех тайнах, которые были скрыты за этими стенами, о том ужасе, которому она была свидетельницей, подумала, что после того, как она познакомилась с дядей Джоссом, она уже никогда не станет такой веселой и жизнерадостной, как несколько месяцев назад, а затем повернулась прочь и побежала в сторону дороги.

Мэри быстрее ветра направилась к своей цели, не сводя глаз с длинной белой ленты, лежащей впереди нее, и по мере ее продвижения сумерки сгущались, на болота ложились тени, на высоких скалах с левой

стороны дороги появились облака тумана, стало еще темнее, и вскоре вокруг воцарилась тишина. Вечер стоял превосходный — маленькая подмога со стороны природы — ветра не было, значит, вскорости появится луна. Мэри стала размышлять, изменит ли дядя свои планы, если силы природы воспротивятся ему, если луна осветит все на много миль вокруг хотя, по большому счету, теперь в этом нет никакой разницы. Сегодня Мэри даже не боялась трясин, они просто выпали из ее внимания, потому что она полностью сосредоточилась на дороге, так что болота исчезли и перенеслись в какой-то другой мир.

Мэри довольно быстро добралась до Файв-Лэйн, до развилки на дороге, и повернула налево, под уклон холма в сторону Алтарнуна. Когда она проходила мимо мигающих огоньков коттеджей и вдыхала приятный сельский дым, то почувствовала, как сердце ее забилося еще сильнее, в ее памяти разом всплыли воспоминания давно забытых дней, лай собак, шелест листьев, звяканье ведер, говорящее о том, что от колодца по домам разносят воду... Все двери в домах были открыты и изнутри доносились голоса, за живыми изгородями кудахтали куры и какая-то жанщина громко звала плачущего ребенка. Мимо Мэри прогрохотала телега, и кучер, поравнявшись, произнес: «Добрый вечер»... Все вокруг словно замедлило свое движение, везде царили мир и спокойствие, и все в этой деревне выглядело точь-в-точь так, как в ее родном Хэлфорде.

Мэри шла, стараясь не сбиться с темпа и держась ориентира — деревенской церкви, и наконец предстала перед домиком vicar's house. Странно, но ни лучика света не пробивалось из-за закрытых ставен, дом был темен и молчалив, и мрачные деревья так многозначительно окружили его, что Мэри снова вспомнила свое первое впечатление: этот дом словно принадлежит к давнему прошлому, он будто уснул много лет назад, так ничего и не узнав о настоящем. Мэри забарабанила в дверь и услышала, как эхо от ее ударов разносится по пустому дому, она бросилась к окнам и заглянула вовнутрь, но не увидела ничего, кроме мягкой тьмы.

Мэри прокляла свою глупость и снова побежала к церкви. Конечно же, Фрэнсис Дэйви был там, ведь сегодня воскресенье. Она почти уже добежала до

ворот, когда увидела, что они отворяются, и на улицу выходит женщина, несущая букет цветов.

Она внимательно оглядела Мэри, обратив внимание на то, что девушка не местная, пожелала ей спокойной ночи и прошла было мимо, но Мэри очнулась от своей минутной задумчивости и окликнула ее.

— Простите, пожалуйста, — сказала девушка, — я вижу, вы идете из церкви... Вы не скажете, мистер Дэйви все еще там?

— Нет, его там нет, — ответила женщина после паузы. — Вы хотели видеть его?

— Да, и по очень важному делу. Я была в его доме, но там никого нет. Вы можете мне сказать, где он?

Женщина озадаченно посмотрела на Мэри и покачала головой.

— Я очень сожалею, но викарий уехал читать службу в другой приход, это довольно далеко отсюда. Сегодня он уже не вернется в Алтарнун.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Некоторое время Мэри недоверчиво смотрела на женщину.

— Уехал? — повторила она. — Но это невозможно... Вы не ошибаетесь?

Мэри настолько была убеждена в верности своих расчетов, что никак не могла поверить в то, что ее планы рухнули. Женщина же казалась обиженной — она не понимала, почему это незнакомка не верит ее словам.

— Викарий уехал из Алтарнуна вчера днем, сразу после обеда. Я это прекрасно знаю, потому что помогаю ему по дому.

Должно быть, женщина увидела, как резко изменилось выражение лица девушки, поэтому она смягчилась и заговорила приветливее.

— Если вы хотите что-нибудь ему передать, то можете сделать это через меня, я передам ему сразу после его возвращения... — начала она было, но Мэри только безнадежно покачала головой. Услышав это известие, она почувствовала, что вся ее сила духа и смелость моментально улетучились.

— Передавать уже поздно, — сказала она. — У меня вопрос жизни и смерти, а если мистер Дэйви уехал, я и не знаю, что делать...

Было видно, что женщина очень заинтересована происходящим.

— Кто-то заболел? — спросила она. — Я могу показать вам, где живет наш доктор, если вам нужен именно он. А откуда вы пришли на ночь глядя?

Мэри не ответила, лихорадочно соображая, как ей теперь выпутаться из создавшегося положения. Вернуться назад в гостиницу «Джамайка» без результата невозможно. Обращаться к местным жителям бесполезно — они попросту не поверят ей. Значит, нужно найти кого-нибудь, кто слышал бы о гостинице «Джамайка» и о ее хозяине и обладает авторитетом.

— Где находится ближайший магистрат? — спросила девушка после паузы.

Женщина задумалась.

— Здесь, в Алтарнуне, ничего такого нет. Вам надо идти в Норт-Хилл, к сквайру Бассету, это мили четыре отсюда, а может быть, и больше. Точно я сказать не могу, я там никогда не была. А вы что, что-то хотите там разузнать? Вы что, собираетесь идти туда, ночью?

— Я должна идти, — ответила Мэри. — Другого выхода у меня нет. Больше я не могу терять время. Простите, что я говорю загадками, но у меня большие неприятности, и только викарий или сквайр могут помочь мне. Скажите, как мне добраться до Норт-Хилла?

— Это довольно просто. Идите по дороге в Лончестон, надо пройти мили две, а у верстового столба поверните направо. Хотя вряд ли девушке вроде вас гоже идти туда затемно. На болотах в это время ходит много дурного народа, и это очень опасное предприятие. Лично мы не рискуем по ночам выходить из домов — говорят, на большой дороге грабят и убивают...

— Спасибо большое, я очень благодарна вам за участие, но я всю свою жизнь прожила в уединенных местах и не боюсь.

— Будет лучше, если вы останетесь здесь и дождетесь викария.

— Это невозможно... Но когда он вернется, вы

можете ему передать... Хотя подождите, если у вас есть карандаш и бумага, я напишу ему несколько слов. Так будет лучше.

— Пойдемте в мой коттедж, там вы напишите записку, а потом я занесу ее викарию домой и оставляю на столе, так что когда он вернется, то сразу ее увидит.

Мэри прошла за женщиной в ее коттедж и в нетерпении ждала, когда же она найдет карандаш. Время убегало слишком быстро, а дополнительное путешествие в Норт-Хилл в корне расстраивало все ее планы.

После того, как она встретится с мистером Бассетом, вряд ли получится вернуться в гостиницу и остаться незамеченной. Наверняка дядя Джосс пойдет звать ее, заметит ее исчезновение и уберется из гостиницы раньше намеченного. В любом случае все ее старания идут насмарку... Наконец-таки женщина вернулась с листом бумаги и пером, и Мэри, даже не обдумывая слов, принялась за письмо.

«Я пришла к вам за помощью, но вы уехали. Вы уже, наверное, слышали о крушении, которое произошло в Сочельник. Виной этому ужасному происшествию был мой дядя и вся его банда из гостиницы. Он понимает, что кольцо подозрений сжимается вокруг него все плотнее и плотнее, поэтому он и собирается покинуть гостиницу сегодня ночью и через Тэймар перебраться в Девоншир. После того, как я вас не застала, я решила отправиться в Норт-Хилл к сквайру Бассету и рассказать ему все, чтобы предупредить исчезновение дяди, хотя, может, уже слишком поздно. Эту записку я передаю с вашей домашней хозяйкой, и надеюсь, вы ее найдете тотчас по возвращении.

Простите за поспешность, Мэри Йеллан».

После того, как с письмом было покончено, Мэри передала его женщине, еще раз поблагодарила ее, уверила, что с ней все будет нормально и отправилась в Норт-Хилл. Когда она поднималась на холм, то в душе ее все сильнее и сильнее росло чувство жуткого одиночества, а впереди протянулись долгие четыре мили.

Она так верила в Фрэнсиса Дэйви, а своим

отсутствием он так подвел ее! Конечно, он не мог знать, что именно в этот день понадобится ей так срочно, даже если бы и знал, все равно, может, его проблемы возобладали бы над ее... Как горько и печально оставлять за собой огни Алтарнуна, тем более, что ничего-то и не было сделано. Может, именно в эту минуту дядя Джосс стучится в дверь ее спальни, зовет ее, а так как ответа не следует, он попросту выламывает дверь, обнаруживает ее исчезновение, разбитое окно и догадывается, каким образом она убежала. Что будет дальше, Мэри даже не хотелось думать, но что будет с тетей Пэйшэнс? Она, конечно же, последует за своим мужем, подобно собаке, и при этой мысли Мэри закусила губу до крови.

Она добежала до верстового столба и повернула направо, на узкую извилистую тропинку, о которой ей говорила женщина. Весь обзор был закрыт высоким кустарником, но хотя было уже достаточно темно, петляющая тропинка напомнила подобные тропки в Хэлфорде, Мэри почувствовала себя уверенней и постаралась не обращать внимания на темноту. Она пыталась успокоить себя, рисуя картины того, как приветлива и учтива семья Бассетов, они наверняка точь-в-точь такие же, как Вивианы из Трелоуоррена, а Вивианы всегда относились к ней с нескрываемой симпатией! Мэри не видела сквайра с того момента, как он не в лучшем настроении прибыл в гостиницу «Джамайка», и девушка с сожалением вспомнила о том, что в той истории она сыграла не совсем приглядную роль.

И еще его жена — Мэри вспомнила, как Джем обманул ее в Лончестоне на ярмарке, к счастью, тогда она не стояла рядом с ним. Да, что бы то ни было, а хорошего в ее отношениях со сквайром маловато, и подсознательно Мэри ожидала предстоящего разговора с дрожью в сердце.

Местность вокруг снова изменилась, холмы покрылись темными деревьями, где-то рядом плескался ручей, а болота исчезли. На небе появилась луна и осветила верхушки деревьев, и Мэри шла в полной уверенности, что этот свет зажжен специально для нее и ведет прямо к воротам, за которыми уже показались деревенские дома.

Должно быть, это и был Норт-Хилл, а вот этот

крупный помещичий дом, по-видимому, принадлежал сквайру. Мэри подошла к дому по песчаной дорожке, и в это время часы на церковной башне пробили семь раз. Она уже три часа отсутствовала в гостинице... Мэри обошла этот большой и угрюмый дом, подошла к дверям и позвонила в большой колокольчик, звон которого тут же вызвал яростный лай собак во дворе. Послышался шум шагов, и вскоре дверь отворилась.

На пороге появился слуга, который громко прикрикнул на собак, просовывающих в щель свои носы для того, чтобы обнюхать ноги Мэри. А та почему-то почувствовала себя маленькой и слабой, ей сразу же стало неудобно за свои старенькие платье, и шаль, и она долго не знала, с чего же начать, пока, наконец, не сообразила:

— Я бы хотела поговорить с мистером Бассетом по очень важному делу, — произнесла она. — Он меня не знает, но если он уделит мне всего пять минут, я все объясню. Поверьте, это дело огромной важности, иначе я не стала бы беспокоить его в такой час, в воскресенье ночью.

— Мистер Бассет этим утром уехал в Лонгчестон, — ответил ей мужчина, — он уехал в страшной спешке и до сих пор не вернулся.

Этого удара судьбы Мэри не выдержала и разрыдалась.

— Этого не может быть, — плакала она с таким отчаянием, словно оно могло привести сквайра сюда. — Если я его не увижу, произойдет что-то ужасное, из рук правосудия уйдет подлый преступник. Вы можете не верить мне, но я говорю правду! Если бы только был кто-нибудь, кому я могла бы рассказать...

— Дома миссис Бассет, — ошеломленно произнес мужчина. — Возможно, если ваше дело так важно, она поговорит с вами. Следуйте за мной в библиотеку. Собак не бойтесь, они вас не тронут.

Мэри в полубессознательном состоянии последовала за слугой, понимая только то, что все ее планы рухнули, она потерпела сокрушительное поражение и теперь совершенно лишена возможности что-то предпринять.

Просторная библиотека, в которой горел камин, показалась ей чем-то ирреальным, и Мэри прищури-

лась от заливавшего помещение яркого света. Женщина, в которой она незамедлительно признала ту самую даму, что была на ярмарочной площади в Лончестоне и которой Джем продал ее же собственного пони, теперь сидела у камина и что-то читала вслух двум ребятишкам, а когда Мэри появилась в дверях, то с удивлением воззрилась на нее.

Слуга стал объяснять причину появления Мэри, и было видно, что и сам он несколько смущен.

— Эта молодая леди говорит, что у нее есть важные новости для сквайра, мадам, и я решил, что будет лучше, если она все расскажет вам.

Миссис Бассет убрала книгу с колен и встала.

— Что-то с лошадьми, да? — спросила она. — Ричардс говорил, что Соломон кашляет, а Даймонд не принимает пищу, и что конюх ни за что не ручается...

Мэри покачала головой.

— Это не касается вас, — мрачно произнесла она. — У меня совсем другие новости, и если мы можем поговорить наедине...

Миссис Бассет догадалась, что ее лошади не пострадали и облегченно вздохнула, затем приказала детям выйти, и они быстро выбежали из комнаты.

— Чем я могу вам помочь? — с участием произнесла миссис Бассет. — Вы кажетесь бледной и утомленной. Хотите присесть?

Мэри нетерпеливо покачала головой.

— Спасибо. Я хочу знать, когда вернется домой мистер Бассет...

— О, этого я даже не могу и представить. Он утром получил какую-то записку и тут же уехал, и скажу вам честно, я очень переживаю за него. Этот ужасный хозяин гостиницы непременно станет сопротивляться, он ведь совершенно безумен, и мистер Бассет несмотря на всех своих солдат может пострадать...

— О чем вы? — недоуменно спросила Мэри.

— Ну да, сквайр поехал на весьма опасное задание. Насколько я понимаю, вы не из Норт-Хилла, и тем не менее, вы могли слышать об этом ужасном Мерлине, который владеет гостиницей по дороге в Бодмин. Сквайр и раньше подозревал его в ужасных преступлениях, но до этого утра у него не было веских доказательств. Он отправился в Лончестон за

помощью, а перед уходом сказал мне, что собираются окружить ночью гостиницу и схватить всех ее обитателей. Они, конечно, хорошо вооружены и их много, но я все равно не успокоюсь, пока они не вернутся...

Должно быть, что-то в лице Мэри насторожило разболтавшуюся было женщину, потому что она побледнела, попятилась от камина в сторону стены и схватила висящий на ней большой и тяжелый колокольчик.

— Вы та девушка, о которой он мне рассказывал, — прошептала она. — Вы девушка из гостиницы, племянница хозяина. Стойте на месте и не двигайтесь, а не то я позову своих слуг. Я узнала вас, мой муж описал вашу наружность. Что вам от меня надо?

Мэри подняла руку, сама такая же бледная, как и стоящая напротив нее женщина.

— Я вас не трону. Пожалуйста, не звоните, и я все вам объясню. Да, я живу в гостинице «Джамайка»...

Миссис Бассет зажмурила глаза и еще выше подняла колокольчик.

— Здесь у меня нет денег, — сказала она, — я ничего не могу вам дать. А если вы пришли сюда для того, чтобы просить за своего дядю, то уже слишком поздно.

— Вы не понимаете, — тихо произнесла Мэри, — хозяин гостиницы мне не родственник, он муж моей тети. Почему и как я там оказалась, сейчас неважно, это слишком долго рассказывать. Я боюсь и ненавижу его больше, чем кто-нибудь другой в Корнуэлле, и я пришла сюда ночью для того, чтобы предупредить мистера Бассета о том, что Джосс Мерлин собирается бежать и уйти от правосудия. У меня есть важные доказательства его вины, которыми, как я уверена, мистер Бассет не обладает. Но вы сказали, что он уехал, и возможно, уже находится в гостинице «Джамайка». Значит, я только напрасну потратила время, придя сюда.

После этой тирады Мэри обессиленно опустилась на стул, сложила руки на коленях и бессмысленным взором уставилась на огонь. Силы ее истощились, и что предпринять теперь, было неясно. Единственная мысль, которая жгла ее усталый мозг, была

о том, что все сегодняшние хлопоты бесцельны и напрасны, ей вовсе не надо было покидать гостиницу — сквайр Бассет и так пришел бы туда. А так она совершила грубую ошибку, сбежав из «Джамайки», и теперь дядя Джосс поймет, что его жизнь находится под угрозой и постарается исчезнуть как можно раньше. Мистер Бассет и его люди наверняка опоздают и приедут к уже пустой гостинице.

Мэри подняла глаза и взглянула на миссис Бассет.

— Я сделала большую глупость, что пришла сюда, — произнесла она в отчаянии. — Я хотела сделать как лучше, но только навредила и себе, и всем остальным. Теперь дядя увидит, что моя комната пуста и поймет, куда я сбежала. Он уйдет из гостиницы раньше, чем мистер Бассет появится там.

На этот раз жена сквайра опустила колокольчик и подошла к девушке поближе.

— Кажется, вы говорите искренне и у вас честное лицо, — сказала она мягко. — Простите, что я вас подозревала, но у гостиницы «Джамайка» такая дурная репутация, что, я думаю, любой на моем месте повел бы себя точно так, столкнувшись лицом к лицу с племянницей хозяина. Вы находились в ужасном положении, и я думаю, что вы очень смелы, раз отправились ночью на такое расстояние для того, чтобы предупредить моего мужа. Лично я сошла бы с ума от страха, если бы мне предстояло проделать нечто подобное. Но скажите, что теперь можно сделать? Я очень хочу помочь вам, но не знаю как.

— Нет, теперь уже делать нечего. Осталось только ждать возвращения мистера Бассета. Конечно, я не думаю, что он будет очень рад меня видеть, особенно когда узнает, как я просчиталась... Но ей-богу, я заслужила эти упреки...

— Я замолвлю за вас слово. Вы никак не могли знать о том, что мой муж уже информирован, так что я все улажу. Главное, что сейчас вы в безопасности, и это может послужить для вас утешением.

— А вы не знаете, от кого сквайр получил эту информацию? — спросила Мэри.

— У меня нет ни малейшего представления об этом. Как я уже говорила, он уехал в страшной спешке, и только пока его лошадь седлали, успел сказать мне пару слов. Но хватит об этом. Я думаю,

сейчас вам лучше немного отдохнуть и на время забыть все эти ужасы. Вы, наверное, голодны, — и женщина, взяв с камина колокольчик, несколько раз позвонила в него.

Несмотря на всю свою усталость и расстройство Мэри не удержалась от улыбки, по достоинству оценив иронию ситуации. Теперь хозяйка дома собиралась ухаживать за ней, а всего минуту назад она угрожала, что девушку схватят те самые слуги, которые сейчас принесут ей еду. Кроме того, она в очередной раз вспомнила сцену на ярмарочной площади и то, как та же самая леди в бархатном пальто и в шляпе с плюмажем заплатила огромные деньги за своего же пони. Интересно, обнаружен ли этот обман или нет? Если выяснится, что Мэри тоже принимала в нем участие, то вряд ли миссис Бассет будет все так же милосердна и щедра.

В дверях появился изумленный слуга, не сводящий глаз с Мэри, и хозяйка приказала ему принести ужин для девушки. Вошедшие вместе со слугой собаки так же всем своим видом пытались подчеркнуть дружеское отношение к незнакомке, они крутили хвостами, тыкались мокрыми носами в ладони девушки, словно признав в ней члена семьи.

Мэри все еще не пришла в себя, и даже находясь в доме сквайра, никак не могла освободиться от объявшего ее напряжения и расслабиться. Где-то в глубине ее мозга тускло вспыхивала мысль о том, что она не имеет права сидеть в это время у пышущего жаром камина, потому что в эту самую минуту у гостиницы «Джамайка» решаются вопросы жизни и смерти. Когда принесли ужин, девушка заставила себя проглотить его, одним ухом слушая при этом болтовню хозяйки дома, которая из добрых побуждений решила, что непрерывный разговор ни о чем — верное средство смягчить беспокойство девушки. Тем не менее все получилось наоборот, и нервозность Мэри еще больше увеличилась. Наконец с ужином было покончено, и девушка неотрывно смотрела на огонь, а миссис Бассет, изо всех сил желая ее отвлечь, достала свой альбом акварелей и принялась переворачивать в нем страницы.

Время шло, но когда часы на каминной полке пробили восемь, Мэри не выдержала. Это томитель-

ное бездействие было еще хуже, чем опасность и погоня.

— Простите меня, — произнесла девушка и поднялась, — вы очень добры, и, вероятно, я никогда не смогу вас отблагодарить за то, что вы для меня сделали, но я беспокоюсь, я ужасно беспокоюсь за свою тетю. Я не могу больше думать ни о чем, как только о ней. Может быть, в эту минуту она подвергается страшной опасности, и я должна знать, что происходит в гостинице «Джамайка». Я должна вернуться туда.

Миссис Бассет объял такой ужас, что она уронила свой альбом на пол.

— Конечно, я все время вижу, что вы обеспокоены, поэтому-то я и пытаюсь вас отвлечь... Как все это ужасно! Я тоже очень переживаю за своего мужа... Но вы не можете отправляться туда одна. Дело близится к полуночи, и Бог знает, что происходит в такое время на дороге. Я прикажу запрячь коляску и отправлю вместе с вами Ричардса. Он очень надежный человек, и в случае чего вы будете за ним, как за каменной стеной. Если вы увидите, что у гостиницы идет бой, то не вздумайте к ней приближаться до тех пор, пока все не закончится. Я и сама бы отправилась с вами, но я так плохо себя чувствую...

— О, вам совершенно незачем отправляться туда, — сказала Мэри. — Я уже привыкла ходить по ночным дорогам, а вы — нет. К тому же, я вовсе не хотела бы беспокоить ваших лошадей и конюха, уверяю, я уже достаточно отдохнула и могу отправиться сама.

Но миссис Бассет уже звонила в колокольчик.

— Передайте Ричардсу, чтобы он готовил коляску, — приказала она все более и более удивленному слуге. — Дальнейшие приказания он получит после того, как придет сюда. Скажите ему, чтобы он поторопился.

После этого леди достала теплое пальто с капюшоном и толстый плед, не переставая сокрушаться по поводу того, что ее здоровье мешает ей предпринять это путешествие. Мэри смущенно поблагодарила, в глубине души радуясь, что хозяйка не едет с ними — она могла бы стать только помехой.

Через четверть часа коляска подкатила к воро-

там, и на козлах ее сидел Ричардс, тот самый слуга, который появился вместе со сквайром в гостинице. Когда он узнал, куда они должны направиться, вся его неохота покидать теплое помещение в эту воскресную ночь моментально исчезла, он тут же заткнул за пояс два пистолета и объявил, что будет стрелять по каждому, кто станет угрожать коляске, и в его глазах блеснул свирепый огонек, которого Мэри прежде не замечала. Она забралась в коляску, собаки во дворе на прощание залаяли, но только когда дом сквайра исчез из виду, Мэри поняла, что ей опять предстоит опасное и отчаянное предприятие.

За те пять часов, что она отсутствовала в гостинице, могло произойти многое, потому что даже на коляске они вряд ли достигли бы «Джамайки» раньше, чем в половине одиннадцатого. Что будет дальше — неизвестно; все зависит от того, что они увидят у гостиницы.

Сейчас, когда луна находится высоко в небе и тихий ветер обдувает лицо, Мэри стала чувствовать себя спокойнее и приободреннее, несмотря на то что впереди ее поджидала опасность: все же двигаться намного лучше, чем бесцельно сидеть в теплом доме и слушать болтовню миссис Бассет. Ричардс вооружен, и в случае чего она тоже сможет помочь ему.

Ричардс, конечно, сходил с ума от любопытства, но Мэри так сухо и коротко отвечала на его вопросы, что он вскоре замолк.

Дальше путешествие продолжалось в молчании, да и вокруг не было ничего слышно, ничего, кроме звонкого стука копыт по дороге, да уханья филинов с окрестных деревьев. Вскоре коляска выехала на бодминскую дорогу, и вообще еле слышный деревенский шумок и шелест деревьев утихли, а с обеих сторон потянулись темные и пустынные болота. От яркого света луны дорога казалась кипенно-белой, она извивалась и пряталась за дальним голым и пустым холмом, и ни души не было видно на дороге — лишь они одни. Когда Мэри ехала по этой дороге на Сочельник, в окна яростно барабанил дождь, да ветер выл, как раненый зверь, а сейчас воздух был странно чист и холоден, под светом луны болота стали безмятежно серебряными. Темные скалы обратили свои спящие лики к небу, и их гранитные склоны сгладились и смягчились. Все

вокруг стало неожиданно мирным и спокойным, и старые боги могли спать, не опасаясь, что кто-то потревожит их сон.

Коляска быстро преодолела тот путь, который Мэри прошла пешком, и теперь девушка узнавала каждый поворот большой дороги, каждое болото, каждую кочку и искривленный ствол дерева.

В долине светились огоньки Алтарнуна, и Файв-Лэйнс протянул все свои пять пальцев вглубь от дороги.

Теперь до гостиницы «Джамайка» оставалось пустынное пространство, и даже в эту тихую ночь здесь дул сильный ветер, хотя было непонятно, с какой стороны он брался, может быть, со всех сразу. Этот ветер был холодный, как нож, и приносил с собой запах трясины, горького торфа и ручьев. До сих пор на дороге не появился ни зверь, ни человек, и хотя Мэри внимательно всматривалась и вслушивалась, она ничего нигде не замечала. В такую ночь малейший звук усиливается в сто крат, и присутствие мистера Бассета и его людей, коих, по словам Ричардса, должно быть не менее дюжины, наверняка можно было услышать за несколько миль.

— Мы застанем их у гостиницы, — произнес Ричардс, — и найдем там хозяина «Джамайки», плюющего огнем в сквайра. Когда дни ужаса прекратятся, жители окрестных селений закатят пир горой, и наконец-то на эту землю вернется мир. Жаль, что мы едем туда так поздно — я бы хотел поучаствовать в поимке такого злодея. Это ведь должно быть почти как охота...

— Не знаю, охота это или нет, но мистер Бассет вполне может застать гнездо пустым, — тихо произнесла девушка. — Джосс Мерлин знает эти болота как свои пять пальцев и наверняка ушел за час до появления сквайра.

— Мой хозяин тоже родился здесь, и если дело дойдет до погони, я все свои деньги поставлю на хозяина. Он охотился здесь еще мальчиком, и я могу сказать, что там, где пройдет лиса, там пробежится и сквайр. Но я уверен, что они схватят его раньше, чем тот сбежит.

Мэри молчала и слушала Ричардса, его резкие отрывистые фразы не раздражали так, как болтовня миссис Бассет, а широкая спина слуги и его честное

морщинистое лицо еще больше приободряли ее в этом путешествии.

Вскоре они приблизились к узкому мостику, соединяющему берега реки Фови, и Мэри услышала журчание воды. Теперь крутой холм гостиницы «Джамайка» находился прямо перед ними, а вскоре появились и темные силуэты труб. Ричардс умолк и дотронулся до заткнутых за пояс пистолетов, потом тряхнул головой и прокашлялся, прочищая горло. Сердце Мэри забилося сильнее и она опять почувствовала, что напряглась. Лошадь низко опустила голову и стала взбираться в гору. Девушке при этом показалось, что стук копыт так громко разносится по всей округе, что захотелось, чтобы он звучал потише.

Наконец они добрались до вершины холма, и тогда Ричардс прошептал:

— Может, ты лучше посидишь здесь в коляске, с этой стороны дороги, а я схожу к гостинице и посмотрю, там ли сквайр...

— Лучше пойду я, — не согласилась с ним Мэри, — а вы пойдете потихоньку за мной, или лучше нет, оставайтесь здесь и ждите, пока я вас не позову. Все вокруг тихо, и, кажется, сквайр и его люди еще не прибыли. Если он все еще там — я имею в виду моего дядю — то есть риск встретиться с ним, а вам это совсем ни к чему. Дайте мне пистолет — я буду поспокойнее.

— Я думаю, ты не должна идти туда одна, — сказал Ричардс. — Если вы встретитесь лицом к лицу, я могу ничего и не узнать. Как странно, что все тихо... Я ожидал услышать шум борьбы, крики, голос моего хозяина... Это почти невероятно. Наверное, они застряли в Лончестоне. Я думаю, будет лучше, если мы отъедем в сторону и дождемся их приезда.

— Я и так весь вечер ждала и почти сошла с ума от этого ожидания, — сказала Мэри. — По-моему, уж лучше встретиться лицом к лицу с моим дядей, чем сидеть в канаве, ничего не видя и не слыша. Там, в доме, моя тетя, она невинна, как дитя, и непричастна ко всему этому, и я хочу помочь ей, если смогу. Дайте мне пистолет, и я пойду. Я буду красться, словно кошка, и надеюсь, не попаду в ловушку, — Мэри сбросила с себя тяжелое пальто с капю-

шоном, которое грело ее всю холодную ночь и взяла пистолет, который неохотно протянул ей Ричардс.

— Не идите туда до тех пор, пока я не закричу или не подам какого-нибудь другого сигнала. Если вы услышите выстрел, то бегите, но ради Бога, осторожнее. А вдвоем идти туда нет смысла — просто рисковать понапрасну. И вообще, я почти уверена, что мой дядя уже давно сбежал.

Мэри очень хотелось, чтобы так и было, чтобы дядя убрался в Девон и на этом бы все закончилось. Корнуэлл избавился бы тогда от него самым легким способом. А дядя Джосс мог бы, как он и говорил, начать жизнь сначала, или, что более вероятно, залег бы на дно где-нибудь милях в пятистах от Корнуэлла и упился бы до смерти. Сейчас Мэри даже не была заинтересована в его поимке, было бы лучше, если все кончилось бы подальше, и тогда можно заняться своей собственной жизнью и забыть все, что связано с гостиницей «Джамайка». Месть — штука довольно бесполезная, и в том, чтобы увидеть дядю Джосса связанным и беспомощным в окружении людей сквайра, не так уж много удовольствия. Она довольно уверенно говорила с Ричардсом о своем путешествии в дом, но перспектива встретиться где-нибудь в темном коридоре с вооруженным Джоссом Мерлином и увидеть его кроваво-красные глаза сейчас ей не казалась радужной, более того, по спине у нее побежали мурашки, и Мэри замедлила шаг и оглянулась назад, пытаясь в густой тени разглядеть Ричардса, а затем подняла пистолет, положила палец на курок, и, повернув за угол каменного забора, вошла во двор.

Во дворе никого не было, и дверь в конюшню казалась закрытой. Сама гостиница была такой же тихой и темной, как и семь часов назад, когда Мэри оставила ее, все окна и двери по-прежнему были заперты, а ее окно так же осталось широко распахнутым, точь-в-точь в таком же положении, когда она выпрыгнула из него.

Мэри внимательно изучила почву двора и поняла, что никаких следов повозок на ней нет, а значит, никто и не готовил ее к отъезду. Девушка проскользнула к конюшне, приложила ухо к двери и задержала дыхание — за воротами в своих стойлах пони

переступали с ноги на ногу, Мэри слышала, как их копыта стучали по мощеному полу.

Значит, дядя Джосс все еще оставался в гостинице. Они не уехали.

Сердце Мэри сжалось. Скорее всего, ей надо вернуться к Ричардсу и дожидаться прибытия мистера Бассета и его людей, как он и предлагал. Она еще раз оглядела запертые окна дома и задумалась — ведь если дядя решил бежать, значит, он уже давно должен был отправиться в путь. Загрузить повозку — дело одного часа, а сейчас уже почти одиннадцать. Впрочем, он мог и изменить свои планы и уйти пешком, хотя в таком случае вряд ли тетя Пэйшэнс сможет сопровождать его. Мэри никак не могла сообразить, что же ей предпринять — ситуация стала странной и непонятной.

Она подошла к веранде и взялась за ручку двери — конечно же, она оказалась на замке. Мэри перевела дух, зашла за угол дома и по тропинке, ведущей через сад к входу из бара, прокралась к окну на кухне, стараясь оставаться в тени, и внимательно посмотрела, не проникает ли сквозь щели в ставнях свет свечи. Нет, никакого света не было видно. Девушка приблизилась к окну и заглянула вовнутрь — на кухне было темно, как в могиле, после чего она дотронулась до ручки двери, осторожно повернула ее, и к ее изумлению дверь отворилась. То, что дверь отворилась так легко и неожиданно, настолько поразило ее, что Мэри даже испугалась.

А вдруг ее дядя сейчас сидит на стуле перед дверью с ружьем в руках и ждет, когда кто-нибудь войдет? У нее в руках тоже был пистолет, но сейчас он показался ей простой игрушкой.

Мэри осторожно заглянула вовнутрь сквозь щель в двери, нет, ничего не видно, разве что в камине остывали угли, а огонь уже давно погас. Она вдруг почувствовала, что в доме никого нет — внутренний голос подсказывал ей, что кухня оставалась пустой уже несколько часов. Девушка открыла дверь и вошла. В комнате было пусто и холодно, Мэри подождала, пока ее глаза привыкнут к темноте и постаралась увидеть очертания кухонного стола. На столе осталась свеча, и она зажгла ее от тлеющих

в камине углей, а когда пламя разгорелось, подняла ее над головой и огляделась.

На кухне все еще сохранились следы приготовления к отъезду, на стуле лежал узелок тети Пэйшэнс, а на полу — куча одеял. В углу комнаты, там, где оно всегда и находилось, стояло ружье дяди Джосса. Наверное, они решили подождать до завтра и теперь спали в своих комнатах наверху.

Дверь в коридор осталась широко открытой, и тишина становилась все более давящей, все более странной и жуткой.

Что-то было не так, почему-то эта тишина была совсем не такой, как всегда, и наконец Мэри догадалась, что она не слышит тиканья часов. Часы остановились.

Мэри шагнула в коридор и опять прислушалась — да, в доме стало совершенно тихо потому, что часы остановились, она двинулась дальше, в одной руке держа свечу, а в другой — пистолет, повернула за угол, туда, где длинный коридор переходил в гостиную и увидела, что часы, которые всегда стояли у стены рядом с дверью, опрокинулись и упали, на каменном полу валялись осколки, а деревянный корпус треснул. Стена выглядела странно пустой, и в отличие от выцветших обоев на стенах кусок обоев за часами был ярко-желтым. Упавшие часы заняли почти весь коридор, и только пройдя несколько шагов к лестнице, Мэри заметила, что под ними кто-то находится.

Среди обломков часов на полу лицом вниз лежал хозяин гостиницы «Джамайка».

Обломки наполовину скрыли его тело, одна рука словно старалась прикрыть голову, а вторая все еще держала ручку, выломанную из двери. Из-за того, что ноги Джосса были раскинуты в стороны, а одна придавлена обломком двери, он казался еще огромнее, чем был при жизни, его большое тело заполнило все пространство между стенами.

На каменном полу можно было заметить пятна крови, те же пятна покрывали плечи Мерлина, и они уже высохли и потемнели.

Должно быть, его закололи сзади, и он постарался устоять, зацепившись за ручку двери и часы, но упал лицом вниз. Старые часы похоронили своей тяжестью хозяина гостиницы «Джамайка».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мэри долго не могла прийти в себя и смотрела на осколки разбитых часов, покрытые кровью, на яркое цветное пятно, оставшееся на том месте, где часы прикрывали стену, смотрела и чувствовала, что вся ее смелость исчезает, покидает ее тело точно так, как жизнь покинула тело лежащего на полу перед ней человека.

По руке дяди полз маленький паучок, и было странно, что эта все еще живая на вид рука не поднялась и не сбросила с себя неожиданного пришельца. Паучок прополз по руке до плеча, а когда добрался до раны, заволновался, и, отпрыгнув в сторону, замер, словно почуяв, что находится на недвижимом и мертвом теле. Нет, хозяин уже ничего не сделает этому крохотному паучку, Мэри знала это, и так же, как и он, стояла, не в силах сдвинуться с места от объявившего ее страха.

Царящая вокруг тишина пугала ее еще больше, и теперь нервы ее напряглись до предела, ведь бывшее кряхтящее тиканье часов было таким привычным и умиротворяющим...

Свет свечи прыгал по стенам, но никак не достигал края лестницы, и там царствовала тьма, царствовал ее черный зловещий провал.

Мэри поняла, что ни за что на свете не поднимется по этой лестнице наверх и не ступит в пустой коридор. Сегодня в этот дом пришла смерть, ее присутствие все еще висело в воздухе, и складывалось такое впечатление, что гостиница «Джамайка» всегда ждала ее, все эти сырые стены, каменные полы, шепот и беззвучные шаги — все предупреждало о том, что рано или поздно это должно здесь произойти.

Мэри вздрогнула: она поняла, что эта тишина порождена диким и страшным прошлым и является ее отзвуком.

Кроме этого впечатления, заставившего сердце Мэри сжаться, к ней пришла еще одна мысль, и она еле-еле удержалась от вскрика, потому что представила, что кто-то сейчас осторожно пробирается к ней по коридору, нащупывает перед собой дорогу и держит нож в руке... Сейчас, когда прошел первый шок, вызванный тем, что она нашла тело убитого

дяди Джосса, Мэри поняла, что находиться в доме дольше просто опасно: тот, кто убил дядю, может запросто подкрасться к ней сзади и задушить ее. Пальцы девушки внезапно ослабли, свеча выпала из ее рук и погасла. Она оказалась в окутавшей ее темноте, и единственным желанием, которое объяло ее, было желание броситься отсюда стремглав.

Мэри быстро пошла по коридору на кухню и увидела, что дверь в сад все еще открыта, она выбежала наружу и вдохнула холодный обжигающий воздух, а затем бросилась бежать с такой скоростью, что можно было подумать, будто за ней действительно кто-то гонится. Она бежала до тех пор, пока перед ней не показалась знакомая рослая фигура слуги сквайра. Ричардс протянул навстречу девушке руки, и Мэри бросилась к нему на шею, безумно радостная тому, что теперь находится в полной безопасности, хотя ее зубы до сих пор отбивали дробь, и виденное ею в доме все еще стояло перед глазами яркой и жуткой картиной.

— Он мертв,— произнесла девушка, все никак не понимая, почему ей не удается унять дрожь тела и стук зубов,— он лежит на полу, я видела его...

Ричардс подвел Мэри к коляске и набросил на нее пальто. Сразу же девушка почувствовала, как ей стало намного теплее, и она смогла продолжить свой рассказ.

— Он мертв,— повторила она,— заколот ножом в спину, я поняла это потому, что его куртка порезана, и он весь в крови. Он лежит вниз лицом, придавленный упавшими часами. Кровь уже засохла, значит, его убили уже довольно давно. В гостиной темно и пусто. Больше там никого нет...

— А где твоя тетя? — шепотом спросил мужчина. Мэри покачала головой.

— Я не знаю. Ее я не видела.

Ричардс заметил, что силы, видимо, совсем оставили бедную девушку, и поэтому он помог ей забраться в коляску.

— Ладно,— сказал он,— все хорошо. Теперь сиди в коляске и отдыхай. Никто тебя не тронет, я рядом. Все будет хорошо.

Низкий и спокойный голос Ричардса несколько успокоил Мэри, она поплотнее укуталась в свое пальто и закрыла глаза.

— Не стоило девушке смотреть на все это,— произнес Ричардс.— Лучше было бы, если б пошел я, а ты осталась в коляске. Это ужасно — видеть мертвого человека, тем более, убитого.

— Пони все еще в конюшне,— сказала Мэри.— Я слышала, как они стучат копытами. Они даже не закончили приготовления к побегу, дверь на кухне осталась незаперта, и на полу лежали узелки и одеяла. Это произошло несколько часов назад.

— Странно, что сквайра все еще нет,— произнес Ричардс.— Он уже давно должен быть здесь, и мне было бы спокойнее, если бы он приехал, да и ты рассказала бы ему свою историю. Да, сегодня здесь творятся дурные дела. Лучше бы ты туда не ходила...

Они замолкли, по-прежнему вглядываясь в темноту и ожидая прибытия сквайра.

— А кто же убил хозяина? — задумчиво спросил Ричардс.— Этот человек должен быть ему ровней, раз смог с ним справиться. Хотя, по правде, это могли бы сделать многие, слишком много народа его ненавидело.

— Там был сапожник,— медленно произнесла Мэри.— Я забыла про сапожника. Должно быть, он сумел выбраться из комнаты...

Мэри задумалась над этим фактом, который поначалу ускользнул от ее внимания, а затем рассказала Ричардсу о том, как прошлой ночью сапожник появился в гостиной «Джамайки». Теперь стало ясно, кто убил Джосса Мерлина, никто другой не смог бы с ним справиться.

— Он далеко не убежит, все равно его догонят,— сказал Ричардс.— Ты можешь быть в этом уверена. На этих болотах никто не уйдет от сквайра Бассета, даже если он и местный; я никогда до этого не слышал о Гарри-сапожнике. Эти люди Джосса Мерлина повылазили из всех дыр и притонов Корнуэлла, да, пожалуй, и со всей страны,— он помолчал и добавил,— я пойду в гостиницу, если ты не против, и посмотрю, не осталось ли там каких-нибудь следов. Может, кое-что и осталось...

Но Мэри крепко сжала его руку и проговорила:

— Я больше не останусь одна. Можете думать обо мне, что угодно, но больше одна я не останусь. Если бы вы заходили, как я, в гостиницу, вы бы меня

поняли: там совершенно тихо, и нет ничего, кроме несчастного мертвого тела.

— Я помню, как еще до того, как твой дядя появился там и дом стоял пустой, мы травили там крыс собаками. Тогда мы ни о чем таком не думали, просто пустой дом, ни одной живой души... Сквайр сделал там ремонт для того, чтобы сдавать его внаем. Сам-то я из Сент-Нэота и никогда не бывал в здешних местах, пока не стал служить сквайру, но мне говорили, что в былые времена в «Джамайке» было весело и спокойно, в доме жили добрые и гостеприимные люди и для проезжающих всегда находился уютный уголок. Еще в детстве мистера Бассета здесь останавливались кареты и лаяли собаки... Может, теперь все это вернется.

Мэри покачала головой.

— Я видела здесь только зло, страдание, жестокость и боль. Когда в гостиницу «Джамайка» пришел мой дядя, он, должно быть, бросил свою жуткую тень на все живущее здесь, и все добро умерло, не выдержав этой тени...

Голоса беседующих превратились в шепот, и мужчина и девушка нет-нет да и посматривали на высокие серые трубы, чьи очертания резко выделялись на фоне светлого лунного неба. И Мэри и Ричардс думали об одном и том же, но не говорили вслух: конюх из-за деликатности, а Мэри из-за страха. Наконец первой не выдержала девушка и произнесла хриплым и низким голосом:

— Я уверена, что с моей тетей тоже что-то произошло. Я знаю, что она мертва, вот почему я побоялась подняться наверх. Она лежит в том коридоре наверху, в темноте. Тот, кто убил дядю Джосса, убил и ее.

Конюх закашлялся.

— Может, она убежала на болота,— сказал он.—Она могла успеть убежать на дорогу...

— Нет,— прошептала Мэри.— Она не могла так поступить. Она всегда была рядом с ним, и сейчас она там, рядом с ним... Она мертва, я это знаю. Если бы я не покинула ее, этого бы не произошло...

Мужчина промолчал — он просто не знал, что сказать. Вообще-то они были совершенно чужими друг другу, и все, что произошло под крышей этого дома, не касалось его собственной жизни. Так что

сейчас на его плечах лежал груз ответственности за Мэри, и Ричардс очень хотел, чтобы его хозяин поскорее появился. Если бы вокруг все шумели и дрались — да, это было бы в порядке вещей, но если в доме действительно произошло убийство, как об этом сказала девушка, и мертвый хозяин и его жена лежали там... Неизвестно, что надо делать в таких случаях, и поэтому они просто сидели в коляске возле дороги... Лучше бы было, если бы они находились где-нибудь поближе к людям, а не на этом глухом и пустынном болоте...

— Я приехал сюда по приказанию моей хозяйки,—неловко начал Ричардс,— и она сказала, что сквайр должен быть здесь. Но раз его нет...

Но Мэри уже подняла палец, прося его замолчать.

— Слышите? — спросила она резко. — Слышите?

Ошибиться было нельзя — со стороны долины из-за дальнего холма доносился шум яростного топота копыт.

— Это они! — оживленно произнес Ричардс. — Это сквайр! Они едут сюда, смотри, они должны вот-вот появиться...

Прошла минута, и на белой полосе дороги показалась черная точка, один всадник, потом другой, потом еще и еще. Всадники быстро приближались, скача в бешеном галопе, и терпеливо стоящий у дороги конь Ричардса задержал ушами и стал поворачивать голову во все стороны. Стук копыт раздавался совсем рядом, и радостный Ричардс выскочил на дорогу, крича и размахивая руками.

Скакавший впереди всех всадник придержал поводья и остановился, а взглядевшись в конюха, в удивлении воскликнул:

— Ричардс, какого дьявола ты здесь делаешь? — и сквайр (а это, конечно же, был он) сделал своим соратникам знак остановиться.

— Хозяин гостиницы мертв. Его убили,— прокричал Ричардс. — Я здесь с его племянницей, нас послала сюда миссис Бассет, сэр. Эта молодая леди лучше сама расскажет вам всю историю.

Он попрिдержал лошадь, подождав, пока хозяин спешится, между делом отвечая на вопросы сквайра, а всадники в это время подъехали поближе. Некоторые из них тоже спешили и принялись при-

топтывать ногами и хлопать руками, стараясь согреться.

— Если ты говоришь, что этот парень убит, то я могу только возблагодарить Бога за возмездие. Клянусь, он заслужил это,— сказал мистер Бассет, хотя лично я предпочел бы посадить его в тюрьму. Но он мертв, и теперь с него взятки гладки. Вы, ребята, идите во двор, а я пока послушаю, что мне сообщит эта девушка.

Ричардса в одну секунду окружили спутники сквайра и тот походил на героя, который не только обнаружил убийство, но и собственноручно схватил убийцу, но походил весьма недолго, до тех пор, пока неохотно признался в том, что его роль в произошедших событиях весьма невелика. А сквайр, который временами соображал довольно туго, все еще думал, что сидящая в коляске Мэри является пленницей конюха.

Он с изумлением выслушал историю о том, как девушка прошла много миль до Норт-Хилла в надежде увидеть его, но так как этого не произошло, решила вернуться обратно в «Джамайку».

— Все это выше моего понимания,— шипло произнес сквайр.— Я был уверен в том, что ты в сговоре со своим дядей. Почему ты лгала мне, когда я приезжал в гостиницу месяц назад? Тогда ты сказала, что ничего не знаешь.

— Я солгала, чтобы спасти свою тетю,— устало произнесла Мэри.— Все, что я вам говорила тогда, было сделано ради нее, и потом, тогда я действительно не знала многого из того, что знаю сейчас. Если это необходимо, я могу все объяснить перед судом присяжных, наверное, то, о чем я говорю, не кажется вам правдоподобным.

— Ладно, сейчас нет времени на разговоры,— ответил сквайр.— Ты молодец, что пришла предупредить меня, когда будет надо, я это припомню, но если бы ты тогда была более твердой, то ужасное преступление в Сочельник могло бы не произойти. Впрочем, все это уже давно осталось позади. Ричардс сказал, что ты нашла своего дядю убитым, но что больше ничего не знаешь об этом. Ладно, если бы ты была мужчиной, я взял бы тебя сейчас с собой в гостиницу, но я избавляю тебя от этой миссии. Я вижу, ты и так перенесла достаточно,— он отвер-

нулся для того, чтобы подзвать одного из слуг, и сказал ему: — Отведите коляску во двор и оставайтесь с этой девушкой, а мы пока зайдем в гостиницу. Я хочу попросить тебя тем не менее оставаться во дворе — ты единственный человек, который в курсе всех происходивших здесь дел и ты единственная, кто видел Джосса Мерлина живым еще недавно.

Мэри кивнула. Сейчас она находилась в руках представителя закона и должна была выполнять все, что ей сказано. По крайней мере, сквайр избавил ее от тяжелого испытания снова входить в пустую гостиницу и видеть тело дяди. Когда они вошли во все еще темный двор, внутри него все кипело: лошади стучали копытами по булыжнику, раздавался топот ног и шум голосов, а громче всех — сиплый голос сквайра.

Он повел своих людей в сторону кухни, потому что так ему сказала Мэри, и в ту минуту, как они вошли в дом, тьма и тишина прекратили свое существование: окно в баре распахнулось, за ним открылись окна в гостиной, некоторые из людей сквайра поднялись наверх, чтобы осмотреть пустующие гостевые комнаты, и окна второго этажа вскоре тоже оказались открытыми. Оставалась запертой только тяжелая входная дверь, и Мэри вспомнила, что тело хозяина гостиницы лежит прямо у ее порога.

Кто-то в доме громко крикнул что-то своим товарищам, затем послышалось чье-то невнятное бормотание, потом к этим звукам примешался сиплый голос сквайра, и Мэри поняла, что они доносятся из гостиной. Когда Ричардс искоса глянул на девушку, он увидел, что та, услышав эти голоса, сильно побледнела.

Стоявший около лошадей мужчина, один из тех, кто не вошел в гостиницу вместе с другими, возбужденно крикнул конюху:

— Ты слышишь, что они говорят? Там наверху есть еще одно тело, прямо в коридоре!

Ричардс ничего не ответил, а Мэри еще глубже закуталась в свое пальто и закрыла лицо капюшном. Вскоре во двор вышел сквайр и поспешил к коляске.

— Мне очень жаль, — сказал он, приблизив-

шись,—но у меня плохие новости. Возможно, вы их ожидаете...

— Да,— прошептала Мэри.

— Я не думаю, что она мучилась. Она умерла мгновенно и лежит в конце коридора, заколотая так же, как и ваш дядя. Поверьте, она даже ничего не успела понять. Мне очень жаль, и мне бы очень хотелось, чтобы вы не переживали так сильно...

Сквайр стоял рядом с коляской, расстроенный и неуклюжий, и повторял, что тетя Пэйшэнс совсем не мучилась, что она даже ничего не почувствовала, но потом, сообразив, что Мэри теперь лучше побыть одной и он ничем не может ей помочь, повернулся и пошел в гостиницу.

Мэри сидела без единого движения и молила Бога о том, чтобы тетя Пэйшэнс простила ее и обрела покой, который она уже давно заслужила, потому что наконец-то все оковы спали и она освободилась. Она просила, чтобы тетя Пэйшэнс поняла ее, потому что то, что она хотела сделать, было задумано Мэри из лучших побуждений, а кроме того, ей пришло в голову то, что теперь тетя не будет так одинока, как на земле,— ведь там ее ждала сестра, мать Мэри. Эти мысли несколько утешили девушку, потому что все последнее время ее преследовала одна-единственная мысль о том, что если бы она не ушла из гостиницы, тетя могла бы остаться в живых.

Снова из дома послышался гул возбужденных голосов, снова кто-то закричал, затем раздался топот бегущих ног, шум голосов усилился, и даже Ричардс пришел в такое возбуждение, что забыл о своей подопечной и перелез через подоконник в гостиную. Раздался треск раскалывающегося дерева, в запертой комнате распахнулись ставни, кто-то внутри кладовой зажег свечу, и Мэри увидела, как по стенам комнаты заплясали тени.

Наконец свет исчез, голоса умолкли, и Мэри услышала, как люди выходят из гостиницы. Через минуту шесть или семь человек повернули из-за угла во двор, впереди шел сквайр, а в гуще толпы еле шел, извиваясь и корчась, Гарри-сапожник, причем всю дорогу он хрипло вопил что-то нечленораздельное.

— Они поймали его! Это убийца! — прокричал Ричардс, и Мэри выглянула из-под капюшона.

Группа мужчин подошла к коляске, и пойманный, моргая от слепящего света факелов, уставился на девушку. Одежда его была белой от пыли и паутины, а лицо черным от щетины.

— Кто это? — последовал вопрос. — Ты его знаешь?

Сквайр подошел к коляске вплотную и приказал подвести пленного поближе, чтобы Мэри смогла лучше его рассмотреть.

— Ты знаешь этого парня? — спросил он. — Мы нашли его в запертой комнате, вон там, на куче старых мешков, и он говорит, что ничего не знает ни о каких убийствах.

— Он из шайки Джосса, — медленно произнесла Мэри, — он прошлой ночью пришел в гостиницу, поссорился с дядей, и тот запер его в этой комнате, пригрозив убить, если тот попытается выбраться из нее. Он имел причину отомстить дяде, да кроме него это сделать никто и не мог. Он лжет, говоря, что ничего не знает.

— Но ведь дверь оказалась запертой! Мы втроем с трудом высадили ее, так что этот парень вряд ли бы в одиночку смог выйти из комнаты. Посмотри на его одежду, на его глаза — он в самом деле долго не видел света. Он не может быть убийцей.

Сапожник затравленно озирался по сторонам и его узкие глазки шмыгали из стороны в сторону. Несмотря на всю свою неприязнь к этому человеку, Мэри поняла, что сквайр говорит правду — Гарри-сапожник не мог совершить это преступление. Он, действительно, сидел в своей комнате и ждал момента освобождения, а за это время кто-то приходил в гостиницу «Джамайка», чтобы, скрываясь под мраком ночи, выполнить свое грязное и кровавое дело.

— Тот, кто убил Мерлинов, ничего не знал об этом негодяе, — продолжил сквайр. — Как я понимаю, он ничем не сможет нам помочь, он ничего не слышал и не видел. Но все равно мы отправим его в тюрьму, и если он это заслужил, а я думаю, это так, вздернем на несколько футов. Но сначала он отправится в Королевский суд и назовет имена своих сообщников — наверняка это один из них убил из мести своего бывшего хозяина, так что мы выследим его, даже если для этого придется поднять всех собак Корнуэлла. Отведите этого парня в конюшню

и охраняйте его, а остальные пусть вернутся вместе со мной в гостиницу.

Сапожника поволокли прочь, а тот, моментально сообразив, что в этом убийстве его уже не подозревают, тут же обрел дар речи и стал лопотать о своей невинности, клялся Троицей и просил о помиловании до тех пор, пока кто-то не пихнул его в бок кулаком. Его связали прочной веревкой и оставили у входа в конюшню, там он и примолк, лишь изредка бормоча проклятия и косясь крысиными глазками в сторону Мэри, которая находилась в коляске всего в нескольких ярдах от Гарри.

Девушка сидела, опершись руками о колени, и даже не слышала проклятий сапожника и не видела его крысиных мечущихся глазок — перед ней внезапно появились другие глаза, те, которые смотрели на нее сегодня утром, и другой голос, спокойный и холодный, произнес: «Я убью его за все это»...

А потом в ее памяти всплыли другие слова, беспечно брошенные по дороге в Лончестон: «Я еще никогда не убивал людей», а затем слова цыганки на ярмарочной площади: «На твоей руке кровь, когда-нибудь ты убьешь человека»... Все те мелочи, которые раньше казались незначительными, теперь обрели большое значение: отношения между братьями, весьма похожие на ненависть, бессердечие и жестокость Джема, его принадлежность к роду Мерлинов...

Все эти обстоятельства свидетельствовали против Джема. Он вернулся в гостиницу, как и обещал, и его брат умер, в чем Джем и клялся. Во всей своей ужасной уродливости перед Мэри встала абсолютная истина, и девушке внезапно захотелось, чтобы время вернулось вспять для того, чтобы сегодня ночью не уходить из гостиницы. Если бы она не ушла, то Джем убил бы и ее.

Джем был преступником, и появлялся и уходил только под покровом ночи, как и на этот раз.

Мэри подумала о том, что все свидетельства против него будут строиться по ее показаниям, и после этого его окружают таким плотным кольцом, что он не вырвется. Стоит ей сделать всего один шаг и сказать: «Я знаю, кто убил Джосса Мерлина и его жену», все тут же бросятся за ним вдогонку, бросятся, как стая псов, и след выведет их за Рашифорд,

к Треуорта, к Болоту Двенадцати. Возможно, Джем все еще будет спать, забыв о своем преступлении и ни о чем не беспокоясь, он спокойно растянется на своей кровати в пустом домике, где когда-то родились он и его брат, а если сквайр немного опоздает, то, может быть, Джем заберется на лошадь, и нестройно насвистывая, отправится в путь и навсегда оставит Корнуэлл.

Мэри почудилось, что она слышит цокот копыт его лошади по дороге, далеко в тишине ночи, и эти копыта словно отбивали такты какой-то прощальной песни, но скоро фантазия превратилась в предположение, а предположение — в реальность. Мэри поняла, что стук копыт уже не во сне слышится ей, а в самой что ни на есть яви — по большой дороге кто-то скакал во весь опор, явно направляясь к гостинице.

Девушка прислушалась и почувствовала, что ее руки в одно мгновение стали липкими и холодными от пота.

Стук копыт все приближался и вскоре превратился в ровный, уверенный, не быстрый и не медленный ритм, который бился в унисон с сердцем Мэри и эхом разносился по всем окрестностям.

Прислушалась не одна Мэри — охраняющие сапожника люди стали перешептываться и вглядываться вперед, а стоящий рядом с ними Ричардс секунду раздумывал, а потом направился в гостиницу за сквайром. Цокот лошадиных копыт становился все громче и звучал в тишине ночи наподобие раската грома, на вершине холма появился всадник и стал быстро спускаться вниз, и в тот самый момент, как он приблизился ко двору, из гостиницы вышел сквайр, сопровождаемый своими людьми.

— Стой! — закричал он. — Именем Короля! Я должен спросить, что вы делаете на этой дороге в такое время.

Всадник натянул поводья и въехал во двор. Сначала никто не мог разобрать, кто это, потому что его лицо было прикрыто полями черной шляпы, но когда неизвестный поклонился и обнажил голову, все увидели, как под светом луны засиял ореол белых волос. Тихий и мягкий голос произнес:

— Насколько я понимаю, мистер Бассет из Норт-Хилла? — всадник наклонился вперед и протянул

руку, в которой можно было заметить зажатый лист бумаги.

— У меня послание от Мэри Йеллан из гостиницы «Джамайка», в котором она пишет, что оказалась в беде и просит о помощи. Но я вижу, что приехал слишком поздно. Вы, сквайр, конечно, должны меня помнить, мы ранее уже встречались с вами. Я — викарий Алтарнуна.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мэри сидела в гостиной дома викария в полном одиночестве и смотрела на тлеющее торфяное пламя. Она наконец-таки выпалась и теперь была отдохнувшей и свежей, но желанное спокойствие все еще не приходило.

Все окружающие ее люди были очень добры к ней, пожалуй, даже слишком добры, и это казалось необычным и неожиданным: даже сам мистер Бассет похлопывал ее по плечу огромными неуклюжими руками и грубовато-сипло говорил: «Сейчас ты должна выспаться и забыть все, что было, должна понять, что все закончилось. Я обещаю тебе, что мы найдем того, кто убил твою тетю, найдем очень скоро, и его вздернут после следующего же заседания Королевского суда. А когда ты придешь в себя после ужасов прошедших месяцев, то ты сама решишь, чем ты хочешь заняться и куда отправиться».

Но так как у Мэри в тот момент не было никаких желаний, то все решили за нее. Фрэнсис Дэйви предложил девушке отдохнуть в его домике, и Мэри, почти ничего не ощущая, быстро согласилась, хотя и подумала, что ее молчаливое согласие несколько отдает неблагодарностью.

Никакая сила воли не помогла ей, и все ее старания ни к чему не привели, — так она думала про себя. Если бы она была мужчиной, то несмотря на все невзгоды отправилась бы в Лончестон или Бодмин для дачи показаний, а потом нашла бы себе пристанище где-нибудь на краю света, или отправилась бы в Фалмут для того, чтобы устроиться на корабль, или бродяжничала бы, имея в кармане всего один серебряный пенни, а в груди — напол-

ненное свободой сердце. Но она была женщиной, мягкой и слабой, и у нее болела голова и слезы готовы были вот-вот выкатиться из глаз, хотя она и пыталась любой ценой удержать их.

Викарий привез ее к себе домой на двуколке, а конюх сквайра следовал за ними на лошади, и слава Богу, что всю дорогу они молчали и ни о чем не спрашивали ее, не бормотали глупых и бесполезных слов сочувствия. Когда они прибыли в Алтарнун, часы на церковной башне пробили час.

Викарий приказал своей хозяйке (той самой женщине, с которой Мэри не так давно разговаривала) приготовить комнату для гостыи, и та без лишних слов и удивленных восклицаний постелила чистые простыни, зажгла в камине огонь и положила на постель ночную рубашку из грубой шерсти. Мэри сняла свою одежду, расслабилась и легла в кровать, словно ребенок в колыбель.

Она уже закрыла глаза, когда кто-то дотронулся до ее плеча и чей-то голос прошептал: «Выпей это». Около кровати стоял Фрэнсис Дэйви и смотрел на нее белыми и невыразительными глазами.

— Теперь ты будешь спать спокойно, — сказал он, и Мэри поняла, что он специально для нее изготовил этот горький порошок и растворил его в теплой воде для того, чтобы она смогла успокоить свое взбудораженное сердце и утомленный мозг.

Последнее, что запомнила Мэри перед сном — это руку викария у себя на лбу и его белые глаза, говорящие о том, что надо все забыть.

Когда она проснулась, было уже почти четыре часа дня, и четырнадцать часов сна сделали то, что и предполагал священник, они смягчили ее печаль и притупили боль.

Горькое сожаление о судьбе тети Пэйшэнс подернулось дымкой, и внутренний голос говорил ей, что не стоит винить себя — она сделала все, что могла сделать по долгу совести. Правосудие восторжествовало, и в любом случае она не смогла бы предусмотреть произошедшую трагедию. Осталось только сожалеть, но сожаление не могло вернуть ей тетю Пэйшэнс.

Так думала Мэри, когда проснулась, так думала, когда позже оделась и спустилась в гостиную, где обнаружила горящий камин, разливающий свое теп-

ло по всей небольшой комнате. Викарий, видимо, ушел по своим делам, и Мэри почувствовала, что от одиночества к ней возвращается старое и мерзкое чувство страха, казалось, что она сама возвращает его в себе. Снова перед ней возникли изможденное и усталое в сером сумеречном свете лицо Джема, а затем блеснувшая в его глазах искра, на которую тогда она не обратила внимания. С самого начала в его облике присутствовало что-то неясное, с того самого момента, как он появился в баре гостиницы «Джамайка», Мэри чувствовала это, чувствовала, но намеренно закрывала на это глаза. Она все еще любила его, несмотря ни на что, и от этого ощущения ей стало пусто и одиноко, грустно и страшно. Она хотела казаться такой гордой и независимой, но вот появился Джем Мерлин, поцеловал ее, и вся ее сила воли исчезла навсегда.

Одно слово викарию, когда тот вернется, послание сквайру, и тетя Пэйшэнс будет отомщена, Джем умрет с петлей на шее, так же, как и его отец, а она вернется в Хэлфорд и попытается зажить по-старому, хотя старая жизнь казалась уже давно погребенной где-то далеко-далеко.

Мэри поднялась из стоящего возле камина кресла и стала разгуливать по комнате, обдумывая свои проблемы и борясь с чувствами, но с каждой минутой понимала, что все ее уловки не более, чем попытки успокоить муки совести, потому что она ничего и никому не расскажет о Джеме.

Джем может быть спокоен, он может отправляться куда ему будет угодно и забыть и Мэри, и брата, и Бога, и лишь только она одна будет тащить этот тяжелый груз через горькие и мрачные годы, отмеченная печатью молчания, закончит жизнь глупой старой девой, которую раз в жизни поцеловали, и она никогда не забывала этого.

Мэри гуляла по комнате и пыталась посмотреть на себя со стороны так, как, по-видимому, смотрит на нее викарий Алтарнуна своими холодными и переворачивающими душу глазами, и цинизм и сентиментальность были двумя чувствами, главенствовавшими сейчас в ее сердце.

Даже после ухода викария его комната, казалось, хранила отпечаток его присутствия, и хотя в комнате не было никого, кроме нее самой, Мэри отчетливо

видела стоящего в углу у своего мольберта Фрэнсиса Дейви. Он держал в руке кисть и неподвижным взглядом смотрел сквозь окно на пустынные и мертвые болота.

Рядом с мольбертом стояли лицом к стене полотна, и Мэри с любопытством повернула их к свету. Первая изображала интерьер церкви — наверное, его церкви, нарисованной в сумерки и поэтому наполовину покрытой тенью из-за витража. Вечерняя заря бросала странные зеленые тени на вытянувшиеся до потолка арки, и этот свет был таким необычным и неожиданным, что оставался в памяти девушки даже после того, как она повернула картину обратно к стене. Некоторое время Мэри не могла избавиться от впечатления, которое произвело на нее это полотно.

Должно быть, зеленый вечерний закат в точности отображен викарием в своей работе, но тем не менее он показался Мэри таким жутким, что она ни за что на свете не согласилась бы повесить такую картину у себя дома.

Мэри вряд ли смогла бы объяснить словами возникшее у нее чувство дискомфорта, но она ясно понимала, что, даже не зная действительного интерьера церкви, почувствовала бы себя напуганной и затаившей дыхание в этой чужой атмосфере под тенью витража. Она принялась поворачивать картины одну за другой, и увидела, что все они выполнены в той же самой манере. Это показалось несколько странным. Что общего между болотом под Броун-вилли в весенний день с той картиной, где низко плывущие облака заняли почти что все полотно, и их темные краски залили все вокруг своим сумрачным зеленым светом? Все это, по-видимому, произошло вследствие того, что Фрэнсис альбинос, и его мозг воспринимает все вокруг в несколько искаженном виде, так что то, что видится ему нормальным, обыкновенному человеку представляется неверным. Это объяснение выглядело вполне логичным, но тем не менее чувство беспокойства все не оставляло девушку даже после того, как она повернула полотно обратно лицом к стене.

После своего знакомства с картинами викария Мэри продолжила осмотр комнаты, которая была довольно бедно меблирована и лишена всяких укра-

шений и книг. Даже на столе не нашлось клочка бумаги, более того, казалось, что стол практически не использовался. Мэри постучала пальцами по его полированной поверхности, раздумывая, не за этим ли столом викарий пишет тексты для своих проповедей, а потом неожиданно для себя открыла ящик стола. Ящик оказался пустым, и девушка несколько смутилась. Она уже собиралась закрыть его, как вдруг заметила в углу небольшой лист бумаги, на котором, по-видимому, с обратной стороны было что-то нарисовано. Мэри взяла лист в руки и рассмотрела его. Это был очередной набросок внутрицерковного интерьера, но на этот раз церковь была полна — на скамьях сидели прихожане, а за кафедрой возвышалась фигура викария. Сначала Мэри не заметила в этом наброске ничего необычного: вполне нормально, что викарий, обладающий большим мастерством владения карандашом, решил сделать набросок своей церкви, но когда она вгляделась в рисунок повнимательнее, то почувствовала, как на ее лбу выступил холодный пот.

Это был вовсе не невинный набросок, а жуткая карикатура, жуткая и ужасная, потому что несмотря на то, что прихожане были изображены в своих лучших одеждах, вместо нормальных человеческих лиц над их плечами возвышались бараньи морды. Челюсти животных были глупо раскрыты при чтении молитв, на мордах было написано выражение тупой торжественности, а копыта были сложены вместе, словно руки молящихся. Черты каждого барана были выполнены очень искусно и точно отображали чью-то конкретную индивидуальность, но общее выражение морд было все же одним и тем же — идиота, который ни о чем не думает и ни о чем не заботится. А возвышающийся над всей этой толпой священник в черной рясе и с копной белых волос был не кто иной, как сам Фрэнсис Дэйви. Художник придал своему лицу волчье обличье, и этот волк хохотал над сидящим перед ним стадом.

Этот рисунок показался Мэри таким мерзким и кощунственным, что она быстро убрала его обратно в ящик, перевернув чистой стороной вверх, а затем отошла от стола и снова села в стоящее у камина кресло. Она узнала то, что ей вовсе не нужно было знать, все эти премудрости викария вовсе ее не

касались, и лучше бы эта картинка осталась тайной художника и его Бога.

Неожиданно на тропинке в саду послышались шаги, Мэри торопливо вскочила и отодвинула свечу подальше от своего кресла для того, чтобы Фрэнсис, войдя в комнату, не смог бы прочитать на ее лице ее мыслей и чувств.

Кресло стояло спинкой к двери, и Мэри долго ждала прихода Фрэнсиса, но время шло, а он так и не появлялся. Девушка не выдержала и повернулась — и тут же увидела перед собой стоящего сзади нее викария, который, по-видимому, уже давно бесшумно вошел из прихожей в комнату. Глаза Мэри было широко открылись, но Фрэнсис быстро вышел на свет и извинился за свое неожиданное появление.

— Прости меня,— сказал он.— Не ожидал, что ты испугаешься. Я освободился раньше и пришел домой, несколько даже позабыв, что у меня сегодня есть гостя. Прости, если нарушил ход твоих мыслей.

Мэри кивнула, а священник поинтересовался здоровьем девушки, спросил, как она спала, а сам тем временем снял свою верхнюю одежду и остановился у камина в своей обычной черной рясе.

— Ты ела? — спросил он, и когда Мэри, почему-то запинаясь, ответила, что нет, достал свои часы и взглянул на них — было чуть больше шести, после чего сравнил время на стоящих на столе часах.

— Ну что ж, значит, мы будем ужинать вместе, Мэри Йеллан, если, конечно, ты не против снова поужинать со мной,— произнес викарий.— Но на этот раз, если ты достаточно отдохнула, то можешь накрыть на стол и сама. На кухне есть поднос, на котором Ханна оставила все необходимое, и я думаю, тревожить ее нет смысла. А я пока кое-что запишу, если ты не возражаешь.

Мэри уверила Фрэнсиса, что она вполне отдохнула и совершенно не против того, чтобы приготовить ужин. Викарий кивнул и произнес:

— Без четверти семь. Мы встретимся без четверти семь и спокойно поужинаем.

Мэри прошла на кухню, немного смущенная этим неожиданным появлением и обрадованная тем, что у нее появились дополнительные полчаса: в тот момент, когда пришел священник, она совсем не была готова к разговору, хотя, может быть, после

непродолжительного ужина он опять вернется к своему столу и оставит Мэри наедине со своими мыслями. Было бы очень хорошо, если бы он не открыл ящик стола — воспоминание о рисунке все еще неприятно тревожило ее. Она чувствовала себя ребенком, узнавшим нечто запретное о своих родителях и уныло и пристыженно повесившим голову из-за опасения, что его язык предаст его. Для нее было бы лучше, если бы она поужинала на кухне в одиночестве, а священнику только бы прислуживала. Но она все-таки была гостьей в этом доме, так что отказаться от ужина невозможно, тем более, что на этот раз просьба викария была странно смешана с неким подобием приказа.

Мэри привычными движениями быстро собрала ужин на поднос и, сидя на кухне среди знакомых предметов и запахов, с неохотой ожидала звона церковного колокола. Наконец часы пробили три четверти, Мэри взяла поднос и направилась в гостиную, надеясь, что сможет скрыть свои истинные чувства, возникшие в ее душе за время, проведенное в доме викария.

Фрэнсис Дэйви стоял у камина, а посреди комнаты находился готовый для сервировки стол. Хотя Мэри и не смотрела на священника, она все же почувствовала, что на нее направлен испытующий взгляд, и ее движения сразу же стали неуклюжими. Она была уверена, что Фрэнсис заметил произошедшие в комнате незначительные перемены, потому что краем глаза увидела, что он убрал с мольберта картину и сложил у стены все остальные полотна. На столе же на этот раз царил полный беспорядок — на нем валялись листы бумаги и письма, кроме того, можно было заметить на торфяных углях пожелтевшие и обугленные обрывки конвертов и листов бумаги.

Они сели за стол, и Фрэнсис Дэйви вежливо положил на тарелку Мэри кусок холодного пирога.

— Неужели Мэри Йеллан настолько нелюбопытна, что не спросит меня, как я провел свой день? — осведомился он притворно мягко после незначительной паузы, и Мэри вспыхнула от смущения.

— Я думала, что ваши дела меня не касаются, — ответила она.

— Ты не права. Очень даже касаются. Наши дела

уже давным-давно переплелись, Мэри, разве не ты просила меня о помощи?

Мэри смутилась и не знала, что ей ответить.
— Простите, я до сих пор не поблагодарила вас за то, что вы так быстро приехали ко мне на помощь в гостиницу «Джамайка», — сказала она, — за постель этой ночью и мой сон сегодня. Вы, наверное, думаете, что я неблагодарная...

— Этого я не сказал. Наоборот, я рад твоей терпеливости. Когда я заставил тебя заснуть, еще не было двух, а сейчас уже семь вечера. Время течет медленно, но события не стоят на месте.

— Значит, вы так и не легли спать?

— Я спал до восьми часов, а потом позавтракал и снова ушел. Моя серая лошадь захромала и я не взял ее, поэтому на другой я добирался довольно долго. Я полз, словно улитка, а путь был неблизкий — сначала до гостиницы «Джамайка», а потом до Норт-Хилла.

— Вы уже побывали в Норт-Хилле?

— Да, мистер Бассет приглашал меня на ленч. Нас там было человек восемь или десять и каждый излагал свои мысли, совсем не слушая соседа. Ленч этот продолжался довольно долго, и, честно говоря, я обрадовался, когда он подошел к концу. Впрочем, все пришли к единому выводу, что убийца твоего дяди недолго останется на свободе.

— Мистер Бассет кого-нибудь подозревает? — осторожно спросила Мэри, не поднимая глаз от тарелки, и пища, которую она ела, тут же стала похожа на опилки.

— Мистер Бассет готов подозревать себя самого. Он опросил всех жителей в радиусе десяти миль, и количество подозрительных лиц, которые в ту ночь бродили по окрестностям, увеличилось до миллиона. Нужен целый месяц для того, чтобы выяснить, кто и чем занимался в ту ночь, хотя, впрочем, я думаю, у мистера Бассета времени предостаточно...

— А что они сделали... с моей тетей?

— Их обоих забрали в Норт-Хилл, и там похоронили. Все в порядке, тебе не о чем беспокоиться. А что будет дальше... ну, это мы посмотрим.

— А что с сапожником? Они не отпустили его?

— Нет, он надежно заперт и ревет проклятия,

словно безумный. Хотя, честно говоря, мне наплевать на сапожника, да, я думаю, и тебе тоже.

Мэри отложила вилку в сторону. Вкуса пищи она так и не ощущала.

— О чем вы? — спросила она.

— Я повторяю, я уверен, что тебе наплевать на сапожника. Я очень хорошо это понимаю, несмотря на то, что он самый неприятный и жуткий тип из тех, кого я видел до этого. Я слышал от Ричардса, конюха мистера Бассета, что ты подозревала сапожника в убийстве четы Мерлинов и даже сказала об этом самому сквайру, но я думаю, что с этих самых пор он тебя и не интересуется. Тем более мне, как и всем другим, безумно досадно, что он находился в запертой комнате, а это просто подтверждает его невиновность. Он мог бы стать превосходным козлом отпущения и спас бы всех от неприятностей.

Викарий снова принялся за ужин, но Мэри уже не могла есть, и когда Фрэнсис предложил ей еще один кусок пирога, девушка отказалась.

— Интересно, а чем это сапожник заслужил такое отношение к себе с твоей стороны? — священник по-прежнему хотел знать ответ на интересующий его вопрос.

— Как-то он напал на меня...

— Я так и думал. Он и вправду исключительный мерзавец. Конечно же, ты сопротивлялась?

— Я думаю, что ранила его. Больше он меня не тронет.

— Да, я думаю, не тронет. Это верно. Когда это произошло?

— В Сочельник.

— После того, как я вышел на Файв-Лэйнс?

— Да.

— Я начинаю понимать. В ту ночь ты так и не добралась до гостиницы? Тебя по дороге встретил дядя и его друзья?

— Да.

— И они взяли тебя на берег для того, чтобы ты взглянула на их охоту?

— Пожалуйста, мистер Дэйви, не спрашивайте меня больше. Я не хочу говорить о той ночи ни сейчас, ни в будущем. Никогда. Эти воспоминания лучше всего похоронить поглубже.

— Можешь ничего и не говорить, Мэри Йеллан.

Я понимаю, что и сам в некотором роде виноват в том, что позволил продолжать тебе путешествие в одиночку. Я смотрю на тебя сейчас, на то, как гордо ты держишь голову, на твои глаза, на тот еле заметный след, что остался на твоём подбородке, и понимаю, что ты пережила. Может, слово простого священника и не значит ничего особенного, но я горжусь тобой, ты проявила завидное мужество.

Мэри взглянула на викария и снова отвернулась.

— Когда я размышлял о сапожнике,— продолжил Фрэнсис после паузы, подкладывая себе внушительную порцию тушеного тернослива,— я думал о том, что убийца оказался довольно небрежен, раз не заглянул в запертую комнату. Наверняка время его поджимало, но все-таки минута-другая ничего не решала, и он мог бы выполнить свое дело более тщательно...

— И что тогда, мистер Дэйви?

— Ну тогда он смог бы поговорить и с сапожником.

— Вы имеете в виду, убить и его?

— Конечно. Сапожник ничем не украшал мир, пока он был жив, так что после смерти он хоть бы послужил пищей для червей, но это только мое мнение. Более того, если бы убийца знал о том, что сапожник напал на тебя, у него были бы все основания убить его еще и за это.

Мэри отрезала себе ломтик кекса, хотя вовсе и не хотела этого делать, и машинально откусила кусочек. Притворяясь ужинающей, она получала хоть какую-то возможность обдумывать сказанное священником. Когда она пыталась отрезать кусочек пирога, то заметила, что ее рука при этом дрожит и унять эту дрожь она не может.

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите,— сказала девушка.

— О, ты слишком скромничаешь.

Трапеза продолжалась в полном молчании. Мэри по-прежнему держала голову низко опущенной и не сводила взгляда с тарелки. Инстинкт подсказывал ей, что викарий попросту играет с ней, как рыбак играет с попавшейся на крючок рыбкой, но так как ждать дольше сил у нее уже не оставалось, Мэри не выдержала и выпалила:

— Значит, мистер Бассет решил, что убийца по-прежнему на свободе?

— Да, конечно, мы движемся очень медленно, но какой-то прогресс все же присутствует. Я думаю, сапожник в бесцельной попытке спасти свою шкуру выдаст всех своих сообщников, но это вряд ли ему поможет. У нас уже есть список имен тех, кто был в Сочельник на берегу, сам он, по его словам, не принимал во всем этом участия. Так же у нас есть информация о тех случаях, которые бывали прежде. Мы знаем о том, что в гостиницу «Джамайка» прибывали повозки, мы знаем, к кому они уходили. Сапожник рассказывает обо всем, что знает, и оказывается, эта преступная сеть появилась гораздо раньше, чем мы предполагали.

Мэри молчала и даже не поблагодарила священника, когда он подложил ей в тарелку тернослива.

— Фактически,— продолжал викарий,— он рассказал о том, что хозяин гостиницы являлся главарем лишь номинально. Твой дядя получал приказания от кого-то другого. Это, конечно, привнесло новые аспекты в суть дела. Джентльмены сильно разволновались и встревожились. А что ты можешь сказать об этой теории сапожника.

— Я думаю, что все это вполне возможно.

— А я думал, что ты рассказывала мне обо всем, что знаешь.

— Я хотела рассказать... Но я совсем забыла об этом факте.

— Но если это все так, то может статься, что неизвестный вожак и убийца — это одно и то же лицо. Ты согласна?

— Да, может быть и так.

— Тогда это существенно сузит круг подозреваемых. Мы можем теперь не обращать внимания на всю толпу, а выделить такого человека, который имеет и ум, и оригинальную индивидуальность. Ты когда-нибудь видела в «Джамайке» такого человека?

— Нет, никогда.

— А может, он появлялся и уходил тайком, в тишине ночи, когда ты и твоя тетя спали в своих постелях? Наверняка, он приходил не по большой дороге, иначе вы бы слышали стук копыт. Но ведь в гостиницу всегда можно прийти пешком, ведь так?

— Да, это вполне возможно, вы правы.

— В таком случае, такой человек должен очень хорошо знать болота, или хотя бы близлежащие места. Кто-то из джентльменов предположил, что он живет поблизости, на расстоянии пешего или конного пробега. Вот тогда-то мистер Бассет и решил опросить всех в радиусе десяти миль, как я тебе и сказал в самом начале нашего разговора. Итак, ты видишь, круг сужается, и если убийца не поторопится, то неминуемо будет пойман. Все сошлись именно на таком мнении. А почему ты не ужинаешь? Я вижу, ты почти ни к чему и не притронулась...

— Я не голодна.

— Очень жаль. Ханна всегда говорит, что по части холодных пирогов у нее нет конкурентов во всем Корнуэлле. Кстати, я уже говорил о том, что видел сегодня твоего знакомого?

— Нет, не говорили. У меня нет знакомых, кроме вас, мистер Дэйви.

— Благодарю за комплимент, Мэри Йеллан, и поверь, я очень высоко ценю твое отношение ко мне. Но видишь ли, ответила ты не совсем верно. У тебя есть знакомый, и ты сама говорила мне об этом.

— Я не понимаю, о чем это вы, мистер Дэйви.

— Ладно. Скажи мне, пожалуйста, а разве это не брат хозяина возил тебя на ярмарку в Лончестон?

Мэри так крепко стиснула под столом руки, что ее ногти впились в ладони.

— Брат хозяина? — переспросила она, стараясь потянуть время. — Я его с тех пор и не видела. Я была уверена, что он уехал.

— Да нет, он появлялся здесь после Рождества, он мне сам сказал об этом. Более того, когда он узнал о том, что я приютил тебя, то передал тебе пару слов. Он сказал: «Передайте Мэри, что я очень сожалею». Я полагаю, что эти слова относятся к твоей тете.

— И это все?

— Я думаю, что он хотел добавить еще кое-что, но мистер Бассет перебил его.

— Мистер Бассет? Мистер Бассет находился рядом с вами, когда вы разговаривали?

— Ну конечно. Вообще, в комнате было довольно много народа. Они оставались там и после того, как я увидал, что эта дискуссия затянется надолго, и решил уехать из Норт-Хилла.

— А почему при всем этом присутствовал Джем Мерлин?

— Ну как же, я полагаю, он все же брат убитого, хотя он особенно не переживал. Видимо, они не очень ладили.

— И... и мистер Бассет и другие джентльмены допрашивали его?

— Да, за это время переговорено было достаточно... Молодой Мерлин показал, что он действительно умен, все его ответы хранили печать хитрости, видно, что он намного умнее, чем его брат. Ты говорила, что он живет где-то поблизости, если я не путаю? Кажется, он занимается торговлей лошадьми?

Мэри кивнула. Ее руки дрожали.

— Наверное, он занимался кражей лошадей в ожидании того, что ему рано или поздно предоставится какой-нибудь другой, более выгодный шанс, — сказал викарий. — А когда появилась возможность использовать свои таланты по назначению, ну, что ж, он их использовал. Несомненно, ему хорошо заплатили...

Каждое слово, произнесенное этим мягким голосом, рвало нервы девушки в клочья, она прекрасно понимала, что Фрэнсис специально ведет себя таким образом, и больше не могла притворяться равнодушной. Она сжала руки со всей силой и подняла глаза на священника.

— Что они сделают с ним, мистер Дэйви? — спросила она, едва удерживаясь от рыданий. — Что они с ним сделают?

Белые невыразительные глаза внимательно смотрели на Мэри, и в первый раз за все время девушка заметила, как в них вспыхнул огонек удивления.

— Что они с ним сделают? — спросил Фрэнсис с явно озадаченным видом. — А что они могут с ним сделать? Я думаю, со сквайром Бассетом они помирились, уладили все свои проблемы... Старые преступления забыты в счет той небольшой услуги, оказанной Мерлином-младшим.

— Я не понимаю... Какой услуги?

— Ты соображаешь очень медленно, Мэри Йеллан, а я вовсе не думаю, что говорю загадками. Разве ты не знаешь, что Джем Мерлин сообщил сквайру обо всем, что творится в гостинице его брата?

Мэри с глупым видом уставилась на священника,

потому что все ее мысли сплелись в один огромный клубок, и единственное, что она смогла сделать, так это повторить сказанную викарием фразу:

— Джем Мерлин сообщил сквайру обо всем, что творится в гостинице его брата?

Фрэнсис отодвинул тарелку и стал аккуратно собирать предметы сервировки на поднос.

— Ну конечно, насколько я понял мистера Бассета. Это ведь именно он столкнулся нос к носу с твоим другом на Сочельник в Лончестоне и увез его в Норт-Хилл. «Ты украл мою лошадь,— сказал он тогда,— ты еще больший бандит, чем твой брат». Да, он попал в очень неприятную историю. «Но ты можешь оказаться на свободе,— продолжал сквайр,— вместо того, чтобы двенадцать лет гнить в тюрьме, а это уж я постараюсь тебе обеспечить, в том случае, если предоставишь доказательства того, что твой брат именно тот, кого я в нем подозреваю». Твой юный друг попросил время на размышление, а когда пришла минута отвечать, он только покачал головой. «Нет,— сказал он,— если вы хотите, то должны поймать его сами. Я буду проклят, если свяжусь с блюстителями закона». Тогда сквайр показал ему объявление о поимке преступника и произнес: «Смотри, Джем, и скажи, что ты думаешь об этом. На Сочельник произошло самое кровавое крушение с того времени, как «Леди Глочестер» наскочила на рифы прошлой зимой у Пэдстоу. Неужто и теперь ты не передумал?» Остаток истории сквайр рассказывал очень быстро, потому что нам все время мешали приходящие и уходящие люди, но я сумел понять, что твой друг сбежал ночью, а наутро опять вернулся, хотя они и не думали, что когда-нибудь снова увидят его. Он подошел прямо к сквайру, когда тот выходил из церкви, и холодно произнес: «Ладно, мистер Бассет, вы получите те доказательства, которые вам необходимы».

Викарий убрал со стола все, что осталось от ужина, на поднос, а поднос поставил на столик в угол, после чего сел в кресло с высокой спинкой, стоящее у камина, и вытянул ноги к огню. Мэри совсем не обращала внимания на передвижения Фрэнсиса, она тупо смотрела прямо перед собой в пустоту и пыталась что-то понять, хотя единственное, что она поняла — это то, что все те доказы-

ства, которые она выстраивала против любимого человека, сейчас рассыпались, словно карточный домик.

— Мистер Дэйви,— медленно произнесла девушка,— мне кажется, что я самая большая дура, которая когда-либо появлялась в Корнуэлле.

— Может, и так, Мэри Йеллан,— ответил викарий.

Фрэнсис произнес эту фразу таким сухим и сдержанным тоном, совершенно не похожим на тот, которым он говорил всегда, что Мэри почувствовала в этом упрек. Что ж, она заслужила его.

— Но что бы ни произошло,— продолжала она,—я все равно могу прямо и без стыда смотреть всем в лицо.

— Я рад за тебя.

Мэри откинула со лба прядь волос и улыбнулась улыбкой, какой уже не улыбалась давным-давно. Впервые за все время страх и беспокойство покинули ее.

— А что еще сказал или сделал Джем Мерлин? — спросила она.

Викарий взглянул на часы и снова убрал их в карман.

— Я бы очень хотел поговорить с тобой,— сказал он,— но уже почти восемь часов. Время бежит так быстро... Я думаю, мы уже достаточно поговорили о Джеме Мерлине.

— Скажите только одно: он еще оставался в Норт-Хилле после того, как вы уехали оттуда?

— Да. Фактически это и ускорило мой отъезд. Когда я уезжал, он говорил очень интересные вещи, и мне даже досадно, что я не смог его дослушать?

— А что он говорил?

— Он говорил, что собирается отправиться в Уорлегган к тамошнему кузнецу.

— Мистер Дэйви, вы опять шутите.

— Нет, на этот раз нет. Уорлегган — место, довольно удаленное от Норт-Хилла, но думаю, до темноты он туда доберется.

— А что вам-то до того, что Джем поехал к кузнецу?

— Дело в том, что он продемонстрировал всем гвоздь, который он нашел в вереске около гостиницы «Джамайка», гвоздь от подковы лошади, гвоздь

довольно новый, а так как Джем Мерлин опытный конокрад, то он знает почерк работы всех кузнецов на болотах. «Взгляните,— сказал он сквайру,— я нашел это утром около гостиницы. Вы беседуете и сейчас во мне не нуждаетесь, так что я пока съезжу в Уорлеган и брошу этот гвоздь в лицо Тому Джори — он плохой работник».

— Ну и что же дальше? — спросила Мэри.

— Вчера было воскресенье, да? А в воскресенье у кузнецов нет привычки чрезвычайно усердно обслуживать посетителей, так что вчера в кузню Тома Джори приезжал один лишь всадник, который и попросил его подковать свою прихрамывающую лошадь. Было это часов в семь вечера, а потом этот всадник отправился дальше, в гостиницу «Джамайка».

— А откуда вы знаете об этом? — спросила Мэри.

— Я знаю это потому, что этим всадником был викарий Алтарнуна.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В комнате воцарилась мертвая тишина. Хотя в камине по-прежнему ярко горел огонь, в воздухе стало намного холоднее, чем раньше. Каждый из присутствующих ждал, что же скажет другой, и Мэри услышала, как Фрэнсис тяжело сглотнул комок в горле, и, взглянув на него, увидела то, что и ожидала: пристально глядящие на нее белые тусклые глаза. Но на этот раз они уже были не теми холодными глазами, которые она привыкла видеть, нет, на этот раз эти глаза горели ярким белым пламенем. Теперь Мэри знала все, но никак не могла вымолвить ни слова, да и не хотела. Время было ее союзником, и теперь лучше изобразить из себя тугодумку, никак не осознающую сказанное ей.

Пристально смотрящие на нее глаза викария все же заставляли произнести хоть что-нибудь, так что Мэри протянула к огню руки и через силу улыбнулась.

— Вы сегодня говорите загадками, мистер Дэйви.

Викарий ответил не сразу: сначала он сглотнул слюну, а потом слегка наклонился вперед, и Мэри

увидела, насколько он изменился за эти несколько секунд.

— Ты потеряла мое доверие за то время, что я отсутствовал. Ты подходила к столу, видела мой рисунок и беспокоилась. Нет, я не видел этого, я не подглядываю в замочные скважины, я просто заметил, что лист бумаги лежит не совсем так, как я его оставил. Ты сказала себе, как не раз говорила прежде: «Что за странный человек этот викарий из Алтарнуна?», и когда ты слышала мои шаги по тропинке, ты уселась в это кресло у огня, чтобы не видеть мое лицо. Не убирай глаза, Мэри Йеллан, больше нет смысла притворяться. Теперь мы можем говорить друг с другом откровенно.

Мэри повернулась было к викарию, но тут же отвернулась опять, в глазах Фрэнсиса было что-то такое, что мешало ей долго смотреть в них, девушке просто становилось страшно.

— Мне очень жаль, что я подошла к вашему столу, — сказала она. — С моей стороны это просто некрасиво, и, честно говоря, я и сама не знаю, зачем я это сделала. А что касается рисунка, то я многого не понимаю, и не могу сказать, хорошо это или плохо.

— Да это и неважно, плохо это или хорошо, все дело в том, что ты попросту испугалась.

— Да, мистер Дэйви, я испугалась.

— И ты снова сказала себе: «Этот человек — ошибка природы, и его мир — это не мой мир». Ты права, Мэри, я действительно живу в прошлом, в том времени, когда люди не были такими покорными, как сейчас. Нет, я имею в виду не этих исторических героев в коротких камзолах и облегающих сапогах, я никогда их не любил, я принадлежу к началу начал, к тому веку, когда реки и океан были одним целым, а по холмам бродили старые боги.

Викарий поднялся и встал у огня, высокий человек в черном одеянии, оттеняющем его белые волосы и глаза. Его голос снова стал обычным и мягким.

— Может, ты и поймешь меня, хотя вряд ли, потому что ты живешь в девятнадцатом веке и мои речи для тебя странны. Да, я ошибка природы, я родился не в свое время и не принадлежу ему, я родился назло этому веку и назло всему человечеству. В девятнадцатом веке очень тяжело обрести покой, ти-

шина ушла даже с холмов. Я думал найти покой в христианской церкви, но ее догмы угнетали меня, тем более, что я понял то, что ее обоснование зиждется на легенде. Сам Христос всего лишь созданная людьми кукла... Впрочем, мы можем поговорить обо всем этом позже, когда суматоха останется позади. У нас впереди — целая вечность, потому что сейчас мы отправимся в путь, налегке и без багажа, так, как путешествовали тогда, много лет назад.

Мэри взглянула на Фрэнсиса, и ее руки вздрогнули.

— Я не понимаю вас, мистер Дэйви.

— Да нет, ты понимаешь меня очень хорошо. Теперь ты знаешь, что это я убил хозяина гостиницы и его жену, да и сапожник вряд ли бы остался в живых, если бы я знал о его существовании. Пока я рассказывал свою историю, ты уже сложила в стройную систему все обстоятельства, и поняла, что я и есть тот самый человек, который управлял всеми движениями твоего дяди. Действительно, он являлся главарем шайки лишь формально. Часто я сидел здесь перед расстеленной картой Корнуэлла, а он сидел там, в том кресле, где сейчас сидишь ты... Джосс Мерлин, ужас всех окрестных мест, мял в руках свою шляпу и отдавал мне честь, когда я разговаривал с ним. Он был похож на унылого маленького ребенка, беспомощного без моих указаний, бедный тупой хвостун, он с трудом отличал свою левую руку от правой. Нас связало его тщеславие, потому что все, что ему было надо — это увеличение его дурной славы среди собутыльников. Дела шли в гору, он отлично служил мне, и ни один человек не знал о нашем сотрудничестве. Знаешь, Мэри Йеллан, ты стала тем камнем, об который мы сломали зубы... Ты появилась среди этих болот с широко открытыми внимательными глазами, и я почувствовал, что конец близок. Да и в любом случае, мы уже доигрывали игру до конца и время работало против нас. Ты так мешала нам своей смелостью и умом, но как я уважал тебя за это! Конечно, ты слышала мои шаги в пустой комнате для гостей, а когда проскользнула на кухню, то увидела свесившуюся с балки петлю, да, это был твой первый вызов... Потом ты прокрадась за своим дядей на болота, когда он хотел встретиться со мной за Рафтором, но затем потеряла его

в темноте и случайно встретила меня. Ты доверилась мне, и я стал твоим другом. Я давал тебе хорошие советы, разве не так? Доверяя мне, ты не отправилась в магистрат, а твой дядя также не знал о нашем странном альянсе, да он и не понял бы его. Своим неповиновением он сам приблизил смерть, я знал о твоём намерении сообщить о дяде властям при первом удобном случае, но так как информации у тебя действительно было не так уж много, время успокоило твои подозрения. Но твой дядя в Сочельник напился до безумия, дикарь и тупица, и совершил ужасную ошибку, потому что в пожаре запылала вся страна. Я знал, что он обязательно получит петлю на шею, но чтобы как-то облегчить свою участь, он назовет меня главарем. В итоге он умер, Мэри Йеллан, умерла и твоя тетя, бывшая его тенью, и если бы ты оказалась той ночью в гостинице, ты тоже бы умерла. Хотя нет, ты бы не умерла...

Фрэнсис подошел к Мэри и, взяв ее за руки, поднял из кресла и посмотрел прямо в глаза.

— Нет,— повторил он,— ты бы не умерла. Ты бы поехала со мной так же, как поедешь сегодня.

Мэри попыталась что-нибудь рассмотреть в этих глазах, но они были такими же пустыми и холодными, как всегда. Руки Фрэнсиса обхватили запястья Мэри железной хваткой, из которой вырваться было невозможно.

— Вы не правы,— сказала девушка.— Вы убили бы меня тогда, как убьете сегодня. Я никуда не поеду с вами, мистер Дэйви.

— Смерть превыше бесчестья? — улыбнулся викарый, и тонкая трещинка расколола маску его лица пополам.— Ты сошла с ума, Мэри, ты набралась всякой ерунды из старых книжек, из тех, где дурные люди имеют хвосты и дышат огнем из ноздрей. Все дело в том, что ты очень опасный соперник, я убедился в этом, и я предпочитаю, чтобы ты находилась на моей стороне. Во-вторых, ты молода и красива. И, в-третьих, я надеюсь, что со временем мы вновь восстановим те нити дружбы, которые связывали нас до сегодняшнего дня.

— Вы правы, что обращаетесь со мной, как с глупым ребенком, мистер Дэйви. Когда вы встретили меня той ноябрьской ночью, вы действительно были мне другом, но эта дружба была лишь обманом

и притворством, вы давали мне советы, а ваши руки еще не высохли от крови невинного человека. Мой дядя хоть был честен, трезвый или пьяный... Он выбалтывал свои тайны на все четыре стороны, но к его ужасу они не уходили от него, они преследовали его по ночам. Но вы, тот, кто носит для прикрытия одежду священника и крест, вы смаете говорить мне о дружбе?!

— Твое возмущение еще больше привлекает меня, Мэри Йеллан,— прервал ее Фрэнсис.— В тебе есть тот огонь, которым обладали женщины много лет назад, и сотрудничество с тобой не такая вещь, которую можно запросто отбросить. Кстати, я очень прошу не касаться пока в нашей дискуссии религиозной темы, когда ты узнаешь меня получше, мы вернемся к этому, и я расскажу тебе о том, как я искал пристанища в христианстве, стараясь убежать от себя, и нашел, что религия построена на ненависти, фанатизме и алчности, на всех атрибутах человеческой цивилизации в отличие от чистых и ясных образов старых язычников. Моя душа больна... Бедная Мэри, я понимаю, как тебе, выросшей в девятнадцатом веке, трудно видеть мое лицо, лицо ошибки природы, позорящее твой мир... Ты готова? Твоя верхняя одежда висит в прихожей. Я подожду тебя.

Мэри попыталась было уйти, но Фрэнсис все еще держал ее за руки.

— Пойми,— мягко произнес он.— Дом пуст, ты знаешь это, и никто не услышит твои жалкие вульгарные крики. Добрая Ханна в своем коттедже с той стороны церкви. Я сильнее, чем ты предполагаешь, хотя на вид я, может, выгляжу довольно хрупким. Это тоже обман природы — твой дядя знал мою силу. Я не собираюсь и пальцем дотрагиваться до тебя, Мэри, потому что боюсь испортить твою красоту, но клянусь, если ты попробуешь встать на моем пути... Ну же, где твоя жажда приключений? Ты же всегда обладала ею! Где твоя смелость, мужественность?

Мэри догадалась, что Фрэнсис, должно быть, уже превысил свой запас времени и его у него почти не осталось, и хотя он пытался скрыть свое нетерпение, его выдавали вспыхивающие в глазах искры и туго сжатые губы. Часы пробили половину девято-

го, и, наверное, именно в эту минуту Джем Мерлин уже разговаривал с кузнецом в Уорлегане. Между ними пролегло миль двенадцать, но Джем не так глуп, как Мэри. Девушка быстро обдумывала свои шансы на успех: если сейчас она отправится с Фрэнсисом Дэйви, то постарается помешать ему быстро скрыться. Хотя викарий может догадаться о ее игре и прекратить ее. Погоня должна идти по пятам, так что ее присутствие может принести помощь ему, но если сейчас она просто откажется идти с ним, то все, что ее ожидает — это удар ножом в сердце. Совершить такое викарию не помешает ничто.

Он назвал ее мужественной, он сказал, что она обладает жаждой приключений... Ну что ж, теперь викарий действительно увидит, что она может играть своей жизнью точно так же, как и он своей. Если Фрэнсис безумен (а в это легко поверить), то его безумие приведет его к поражению, если он не сумасшедший — она станет все тем же камнем преткновения, что и была с самого начала и будет сопротивляться логике его изощренного ума стойкостью своего женского разума. С ней правда и вера в Бога, а Дэйви — всего лишь исчадие ада в оболочке человека.

Мэри улыбнулась и подняла глаза.

— Я поеду с вами, мистер Дэйви, — объявила она. — Но вместе со мной вы получаете камни себе под ноги и шипы в тело. Может, вы и пожалеете об этом.

— Друзья или враги — это неважно, главное, что мы отправимся вместе. Я знаю, что ты будешь грузом на моей шее, но за это ты мне и нравишься. Я надеюсь, вскоре ты забудешь все свои предрассудки и все излишки цивилизации, все, что в тебя впили в детстве. Я научу тебя совершенно другому, Мэри Йеллан, ты узнаешь о той жизни, которой мужчины и женщины не живут уже более четырех тысяч лет.

— Я плохой попутчик, мистер Дэйви.

— Ничего, ничего, Мэри, мы пойдем с тобой через болота и холмы, через гранит и вереск, пойдем тропами, по которым раньше ходили друиды.

Мэри чуть было не рассмеялась Френсису в лицо, но он уже отвернулся от нее и открыл дверь, так что единственное, что ей осталось — так это насмешли-

во поклониться, проходя мимо него. И, в самом деле, девушку опять наполнил привычный дикий кураж и она больше не боялась ни викария, ни ночи. Сейчас все это казалось мелочью, потому что главным было то, что ее любимый человек не запятнан кровью и находится на свободе. Теперь она может спокойно и без стыда любить его, и одна-единственная мысль пульсировала в ее мозге: все, что сделал Джем, было сделано ради нее, и, значит, он обязательно вернется к ней. Мэри даже показалось, что она слышит топот копыт его лошади и его яростный крик.

Она прошла за Фрэнсисом на конюшню и увидела, что он седлает лошадей. Это ее несколько обеспокоило.

— Вы что, не возьмете коляску?— спросила она.

— А зачем нам лишняя помеха, если у нас нет багажа?— ответил викарий.— Нет, Мэри, мы должны быть легки и свободны. Ты умеешь скакать на лошади, все женщины, рожденные на ферме, это умеют, а я придержу твои поводья. Увы, я не могу тебе обещать, что мы поедем быстро, как ты знаешь, Серый захромал и пройдет не так уж много. Ах, Беспокойный, это путешествие предпринимается из-за тебя, ты должен знать, что тогда, когда ты потерял в вереске гвоздь от своей подковы, этим самым ты предал своего хозяина.

Ночь была темной, воздух промозгло сырым, а ветер холодным, как лед. Небо покрылось низкими облаками, так что луна исчезла совершенно. Значит, все дороги скроются во тьме и всадников никто не заметит. Первая карта выпала против Мэри. Ночь явно благоволила к викарию Алтарнуна. Мэри взобралась в седло, думая о том, не стоит ли крикнуть так, чтобы разбудить всю деревню, но в ту самую секунду, как эта мысль вспыхнула в ее сознании, она почувствовала руку Фрэнсиса, помогающую ей вдеть ногу в стремя. Девушка опустила глаза и увидела блеснувшую под плащом полосу стали. Фрэнсис поднял голову и улыбнулся.

— Это будет очень глупо. В Алтарнуне ложатся спать рано, и пока мирные селяне будут протирать глаза и медленно вылезать из своих постелей, я успею доскакать до тех болот, а ты... ты останешься здесь лежать лицом вниз, и твои молодость и красо-

та навсегда замрут в эту долю секунды. Поехали, если ты замерзла, то мы можем согреться. Беспокойный — отличный конь!

Мэри ничего не ответила и взяла поводья. Игра зашла далеко, но надо доиграть ее до конца.

Фрэнсис вскочил на гнедого коня, к которому был пристегнут повод Серого, и они тронулись в путь, в полуфантастическое путешествие древних пилигримов.

Когда они проезжали мимо безмолвной и покрытой тенью церкви, викарий снял свою широкополую шляпу и обнажил голову.

— А ведь ты могла бы послушать мою проповедь, — мягко обратился он к Мэри. — Они действительно напоминают баранов, я специально нарисовал их именно так. Их рты открыты, а души спят. Церковь для них — всего лишь крыша над головой и четыре стены из камня, и только лишь потому, что она благословлена человеческими же руками, они думают, что она свята. Они не знают, что под этими камнями лежат кости их языческих предков, а на старых гранитных алтарях остались следы крови жертвоприношений, совершенных за много лет до того, как был распят Христос. По ночам я стоял в церкви и слушал тишину, Мэри, и я слышал в воздухе шепот тех, кто лежит глубоко под землей и не знает ни о церквях, ни о Алтарнуне.

Эти слова быстро пронеслись сквозь сознание Мэри, и она опять вспомнила темный коридор гостиницы «Джамайка», лежащее перед ней тело ее дяди и то чувство страха, которое вечно витало между этими стенами. Смерть Джосса была лишь простым повторением того, что происходило на этом холме тогда, когда никакой гостиницы «Джамайка» еще не существовало, на земле лежали только гранитные камни и рос вереск. Мэри вспомнила ту дрожь, которая тогда объяла ее, как будто нечеловеческая холодная рука коснулась ее тела; и она снова взглянула на Фрэнсиса Дэйви и его белые глаза и волосы, на те глаза, которые смотрели на нее из прошлого.

Они ехали по болотам, еле заметная тропинка вела их через ручей к огромному черному сердцу трясины, где нет ни следов, ни тропинок, только грубая трава и мертвый вереск. Снова и снова лошади спотыкались о камни и вязли в мягком песке, но

Фрэнсис Дэйви всматривался в темноту, подобно парящему в небе ястребу, когда тот успокаивающе плавно раскачивается на струях ветра, а потом быстро и внезапно ныряет вниз.

Повсюду возвышались скрывающие от них весь мир скалы, и две лошади казались заблудившимися между этими бесконечными холмами.

Как только они оказались среди этих черных холмов, Мэри стала чувствовать, что ее уверенность в себе уменьшилась, подобно тому, как расстояние между ней и Уорлеганом увеличилось. Казалось, что Норт-Хилл остался в совершенно другом мире, а вокруг этих болот возникло магическое кольцо, которое сделало их недоступными и спрятанными в вечности. Только лишь Фрэнсис Дэйви знал их тайну и пробирался по болотам в темноте, подобно слепому в своем доме.

— Куда мы едем?— наконец не выдержала Мэри. Фрэнсис повернулся к ней, улыбнулся и указал на север.

— Пришло время, когда офицеры короля отправились на берега Корнуэлла. Я говорил тебе об этом, когда мы ехали из Лончестона. Но сегодня и завтра мы их не встретим, и только лишь чайки летают над дикими скалами между Босткастлом и Хартлэндом. Атлантика всегда была моим другом, может, более жестоким и безжалостным, чем я ожидал, но тем не менее все же моим другом. Ты много слышала о кораблекрушениях, Мэри, я знаю, хотя тебе это может и не понравиться, но именно корабль увезет нас из Корнуэлла.

— Значит, мы покидаем Англию, мистер Дэйви?

— Конечно. А что еще можно предпринять? По воле случая викарий Алтарнуна оставляет лоно Святой Церкви и вновь становится беглецом. Ты увидишь Испанию и Африку, Мэри, ты увидишь новое солнце и почувствуешь под ногами песок пустыни. Мне все равно, куда мы отправимся, выбирай сама. Почему ты улыбаешься и качаешь головой?

— Я улыбаюсь потому, что вы говорите фантастические вещи, мистер Дэйви. Все это невозможно, и вы знаете это так же хорошо, как и я. Я убегу от вас при первой возможности, и, может, даже в первой деревне. Я поехала с вами, чтобы не быть убитой

ночью, но при свете дня, находясь среди людей, вы станете таким же беспомощным, как я сейчас.

— Как пожелаешь, Мэри Йеллан. Я готов к риску, но ты забыла, что по счастливой случайности северный берег Корнуэлла практически не связан с южным. Ты говорила, что приехала из Хэлфорда, где прелестные тропинки извиваются вдоль рек а деревушки граничат одна с другой. Но северное побережье не так гостеприимно, и ты это увидишь. Оно такое же пустынное и необитаемое, как и эти болота, так что ты не увидишь ни одного человеческого лица за исключением моего до тех пор, пока мы не приедем в гавань.

— Неужели вы считаете, — со злостью, рожденной страхом, произнесла Мэри, — неужели вы считаете, что даже если мы доберемся до моря и сядем на корабль, чтобы отправиться в другую страну, — в Африку или Испанию, можете назвать сами, — я буду безропотно следовать за вами и не разоблачу вас, убийца невинных людей?

— Ты все забудешь, Мэри.

— Забуду то, что вы убили сестру моей матери?

— Да, это и многое другое. Забудешь болота, гостиницу «Джамайка» и то, как ты на своих спотыкающихся ножках оказалась на моем пути. Забудешь слезы на Большой дороге из Лончестона и молодого человека, послужившего причиной для этих слез.

— Вам нравится мучить меня, мистер Дэйви?

— Мне нравится задевать тебя за живое. Только не хмурься и не кусай губы, я все прочитал в твоих мыслях, я же говорил, что в свое время принимал исповеди. Я лучше знаю мечты женщин, чем даже ты сама, и в этом мое преимущество перед братом хозяина. — Фрэнсис снова улыбнулся, а Мэри отвернулась для того, чтобы не видеть этих страшных и всезнающих глаз.

Они продолжали скакать в тишине, и Мэри стало казаться, что тьма ночи сгустилась еще сильнее, так что нельзя было разглядеть даже окрестные холмы. Лошади шли очень осторожно, они раз за разом останавливались и фыркали, словно пугаясь идти дальше, земля стала мокрой и зыбкой, и Мэри увидела поросшие травой кочки, которые указывали расположение трясины.

Страх лошадей объяснялся именно появлением этих кочек, и Мэри искоса взглянула на своего попутчика, чтобы увидеть выражение его лица. Фрэнсис ехал, вперившись в темноту, которая с каждой минутой становилась все гуще и непроницаемей, и Мэри поняла, что в этих крепко сжатых тонких губах сконцентрировалась вся сила воли этого человека, почувствовавшего новую опасность.

Нервозность лошади передалась и всаднику, а Мэри подумала, что перед ней находятся все те же самые болота, которые она видела при ярком свете дня, вспомнила эти бурые травянистые кочки, по которым пролетали порывы ветра, заставляющие вздрагивать и шуршать длинные тонкие стебли камыша, двигавшиеся, словно единое целое, и скрывавшие тихую черную воду. Она вспомнила, что даже живущие на болотах люди могли сбиться с пути и сделать неверный шаг, и тот, кто только что уверенно шагал по тропинке, через мгновение мог оступиться и утонуть. Фрэнсис Дэйви знал болота, но это ничего не гарантировало.

Река или ручей поют свои песни и их можно услышать за милую, но вода болот не издает звуков, и первая оплошность может стать последней. От постоянного ожидания нервы Мэри напряглись до предела, и она уже готовилась выпрыгнуть из седла в случае, если ее лошадь внезапно вздрогнет и провалится в трясину. В гнетущей тишине раздался звук сглатываемой Фрэнсисом слюны, и страх Мэри еще больше усилился. Викарий посматривал по сторонам, а для того, чтобы увеличился обзор, снял шляпу. Его волосы и одежда блестели от влаги, Мэри видела, как с земли поднимается влажный туман, туман, пахнувший сыростью и гнилью камыша, а впереди, преграждая им путь, катилось огромное облако тумана ночи, гигантская белая стена, которая глушила все звуки и очертания.

Фрэнсис Дэйви натянул поводья, и в ту же секунду обе лошади повиновались ему, они вздрогнули и зафыркали, а вырывающиеся из их ноздрей струйки пара сразу исчезали в тумане.

Путники смотрели перед собой, ожидая, что туман болот укатится прочь так же внезапно, как и появился, но на этот раз воздух не очистился, нити

тумана не растворились, а повисли вокруг, словно паутина.

Похожий на призрак, Фрэнсис Дэйви наклонился к девушке, и та увидела, что на его ресницы и волосы лег туман, сделав маску его лица еще более непроницаемой.

— Боги отворачиваются от меня, — сказал он. — Я знаю эти туманы давно, и это один из таких, что не уйдет несколько часов. Продолжать двигаться среди трясин еще безумнее, чем возвращаться. Мы будем ждать рассвет.

Мэри ничего не сказала, но к ней вернулась надежда на то, что теперь их след обнаружится, хотя туман помешает и погоне. Туман такой же враг охотнику, как и преследуемым.

— Где мы находимся? — спросила девушка, но Фрэнсис не ответил, а только лишь взял лошадей под уздцы и стал отводить их влево, подальше от низины, к тем местам, где мокрая трава уступила место жесткому вросшему в скалы вереску. Туман же не отступал ни на дюйм и шел за ними шаг за шагом.

— Здесь ты можешь отдохнуть, Мэри Йеллан, — сказал викарий. — Потолком тебе послужит склон пещеры, а постелью — гранит. Завтра мир снова вернется, а пока нам предстоит ночевка на Рафторе.

Лошади тяжело и медленно вскарабкивались сквозь туман на черные холмы, а Мэри поплотнее закуталась в свое пальто, прислонилась спиной к выбоине в камне, подтянула колени к подбородку и плотно обхватила их руками, но даже в таком положении сырой воздух проникал сквозь складки одежды. Над туманной мглой возвышалась зазубренная вершина холма, и облака повисли на ней плотной и непроницаемой стеной.

Ветер поглаживал камни и шелестел вереском, его дыхание, острое и холодное, как лезвие ножа, скользило по поверхности скал и завывало в пещерах; эти звуки смешивались, и в воздухе раздавался негромкий шум, похожий на шум прибора.

Затем шум ветра затих и вернулась старая мертвая тишина. Лошади стояли у валуна, прижавшись головами, и даже они беспокоились и не сводили глаз с хозяина, который сидел в нескольких ярдах от своей спутницы, Мэри чувствовала на себе его

взгляд. Наверняка, викарий взвешивает свои шансы на успех, и Мэри решила быть настороже, чтобы в случае чего суметь отразить атаку, и когда Фрэнсис поворачивал голову в ее сторону, девушка расцепляла руки, сжимала кулаки и ждала.

Викарий посоветовал ей спать, но сон этой ночью никак не хотел приходить.

Если он незаметно подкрадется к ней, она будет драться, будет драться изо всех сил, чтобы победить своего врага. Сон может овладеть ею неожиданно, прежде, чем она сама это поймет, и тогда ее горла коснутся холодные руки Фрэнсиса, а его бледное лицо будет находиться всего в нескольких дюймах от ее лица... Она увидит ореол белых волос и те ужасные вспышки, которые она уже видела раньше, появятся в пустых и невыразительных глазах. Она попала в его королевство, королевство тишины, где стенами являются гранитные пики, а потолком — белый туман. Мэри подумала, что они уже давным-давно ушли из мест человеческого обитания и этот кошмар никогда не прекратится, день никогда не настанет, так что вскоре она исчезнет, слившись воедино со своей тенью.

Фрэнсис все молчал, и в тишине снова слышался шепот ветра. Он то появлялся, то пропадал, стоя среди скал, этот новый, непонятно откуда появившийся ветер плакал и всхлипывал, словно рожденный самими скалами, он выбирался из пещер и расщелин, вздыхал и начинал рыдать, и эти звуки разносились вокруг и раздавались в тишине подобно песне хора мертвецов.

Мэри еще плотнее укуталась в пальто и натянула капюшон, чтобы не слышать этих звуков, но несмотря на это шум ветра все усиливался, сквозняк проникал в пещеру и трепал ее волосы.

Но странное дело — этот ветер вовсе не беспокоил туман и тяжелая мгла легла на землю еще плотнее, а ветер рыдал и плакал от страха, вспоминая годы отчаяния и кровопролития, и отголоски этого плача доносились до ушей Мэри, сидящей на самой вершине Рафтора, а старые боги стояли рядом с ней, запрокинув в небо свои седые головы. Мэри слышался шепот тысячи голосов и топот тысяч ног, из-под этих ног вылетали камни, а эти лица не были похожи на человеческие, они были старше, чем

время, грубые и морщинистые, как гранит, они говорили на языке, которого она не понимала, а их ноги были искривлены и походили на ноги птиц.

Они смотрели на Мэри своими окаменелыми глазами, смотрели сквозь нее, и девушка поняла, что она не больше, чем лист на ветру, летающий во все стороны без определенной цели, а эти древние исполины живут вечно, век за веком...

Они подходили все ближе к ней, по-прежнему не замечая ее, и Мэри закричала от ужаса, боясь оказаться раздавленной, закричала и вскочила на ноги, дрожа от нервного возбуждения.

Ветер стих и ее волосы лежали спокойно, рассыпанные по плечам, гранитные скалы тонули во все той же тьме, а Фрэнсис Дэйви опер подбородок на руки и наблюдал за ней.

— Ты уснула, — сказал он, но Мэри по-прежнему не могла сообразить, проснулась она или нет, и ее мозг пребывал в том состоянии, которое она не решилась бы назвать бодрствованием.

— Ты устанешь, если будешь так упорно ждать рассвета. Сейчас только полночь, и ждать придется еще очень долго. Расслабься, Мэри, и дай себе отдохнуть. Ты что, думаешь, я нападу на тебя?

— Я ничего не думаю, я просто не могу уснуть.

— Ты продрогла, камни вытягивают из тебя тепло. Здесь лучше и не тянет из расщелин — если хочешь, садись рядом со мной, и нам вместе станет теплее.

— Нет, я не замерзла.

— Я говорю так, потому что я кое-что знаю об этих ночах. Самые холодные часы будут перед рассветом, и, сидя в одиночестве, ты поступаешь неумно. Иди сюда. Мы сядем спина к спине, и если хочешь, ты сможешь поспать. Можешь мне поверить, у меня нет никакого желания даже притрагиваться к тебе.

В ответ Мэри только покачала головой и еще крепче стиснула руки. Она не могла увидеть лицо викария, потому что тот сидел в тени, но она знала, что он улыбается, посмеиваясь над ее страхами. Как всегда, он все знал и чувствовал, девушка промерзла до костей, ее тело жаждало тепла, но тем не менее, она ни за что на свете не подошла бы к Фрэнсису. Руки ее онемели, ноги ничего не чувствовали, и она

словно стала куском единого целого с гранитом, на котором лежала.

Мэри раз за разом проваливалась в облака сна, и в каждом из них появлялась гигантская фигура с белыми волосами и глазами, она тянула руки к ее горлу и что-то шептала. Она очутилась в странном мире, населенном подобиями Фрэнсиса и они не позволяли девушке вырваться из их круга. Она снова просыпалась, ощущая, что ледяной ветер гладит ее лицо, но нет, все оставалось без изменений, тьма оставалась тьмой, а туман — туманом, и проходило то всего-навсего шестьдесят секунд.

Иногда Мэри снилось, что она уже в Испании и Фрэнсис Дэйви дарит ей букет цветов с чудовищно пурпурными лепестками, она пытается отбросить их прочь, но цветы впиваются в нее словно щупальцами, тянутся к ее шее и обхватывают смертельной хваткой, а викарий улыбается своей тонкой улыбкой.

Иногда ей снилось, что они едут в маленькой и черной, как жук, карете, а стены начинают сужаться, сдавливая их вместе до тех пор, пока их тела не сплющиваются в единое целое, и они остаются лежать рядом, как два куска гранита.

Мэри снова проснулась, потому что почувствовала, как ее рта коснулись руки Фрэнсиса, но на этот раз это уже были не галлюцинации ее воспаленного мозга, а реальность. Она попыталась вырваться из хватки викария, но тот держал ее крепко и что-то хрипло шептал ей на ухо, видимо, прося не шуметь.

Фрэнсис заломил руки девушки за спину, но не зло и грубо, а с холодным обдуманном спокойствием, и связывал их ремнем. Узел получился прочным и крупным, но он совершенно не натирал кожу девушки, более того, викарий даже просунул под него свой палец для того, чтобы в этом удостовериться.

Мэри беспомощно косилась по сторонам, а Фрэнсис внимательно смотрел на нее, словно пытаясь прочесть что-то в ее мыслях.

Затем он встал, достал из кармана куртки платок, сложил его, и положив девушке на рот, завязал на ее затылке так, что ни говорить, ни кричать она уже не могла. Теперь Мэри оставалось лежать на земле и ждать, что же произойдет дальше. Когда Фрэнсис покончил со всеми предосторожностями, он помог

Мэри встать на ноги, так как предусмотрительно не связал их, и отвел ее за валун на склоне холма.

— Я сделал это, Мэри, ради нас обоих,— прошептал викарий.— Когда мы с тобой отправились в путь, я не думал, что на землю спустится туман, и если я проиграю, то только из-за этого. Прислушайся и ты поймешь, почему я тебя связал и почему твое молчание еще может нас спасти.

Они стояли на краю холма, Фрэнсис держал Мэри за руки и указывал вниз, в белую мглу.

— Слушай,— повторил он.— Ты слышишь лучше, чем я.

Мэри сообразила, что проспала дольше, чем думала, потому что тьма ушла и наступило утро. Низкие облака боролись за место на небе с оставшимся туманом, а красный свет на востоке предвещал появление бледного и ленивого солнца.

Болота же все еще были прикрыты плотным и белым одеялом тумана. Мэри посмотрела туда, куда указывал викарий, но не увидела ничего, кроме влажных стеблей вереска. Тогда она прислушалась, и ей показалось, что где-то вдалеке раздаются крики. Сначала трудно было понять, что это за звуки, потому что они казались необычно высокими и не похожими на человеческие голоса, но по мере приближения этих звуков, которые вот уже просто разрывали воздух, Фрэнсис Дэйви становился все беспокойнее. Наконец он повернулся к девушке, и она увидела, что на его ресницах и волосах все еще лежит туман.

— Ты знаешь, что это?— спросил он.

Мэри покачала головой, потому что ответить она все равно бы не смогла, кроме того раньше она никогда не слышала подобных звуков. Фрэнсис улыбнулся, и на этот раз его улыбка походила на рану, рассекшую лицо пополам.

— Я как-то слышал, но потом забыл, что сквайр Норт-Хилла держит у себя дома блаухаундов. Как это печально, Мэри, что я не вспомнил об этом раньше.

Мэри ничего не поняла, хотя какой-то странный азарт уже объял ее, и она взглянула на своего попутчика, а затем на двух тихо стоящих у каменных обломков лошадей.

— Да,— произнес Фрэнсис, перехватив ее взгляд,— мы должны отпустить их и отправить вниз,

в болота. Больше они нам ничем не помогут, а только приведут к нам всю эту свору. Бедняга Беспокойный, ты уже один раз невольно предал меня...

Мэри с болью в сердце смотрела на то, как викарий отпускает лошадей и гонит их вниз по склону холма, как он нагибается для того, чтобы подобрать камни, а затем один за другим швыряет их в животных, как те скользят и спотыкаются на мокрой траве. Но вскоре инстинкт стал повелевать их действиями, они побежали вниз, выбивая копытами камни и куски земли, и скрылись в белой мгле.

Лай собак все приближался и становился яростнее и отчетливее. Фрэнсис сдернул с себя длинное черное пальто и отбросил в сторону шляпу.

— Пойдем!— крикнул он Мэри.— Друзья мы или враги, но сейчас у нас одна общая опасность!

Они стали подниматься вверх, скользя на гранитных обломках, Фрэнсис поддерживал Мэри за плечи, потому что той мешали двигаться ее связанные руки. Они перебирались через расщелины и скалы, утопая по колено в мокрой траве и черном вереске, стараясь забраться на самую вершину Рафтора. Ближе к вершине скалы становились все громаднее, и, в конце концов, Мэри рухнула на землю, почти полностью потеряв силы. Залезший было выше Фрэнсис оглянулся, но девушка только покачала головой, показывая, что подниматься выше она просто уже не может. Викарий подбежал к ней, поднял на ноги, а затем перерезал связывающий ее руки ремень и разорвал заткнувший рот платок.

— Спасайся сама, если сможешь!— крикнул он, и на его бледном лице блеснули ярким огнем белые глаза. Мэри забралась на обломок скалы высотой где-то около десяти футов, совершенно измученная, тяжело дышащая и покрытая сочащейся из царапин кровью, а Фрэнсис поднимался все выше и выше, его белые волосы развевались порывами ветра, а тонкая темная фигура походила на прилипший к гладкой поверхности скалы одинокий кустарник.

Лай собак раздавался словно бы ниоткуда, прямо из тумана, вскоре к нему присоединились крики людей, и от этого стало еще страшнее, потому что несмотря на ужасающую какофонию звуков по-прежнему ничего не было видно. По небу лениво плыли облака, желтый свет солнца разбавлялся дыханием

тумана, который потихоньку таял и превращался в извивающиеся столбики дыма. Земля, так долго покрытая мглой, смотрела на небо, бледная, новорожденная; Мэри, посмотрев вниз, увидела черные точки потонувших в вереске людей, освещенных светом солнца, а между валунами, словно крысы, шмыгали коричневые и темно-красные собаки.

Люди бежали к вершине, и их было человек пятьдесят, они указывали на огромные обломки скал и все продвигались вперед и выше, а яростный собачий лай эхом отдавался в пещерах и визжал в расщелинах.

После того, как ушел туман, облака растаяли, и небо стало приобретать свой естественный голубой оттенок.

Кто-то громко закричал, и в пятидесяти ярдах от Мэри какой-то человек присел на колени, приложил к плечу ружье и выстрелил.

Пуля пролетела мимо гранитного валуна, не задев девушку, а когда мужчина поднялся на ноги, Мэри увидела, что это Джем и что он не замечает ее.

Джем выстрелил еще раз и теперь пуля просвистела совсем рядом, так что Мэри почувствовала, что ее лица коснулась струя воздуха.

Собаки забирались все выше и выше, и вот одна из них вскочила на зазубренный камень совсем рядом с девушкой и стала принюхиваться. И тогда Джем выстрелил еще раз, и, взглянул наверх, Мэри увидела, что высоко над ее головой на огромном обломке скалы, похожем на алтарь, стоит четко вырисованная на фоне неба высокая черная фигура Фрэнсиса Дэйви. Одно мгновение он стоял неподвижно, словно статуя, затем пошатнулся, взмахнул руками, будто пытающаяся взлететь птица, и внезапно рухнул вниз на мокрый вереск и разрушенные временем камни.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Шло начало января и дни стояли ясные и морозные. Все выбоины и корни на Большой дороге, которые обычно были на дюйм погружены в грязь или воду, теперь покрылись толстым слоем льда, так

что когда телеги проезжали по колее, раздавался громкий хруст.

Тот же самый мороз положил свою руку и на болота, и те стали белыми и безграничными, достигая горизонта и сливаясь там с чистым голубым небом. Земля затвердела, а короткая трава хрустела под ногами, словно галька. В деревне казалось, что солнце светило ярче, но тем не менее воздух все так же резал глаза и колот щеки, а земля была такой же твердой, отполированной зимой.

Мэри шла по Болоту Двенадцати и холодный ветер жег ей лицо, но девушка словно не замечала этого, она полностью была погружена в свои мысли, а думала она о том, почему это высящийся слева Килмар совсем утратил свое угрожающее величие и был не чем иным, как обыкновенным черным холмом. Должно быть, тревога и беспокойство ослепили ее, а природа по странному стечению обстоятельств смешалась с людьми, так что даже страх перед болотами был навеян ужасом перед дядей Джоссом и гостиницей «Джамайка». Да, болота по-прежнему оставались мрачны, а холмы недружелюбны, но они уже не таили в себе старой зловещей угрозы. Теперь можно было спокойно шествовать, где твоей душе угодно.

Да, теперь Мэри была свободна и гуляла, где хотела, хотя мысли все время возвращали ее к зеленым долинам юга, в Хэлфорд. Ее сердце просто разрывалось от желания вернуться домой и увидеть знакомые и добрые лица.

Там, в Хэлфорде, река бежала в море и шумно плескалась у берегов — Мэри помнила каждый звук и запах того времени, помнила все притоки реки, которые отделялись от своей матери, подобно капризным и непослушным детям, и превращались в узенькие бурлящие ручейки.

В родных и знакомых лесах летом звучала музыка шелестящих листьев, а зимой ветви покрывались снегом и стояла такая добрая тишина! Мэри соскучилась по птицам, по их простым перелетам с дерева на дерево, она скучала по привычным звукам фермы: кудахтанью кур, звонкому крику петуха, суматошному гоготанью гусей. Она скучала по густому горячему запаху хлева, хотела вновь почувствовать под своими руками теплый округлый бок коровы

и услышать звон ведер у колодца. Ей хотелось вновь выйти вечером на деревенскую улочку и желать всем проходящим спокойной ночи, а потом смотреть, как из труб начинает подниматься сизый дым. Отовсюду слышатся знакомые голоса, грубые и мягкие, откуда-то доносится смех... Да, ей опять придется заняться делами фермы, придется рано вставать и нести воду от колодца, выводить небольшое стадо, гнуть каждый день спину и считать тяжелый труд всего лишь противоядием от боли. Каждый день будет приближать время к долгожданному урожаю, и, наконец-то, в ее мыслях воцарятся мир и спокойствие. Она принадлежит земле и вернется к ней снова, она вырастет в землю, как и все ее предки. Хэлфорд дал ей жизнь, и когда она умрет, то снова станет его частью.

Одиночество ею в расчет не принималось, работающий человек не обращает внимания на одиночество и только засыпает, словно мертвый, когда кончается день. Мэри продумала все, и ее путь выглядел чистым и благоприятным. Задерживаться дольше не было смысла, и так уже прошла почти целая неделя, неделя раздумий и нерешительности, но в этот день, за обедом у Бассетов, она все же решилась. Бассеты были очень добры и просто переполнены мольбами и предложениями о том, чтобы Мэри осталась у них хотя бы до весны, она могла бы помогать в уходе за детьми и стать компаньоншей миссис Бассет. Нет, все равно рано или поздно она будет тяготиться своим положением, даже если ее и вернут на привычное для нее место прислуги.

Во время подобных бесед, которые она, впрочем, слушала вполуха, она думала о своем и только иногда вежливо отвечала на слова благодарности за все то, что она сделала некоторое время назад.

Неуклюжий и смешливый сквайр постоянно подшучивал над ней за обедом:

— Ладно-ладно, Мэри, ты можешь улыбаться сколько тебе будет угодно, но обдумать наши предложения все же должна. Ты слишком молода для того, чтобы жить одной, сама это знаешь, более того, ты слишком красива, чтобы жить одной. Твой дом — это Норт-Хилл, и ты прекрасно это знаешь, и моя жена присоединяется ко мне с просьбой о том, чтобы ты осталась. Работы у нас навалом: цветы

вокруг дома — их надо подрезать, письма — их надо писать, дети — их надо бранить. Я просто клянусь, что руки у тебя вечно будут заняты.

А в библиотеке миссис Бассет дружески клала руку на колено Мэри и говорила то же самое:

— Мы очень хотим, чтобы ты осталась у нас. Почему бы тебе не остаться? Дети просто обожают тебя, и вчера Генри сказал мне по секрету, что отдаст тебе своего пони, если ты останешься! Я уверяю тебя, это большая жертва с его стороны. Мы великолепно проведем время, без ссор и забот, и ты будешь моей компаньоншей. Ты что, все еще думаешь о своем доме в Хэлфорде?

Мэри снова улыбалась и говорила слова благодарности, но миссис Бассет, конечно же, не могла понять, что для нее значил Хэлфорд.

Бассеты все еще думали о том, что невзгоды последних месяцев крепко держат Мэри в своих объятиях и постоянной заботой пытались помочь ей забыть их, но так как дом Бассетов был открыт для всего Норт-Хилла, все соседи на много миль вокруг имели только лишь одну тему для разговоров, и сотни раз мистер Бассет рассказывал эту историю всем желающим. Для Мэри же названия Алтарнун и гостиница «Джамайка» вызывали отвращение и она хотела поскорее избавиться от них.

Да, это было еще одной причиной для отъезда — она стала объектом любопытства и обсуждения: Бассеты с нескрываемой гордостью показывали ее своим друзьям как героиню недавних событий.

Мэри старалась быть благодарной, но все же ясно понимала, что слишком уж они разные люди, и жизнь у них все же совершенно разная. Мэри уважала и даже любила их, но все же это была любовь признательности, а не сердца, и это все время ей мешало.

По доброте душевной Бассеты все время старались вовлечь девушку в разговор, особенно в тех случаях, когда собиралась компания, но Мэри, наоборот, чувствовала себя очень стесненной и втайне мечтала о тишине своей спальни или о кухне, на которой она смогла бы спокойно посидеть в обществе краснощекой жены конюха Ричардса.

А сквайр, который постоянно находился в великолепном расположении духа, давал Мэри советы

и смеялся после каждого произнесенного слова:

— Теперь в Алтарнуне появилась вакансия. Хочешь стать священником, Мэри? Я прикажу, и ты станешь викарием, причем гораздо лучшим, чем последний, — и Мэри должна была улыбаться, а в глубине души размышлять над тем, насколько все же может быть глуп человек.

— Да, теперь в гостинице «Джамайка» не будет контрабандных товаров, — продолжал сквайр, — не будет там и пьянства. Я вычищу этот дом от всей тамошней паутины, и больше в этих стенах не появится ни браконьер, ни цыган, потому что там буду я сам. Я поставлю туда честного парня, который никогда в жизни не нюхал бренди, и он будет носить чистый фартук, а над воротами повесит вывеску со словами «Добро пожаловать». И ты знаешь, Мэри, кто первым отзовется на это приглашение? Ты права, ты да я! — и сквайр хохотал во все горло и хлопал себя по бедрам, а Мэри из последних сил силилась изобразить улыбку, хотя и понимала, что глупее шутки придумать невозможно.

Все это вспомнилось девушке, когда она шла по Болоту Двенадцати и думала о том, что должна поскорее уйти из Норт-Хилла, потому что живущие там люди — не ее люди, и только среди лесов и рек Хэлфорда она сможет обрести мир и спокойствие.

Она заметила, что со стороны Килмара к ней приближается телега, трясущаяся и подпрыгивающая, словно заяц, и во всей молчаливой долине это была единственная движущаяся точка. Мэри пристально взгляделась в ее сторону: на этих болотах не было домов вплоть до долины Уитти-брук, исключая Треуорта, а Треуорта, насколько она знала, стоит пустой. Ее хозяйина она не видела с тех самых пор, как он стрелял на Рафторе в Дэйви. «Он неблагодарный мерзавец, как и вся его семья, — сказал про него сквайр. — Для меня лучше бы было, если бы он оказался в тюрьме, причем осудить его надо на большой срок, для того чтобы он успел поправить свой характер. Я прижал его, и он уступил моему нажиму. Да, он помог нам, выследив Мэри и этого черного подлеца, но все равно это не поможет ему очистить свое имя, так что пускай убирается на край света. Там еще никогда не было Мерлинов и поэтому дела идут нормально, так что пусть убирается

туда!» Поэтому Треуорта стояла опустевшей, а лошади спокойно бегали по болотам.

Телега приближалась, и Мэри приложила к глазам руку для того, чтобы защититься от солнечного света и рассмотреть едущего. В повозке находился странный груз: горшки и кастрюли, матрасы и ящики, а также прочая утварь. Кто-то вез за своей спиной весь свой дом. Но даже тогда, когда Мэри узнала человека, который шел рядом с телегой, она не подала виду до тех пор, пока тот не поравнялся с ней. Он приветственно помахал рукой, Мэри подошла поближе, стараясь сохранить на своем лице выражение полнейшего равнодушия, и потрепала лошадь по шее, а Джем тем временем подложил под колесо телеги камешек.

— Тебе уже лучше? — спросил он. — Я слышал, что ты заболела и лежала в постели.

— Твои сведения неверны, — ответила Мэри. — Я была в Норт-Хилле и все время находилась на ногах, и меня не поразило ничего, разве что некоторое отвращение к соседям.

— Еще я слышал, что ты остаешься там как компаньонша миссис Бассет. Наверное, это больше походит на правду. Что ж, можно сказать, что тебя ожидает легкая жизнь. Несомненно, когда вы сойдетесь поближе, они полюбят тебя, как родную.

— Ко мне и так никто в Корнуэлле не относился лучше с тех пор, как умерла моя мать, и это очень важно для меня. Но все-таки твои сведения неверны и я не остаюсь в Норт-Хилле.

— Вот как, не остаешься?

— Нет. Я возвращаюсь домой, в Хэлфорд.

— А что ты там будешь делать?

— Попробую поднять ферму или просто заработать, потому что денег у меня совсем нет, зато есть друзья дома и поначалу они мне помогут.

— А где ты будешь жить?

— Сейчас в деревне нет дома, который я могла бы назвать своим, если ты имеешь в виду это. Пока буду жить у кого-нибудь из соседей.

— У меня никогда не было соседей, поэтому я ничего не могу тебе посоветовать, но лично для меня жизнь в деревне — это все равно, что жизнь в коробке. Каждый сует нос в твои ворота или во двор соседа; не дай Бог, если твоя картошка чуть-

чуть крупнее, чем соседская, тогда только и будет разговоров на эту тему, а если ты готовишь на ужин зайца, то принохивается уже полдеревни. К черту, Мэри, это не жизнь!

Мэри рассмеялась, заметив, как нос Джема сморщился от отвращения, а затем кинула взгляд на его телегу, нагруженную всяческим бараклом.

— Куда это ты собрался? — спросила она.

— Я тоже ненавижу своих соседей, как и ты. Я хочу убраться подальше от этого запаха торфяных болот и того вида на Килмар, потому что его мерзкая вершина висит надо мной от рассвета до заката. Мой дом едет вместе со мной, все, что я имею, находится в этой телеге, так что я отправляюсь, куда глаза глядят. Я брожу с детства и нигде не могу остановиться, мне нигде не нравится, поэтому я могу сказать с уверенностью, что умру где-нибудь в дороге. Дорога — единственное, что мне нравится.

— В скитаниях нет мира и спокойствия, Джем. Небеса знают, что и сама жизнь — довольно длинное путешествие, даже если с тобой и нет поклажи. Настанет время, и тебе захочется осесть на земле, иметь четыре стены и крышу над головой — место, где смогут отдохнуть твои усталые кости.

— Мне принадлежит вся страна, Мэри, небо — моя крыша, а земля — постель. Ты меня не поймешь, ты женщина и твой дом — твое королевство, где все должно быть тебе знакомо. Я так никогда не жил и жить не собираюсь. Одну ночь я сплю на холмах, а другую — в городе. Я люблю следовать за своей судьбой туда-сюда в компании с незнакомцами и с попутчиками вместо друзей. Сегодня я встретил по дороге человека и иду с ним час или год, а завтра мы снова расходимся. Так что с тобой мы говорим на разных языках.

Мэри снова потрепала жаркую и влажную шею лошади, а Джем наблюдал за ней с еле заметной улыбкой на губах.

— А куда ты едешь сейчас? — спросила девушка.

— Куда-нибудь к востоку от Тэймара, мне все равно. Я больше не вернусь на запад, ни сейчас, ни в старости, я забуду все. Наверное, я поеду на север, за Гуннислэйк, а то куда-нибудь в центр страны. Там живут богато, и человек, который ищет свою судьбу, может найти ее именно там. Возможно, я набью

свои карманы деньгами и смогу покупать своих любимых лошадей вместо того, чтобы красть их.

— В центре страны земля черная и грубая.

— Меня не беспокоит цвет. Торф на болотах ведь тоже черный, не так ли? А какого цвета дождь, льющийся на твой Хэлфорд? Какая разница...

— Ты просто так говоришь, Джем, я знаю, что ты так не думаешь.

— А о чем мне думать? Сейчас ты стоишь рядом с моей лошастью и твои лохматые волосы спускались с ее гривой. Через десять минут я буду вон за тем холмом глядеть в сторону Тэймара, а ты пойдешь назад в Норт-Хилл пить чай с Бассетами...

— Тогда отложи свое путешествие, и пойдём в Норт-Хилл вместе.

— Да ты просто сумасшедшая, Мэри, ты что, думаешь, что я смогу пить чай со сквайром и танцевать вприсядку с его детьми? Я им не ровня, да и ты тоже.

— Я это знаю, поэтому и возвращаюсь в Хэлфорд. Хочу домой, Джем, хочу увидеть свою реку и пройти по своей земле.

— Тогда иди. Куда проще, надо просто сделать шаг в сторону, через десять минут ты дойдешь до дороги, которая приведет тебя в Бодмин, из Бодмина в Труро, а из Труро — в Хэлстон. В Хэлстоне ты встретишь своих друзей и будешь жить с ними до тех пор, пока не успокоишь свою душу.

— Сегодня ты особенно груб и жесток.

— Я и со своими лошадьми груб в тех случаях, когда они не слушаются меня, но это не значит, что я их люблю меньше.

— Да ты никого в своей жизни не любил.

— Я просто не люблю этого слова, вот и все. Джем выбил из-под колеса камешек.

— Что ты делаешь? — спросила Мэри.

— Уже полдень, и я хочу выехать на дорогу. Я и так задержался. Если бы ты была мужчиной, я бы предложил тебе отправиться со мной, ты бы села на козлы и засунула руки в карманы, и мы могли бы ехать рядом сколько пожелаем...

— Я бы поехала с тобой, если бы ты ехал на юг.

— Да, но я отправляюсь на север, и ты не мужчина, ты всего лишь женщина и по опыту знаешь, что

такое ехать со мной. Отойди в сторону, Мэри, и отпусти поводья. Мне пора ехать. Прощай.

Джем подошел к Мэри и поцеловал ее. Девушка увидела, что он улыбается.

— Когда ты будешь старушкой вязать варежки там, в Хэлфорде, ты вспомнишь это, — сказал он. — Это останется с тобой до конца дней. «Он крал лошадей, — скажешь ты себе, — и он не уважал женщин, но если бы не моя гордость, я была бы сейчас рядом с ним».

Джем вскочил на козлы, взял в руки кнут и зевнул.

— До ночи мне надо пройти пятьдесят миль, а ночью я усну, словно мертвец, в своей палатке возле дороги. Я зажгу костер, зажарю себе на ужин бекон. Ты будешь вспоминать обо мне или нет?

Но Мэри не слышала этих слов, она сжимала пальцы и смотрела на юг. Там, за холмами и серыми болотами лежали долины и пастбища, там ее ждал мир и покой Хэлфорда.

— Это не гордость, — сказала она. — Ты знаешь, что это не гордость. Я просто до боли в сердце хочу вернуться домой, вернуться к тому, что я потеряла.

Джем лишь натянул поводья и присвистнул.

— Подожди, — сказала Мэри. — Дай мне руку.

Джем отложил кнут, наклонился к Мэри и помог забраться ей на козлы.

— И что теперь? — спросил он. — Куда же хочешь отправиться? В Хэлфорд?

— Да, я очень хочу вернуться в Хэлфорд...

— Но если ты поедешь со мной, тебя ждет трудная жизнь, Мэри, жизнь без отдыха и уюта. Мужчины плохие попутчики, а я худший из них. Ты этим выбором навсегда лишишься своей фермы и своего желанного покоя.

— Я рискую. Попробую изменить твой характер.

— Ты любишь меня, Мэри?

— Думаю, что так, Джем.

— Больше, чем Хэлфорд?

— На этот вопрос я не смогу ответить.

— Зачем же ты тогда села рядом со мной?

— Потому что я так хочу, потому что это место, где я хочу быть. Я хочу быть рядом с тобой.

Джем рассмеялся, взял руку девушки и вложил в нее поводья, а Мэри больше не поворачивалась назад, устремив свой взор в сторону Тэймара.

РАССКАЗЫ

ПТИЦЫ

В ночь на третье декабря ветер переменялся и наступила зима. До этого осень стояла на редкость мягкая и теплая: на деревьях все еще держались листья, а живые изгороди так и не пожелтели. Земля там, где ее взрыхлил плуг, была жирная и черная.

Нат Хокен, как инвалид войны, получал пенсию и работал с неполной нагрузкой. Он приходил на ферму три раза в неделю, и ему давали работу полегче — поставить изгородь, подлатать крышу, отремонтировать хозяйственные постройки.

Хотя он был человек семейный, по складу своему он был скорее нелюдим и больше всего любил работать в одиночку. Он бывал доволен, если ему поручали укрепить земляную насыпь или починить калитку в дальнем конце мыса, где море с двух сторон омывало территорию фермы. В полдень он обычно прерывал работу, съедал пирог, испеченный женой, и сидел какое-то время на краю обрывистого берега, наблюдая за птицами. Осень для этого самое благодарное время, лучше, чем весна. Весной птицы улетали на материк, организованно и целеустремленно; они знали, куда летят, ритм и весь ритуал их жизни не допускал промедлений. Осенью птиц, которые не улетали за море и оставались зимовать, обуревала та же безудержная жажда перемещения в пространстве, но, поскольку улетать им не полагалось, они утоляли эту жажду по-своему. Огромными стаями собирались они на полуострове, непоседливые и беспокойные, и растрачивали себя в движении: то кружили и носились в небе, то садились покормиться на жирной свежевспаханной земле, но

клевали как-то неохотно, будто не испытывали голода. И тут же беспокойство снова гнало их ввысь.

Черные и белые, галки и чайки, объединившись в этом странном товариществе, они искали какого-то освобождения — но так и не находили его, так и не могли успокоиться. Стаи скворцов с шелковистым шелестом перелетали с места на место, подгоняемые все той же жаждой движения, а птицы помельче, зяблики и жаворонки, как заведенные перепархивали с деревьев на изгородь.

Нат внимательно наблюдал и за ними, и за морскими птицами. Внизу, на заливе, они ждали, когда спадет вода. У этих птиц было больше терпения. Кулики-сороки, песочники, травники, кроншнепы подолгу сидели у самой кромки воды, но, как только ленивое море отступало, насытив влагой берег и обнажив полосу морской травы и переворошенной гальки, они начинали суетиться и бегать по песку. Потом та же жажда полета толкала их ввысь. С шумом, гомоном, свистом, почти задевая крыльями морскую гладь, они покидали берег. Быстрее, еще быстрее, вперед, вперед — но куда? зачем? Не дающий покоя зов осени, тревожный и печальный, закодировывал их, заставлял собираться в стаи, кружить и кричать; им надо было растратить весь свой запас энергии до того, как наступит зима.

Сидя у края обрыва и дожевывая пирог, Нат думал о том, что, быть может, осенью птицы получают некий знак, предупреждение. Надвигается зима. Многим из них суждено погибнуть. И они ведут себя совсем как люди, которые в предчувствии близкой смерти с головой уходят в работу или кидаются в разгул.

В эту осень птицы вели себя как никогда спокойно, их возбуждение было особенно заметно, потому что дни стояли тихие. Когда на западных склонах работал трактор, то по временам он полностью скрывался из виду, вместе с силуэтом фермера за рулем, в туче орущих, кружащихся птиц. Их было непривычно много — Нат не мог этого не заметить. Осенью птицы всегда летали за плугом, но не такими огромными стаями, не с таким гамом.

Нат сказал об этом фермеру, мистеру Тригу, когда управился с изгородью.

— Да, птиц нынче много, я и сам вижу, — ото-

звался фермер, — некоторые совсем обнаглели, даже трактора не боятся. Сегодня пара чаек пролетела у меня прямо над головой, чуть шапку не сбили! Я вообще работал почти вслепую — над головой чайки, в глаза солнце бьет. Должно быть, к перемене погоды. Зима будет нынче суровая. Вот птицы и сходят с ума.

Шагая домой через поле, а потом вдоль дороги, обсаженной деревьями, Нат видел в догорающих лучах солнца птичьи стаи над западными холмами. Ветра не было; свинцовое море с высокой водой казалось неподвижным. В живых изгородах еще цвел лихонос, воздух был теплый. Но фермер оказался прав: ночью погода переменялась.

Спальня в доме у Ната выходила окнами на восток. Он проснулся в третьем часу ночи и услышал, как завывает в дымоходе ветер. Это не был порывистый юго-западный ветер, который приносит дождь; это был восточный ветер, сухой и холодный. Он глухо гудел в трубе, и на кровле брякала отставшая шиферная плитка. Нат прислушался, и до него донесся рев волн, бушевавших в заливе. В маленькой спальне стало холодно — на кровать из-под двери дуло. Нат плотнее закутался в одеяло и прижался к спине спящей жены, но не заснул, а лежал, напрягая слух, полный беспричинных тревожных предчувствий.

Вдруг раздался негромкий стук в окно. Было похоже, что по стеклу стучит обломок какого-то засохшего вьющегося растения, но на стенах у них ничего не росло. Он прислушался — стук продолжался. Раздосадованный, он вылез из постели и пошел к окну. Когда он поднял раму, что-то мазнуло его по пальцам, ткнулось в руку, оцарапав кожу. Мелькнули крылья и тут же исчезли, рванувшись через крышу за дом.

Это была птица, но какая, он не разобрал. Должно быть, ветер загнал ее сюда, на подоконник.

Он закрыл окно и снова лег, но почувствовал на пальцах что-то мокрое и, поднеся руку к губам, понял, что это кровь. Это птица поранила его в темноте; наверно, испугалась, сама не знала, что делает. Он улегся поудобнее, пытаясь уснуть.

Вскоре снова раздался стук, на этот раз более

энергичный, более настойчивый, и, потревоженная им, проснулась жена.

— Нат, посмотри, что там такое. Окно дребезжит.

— Я уже смотрел. Там птица, просится в дом. Слышишь, какой ветер? Он дует с востока и гонит птиц — вот они ищут, где бы схорониться.

— Прогони их прочь. Я не могу спать при таком шуме.

Он второй раз подошел к окну и, открыв его, увидел на подоконнике уже не одну птицу, а целых полдюжины, и все они ринулись на него, норовя клюнуть в лицо.

Он вскрикнул и стал отбиваться от них руками. Как и первая птица, они взмыли над крышей и исчезли. Он быстро опустил окно и защелкнул задвижку.

— Смотри, что делается, — сказал он. — Они на меня набросились! Могли глаза выклевать!

Он стоял у окна и всматривался в темноту, но ничего не видел. Жена, еще не совсем проснувшись, что-то недоверчиво пробормотала.

— Я не выдумываю, — сказал он, рассердившись. — Я тебе говорю — птицы сидели на подоконнике, просились в дом.

Неожиданно из комнаты в конце коридора, где спали их двое детей, донесся испуганный крик.

— Это Джил, — сказала жена. От крика она окончательно проснулась и села в постели. — Пойди к ним, узнай, что случилось.

Нат зажег свечу, но, когда он открыл дверь в коридор, сквозняк задул ее.

Снова раздался крик ужаса — на этот раз дети кричали оба, и, вбежав в комнату, Нат услышал в темноте хлопанье крыльев. Окно было раскрыто. Через него влетали птицы, ударялись с налету о потолок и стены, но тут же поворачивали к детским кроваткам.

— Не бойтесь, я здесь! — крикнул Нат, и дети с плачем кинулись к отцу, а птицы в темноте взлетали к потолку и пикировали вниз, целясь в них.

— Что там, Нат? Что случилось? — услышал он голос жены из спальни. Он поскорее вытолкнул детей в коридор и захлопнул дверь, оставшись с птицами один на один.

Он сорвал одеяло с ближайшей кровати и начал

размахивать им над головой. Он слышал хлопанье крыльев, шмяканье птичьих тел, но птицы не отступали, они нападали снова и снова, они клевали его в руки, в голову, их разящие клювы кололи, как острые вилки. Одеяло теперь превратилось в орудие защиты. Он обмотал им голову и, не видя уже ничего, молотил по птицам голыми руками. Подобраться к двери и открыть ее он не решался из страха, что птицы полетят следом.

Он не знал, сколько времени бился с ними в темноте, но в конце концов почувствовал, как хлопанье крыльев вокруг постепенно стихает; наконец оно прекратилось совсем, и сквозь одеяло он разглядел, что в комнате стало светлей. Он ждал, слушал — нигде ни звука, только кто-то из детей хныкал в спальне. Свист и шелест крыльев прекратились.

Он стащил с головы одеяло и огляделся. В комнату просачивался холодный, серый утренний свет. Живые птицы улетели через открытое окно, мертвые лежали на полу. Нат глядел на них со стыдом и ужасом: все мелюзга, ни одной крупной птицы, и погибло их не меньше полусотни. Малиновки, зяблики, воробьи, синички, жаворонки, юрки — эти птахи по законам природы всегда держались каждая своей стаей, своих привычных мест, и вот теперь, объединившись в ратном пылу, они нашли свою смерть — разбились о стены или погибли от его руки. Многие во время битвы потеряли перья, у многих клювы были в крови — в его крови.

Чувствуя подступающую дурноту, Нат подошел к окну и поглядел на поля, начинавшиеся сразу за их огородом.

Было очень холодно, и земля почернела и затвердела. Это был не белый мороз, не иней, который так весело сверкает в утренних лучах, а мороз бесснежный, черный, каким сковывает землю восточный ветер. Море, еще сильнее разбушевавшееся с началом прилива, все в гребнях белой пены, яростно билось о берег. Птиц видно не было. Ни один воробьишка не чирикал в садовой изгороди; даже самые ранние птахи, рыжие и черные дрозды, не рылись в земле в поисках червяков. Не было слышно ни звука, кроме шума ветра и моря.

Нат закрыл окно и, затворив за собой дверь детской, пошел в спальню. Жена сидела на кровати,

возле нее спала старшая девочка, а младшего, с забинтованным лицом, она держала на руках. Шторы на окнах были плотно задернуты, горели свечи. Лицо жены в желтом свете поразило его своей бледностью. Она сделала ему знак молчать.

— Уснул, — прошептала она, — только что. Он чем-то поранился, под глазом ссадина. Джил говорит, это птицы. Говорит, она проснулась, а в комнате полно птиц.

Жена смотрела на него, ища в его лице подтверждения. Вид у нее был испуганный и растерянный, и ему не хотелось, чтобы она видела, что он тоже потрясен, сбит с толку событиями последних часов.

— Там, в детской, птицы, — сказал он, — мертвые птицы, примерно с полсотни. Малиновки, крапивники, разные мелкие местные птички. Они все будто с ума посходили от этого ветра. — Он опустился на кровать рядом с женой и взял ее за руку. — Дело в погоде. Все, наверно, из-за этой ужасной погоды. Может, и птицы не здешние. Их сюда пригнало откуда-то.

— Погода-то переменялась только ночью, — прошептала жена. — Снега еще нет, что их могло пригнать? И голодать они пока не голодают. В полях хватает корма.

— Да нет, это погода, — повторил Нат. — Поверь мне, это все из-за погоды.

Лицо у него, как и у нее, было утомленное и осунувшееся. Какое-то время они молча глядели друг на друга.

— Пойду вниз, приготовлю чай, — сказал он.

Вид кухни его успокоил. Чашки с блюдцами, аккуратно расставленные на буфетных полках, стол, стулья, вязанье жены на ее плетеном кресле, детские игрушки в угловом шкафчике.

Он опустился на колени, выгреб прогоревшие угли и заново разжег плиту. Зрелище дружно занявшихся щепок вернуло чувство равновесия, а закипающий на огне чайник и другой, коричневый, для заварки — ощущение уюта и надежности. Он напился чаю сам и отнес чашку жене. Потом умылся в закутке за кухней и, натянув сапоги, отворил наружную дверь.

Небо было тяжелое, свинцово-серое, а бурные холмы, еще день назад блестящие на солнце, теперь

казались почти черными и мертвыми. Восточный ветер оголил деревья как бритвой, и каждый его порыв вздымал в воздух опавшую листву, сухую и ломкую. Нат потопал по земле сапогом — земля была скована холодом. Он еще не видывал такой резкой, внезапной перемены. Черная, бесснежная зима сошла на землю в одну ночь.

Наверху проснулись дети. Джил что-то говорила без умолку, а маленький Джонни снова плакал. Нат слышал, как жена их утешает, уговаривает. Вскоре все спустились вниз. У него был готов для них завтрак, день входил в привычную колею.

— Папа, ты прогнал птиц? — спросила Джил. Она совсем успокоилась, увидав огонь в очаге, дневной свет за окном и завтрак на столе.

— Да, да, они все улетели, — ответил Нат. — Их напугал восточный ветер. Они растерялись, сбились с пути, искали, где бы укрыться.

— Они на нас набросились, — сказала Джил, — хотели Джонни глаза выклевать.

— Это они со страху, — сказал Нат. — В комнате было темно, они не понимали, что к чему.

— Хорошо бы они больше не прилетали, — сказала Джил. — А то давай накрошим им хлеба на подоконник, может, они склюют его и улетят.

Она кончила завтракать и пошла за пальто и школьной сумкой. Нат молчал, но жена поглядела на него со значением. Они поняли друг друга без слов.

— Пойду провожу ее до автобуса, — сказал он. — Сегодня на ферму мне не надо.

И пока Джил мыла руки, он сказал жене:

— Держи все окна закрытыми и двери тоже, на всякий случай. Я загляну на ферму. Узнаю, не слышали ли они там чего ночью.

Он пошел вместе с дочерью к проезжей дороге. Девочка, очевидно, успела забыть о ночном происшествии и бежала вприпрыжку впереди, наперегонки с сухими листьями; личико ее под островерхим капюшоном покраснелось от холода.

— Пап, а снег скоро пойдет? — спросила она. — Уже ведь холодно!

Он взглянул на бесцветное небо, чувствуя спиной пронизывающий ветер.

— Нет, снега пока не предвидится. Это бес-
снежная зима, черная.

Пока они шли, он все время искал глазами птиц в живых изгородях, оглядывал поля, высматривал их в лесочке над фермой, где обычно собирались грачи и галки. Птиц нигде не было.

Жившие поблизости дети уже толпились на автобусной остановке, все закутанные, в капюшонах, как Джил, с бледными, заочеченными лицами.

Джил побежала к ним, выкрикивая на бегу:

— Мой папа говорит — снега не будет! Будет черная зима!

О птицах она не сказала ни слова и сразу же затеяла игру с другой девочкой — обе принялись бороться и толкать друг дружку. Наконец показался автобус, он поднимался в гору, покачиваясь с боку на бок. Нат подождал, пока дочка села, потом повернул обратно и пошел по дороге к ферме. У него был свободный день, но ему хотелось удостовериться, что там все в порядке. Джим, работник, смотревший за коровами, громыхал чем-то во дворе.

— Хозяин дома? — спросил Нат.

— На рынок уехал. Сегодня вторник.

Грохоча сапогами, Джим ушел за сарай. У него не было времени стоять да разговоры разговаривать. Умничает он больно, этот Нат. Все книжки, говорят, читает.

Нат и в самом деле забыл, что сегодня вторник. Да, ночные события порядком выбили его из колеи. Он подошел к заднему крыльцу и сразу же услышал, как миссис Триг что-то напевает на кухне под аккомпанемент радио.

— Вы дома, хозяйюшка? — спросил он.

Миссис Триг появилась в дверях — крупная, добродушная, с неизменной улыбкой.

— Добрый день, мистер Хокен. Может, вы мне объясните, откуда этот холод? Из России, что ли? Никогда бы не подумала, что холода могут ударить так внезапно. И дальше будет холодать, по радио сказали. Что-то там делается за Полярным кругом.

— Мы еще сегодня не включали радио, — сказал Нат. — Ночь была беспокойная.

— Что-нибудь с ребятишками?

— Нет, нет. — Он не знал, как ей объяснить.

Сейчас, при свете дня, рассказ о ночном сражении с птицами, конечно, должен звучать дико.

Он попытался рассказать, как было дело, но по глазам миссис Триг понял, что она считает его историю плодом дурного сна.

— Вы уверены, что птицы были настоящие, всамделишные? — спросила она, улыбаясь. — С перьями, со всем, что положено? А не такие, какие могут привидеться кой-кому в субботний вечер, когда питейные заведения уже закрыты?

— Миссис Триг, — сказал Нат, — у нас в детской на полу полсотни мертвых птиц. Самых разных — малиновки, крапивники, кого там только нет. Они и на меня напали, и Джонни чуть глаза не выклевали.

Миссис Триг посмотрела на него с сомнением.

— Ну что ж, всякое бывает, — сказала она, — при такой-то погоде. А если уж они залетели в дом, то, наверно, совсем сбились с толку. Может, это птицы откуда-нибудь издалека, из-за этого самого Полярного круга?

— Нет, птицы местные, самые обычные.

— Странное дело, — сказала миссис Триг, — просто не знаю, что и думать. Вам надо все это описать и послать в «Гардиан». Они уж найдут что ответить. Ну, мне пора, дела ждут.

Она кивнула ему, улыбнулась и ушла обратно в кухню.

Нат, не удовлетворенный разговором, пошагал прочь. Если бы не мертвые птицы на полу — их еще надо собрать и закопать где-нибудь, — он и сам бы принял всю историю за выдумку.

У калитки стоял Джим.

— С птицами неприятностей не было? — спросил Нат.

— С птицами? С какими птицами?

— На нас прошлой ночью птицы напали. Целая стая. Залетели в спальню к детям. Странные птицы, прямо кровожадные какие-то.

— Вот как? — До Джима все доходило невероятно медленно. — Никогда не слыхал, чтоб птицы были кровожадные, — наконец сказал он. — Ручные — это да, это бывает. Прямо на окна прилетают за крошками.

— Те птицы были далеко не ручные.

— Вот как? Может, они замерзли? Или голодные были? Вы им крошек насыпьте.

Джима вся эта история интересовала ничуть не больше, чем миссис Триг. Как воздушные налеты во время войны, подумал Нат. Здесь, в этой части Англии, никто и не подозревал, сколько пришлось переживать и испытать жителям того же Плимута. Чтобы что-то тебя затронуло по-настоящему, нужно самому это пережить.

Он направился к дому — прошел вдоль аллеи, перебрался через перелаз.

На кухне он застал жену и Джонни.

— Ну что, видел кого-нибудь? — спросила жена.

— Говорил с миссис Триг и с Джимом. По-моему, они мне не поверили. Но у них все в порядке.

— Ты бы унес этих птиц, — сказала жена. — Я хотела постели застелить, но я туда войти не могу. Страшно.

— Теперь-то бояться нечего. Они мертвые

Нат поднялся наверх с мешком и покидал в него, один за другим, все птичьи трупы. Их было ровно пятьдесят. Самые обычные пташки, сплошная мелочь, даже ни одного дрозда. Только страх мог вызвать такую агрессивность. Синички, крапивники — неужели их крохотные клювы вонзались ночью с такой яростью в его лицо и руки? Трудно поверить. Он отнес мешок в сад, и тут встала новая проблема — земля так затвердела от холода, что копать ее было невозможно. Землю намертво сковало стужей, но снега при этом не было; да и вообще за последние часы не произошло ничего особенного — разве что задул восточный ветер. Все это было странно, необъяснимо. Предсказатели погоды, должно быть, правы — похолодание каким-то образом связано с Полярным кругом.

Ветер пронизывал его до костей, пока он стоял в нерешительности с мешком в руках. Внизу, в заливе, бушевали волны — были отчетливо видны их пенистые гребни. Он решил отнести птиц на берег и там закопать.

Когда он добрался до мыса, ветер задул так свирепо, что он едва мог устоять на ногах. Ему было больно дышать, голые руки посинели. Он никогда не испытывал такого холода, не помнил такой стужи — даже в самые суровые зимы. Был отлив. Хрустя

галькой, он прошел туда, где песок был порыхлее, повернулся спиной к ветру и стал копать каблуками яму. Но как только он опорожнил мешок, налетевший вихрь подхватил мертвых птиц, поднял их в воздух, понес вдоль пляжа и в считанные секунды разбросал и развеял, как перышки. В этом зрелище было что-то отталкивающее. Ему стало не по себе. «Когда начнется прилив, вода их унесет», — решил он.

Он перевел взгляд на море, всматриваясь в белопенные зеленые буруны. Они вздымались отвесной стеной, закручивались и снова разбивались; грохот волн, ослабленный расстоянием, казался не таким оглушительным, как во время прилива.

И вдруг он увидел их. Чайки! Они качались на волнах вдали от берега.

То, что он поначалу принял за буруны, были белые чайки. Сотни, тысячи, десятки тысяч... Они поднимались и падали вместе с волнами, держа головы по ветру, будто мощная боевая флотилия, бросившая якорь в ожидании прилива. Чайки заполняли все видимое пространство. Они двигались развернутым строем, бесконечными, тесно сомкнутыми рядами, колонна за колонной. Будь на море штиль, они покрыли бы белым облаком весь залив, голова к голове, тело к телу. И только восточный ветер, нагонявший высокие волны, по временам скрывал их от глаз.

Нат повернулся, пошел прочь от берега и по крутой тропке стал подниматься к дому. Надо срочно кому-то сообщить, кого-то предупредить. Погода тому виной или восточный ветер, только творится что-то непонятное. Может, пойти к телефонной будке у автобусной остановки и позвонить в полицию? Но что они могут сделать? Что вообще можно сделать? Ну, он скажет, что в заливе собрались сотни, тысячи чаек, потому что их пригнал туда шторм или голод. В полиции решат, что он пьяный или сумасшедший, или, что еще хуже, выслушают с полнейшим равнодушием: «Спасибо. Нам об этом уже доложили. Действительно, из-за неблагоприятных погодных условий в окрестностях скопилось большое количество птиц». Нат огляделся по сторонам. Других птиц пока видно не было. Может, все они откуда-то из глубины страны, всех гонит холод?

Жена встретила его у порога.

— Нат, объявили по радио! Только что передавали специальный выпуск новостей. Я записала.

— Что объявили по радио?

— Насчет птиц. Они не только у нас, они повсюду. В Лондоне, по всей стране. На птиц что-то нашло.

Они вместе прошли на кухню. Он прочел то, что жена записала на клочке бумаги.

«Сообщение Министерства внутренних дел от 11 часов утра. С начала дня ежечасно поступают сведения о том, что в городах, деревнях и отдаленных районах страны огромными стаями собираются птицы. Они создают помехи движению транспорта, причиняют разрушения и даже нападают на людей. Предполагается, что арктические воздушные потоки, в зоне которых в настоящее время находятся Британские острова, заставляют птиц массами перемещаться на юг; сильный голод, по всей видимости, вынуждает их нападать на людей. Предупреждаем владельцев домов: плотно закройте окна и двери, проверьте дымоходы и примите необходимые меры, с тем чтобы обеспечить безопасность ваших детей. Ждите дальнейших сообщений».

Ната вдруг охватило непонятное возбуждение. Он торжествующе взглянул на жену.

— Ну вот, что я тебе говорил? Надеюсь, на ферме тоже слушают радио. Миссис Триг теперь убедится, что я ничего не сочинил. Все так и есть. Они повсюду. Недаром я с утра себе твержу, что тут что-то неладно. И сейчас, с берега, я видел в море чайек — там тысячи, десятки тысяч чайек, вплотную друг к дружке, булавку между ними не просунуть, — качаются себе на волнах, точно чего-то ждут.

— Чего ждут, Нат? — спросила жена.

Он пристально посмотрел на нее, потом снова на клочок бумаги.

— Не знаю, — выговорил он наконец. — Здесь сказано про сильный голод...

Он подошел к ящику, где хранил молоток и инструменты.

— Что ты хочешь делать, Нат?

— Забить окна, перекрыть дымоходы, как велят.

— Ты думаешь, птицы смогут пробраться в дом,

если окна просто закрыть? Воробьи, малиновки и прочая мелочь? Каким образом?

Он не ответил. Сейчас он думал не о воробьях и малиновках. Он думал о чайках...

Он поднялся наверх и работал не покладая рук всю первую половину дня — забил досками окна в спальнях, заделал основание дымоходов. Хорошо еще, что у него выходной и что он не занят на ферме. Работа с молотком и гвоздями напомнила ему давние времена, самое начало войны. Он тогда еще не был женат, жил у матери в Плимуте, и когда ввели затемнение, сколотил для всех окон ставни. И бомбоубежище соорудил. Правда, пользы от него оказалось немного, когда начались налеты. Интересно, примут ли фермер с женой хотя бы такие простые меры предосторожности? Вряд ли, не похоже на них. Беззаботные они люди. Могут просто посмеяться, и все. Уедут на танцы или отправятся к соседям в карты играть.

— Обед готов! — крикнула из кухни жена.

— Слышу, сейчас спущусь!

Он был доволен своей работой — щиты отлично легли на окна, распорки прочно встали в основание дымоходов.

После обеда, когда жена мыла посуду, Нат включил радио, чтобы послушать известия, передающиеся в час дня. Сперва повторили утреннее сообщение — то, которое записала жена, — но в сводке новостей появились дополнительные подробности. «Стаи птиц нарушили привычный распорядок во всех районах страны, — объявил диктор. — В Лондоне в десять часов утра птицы закрыли небо так плотно, что могло показаться, будто над городом нависла гигантская черная туча. Птицы рассаживались на шпилях, на оконных карнизах, на дымоходах. Преобладающие породы — дрозд черный, дрозд обыкновенный, домовый воробей; кроме того, что естественно для столицы, в большом количестве представлены голуби и скворцы и, конечно, завсегдатай лондонской Темзы — чайка черноголовая. Зрелище было столь поразительное, что на главных магистралях остановилось уличное движение, лавки и конторы опустели, а тротуары и мостовые были запружены толпами любопытствующих».

За этим последовало описание имевших место

инцидентов; еще раз было сказано, что наиболее вероятная причина этого явления — голод и стужа; напоследок диктор повторил предупреждение владельцам домов. Голос у него был спокойный, слегка надменный. У Ната создалось впечатление, что уж он-то, во всяком случае, излагает все происходящее не всерьез, словно речь идет о каком-то затянувшемся розыгрыше. И таких, как он, много, таких сотни — и никто не в состоянии представить себе, что значит сражаться в крошечной тьме с тучей птиц. Сегодня вечером в Лондоне наверняка устроят народное гулянье, наподобие тех, что бывают в день выборов. Люди будут толпиться на улице, шуметь, хохотать, напиваться. «Птиц-то сколько! Пошли посмотрим!»

Он выключил радио и принялся за окна на кухне. Жена молча наблюдала; маленький Джонни вертелся у ее ног.

— Нат, а здесь-то доски зачем? — спросила она. — Теперь придется зажигать свечи чуть ли не в два часа дня. И вообще я не понимаю, какой толк в этих досках.

— Лучше перестраховаться, чем потом локти кусать, — ответил Нат. — Не хочу рисковать.

— Куда смотрят власти? — сказала жена. — Надо было вызвать войска и начать отстреливать птиц. Живо бы их распугали.

— Ну, допустим. А как, по-твоему, это сделать?

— Посылают же войска в доки, когда докеры бастуют. Бросают солдат на разгрузку судов.

— Верно, — сказал Нат, — только в Лондоне восемь миллионов жителей или даже больше. А сколько всяких зданий, жилых домов, особняков! Это сколько же нужно солдат — отстреливать птиц со всех крыш?

— Не знаю, но что-то надо делать. Власти должны что-то предпринять.

Нат подумал про себя, что власти, наверно, как раз сейчас ломают голову в поисках выхода, но как бы они ни решили действовать в Лондоне и других больших городах, здесь, за три сотни миль от столицы, это людям не поможет. Каждый хозяин должен сам побеспокоиться о собственном доме.

— А как у нас со съестным? — спросил он.

— Господи, Нат, что еще тебе придет в голову?

— Не спорь. Какие есть припасы?

— Завтра среда, наш закупочный день, ты сам знаешь. Я не держу ничего лишнего в сыром виде, все ведь портится. Мясник приедет только послезавтра. Но я могу что-нибудь мясное привезти и завтра из города.

Нат не хотел пугать жену понапрасну, но сам подумал, что намеченная на завтра поездка в город вряд ли состоится. Он заглянул в кладовую и заодно в буфет, где жена держала банки с консервами. Хлеба было маловато.

— Ну а с хлебом что?

— И булочник будет завтра.

Муки тоже было немного. Впрочем, хватит испечь буханку хлеба, если булочник завтра не приедет.

— В старое время мы б забот не знали, — сказал Нат. — Женщины пекли хлеб два раза в неделю, сами рыбу солили, и в доме всегда были запасы еды. Семья могла бы выдержать осаду, если б понадобилось.

— Я пробовала давать детям рыбные консервы, им не понравилось, — сказала жена.

Нат продолжал забивать досками кухонные окна. И вдруг вспомнил: свечи! Свечи тоже были на исходе. Завтра надо бы и свечей докупить. Но ничего не попишешь. Сегодня нужно лечь пораньше. Если, конечно...

Он встал, прошел через заднее крыльцо в огород и поглядел на море. Солнце весь день не показывалось, и теперь, хотя было всего три часа, вокруг сгустилась мгла, небо было тяжелое, мрачное, бесцветное, как соль. Он слышал, как волны злобно барабанят о скалы. Он пошел вниз по тропке к берегу и на полдороге вдруг замер. Был прилив; вода уже стояла высоко. Прибрежные скалы, утром еще обнаженные, теперь полностью скрылись под водой, но Нат смотрел сейчас не на море. Он смотрел на чаек. Чайки все снялись с места. Сотни, тысячи их кружили над водой, напрягая крылья, борясь с ветром. Чайки затмили небо — потому и стемнело вокруг. Они летали молча, не издавая ни звука. Они парили, кружили, взмывали вверх и падали, меряясь силами с ветром.

Нат повернулся и бегом бросился к дому.

— Я пошел за Джил, — сказал он жене. — Хочу встретить ее на остановке.

— Что случилось? — спросила жена. — На тебе лица нет.

— Не выпускай Джонни из дому. И запри дверь. И лучше задерни шторы и зажги свечи.

— Но ведь только три часа дня!

— Неважно. Делай, как я сказал.

Он заглянул под навес у заднего крыльца, где держал огородный инвентарь. Подходящего мало. Лопата слишком тяжелая, вилы не годятся. Он взял мотыгу — ее, по крайней мере, легко нести.

Он обогнул дом и пошел к автобусной остановке, то и дело оглядываясь через плечо на море. Чайки поднялись выше и теперь описывали большие, более широкие круги — их огромные соединения выстраивались в небе в боевом порядке.

Нат прибавил шаг. Он знал, что автобус доберется до вершины холма не раньше четырех, но все равно спешил. На пути он никого, к счастью, не встретил — не то время, чтобы стоять и ласы точить.

Он дошел до остановки и принялся ждать. Конечно, он напрасно спешил — до автобуса оставалось добрых полчаса. Он потопал ногами, чтобы согреться, подул на заочечневшие руки. Вдали перед ним простирались меловые горы, чистые и белые на фоне мрачного блеклого неба. Неожиданно из-за гор поднялось что-то черное, как мазок сажи; потом пятно стало разрастаться, приобрело объем и превратилось в тучу, которая тут же распалась на части, поплывшие на север, на запад, на восток и на юг; и это были вовсе не тучи: это были птицы. Нат следил за их движением по небу, и, когда одна стая пролетала над ним на высоте двух или трех сотен футов, он понял по их скорости, что они направляются от побережья в глубь страны и что им нет дела до людей здесь, на полуострове. Это были грачи, вороны, галки, сороки, сойки — птицы, которые не прочь поживиться другими, более мелкими пташками; но сегодня они имели в виду добычу совсем иного рода.

«Им поручены города, — подумал Нат. — Они четко знают, что им надо делать. Им наплевать на нас. С нами расправятся чайки. А эти летят в города».

Он вошел в телефонную будку и снял трубку. Достаточно, если ему ответит коммутатор. Там уж передадут кому нужно.

— Я звоню с шоссе, от автобусной остановки, — начал он. — Хочу сообщить, что мимо меня летят огромные полчища птиц. Чайки тоже скапливаются в заливе.

— Ясно, — ответил женский голос, усталый, безразличный.

— Могу я быть уверен, что вы передадите мое сообщение куда полагается?

— Да, да, конечно. — На этот раз в голосе явно звучали раздраженные нотки. Затем послышались короткие гудки.

«Такая же, как все, — подумал Нат, — ни до чего нет дела. Может, ей целый день звонят, надоедают. А ей охота вечером пойти в кино. Повиснет на каком-нибудь парне и будет ахать: «Ты только посмотри, сколько птиц!» Ничем такую не проймешь...»

Автобус, пыхтя, подкатил к остановке. Джил прыгнула на землю, за ней еще трое или четверо ребят. Автобус тут же двинулся дальше, в сторону города.

— Пап, а это для чего?

Ребятишки со смехом окружили его, показывая пальцами на мотыгу.

— Просто так взял, на всякий случай, — сказал он. — Ну, а теперь по домам. Сегодня холодно, нечего болтаться на улице. Ну-ка, живенько! Я постою, пока вы пробежите через поле, погляжу, кто из вас быстрее бегают.

Он обращался к детям, которые жили в поселке, в муниципальных домах. Наискосок, через поле, туда было ближе.

— Мы хотели немножко поиграть по дороге, — заявил один мальчик.

— Никаких игр. Марш по домам, а не то я вашим мамам нажалуюсь.

Дети пошептались, поглядывая на него круглыми удивленными глазами, а потом стремглав помчались через поле. Джил смотрела на отца, недовольно надув губы.

— Мы всегда играем по дороге из школы, — сказала она.

— Только не сегодня. Сегодня игры отменяются. Идем скорей, не будем время терять.

Он теперь ясно видел чаек — они держали курс на сушу, кружили над полями, все так же молча, так же беззвучно.

— Пап, погляди туда. Смотри, сколько чаек!

— Я вижу. Давай скорее!

— А куда это они? Куда они летят?

— В глубь страны, наверно. Ищут, где теплее. Он схватил ее за руку и потащил за собой.

— Пап, не так быстро, я не поспеваю.

Чайки проделали то же, что до них грачи и вороны: они развернулись строем по небу, разделились на четыре многотысячных отряда и двинулись на север, юг, восток и запад.

— Пап, что это? Что чайки делают?

В отличие от галок и ворон чайки, разделившись, еще продолжали кружить и не торопились набирать высоту, будто ждали какого-то сигнала. Как будто окончательное решение еще не принято. Еще не сформулирован приказ.

— Хочешь, я тебя понесу, Джил? Давай-ка забирайся ко мне на спину.

Он надеялся, что так будет быстрее, но не рассчитал — Джил была тяжелая, все время сползала вниз. При этом она еще и плакала. Ей переданся отцовский страх, предчувствие опасности.

— Противные чайки! Пускай улетают. Смотри, они совсем низко!

Он поставил девочку на землю и перешел на бег, таща ее за собой. На повороте у фермы он увидел, что мистер Триг выкатывает из гаража машину. Нат окликнул его:

— Не подбросите нас до дому?

— Что это вдруг?

Фермер повернулся на сиденье и удивленно уставился на них. Затем его веселая румяная физиономия расплылась в улыбке.

— Похоже, скоро начнется забава, — сказал он. — Видели чаек? Мы с Джимом хотим их немного пощелкать. Все свихнулись на этих птицах, только о них и говорят. Слышал, что они вас ночью навестили. Могу одолжить ружье.

Нат отрицательно покачал головой. Фермерская малолитражка была загружена до предела. Места

хватило бы только для Джил, и то если посадить ее на пустые канистры на заднем сиденье.

— Ружья мне не надо, но вы бы меня очень выручили, если б подвезли Джил. Она боится птиц.

Он говорил отрывисто и быстро — не хотел вдаваться в объяснения при ребенке.

— Хорошо, — сказал фермер, — я ее отвезу. Не хотите, значит, участвовать в нашей охоте? А зря! Мы им покажем! Перья полетят — будь здоров!

Джил уселась в машину, и фермер, развернувшись, покатил по дороге. Нат пошел следом. Триг просто спятил! Что значит какое-то ружье против целого неба птиц?

Теперь, когда ему больше не надо было беспокоиться за Джил, он мог как следует оглядеться. Чайки все еще кружили над полями. В основном это были серебристые чайки, но среди них было и немало черноголовых. Обычно эти две породы держатся врозь, но нынче что-то их объединило. Что-то свело их вместе, и свело не случайно. Он слышал, что черноголовки нападают на птиц помельче, а бывает, и на новорожденных ягнят. Своими глазами ему, правда, ничего такого видеть не приходилось. Но сейчас, глядя на небо, он это вспомнил. Чайки определенно держали курс на ферму. Они кружили гораздо ниже, и черноголовые были впереди. Черноголовые возглавляли атаку. Значит, их цель — ферма. Туда они и летят.

Нат прибавил шаг. Он видел, как фермерская машина отъехала от дома и повернула ему навстречу. Поравнявшись с ним, фермер рывком затормозил.

— Девочка уже на месте, — сказал он. — Мать ее поджидала. Ну, как вам все это нравится? В городе ходят слухи, что это русские виноваты. Окормили птиц какой-то отравой.

— Каким образом?

— Почему я знаю! Кто-то сболтнет — и пошло. Ну что, не надумали присоединиться к нашей охотничьей партии?

— Нет, я домой. Жена будет волноваться.

— Хозяйка моя считает, что в охоте был бы смысл, если б чаек можно было есть, — сказал Триг. — Мы бы их тогда жарили, пекли, мариновали... Вот погодите, выпущу несколько обойм в эту нечисть — только пух и перья полетят.

— А вы окна забили? — спросил Нат.

— Еще чего! Чушь это все. По радио любят запугивать. У меня и так дел неупророт, не хватало еще с окнами возиться.

— На вашем месте я бы заколотил.

— Да бросьте! Совсем вас застращали. Хотите — приезжайте ночевать.

— Большое спасибо, мы уж как-нибудь дома.

— Ну, тогда пока. Увидимся утром. Зажарим на завтрак пару чаек.

Триг ухмыльнулся и свернул к воротам фермы.

Нат пошел быстрым шагом. Он миновал рожицу, старый амбар; теперь перелаз — и до дома останется пройти последний отрезок поля.

Перебираясь через изгородь, он услышал свист крыльев: прямо на него спикировала черноголовая чайка, промахнулась, развернулась на лету, взмыла вверх и снова спикировала. В мгновение ока к ней присоединились еще чайки — шесть, семь, двенадцать, серебристые и черноголовые вперемешку. Он бросил мотыгу. Все равно толку от нее никакого. Прикрывая голову руками, он бросился к дому. Чайки не отставали и продолжали атаковать его сверху, по-прежнему молча; в тишине раздавалось только хлопанье крыльев. Свирепых, безжалостных крыльев. Он чувствовал, как кровь течет у него по пальцам, по запястьям, по шее. Твердые клювы били сверху наотмашь, раздирая плоть. Только бы уберечь глаза. Остальное неважно. Только бы спасти от них глаза. Они еще не научились вцепляться намертво, рвать одежду, обрушиваться всем скопом на голову, на спину. Но они смелели с каждой новой атакой. И действовали они отчаянно и безоглядно, не щадя себя. Многие, если им случалось спикировать слишком низко и промахнуться, ударялись о землю, разбивались вдреизг, ломали себе кости. На бегу Нат то и дело спотыкался об искалеченных чаек и отшвыривал их ногой.

Кое-как он добрался до двери и стал барабанить в нее окровавленными руками. Из-за досок на окнах казалось, что в доме темно. Кругом была темнота.

— Открой! — крикнул он. — Это я! Открой!

Он старался перекричать шум хлопающих крыльев.

И в эту секунду он увидел над собой баклана,

изготовившегося к броску. Чайки кружили, улетали, боролись с ветром, и только баклан висел в небе неподвижно. Один-единственный баклан — прямо у Ната над головой. Внезапно он прижал крылья к телу и камнем пошел вниз. Нат закричал, и дверь, по счастью, распахнулась. Он едва успел переступить через порог — жена всей тяжестью налегла на дверь.

И тут же они услышали, как со стуком ударился о землю баклан.

Жена промыла и перевязала ему раны. Они оказались не особенно глубокими. Больше всего пострадали кисти рук и запястья. Не будь на нем шапки, чайки б добрались и до головы. Ну а баклан... баклан мог бы запросто пробить ему череп.

Дети, как и следовало ожидать, подняли рев, когда увидели, что у отца руки в крови.

Он попытался их успокоить:

— Все в порядке, мне совсем не больно. Ранки пустяковые. Джил, поиграй с Джонни, пока мама промывает мне царапины.

Он притворил дверь из кухни, чтобы не пугать детей. Лицо у жены было пепельно-серое. Она открыла кран над раковиной.

— Я их видела, — прошептала она. — Они как раз стали сбиваться в кучу, когда мистер Триг привез Джил. И я так крепко захлопнула дверь, что ее заклинило. Потому и не могла тебе сразу открыть.

— Слава богу, они караулили меня. С Джил они бы справились в два счета. Тут хватило бы и одной птицы.

Они шептались, как заговорщики, чтобы дети не слышали, пока жена бинтовала ему руки и шею.

— Они летят в глубь страны, — сказал он. — Их тысячи. Грачи, вороны, все крупные птицы. Я видел их, пока ждал на остановке. Они нацелились на города.

— Для чего, Нат?

— Добычи ищут. Сперва будут нападать на людей на улице. Потом попробуют проникнуть в дома через окна и дымоходы.

— Но почему власти ничего не предпринимают?

Почему не высылают войска, пулеметы, хоть что-нибудь?

— Еще не успели. Никто ведь к этому не был готов. Послушаем, что скажут в шесть часов, в известиях.

Нат прошел на кухню, за ним следом жена. Джонни мирно играл на полу. Зато Джил была явно встревожена.

— Там птицы, — сказала она. — Пап, послушай!

Нат прислушался. Из-за окон и двери доносились приглушенные звуки. Шорох крыльев, скрип когтей, скребущих по дереву, пытающихся отыскать лазейку в дом. Звук трущихся друг о друга птичьих тел, толкотня на подоконниках. И по временам резкий, отчетливый стук, когда какая-нибудь незадачливая птица со всего маху ударялась об землю.

«Сколько-то их расшибется насмерть, — подумал он. — Но, к сожалению, малая часть. Малая часть».

— Все в порядке, Джил, — произнес он вслух. — Окна я крепко заколотил. Птицам сюда хода нет.

Он снова тщательно проверил окна. Сработано на совесть. Все щели законопачены, но можно попытаться еще кое-что сделать, чтоб была стопроцентная гарантия. Он принес клинышки, полоски старой жести, деревяшки, металлические планки и стал прибивать их по бокам, чтобы доски держались надежнее. Стук молотка немного заглушил птичью возню, все это царапанье, шарканье и самый зловещий звук — больше всего он боялся, что его услышат жена или дети: треск стекла под ударами клювов.

— Включи-ка радио, — сказал он жене. — Послушаем, что там передают.

Радио тоже должно помочь заглушить наружные звуки. Он пошел наверх и принялся тем же способом укреплять окна в спальне и в детской. Теперь он слышал, что творится на крыше, слышал скрежет птичьих когтей, суетливые перебежки.

Он решил, что ночевать всем надо в кухне — матрасы можно снести вниз и положить прямо на полу. И огонь в плите не гасить. Он сомневался в дымоходах верхнего этажа. Доски, которыми он забил основания, могли не выдержать. А в кухне всю ночь будет гореть огонь, так спокойней. Хорошо бы преподнести это в какой-нибудь шутливой форме. Сказать детям, что он придумал разбить по-

ходный лагерь, как в лесу. И если случится самое худшее и птицы проникнут в дом через верхние дымоходы, то из спален им не так-то просто будет выбраться. На то, чтобы пробиться сквозь двери, понадобится много часов, а то и дней. Там, наверху, они никому не смогут причинить вреда. Оказавшись взаперти в таком множестве, они неминуемо задохнутся и погибнут.

Он начал перетаскивать вниз матрасы. При виде их глаза жены тревожно расширились: она подумала, что птицы уже наверху.

— Ну вот, полный порядок, — сказал он. — Сегодня будем все спать в кухне. У огня уютней. Кроме того, здесь не слышно, как эти дурацкие птицы скребутся в окна.

Он позвал детей помочь ему переставить мебель и на всякий случай с помощью жены пододвинул к окну кухонный буфет. Буфет встал хорошо. Лишняя гарантия. На освободившееся место у стены теперь можно положить рядом матрасы.

«Мы здесь в относительной безопасности, — подумал он. — Уютно и надежно, как в бомбоубежище. Правда, с едой плоховато. Продуктов и угля для плиты хватит на два-три дня, не больше. А к тому времени...»

Но что толку загадывать наперед? Еще надо послушать, что объявят по радио. Должны они как-то проинструктировать людей. И тут, в довершение всего, он осознал, что в эфире звучит только музыка. Музыка вместо постоянной детской передачи, которая идет в это время. Он взглянул на шкалу приемника. Настроено верно, на лондонское радиовещание. Танцевальные записи! Он щелкнул ручкой и переключился на развлекательную программу. То же самое. И тогда он вдруг понял, в чем дело. Все обычные передачи отменены. Такое бывает только в исключительных случаях. В день всеобщих выборов, например. Он попытался вспомнить, как было в войну, во время массированных налетов на Лондон, и тут же сообразил, что центральная радиостанция находилась тогда не в Лондоне. Передачи транслировались из какого-то временного центра. «Пожалуй, здесь мы в лучшем положении, — подумал он. — Здесь, на кухне, когда окна и двери забиты

досками, надежней, чем в городах. Надо благодарить бога, что мы не в городе».

В шесть часов музыка прекратилась. Раздался сигнал точного времени. Он должен послушать известия, даже если они перепугают детей. Сигналы смолкли, наступила пауза. Потом заговорил диктор. Голос у него был торжественный и серьезный. Со всем не то что днем.

«Говорит Лондон. Сегодня в четыре часа дня в стране объявлено чрезвычайное положение. Принимаются шаги для спасения жизни и имущества граждан. Однако на их немедленный эффект рассчитывать нельзя ввиду непредвиденного и беспрецедентного характера данного кризиса. Всем домовладельцам предлагается принять срочные меры к тому, чтобы обезопасить свое жилище, а жильцы многоквартирных домов должны объединиться и сделать все от них зависящее, чтобы исключить всякий доступ внутрь. Сегодня вечером категорически воспрещается покидать пределы домов и находиться на улицах, на проезжих дорогах или где бы то ни было вне закрытых помещений. Птицы большими стаями нападают на всех, кто оказывается в их поле зрения, и уже начали осаждать дома. Только при соблюдении должных мер безопасности жилища могут остаться недоступными для птиц. Просьба к населению сохранять спокойствие и не поддаваться панике. Ввиду исключительности создавшегося положения все станции прекращают свои передачи до семи часов утра».

Затем сыграли государственный гимн. Больше ждать было нечего. Нат выключил приемник. Он взглянул на жену, она на него.

— Папа, про что они? — спросила Джил. — Что это они говорили в новостях?

— Говорили, что сегодня больше не будет передач, — сказал Нат. — Там, на радио, какая-то авария.

— Из-за птиц? — спросила Джил. — Это птицы что-то повредили?

— Нет, просто все там очень заняты. А от птиц, конечно, много вреда, особенно в городах, надо поскорей от них избавиться. Ничего, один вечер обойдемся без радио.

— Хорошо бы у нас был патефон, — сказала Джил. — Все-таки лучше, чем совсем ничего.

Она не сводила глаз с буфета, которым были за-баррикадированы окна. Несмотря на все старания, невозможно было не слышать непрерывного постукивания, шуршания, назойливого шелеста и хлопанья крыльев.

— Давайте сегодня поужинаем пораньше, — сказал Нат. — Приготовим что-нибудь вкусненькое. Попросим маму. Пускай сделает что-нибудь, что мы все любим. Гренки с сыром — идет?

Он подмигнул жене, незаметно сделав ей знак. Ему хотелось, чтобы с лица Джил сошло выражение страха и тревожного ожидания.

Он помогал готовить ужин и при этом напевал, насвистывал, нарочно громко гремел посудой, и ему показалось, что шарканье и стук стали тише, звучали не так настойчиво. Потом он поднялся наверх и прислушался, но на этот раз не услышал суеты и толкотни на крыше.

«Тоже небось соображают, — подумал он. — Понимают, что сюда им не пробиться. Наверно, отправились в другое место. Зачем на нас зря тратить время?»

Ужин прошел спокойно, без происшествий, и только потом, когда они убирали со стола, они услышали новый, рокочущий звук, издавна хорошо знакомый.

Жена повернулась к нему, ее лицо вспыхнуло радостью.

— Самолеты! — сказала она. — Они выслали против птиц самолеты. Я все время говорила, что они должны это сделать. Теперь птицам конец. Это ведь стреляют из орудий? Ты слышишь?

Возможно, это и была орудийная пальба — где-то далеко в море. Трудно сказать. Тяжелые морские орудия могли бы дать результат вдали от берега, но сейчас чайки не в море, а на суше. Кто же станет обстреливать берег, рисковать жизнью населения?

— Какое счастье — слышать самолеты, правда? — сказала жена.

Джил, которой передалось радостное возбуждение матери, стала вместе с Джонни подпрыгивать на месте:

— Самолеты прогонят птиц! Самолеты их всех убьют!

И тут они услышали взрыв — примерно милях

в двух, за ним второй, третий. Рокот моторов начал удаляться; самолеты уходили в сторону моря.

— Что это? — спросила жена. — Они сбросили бомбы на птиц?

— Не знаю, — ответил Нат. — Не думаю.

Он не хотел говорить ей, что взрыв, который они слышали, — это крушение самолета. Значит, власти попытались выслать воздушную разведку; неужели там никто не понимает, что эта затея — чистое самоубийство? Что может самолет против птиц, бросающихся, как смертники, на пропеллеры, на фюзеляж? Может только сам рухнуть вниз. И если эти попытки делаются по всей стране, то во сколько жизней они обойдутся? Не иначе, как там, наверху, кто-то окончательно потерял голову.

— А где самолеты, пап? — спросила Джил.

— Улетели обратно на базу. Ну, а теперь живо спать!

Пока жена отвлеклась на свои привычные дела — раздевала детей у огня, стелила им простынки, укладывала, — он еще раз обошел дом и удостоверился, что щели повсюду плотно заделаны. Рокота самолетов не было слышно, орудийная пальба на море тоже прекратилась. «Пустая трата сил, — подумал Нат. — Много ли их можно уничтожить таким путем? Ценой человеческих жизней! Правда, есть еще газ. Может, они попробуют распылять иприт, горчичный газ? Людей, конечно, предупредят заранее. Ясно одно: над этим сегодня бьются лучшие головы страны».

Эта мысль его немного успокоила. Он живо представил себе, как ученых, натуралистов, технических специалистов — словом, всех тех, кого называют «мозговой трест», срочно собирают на совет; наверно, они уже взялись за работу. Решить такую проблему не под силу ни правительству, ни штабным начальникам — тут уж ученым карты в руки, пусть они распоряжаются.

«Только действовать придется без жалости, — подумал он. — Придется рисковать людскими жизнями, если они пустят в ход газ, и там, где всего тяжелее, потерь будет больше. Пострадают и скот, и земля... Все будет заражено. Главное — не началась бы паника. Если люди начнут паниковать, терять голову... Правильно радио предупредило».

Наверху, в спальнях, все было тихо. Ни скрежета, ни стука в окно. Затишье в ходе битвы. Перегруппировка сил. Так это, кажется, называлось в сводках военных лет? Ветер, однако, не успокоился. Нат слышал гул ветра в дымоходах, слышал, как море бьется о берег. Скоро начнется отлив. А может, дело в приливах и отливах? Может, затишье наступило как раз в связи с отливом? Птицы подчиняются какому-то закону — и, наверно, свою роль тут играет восточный ветер и чередование приливов и отливов.

Он поглядел на часы. Было около восьми вечера. Пик последнего прилива миновал час назад. Этим и объяснялось затишье: птицы переходили в наступление только во время прилива. Вдали от моря, в центре страны, такой зависимости могло и не быть, но здесь, на побережье, судя по всему, закон действовал четко. Он мысленно подсчитал, сколько у них в запасе времени. Шесть часов до следующей атаки. Как только начнется новый прилив, примерно в час двадцать ночи, птицы вернутся...

Он мог сделать одно из двух. Первое — дать всем отдых, себе, жене, детям, поспать сколько удастся, до часу, до двух. Второе — сходить посмотреть, как дела на ферме, узнать, работает ли там телефон, и, если да, попробовать еще раз соединиться с коммутатором.

Он тихонько окликнул жену, которая как раз кончила укладывать детей. Она поднялась вверх на несколько ступенек, и он шепотом стал с ней советоваться.

— Ты не должен никуда уходить, — сказала она сразу же. — Ты не можешь уйти и бросить меня тут одну с детьми. Я этого просто не вынесу.

В ее голосе зазвучали истерические нотки. Он стал утихомиривать ее и успокаивать.

— Ну хорошо, не волнуйся, подожду до утра. В семь мы уже будем знать сводку новостей. А утром, во время отлива, я попробую добраться до фермы, раздобуду хлеба, картошки, может, и молока.

Мозг его снова лихорадочно заработал, пытаясь предусмотреть все неожиданности. Коров на ферме вечером наверняка не подоили, и они, бедолаги, сейчас толпятся во дворе, ждут, а хозяева сидят взаперти, с забитыми окнами, как и его семейство. Конечно, если они успели принять необходимые ме-

ры. Он вспомнил, как мистер Триг улыбался ему из машины. Да уж, сегодня им не до охоты.

Дети спали. Жена, не раздеваясь, сидела на своем матрасе. Она не сводила с него встревоженных глаз.

— Что ты собираешься делать? — спросила она шепотом.

Он сделал ей знак молчать. Крадучись, стараясь ступать неслышно, он отворил дверь из кухни и выглянул наружу.

Вокруг была крошечная тьма. Ветер с моря дул еще неистовей, налетая ледяными порывами через регулярные промежутки. Он запнулся на первой же ступеньке, шагнув через порог. Там грудой лежали птицы. Мертвые птицы были повсюду — под окнами, у стен. Это были самоубийцы, смертники, сломавшие себе шею. Они были везде, куда ни глянь. Только мертвые — ни признака живых. Живые улетели к морю, как только начался отлив. Сейчас, наверно, чайки снова качаются на волнах, как накануне днем.

Вдали на склоне, где два дня назад работал трактор, что-то горело. Разбитый самолет. Огонь с него перекинулся на соседний стог сена.

Он глядел на трупы птиц, и ему неожиданно пришло в голову, что, если сложить их штабелем на подоконники, они послужат дополнительной защитой. Пусть небольшой, но все-таки. Нападающим птицам придется сперва расклевать и растащить эти трупы, прежде чем они смогут как-то закрепиться на карнизах и подобраться к окнам. В темноте он взялся за работу. Его подташнивало: дотрагиваться до птиц было противно. Они еще не успели остыть и были все в крови. Перья слиплись от крови. Он чувствовал, что его выворачивает, но продолжал трудиться. Он заметил, что ни одно оконное стекло не уцелело. Только доски не давали птицам прорваться в дом. Он стал затыкать кровавыми тушками дыры в разбитых стеклах.

Закончив работу, он вернулся в дом. Затем забаррикадировал двери в кухне, укрепив ее как только мог. Потом размотал бинты, на этот раз мокрые от птичьей крови, и заново перевязал руки.

Жена приготовила ему какао, и он с жадностью его выпил. Он очень устал.

— Все в порядке,— сказал он, улыбаясь.— Не волнуйся. Все еще обойдется.

Он улегся на матрас, закрыл глаза и сразу же уснул. Ему снились тревожные сны — он все время хотел ухватить какую-то ускользающую ниточку, вспомнить что-то, что упустил. Не доделал какую-то важную работу. Забыл какую-то меру предосторожности — все время о ней помнил, а потом забыл, и во сне пытался вспомнить и не мог. И почему-то все это было связано с горящим самолетом и стогом на холме. Однако он спал и спал, не просыпаясь. И только когда жена стала трясти его за плечо, он открыл глаза.

— Началось,— сказала она, всхлипнув.— Уже час как стучат. Я не могу больше их слушать одна. И еще чем-то ужасно пахнет, чем-то горелым.

И тут он вспомнил: он забыл подкинуть топлива в плиту. Она почти погасла, угли едва тлели. Он вскочил и зажег лампу. Птицы барабанили в окна и в двери, но сейчас его заботило не это. Пахло палеными перьями. Запах наполнил всю кухню. Он сразу сообразил, в чем дело. Птицы залетали в дымоход и пытались протиснуться вниз к плите.

Он взял щепок, бумаги и сунул их в топку, а затем принес бидон с керосином.

— Отойди!— крикнул он жене.— Придется рискнуть.

Он плеснул керосин в огонь. Пламя с ревом рванулось вверх, и из трубы в топку посыпались обугленные, почерневшие трупы птиц.

Дети с плачем проснулись.

— Что такое?— спросила Джил.— Почему дым?

У него не было времени ей отвечать. Он выгребал птиц, сбрасывая их прямо на пол. Пламя продолжало гудеть; была реальная опасность, что дымоход загорится, но делать было нечего. Пламя должно отогнать птиц от трубы на крыше. Вся беда в том, что нижнее колено трубы было забито тлеющими мертвыми птицами. Нат перестал прислушиваться к яростной атаке на окна и на двери — пусть бьют крыльями сколько угодно, ломают себе клювы, расшибаются насмерть. В дом им все равно не прорваться. Надо бога благодарить, что они живут в старом доме с небольшими окнами, с толстыми стенами — не то что эти новые муниципальные домишки. Как-

то там теперь люди, в этих хлипких строеньицах? Да поможет им небо...

— Перестаньте плакать!— прикрикнул он на детей.— Бояться нечего, прекратите реветь!

Он продолжал выгребать из топки обугленных, дымящихся птиц.

«Теперь им крышка,— сказал он себе,— огонь вместе с тягой сделает свое дело. Только бы дымоход не загорелся, тогда все обойдется. Убить меня мало. Я ведь собирался перед сном подкинуть угля в плиту. Знал ведь, что чего-то не доделал».

На фоне скрежета и треска расцепляемых досок вдруг привычно, по-домашнему, пробили кухонные часы. Три часа ночи. Надо вытерпеть еще часа четыре, чуть подольше. Он не мог точно высчитать пик прилива. Пожалуй, вода начнет спадать не раньше полвосьмого, без двадцати восемь.

— Разожги примус,— сказал он жене.— Вскипяти нам чаю, а детям свари какао. Что толку сидеть без дела?

Только так и надо — чем-то ее занять, детей тоже. Надо двигаться, надо есть, пить; нельзя сидеть сложа руки.

Он выжидал, стоя у плиты. Пламя постепенно затухало. Но из дымохода в топку больше ничего не падало. Он пошуровал в нем кочергой, насколько мог достать, и ничего не обнаружил. Дымоход был пуст. Он вытер пот со лба.

— Ну-ка, Джил,— велел он дочке,— собери мне щепочек. Сейчас затопим как полагается.

Но девочка не трогалась с места. Широко раскрытыми глазами она смотрела на грудку обугленных птиц.

— Не обращай внимания,— сказал он.— Я вынесу вон, когда плита разгорится как следует.

Опасность миновала. Больше ничего такого не случится, если поддерживать огонь в плите круглые сутки.

«Надо будет утром на ферме прихватить топлива,— подумал он.— Наше на исходе. Как-нибудь исхитрюсь. Хорошо бы обернуться за время отлива. Вообще надо все стараться делать во время отлива. Просто приноровиться, и все».

Они выпили чай и какао, заедая хлебом, намазан-

ным говяжьей пастой. Нат заметил — хлеба осталось всего полбуханки. Ну, не беда.

— Чего вы стучите? — маленький Джонни погрозил ложкой окну. — У, противные птицы! Не смейте стучать!

— Верно, сынок, — улыбнулся Нат. — На что они нам, эти негодяйки? Надоели!

Теперь, когда очередная птица-смертник разбивалась за окном, в доме все ликовали.

— Еще одна, пап! — кричала Джил. — Еще одной конец!

— Так ей и надо — говорил Нат, — одной бандиткой меньше.

Вот так — и только так! Если б сохранить эту бодрость, этот нужный настрой, продержаться до семи часов, когда начнут передавать новости, можно будет считать, что все идет неплохо.

— Дай-ка мне закурить, — сказал он жене. — Не так будет паленым пахнуть.

— В пачке всего две штуки, — ответила жена. — Я собиралась купить тебе сигарет в кооперативе.

— Ну, дай одну. Вторую оставим на черный день.

Укладывать детей снова не имело смысла. Они бы все равно не уснули под этот стук и скрежет. Все сидели на матрасах, сдвинув в сторону одеяла; одной рукой Нат обнимал жену, другой дочку. Джонни мать взяла на колени.

— Надо отдать должное этим тварям, — сказал Нат, — упорство у них есть. Другой на их месте давно бы устал и бросил, а эти и не думают!

Но долго хвалить птиц не пришлось. Среди постукиваний, не прекращающихся ни на минуту, его слух уловил новую резкую ноту — будто на помощь собратьям явился чей-то куда более грозный клюв. Нат попытался вспомнить, каких он знает птиц, представить себе, кто бы это мог быть. Не дятел — у дятла стук более легкий и дробный. Это птица посерьезнее. Если она будет долбить своим клювом достаточно долго, дерево не выдержит и треснет, как треснуло стекло. И тут он вспомнил: ястребы! Может, на смену чайкам прилетели ястребы? Или сарычи? И теперь сидят на карнизах и орудуют и клювом и когтями? Ястребы, сарычи, кобчики, соколы — он совсем упустил из виду хищных птиц.

Забыл, какие они сильные и кровожадные. До отлива еще целых три часа! Надо ждать — и все время слышать хруст дерева под мощными и беспощадными когтями!

Нат оглядел кухню в поисках мебели, которую можно было бы пустить на доски, чтобы дополнительно укрепить дверь. За окна он был спокоен — их загораживал буфет. Его смущала дверь. Он вошел наверх, но на площадке перед спальнями остановился и прислушался. Ему показалось, что из детской доносится постукивание птичьих лап. Значит, они уже там... Он приложил ухо к двери. Так и есть. Он слышал шелест крыльев и легкий топоток — птицы обшаривали пол. В другой спальне их пока не было. Он зашел туда, стал вытаскивать мебель и громоздить ее в кучу на лестничной площадке на случай, если дверь в детской не выдержит. Это была чистая страховка, может, и не пригодится. К сожалению, забаррикадировать дверь было нельзя — она открывалась вовнутрь. Он мог только устроить вот такое мебельное заграждение.

— Нат, спускайся вниз! Что ты там делаешь? — крикнула из кухни жена.

— Сейчас иду! Навожу порядок, — прокричал он в ответ.

Он не хотел, чтобы она поднималась, не хотел, чтобы слышала стук птичьих когтей в детской, удары крыльев о дверь.

В половине шестого он предложил позавтракать — поджарить хлеба с ветчиной, хотя бы для того, чтоб не видеть в глазах жены выражение растущей паники и успокоить начавших капризничать детей. Жена еще не знала, что наверху птицы. Спальня, к счастью, была не над кухней. Иначе было бы нельзя не услышать, как они там шумят, шуршат, долбят клювами пол. Не услышать, как падают с дурацким бессмысленным стуком птицы-самоубийцы, доблестные смертники, которые пулей влетали в комнату и расшибали голову о стены. И все, наверно, серебристые чайки. Он хорошо знал их повадки. Безмозглые существа! Черноголовки — эти знают, что делают. Как и сарычи и ястребы...

Он поймал себя на том, что смотрит на часы, следит за стрелками, которые так медленно ползли по циферблату. Если его теория неверна и птичья

атака не прекратится со спадом воды, их шансы равны нулю. Не могут они продержаться целый день без воздуха, без передышки, без запаса топлива, без чего там еще... Его мозг лихорадочно работал. Столько всего нужно, чтобы выдержать долгую осаду! Они к ней не подготовились как следует. Им еще требуется время. И в городах, наверно, все же безопаснее. Надо попробовать, когда он будет на ферме, связаться по телефону с двоюродным братом — он живет не так уж далеко. Доехать поездом... А может, удастся взять напрокат машину. Да, так быстрее — взять машину в промежуток между приливами...

Ему вдруг отчаянно захотелось спать, но голос жены, которая громко звала его по имени, вывел его из забытья.

— Что такое? Что еще? — спросил он, востроенный.

— Радио. Я смотрю на часы. Уже почти семь.

— Не трогай ручку, — сказал он, впервые с раздражением. — Настроено на Лондон. Как стоит, так и надо.

Они подождали еще. Кухонные часы пробили семь. Радио молчало. Никаких сигналов времени, никакой музыки. Они ждали до четверти восьмого, потом переключились на развлекательную программу. Результат тот же. Радио молчало.

— Вчера, наверно, объявили перерыв не до семи, а до восьми, — заметил Нат. — Мы могли услышаться.

Они оставили приемник включенным. Нат подумал о батарее, на которой работало радио: интересно, насколько ее хватит. Жена обычно отдавала ее перезарядить, когда ездила в город за покупками. Если батарея сядет, они не услышат никаких сообщений.

— Уже светает, — прошептала жена. — Хотя и не видно, но я чувствую. И птицы стали потише.

Она была права. Скребущие, скрежещущие звуки становились слабее с каждой минутой. Постепенно стихало шарканье, толкотня, борьба за место на ступеньках, на подоконниках. Начинался отлив. К восьми часам все звуки прекратились. Слышался только вой ветра. Дети, убаюканные наступившей наконец тишиной, уснули. В половине девятого Нат выключил радио.

— Что ты делаешь? Мы пропустим известия!— воскликнула жена.

— Не будет больше никаких известий,— сказал Нат.— Придется надеяться только на себя.

Он подошел к двери и принялся разбирать баррикады. Затем отодвинул засов и, отшвырнув ногой мертвых птиц, жадно вздохнул холодный свежий воздух. В запасе у него было шесть рабочих часов, и он знал, что силы надо беречь для главного и не растрачивать их попусту. Еда, свет, топливо — вот самое необходимое. Если удастся обеспечить это в нужном количестве, они продержатся и следующую ночь.

Он прошел в сад и сразу же увидел птиц. Чайки, должно быть, улетели к морю, как прежде; там во время отлива они могли вволю покормиться и покачаться на волнах, готовясь к новой атаке. Но птицы, живущие на суше, никуда не улетали. Они сидели и ждали. Повсюду — на изгородях, на земле, на деревьях, в поле — Нат видел бесчисленных неподвижно сидящих птиц.

Он дошел до конца огорода. Птицы не двигались. Они молча следили за ним.

«Я должен раздобыть съестного,— сказал он себе.— Я должен добраться до фермы и достать еды».

Он вернулся обратно, проверил все окна и двери. Потом поднялся наверх и прошел в детскую — там было пусто, только на полу валялись мертвые птицы. Живые были снаружи, в полях, на деревьях. Он спустился на кухню.

— Пойду на ферму,— сказал он.

Жена кинулась к нему и обхватила его руками. Через открытую дверь она тоже успела увидеть птиц.

— Возьми и нас,— сказала она умоляюще,— мы не можем оставаться одни. По мне, лучше умереть, чем быть тут без тебя.

Подумав, он кивнул.

— Ладно, собирайтесь. Захвати корзины и коляску Джонни. Мы ее загрузим.

Все хорошенько закутались, чтобы защититься от ледяного ветра, надели шарфы, перчатки. Жена посадила Джонни в коляску. Нат взял за руку Джил.

— Птицы,— захныкала Джил.— Там, в поле, птицы.

— Они нас не тронут,— сказал он,— сейчас светло.

Через поле они направились к перелазу. Птицы по-прежнему сидели неподвижно. Они ждали, повернув головы по ветру.

Дойдя до поворота на ферму, Нат остановился и велел жене с детьми подождать его в укрытии под изгородью.

— Но я хочу повидать миссис Триг,— запротестовала жена.— Столько всего можно у нее попросить, если они вчера ездили на рынок. Не только хлеба...

— Подожди здесь,— прервал ее Нат.— Я через пять минут вернусь.

Коровы мычали и беспокойно бродили по двору. Он заметил дыру в заборе — ее проделали овцы, чтобы проникнуть в сад перед домом; теперь все они толпились там. Ни из одной трубы не шел дым. Ната охватили страшные предчувствия. Брать на ферму жену и детей было нельзя.

— Не спорь,— сказал он жестко жене.— Делай, как тебе говорят.

Она отошла с коляской к изгороди, где можно было спрятаться от ветра.

Он пошел на ферму один. С трудом он пробрался сквозь стадо мычащих коров, которые растерянно ходили взад-вперед с переполненным выменем. У ворот он увидел машину, почему-то она была не в гараже, а на улице. Окна в доме были разбиты. Во дворе и вокруг дома валялись мертвые чайки. Другие птицы сидели на деревьях за домом и на крыше. Они сидели совершенно неподвижно. Они следили за ним.

Тело Джима он нашел во дворе — вернее, то, что от него осталось. После того как над ним поработали птицы, по нему еще прошли копытами коровы. Ружье было брошено рядом. Входная дверь была закрыта на засов, но разбитые стекла позволили ему приподнять раму и забраться внутрь. Тело Трига он обнаружил недалеко от телефона. Должно быть, он пытался соединиться с коммутатором, когда птицы его настигли. Трубка болталась на шнуре, телефонный аппарат был сорван со стены. Никаких следов

миссис Триг видно не было. Очевидно, она наверху. Есть ли смысл подниматься? Нат почувствовал дурноту — он заранее знал, какое зрелище его ожидает.

«Слава богу, хоть детей у них нет», — подумал он.

Он все же заставил себя пойти наверх, но, дойдя до середины лестницы, повернулся и стал спускаться. Он успел увидеть ноги миссис Триг. Она лежала на пороге спальни. Рядом он разглядел мертвых чаек и сломанный зонт.

«Я уже ничем не смогу им помочь, — подумал Нат. — У меня пять часов времени, даже меньше. Они меня не осудили бы. Надо еще отыскать все припасы, собрать, увезти...»

Он вернулся к тому месту, где оставил жену и детей.

— Я хочу загрузить машину, — сказал он. — Возьму уголь, запасусь керосином. Потом переправим все это домой и вернемся сюда.

— А что там Триги? — спросила жена.

— Нету их. Наверно, уехали.

— Давай я пойду с тобой и помогу.

— Не надо. Там бог знает что творится. Повсюду коровы, овцы. Подожди здесь, я пригоню машину. Вы все сможете сесть.

Он неумело дал задний ход и вывел машину со двора на дорогу. Отсюда жена и дети не могли увидеть Джима.

— Никуда не двигайтесь, — сказал он. — А коляску брось. Я ее потом привезу. Сейчас загружу машину.

Жена не сводила глаз с его лица. Он решил, что она все поняла — иначе она предложила бы помочь ему поискать у Тригов хлеб и другую провизию.

Они проделали три рейса между своим домом и фермой, прежде чем он наконец решил, что теперь все самое нужное у них есть. Его поразило, какое множество вещей оказалось вдруг необходимым. Но самое главное — обшивка для окон. Он обшарил всю ферму в поисках досок. Он хотел заменить все доски на окнах. Свечи, керосин, гвозди, консервы. Список был бесконечный. Кроме того, он успел подоить трех коров. Остальные, бедолаги, продолжали метаться по двору с жалобным мычанием.

Сделав последний рейс, он доехал до автобусной остановки, вылез из машины и зашел в телефонную

будку. Он простоял там несколько минут, нетерпеливо нажимая на рычаг. Без толку: телефон не работал, гудка не было. Он выбрал пригорок повыше и оглядел окрестность. Никаких признаков жизни, безлюдные, пустынные поля — одни птицы кругом. Птицы сидели и ждали. Некоторые даже спали, повернув набок голову, уткнувшись клювом в перья.

«Странно как они себя ведут. Хоть бы кормились, что ли, а то сидят как истуканы», — подумал он.

И вдруг его осенило: да они же сыты! Сыты по горло. Ночью наелись до отвала. Поэтому сейчас и сидят...

Над муниципальными домами не поднимался ни единый дымок. Он подумал о детях, которые вчера бежали через поле. «Надо было предвидеть, — подумал он с горечью. — Надо было забрать их с собой».

Он поднял голову к небу. Небо было серое, бесцветное. Восточный ветер оголил и пригнул к земле почерневшие деревья. И только на птиц холод не действовал; птицы сидели и ждали.

«Вот бы когда по ним стрелять, — подумал Нат. — Сейчас они отличная мишень. Взяться бы за них по всей стране! Выслать самолеты, опрыскать их ипритом... Куда они там смотрят, о чем только думают? Они-то должны знать, должны соображать!»

Он вернулся к машине и сел за руль.

— Давай проедем побыстрее, — шепнула ему жена. — Там у калитки лежит почтальон. Я не хочу, чтобы Джил видела.

Он прибавил скорость. Маленький «моррис», дребезжа и подпрыгивая, понесся по дороге. Дети завизжали от радости.

— Прыг-скок, прыг-скок! — выкрикивал со смехом Джонни.

Было без четверти час, когда они добрались до дому. Оставался всего час времени.

— Надо бы наскоро пообедать, — сказал Нат жене. — Себе и детям ты что-нибудь разогрей, может, супу из того, что привезли. У меня на еду уже нет времени. Надо скорей разгружать машину.

Он перенес все в дом. Потом можно будет постепенно разобрать. Чем-то занять руки в долгие томительные часы, которые им предстоят. Но основное сейчас — это окна и двери.

Он обошел дом и тщательнейшим образом осмот-

рел каждое окно, каждую дверь. Он даже забрался на крышу и забил досками отверстия всех дымоходов, кроме кухонного. Холод был лютый, он едва выдерживал, но дело надо было кончить. Он все время поглядывал на небо — нет ли самолетов. Но самолеты не появлялись. Орудуя молотком, он не переставал проклинать власти за бездействие.

— Вечная история, — бормотал он. — Всегда бросают в беде. Все кувырком, неразбериха с самого начала. Ни плана, ни организации. А мы здесь вообще не в счет. Что им до нашего захолустья? В городах, в центре — там да. Там уже небось и газ в ход пустили, и самолеты нашлись. А нам остается одно — сидеть и ждать, что будет.

Забив дымоходы верхнего этажа, он на минуту остановился и взглянул на море. Там вдали что-то двигалось. Что-то серо-белое мелькало среди бурунов.

— Морской флот! Вот это да! — воскликнул он. — Вот кто никогда не подведет! Они уже подходят, сейчас свернут в залив...

Напрягая до боли слезящиеся глаза, он всматривался в морскую даль. Нет, он ошибся. Это были не корабли. За флотилию он принял чаек. Чайки массами поднимались с моря. И с полей, взъерошив перья, взлетали бесчисленные стаи птиц и разворачивались в небе, крыло к крылу, сомкнутым строем.

Начинался прилив.

Нат спустился по приставной лестнице и вернулся на кухню. Жена и дети сидели за обедом. Было уже начало третьего. Он запер дверь на засов, забаррикадировал ее мебелью и зажег лампу.

— Ночь пришла! Спать пора! — сказал Джонни.

Приемник был включен, но, как и прежде, молчал.

— Я крутила, крутила, пыталась хоть за границу поймать — нигде ничего, — сказала жена.

— Может, повсюду такое же бедствие, — сказал Нат. — По всей Европе.

Она налила ему тарелку супа, привезенного с фермы, отрезала ломоть хлеба, того же происхождения, и полила его сверху мясной подливкой из собственных запасов.

Ели молча. Подливка с хлеба потекла у маленького Джонни по подбородку прямо на стол.

— Смотри, как ты ешь, Джонни!— сказала Джил.— Когда ты научишься рот вытирать?

И опять этот стук в окна и двери. Шелест, шорох, возня, борьба за место на подоконниках. И звук удара о крыльцо первой чайки-самоубийцы.

— Хоть бы Америка помогла!— сказала жена.— Американцы ведь наши союзники! Может, они что-то сделают?

Нат промолчал. Доски на окнах крепкие, на дымоходах не хуже. В доме есть запас еды, топлива, все необходимое, можно продержаться несколько дней. После обеда он разберет все, что привез, разложит по местам, рассортирует. Жена ему поможет, дети тоже. Это займет их часов до восьми, а без четверти девять начнется отлив, и тогда он велит всем лечь в постель и потеплей укрыться, чтобы спокойно поспать до трех часов утра.

Он придумал, как еще надежней укрепить окна. Надо натянуть поверх наружных досок колючую проволоку. Он захватил на ферме целый моток. Плохо только, что работать придется в темноте, когда наступит затишье, между девятью вечера и тремя часами утра. Жаль, что это пришло ему в голову так поздно. Но ничего, пока жена и дети будут спать, надо постараться это сделать.

Окна осаждали теперь птицы помельче. Он слышал дробное негромкое постукивание клювов и шелест легких крылышек. Ястребы окнами не интересовались. Их силы сейчас были брошены на дверь. И, прислушиваясь к треску расщепляемого дерева, Нат думал о том, сколько же миллионов лет в этих жалких птичьих мозгах, за разящими наотмашь клювами и острыми глазами копился всесокрушающий инстинкт ненависти, который теперь прорвался наружу и заставляет птиц истреблять род человеческий с безошибочным автоматизмом умных машин.

— Я, пожалуй, выкурю последнюю сигарету,— сказал он жене.— Такая досада — был ведь на ферме, а про сигареты не подумал.

Он достал сигарету, включил молчащее радио. Потом бросил пустую пачку в огонь и смотрел, как она горит.

ЯБЛОНЯ

Впервые он заметил это дерево, когда со дня ее смерти прошло уже месяца три. Он, конечно, видел его и раньше, знал, что оно растет у него в саду перед домом, на лужайке, полого поднимавшейся вверх, к полям. Однако до сих пор он не замечал в этой старой яблоне ничего необычного, ничего, что отличало бы ее от соседних деревьев; помнил только, что стояла она немного особняком, ближе к террасе, и была третья по счету слева.

В то погожее весеннее утро он брился, стоя у открытого окна, и, когда высунулся наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха, с намыленными щеками и бритвой в руке, его взгляд случайно задержался на старой яблоне. Может быть, весь фокус был в освещении — солнце как раз поднималось над лесом, и в его косых лучах он вдруг увидел дерево по-новому, — только сходство сразу бросилось в глаза.

Он положил бритву на подоконник и вгляделся как следует. Яблоня была чахлая, невзрачная и жалкая на вид — не то что соседние деревья, крепкие и узловатые. Ветвей было немного, и росли они ближе к верхушке, придавая дереву сходство с костлявой, узкоплечей фигурой; ветки словно зябли на свежем утреннем воздухе и старались прижаться поближе к стволу с каким-то унылым, обреченным выражением. Проволока, которой был обмотан низ ствола, напоминала болтающуюся на тощих бедрах серую юбку, а у самой верхушки, провисая под собственной тяжестью, торчала одинокая ветка, похожая на поникшую голову.

Сколько раз он видел свою жену в точно такой понурой позе! Сколько раз она вот так же останавливалась и замирала, чуть подавшись вперед и ссутулившись, — дома ли, в саду или даже в магазине, когда они ездили в город за покупками. Она показывала всем своим видом, будто жизнь к ней особенно жестока и несправедлива, будто ей, в отличие от прочих людей, от рождения суждено нести непосильную ношу, но она ее покорно тащит и до тащит до конца без единого слова жалобы. «Мидж, у тебя совершенно измученный вид, посиди, отдохни, ради бога!» Но на это она отвечала неизменным вздохом, неизменным пожиманием плеч: «За ме-

ня ведь никто не сделает» — и, с усилием распрямив спину, принималась за нескончаемый ряд утомительных и никому не нужных дел, которые выдумывала себе сама, — и так без конца, изо дня в день, из года в год.

Он не отрываясь глядел на яблоню. Ее согбенная, страдальческая поза, поникшая верхушка, уныло опущенные ветви, несколько сухих листьев, которые случайно уцелели во время зимней непогоды и теперь подрагивали под свежим весенним ветерком, как неряшливо подобранные пряди волос, — во всем этом сквозил немой укор: «Смотри, какая я — и все из-за тебя, ты совсем обо мне не думаешь!»

Он отвернулся от окна и снова начал бриться. Нет, нельзя давать волю нелепым фантазиям и вбивать себе в голову бог весть что, когда только-только начинаешь привыкать к долгожданной свободе. Он принял душ, оделся и сошел в столовую. Стол был накрыт к завтраку — на один прибор. На электрической плитке стояла сковородка с яичницей; он снял ее и перенес к столу, где его дожидался свежий, аккуратно сложенный, еще пахнущий типографской краской номер «Таймса». Когда жива была Мидж, он — по многолетней привычке — сперва передавал газету ей и после завтрака, унося «Таймс» к себе в кабинет, видел, что страницы смяты, перепутаны, сложены кое-как, и удовольствие от чтения бывало уже наполовину испорчено. И газетные новости утрачивали остроту, потому что самое интересное же на успевала прочесть за завтраком вслух, тоже по привычке, хотя ее никто не просил, да еще добавляла от себя язвительные комментарии. Если в газете сообщалось, что у кого-то, кого они знали, родилась дочь, она цокала языком и говорила, сокрушенно качая головой: «Вот не везет им, опять девочка», а если сообщалось о рождении сына, она вздыхала: «В наше время дать мальчику приличное образование... да, они с ним еще наплачутся!» Поначалу он считал, что такая неодобрительная реакция на приход в мир новой жизни психологически вполне объяснима — у них самих не было детей, но с течением времени он убедился, что точно так же она реагирует на любое приятное или радостное событие, словно радость сама по себе была в ее глазах чем-то оскорбительным и преступным.

«Тут пишут, что этим летом зарегистрировано рекордное количество отпускников. Будем надеяться, что им всем удалось хорошо отдохнуть». Но в голосе у нее звучала не надежда, а открытый скепсис. После завтрака она отодвигала стул и говорила со вздохом: «Ну, что уж тут...» — останавливаясь на полуслове; но то, как она вздыхала, как пожимала плечами, как сутулилась над столом, собирая грязную посуду — она все боялась чересчур обременять прислугу, — все эти мелочи, даже самый вид ее согнутой, тощей спины, складывались в один привычный многолетний упрек, молчаливо обращенный к нему, — упрек, который уже давно отравлял их совместное существование.

Он молча вставал и предупредительно открывал перед ней дверь на кухню, и она молча проходила мимо, сгибаясь под тяжестью подноса с посудой, хотя убирать со стола самой не было ни малейшей надобности; потом до него доносился плеск воды в мойке на кухне. Он возвращался и снова усаживался на место, глядя на прислоненную к тостеру смятую газету со следами джема, и уже в который раз в его мозгу начинал стучать вопрос: «Что я такого сделал? В чем я виноват?»

Она не ворчала, не пилила его. Избитые шутки насчет сварливых жен, как и анекдоты о тещах, — это было что-то из области дешевой эстрады. Он не помнил, чтобы Мидж когда-нибудь вспылила, повысила голос, закатила ему скандал. Однако невысказанный вечный упрек в сочетании с позой благородной, безропотной страдальцы делал атмосферу жизни в доме совершенно невыносимой, заставлял его прибегать к разным мелким уловкам и при этом испытывать постоянное чувство вины.

Бывало так, что в какое-нибудь осеннее дождливое утро он спешил уединиться у себя в кабинете, включал на полную мощность обогреватель, не спеша закуривал трубку и, дымя в свое удовольствие, усаживался за письменный стол под предлогом того, что ему надо написать какие-то письма; на самом деле ему просто хотелось спокойно побыть одному в своей собственной комнате. Но вскоре дверь приоткрывалась и в кабинет заглядывала Мидж в низко надвинутой на глаза широкополой фетровой шляпе;

натягивая дождевик, она недовольно морщила нос и замечала:

— Фу, как тут накурено, дышать невозможно!

Он ничего не говорил в ответ, только поворачивался к ней в кресле, прикрывая локтем наугад снятый с полки роман.

— Ты случайно в город не собираешься? — спрашивала она.

— Да нет, мне незачем.

— А... Ну, что уж тут... Неважно. — И она отходила от двери.

— А что такое? — спрашивал он вслед. — Тебе что-то нужно в городе?

— Надо бы рыбы к обеду купить. Ты же знаешь, по средам домой не привозят. Но раз ты занят, я как-нибудь сама. Я просто подумала...

И, не закончив фразы, исчезала.

— Мидж, постой! — окликал он ее. — Ладно, если хочешь, я сейчас выведу машину, съезжу за рыбой. Какой смысл тебе мокнуть под дождем?

Не получая ответа и думая, что она не расслышала, он выходил в холл. Она стояла у распахнутой входной двери, повесив на руку плоскую корзину, и надевала садовые перчатки. Ветер задувал в дом со двора моросивший дождь.

— Все равно уж, так и так мокнуть, — говорила она. — Надо привести в порядок цветы, подпорки укрепить, пока совсем не повалились. Управляюсь с цветами, сама съезжу.

Спорить было бесполезно. Она решила и сделает по-своему. Он захлопывал за ней дверь и возвращался в кабинет. Почему-то там казалось уже не так уютно. Через некоторое время, взглянув в окно, он видел, как она несет из сада корзинку с пожухлыми, намокшими цветами. Ему становилось отчего-то стыдно, и он наклонялся и убавлял в обогревателе жар.

А весной или летом часто бывало так, что он выходил в сад без всякой цели — просто погреться на солнышке, полюбоваться на лес, на поля, на лениво текущую реку; он прохаживался взад и вперед, сунув руки в карманы, а из окон верхнего этажа слышался пронзительный вой пылесоса. Вдруг вой со всхлипом обрывался, Мидж подходила к окну и окликала мужа:

— Ты собираешься что-нибудь делать?

Делать он ничего не собирался. Он просто вышел подышать ароматным весенним воздухом, порадоваться, что вот он уже на пенсии, не надо каждый день ездить на работу в Сити; что он волен наконец распоряжаться своим временем и тратить его на что угодно, в том числе на ничегонеделанье.

— Нет, ничего я делать не намерен, — отвечал он, — какие дела могут быть в такую погоду! А что?

— А, неважно, — говорила она, — просто я вспомнила, что сток под кухней опять не в порядке. Наверно, окончательно засорился, вода совсем не проходит. За ним все время надо следить, прочищать, а кто об этом позаботится? Придется сегодня самой заняться.

Она отходила от окна, пылесос со всхлипом взывал опять, и уборка возобновлялась. И такая вот глупость могла испортить ему настроение, омрачить целый прекрасный день! Дело было не в ее несвоевременной просьбе и даже не в самой работе: что такое прочистить засорившуюся трубу? Пара пустяков, даже весело, напоминало детство — мальчишки всегда рады повозиться в грязи. Все дело было в выражении ее лица, в том, как она смотрела из окна вниз, на залитую солнцем террасу, каким усталым жестом поправляла выбившуюся прядь волос, как по обыкновению вздыхала, прежде чем отойти от окна, ничего не сказав, но наверняка подумав про себя: «Мне вот некогда бездельничать и греться на солнышке. Ну, что уж тут...»

Один раз он решился спросить, для чего всякий раз затевать такую грандиозную уборку. Почему надо переворачивать все вверх дном? Для чего ставить стулья один на другой, скатывать ковры, собирать и составлять на газету все безделушки? И главное — к чему натирать до блеска, буквально вылизывать не только полы во всем доме, но даже деревянные панели в длинном верхнем коридоре — уж по стенкам-то никто не ходит? Он видеть не мог, как Мидж и приходящая прислуга часами ползают там на коленках, словно рабы из незапамятных времен.

Мидж взглянула на него с недоумением.

— Ты же первый начнешь возмущаться, если в доме будет беспорядок, — сказала она. — Самому

будет противно жить в свинарнике. Ты ведь у нас привык к удобствам.

Так они и жили — словно в разных мирах, без всяких точек соприкосновения. Всегда ли было так? Он уже и не помнил. Поженились они почти двадцать пять лет назад — и сейчас были просто два чужих человека, по привычке жившие под одной крышей.

Пока он ежедневно ездил на службу, он как-то этого не чувствовал, не замечал. Домой он приезжал в основном поесть и поспать, а назавтра спозаранку садился в поезд и снова ехал в город. Но когда он вышел на пенсию, его внимание поневоле сосредоточилось на жене, и с каждым днем его все сильнее задевало и раздражало ее всегдашнее недовольство, молчаливое неодобрение.

Особенно сильно он стал ощущать это в последний год ее жизни. Это чувство угнетало его до такой степени, что он вынужден был пускаться на всевозможные ухищрения, лишь бы не оставаться с ней один на один; поэтому он выдумывал, будто ему срочно надо в Лондон — постричься или запломбировать зуб, или что какой-нибудь из бывших сослуживцев пригласил его вместе пообедать, а на самом деле он просто заезжал к себе в клуб и сидел там, глядя в окно, в тишине и покое.

Болезнь, которая свела ее в могилу, была по счастью, недолгой. Сначала грипп, потом осложнение на легкие — и через неделю ее не стало. Он даже не успел понять, как все это произошло, знал только, что она, как всегда, была вымотана, измучена, подхватила простуду и с обычным упрямством переносила ее на ногах. Как-то раз, уже после того как она заболела, он съездил в Лондон и по дороге завернул в кино, где очень приятно провел время в теплом и уютном зале, среди веселых, дружелюбных людей — это было в середине декабря, погода стояла холодная и ветреная, — и когда он поздним вечером вернулся домой, то застал жену в подвале: она шуровала кочергой в топке, вороша уголь, который не хотел разгораться. На звук его шагов она подняла голову, и он увидел ее лицо — бледное, изможденное, осунувшееся.

— Господи, Мидж, что это ты делаешь? — спросил он.

— Что-то с топкой, — сказала она. — Целый день с ней бьюсь: гаснет, и все тут. Как хочешь, надо завтра вызывать рабочих. Самой мне с этим не управиться.

Щека у нее была перепачкана углем. Она уронила на пол кочергу, закашлялась и тут же поморщилась от боли.

— Ты должна лечь в постель, — сказал он. — Чертовщина какая-то! Что тебе так далась эта топка?

— Я думала, ты вернешься пораньше, — сказала она, — что-нибудь сообразишь, придумаешь. На улице весь день ужасный холод. И какие только дела у тебя могут быть в Лондоне, не понимаю.

Она стала медленно подниматься по лестнице и, дойдя до верху, остановилась, бессильно опустив плечи и устало прикрыв глаза; он заметил, что ее бьет дрожь.

— Ты уж меня извини, — сказала она, — ужинать еще рано, но я тебя лучше сейчас накормлю, пока еще стою на ногах. Я сама ничего не хочу.

— Какой к чертям ужин! Не надо меня кормить, сам соображу, что поест. Иди ложись. Я тебе принесу попить чего-нибудь горяченького.

— Я же тебе говорю: ничего я не хочу, ни есть, ни пить. Грелку я сама себе налью. У меня к тебе единственная просьба. Перед тем как ляжешь спать, погаси везде свет.

И, ссутулившись, она пошла через холл.

— Ну, хоть стакан горячего молока... — начал он неуверенно, стягивая с себя пальто; и в этот момент из кармана на пол выпала оторванная половинка билета в кино. Она заметила, но ничего не сказала, только снова закашлялась и медленно, с трудом одолевая ступеньки, пошла наверх.

Наутро температура у нее поднялась почти до сорока. Пришел врач и определил воспаление легких. Она спросила, нельзя ли устроить ее в платную палату в местной больнице, потому что нанимать сестру, которая находилась бы при ней постоянно, слишком хлопотно. Врач приходил во вторник утром; в тот же день ее отвезли в больницу, а вечером в пятницу мужу сообщили, что она вряд ли доживет до утра. Он долго стоял посреди палаты, глядя на высокую, казенного вида кровать, и сердце у него сжималось от жалости; под голову больной зачем-то

положили несколько подушек, она полулежала-полусидела, и ей было, наверно, страшно неудобно. Он принес цветы, но понял, что ей уже не до цветов, и не стал просить поставить их в вазочку, а молча положил на стол рядом с ширмой, пока сестра, нагнувшись, поправляла подушки.

— Может быть, ей что-то нужно? — спросил он. — Я бы с радостью... — Он не договорил, и начатая фраза повисла в воздухе — он думал, что сестра поймет, что он имеет в виду: не надо ли съездить на машине, привезти какое-то лекарство...

Сестра покачала головой.

— Если положение изменится, мы вам позволим, — пообещала она.

Что же тут, собственно, может измениться, думал он, выходя на улицу. Исхудавшее, бескровное лицо, которое белело на подушках, уже не могло вернуться к жизни; оно было уже нездешнее, ничье.

Мидж умерла в субботу утром.

Он не был человеком религиозным и не верил в загробную жизнь, но первое время после похорон ему не давала покоя мысль о том, что жена лежит, зарытая в землю, в новеньком гробу с медными ручками, совершенно одна, в темноте: и кто только придумал этот примитивный, бесчеловечный похоронный обряд? Смерть должна происходить по-другому. Она должна быть похожа на расставание на вокзале, на прощание перед дальней дорогой, только без скорби и надрыва. А в поспешном стремлении закопать в землю то, что еще могло бы жить, дышать — если б не досадная случайность, — было что-то явно непристойное. Когда гроб опускали в могилу, ему даже почудилось, будто Мидж напоследок вздохнула и сказала, как всегда: «Ну, что уж тут...»

Он от души надеялся, что загробная жизнь все-таки существует и что теперь Мидж попадет в царство небесное и будет разгуливать по райским кущам, не ведая, как люди на земле распорядились ее бренными останками. Только с кем ей там разгуливать, подумалось ему. Ее родители умерли в Индии, много лет назад; даже если они встретят свою дочь у райских врат, разговаривать им будет не о чем. Он вдруг представил себе, как она стоит в очереди перед этими самыми райскими вратами, как обычно

где-то в хвосте, со своей неизменной плетеной авоськой в руках и со своим всегдашним терпеливо-страдальческим выражением... Стоит она долго, а перед тем как наконец пройти в ворота, оглядывается и смотрит на него с привычной укоризной.

Эти две картины — гроб и очередь в рай — примерно с неделю маячили у него перед глазами, но с каждым днем становились все менее явственными, пока и вовсе не исчезли. И он забыл о ней. Он был свободен; просторный, залитый светом дом целиком принадлежал ему; он наслаждался морозными, солнечными зимними днями. Он сам распоряжался своим временем и делал что хотел. Он и не вспоминал о жене до той минуты, когда на глаза ему попалась старая яблоня.

В тот день, попозже, он вышел прогуляться, и любопытство потянуло его в сад. Ну конечно, все это дурацкая фантазия, чистая игра воображения. Ничего особенного в этом дереве нет. Яблоня как яблоня. Он припомнил, что она всегда была хилая и невзрачная по сравнению с соседними деревьями, половина ветвей у нее засохла, и одно время даже велись разговоры о том, чтобы ее срубить, но дальше разговоров не пошло. Отлично, будет чем заняться в конце недели. Поработать топором полезно, а дрова для камина никогда не лишние — яблоневое дерево хорошо горит, и дух от него приятный.

К сожалению, погода после того дня почти на целую неделю испортилась, и он не смог осуществить намеченное. Возиться в саду, под дождем не стоило — так и простудиться недолго. Из окна своей спальни он время от времени посматривал на яблоню. Она все сильнее раздражала его — уродливая, тощая, словно съезжившаяся под дождем. В воздухе было по-весеннему тепло, дождик шел мягкий, ласковый. Остальные деревья в саду радовались дождю: ни одно не стояло с таким понурым видом. Справа от старой яблони росла молоденькая — он хорошо помнил, что ее посадили всего несколько лет назад, — стройная и крепкая, с гибкими ветвями, которые она с удовольствием подставляла под дождь и на глазах хорошела и свежела. Он залюбовался молоденьким деревцем и улыбнулся про себя. Незнакомое отчего ему на память пришел вдруг давний эпизод, связанный с девушкой, которую во вре-

мя войны прислали на несколько месяцев поработать на соседней ферме. Он много лет не вспоминал о ней. Да и вспоминать было, собственно, нечего. Тогда он сам по субботам и воскресеньям отправлялся на ферму помочь с сельскохозяйственными работами — людей не хватало, и каждый старался внести посильный вклад в общее дело военных лет, — и всякий раз видел там эту девушку, хорошенькую, веселую, с милой улыбкой; у нее была короткая мальчишеская стрижка — шапка темных кудрявых волос, а кожа напоминала молодое яблочко.

Всю неделю он ждал субботы, чтобы снова увидеть ее: это было как противоядие от опостылевших военных сводок — Мидж включала радио по несколько раз в день — и от бесконечных разговоров о войне. Ему было приятно смотреть на эту девочку — она и впрямь была еще девочка, лет девятнадцати, не больше; работала она в комбинезоне и в какой-нибудь яркой клетчатой рубашке, а улыбалась так открыто и радостно, будто готова была обнять весь мир.

Он сам толком не знал, как все произошло, и в сущности это была такая мелочь — однажды днем он в сарае возился с трактором, что-то там не ладилось в двигателе, и девушка была там же, стояла к нему почти вплотную, и они оба чему-то смеялись; а потом он повернулся, хотел взять ветоши прочистить фильтр — и неожиданно для себя обнял ее и стал целовать. Это получилось как-то само собой, непринужденно, непосредственно — он до сих пор помнил ощущение теплой близости, ее свежие, молодые губы. Потом они снова занялись трактором, но теперь между ними была уже новая более тесная связь, им было как-то особенно весело и покойно. Когда девушка вспомнила, что пора кормить поросят, он вышел из сарая вместе с ней, похлопывая ее за плечи ничего не значащим, чисто дружеским жестом; но во дворе, напротив сарая, он сразу увидел Мидж: она стояла и смотрела на них.

— Мне надо на собрание Красного Креста, — сказала она, — а машина никак не заводится. Я тебя звала, звала. Ты, наверно, не слышал.

Ее лицо было как застывшая маска. Она не сводила глаз с девушки. Чувство вины нахлынуло на него, затопило его с головой. Девушка как ни в чем не

где-то в хвосте, со своей неизменной плетеной авоськой в руках и со своим всегдашним терпеливо-страдальческим выражением... Стоит она долго, а перед тем как наконец пройти в ворота, оглядывается и смотрит на него с привычной укоризной.

Эти две картины — гроб и очередь в рай — примерно с неделю маячили у него перед глазами, но с каждым днем становились все менее явственными, пока и вовсе не исчезли. И он забыл о ней. Он был свободен; просторный, залитый светом дом целиком принадлежал ему; он наслаждался морозными, солнечными зимними днями. Он сам распоряжался своим временем и делал что хотел. Он и не вспоминал о жене до той минуты, когда на глаза ему попалась старая яблоня.

В тот день, попозже, он вышел прогуляться, и любопытство потянуло его в сад. Ну конечно, все это дурацкая фантазия, чистая игра воображения. Ничего особенного в этом дереве нет. Яблоня как яблоня. Он припомнил, что она всегда была хилая и невзрачная по сравнению с соседними деревьями, половина ветвей у нее засохла, и одно время даже велись разговоры о том, чтобы ее срубить, но дальше разговоров не пошло. Отлично, будет чем заняться в конце недели. Поработать топором полезно, а дрова для камина никогда не лишние — яблоневое дерево хорошо горит, и дух от него приятный.

К сожалению, погода после того дня почти на целую неделю испортилась, и он не смог осуществить намеченное. Возиться в саду, под дождем не стоило — так и простудиться недолго. Из окна своей спальни он время от времени посматривал на яблоню. Она все сильнее раздражала его — уродливая, тощая, словно съезжившаяся под дождем. В воздухе было по-весеннему тепло, дождик шел мягкий, ласковый. Остальные деревья в саду радовались дождю: ни одно не стояло с таким понурым видом. Справа от старой яблони росла молоденькая — он хорошо помнил, что ее посадили всего несколько лет назад, — стройная и крепкая, с гибкими ветвями, которые она с удовольствием подставляла под дождь и на глазах хорошела и свежела. Он залюбовался молоденьким деревцем и улыбнулся про себя. Неизвестно отчего ему на память пришел вдруг давний эпизод, связанный с девушкой, которую во вре-

мя войны прислали на несколько месяцев поработать на соседней ферме. Он много лет не вспоминал о ней. Да и вспоминать было, собственно, нечего. Тогда он сам по субботам и воскресеньям отправлялся на ферму помочь с сельскохозяйственными работами — людей не хватало, и каждый старался внести посильный вклад в общее дело военных лет, — и всякий раз видел там эту девушку, хорошенькую, веселую, с милой улыбкой; у нее была короткая мальчишеская стрижка — шапка темных кудрявых волос, а кожа напоминала молодое яблочко.

Всю неделю он ждал субботы, чтобы снова увидеть ее: это было как противоядие от опостылевших военных сводок — Мидж включала радио по несколько раз в день — и от бесконечных разговоров о войне. Ему было приятно смотреть на эту девочку — она и впрямь была еще девочка, лет девятнадцати, не больше; работала она в комбинезоне и в какой-нибудь яркой клетчатой рубашке, а улыбалась так открыто и радостно, будто готова была обнять весь мир.

Он сам толком не знал, как все произошло, и в сущности это была такая мелочь — однажды днем он в сарае возился с трактором, что-то там не ладилось в двигателе, и девушка была там же, стояла к нему почти вплотную, и они оба чему-то смеялись; а потом он повернулся, хотел взять ветоши прочистить фильтр — и неожиданно для себя обнял ее и стал целовать. Это получилось как-то само собой, непринужденно, непосредственно — он до сих пор помнил ощущение теплой близости, ее свежее, молодые губы. Потом они снова занялись трактором, но теперь между ними была уже новая более тесная связь, им было как-то особенно весело и покойно. Когда девушка вспомнила, что пора кормить поросят, он вышел из сарая вместе с ней, полубняв ее за плечи ничего не значащим, чисто дружеским жестом; но во дворе, напротив сарая, он сразу увидел Мидж: она стояла и смотрела на них.

— Мне надо на собрание Красного Креста, — сказала она, — а машина никак не заводится. Я тебя звала, звала. Ты, наверно, не слышал.

Ее лицо было как застывшая маска. Она не сводила глаз с девушки. Чувство вины нахлынуло на него, затопило его с головой. Девушка как ни в чем не

бывало поздоровалась с Мидж и зашагала через двор к свинарнику.

Он пошел за женой к машине и с помощью ручки завел мотор. Мидж поблагодарила его с непроницаемым лицом. Он не решался взглянуть ей в глаза. Значит, вот как это бывает: прелюбодеяние, смертный грех. Он мысленно увидел газетный заголовок — сенсация местного масштаба: «Муж пойман с поличным. Жена обвиняет его в измене». Когда он вернулся в дом, руки у него тряслись, и он вынужден был налить себе выпить. Вслух так ничего и не было сказано. Мидж ни единым словом не обмолвилась об этом эпизоде. На следующей неделе какое-то малодушное чувство удержало его от очередного похода на ферму, а потом он услышал, что у девушки захворала мать и ее срочно вызвали домой.

Больше он ее не видел. А сегодня, пока он глядел в окно на фруктовые деревья под дождем, она ему почему-то вспомнилась — ни с того ни с сего... Надс будет непременно срубить старую яблоню — только заслоняет солнце молоденькой, не дает ей расти как следует. Это никуда не годится.

В пятницу днем он пошел платить жалованье Виллису — садовнику, который приходил поработать три раза в неделю. По дороге он заглянул в сарай для инструментов проверить, на месте ли пила и топор. В сарае все было в полном порядке — сказывалась выучка Мидж, — и пила с топором висели на стене, на своих привычных местах.

Он отдал Виллису деньги и уже собирался повернуть к дому, когда садовник неожиданно спросил:

— Ну, как вам это нравится, сэр? Старая-то яблоня, а?

Вопрос застиг его врасплох и даже напугал. Он почувствовал, что бледнеет.

— Яблоня? Какая яблоня?

— Да та, что с краю растет, у террасы. Сколько уж лет я у вас, а ни разу на ней не видал ни цветочка, ни яблочка. Помните, мы еще срубить ее хотели в тот год, когда были морозы да как-то руки не дошли. А нынче у нее вроде как новая жизнь началась. Не заметили?

Садовник смотрел на него улыбаясь, с хитрецой в глазах.

О чем это он? Не может быть, чтобы и Виллис обратил внимание на это фантастическое, странное сходство — нет, нет, исключено, тут было бы что-то кощунственное, непристойное; ведь он и сам успел забыть всю эту чушь, напрочь выкинул ее из головы.

— А что такое я должен был заметить? — спросил он с плохо скрываемым раздражением.

Виллис ухмыльнулся:

— Пойдемте к террасе, сэр, я вам покажу.

Они вместе обогнули дом, и Виллис, подойдя к старой яблоне, поднял руку и оттянул вниз ближайшую ветку: при этом раздался чуть слышный скрип, как будто ветке было трудно сгибаться. Виллис смахнул с нее клочья засохшего лишайника и провел рукой по отросткам.

— Глядите, сэр, — сказал он, — она почки пустила. Вон, пощупайте сами. Так что жива старушка! Она еще свое возьмет! В жизни бы не подумал. Гляньте, и на этой ветке почек полно! — Он отпустил первую ветку и потянул к себе другую, повыше.

Виллис оказался прав. На ветках яблони и в самом деле высыпали почки — правда, такие мелкие и невзрачные, что они скорее напоминали какие-то прыщики. Он сунул руки в карманы. Вид веток вызывал у него странную брезгливость — ему противно было даже думать о том, чтобы дотронуться до них.

— Вряд ли из них выйдет что-нибудь путное, — заметил он.

— Ну, это как сказать, сэр, — отозвался Виллис, — лично я на старушку надеюсь! Зимой простояла, самые холода, так что кто его знает — может, она нас удивить задумала! Вот будет потеха, если она зацветет! Да еще и яблочек даст! — И он похлопал по стволу ладонью — фамильярно, но ласково.

Хозяин молча отвернулся. В нем нарастала неприязнь к Виллису. Так обхаживает эту чертову яблоню, будто она живое существо. И теперь, конечно, нечего и думать о том, чтобы незаметно от нее избавиться. Все планы по боку.

— А по-моему, — начал он, — эта ваша хваленая яблоня только заслоняет свет соседней. Срубить бы ее — и дело с концом. Тогда молоденькой было бы и просторнее, и светлее.

Он подошел к молодой яблоньке и, пригнув одну ветку, провел по ней пальцами. Гладкая, ровная кора. Ни лишайника, ни корявых наростов. И на каждой веточке почки — тугие, плотные. Он отпустил ветку, и она упруго откачнулась на место.

— Как это срубить, сэр? — возразил Виллис. — Зачем же ее рубить, ежели она еще живая? И насколько она молодой не мешает. Нет, я бы дал старушке испытательный срок. Не будет яблок — тогда ладно, срубим на будущую зиму.

— Хорошо, Виллис, будь по-вашему, — сказал он и быстро зашагал прочь. Обсуждать эту тему дальше ему почему-то не хотелось.

Вечером, перед тем как лечь спать, он, как всегда, открыл окно и раздвинул занавеси — он не любил просыпаться поутру в душной комнате. В небе стояла полная луна, и терраса и подымающийся от нее склон, на котором росли деревья, были залиты ровным, призрачно-бледным светом. Ни шороха, ни дуновения. Он перегнулся через подоконник, наслаждаясь тишиной. Невысокая молоденькая яблонька в лунных лучах светилась, словно сказочная. Стройная, гибкая, устремленная вверх, она похожа была на балерину, стоящую на пуантах, готовую к прыжку, к полету. Сколько в ней задорной легкости, изящества! Славное деревце... А слева от нее, полускрытая тенью, торчала старая яблоня. Даже лунный свет не красил ее. И почему эта чертова уродина сутулится и горбится, вместо того чтобы поднять голову и радоваться лунной ночи? Только портит весь пейзаж своим несчастным видом. Дурак он, что послушался Виллиса и согласился ее не трогать. Смешно думать, что такие почки распустятся, да если и распустятся...

Мысли в беспорядке бродили у него в голове, и уже во второй раз на этой неделе ему вспомнилась девушка с фермы и ее сияющая улыбка. Интересно, что с ней стало, как сложилась ее жизнь. Наверняка давно замужем, куча детей... Здорово кому-то повезло. Ну, что уж тут... Он поймал себя на том, что машинально повторил любимое присловье жены, и усмехнулся. Бедняжка Мидж! Но вдруг у него перехватило дух, и он замер, вцепившись в занавеску. Лунный свет теперь падал прямо на старую яблоню, и сухие ветви у верхушки показались ему

похожими на протянутые с мольбой костлявые руки. Закоченевшие, скрюченные от боли. Воздух по-прежнему был неподвижен, другие деревья стояли не шелохнувшись, и только в ветвях старой яблони что-то шелестело и подрагивало, словно их шевелил неведомо откуда налетевший ветерок. Вдруг одна ветка обломилась и упала на землю. Это была та самая ветка с жалкими почками, которую утром показывал ему Виллис, — та самая, до которой он не мог заставить себя дотронуться. Остальные деревья застыли в молчании. Луна освещала упавшую ветку, и он еще долго смотрел на нее. Она лежала в траве, поперек тени, которую отбрасывала ее молоденькая соседка, и словно указывала в ее сторону обвиняющим жестом.

Впервые за всю свою жизнь он задернул на ночь занавески, чтобы в комнату не проникал лунный свет.

Виллис прежде занимался только огородом. В сад при жизни Мидж он и ногой не ступал. За цветами Мидж всегда ухаживала сама. Даже траву на лужайке она подстригала сама и упорно таскала тяжеленную механическую косилку вверх-вниз по склону, низко нагибаясь над ручками. Это было одно из тех идиотских, бессмысленных дел, которые она для себя придумывала, вроде бесконечного вылизывания комнат. Теперь же, когда дом остался без хозяйки, а сад без присмотра и ждать указаний Виллису было не от кого, он то и дело появлялся в саду. Ему это, видимо, нравилось, придавало важность в собственных глазах.

В свой очередной приход, в понедельник, он опять обратился к хозяину:

— Не могу понять, сэр, отчего это ветка упала.

— Какая ветка?

— Да с яблони. Вот что мы с вами смотрели в пятницу, помните?

— Гнилая, наверно. Я же говорил, что дерево никудышное.

— Да нет, сэр, в том-то и дело, что ветка здоровая. Вот пойдемте, сами поглядите. Обломилась ни с того ни с сего.

Еще раз ему пришлось отправиться в сад. Виллис

поднял с земли упавший сук. Лишайник на нем намок и свисал клочьями, как нечесанные, слипшиеся волосы.

— Вы случайно эти дни ее не трогали, ветку-то? Может, оттянули или надали ненароком, она и надломилась?

— Ничего я не трогал, и не думал даже! — произнес с досадой хозяин. — Я, кстати, в ночь на субботу слышал, как что-то шмякнулось. Я как раз вставал открыть окно.

— Странно. И ветра-то вроде не было.

— Ничего странного — дерево свой срок отжило. И что оно вам покоя не дает? Можно подумать...

Он осекся, не зная, как закончить фразу.

— Можно подумать, что это бог вещь какая ценность.

Садовник покачал головой.

— Да нет, при чем тут ценность. Ценности в ней нету никакой, я и сам знаю. Просто чудно как-то — на нее все вроде рукой махнули, а она вон что выкинула: рано, мол, вы меня хороните, я еще живая, еще хочу, как говорится, себя показать. Чудо природы! То-то порадуемся, когда она зацветет. Хоть бы остальные ветки все были в целости.

Когда хозяин дома вышел на свою обычную дневную прогулку, он увидел, что Виллис срезает вокруг яблони сухую траву и обматывает низ ствола новой проволокой. Смешно, честное слово. Не за то ему платят жалованье, чтобы он носился с этой старой корягой, как курица с яйцом. Занимался бы лучше огородом, овощи выращивал! Но вступать с ним в пререкания, тратить нервы было неохота.

Домой он вернулся в шестом часу. Вместо непременно чая, который при жизни Мидж подавался около пяти, он теперь наливал себе порцию виски с содовой и располагался у камина, попыхивая трубкой, в блаженной тишине.

Камин, как видно, затопили недавно, и дыма было больше, чем огня. К тому же в комнате стоял какой-то подозрительный запах. Он открыл окно и поднялся наверх сменить уличную обувь на шлепанцы. Когда он снова вернулся в гостиную, там было по-прежнему дымно, и запах чувствовался так же отчетливо. Совершенно непонятный запах. Слад-

коватый, удушливый. Он подошел к дверям и кликнул прислугу.

Женщина, которая приходила убирать и готовить, вышла из кухни в холл.

— В доме пахнет какой-то дрянью, — сказал он. — Что это может быть?

— Чем же тут может пахнуть, сэр? — возразила она обидчиво.

— В гостиной не продохнуть. И полно дыма. Вы что-нибудь жгли в камине?

Ее лицо просветлело.

— А, это, наверно, те дрова, — сказала она. — Виллис их нарочно принес, сэр, думал, вы будете довольны.

— Какие еще дрова?

— Да он яблоневого сук распилил, сэр, сказал, что вы знаете. Яблоня хорошо горит, лучше всякого другого дерева, все говорят. Я лично никакого запаха не слышу, правда, я простужена немного, нос заложило.

Они вместе подошли к очагу. Виллис распилил сук на мелкие чурки, и прислуга, думая угодить хозяину, сунула в камин сразу все, чтобы огонь горел подольше. Но пламя еле теплилось. Дрова не столько горели, сколько чадили, от них шел дым — слабенькими, тонкими струйками какого-то зеленоватого оттенка. Неужели она и вправду не слышит этот мерзкий, тошнотворный запах?

— Дрова сырые, — сказал он отрывисто. — Виллис мог бы сообразить. Смотрите сами. Совершенно не горят.

Женщина поджала губы и насупилась.

— Извините, пожалуйста, — сказала она. — Я, когда растапливала, ничего такого не заметила. Занялись они дружно. Я от людей слыхала, что яблоневое дерево хорошо горит, и Виллис то же самое сказал. Велел, чтоб я обязательно сегодня этими дровами затопила, он так уж для вас старался. Я думала, вы знаете, сами распорядились...

— Хорошо, хорошо, — перебил он ее. — Прогорят постепенно, надо полагать. Вы тут ни при чем.

Он повернулся к ней спиной и поворошил кочергой в камине, пытаясь разбить сложенные грудой поленья. Пока прислуга в доме, руки у него связаны. Он не может вытащить мокрые дымящиеся голо-

вешки и выкинуть их с заднего крыльца во двор, не может взять охапку сухого хвороста и растопить камин заново. Это вызовет ненужное любопытство. За растопкой придется пройти через кухню в закуток, где хранятся хворост и щепки, и прислуга, разумеется, это заметит и удивится, да еще, чего доброго, вмешается: «Позвольте, сэр, я сама. Что, разве огонь совсем погас?» Нет, надо подождать, пока она подаст ужин, уберет со стола, перемоеет посуду и отправится ночевать домой. А до этого придется потерпеть, приноровиться как-нибудь к этому мерзкому запаху.

Он налил себе виски, закурил трубку и снова перевел взгляд на камин. Огонь не давал никакого тепла, а центральное отопление в доме уже отключили, и его стало познабливать. Время от времени над еле тлевшими дровами поднималась струйка зеленоватого дыма, а с нею новая волна сладковатого, тошнотворного запаха, не похожего ни на какой обычный запах. Болван садовник! Что ему только в голову взбрело? Чего ради было распиливать этот сук? Ясно ведь, что он сырой, насквозь пропитан сыростью. Он наклонился и всмотрелся попристальней. Что-то сочилось из поленьев, поблескивало на белесой коре — влага? Нет, не влага — древесный сок, клейкий, тягучий.

Он схватил кочергу и принялся яростно шуровать в очаге, круша головешки, пытаясь сделать так, чтобы они наконец разгорелись, чтобы вместо чада и дыма запылал бы нормальный огонь. Но все усилия были напрасны. Поленья по-прежнему едва тле-ли, и клейкий ручеек все продолжал сочиться на каминную решетку, и сладковатый запах висел в комнате, вызывая у него дурноту. Он взял стакан и книгу, перешел в кабинет, включил там электрический обогреватель и уселся в кресло у стола.

Идиотизм какой-то! Ему вспомнилось, как раньше, стараясь избавиться от общества Мидж, он притворялся, будто хочет заняться письмами, и подолгу отсиживался у себя в кабинете. По вечерам, покончив со всеми домашними делами, она обычно бралась за вязанье и через некоторое время начинала безудержно зевать. На редкость неприятная привычка — сама она ее не замечала, но его это просто выводило из себя. Она усаживалась на диване

в гостиной, минут пятнадцать вязала — слышалось только быстрое пощелкивание спиц; и вдруг раздавался первый зевок — мучительно-протяжный, выходящий из самого нутра: «А-а-а... а-а-а... х-ха!», а за ним неизменно следовал вздох. Потом снова наступала тишина, нарушаемая одним звяканьем спиц; но он уже не мог читать и напряженно ждал, заранее зная, что через несколько минут раздастся новый зевок, новый вздох.

Тогда в нем подымалась волна какой-то бессильной ярости; ему хотелось швырнуть книгу на пол и грубо сказать: «Слушай, если ты так устала, пойди да ляг!» Но вместо этого он, стиснув зубы, еще некоторое время сидел на месте, а когда уже не мог больше терпеть, вставал, выходил из гостиной и укрывался в своем кабинете. И вот сейчас он поймал себя на том, что поступает точно так же, что все как будто повторяется снова — из-за чего? Из-за каких-то паршивых поленьев. Из-за мерзкого, тошнотворного запаха.

Он остался сидеть в кабинете и решил дожидаться ужина там. Пока прислуга подавала на стол, уносила посуду, готовила ему постель и собиралась домой, стрелки часов подошли к девяти.

Он вернулся в гостиную. За время его отсутствия огонь в камине почти погас. Головешки, должно быть, честно пытались разгореться — они заметно уменьшились в размерах и глубже осели в очаге. Золы было немного, но от кучки тлеющих углей шел все тот же омерзительный запах. Он отыскал в кухне совок, вернулся с ним в гостиную и выгреб из очага золу и головешки. Совок, наверно, был мокрый, а может быть, из поленьев еще не испарились остатки влаги — так или иначе, головешки на глазах потемнели, и на них выступила какая-то пена. Он спустился в подвал, открыл дверцу котла и сбросил все с совка в топку.

Только тогда он вспомнил, что котел уже недели две как не топят — с началом весны центральным отоплением обычно пользоваться переставали, — и что если он не протопит сейчас, головешки так и останутся лежать до будущей зимы. Он взял бумагу, спички, канистру с керосином, развел большой огонь и закрыл топку, с удовольствием слушая, как гудит в котле пламя. Ну вот, как будто все. Он по-

стоял секунду, поднялся наверх и в закутке за кухней набрал щепок, чтобы снова затопить в гостиной. Пока он ходил за углем, пока подкладывал и разжигал растопку, прошло довольно много времени, но он делал все не торопясь и основательно и, когда уголь в камине наконец занялся, с облегчением уселся в кресло и раскрыл книгу.

Прошло минут двадцать, когда ему показалось, что где-то хлопает дверь. Он отложил книгу и прислушался. Нет, ничего. А, вот опять. Звук доносился со стороны кухни. Он встал и пошел посмотреть, в чем дело. Хлопала дверь, которая вела на лестницу в подвал. Он готов был поклясться, что, уходя, закрыл ее как следует. Видимо, защелка как-то отошла, и дверь раскрылась. Он включил за дверью свет и нагнулся осмотреть дверной замок. Вроде бы все в порядке. Он собирался уже снова закрыть и защелкнуть дверь, как вдруг почувствовал знакомый запах. Тот самый тошнотворный, сладковатый запах. Он просачивался наверх из подвала и растекался по кухне.

Вдруг его охватил безотчетный, почти панический страх. Что если запах ночью заполнит весь дом, проникнет во второй этаж, дойдет до спальни — и он задохнется во сне?... Эта мысль была нелепа, почти безумна — и все же...

Он заставил себя снова сойти по лестнице в подвал. Пламя в топке уже не гудело; из котла не доносилось ни звука. Через щели вокруг дверцы тонкими зеленоватыми струйками выползал дым — и вместе с ним струился запах, который он почувствовал в кухне.

Он подошел и рывком открыл дверцу. Бумага и щепки прогорели до конца, но остатки яблоневого дров и не думали загораться. Они так и лежали беспорядочной грудой, обуглившиеся, почерневшие, словно кости казненного на костре. Его замутило. Он сунул в рот носовой платок, чтобы подавить тошноту. Потом, плохо соображая, что делает, кинулся вверх по лестнице, схватил пустой совок и, орудуя щипцами и лопатой, стал вытаскивать головешки через узкую дверцу. Желудок у него то и дело сводили рвотные спазмы. Наконец он выгреб все и, нагрузив полный совок, прошел через кухню и открыл дверь на заднее крыльцо.

На этот раз ночь стояла безлунная; накрапывал дождь. Подняв воротник, он огляделся кругом, прикидывая, куда бы выбросить головешки. До огорода, где была компостная куча, надо было пройти пару сот шагов, и тащиться туда под дождем, в темноте не хотелось. Ближе было дойти до гаража — за ним, по ту сторону забора, росла густая высокая трава, и если кинуть головешки туда, их никто не заметит. Он пересек усыпанный гравием автомобильный въезд и швырнул свою ношу в траву через забор, отделявший его землю от фермерской. Пусть лежат и гниют, пусть мокнут под дождем, покрываются грязью и плесенью — теперь ему нет до них дела. Главное — он избавился от них, выкинул вон, а дальнейшего его не касается.

Он возвратился в дом и еще раз проверил, крепко ли заперта дверь в подвал. Запах успел уже выветриться; воздух был чистый.

Он перешел в гостиную, чтобы согреться у огня, но озноб никак не проходил — он изрядно промок под дождем, да и желудок еще продолжало сводить, так что он чувствовал себя совершенно разбитым.

Ночью он плохо спал и наутро проснулся в довольно мутном состоянии. Болела голова, и во рту был неприятный вкус. По-видимому, приступ печени. Он решил посидеть день дома. Свою досаду он за завтраком сорвал на прислуге.

— Я вчера допоздна по вашей милости возился с камином и в результате расхворался, — сказал он ей. — А все яблоня, будь она неладна. Никакого проку, одна вонь — меня от этой вонии чуть наизнанку не вывернуло. Можете порадовать Виллиса, когда он явится.

Она посмотрела на него недоверчиво.

— Извините, ради бога, сэр. Я вчера сестре рассказала, так она тоже удивлялась. Никак в толк взять не могла. Яблоневое дерево всегда прекрасно горит, прямо роскошь считается топить яблоней.

— Я вам повторяю, эти дрова не горели, — сказал он, — и я больше ни видеть, ни слышать о них не желаю. А уж запах... До сих пор в горле ком, все нутро сводит от этого запаха.

Она поджала губы, повторила: «Извините, сэр» — и повернулась, чтобы выйти из столовой, но по дороге кинула взгляд на буфет, где стояла по-

рожная бутылка из-под виски. Секунду помедлив, она взяла бутылку, поставила ее на поднос, который держала в руках, и спросила:

— Бутылка больше не нужна, сэр? Можно забрать?

Разумеется, не нужна! Идиотский вопрос: видно ведь, что пустая! Но тут же он понял скрытый смысл этого вопроса: она хотела сказать, что нечего все валить на дым, что его плохое самочувствие вызвано совсем другими причинами, что он попросту перепил накануне. Неслыханная наглость!

— Эта не нужна, — сказал он, — принесите другую.

Вперед ей наука: не будет соваться не в свое дело.

Несколько дней он чувствовал себя прескверно: голова кружилась, то и дело подташнивало. В конце концов он позвонил доктору и попросил его зайти. Доктор осмотрел его и без особого участия выслушал историю насчет дыма — больной и сам, рассказывая, сознавал, что все это звучит неубедительно.

— Печень пошаливает, — заключил доктор. — И небольшая простуда — ноги вы промочили, возможно, еще и съели что-то не то. Вот все вместе и вызвало такое состояние. Вряд ли один дым мог так на вас подействовать. Надо больше бывать на улице. Моцион для печени — полезнейшая вещь. Отчего вы не играете в гольф? Я не представляю себе, как бы я жил без гольфа. Каждый уик-энд играю обязательно. — Он хмыкнул, закрывая свой чемоданчик. — Попринимаете лекарство, я вам выпишу, и на вашем месте я бы начал выходить на воздух, как только установится погода. Уже тепло, теперь бы только солнышка побольше — и все тронется в рост. У вас вот-вот фруктовые деревья зацветут. У меня в саду еще не так. — И, прощаясь, доктор добавил: — Не забывайте, вы не успели привыкнуть к потерям. Такие встряски бесследно не проходят. Вы еще остро чувствуете отсутствие жены, это естественно. Так что не сидите в четырех стенах, выходите, общайтесь с людьми. Всего хорошего.

Больной оделся и спустился вниз. Конечно, доктор желает ему добра, но по существу этот визит — пустая трата времени. «Вы еще остро чувствуете

отсутствие жены...» Ничегошеньки-то он не смыслит, этот доктор. Бедняжка Мидж... По крайней мере себе самому можно честно признаться, что ее отсутствие он воспринимал как облегчение, что он впервые за много лет почувствовал себя человеком: короче говоря, если забыть о нынешнем недомогании, ему никогда еще не было так хорошо.

За те дни, что он провел в постели, прислуга успела сделать в гостиной генеральную уборку — совершенно бессмысленное мероприятие, но так уж было заведено у Мидж: ежегодно с приближением весны весь дом переворачивался вверх дном. Гостиная приобрела чужой вид: все было вычищено, выскоблено, ни одной нужной бумажки на месте не найти, все книги и газеты сложены в аккуратные стопки. Какое все-таки неудобство, что приходится держать прислугу! Она так раздражала его, что он не раз готов был махнуть на все рукой и дать ей расчет. Как-нибудь он и сам бы о себе позаботился. Правда, его останавливала мысль о том, что каждый день придется что-то готовить, мыть грязные тарелки и заниматься подобной чепухой. Идеальный вариант был бы, конечно, поселиться где-нибудь на Востоке или на островах Южных морей и взять в жены туземку. Это разом решает все проблемы. Тишина, безупречный уход, великолепная еда, никто не пристаёт с разговорами; а если захочется кое-чего еще, она всегда тут, всегда к твоим услугам — юная, покорная, ласковая... Никогда ни попреков, ни недовольства, истинно собачья преданность — и при этом веселый нрав и непосредственность ребенка... Да, они не дураки — все эти художники и прочие знаменитости, которые решались порвать с условностями европейской цивилизации. Дай им бог...

Он подошел к окну и выглянул в сад. Дождь понемногу затихал; завтра, если будет хорошая погода, можно выйти на воздух, как советовал доктор. Доктор, кстати, верно заметил: фруктовые деревья вот-вот зацветут. Бутоны на молоденькой яблоньке готовы были распуститься; на одной ветке сидел черный дрозд, и ветка прогнулась и чуть покачивалась под тяжестью птицы. Сейчас эти полураскрытые бутоны, обрызганные капельками влаги, казались чуть розоватыми, но завтра, если выглянет солнце, они окутают все дерево пушистым облаком,

ослепительно белым на фоне голубого неба. Надо бы отыскать старый фотоаппарат, зарядить его и снять эту юную яблоньку в цвету. Остальные деревья тоже, скорее всего, расцветут в самые ближайшие дни. Только старая яблоня, та самая, выглядела так же уныло и безжизненно, как раньше, — а может быть, отсюда были просто незаметны ее мелкие, бурые почки, если можно назвать их почками. Не зря же тогда обломился сук. Как видно, отживает свое. Ну и бог с ней.

Он отошел от окна и принялся перекладывать и переставлять все по-своему, пытаясь вернуть комнате ее обычный вид, — выдвигал и задвигал ящики, что-то вынимал, что-то клал обратно. На глаза ему попался красный карандаш — должно быть, завалился куда-нибудь за книги, а прислуга, наводя чистоту, нашла его и положила на видное место. Он взял его, не торопясь очинил и старательно заострил кончик. В одном из ящиков он нашел нераспечатанный рулон фото пленки и выложил его на стол, чтобы утром зарядить аппарат. В этом же ящике, вперемешку со всяким бумажным хламом, лежала куча старых фотографий, в том числе десятки любительских снимков. Мидж когда-то ими занималась — разбирала, рассматривала, клеила в альбомы; потом, в годы войны, то ли потеряла интерес, то ли одолели другие заботы.

Всю эту ерунду давно пора было выкинуть, сжечь. Знать бы в тот злополучный день, сколько этого добра здесь в ящиках! Вот был бы огонь — пожалуй, и мокрые поленья прогорели бы. К чему это все хранить? Хотя бы вот этот ужасный снимок Мидж, сделанный бог знает сколько лет назад, судя по платью и прическе — вскоре после замужества. Неужели она так взбивала волосы, носила этот пышный кок? Он ей совсем не шел — лицо у нее и в молодости было узкое и длинное. Платье с низким треугольным вырезом, в ушах болтаются серьги, на лице заискивающая, жалкая улыбка, рот кажется еще больше, чем был на самом деле... И надпись в левом углу: «Родному Кусику от любящей Мидж». Он успел начисто забыть это идиотское прозвище. Ему становилось неловко, когда она называла его так при посторонних, и он всякий раз ей выговаривал. К счастью, довольно скоро она прекратила.

Он разорвал снимок пополам и бросил в огонь. Он стал сворачиваться в трубочку, потом потемнел и вспыхнул, и напоследок в пламени мелькнула улыбка. Родному Кусику. Внезапно он вспомнил платье, которое было на Мидж в тот день — зеленое, совершенно не ее цвет, она казалась в нем еще бледнее. И купила она его для торжественного случая — кажется, какие-то знакомые праздновали годовщину своей свадьбы, и им пришла идея собраться вместе всех соседей и друзей, которые поженились приблизительно в одно время с ними. Прислали приглашение и им с Мидж.

Был шикарный обед, море шампанского, какие-то застольные речи, общее веселье, смех, шутки, часто весьма рискованные; он припомнил, что, когда все стали разъезжаться и они с Мидж садились в машину, хозяин с хохотом крикнул им вслед: «Идешь объясниться — не забудь надеть цилиндр: ни одна не устоит!» Он не столько смотрел на Мидж, сколько чувствовал ее молчаливое присутствие. Она сидела рядом в своем дурацком зеленом платье, с жалкой, просительной улыбкой на лице — такой же, как на только что сгоревшей фотографии, — сидела напряженно и тревожно, не зная, как реагировать на сомнительную шутку, которую отпустил пьяный хозяин и которая неожиданно громко прозвучала в вечернем воздухе; и при этом ей хотелось казаться вполне современной, хотелось угодить мужу — но больше всего хотелось, чтобы он повернулся к ней, обратил на нее внимание: она ожидала какого-то знака, жеста...

Когда он поставил машину в гараж и вернулся в дом, она ждала его — неизвестно зачем. Пальто она сняла и бросила на диван — как видно, для того, чтобы еще покрасоваться в вечернем платье, и стояла посреди гостиной, улыбаясь своей неловкой, неуверенной улыбкой.

Он зевнул, уселся в кресло и раскрыл какую-то книжку. Она еще помедлила, потом взяла с дивана пальто и медленно пошла наверх. По-видимому, вскоре после того вечера и была сделана фотография, которую он порвал. «Родному Кусику от любящей Мидж». Он подбросил в огонь сухих веток. Они затрещали, занялись, и остатки снимка превратились в пепел. Сегодня огонь горел как надо...

На другой день наступила ясная и теплая погода. Солнце светило вовсю, кругом распевали птицы. Внезапно его потянуло в Лондон. В такой день хорошо пройтись по Бонд-стрит, полюбоваться столичной толпой. Можно заехать к портному, зайти постричься, съесть в знакомом баре дюжину устриц... Он чувствовал себя вполне здоровым. Впереди было много приятных часов. Можно будет и в театр заглянуть, на какое-нибудь дневное представление.

День прошел в точности так, как он предполагал, — беззаботный, долгий, но не утомительный день, внесший желанное разнообразие в вереницу будней, похожих друг на друга. Домой он вернулся около семи вечера, предвкушая порцию виски и сытный ужин. Погода была такая теплая, что пальто ему не понадобилось; тепло было даже после захода солнца. Сворачивая к дому, он помахал рукой соседу-фермеру, который как раз проходил мимо ворот, и крикнул:

— Отличный денек!

Фермер кивнул, улыбнулся и крикнул в ответ:

— Хоть бы подольше постояла погода!

Симпатичный малый. Они с ним были в приятельских отношениях с военных лет, с той поры, как он помогал соседу работать на тракторе.

Он поставил машину в гараж, налил себе виски, выпил и в ожидании ужина вышел прогуляться по саду. Как много перемен за один только солнечный день! Из земли проклюнулось несколько белых и желтых нарциссов; живые изгороди покрылись первой нежной зеленью, а на яблонях дружно распустились бутоны, и все они стояли в праздничном белом наряде. Он подошел к своей любимице, молоденькой яблоньке, и дотронулся до нежных лепестков, потом слегка качнул одну ветку. Ветка была крепкая, упругая, такая уж наверняка не обломится. Запах от цветов шел легкий, едва уловимый, но еще денек-другой — и воздух наполнится тонким, нежным ароматом. Как чудесно пахнет яблоневый цвет — скромно, не резко, не навязчиво. Надо самому искать и находить этот запах, как ищет и находит его пчела. И вдохнув этот запах однажды, ты запомнишь его на всю жизнь — и он всегда будет радовать и утешать тебя... Он потрепал ладонью яблоньку и пошел ужинать.

На другое утро, за завтраком, кто-то постучал в окно столовой. Прислуга пошла узнать, в чем дело; оказалось, что Виллис просит разрешения с ним поговорить. Он распорядился позвать его в дом.

Лицо у садовника было мрачное. Что там еще стряслось?

— Вы уж извините, сэр, — начал он, — только на меня тут мистер Джексон утром напустился. Возмущается.

Джексон был его сосед, фермер.

— Чем это он возмущается?

— Да вот говорит, что я накидал ему через забор каких-то головешек, а у него кобыла ходит с жеребеночком, и жеребенок будто бы ногу повредил и захромал. У меня и привычки-то такой нет — кидать через забор. А он на меня налетел как не знаю что. Мол, ценный жеребенок, а теперь неизвестно, что с ним делать, кто же хромого купит.

— Ну, вы его, надеюсь, успокоили? Сказали, что это недоразумение?

— Да сказать-то я сказал, сэр. Но кто-то на его участок и правда головешек накидал. Он меня повел, показал это место. Прямо против гаража. Я пошел ради интереса, и верно — лежат в траве головешки. Я решил по первости вам доложить, а потом уж кухарку пытать, а то сами знаете, как бывает, начнутся всякие обиды.

Он почувствовал на себе Виллисов пристальный взгляд. Придется признаваться, делать нечего. Впрочем, садовник по существу сам виноват.

— Не надо кухарку пытать, — сказал он сухо. — Это я выбросил туда дрова из очага. Вы безо всякого моего распоряжения распилили гнилой сук от яблони, прислуга этими дровами затопила — и в результате огонь потух, весь дом провонял дымом, и вечер у меня был испорчен. Я действительно тогда вышел из себя и не глядя выкинул прочь эти несчастные головешки, и если соседский жеребенок пострадал, извинитесь за меня перед Джексонем и скажите, что я готов возместить ему убытки. И прошу вас самым настоятельным образом прекратить самодеятельность и не снабжать меня больше подобным топливом.

— Слушаюсь, сэр. Я и сам вижу, что ничего хорошего из этого не вышло. Я, правда, никогда бы

не подумал, что вы станете так утруждаться — выносить их во двор, выкидывать...

— Тем не менее я сделал именно так. И доволен об этом.

— Слушаюсь, сэр. — Он уже повернулся к дверям, но на пороге задержался и добавил: — Ума не приложу, почему они тут у вас гореть не хотели. Я одно поленце домой прихватил, супруга его кинула в печку на кухне — так полыхало, любо-дорого было смотреть.

— А вот здесь, представьте, не горели

— Ну ладно, главное — старушка не подвела, даром что один сук обломился. Вы еще не видели, сэр?

— Это вы о чем?

— Вчера-то целый день солнышко грело, да и ночь была теплая, вот она и взяла свое. Прямо красавица стоит, вся в цвету! Обязательно подите гляньте!

И Виллис удалился, оставив его доедать остывший завтрак.

Некоторое время спустя он вышел на террасу, но на деревья глядеть не торопился и даже всячески оттягивал этот момент — сначала решил, раз погода уже установилась, вытащить из сарая большую садовую скамейку, потом пошел за секатором и принялся подстригать розы под окном. Но в конце концов что-то потянуло его к старой яблоне.

Все было так, как сказал Виллис. То ли из-за того, что вчера был солнечный, погожий день, то ли подействовала тихая и теплая ночь, только все невзрачные, бурые почки лопнули, и теперь дерево было скрыто под сплошной завесой влажных белых цветов. Гуще всего они росли у верхушки — казалось, будто ветки облеплены комьями мокрой ваты, и вся эта масса, сверху донизу, была одинаково унылого, мертвенно-белого цвета.

Яблоня вообще стала не похожа на дерево. Она скорее напоминала брошенную походную палатку, которая провисла под дождем и еле хлопает промокшей парусиной, или огромную швабру из мочалы, которую вынесли просушить на улицу и которую нещадно выбелило солнце. Цветов было непомерно много, этот груз был чересчур обременителен для хилого ствола; вдобавок цветочные кисти набрякли от влаги и оттого казались еще тяжелее.

Похоже было, что старая яблоня расцвела из последних сил — на нижних ветках цветы уже начинали съезживаться, темнеть, как от дождя, хотя погода стояла безоблачная.

Ну что ж. Виллис угадал верно. Она расцвела. Но это не был расцвет жизни, праздник красоты; тут чувствовалось что-то болезненное, словно в самой природе этого дерева была заложена какая-то неправильность, уродство, а теперь все это вылезло наружу. Уродство, которое само не сознает, до какой степени оно уродливо, и еще надеется понравиться. Старая яблоня как будто говорила со смущенной, кривой ухмылкой: «Смотри, как я стараюсь, и все для тебя».

Вдруг сзади послышались шаги. К нему подходил Виллис.

— Здорово, правда, сэр?

— Увы, не могу разделить ваш восторг. Слишком густо цветет.

Садовник только посмотрел и ничего не сказал. Ему пришло на ум, что Виллис, наверно, считает его тяжелым человеком, капризным чудаком, которому ничем не угодишь. И, должно быть, перемывает ему косточки с прислугой на кухне.

Он заставил себя улыбнуться.

— Послушайте, — начал он, — я совсем не хочу портить вам настроение. Просто все это меня мало трогает. Яблоневый цвет я люблю, но только легкий, нежный, розовый, вот как на соседнем деревце. А с этого можете ломать сколько угодно, снесите букет домой, жене. Ломайте на здоровье, мне не жалко. Я буду только рад.

И он сделал широкий приглашающий жест. Да, так и надо: пусть Виллис приставит лестницу, поскорее оборвет и унесет эту мерзость.

Но садовник с ошарашенным видом покачал головой.

— Нет, что вы, сэр, как можно, мне и в голову такое не придет. Обрывать сейчас цвет — это же для дерева гибель! Нет, я теперь надеюсь на яблочки. Хочу поглядеть, что за яблочки будут.

Продолжать разговор не имело смысла.

— Хорошо, Виллис. Как знаете.

Он направился назад, к террасе. Но, усевшись на солнцепеке и окинув взглядом поросший фруктовы-

ми деревьями склон, он обнаружил, что отсюда молоденькую яблоньку совсем не видно. Он, конечно, знал, что она стоит на своем месте, полная скромного достоинства, и тянет к небу гибкие цветущие ветки. Но ее заслоняла от него и подавляла эта старая уродина, с которой уже падали и усеивали землю вокруг сморщенные грязно-белые лепестки. И куда он ни переставлял свое кресло, в какую сторону его ни поворачивал, он никак не мог избавиться от старой яблони: она все время лезла ему в глаза, нависала над ним, словно напоминая с неммым укором, что ждет одобрения, ждет похвалы — того, что он не мог ей дать.

В то лето, впервые за многие годы, он решил отдохнуть по-человечески, устроить себе полноценные каникулы: в Норфолке, у своей матери, прожил всего десять дней вместо месяца, как обычно бывало при Мидж, а остаток августа и весь сентябрь провел в Швейцарии и Италии.

Он поехал на своей машине и потому мог переезжать с места на место когда и как заблагорассудится. Его мало интересовали достопримечательности и избитые туристские маршруты; лазить по горам он тоже был не особый любитель. Больше всего ему нравилось приехать под вечер в какой-нибудь маленький городок, выбрать небольшую, уютную гостиницу и прожить там пару дней без всякой цели, просто так.

Утро он обычно проводил в уличном кафе или ресторанчике за стаканом вина, греясь на солнце и от нечего делать наблюдая за толпой; видимо, мода на путешествия захватила и молодежь — кругом была масса веселых молоденьких девушек. Он охотно прислушивался к оживленным разговорам вокруг и радовался от сознания, что в них не надо вступать; иногда ему кто-то улыбался, иногда постоялец из той же гостиницы бросал на ходу два-три приветливых слова — но это ни к чему его не обязывало, просто означало, что он такой же полноправный участник этой праздной, бездумной жизни, что он независим и волен, как все, проводить свой досуг за границей.

В прежние времена, если он куда-то ездил вместе

с Мидж, ему ужасно досаждала ее привычка заводить новые знакомства, в любом месте выискивать какую-нибудь подходящую супружескую пару («нашего круга», как она говорила). Начиналось обычно с обмена любезностями за завтраком, затем обсуждалось, что надо посмотреть, и вырабатывался общий план действий, а кончалось тем, что по всем знаменитым местам они уже ездили только вчетвером, — его это, конечно, выводило из себя, и весь отпуск бывал испорчен.

Теперь, слава богу, никто не навязывал ему спутников. Он мог делать что хотел и тратить столько времени, сколько хотел. Никто его не торопил и не подталкивал. При нем уже не было Мидж, которая говорила бы: «Ну что, пора?», стоило ему присесть и расслабиться за стаканом вина, и которая тянула бы его осматривать какую-нибудь допотопную церковь, ничуть его не занимавшую.

За время своих путешествий он заметно располнел, но это его мало трогало. Рядом с ним не было никого, кто всякий раз уговаривал бы его пройти пешком, чтобы чересчур жирная пища не откладывалась в виде лишнего веса, и перебивал этими уговорами приятную сонливость, которая приходит после кофе и десерта; никого, кто бы бросил осуждающий взгляд на его не по возрасту яркую рубашку или кричащий галстук.

И, прохаживаясь по улицам малознакомых городов и городков, с непокрытой головой, с сигарой во рту, он ловил встречные улыбки на молодых, жизнерадостных лицах вокруг и от этого сам молодел. Так и надо жить — без хлопот; без забот. Без докучных напоминаний: «Мы должны быть дома не позже пятнадцатого числа, шестнадцатого заседание благотворительного комитета», без вечного беспокойства: «Мы не должны бросать дом больше чем на две недели, без хозяев что угодно может случиться». А вместо всего этого — разноцветные огни провинциальной ярмарки в какой-то деревеньке, название которой он даже не потрудился узнать, звонкая музыка, толпа молодежи, смех — и он сам, осушив бутылочку местного вина, подходит к какой-то девушке в пестром платке и с поклоном приглашает ее танцевать. И вот они уже кружатся на площади под тентом, ему весело и жарко, он никак не попадает

в такт, он столько лет не танцевал — но все равно это прекрасно, это то, что надо, это жизнь. Музыка смолкает, он отпускает партнершу, и она, хохоча, убегает к друзьям, к своим ровесникам, и они вместе, наверно, смеются над ним... Ну и что? Все равно хорошо!

Он уехал из Италии, когда погода стала портиться — в самом конце сентября, — и в начале октября уже был в Англии. Никаких проблем: послал телеграмму на имя прислуги, сообщил примерную дату — и все. Не то что при Мидж: даже если они уезжали ненадолго, перед возвращением домой вечно начинались сложности. Надо было почему-то заранее отправлять подробные письменные распоряжения насчет закупки продуктов, напоминания прислуге — заблаговременно просушить матрасы, проветрить все одеяла, протопить в гостиной, предупредить на почте, чтобы возобновили утреннюю доставку газет... В общем, сплошные заботы вместо отдыха.

Он подъехал к дому в теплый осенний вечер: из труб шел дым, парадная дверь была распахнута — он с удовольствием увидел, что его ждут. Он не станет кидаться сломя голову на кухню узнавать, что успело стрястись за время его отсутствия, спрашивать, не засорилась ли где труба, не было ли в доме аварий, перебоев с водой, с продуктами. Да и прислуга достаточно тактична, чтобы докучать ему подобной ерундой. «Добрый вечер, сэра. Хорошо отдохнули? Ужин подавать как обычно?» И больше ни словечка, блаженная тишина. Он мог спокойно налить себе выпить, закурить трубку, расслабиться; письма — впрочем, писем немного — подождут. Никто не бросится вскрывать их с лихорадочной поспешностью, а потом не повиснет на телефоне, и ему не надо будет слушать бесконечные и бессмысленные женские разговоры: «Как дела?. Что новенького?.. Что ты говоришь? Ах, моя дорогая... И что же ты ей сказала?.. Не может быть!.. Нет, нет, в среду я никак не могу...»

Один, один... Какое счастье! Он потянулся, расправляя плечи, затекшие от долгой езды, и с удовольствием оглядел уютную, ярко освещенную столовую. От Дувра он ехал без остановок и успел проголодаться, так что домашний ужин — довольно

тощая отбивная — показался ему недостаточным, особенно после итальянской и швейцарской еды. Ну, что делать, придется возвращаться к менее изысканному рациону... Он съел еще бутерброд с сардинкой и с минуту посидел, размышляя, что бы такое сообразить на десерт.

На буфете стояла ваза с яблоками. Он поднялся, переставил ее на стол и внимательнее поглядел на яблоки. М-да, яблочки не бог весть какого качества. Мелкие, невзрачные, какие-то бурые. Он надкусил одно и тут же выплюнул. Ну и дрянь! Он попробовал другое: то же самое. Кожира шершавая, грубая; внутри такие яблоки обычно бывают твердые и кислые. Но у этих мякоть была рыхлая, вязкая, как вата, а сердцевина темная, точно тронутая гнилью. Кусочек волокнистой мякоти застрял у него между зубами, он с трудом его вытаскивал. Надо же было подсунуть ему такую гадость!..

Он позвонил, и прислуга пришла из кухни.

— Что-нибудь другое на десерт у нас есть? — спросил он.

— Боюсь, что нету, сэр. Я вспомнила, что вы любите яблоки, и Виллис нарвал вот этих. Сказал — поспели в самый раз, очень вкусные.

— К сожалению, он ошибся. Это нечто совершенно несъедобное.

— Извините, пожалуйста, сэр. Я бы их не приносила, если б знала. Он там целую корзину собрал — стоит у дома.

— И все такие же?

— Все одинаковые, сэр. Меленькие, буренькие.

— Неважно, не беспокойтесь. Я сам утром выйду в сад, погляжу.

Он встал из-за стола и перешел в гостиную. Чтобы избавиться от неприятного привкуса во рту, он выпил рюмку портвейна, съел печенинку, но и это не помогло. Что-то вязкое, противное обволакивало язык и нёбо, и в конце концов он был вынужден подняться в ванную и как следует вычистить зубы. Самое обидное, что именно сейчас, после пресного ужина, очень кстати было бы настоящее, хорошее яблоко — с гладкой и чистой кожицей, с хрустящей, сочной мякотью, не слишком сладкое — лучше даже чуть-чуть с кислинкой. Такое, чтоб его приятно

было съесть: спелое, но не перезревшее. Главное — уметь вовремя сорвать яблоко с дерева.

Ночью ему приснилось, что он в Италии и танцует под тентом на мощенной брусчаткой площади. Когда он проснулся, у него в ушах еще звучала музыка, и за утренним чаем он все пытался вспомнить лицо своей партнерши, вспомнить, как прижимал ее к себе, как смешно она спотыкалась о его ноги. Но ощущение ускользало, и оживить его в памяти никак не удавалось.

Он встал и подошел к окну посмотреть, какая погода. Вполне приличная: небо ясное, воздух свежий, бодрящий.

И тут его взгляд упал на старую яблоню. Зрелище было такое неожиданное, что он застыл на месте. Теперь ему стало ясно, откуда взялись вчерашние яблоки. Дерево буквально гнулось под бременем невиданного урожая. На каждой ветке, вплотную друг к другу, сидели мелкие коричневатые яблоки; чем ближе к верхушке, тем мельче они становились — на самых верхних ветках плоды и величиной, и цветом смахивали на орехи. Дерево осело под их тяжестью, скривилось, скособоилось, нижние ветки отвисли до земли, а в траве вокруг виднелись бесчисленные падалицы — те яблоки, которые выросли первыми и которых вытеснили с их законного места их же младшие братья и сестры. Яблоки устилали землю сплошным ковром; многие успели лопнуть и растрескаться, и теперь по ним ползали осы. В жизни он не видел такого количества яблок на одном дереве. Просто чудо, что оно устояло, не рухнуло.

До завтрака он вышел в сад — любопытство не давало ему покоя — и еще раз, вблизи, поглядел на старую яблоню. Да, так и есть: эти самые яблоки стояли вчера на буфете. Мелкие, как мандарины, а многие и того мельче, они росли так тесно, что если захотеть сорвать одно яблоко, то пришлось бы сорвать целую гроздь.

В этом зрелище было что-то отталкивающее, противоестественное — и в то же время вызывающее жалость. За что несчастному дереву такая мука? А это была поистине мука — другого слова не подберешь. Было видно, как яблоня страдает, корчится, изнемогает под тяжким грузом; сколько месяцев она

готовилась к тому, чтобы дать этот небывалый — и, что самое ужасное, совершенно несъедобный урожай! Ни одно яблоко нельзя было взять в рот, все они никуда не годились. Он ступал по ним, давил каблуками, и они тут же превращались в чавкающее, скользкое месиво; он был вынужден сорвать несколько пучков травы и обтереть ботинки.

Гораздо лучше было бы, если бы дерево погибло, пока оно еще стояло голое, пока не зацвело. А что теперь с ним делать? Кому и зачем нужна куча гниющих яблок, которая только портит весь вид в саду? Какая польза в этой старой яблоне, осевшей, скрюченной, словно от боли, но всем своим видом — он готов был поклясться — выражающей тайное торжество, почти злорадство?

Дерево против воли притягивало взгляд. Как тогда, весной, когда оно покрылось несметным числом набрякших, грязно-белых цветов, так и теперь, со всей этой безумной массой яблок. От него было некуда деться. Все окна жилой половины выходили в сад, и он знал, что ему предстоит. Яблоки провисят еще весь октябрь и ноябрь, дожидаясь, пока их снимут, а снимать их никто не станет, потому что есть их нельзя. Он с ужасом подумал, что старая яблоня может простоять в таком виде целую вечность — и всякий раз, как он будет выходить на террасу, она будет торчать у него перед глазами, ненавистная, кособокая уродина.

Удивительно все-таки, до чего он ее невзлюбил. Она неотвязно напоминала ему о том... о чем, собственно, он сам толком не знал... в общем, обо всем, что он всей душой ненавидел. Определить это точнее он не мог. И немедленно принял решение: надо, чтобы Виллис снял все яблоки, увез их, продал, любым способом сбыв с рук — лишь бы не смотреть на них всю осень, не видеть, как корчится под их тяжестью злополучная яблоня.

Он повернулся к ней спиной и с облегчением заметил, что ни одно другое дерево не опозорило себя излишеством. Яблоки были на многих, но в нормальном, умеренном количестве, и стоявшая рядом со старой молоденькая яблонька тоже, как он и предполагал, не подвела. На ней росли очень славные, не слишком крупные яблоки, аппетитно подрумяненные солнцем. Пожалуй, надо сорвать одно яблочко,

съесть после завтрака. Он выбрал самое симпатичное и едва успел к нему прикоснуться, как яблоко само с готовностью упало ему на ладонь. Оно было такое соблазнительное, что он не утерпел и откусил кусочек — и оно не обмануло его ожиданий: ароматное, сочное, немного терпкое, сбрызнутое росой. Он не стал больше смотреть по сторонам и пошел в дом завтракать — он уже успел проголодаться.

Садовник провозился с яблоками почти неделю — он работал с явной неохотой.

— Меня не касается, куда вы денете эти яблоки, — предупредил его хозяин. — Можете продать их и деньги оставить себе, можете забрать домой, скормить свиньям. Я не желаю их видеть, вот и все. Запаситесь лестницей повыше и сразу же беритесь за дело.

Ему казалось, что Виллис тянет из чистого упрямства. Он не раз наблюдал из окна за его действиями — это было похоже на замедленный фильм. Сперва садовник подтаскивал и долго устанавливал лестницу. Потом не спеша взбирался по ней, потом слезал опять и принимался подпирать лестницу снизу. Потом начинал по штучке обрывать яблоки и складывать в корзину. Изю дня в день Виллис маячил у него перед глазами — либо торчал на лестнице, либо копошился под деревом; ветки скрипели и стонали, а внизу, на земле, стояли корзины, ведра, тазы, и все это заполнялось яблоками, и конца этому не было видно.

Но конец все же наступил. Лестницу унесли, корзины и ведра тоже. В тот вечер он с удовлетворением оглядел дерево. Слава богу! Больше нет этой гнили, которая так действовала ему на нервы. Все яблоки до последнего обобраны.

Но и освобожденная от бремени, яблоня как будто не испытывала облегчения: она выглядела так же уныло — если это только возможно, еще более уныло, чем прежде. Ветки понуро свисали вниз, а листья, уже тронутые первыми холодами, съежились и зябко дрожали. «И это мне награда? — словно спрашивала старая яблоня. — После того, что я для тебя сделала?»

По мере того как сгущались сумерки, силуэт старой яблони становился все мрачнее, все угрюмее. Скоро зима. Скоро придут короткие, скучные дни.

Он не любил это время года. Когда он еще работал и каждый день ездил в Лондон, в ноябре — декабре приходилось вставать и выходить еще затемно, дрожа от холода. В конторе уже часа в три дня, а то и раньше зажигали свет: город часто окутывал туман — влажный, гнетущий. Отработав день, он снова долго трясся в поезде бок о бок с такими же, как он, добывателями хлеба насущного — по пять человек на сиденье, многие с кашлем, с насморком. Потом наступал невыносимо долгий вечер дома, когда они с Мидж сидели друг против друга у камина и он слушал — или притворялся, что слушает, — ее подробный отчет о том, что произошло за день и что где сломалось или вышло из строя.

Если в доме вдруг выдавался день без катастроф, она выискивала любой предлог, чтобы все-таки испортить ему настроение: «Тут пишут, что проезд по железной дороге опять подорожает — сколько же теперь будет стоить твой сезонный билет?» Или: «Не нравятся мне эти беспорядки в Южной Африке, сегодня в шестичасовых новостях только о них и говорили». Или: «В инфекционную больницу доставили еще троих с полиомиелитом. Прямо не знаю, куда смотрит наша медицина...»

Теперь ему по крайней мере не приходилось играть роль слушателя, но память об их нескончаемо долгих вечерах оставалась при нем, и, когда зажигался свет и задергивались занавеси, он как будто снова слышал позвякивание спиц, бессмысленную болтовню, протяжные зевки... И тогда перед ужином или после ужина он стал заходить в ближайший пивной бар — у шоссе, за четверть мили от дома. Там ему никто не докучал. Он здоровался с хозяйкой, приветливой толстухой миссис Хилл, усаживался в уголке у стойки и подолгу сидел, потягивая виски с содовой, покуривая и наблюдая за окрестными жителями, которые заходили пропустить кружку пива, покидать дровишки, посплетничать.

В каком-то смысле это было продолжение летнего отдыха. Он даже находил что-то общее между беззаботной атмосферой европейских кафе и ресторанчиков и живой, непринужденной обстановкой

в этом ярко освещенном, насквозь прокуренном баре, заполненном простыми, симпатичными людьми, которые ничуть ему не мешали: это было приятно действовало успокаивающе. Часы, проведенные в баре, разнообразили и скрашивали длинные зимние вечера.

В середине декабря он простудился и больше недели просидел дома. И тут он с удивлением заметил, как не хватает ему этих вечерних выходов, до какой степени он успел к ним привыкнуть и как невыносимо тоскливо проводить вечера в одиночестве у себя в гостиной или в кабинете, не зная, чем заняться, — разве что читать да слушать радио. Простуда и вынужденное безделье привели к тому, что он стал угрюм, раздражителен; снова начала пошаливать печень. Нет, нельзя сидеть без движения. На исходе очередного холодного, пасмурного дня он решил, что завтра, независимо от погоды, непременно выйдет из дому. Небо хмурилось уже часов с двух, обещая в скором времени снегопад, но что бы там ни было, он не может оставаться в четырех стенах еще целые сутки, ему нужна какая-то разрядка.

Последней каплей, переполнившей его терпение, оказался эпизод за ужином. Он только начал приходить в себя после простуды и вступил в тот период, когда вкусовые ощущения притупились, аппетит еще не восстановился, но организм уже требует чего-то нестандартного. Хочется, например, птицы. Скажем, половинку жареной куропатки, любовно приготовленной, и к ней воздушное сырное суфле. М-да, с таким же успехом можно требовать с неба луну... Прислуга, начисто лишенная воображения, подала на ужин камбалу — из всех видов рыбы самую безвкусную и пресную. К рыбе он почти не притронулся. Убрав тарелку, прислуга принесла из кухни какой-то пирог, и, поскольку он по сути дела остался голоден, он отрезал себе солидный кусок.

Но стоило ему только положить его в рот, как он тут же, давась и кашляя, выплюнул все на тарелку. Потом встал и позвонил.

Прислуга вышла из кухни и вопросительно взглянула на него.

— Это что за чертовщина, позвольте вас спросить?

— Пирог с повидлом, сэр.

— С каким еще повидлом?

— С яблочным. Это домашнее повидло, сэр, не покупное. Я сама варила.

Он в ярости швырнул на стол салфетку.

— Так я и думал. Разумеется, из тех самых яблок, которые вы один раз уже пытались мне подсунуть. Я ведь сказал тогда и вам, и Виллису, и сказал, кажется, ясно, что не желаю больше видеть эти яблоки.

Она поджала губы, и лицо ее приняло напряженное, сухое выражение.

— Вы приказали, сэр, не готовить компот и не подавать их на сладкое. А насчет повидла вы не говорили. Я подумала, что уж в таком-то виде ничего в них плохого нету. Я и сварила — сперва на пробу, очень вкусно получилось. А потом взяла у Виллиса еще яблок, сварила побольше и закатала в банки. Мы с хозяйкой всегда делали такие заготовки.

— Напрасно утруждались. Я эту дрянь есть не буду, вы уж меня извините. Я эти яблоки не переношу — меня от них тошнит, понимаете? И в виде повидла, и в любом другом виде. Заберите пирог — и чтобы больше я не видел ваше повидло. Подайте мне кофе в гостиную.

Он вышел из столовой, дрожа от бешенства. Такая, казалось бы, мелочь — и чтобы так вывести человека из себя! О боже! Что за олухи! Ведь и она, и Виллис прекрасно знали, что он терпеть не может эти яблоки, — и все-таки, со своей пошлой мелочностью и крохоборством, решили их пустить на повидло. И его же этой дрянью накормить!

Он одним глотком, ничем не разбавляя, выпил виски и закурил сигарету.

Вскоре прислуга принесла ему кофе, но, поставив поднос на столик, почему-то не уходила.

— Я хотела с вами поговорить, сэр, если можно.

— Что такое?

— Наверно, будет лучше, если я возьму расчет.

Только этого еще не хватало! Ну и денек! Ну и вечерок!

— С чего вдруг? Из-за того, что я не ем пирог с повидлом?

— Нет, сэр, не в этом дело. Просто в доме теперь

все как-то не так. Я уж много раз хотела вам сказать, да не решалась.

— Я вам, кажется, особых хлопот не доставляю.

— Верно, сэр. Только раньше, при хозяйке, я знала, что мою работу видят и ценят. А теперь никому не интересно — делаю я что, не делаю... Вы месяцами слова не скажете, выходит, я вроде бы зря стараюсь — никогда не знаю, угодила или нет. Мне, наверно, лучше подыскать другое место, где семья, где есть хозяйка. Она хоть поругает, хоть похвалит, а все ж таки заметит.

— Вам, разумеется, виднее. Поступайте как знаете. Мне жаль, что вам здесь разонравилось.

— И летом, сэр, вас очень долго не было. При хозяйке вы уезжали не больше чем на две недели. Да и вообще теперь все по-другому. Не знаем прямо, на каком мы свете. Что я, что Виллис.

— Вот как? Виллис тоже хочет уходить?

— Я за него не скажу, сэр. Знаю, что из-за яблок он сильно расстроился, но это уж дело прошлое. Надумает уходить — сам вас предупредит.

— Ну что ж, я насильно никого не держу. Честно говоря, не думал, что причиняю вам обоим столько неприятностей. Ладно, пока кончим на этом. Спокойной ночи.

Прислуга вышла. Он остался сидеть, угрюмо озираясь по сторонам. Черт с ними, хотят уходить — пусть катятся, невелика потеря. В доме все как-то не так... Теперь все по-другому... Бред какой-то! Виллис, видите ли, расстроился из-за яблок. Вот наглость! Может быть, он не имеет права распоряжаться фруктами из собственного сада?! Ладно, плевать и на погоду, и на простуду. Он не в состоянии больше сидеть и ломать себе голову из-за кухарки и садовника. Лучше пойти в бар и постараться забыть всю эту глупую историю.

Он надел пальто, нахлобучил на голову старую фуражку, замотал шею шарфом и вышел на улицу. Через двадцать минут он уже сидел на своем привычном месте, в уголке, а миссис Хилл отмеривала ему в стакан порцию виски и радовалась, что он снова тут. Двое-трое постоянных клиентов тоже дружелюбно улыбнулись ему, спросили о здоровье.

— Малость простыли, сэр? Сейчас везде одно и то же. Все ходят с простудой.

— Это точно.

— Такое уж время простудное. Ни осень, ни зима.

— Да, простуда — скверная штука. Особенно когда грудь заложит.

— А насморк что, лучше? Голова как котел.

— Что верно, то верно. Одно худо и другое не легче. Тут уж ничего не скажешь.

Симпатичные, открытые лица. Славные люди. Не нудят, не действуют на нервы.

— Еще виски, пожалуйста.

— Извольте, сэр. Дай бог на пользу. Хорошо простуду выгоняет.

Миссис Хилл улыбалась ему через стойку. Добродушная, гостеприимная толстуха. Сквозь пелену дыма до него доносились разговоры, громкий смех, пощелкивание дротиков, одобрительный гогот, когда кто-то попадал точно в цель.

— ...а если еще снег пойдет, то прямо не знаю, что и делать, — говорила миссис Хилл. — Уголь вовремя опять не завезли. Был бы запасец дров, можно бы перебиться до ближайшей доставки, а за дрова сейчас знаете сколько просят? По два фунта за воз!

С удивлением он услышал собственный голос — он шел откуда-то издалека:

— Я вам привезу дров.

Миссис Хилл обернулась. Она говорила с каким-то клиентом.

— Простите, сэр?

— Я вам привезу дров, — повторил он. — У меня в саду старое дерево, давно пора его пустить на дрова. Я его спилю. Завтра же. Для вас. — И он кивнул с довольным видом.

— Ну что вы, сэр, зачем же так себя утруждать! Уголь привезут, не беспокойтесь.

— Мне не трудно. Наоборот, приятно. Поработать... на воздухе... одно удовольствие. Для здоровья полезно. Жирок растрясти. Завтра спилю.

Он слез со своего табурета и стал медленно, старательно натягивать пальто.

— Это яблоня, — уточнил он напоследок. — Будете яблоней топить?

— Да чем угодно, сэр, были бы дрова... А что, разве эта яблоня у вас лишняя?

нула! Так ее, так ей и надо! Наконец-то... будь она проклята... оглушительный треск — и вот она лежит перед ним на земле, распластав свои уродливые ветки.

Он выпрямился и вытер пот со лба и шеи. Следы разгрома окружали его со всех сторон, а у самых ног торчал расщепленный, голый, обезображенный пенёк.

Пошел снег.

Первым делом, повалив дерево, надо было отделить сучья и ветки и рассортировать их по толщине, чтобы было удобней перетаскивать к машине.

Всю мелочь, веточки и щепки, тоже надо было подобрать и связать — сгодятся на растопку, миссис Хилл будет довольна. Он подогнал машину с прицепленным трейлером к садовой калитке у террасы. С ветками потоньше нетрудно было справиться без топора — он пустил в ход кривой садовый нож. Тяжелее оказалось складывать их и увязывать, а потом перетаскивать вдоль террасы к калитке и загружать на трейлер. Самые толстые сучья он отсекал топором и разрубал на три-четыре части, чтобы можно было накинуть на них веревочную петлю и протащить по земле волоком.

Он чувствовал, что время поджигает. К половине пятого начнет темнеть — уже сейчас смеркалось, а снег все шел и шел. Земля побелела, и, когда он останавливался передохнуть и вытереть пот, снежинки покалывали ему лицо и, попадая за воротник, неприятно холодили кожу. Если он поднимал голову, снег тут же налипал ему на ресницы, слепил глаза. Снег валил все быстрее, все гуще; вокруг роились снежные вихри, небо превратилось в сплошную снеговую завесу, которая опускалась ниже и ниже, грозя окутать и задушить землю. Снег заносил обрубленные сучья и ветки, мешая их собирать. Стоило ему на секунду прервать работу, чтобы перевести дух и собраться с силами, как снег спешил укрыть мягким белым одеялом сваленные в беспорядке обрубки.

В перчатках он работать не мог: в них было неудобно держать топориче или рукоятку ножа, завязывать узлом веревку. Руки у него заоченели от

холода, пальцы сгибались с трудом. Где-то под сердцем он чувствовал ноющую боль — от усталости, от напряжения, а работа все никак не кончалась. Когда он, перетащив и взвалив на трейлер очередную охапку дров, возвращался за новой, то казалось, что груда разнокалиберных сучьев и ветвей ничуть не уменьшается; или он вдруг замечал в стороне случайно забытую, почти полностью занесенную снегом кучку растопки — и опять все начиналось сначала: складывать, связывать, волочить по земле или взваливать на спину...

Время уже близилось к пяти; кругом совсем стемнело, когда он разделался с ветками и сучьями. Оставалось перетащить и погрузить на трейлер ствол, предварительно уже разрубленный на три части.

Он был почти без сил и держался только благодаря решимости сегодня же любой ценой избавиться от старой яблони. Дышал он тяжело, с трудом; снег то и дело попадал ему в рот, в глаза, и работал он чуть ли не ощупью.

Он взял веревку, нагнулся, подсунул ее под холодное, скользкое бревно и рывком затянул узел. Какая тяжесть, какая неподъемная тяжесть! Какая грубая, жесткая кора, как болят его закоченевшие руки!

— Ну, ничего, — пробормотал он сквозь зубы, — теперь тебе конец, крышка!

Шатаясь, он выпрямился, перекинул веревку через плечо и потащил бревно вниз по склону к террасе и дальше, к садовой калитке. Оно рывками двигалось по мокрому снегу, вихляясь и стучаясь о ступеньки террасы. Один за другим безжизненные, голые останки старой яблони проделали последний скорбный путь.

Ну, все. Задача выполнена. Он постоял у нагруженного трейлера, хватая ртом воздух. Теперь остается только доставить груз в пивную миссис Хилл, пока дорогу еще не занесло. К счастью, он заранее сообразил надеть на колеса цепи.

Он вернулся в дом сменить одежду, потому что вымок насквозь, и проглотить порцию виски. Огонь в камине он разводить не стал, не стал и задергивать занавеси. Думать об ужине тоже было некогда. Все то, чем занималась обычно прислуга, он просто вы-

кинул из головы: сейчас было не до того. Сейчас надо выпить, чтобы согреться, и не мешкая трогаться в путь.

Его мозг был измучен и тоже словно закоченел, как руки, как все его тело. Секунду он колебался: не отложить ли все до завтра, а сейчас рухнуть в кресло, закрыть глаза... Нет, нельзя. Завтра снега навалит еще больше, чего доброго, фута на два, на три, и на шоссе вообще будет не выехать. Он знал, чем грозит такой снегопад. Трейлер с грузом намертво застрянет у калитки. Нет, надо во что бы то ни стало все закончить сегодня.

Он допил виски, переоделся в сухое и вышел из дому. Снег по-прежнему падал не переставая, но с наступлением темноты воздух сделался суше, морознее; температура ощутимо понизилась. Снежные хлопья стали крупнее, реже и слетали на землю медленно, кружась и опускаясь в четком ритме.

Он завел мотор и стал потихоньку съезжать вниз к шоссе, таща за собою трейлер. Он знал, что с грузом быстро ехать опасно. После нескольких часов напряженной физической работы было особенно трудно вглядываться в дорогу, еле различимую сквозь снежную пелену, то и дело протирать переднее стекло. Никогда еще освещенные окна придорожной пивной не радовали его так, как в ту минуту, когда он наконец свернул с шоссе во двор.

Он шагнул через порог и остановился, щурясь от яркого света и довольно усмехаясь про себя.

— Принимайте груз! Я привез вам дрова.

Миссис Хилл изумленно воззрилась на него из-за стойки. Двое-трое посетителей повернулись и тоже посмотрели с удивлением, а игроки, как по команде, притихли.

— Неужто вы... — начала было миссис Хилл, но он со смехом мотнул головой в сторону двери.

— Идите посмотрите, — сказал он, — только чур — разгружать сегодня не просите.

И он уселся на свое излюбленное место в уголке, посмеиваясь про себя, а все вокруг принялись ахать и восторгаться, и кто-то вышел во двор посмотреть, а потом народ столпился у дверей, и его, как героя дня, стали забрасывать вопросами, а миссис Хилл все подливала ему виски, и рассыпалась в благодарностях, и растроганно качала головой.

— Пейте на здоровье, сэр, с вас платы не берем! — объявила она.

— Вот еще! Ни в коем случае, — возразил он, — наоборот, сегодня я всех угощаю. Налейте всем два раза за мой счет! Давайте, ребята!

Было славно — весело, тепло, непринужденно; и он без конца желал им здоровья, удачи — им всем, и миссис Хилл, и себе самому, и всем людям на свете. Когда Рождество? Через неделю, через две? Надо выпить и по этому случаю. Счастливого всем Рождества! Он забыл про снег, про мороз. В первый раз он пил со всеми вместе, участвовал в общем веселье, даже попробовал сам кинуть дротик. В пивной было тесно, шумно, но ему в этом теплом, душном, насквозь прокуренном помещении все равно было хорошо, он был доволен, видел, что вокруг друзья, он не был больше для них чужаком, человеком из другой среды; он был одним из них.

Время шло — кто-то прощался и уходил домой, другой тут же занимал освободившееся место, а он все сидел и сидел в баре, впитывая в себя уютное тепло, перемешанное с табачным дымом. В голове у него был туман — он как-то мало вникал в то, что творилось вокруг, но особенно не огорчался: толстуха миссис Хилл не забывала наполнять его стакан и добродушно улыбалась через стойку.

Перед глазами у него замаячило знакомое лицо — ну да, это работник с фермы, во время войны они подменяли друг друга на тракторе. Он наклонился, тронул его за плечо и спросил:

— Что стало с девочкой?

Работник поставил свою кружку на стойку.

— Вы о ком, сэр?

— Ну, помните, молоденькая девочка. Работала на ферме. Коров доила. Кормила поросят. Хорошенькая, кудрявая. Темные волосы. Всегда с улыбкой. Помните?

Миссис Хилл кончила обслуживать очередного клиента и повернулась в их сторону:

— Может, это они про Мэй спрашивают?

— Да, да, именно. Я вспомнил, так ее и звали: Мэй.

— Разве вы не слышали, сэр? — спросила миссис Хилл, доливая ему в стакан. — Мы тогда все так

переживали, только об этом и говорили, верно, Фред?

— Точно, миссис Хилл.

Работник вытер рот тыльной стороной руки.

— Погибла Мэй, — сказал он, — ехала на мотоцикле с одним парнем и разбилась. Вот-вот должна была выйти замуж, и тут такое дело. Года четыре уж прошло. Прямо вспомнить страшно. Хорошая такая девушка.

— Мы тогда собрали деньги на венок, — сказала миссис Хилл. — Потом мать ее написала, поблагодарила, и вырезку прислала из тамошней газеты. Верно, Фред? Такие были пышные похороны, цветов видимо-невидимо. Бедняжка Мэй. Ее тут все любили.

— Это точно, — подтвердил Фред.

— Подумать только, сэр, что вы не знали! — вздохнула миссис Хилл.

— Нет, я не знал, — ответил он. — Никто мне не сказал. Жаль. Очень жаль девочку.

И он замолчал, глядя на свой стакан, уже наполовину пустой.

Разговоры вокруг шли своим чередом, но он их больше не слышал. Он опять остался наедине с собой, отрешившись от окружающего. Погибла! Такая славная, совсем молоденькая! Уже четыре года, как погибла... Согласилась прокатиться с каким-то безмозглым идиотом, он хотел перед ней поковырять, погнал вовсю, не тормознул на повороте... А она обхватила его руками сзади, прижимается к нему, смеется... и вдруг удар... конец! И нет больше кудрявых волос, нет больше смеха...

Да, так ее и звали — Мэй, теперь он окончательно вспомнил. И мысленно увидел, как она улыбнулась ему через плечо, когда кто-то ее окликнул. «Иду-у-у!» — ответила она нараспев, поставила на землю громыхнувшее ведро и пошла через двор, насвистывая, стуча тяжелыми, не по росту большими сапогами. Всего-то и успел он, что обнять ее, поцеловать, заглянуть в ее смеющиеся глаза. Один короткий миг... Ах, Мэй, Мэй...

— Уже уходите, сэр? — сказала миссис Хилл.

— Да, надо двигаться.

Он добрался до выхода и открыл дверь. За прошедший час мороз усилился. Небо очистилось от мутной снежной пелены, и выглянули звезды.

— Подсобить вам с машиной, сэр? — спросил кто-то сзади.

— Спасибо, не нужно, — ответил он, — я справлюсь.

Он отцепил свой груз, и трейлер одним концом уткнулся в снег. От толчка часть дров сползла вперед. Ничего, до завтра полежат. Завтра, если будет настроение, он вернется и поможет с разгрузкой. Только не сегодня. На сегодня все. Он внезапно ощутил смертельную усталость. Из него словно разом ушли последние силы.

Довольно долго он провозился с зажиганием и когда наконец тронулся с места и одолел примерно треть пути, понял, что зря связался с машиной — проще было ее оставить. На дороге, которая сворачивала от шоссе к его дому, снег лежал толстым, рыхлым слоем; след от колес успело давно замести. Машину дергало и заносило; вдруг правое переднее колесо куда-то повело, и машина завалилась набок. По-видимому, въехала в сугроб.

Он вылез и огляделся. Действительно, машина увязла глубоко, и без помощи двоих-троих дюжих мужчин сдвинуть ее нечего было и думать. Даже если вернуться и кликнуть помощников, ехать дальше по таким сугробам не имеет смысла. Лучше бросить ее там, где стоит, и прийти поутру, отдохнувшись и собравшись с силами. Не стоит биться с ней полночи, понапрасну тянуть и толкать, когда это прекрасно можно сделать утром. Здесь, в стороне от шоссе, с машиной ничего не случится — так поздно по этой дороге уже наверняка никто не поедет.

Он зашагал по направлению к дому. Да, не повезло, что машина угодила в сугроб. На середине дороги снегу было не так уж много, по щиколотку. Он поглубже засунул руки в карманы пальто. Дорога шла в гору; слева и справа тянулась ровная белая пустыня.

Он вспомнил, что еще днем отпустил прислугу и что дом теперь стоит холодный и пустой. Огонь в камине, скорее всего, давно погас; чего доброго, котел в подвале тоже. Окна с незадернутыми занавесями чернеют на фасаде, как пустые глазницы. Еще придется что-то изобретать на ужин... Ну что ж, сам виноват. Кроме самого себя, винить некого.

В такое время кто-то должен был бы ждать дома — выбежать в холл навстречу, зажечь свет, поскорее отпереть парадную дверь... «С тобой все в порядке, дорогой? Я уже волнуюсь!»

Одолев подъем, он остановился передохнуть и увидел невдалеке, за деревьями, свой дом. Без единого огонька, дом казался мрачным, неприютным. Стоять под открытым небом, усеянным звездами, на белом хрустящем снегу было как-то веселее и спокойнее, чем возвращаться в безлюдный, темный дом.

Садовая калитка была открыта настежь; он прошел через нее и затворил за собой. В саду, занесенном снегом, царила тишина; нигде не раздавалось ни звука. Он как будто вступил в заколдованное снежное царство.

Он медленно пошел по снегу вдоль террасы.

Теперь молоденькая яблонька осталась на краю одна — никто ей не мешал. Она стояла, горделиво расправив запорошенные снегом ветки, и сама в этом сверкающем наряде была как легкий призрак, явившийся из мира сказок и фантазий. Ему захотелось подойти к ней поближе, коснуться ее, убедить, что она жива, не замерзла под снегом, что весною расцветет опять.

Он был уже почти рядом с ней, но неожиданно споткнулся, упал и больно подвернул ногу. Пошевелив ногой, он почувствовал, что она застряла в какой-то западне. Он дернул посильнее и по резкой боли в лодыжке понял, что нога завязла крепко и вытащить ее будет нелегко. И только тут сообразил, что попал ногой в расщепленный, искореженный пень, оставшийся от старой яблони.

Лежа ничком и опираясь на локти, он попробовал сдвинуться вперед и вбок; но упал он так неудачно, что любая попытка изменить положение приводила к тому, что пень еще сильнее сдавливал ногу. Он стал шарить руками вокруг, но пальцы сквозь снег натыкались на острые щепки, торчки и обломки, которыми была усеяна земля под яблоней. Тогда он стал звать на помощь, понимая в глубине души, что никто не услышит, никто не отзовется.

«Отпусти меня, — кричал он, — отпусти», — словно то, что держало его как клещами, способно было сжалиться, освободить его; он кричал, и по

лицу у него катились слезы страха и отчаяния. Неужели придется лежать тут всю ночь? Неужели эти адские тиски не разомкнутся? Никакого выхода, никакой надежды на спасение! Надо ждать, пока наступит утро, пока кто-нибудь появится, найдет его... а вдруг будет уже слишком поздно? Вдруг он не дотянет до утра и люди наткнутся на замерзший, занесенный снегом труп?

Он снова попытался вытащить ногу, мешая рыдания с проклятиями. Никакого результата. Полная неподвижность. В изнеможении он уронил голову на руки. Из глаз у него текли слезы, он все глубже и глубже оседал в снег, и когда его губ случайно коснулась какая-то веточка, мокрая и холодная, ему почудилось, что это чуть заметное прикосновение руки, робко тянувшейся к нему в темноте.

СИНИЕ ЛИНЗЫ

Наконец настал день, когда ей снимут повязку и поставят синие линзы. Мада Уэст подняла руку к глазам и коснулась тонкой шероховатой ткани, под которой слой за слоем лежала вата. Ее терпенье будет вознаграждено. Дни переходили в недели, и она все лежала после операции, не испытывая физических страданий, но томясь от погружающей все в неизвестность тьмы и безнадёжного чувства, что действительность, сама жизнь проходит мимо нее. Первые дни ее терзала боль, но милосердные лекарства вскоре смягчили ее, острота притупилась, боль исчезла, осталась лишь огромная усталость — реакция после шока, как ее заверяли. Что до самой операции, она прошла успешно. На все сто процентов. Перспектива была явно обнадеживающая.

— Вы будете видеть, — сказал ей хирург, — еще лучше, чем прежде.

— Откуда вы это знаете? — настаивала Мада Уэст, стремясь укрепить тонкую ниточку веры.

— Мы обследовали ваши глаза, когда вы были под наркозом, — ответил он, — и вторично, когда вам ввели обезболивающее средство. Мы не станем вас обманывать, миссис Уэст.

Она выслушивала эти заверения два-три раза на

день, но время шло, и ей пришлось запастись терпением: теперь она упоминала о глазах, пожалуй, не чаще, чем раз в сутки, и то не прямо, а стараясь застать «их» врасплох. «Не выбрасывайте розы. Мне хочется на них посмотреть», — просила она, и дневная сиделка проговаривалась, пойманная в ловушку: «Они завянут до того времени». Это означало, что до следующей недели повязка снята не будет.

Определенные даты не упоминались никогда. Никто не говорил: «Четырнадцатого числа этого месяца к вам вернется зрение». И она продолжала свои уловки, делала вид, что ей все равно и она согласна ждать. Даже Джим, ее муж, попадал теперь в разряд «они» вместе с персоналом лечебницы; она больше ничего не рассказывала ему.

Раньше, давным-давно, она поверяла ему все свои страхи и опасения, и он разделял их с ней. До операции. Тогда, страшась боли и слепоты, она цеплялась за него и говорила, мысленно представляя себя беспомощной калекой: «Что, если я навсегда потеряю зрение? Что тогда со мной будет?» И Джим, тревога которого была не менее жгучей, отвечал: «Что бы ни случилось, мы пройдем через это вместе».

Теперь, сама не зная почему, разве из-за того, что темнота утончила ее чувства, Мада стеснялась обсуждать с мужем свои глаза. Прикосновение его руки было таким же, как прежде, и поцелуй, и сердечный голос, и, однако, все эти дни ожидания в ней набухало зернышко страха, что он, как и персонал лечебницы, был к ней слишком добр. Доброта тех, кому что-то известно, по отношению к тем, от кого это скрывают. Поэтому, когда наконец настал долгожданный день и во время вечернего визита хирург сказал: «Завтра я поставлю вам линзы», изумление пересилило радость. Мада Уэст не могла промолвить ни слова, и врач вышел, прежде чем она успела его поблагодарить. Неужели это правда и ее агония окончилась? Мада позволила себе один-единственный, последний пробный шар, когда дневная сиделка уходила с дежурства. «К ним надо будет привыкнуть, да? И сперва будет немного больно?» — утверждение в форме беспечного вопроса. Но голос женщины, ухаживавшей за ней в течение стольких тягостных дней, ответил: «Вы даже не почувствуете их, миссис Уэст».

Ее спокойный, приветливый голос, то, как она перекладывала подушки и подносила стакан к вашим губам, легкий запах французского папоротникового мыла, которое она всегда употребляла, — все это внушало доверие, говорило о том, что она не лжет.

— Завтра я вас увижу своими глазами, — сказала Мада Уэст, и сиделка, залившись веселым смехом, который порой доносился из коридора, ответила:

— Да, это будет для вас первым ударом.

Странно, как притупились воспоминания о ее приезде в лечебницу. Врачи и сестры, принимавшие ее, превратились в тени, отведенная ей палата, где она все еще находилась, — просто деревянный ящик, западня. Даже сам врач, умелый и энергичный хирург, рекомендовавший ей во время двух кратких консультаций немедленно лечь на операцию, был теперь для нее только голосом, а не реальным лицом. Он появлялся, отдавал приказания, приказания исполнялись, и было трудно представить, что эта перелетная птица — тот самый человек, который несколько недель назад попросил отдать себя в его руки, который сотворил чудо с живой тканью, бывшей ее собственными глазами.

— Представляю, как вы волнуетесь.

Это был низкий, мягкий голос ночной сиделки, которая лучше всех остальных понимала, что ей, Маде, пришлось перенести. В сестре Брэнд — дневной сиделке — все дышало бодростью дня, с ней появлялось солнце, свежие цветы, посетители. Когда она описывала, какая сегодня погода, она словно творила ее. «Ну и пекло», — говорила сестра Брэнд, распахивая окна, и ее подопечная прямо чувствовала, как от ее формы и накрахмаленной шапочки исходит свежесть, каким-то необъяснимым образом смягчая хлынувшую в комнату жару. А не то, ощущая легкий холодок, она слышала под ровный шум дождя: «Садовники-то будут рады-радешеньки, а вот старшая сестра останется без речной прогулки».

Так же и блюда, даже самые невкусные вторые завтраки, казались деликатесами, когда она предлагала их. «Кусочек камбалы au beurre * — весело потчевала она, разжигая притупившийся аппетит,

* С маслом (франц.).

и приходилось съедать поданную вареную рыбу, начисто лишенную вкуса, ведь иначе вы вроде бы подводили сестру Брэнд, рекомендовавшую ее. «Пончики с яблоками... с двумя-то уж вы, конечно, справитесь», — и во рту появлялся вкус воображаемого пончика, хрустящего, посыпанного сахарной пудрой, когда в действительности он напоминал кусок размокшей подошвы. Бодрость и оптимизм сестры Брэнд не давали вам проявлять недовольство, жаловаться было бы оскорблением, сказать: «Дайте мне полежать спокойно. Я ничего не хочу» — значило проявить слабодушие.

Ночь приносила утешение — появлялась сестра Энсел. Она не ждала от вас мужества. Вначале, во время болей, она, и никто другой, давала болеутоляющие лекарства. Она, и никто другой, взбивала подушки и подносила стакан к запекшимся губам. А когда потянулись недели ожидания, ее мягкий, спокойный голос говорил подбадривающе: «Скоро это кончится. Нет ничего хуже, чем ждать». Ночью, стоило только прикоснуться к звонку, и сестра Энсел была у постели. «Не можете уснуть? Да, это ужасно. Я сейчас дам вам порошок, вы и не заметите, как пройдет ночь».

Сколько сочувствия в плавном, нежном голосе. Измученное вынужденным ожиданием и бездельем воображение, населяющее тьму причудливыми картинками, рисовало для отдыха реальные сценки: они с сестрой Энсел вне стен лечебницы, к примеру, вдвоем, с Джимом, за границей... Джим играет в гольф с каким-нибудь безликим знакомым, представив ей, Маде, бродить вокруг с сестрой Энсел. Сестра Энсел все делала безукоризненно. Никогда не раздражала. Интимность их ночного общения, все эти разделенные лишь ими двумя мелочи связывали пациентку и сиделку узами, которые расторгались только на день, и, когда сестра Энсел без пяти восьми утра уходила с дежурства, она шептала: «До вечера», — и сам этот шепот заставлял Маду предвкушать нечто приятное, словно восемь часов вечера не просто время прихода на работу ночной смены, словно они улавливаются о тайном свидании.

Сестра Энсел понимала вас. Когда вы жаловались утомленно: «День тянулся до бесконечности», ее «О да» в ответ говорило о том, что и для нее день

шел мучительно долго, что она безуспешно пыталась заснуть и лишь теперь надеется вернуться к жизни.

А с какой симпатией, каким интригующим тоном она сообщала о приходе вечернего посетителя: «А кто к нам пришел? Кого мы так хотели видеть? И раньше, чем обычно», — и голос ее наводил на мысль, что Джим — не муж, с которым Мада прожила десять лет, а трубадур, возлюбленный, кто-то, кто нарвал букет принесенных им цветов в очарованном саду и сейчас стоит с ним у нее под балконом. «Какие великолепные лилии!» — восклицала сестра Энсел, вздыхая, точно у нее перехватывало дыхание, и Мада Уэст будто воочию видела экзотических красавиц, тянущихся к небесам, и перед ними — коленопреклоненную сестру, крошку-жрицу. Затем еле слышно звучало застенчивое: «Добрый вечер, мистер Уэст. Миссис Уэст ждет вас». Неслышно прикрыв за собой дверь, она выходила на цыпочках с цветами и почти беззвучно возвращалась: комната наполнялась ароматом лилий.

Должно быть, на второй месяц пребывания в лечебнице Мада предложила, вернее, спросила — сначала сестру Энсел, а затем мужа, — не поедет ли сестра к ним на неделю, после того как Маду выпишут. Это как раз совпадает с ее отпуском. Только на неделю. Только пока Мада не привыкнет снова к дому. «А вы хотите, чтобы я поехала?» В сдержанном голосе звучало обещание. «О да. Мне сперва будет трудно». Не зная, что она понимает под «трудно», Мада Уэст, несмотря на будущие линзы, все еще ощущала себя беспомощной, нуждающейся в ободрении и опеке, которые до сих пор она находила только у сестры Энсел. «Как ты думаешь, Джим?»

В его голосе удивление боролось с нежностью. Удивление, что жена так высоко ставит сиделку, нежность — естественная для мужа, потворствующего капризу больной жены. Во всяком случае, так показалось Маде Уэст, и позже, когда вечерний визит закончился и муж ушел домой, она сказала сестре Энсел: «Никак не могу понять, пришлось ли мое предложение по вкусу мужу». Ответ прозвучал спокойно, ободрятельно: «Не тревожьтесь, мистер Уэст примирился с этим».

— Примирился с чем? С изменением привычного образа жизни? Трое, вместо двоих, за столом, обязательная беседа, непривычный статус гостыи, которой платят за преданность хозяйке? (Хотя на это не будет ни намек, и лишь в конце недели, словно между прочим, ей будет вручен конверт с деньгами.)

— Представляю, как вы волнуетесь. — Сестра Энсел у изголовья, легкая рука на повязке; тепло ее голоса, уверенность, что еще несколько часов и она, Мада, будет свободна, наконец заглушили многодневные сомнения. Успех. Операция прошла успешно. Завтра она снова будет видеть.

— Кажется, — сказала Мада Уэст, — будто ты рождаешься заново. Я уже забыла, как выглядит все вокруг.

— Замечательно, — прожурчала сестра Энсел, — и вы были так терпеливы, так долго ждали.

В ласковой ладони сочувствие и осуждение всех тех, кто в течение долгих недель настаивал на повязке. Будь это в ее власти, будь в ее руке волшебная палочка, к миссис Уэст отнеслись бы куда более снисходительно.

— Как странно, — сказала Мада Уэст, — завтра вы уже не будете для меня только голосом. Вы облечетесь в плоть.

— А сейчас разве я бесплотна?

Притворный упрек, легкое поддразнивание — привычные для их разговоров и столь утешительные для пациентки. Когда зрение вернется к ней, от этого придется отказаться.

— Нет, разумеется, но все будет по-другому.

— Не понимаю почему.

Даже зная, что сестра Энсел маленькая и темная — так она сама описала себя, — Мада Уэст готовилась к сюрпризу при первой встрече — наклон головы, разрез глаз или, возможно, какая-нибудь неожиданная черта лица, слишком большой рот, слишком много зубов...

— Посмотрите, пожалуйста... — Не в первый раз сестра Энсел взяла руку своей подопечной и провела ладонью по своему лицу; Мада Уэст пришла в смущение, это напоминало полон, где ее рука была пленницей. Выдернув ее, Мада сказала со смехом:

— Мне это ничего не говорит.

— Тогда спите. Вы и не заметите, как наступит утро.

Последовал обычный ритуал: подвинут поближе звонок, проглочено снотворное, выпит последний глоток воды и, наконец, негромкое:

— Спокойной ночи, миссис Уэст. Позвоните, если я вам буду нужна.

Маду всегда охватывало легкое чувство потери, сиротливости, когда дверь закрывалась и сестра покидала ее, и вдобавок ревности, потому что были и другие пациенты, которым она оказывала те же милости, кто так же мог позвонить ночной сиделке, если его мучила боль. Когда Мада Уэст просыпалась — что часто бывало с ней перед рассветом, — она рисовала теперь в воображении не Джима, одного дома, в их спальне, а сестру Энсел, сидящую, возможно, у чьей-нибудь постели, склонившуюся над изголовьем, чтобы облегчить чьи-нибудь страдания, и одно это заставляло Маду тянуть руку к звонку, нажимать пальцем на кнопку и спрашивать, когда отворялась дверь:

— Я вас не разбудила?

— Я никогда не сплю на дежурстве.

Значит, она сидела в уютной нише для дежурных сестер посреди коридора, пила чай или переносила в журнал записи из медицинских карт. Или стояла возле пациента, как стоит сейчас возле нее, Мады.

— Не могу найти платка.

— Вот он. Лежал у вас под подушкой.

Прикосновение к плечу (само по себе улада), еще несколько слов, чтобы продлить ее пребывание, и сестра исчезала — отвечать на другие звонки и другие просьбы.

— Ну, на погоду сегодня жаловаться нельзя!

Наступил день, и сестра Брэнд влетела в палату, как первый утренний ветерок, когда стрелка барометра указывает на «ясно».

— Все готово для великого события? — спросила она. — Нам надо поторопиться и надеть самую красивую ночную сорочку, чтобы встретить мистера Уэста.

...Та же операция в обратном порядке. Однако на этот раз — в ее палате, на ее собственной постели.

Лишь проворные руки хирурга и сестры Брэнд ему в помощь. Сперва исчезла повязка из крепа, затем корпия и вата; чуть ощутимый укол иглы, чтобы притупились все ощущения, и врач делает что-то, что — невозможно понять, с ее глазами. Боли не было. Прикосновение казалось холодным, словно туда, где только что лежала повязка, скользнул кусочек льда, но это не раздражало, напротив.

— Не удивляйтесь, — сказал хирург, — если в первые полчаса не почувствуете разницы. Все будет казаться покрытым дымкой. Затем она постепенно рассеется. Я хотел бы, чтобы это время вы спокойно лежали.

— Понимаю. Я не буду двигаться.

Желанный миг не должен быть слишком внезапным. Это разумно. Темные линзы были временными, лишь на первые дни. Затем их снимут и заменят другими.

— Насколько ясно я буду видеть? — наконец-то осмелилась она спросить.

— Абсолютно ясно. Но не сразу в цвете. Вроде как через темные очки в солнечный день. Даже приятно.

Его веселый смех внушал доверие, и, когда они с сестрой Брэнд вышли, Мада Уэст снова легла, дожидаясь, когда исчезнет мгла и солнечный день ворвется к ней в глаза, как бы ни было притуплено ее зрение, как бы ни было замутнено линзами.

Мало-помалу туман рассеялся. Первый предмет, который она увидела, был весь из углов — шкаф. Затем стул. Затем, — она повернула голову, — постепенно выступили очертания окна, вазы на подоконнике, цветов, которые ей принес Джим. Доносившиеся снаружи звуки слились с очертаниями, и то, что раньше резало слух, звучало теперь благозвучно. Она подумала: «Интересно, а плакать я могу? Линзы не задержат слез?», — но тут же почувствовала, что вместе с драгоценным даром — зрением — к ней вернулись и слезы. И чего тут стыдиться, какие-то одна-две слезинки, которые она тут же смахнула.

Теперь все было в фокусе. Цветы, умывальник, стакан с термометром, халатик. Мада не верила сама себе. Облегчение было столь велико, что она ни

о чем другом не могла думать. «Они мне не лгали. Так все и произошло. Это правда».

Она видела фактуру одеяла, которое так часто гладила рукой. Цвет не имел значения. Приглушенный линзами свет лишь усиливал чары, смягчая все, на что падал ее взгляд. Наслаждаясь формами и очертаниями, она позабыла о цвете. Какое он имеет значение? Когда-нибудь дойдет и до него. Времени у нее достаточно. Что может быть важнее синей симметрии, подвластной ее зрению? Видеть, ощущать, слить то и другое воедино! Она действительно родилась заново, открыла давно потерянный мир.

Теперь ей некуда спешить. Разглядывать свою палату, задерживаясь на каждой мелочи, само по себе было богатством, наслаждением, это можно смаковать. Просто смотреть на комнату, ощупывать ее глазами, переходить взором за ее пределы — к чужим окнам в домах напротив — заполнит многие часы.

«Даже узнику в одиночной камере, — решила Мада, — покажется уютно, если он сперва лишится зрения, а потом ему его возвратят».

Она услышала снаружи голос сестры Брэнд и повернула голову к двери.

— Ну... наконец-то мы снова счастливы?

Мада Уэст с улыбкой смотрела, как одетая в форму фигура входит в комнату с подносом в руках, на котором стоит стакан молока. Но что это? Что за нелепость? Вопреки здравому смыслу голова под форменной шапочкой вовсе не была женской головой. На Маду надвигалась... корова, корова с человеческим телом. Шапочка с рюшем лихо сидела на широко расставленных рогах. Глаза были большие и добрые, но все равно коровьи, ноздри влажные, и стояла она, мерно дыша, так, как стоит корова на пастбище, безмятежная, довольная жизнью, неподвижная, принимая все таким, как оно есть.

— Все кажется немного непривычным, да?

Ее смех был смехом женщины, смехом дневной сиделки, смехом сестры Брэнд. Она поставила поднос на тумбочку возле кровати. Пациентка не ответила. Она закрыла глаза, затем снова открыла их. Корова в платье сестры милосердия все еще была в комнате.

— Признайтесь, — сказала сестра, — вы бы и не догадались, что вы в линзах, если бы не цвет.

Важно было выиграть время. Пациентка осторожно протянула руку к стакану. Стала медленно пить молоко. Маска была напаяна с какой-то целью. Возможно, какой-нибудь опыт, связанный с линзами... хотя в чем он состоит, она не могла и представить. Они, бесспорно, рисковали, обрушивая на нее такой сюрприз, а по отношению к более слабым людям, перенесшим такую же операцию, как она, это было бы просто жестоко.

— Я прекрасно вижу, — сказала она наконец, — во всяком случае, мне так кажется.

Сестра Брэнд стояла, сложив руки на груди, и наблюдала за ней. Широкая фигура в форме была точь-в-точь такая, какой Мада Уэст представляла ее себе. Но эта задранная коровья голова, нелепый рюш на шапочке, нацепленной на рога... А где же граница между маской и телом, если это действительно маска?

— У вас какой-то неуверенный голос, — сказала сестра Брэнд. — Неужели вы разочарованы после всего того, что мы для вас сделали?

Смех звучал: как всегда, весело, но губы медленно двигались из стороны в сторону, словно она жевала траву.

— В себе-то я уверена, — ответила Мада Уэст, — а вот в вас — нет. Это что — шутка?

— Что — шутка?

— Ну... то, как вы выглядите... ваше... лицо?

Синие линзы не настолько затемняли свет, чтобы она не смогла заметить, как изменилось выражение сиделки. У коровы явственно отвисла челюсть.

— Право, миссис Уэст! — На этот раз смех звучал не так сердечно. Удивление ее было бесспорным. — Я такая, какой меня сотворил господь. Возможно, он мог бы сделать свою работу лучше.

Сиделка-корова подошла к окну и резким движением во всю ширь раздернула занавеси — комнату залил яркий свет. У маски не видно было краев, голова незаметно переходила в тело. Мада Уэст представила, как корова, если на нее напасть, опускает голову и выставляет рога.

— Я не хотела вас обидеть, — сказала она, — но, право, немного странно... Понимаете...

Она была избавлена от объяснения, так как дверь отворилась и в комнату вошел хирург. Во всяком случае, Мада узнала его голос, когда он сказал: «Хелло! Как дела?» Фигура в темном пиджаке и широких, суженных книзу брюках вполне подходила известному хирургу, но голова... Это была голова фокстерьера, уши торчком, пыльный, острый взгляд. Еще минута, и он залает и завиляет коротким хвостом.

На этот раз пациентка рассмеялась. Очень уж комичным был эффект. Должно быть, это все-таки шутка. Конечно, шутка. Что же еще, но зачем входить в такие расходы и причинять себе столько хлопот? Чего в конечном счете они достигают этим маскарадом? Она резко оборвала смех, увидев, как фокстерьер обернулся к корове и они без слов переговариваются между собой. Затем корова пожала своими слишком уж могучими плечами.

— Мы почему-то кажемся миссис Уэст смешными, — сказала она, и голос ее звучал не слишком довольным.

— Ну и прекрасно, — сказал хирург. — Разве было бы лучше, если бы мы казались ей противными?

Он подошел, протянул руку пациентке и наклонился поближе, чтобы поглядеть на ее глаза. Мада Уэст лежала неподвижно. Его голова тоже не была маской. Во всяком случае, Мада не могла различить ее границ. Уши стояли торчком, острый нос подрагивал. У него даже была отметина — одно ухо черное, другое белое. Мада представила его перед входом в лисью нору: вот он принюхивается, вот, поймав след, продирается в глубь лаза, поглощенный работой, на которую был натаскан.

— Вам бы подошло имя Джек Расселл, — сказала она.

— Простите?

Он выпрямился, но все еще стоял у кровати, — в блестящих глазах пронизательность, одно ухо настороженно торчит вверх.

— Я хочу сказать, — Мада Уэст подыскивала слова, — что это имя подходит вам больше, чем ваше собственное.

Она была смущена. Что он подумает о ней, он, мистер Эдмунд Гривз, за именем которого на двер-

ной дощечке на Харли-стрит стоит целая куча букв — его званий.

— Я знаю одного Джемса Расселла, — сказал он, — но он хирург-ортопед и ломает людям кости. Вам кажется, что я вам тоже что-то сломал?

Голос его звучал оживленно, но в нем проскальзывало удивление, как и у сестры Брэнд. Благодарности, которую они заслужили за свое мастерство, что-то не было видно.

— О, что вы, что вы, — поспешно произнесла пациентка, — ничего у меня не сломано, право, ничего. И ничего не болит. Я все ясно вижу. Слишком ясно, если уж на то пошло.

— Так и должно быть, — сказал хирург и засмеялся — точь-в-точь короткий, резкий лай. — Ну, сестра, — продолжал он, — пациентка может делать все что угодно, в пределах разумного конечно, только не снимать линзы. Вы предупредили ее?

— Как раз собиралась, сэр, когда вы вошли.

Мистер Гривз обернул черный собачий нос к Маде Уэст.

— Я зайду в среду, — сказал он, — и переменю линзы. Пока вам нужно одно — промывать глаза специальным раствором три раза в день. Это обязанность сестер. Сами вы глаза не трогайте. И, главное, не прикасайтесь к линзам. Однажды пациент хотел их снять и поплатился зрением. Он никогда его не восстановил.

«Попробуй только коснись, — казалось, лаял фокстерьер, — получишь по заслугам. Даже и не пытайся. У меня острые зубы».

— Я понимаю, — медленно произнесла Мада Уэст. Но она упустила свой шанс. Теперь она не могла потребовать у него объяснения. Инстинкт подсказывал ей, что врач ее не поймет. Фокстерьер говорил что-то корове, отдавал распоряжения. Резкая, отрывистая фраза и кивок глупой морды в ответ. Верно, в жаркий день мухи сильно ей докучают... или шапочка с рюшем отпугивает их?

Когда они двинулись к двери, пациентка сделала последнюю попытку.

— А постоянные линзы, — спросила она, — будут такие же, как эти?

— В точности такие, — гавкнул хирург, — но

только прозрачные. Вы увидите все в естественном цвете. Значит, до среды.

Он вышел. Сестра — следом за ним. Мада слышала бормотанье голосов за дверью. А теперь что? Если это действительно какой-то опыт, снимут ли они сразу свои личины? Было чрезвычайно важно выяснить это. С ней сыграли не совсем честную шутку, это было злоупотребление доверием. Она слышала, как врач сказал: «Полторы таблетки. Она немного возбуждена. Вполне естественная реакция».

Мада Уэст храбро распахнула дверь. Они стояли в коридоре... все еще в масках. Оба обернулись к ней; в острых блестящих глазах фокстерьера и глубоких глазах коровы был упрек, словно своим поступком пациентка нарушила принятый этикет.

— Вам что-нибудь нужно, миссис Уэст? — спросила сестра Брэнд.

Мада Уэст смотрела мимо них в коридор. Весь этаж участвовал в обмане. У маленькой горничной, которая вышла из соседней палаты со шваброй и совком для мусора, была головка ласки, а сиделка, танцующей походкой идущая с другого конца коридора, была кошечка с кокетливой шапочкой на кудрявой голове. Рядом с ней гордо вышагивал врачев. Даже у швейцара, в это самое время поднявшегося в лифте напротив, была на плечах голова кабана. Вынимая багаж, он хрипло похрюкивал.

Впервые Маду Уэст уколол страх. Откуда они могли знать, что она именно сейчас откроет дверь? Как они сумели все появиться в ту самую минуту, каждый — в маске, все эти сестры и врачи, и горничная, которая как раз вышла из соседней двери, и швейцар, который как раз поднялся на лифте? Должно быть, страх отразился у нее на лице, потому что сестра Брэнд, корова, взяла ее за руку и отвела обратно в палату.

— Вы хорошо себя чувствуете, миссис Уэст? — встревоженно спросила она.

Мада Уэст медленно легла в постель. Если это был заговор, то для чего? Другие пациенты тоже были жертвами обмана?

— Я сильно устала, — сказала она. — Я бы хотела уснуть.

— Вот и отлично, — сказала сестра Брэнд, — а то вы чуть-чуть перевозбуждены.

Она смешивала что-то в стакане, и на этот раз, когда Мада Уэст взяла стакан в руку, пальцы ее дрожали. Может ли корова разглядеть как следует, что она смешивает, какие снадобья? А если она ошибется?

— Что вы мне даете? — спросила она.

— Успокоительное, — ответила корова.

Лютики и ромашки. Пышная зеленая трава. Воображению ничего не стоило почувствовать в питье все три ингредиента. Пациентку передернула дрожь. Она опустилась на подушку, и сестра Брэнд задернула занавеси.

— Расслабьтесь, — сказала она, — и, когда проснетесь, будете чувствовать себя гораздо лучше. — Тяжелая голова потянулась вперед... сейчас она раскроет рот и замычит.

Успокоительное подействовало быстро. Сонное оцепенение охватило тело пациентки.

Вскоре она погрузилась в мирный мрак, но, когда проснулась, ее ждал не нормальный порядок вещей, как она надеялась, а второй завтрак, принесенный кошечкой. Сестра Брэнд сменилась с дежурства.

— Сколько это будет продолжаться? — спросила Мада Уэст. Она уже примирилась с розыгрышем. Глубокий сон восстановил ее силы и отчасти веру в себя. Если это нужно для ее глаз — им видней. Хотя причина их поступка для нее непостижима.

— Что вы хотите сказать, миссис Уэст? — спросила кошечка, улыбаясь. Пустенькая девчонка с поджатыми губками; не успела она кончить фразы, как уже поправляла шапочку.

— Этот опыт с моими глазами, — сказала пациентка, снимая крышку с тарелки, где лежал кусок вареной курицы. — Не вижу, в чем тут смысл. Строите из себя каких-то чучел. Для чего?

Кошечка серьезно, если кошечка может быть серьезной, продолжала смотреть на нее во все глаза.

— Простите, миссис Уэст, — сказала она, — я вас не понимаю. Вы сказали сестре Брэнд, что еще не совсем хорошо видите?

— Дело не в том, что я не вижу, — ответила Мада Уэст. — Вижу я прекрасно. Стул есть стул. Стол — стол. Я буду есть вареную курицу. Но почему вы похожи на кошку, причем полосатую?

Возможно, это звучало невежливо. У нее чуть не

дрогнул голос. Сестра — Мада вспомнила ее, это была сестра Суитинг, и ее имя Китти очень ей подходило — отшатнулась от сервировочного столика.

— Очень жаль, — сказала она, — что не могу вас оцарапать. Меня еще никто не называл кошкой.

Царапина была достаточно глубокой. Кошечка уже выпустила коготки. Она могла мурлыкать что-то льву в коридоре, но с Мадой Уэст она мурлыкать не желала.

— Я ничего не придумываю, — сказала пациентка. — Я вижу то, что вижу. Вы — кошка, нравится вам это или нет, а сестра Брэнд — корова.

На этот раз оскорбление было сознательным. Великолепные усы сестры Суитинг стали торчком.

— Будьте любезны, миссис Уэст, ешьте свое второе и позвоните мне, когда будете готовы есть третье.

И она гордо удалилась из комнаты. Если бы у нее был хвост, подумала Мада Уэст, он бы не вилял, как у мистера Гривза, а яростно бил по полу.

Нет, не было на них никаких масок. Удивление и гнев кошечки были достаточно искренни. И персонал лечебницы не стал бы разыгрывать такой спектакль ради одного пациента, Мады Уэст, — это обошлось бы слишком дорого. Значит, дело в линзах? Линзы по самой своей сущности, благодаря какому-то свойству, понять которое может только специалист, преображают всех, на кого в них смотришь.

У Мады вдруг мелькнула одна мысль, и, оттолкнув в сторону сервировочный столик, она слезла с кровати и подошла к трюмо. Из зеркала на нее смотрело собственное лицо. Темные линзы скрывали глаза, но лицо было ее, Мады Уэст.

— Слава богу, — сказала она, но мысли ее снова вернулись в прежнее русло. Значит, все же обман. Раз собственное ее лицо не изменилось, хоть и видит она его через линзы, значит, здесь действительно заговор, и ее первая догадка насчет масок была правильной. Но почему? Что они этим выигрывают? Может быть, они сговорились между собой свести ее с ума? Но она тут же отказалась от этой мысли — слишком абсурдно. Лечебница и ее персонал пользовались в Лондоне доброй славой. Хирург оперировал даже членов королевской фамилии. К тому же, если

уж они хотели довести ее до безумия, это куда проще было сделать при помощи лекарств. Или анестезии. Дали бы ей во время операции слишком много обезболивающих средств и предоставили умереть. К чему вступать на окольный путь и наряжать врачей и сестер в маски животных?

Она сделает еще одну проверку. Она посмотрит на прохожих. Мада Уэст спряталась за занавеси и выглянула в окно. Сперва на улице было пусто — во время ленча не бывает большого движения. На дальнем перекрестке мелькнуло такси, но она не смогла разглядеть водителя. Мада ждала. На ступени лечебницы вышел швейцар, постоял, глядя по сторонам. Ей ясно была видна его кабанья голова. Но он не в счет. Он может участвовать в заговоре. К дому приближался фургон, водитель был не виден... но вот он сбавил скорость и выглянул из кабины — перед ней мелькнула плоская лягушачья голова, выпученные глаза.

У Мады упало сердце. Она отошла от окна и снова легла в постель. Есть ей больше не хотелось, и она отодвинула тарелку, почти не прикоснувшись к курице. Она не стала звонить, и спустя какое-то время дверь приоткрылась, но то была не кошечка, а маленькая горничная с головой ласки.

— Вы что хотите на третье: плам-пудинг или мороженое, мадам? — спросила она.

Мада Уэст, не раскрывая глаз, покачала головой. Робко скользнув вперед, чтобы забрать поднос, ласка сказала:

— Тогда сыр и кофе?

Ее голова соединялась с туловищем без всякого шва. Это не могло быть маской, разве что какой-то гениальный художник придумал маски, незаметно переходящие в тело, так, что материя сливалась с кожей.

— Только кофе, — сказала Мада Уэст.

Ласка исчезла. Снова стук в дверь, на пороге возникла кошечка: спина дугой, шерсть дыбом. Она молча шмякнула на столик чашку с кофе, и Мада Уэст, возмущенная — ведь если кому и выказывать недовольство, так только ей, — резко сказала:

— Налить вам в блюдечко молока?

Кошечка обернулась.

— Шутка шуткой, миссис Уэст, — сказала она, —

и я первая посмеюсь над тем, что смешно. Но я не выношу грубостей.

— Мяс, — сказала Мада Уэст.

Кошечка выскочила из комнаты. Никто не пришел забрать чашку, даже ласка. Пациентка впала в немилость. Ну и пусть. Если персонал лечебницы полагает, что может одержать над ней верх, они ошибаются. Мада снова подошла к окну. Швейцар-кабан помогал сесть в машину пожилой треске на костылях. Значит, все же не заговор. Они ведь не знают, что она на них смотрит. Мада подошла к телефону и попросила телефонистку соединить ее с конторой мужа. И тут же вспомнила, что он не мог еще вернуться после ленча. Однако назвала номер, и ей повезло — Джим оказался на месте.

— Джим... Джим, дорогой.

— Да?

Какое счастье услышать так хорошо знакомый, родной голос. У Мады сразу стало легче на душе. Она прилегла на кровать, прижимая трубку к уху.

— Милый, когда ты сможешь приехать?

— Боюсь, только вечером. Не день, а сплошной ад, одно за другим без передышки. Ну, как оно прошло? Все в порядке?

— Не совсем.

— Что ты имеешь в виду? Ты не видишь? Гривз ничего тебе не напортил?

Как она могла объяснить, что с ней случилось? По телефону это прозвучало бы так глупо.

— Нет, я вижу. Прекрасно вижу. Просто... просто все сестры похожи на животных. И Гривз тоже. Он фокстерьер. Один из этих маленьких Джеков Расселлов, с которыми травят лис.

— О чем, ради всего святого, ты толкуешь?

В то же самое время он говорил что-то секретарше, что-то о деловой встрече, и по его тону Маде Уэст стало ясно, что он очень, очень занят, и она выбрала самый неподходящий момент, чтобы ему позвонить.

— Что ты имеешь в виду, какой Джек Расселл? — повторил Джим.

Мада Уэст поняла, что все бесполезно. Надо ждать, пока он не приедет. Тогда она попытается все ему рассказать, и он сам разберется, что за этим стоит.

— Неважно, — сказала она. — Поговорим потом.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я правда страшно спешу. Если линзы тебе не помогают, скажи кому-нибудь. Сестрам, старшей сестре.

— Хорошо, — пообещала она, — хорошо.

И дала отбой. Положила трубку. Взяла журнал, верно оставленный в один из вечеров самим Джимом. С радостью увидела, что ей не больно читать. И что синие линзы ничего не меняют — мужчины и женщины на фотографиях были нормальными, такими, как всегда. Свадебные группы, приемы, дебютантки — все было привычным. Лишь здесь, в лечебнице, и на улице, снаружи, люди выглядели иначе. Было уже далеко за полдень, когда в палату зашла старшая сестра, чтобы побеседовать с ней. Мада узнала ее по форменному платью. Овечья голова старшей сестры уже не удивила ее — это было неизбежно.

— Надеюсь, вы всем у нас довольны, миссис Уэст?

Мягкий вопросительный голос. Намек на блеяние.

— Да, спасибо.

Мада Уэст была настороже. Сердить старшую сестру было неразумно. Даже если это действительно колоссальный заговор, лучше не восстанавливать ее против себя.

— Линзы сидят хорошо?

— Превосходно.

— Я очень рада. Операция была тяжелая, и вы так мужественно вели себя все это время, так терпеливо ждали.

Вот-вот, подумала пациентка. Умасливает меня. Тоже входит в игру, надо полагать.

— Еще несколько дней, сказал мистер Гривз, и вам заменят эти линзы на постоянные.

— Да, так он и мне сказал.

— Жалко, что не видишь всего в цвете, верно?

— Пока что я этому рада.

Ответ сорвался у нее с губ, прежде чем она успела сдержаться. Старшая сестра разгладила платье. Если бы ты только знала, как выглядишь сейчас с этой тесьмой под подбородком, ты бы меня поняла, подумала пациентка.

— Миссис Уэст... — Старшей сестре было явно не по себе, и она отвернула свою овечью голову от

женщины в постели. — Миссис Уэст, я надеюсь, вы не обидетесь на мои слова... но... но сестры в нашей лечебнице превосходно справляются со своим делом, и мы гордимся ими. Они работают по многу часов, как вы знаете, и высмеивать их не очень деликатно с вашей стороны, хотя я уверена, вы просто хотели пошутить.

Бе-е... бе-е... Блей себе на здоровье. Мада Уэст сжала губы.

— Это вы насчет того, что я назвала сестру Суинтинг кошечкой?

— Я не знаю, как вы назвали ее, миссис Уэст, но это очень ее расстроило. Она пришла ко мне чуть не плача.

Вернее, фыркая от злости. Фыркая и выпуская когти. Ее умелые руки на самом деле кошачьи лапки.

— Это больше не повторится.

Мада твердо решила ничего больше не говорить. Она не была ни в чем виновата. Она не просила вставлять ей линзы, уродующие людей, ей ни к чему обман и притворство.

— Должно быть, очень трудно, — перевела она разговор, — содержать такую лечебницу.

— О да, — сказала старшая сестра. Сказала овца. — Нам удастся добиться успеха только благодаря великолепному персоналу и содействию пациентов.

Слова были сказаны с целью уколоть пациентку. Даже овца может лягнуть.

— Сестра, — сказала Мада Уэст, — давайте не будем препираться друг с другом. Какова цель этого всего?

— Цель чего, миссис Уэст?

— Этого маскарада. Этого шутовства.

Ну вот, все произнесено вслух. Чтобы подкрепить свои слова, она указала на голову старшей сестры:

— Почему вы выбрали именно эту внешность? Это даже не смешно.

Наступило молчание. Старшая сестра, хотевшая было сесть, чтобы продолжить беседу, переменила намерение и медленно направилась к дверям.

— Все мы, получившие квалификацию в больнице святой Хильды, гордимся нашей эмблемой, — сказала она. — Надеюсь, когда вы покинете нас че-

рез несколько дней, миссис Уэст, вы будете вспоминать о нас с большей снисходительностью, чем сейчас.

И она вышла из комнаты. Мада Уэст снова взяла в руки отброшенный журнал, но читать его было скучно. Она прикрыла глаза. Снова открыла. Закрыла опять. Если бы стул превратился в гриб, а стол — в стог сена, можно было бы винить линзы. Почему меняются только люди? Что с ними не в порядке? Она не открыла глаза и тогда, когда ей принесли чай; а когда любезный голос произнес: «Вам цветы, миссис Уэст», — ждала, пока говорившая не выйдет из комнаты. Гвоздики. От Джима. На карточке было написано: «Приободришься. Мы не так плохи, как кажемся».

Она улыбнулась и спрятала лицо в цветы. В них все естественно. Никакого обмана. Ничего странного в запахе. Гвоздики и были гвоздиками, душистые, изящные. Даже дежурная сестра с головой пони, зашедшая, чтобы поставить их в воду, не вызвала у Мады раздражения своим видом. Да и с чего бы — такая ухоженная маленькая лошадка с белой звездой на лбу. Она прекрасно бы выглядела на цирковой арене.

— Спасибо, — улыбнулась миссис Уэст.

Странный день медленно подходил к концу. Мада с беспокойством ждала, когда наступит восемь. Умылась, сменила ночную рубашку, привела в порядок волосы. Сама задернула занавеси и зажгла лампу на ночном столике. Ее охватило странное тревожное чувство. Ей только сейчас пришло в голову, что за весь этот фантастический день она ни разу не вспомнила о сестре Энсел. Милая, очаровательная сестра Энсел, ее утешительница. Сестра Энсел, заступающая на дежурство ровно в восемь часов. Она тоже участвует в заговоре? Если да, Мада Уэст заставит ее раскрыть карты. Сестра Энсел не станет ей лгать. Мада подойдет к ней, положит руки ей на плечи, коснется маски и скажет: «Ну-ка, снимайте ее. Вы меня не обманете». Но если все дело в линзах, если вся вина падает на них, как это ей объяснить?

Мада сидела за туалетным столиком, втирая в лицо крем, и не заметила, как отворилась дверь и раздался знакомый мягкий голос, чарующий голос:

— Я еле могла дождаться, чуть не пришла рань-

ше времени, но побоялась. Вы бы подумали, что я глупо себя веду.

И перед ее глазами за спиной в зеркале медленно возникла длинная плоская голова, извивающаяся шея, острый раздвоенный язык — он высовывался и молниеносно прятался во рту. Змея.

Мада Уэст не шевельнулась. Лишь рука продолжала механически втирать в щеку крем. Зато змейка ни на миг не оставалась в покое, она вертелась и извивалась, словно хотела рассмотреть все баночки с кремом, коробочки с пудрой, флаконы с духами.

— Приятно снова себя увидеть?

Как нелепо, как ужасно слышать голос сестры Энсел, доносящийся из змеиного рта; одно то, что при каждом звуке ее язык двигался взад и вперед, парализовало Маду. Она почувствовала, что к горлу подступает тошнота, душит ее и... внезапно физическая реакция оказалась сильнее ее. Мада Уэст отвернулась, но тут же крепкие руки сестры подхватили ее и повели к кровати. Она позволила уложить себя в постель и теперь лежала, не раскрывая глаз, тошнота постепенно проходила.

— Бедняжечка моя! Что они тут вам дали? Успокоительное? Я видела назначение в вашей карте.

Этот мягкий голос, такой спокойный и умиротворяющий, мог быть только у того, кто все понимает. Пациентка не раскрывала глаз. Не отваживалась на это. Она лежала, она ждала.

— Это было вам не по силам, — продолжал голос. — В первый день так важен покой! Были у вас посетители?

— Нет.

— Все равно вы нуждались в отдыхе. Смотрите, как вы бледны. Вам нельзя показываться мистеру Уэсту в таком виде. Пожалуй, мне следует позвонить ему и попросить его не приходить.

— Нет... пожалуйста, не надо, я хочу его видеть. Мне нужно его видеть.

От страха Мада открыла глаза, но не успела она это сделать, как к горлу снова подкатила тошнота, — змеиная голова еще длинней, чем прежде, извивалась над воротником сестры, и Мада впервые увидела крошечный глазок величиной с булавочную головку. Она зажала рот рукой, чтобы не закричать.

Сестра Энсел испустила тревожное восклицание.

— Что-то вам навредило, — сказала она. — Это не успокоительное. Вы часто принимали его. Что у вас было сегодня на обед?

— Вареная рыба. Я к ней почти не прикоснулась.

— Интересно, была ли она достаточно свежая. Пойду узнаю, не поступали ли жалобы от других пациентов. А вы полежите спокойно, дорогая, и не расстраивайтесь.

Дверь тихо растворилась и снова затворилась; и Мада Уэст, вопреки просьбе сестры, соскользнула с постели и схватила первое оружие, попавшееся ей под руку, — маникюрные ножнички. Затем снова легла в постель и спрятала ножнички под простыней. Сердце гулко билось у нее в груди. Ее душило отвращение. Теперь ей будет чем защитить себя, если змея слишком приблизится к ней. Она не сомневалась больше в реальности всего, что здесь происходило. Все это было явью. Какая-то злая сила завладела лечебницей и ее обитателями — старшей сестрой, сиделками, врачами, ее хирургом, все они были в сговоре, были соучастниками чудовищного преступления, смысл которого понять было нельзя. Здесь, на Аппер-Уотлинг-стрит, тайно готовился злой заговор, и она, Мада Уэст, была одним из заложников: каким-то неведомым образом они хотели использовать ее как орудие для достижения своих целей.

Одно она знала твердо. Нельзя показывать, что она их подозревает. Надо попытаться держать себя с сестрой Энсел так, как она держалась с ней прежде. Одна промашка — и она пропала. Нужно притвориться, что ей лучше. Если она не сумеет превозмочь тошноту, сестра Энсел наклонится над ней и... о, эта змеиная голова, высовывающийся язык!

Дверь отворилась. Змея снова была здесь. Мада Уэст сжала кулаки под одеялом. Затем через силу улыбнулась.

— Вам со мной одно мучение, — сказала она. — Мне было нехорошо, но сейчас лучше.

У скользящей к ней змеи был в руках пузырек. Подойдя к умывальнику, она налила в мензурку воды и капнула туда капли.

— Сейчас все пройдет, миссис Уэст. Скоро конец, — сказала она, и пациентку снова охватил страх, ведь в самих этих словах таилась угроза.

Конец? Чему, кому конец? Ей, Маде? Жидкость была бесцветной, но это ни о чем не говорило. Мада взяла протянутую мензурку и прибегла к уловке.

— Вам не трудно достать мне чистый носовой платок, он там, в столике.

— Конечно, нет.

Змея отвернулась, и Мада Уэст тут же вылила содержимое мензурки на пол. Затем зачарованно стала следить, как отвратительная извивающаяся головка заглядывает по очереди в ящики в поисках платка. Вот змейка уже несет его к кровати. Мада Уэст задержала дыхание. голова приблизилась, и Мада впервые заметила, что шея змеи не гладкая, как у червяка, — так ей показалось с первого взгляда, — а зигзагообразно покрыта чешуей. Странно, но шапочка ладно сидела на голове, а не торчала нелепо, как у коровы, кошечки и овцы. Мада взяла платок.

— Почему вы так пристально смотрите на меня? — слышался голос. — Хотите прочитать мои мысли? Мне даже неловко.

Мада Уэст не ответила. В вопросе могла скрываться ловушка.

— Скажите мне, — продолжал голос, вы не разочарованы? Я выгляжу так, как вы ожидали?

Снова ловушка. Нужно быть осторожной.

— Пожалуй, да, — проговорила она медленно, — но я не могу сказать наверняка, когда вы в шапочке. Мне не видны ваши волосы.

Сестра Энсел рассмеялась. Мягкий, низкий смех, так пленявший Маду в долгие недели слепоты. Она подняла руки, и через секунду взору Мады Уэст предстала вся змеиная голова, плоская, широкая макушка, красноречивое V. Гадюка.

— Нравится? — спросила она.

Мада Уэст отпрянула на подушку. Она снова заставила себя улыбнуться.

— Очень красивые, — сказала она. — Очень, очень красивые.

Шапочка вновь очутилась на голове, длинная шея раскачивалась, затем мензурка была вынута из рук пациентки и поставлена на умывальник. Обман удался. Змея не была всезнающей.

— Когда я поеду к вам, — сказала сестра Энсел, — мне не обязательно носить форму... то есть если вы не хотите. Вы же будете тогда частным

пациентом, а я — вашей личной сиделкой на ту неделю, что пробуду у вас.

Мада Уэст почувствовала, что она холодеет. Волнения этого дня вычеркнули у нее из памяти их план. Сестра Энсел должна была пожить у них неделю. Все было договорено. Главное, не выказать страха. Делать вид, что ничего не изменилось. А потом, когда приедет Джим, она все ему расскажет. Пусть даже он сам не увидит змеиной головы — это не исключено, если ее сверхвидение вызвано линзами, — ему придется принять в расчет ее слова, что по причинам слишком глубоким для объяснения она больше не доверяет сестре Энсел, более того, даже думать не может о том, чтобы та ехала с ними домой. План придется изменить. Она не хочет, чтобы за ней ухаживали. Она хочет одного — быть снова дома, быть с ним.

На столике у кровати зазвонил телефон. Мада Уэст схватила трубку, точно в ней крылось спасение. Это был ее муж.

— Прости, что я так поздно, — сказал он. — Прыгаю в такси и буду у тебя через минуту. Меня задержал поверенный.

— Поверенный?

— Да. Фирма «Форбз и Милуолл», ты же помнишь — в связи с доверенностью на твой капитал.

Ничего она не помнила. Перед операцией было столько разговоров о деньгах. Как всегда, одни советовали одно, другие — другое. И наконец Джим отдал все в руки этим Форбзу и Милуоллу.

— О да. Все в порядке?

— Вероятно, да. Скоро все тебе расскажу.

Он дал отбой. Взглянув наверх, она увидела, что змейка не сводит с нее глаз. Не сомневаюсь, — подумала Мада Уэст, — не сомневаюсь, ты хотела бы знать, о чем мы говорили.

— Обещайте не очень волноваться, когда придет мистер Уэст. — Сестра Энсел стояла, держась за ручку двери.

— Я не волнуюсь. Просто очень хочу его видеть.

— У вас горит лицо.

— Здесь жарко.

Извивающаяся шея потянулась наверх, затем к окну. Впервые Маде Уэст показалось, что змейке

не по себе. Верно, почувствовала напряженную атмосферу. Теперь она знала, не могла не знать, что отношения между пациенткой и ее сиделкой переменились.

— Я слегка приоткрою фрамугу.

Если бы ты была целиком змеей, подумала пациентка, я могла бы столкнуть тебя вниз. Но, возможно, ты обвилась бы вокруг моей шеи и задушила меня?

Окно было открыто, и, задержавшись на минуту, змея нависла над изножием кровати, дожидаясь, возможно, слов благодарности. Затем шея осела в воротнике, язык высунулся и снова скрылся, и сестра Энсел выскользнула из комнаты.

Мада Уэст ждала, когда она услышит на улице звук подъехавшего такси. Спрашивала себя, удастся ли ей убедить Джима остаться в лечебнице на ночь. Если она объяснит ему, расскажет о своем страхе, своем ужасе, конечно же, он все поймет. Она сразу догадается, заметил ли он, что здесь что-то неладно. Она позвонит будто бы для того, чтобы спросить сестру Энсел о чем-то, и по выражению его лица, по тону голоса ей станет ясно, видит ли он то же, что и она.

Наконец такси подъехало к дому. Мада слышала, как оно замедлило ход, затем хлопнула дверца и — о счастье! — на улице под окном раздался голос Джима. Такси отъехало. Сейчас он поднимается в лифте. Сердце ее забилося часто-часто, она не сводила глаз с дверей. Его шаги в коридоре, снова его голос — должно быть, говорит что-то змее. Она сразу узнает, видел ли он ее голову. Он войдет в комнату, пораженный, не веря своим глазам, смеясь, — ну и шутка, неплохой маскарад... Чего он медлит? Что они копаются там, за дверью, о чем говорят, приглушив голос?

Дверь распахнулась, первое, что возникло в проеме, — знакомый зонтик и котелок, затем — неторопливая плотная фигура и... о боже... нет... пожалуй-ста, боже, только не Джим, не Джим, в надетой на него силой маске, силой втянутый в эту дьявольскую игру, в этот союз лжецов... У Джима была голова ястреба. Мада не могла ошибиться. Приметливый взгляд, кончик клюва в крови, дряблые складки кожи на шее. Пока он ставил в угол зонтик, клал

котелок и сложенное пальто, она лежала, не в силах вымолвить слова от ужаса и отвращения.

— Я слышал, ты неважно себя чувствуешь, — сказал он, оборачивая к ней ястребиную голову, — нездоровится, и к тому же в плохом настроении. Я не стану задерживаться. Отоспишься, отдохнешь, и все будет в порядке.

Ее сковало оцепенение. Она не могла отвечать. Лежа неподвижно в постели, Мада Уэст смотрела, как ястреб приближается, чтобы ее поцеловать. Вот он наклонился. Острый клюв коснулся ее губ.

— Сестра Энсел говорит, что это реакция, — продолжал он, — шок от того, что ты вдруг прозрела. На разных людей это действует по-разному. Она говорит, когда мы вернемся домой, тебе станет гораздо лучше.

«Мы»... сестра Энсел и Джим. Значит, план оставался в силе.

— Не уверена, — еле слышно сказала Мада, — что хочу брать к нам домой сестру Энсел.

— Не хочешь брать сестру Энсел? — В голосе звучало удивление. — Но ведь ты сама это предложила. Нельзя же так внезапно все менять. Надо знать, чего ты хочешь.

На ответ не было времени. Она не звонила, однако сестра Энсел вошла в комнату.

— Чашечку кофе, мистер Уэст? — спросила она.

Обычная вечерняя церемония. Но сегодня в ней было что-то странное, словно они заранее о чем-то сговорились.

— Благодарю, сестра, с удовольствием. Что это за глупости, почему это вы с нами не едете?

Ястреб обернулся к змее, и, глядя на них, на извивающуюся змею, на ее язык, на утонувшую в мужских плечах голову ястреба, Мада Уэст вдруг прониклась уверенностью, что приглашение к ним сестры Энсел исходило вовсе не от нее — сама сестра Энсел сказала, что миссис Уэст понадобится ее помощь во время выздоровления. Предложение это было сделано как-то раз, когда Джим целый вечер шутил и смеялся, а жена лежала с завязанными глазами, с радостью слушая его голос. Сейчас, глядя на скользкую змею, шапочка которой скрывала V гадюки, она знала, почему сестра Энсел хотела поехать к ним, знала также, почему Джим не возражал,

почему, если уж на то пошло, сразу же принял ее план, заявил, что он превосходит.

Ястреб раскрыл кровавый клюв:

— Не хотите же вы сказать, что вы поссорились.

— Ну, что вы! — Змея изогнула шею, посмотрела сбоку на ястреба и добавила: — Миссис Уэст немного устала к вечеру. У нас был трудный день. Правда, дорогая?

Как лучше ответить? Ни один из них ничего не должен знать. Ни ястреб, ни змея, ни одна из этих ряженных тварей, окруживших ее и все теснее сжимавших свое кольцо, не должна ни о чем догадаться, не должна ни о чем знать.

— Я вполне хорошо себя чувствую, — сказала Мада. — Просто немного растеряна. Сестра Энсел права, утром мне будет лучше.

Те двое в полном согласии молча общались между собой. Это было, как она теперь поняла, страшнее всего. Животные, птицы, рептилии не нуждаются в словах. Жесты, взгляды — и они уже знают, что к чему. Но погубить ее им не удастся. Пусть она потеряла голову от страха, воля к жизни в ней еще сильна.

— Я не буду тебя беспокоить, — проговорил ястреб, — документы могут и подождать. Подпишешь дома.

— Какие документы?

Если она отведет глаза в сторону, ей не придется смотреть на его голову. Голос был голосом Джима, твердый, ободряющий.

— Доверенности на капитал, которые дали мне в конторе Форбза и Милуолла. Они предлагают, чтобы я стал совладельцем.

Его слова пробудили что-то у нее в памяти, вызвали воспоминание о чем-то, что было до операции, о чем-то, связанном с ее глазами. Если операция ничего не даст, ей будет трудно подписывать свое имя.

— Зачем? — спросила она дрогнувшим голосом. — В конце концов, это мои деньги.

Он рассмеялся. И, обернувшись на смех, она увидела раскрытый клюв. Он зиял, как капкан. Затем закрылся.

— Конечно, твой, — сказал он. — Но не в этом

дело. Дело в том, что я смогу подписывать бумаги вместо тебя, если ты уедешь или заболеешь.

Мада Уэст взглянула на змею; узнав, что ей требовалось, та спрятала голову в воротник и струилась к дверям.

— Не задерживайтесь надолго, мистер Уэст, — прошелестела сестра Энсел, — нашей больной надо сегодня как следует отдохнуть.

Она бесшумно выскользнула из комнаты, и Мада Уэст осталась наедине с мужем. С ястребом.

— Я не собираюсь уезжать, — сказала она, — или болеть.

— Разумеется. Да разве о том речь! Просто эти голубчики не могут без мер предосторожности. Но, так или иначе, я не буду сегодня к тебе с этим приставать.

Правда ли, что голос звучит нарочито небрежно? Что рука, сующая бумаги в карман пальто, на самом деле птичья лапа? Кто знает, может быть, ее ждет еще больший кошмар: преобразившиеся тела, руки и ноги, становящиеся крыльями, лапами, копытами, — пока в окружающих ее людях не останется ничего человеческого. Последней исчезнет человеческая речь. С ней уйдет и последняя надежда. Все заполнят джунгли, со всех сторон будут раздаваться вой, рычание, крики, вылетающие из сотен глоток.

— Ты это серьезно — насчет сестры Энсел? — спросил Джим.

Она спокойно смотрела, как он подпиливает ногти. Он всегда носил пилку в кармане. Раньше Мада не придавала этому значения — пилка была неотъемлемой частью Джима, как его вечное перо и трубка. Только теперь она поняла, что за этим крылось: ястребу нужны острые когти, чтобы терзать свою добычу.

— Не знаю, — сказала она, — мне кажется довольно глупо брать с собой сиделку, раз ко мне вернулось зрение.

Он ответил не сразу. Голова глубже ушла в плечи. Его темный деловой костюм напоминал оперение большой нахохлившейся птицы.

— Я лично высоко ее ценю, — сказал он. — А ты, естественно, будешь слаба первое время. Я за то, чтобы не менять прежний план. В конце концов,

если наши ожидания не сбудутся, мы всегда можем ее отослать.

— Возможно, — сказала его жена.

Она пыталась припомнить кого-нибудь, кому она могла доверять. Нет, у них никого не осталось. Родных раскидало по свету. Брат с женой жили в Южной Африке; из друзей в Лондоне она ни с кем не была очень близка. Не до такой степени. Никого, кому она могла бы сказать, что сиделка превратилась в змею, а муж — в ястреба. Беспомощность осуждала ее на вечную муку. Она была в своем личном аду. Одинокая, окруженная ненавистью и жестокостью; хладнокровно все взвесив, она больше в этом не сомневалась.

— Что ты будешь делать сегодня вечером? — спокойно спросила она.

— Поеду в клуб обедать, вероятно, — ответил он. — Как это мне надоело. Слава богу, еще два дня, и ты опять будешь дома.

Да, но, попав домой, вернувшись туда вместе со змеей и ястребом, не окажется ли она еще больше в их власти, чем здесь, в лечебнице?

— Гривз точно обещал в среду? — спросила она.

— Да, так он сказал, когда звонил мне сегодня утром. В среду он заменит тебе эти линзы на другие, в которых ты будешь различать цвета.

Которые покажут и тела в их истинном виде. Вот в чем разгадка. Синие линзы показывают только головы. Это было первое испытание. Гривз тоже в этом замешан, и ничего удивительного, ведь он хирург. Он занимает важное место в заговоре... а возможно, его подкупили. Кто это был, старалась она припомнить, кто первый предложил операцию? Их частный врач, после разговора с Джимом? Кажется, они оба пришли тогда к ней и сказали, что операция — единственный шанс спасти ей зрение. Корни заговора уходят в далекое прошлое, в глубь месяцев, возможно, лет. Но с какой целью, ради всего святого? Мада яростно рылась в памяти — не всплывет ли чей-нибудь взгляд, слово, какой-нибудь знак, который позволил бы ей проникнуть в этот ужасный заговор, это покушение на ее жизнь или на ее рассудок.

— Ты даже осунулась, — внезапно сказал Джим. — Позвать сестру Энсел?

— Нет... — вырвалось из ее губ чуть ли не криком.

— Я, пожалуй, лучше пойду. Она просила не задерживаться надолго.

Он встал с кресла — массивная фигура, перья на голове, как клобук, — подошел к ней, чтобы поцеловать на прощанье. Она закрыла глаза.

— Спи спокойно, моя любимая, и ни о чем не тревожься.

Несмотря на страх, она невольно ухватила за его руку.

— Что с тобой? — спросил он.

Знакомый поцелуй вернул бы ее к жизни, но она почувствовала укол ястребиного клюва, кровавого клюва, больно щипнувшего ее. Когда муж ушел, Мада принялась стонать, катаясь головой по подушке.

— Что мне делать? — повторяла она. — Что мне делать?

Дверь снова отворилась; Мада сунула в рот кулак. Никто не должен знать, что она плачет. Ни слышать этого, ни видеть. Последним усилием воли она взяла себя в руки.

— Как вы себя чувствуете, миссис Уэст?

У изножья кровати стояла змея, рядом с ней — постоянный врач лечебницы. Приятный юноша, он всегда ей нравился, и, хотя, подобно всем прочим, у него была звериная голова, это не испугало ее. Это была голова собаки, шотландского колли. Коричневые глаза, казалось, поддразнивали ее. У нее самой когда-то был колли.

— Могу я поговорить с вами наедине? — спросила Мада.

— Разумеется. Вы не возражаете, сестра? — он кивнул на дверь, и сестра Энсел исчезла. Мада Уэст села в постели и стиснула руки.

— Вы сочтете, что все это глупости, — начала она, — но дело в линзах. Я не могу к ним привыкнуть.

Он подошел к кровати, верный колли, нос вверх в знак сочувствия.

— Очень жаль это слышать, — сказал он. — Они вам не режут?

— Нет, — сказала она. — Нет, я их даже не чувствую. Просто из-за них у всех странный вид.

— И ничего удивительного, так и должно быть. Ведь они скрадывают цвет. — Голос его звучал бодро, дружески. — Когда столько времени проходишь в повязке, наступает нечто вроде шока, — сказал он. — Не забывайте, вам порядочно досталось. Глазные нервы еще не окрепли.

— Да, — сказала она. Его голос, даже собачья голова внушали ей доверие. — Вы знаете людей, которые перенесли такую же операцию?

— И очень многих. Через день-два вы будете совершенно здоровы.

Он потрепал ее по плечу. Добрый песик! Веселый охотничий пес!

— И я вам еще одно скажу, — продолжал он. — Ваше зрение делается лучше, чем раньше. Все станет яснее во всех отношениях. Одна пациентка говорила мне, что у нее было такое чувство, будто она всю жизнь носила очки и только после операции увидела своих друзей и родных в их истинном свете.

— В их истинном свете? — повторила Мада его слова.

— Именно. Понимаете, у нее всегда было слабое зрение. Она, например, думала, что волосы у ее мужа каштановые, а в действительности он был рыжий, ярко-рыжий. Сперва это было для нее ударом, но потом она пришла в восторг.

Колли отошел от кровати, похлопал по стетоскопу, торчащему из кармана, и кивнул головой.

— Мистер Гривз сотворил с вами чудо, можете мне поверить, — сказал он. — Ему удалось вернуть к жизни нерв, который он считал мертвым. Вы никогда им не пользовались — он не действовал. Кто знает, миссис Уэст, может быть, вы еще войдете в историю медицины. Так или иначе, хорошенько отоспитесь. Желаю вам удачи. Зайду утром. Спокойной ночи.

Он потрусил к дверям. Она слышала, как, идя по коридору, он пожелал доброй ночи сестре Энсел.

Ободряющие слова лишь задели ее по больному месту. Правда, в каком-то смысле они принесли облегчение, из них вытекало, что заговора против нее нет. Как и той пациентке с обострившимся чувством цвета, ей было дано не только зрение, но и видение. Она употребила слова, которые произнес врач. Она, Мада Уэст, может видеть людей в их

истинном свете. И те, кому она доверяла, кого любила больше всех остальных, оказались ястребом и змеей...

Дверь отворилась, и сестра Энсел вошла в комнату, неся успокоительное.

— Будем ложиться?

— Да, благодарю вас.

Заговора, может быть, и нет, так, но вся вера, все доверие покинули ее.

— Оставьте лекарство и стакан воды. Я приму его позднее.

Она смотрела, как змейка ставит стакан на столик у кровати. Как подтыкает одеяло. Вот извивающаяся шея качнулась ниже и крошечные глазки увидели ножницы, полускрытые подушкой.

— Что это у вас там?

Язык высунулся и скрылся снова. Рука протянулась к ножницам.

— Вы могли порезаться. Я их уберу, вы не возражаете? Чтобы не искушать судьбу.

И ее единственное оружие было убрано, но не в туалетный столик, а в карман.

Одно то, как сестра Энсел их туда сунула, говорило о том, что она знает о подозрении Мады Уэст. Она хотела оставить ее безоружной.

— Не забудьте позвонить, если вам что-нибудь будет нужно.

— Не забуду.

Нежный, как ей прежде казалось, голос звучал вкрадчиво, фальшиво. Как обманчив слух, подумала Мада Уэст, как отступает от правды. Она подождала до одиннадцати часов, когда, как она знала, все пациенты уже были в постели. Затем погасила свет. Это обманет змею, если той вздумается взглянуть на нее через «глазок» в дверях. Она подумает, что ее подопечная спит. Мада Уэст тихонько встала. Вынула одежду из платяного шкафа и принялась одеваться. Надела пальто, туфли, повязала голову шарфом. Одевшись, подошла к дверям и осторожно повернула ручку. В коридоре было тихо. Она стояла неподвижно. Затем перешагнула порог и поглядела налево, туда, где всегда находилась дежурная сестра. Змея была на месте. Сидела, склонившись над книгой. Свет, падающий с потолка, заливал ей голову. Нет, она не ошиблась. Опрятная элегантная фор-

ма, накрахмаленная белая манишка, жесткий воротничок, но над ним раскачивалась змеиная шея и длинная плоская злобная голова.

Мада Уэст ждала. Она была готова ждать хоть несколько часов. Но вот раздался долгожданный звук — звонок от пациента. Змейка подняла голову от книги и посмотрела на табло. Затем, надев манжеты, заскользила по коридору в комнату, куда ее вызывали. Постучала, вошла. Не успела она исчезнуть, Мада Уэст вышла в коридор и направилась к лестничной площадке. Ни звука. Она прислушалась, затаив дыхание, затем крадучись стала спускаться. Четыре марша, четыре этажа, но ей повезло — с того места, где сидели дежурные сестры, лестница была не видна.

Внизу, в вестибюле, огни были притушены на ночь. Она подождала у подножья лестницы, чтобы убедиться, что ее никто не заметил. Ночной швейцар сидел к ней спиной, склонившись над конторкой, и она не могла разглядеть его лицо, но, когда он выпрямился, она увидела широкую рыбью голову. Мада пожала плечами. Не для того она отважилась на весь этот путь, чтобы ее испугала какая-то рыба. Она смело пошла через вестибюль. Рыба вытаращила глаза.

— Вам нужно что-нибудь, мадам? — спросил швейцар.

Он был глуп, как она и ожидала.

— Я ухожу. Спокойной ночи, — сказала она, проходя мимо, и дальше, через вертящуюся дверь вниз по ступенькам на улицу. Свернула налево и, заметив такси в дальнем конце улицы, крикнула и подняла руку. Такси замедлило ход, остановилось. Подойдя к дверце, Мада увидела, что у шофера черная приплюснутая обезьянья морда. Обезьяна ухмылялась. Внутренний голос говорил Маде, чтобы она не садилась в такси.

— Простите, — сказала она, — я ошиблась.

Ухмылка сползла с обезьяньей морды.

— Надо знать, чего хочешь, дамочка, — прокричал он, включил зажигание и, виляя, скрылся вдали.

Мада Уэст пошла дальше. Она сворачивала направо, налево, снова направо; вскоре вдали засияли огни Оксфорд-стрит. Мада прибавила шаг. Подойдя к Оксфорд-стрит, Мада приостановилась, подумав

вдруг, а куда же она идет, у кого попросит приюта. И ей снова пришло в голову, что у нее нет здесь никого, ни живой души. Кто мог предоставить ей защиту? Проходящая мимо пара — жабыя голова на приземистом туловище и рядом, под руку с ним, пантера, — стоящий на углу и беседующий с маленькой разнаряженной свинкой полицейский-бабуин? Здесь не было людей. Мужчина, шедший шагах в двух за ней, был, как и Джим, ястреб. Ястребы попадались и на противоположном тротуаре. Навстречу с хохотом шел шакал.

Мада повернулась и побежала назад. Она бежала, натыкаясь на прохожих — шакалов, гиен, ястребов, собак. Мир принадлежал им, в нем не осталось ни одного человека. Они оборачивались, видя, что она бежит, указывали на нее пальцами, они визжали, лаяли, кидались за ней следом, она слышала сзади их шаги. Она бежала по Оксфорд-стрит, спасаясь от погони, ночь обступила ее тенями, окутала тьмой, свет в ее глазах померк, она была одна в зверином мире.

— Лежите спокойно, миссис Уэст, небольшой укол, я не сделаю вам больно.

Мада узнала голос мистера Гривза, хирурга, и как в полусне подумала, что им все-таки удалось ее поймать. Она снова была в лечебнице, но теперь это не имело значения — какая разница, здесь или где-нибудь еще... Здесь, по крайней мере, все животные были ей знакомы.

Ей успели наложить на глаза повязку, она была благодарна за это. Благословенная темнота скрывала ночной кошмар.

— Ну, миссис Уэст, надеюсь, все ваши неприятности остались позади. С этими новыми линзами не будет ни боли, ни путаницы. Мир снова станет цветным.

Повязка становилась все тоньше, все прозрачней, — ее опять снимали слой за слоем. Внезапно все залил свет. Был день, ей улыбался мистер Гривз. Да, это его лицо. Рядом с врачом стояла кругленькая веселая сестра.

— Где ваши маски? — спросила пациентка.

— Для такой пустяковой операции они нам не

нужны, — сказал хирург. — Мы всего лишь сняли временные линзы. Теперь лучше, да?

Она обвела глазами комнату. Все было в порядке. Четкие очертания — платяной шкаф, туалетный столик, вазы с цветами. Все — естественного цвета, без темной дымки. Но им не обмануть ее рассказами о том, что это был лишь сон. Накинутый ночью шарф все еще лежал на стуле.

— Со мной что-то случилось, да? — сказала она. — Я пыталась уйти...

Сестра взглянула на врача. Он кивнул.

— Да, — сказал он, — да. И, честно говоря, я вас не виню. Линзы, которые я вам вчера поставил, давили на крошечный нерв, и это вывело вас из равновесия. Но все уже позади.

Он ободряюще ей улыбнулся. Большие добрые глаза сестры Брэнд, — конечно же, это сестра Брэнд, — смотрели на нее с сочувствием.

— Это было ужасно, — сказала пациентка, — даже сказать вам не могу, до чего ужасно.

— И не надо, — прервал ее мистер Гривз. — Обещаю вам, что это не повторится.

Дверь открылась, и в палату вошел молодой больничный врач. Он тоже улыбался.

— Ну как наша пациентка? — спросил он. — Вполне пришла в себя?

— Думаю, что да, — ответил хирург. — Как ваше мнение, миссис Уэст?

Мада Уэст не улыбаясь смотрела на них — на молодого врача, на хирурга и сестру — и спрашивала себя, как раненая, пульсирующая ткань может настолько преобразить людей, какая клетка, соединяющая плоть с воображением, превратила этих трех человек в животных?

— Я думала, вы — собаки, — сказала она. — Вы, мистер Гривз, охотничий фокстерьер, а вы — шотландский колли.

Молодой врач притронулся к стетоскопу и засмеялся.

— А я и правда шотландец, — сказал он. — Из Абердина. Вы не совсем ошиблись, миссис Уэст. Поздравляю.

Мада Уэст не присоединилась к его смеху.

— Вам хорошо говорить, — сказала она. — Остальные были куда менее приятны. — Она обер-

нулась к сестре Брэнд. — Про вас я думала, что вы — корова, — сказала она, — добрая корова. Но с острыми рогами.

На этот раз рассмеялся мистер Гривз.

— Видите, сестра, — сказал он, — то самое, о чем я вам не раз говорил. Пора уже вам на травку, на маргаритки.

Сестра Брэнд и не подумала обидеться. Она поправила подушку с ласковой улыбкой.

— Бывает, что нас называют самыми чудными именами, — сказала она, — такая уж у нас работа.

Все еще смеясь, врачи направились к двери. Мада Уэст, чувствуя, что атмосфера разрядилась, сказала:

— Кто меня нашел? Что произошло? Кто привел обратно?

Мистер Гривз глянул на нее с порога.

— Вы не очень далеко ушли, миссис Уэст, и благодарите за это бога, не то вы не были бы сейчас здесь. Швейцар пошел за вами следом.

— Все позади, — сказал молодой врач. — Весь эпизод занял не больше пяти минут. Вы благополучно оказались в своей постели, и меня тут же вызвали к вам. Вот и все. Ничего страшного не произошло. Вот для кого это было ударом, так для бедняжки сестры Энсел. Когда она увидела, что вас нет в палате.

Сестра Энсел... Отвращение, испытанное накануне, не так легко было забыть.

— Не хотите ли вы сказать, что наша маленькая звезда тоже была животным? — улыбнулся молодой врач.

Мада Уэст почувствовала, что краснеет. Придется солгать. И не в последний раз.

— Нет, — быстро откликнулась она. — Разумеется, нет.

— Сестра Энсел все еще здесь, — сказала сестра Брэнд. — Она была так расстроена, когда сменилась с дежурства, что не могла уйти к себе и лечь спать. Вы не хотели бы ее повидать?

Тяжелое предчувствие охватило пациентку. Что она наговорила сестре Энсел в панике и лихорадке вчерашнего вечера? Прежде чем она успела ответить, молодой врач раскрыл дверь и крикнул в коридор:

— Миссис Уэст хочет пожелать вам доброго утра!

Он широко улыбался. Мистер Гривз махнул рукой и вышел, сестра Брэнд — за ним, молодой врач,

отдав честь стетоскопом и отвесив в шутку поклон, отступил к стене, чтобы пропустить сестру Энсел. Мада Уэст глядела на нее не сводя глаз, затем на губах ее показалась робкая улыбка и она протянула вперед руки.

— Я так перед вами виновата, — сказала она. — Простите меня.

Как могла сестра Энсел казаться змеей?! Карие глаза, гладкая смуглая кожа, аккуратно причесанные темные волосы под шапочкой с рюшем. И улыбка, медленная сочувственная улыбка.

— Простить вас, миссис Уэст? — сказала сестра Энсел. — За что мне вас прощать? Вы прошли через ужасное испытание.

Пациентка и сестра держали друг друга за руки. Улыбались друг другу.

О боже, думала Мада Уэст, какое облегчение, как она благодарна за то, что вновь обретенное зрение помогло развеять угнетавшие ее отчаяние и страх.

— Я все еще не понимаю, что произошло, — сказала она, прильнув к сиделке. — Мистер Гривз пытался мне объяснить. Что-то с нервом?

Сестра Энсел сделала гримаску, обернувшись к двери.

— Он и сам не знает, — шепнула она, — но он ни за что не признается в этом, не то попадет в беду. Он слишком глубоко вставил линзы, вот в чем дело. Слишком близко к нерву. Как еще вы остались в живых!

Она поглядела на свою подопечную. Глаза ее улыбались. Она была такая хорошенькая, такая приветливая.

— Не думайте об этом, — сказала она. — Вы больше не будете грустить, да? С этой самой минуты. Обещайте мне.

— Обещаю, — сказала Мада Уэст.

Зазвонил телефон, сестра Энсел выпустила руку пациентки и потянулась за трубкой.

— Вы сами знаете, кто это, — сказала она. — Ваш бедный муж. — И передала трубку Маде Уэст.

— Джим... Джим, это ты?

Любимый голос так тревожно звучал на другом конце провода.

— Ты в порядке? — сказал он. — Я уже дважды

звонил старшей сестре, она обещала держать меня в курсе. Что, черт подери, там происходит?

Мада Уэст улыбнулась и протянула трубку сестре.

— Скажите ему, — попросила она.

Сестра Энсел поднесла трубку к уху. Смуглая нежная рука, матово поблескивают розовые полированные ногти.

— Это вы, мистер Уэст? — сказала она. — Ну и напугала нас наша пациентка. — Она улыбнулась и кивнула женщине в постели. — Можете больше не волноваться. Мистер Гривз сменил линзы. Они давили на нерв. Теперь все в порядке. Видит она превосходно. Да, мистер Гривз сказал, завтра мы можем уехать.

Пленительный голос, так гармонирующий с мягкими красками, с карими глазами. Мада Уэст вновь протянула руку к трубке.

— Джим, у меня была кошмарная ночь, — сказала она, — я только сейчас по-настоящему начинаю все понимать. Какой-то нерв в мозгу...

— Так я и понял, — сказал он, — чудовищно. Слава богу, им удалось его найти. Этот Гривз — сапожник.

— Больше это не повторится, — сказала она. — Теперь, когда мне поставили правильные линзы, это не может повториться.

— Надеюсь. Не то я подам на него в суд. Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно, — сказала она. — Немного сбита с толку, но замечательно.

— Умница, — сказал он. — Ну, не волнуйся, я приеду попозже.

Голос замолк. Мада Уэст передала трубку сестре Энсел, та положила ее на рычаг.

— Мистер Гривз правду сказал, что я могу возвратиться домой завтра? — спросила Мада.

— Да, если будете хорошо себя вести. — Сестра Энсел улыбнулась и похлопала Маду по руке. — Вы уверены, что по-прежнему хотите, чтобы я поехала с вами? — спросила она.

— Ну конечно, — сказала Мада Уэст. — Мы же договорились.

Она села в постели. В окна вливались потоки солнечного света, освещая розы, лилии и ирисы на

длинных стеблях. Совсем близко на улице слышался шум автомобилей, такой ровный, такой сладостный. Мада подумала о садике, ждущем ее дома, о своей спальне, о своих вещах, о привычном течении домашней жизни, к которому она теперь сможет вернуться. Ведь она снова видит, а страхи и тревоги последних месяцев забудутся навсегда.

— Самое драгоценное на свете,— сказала она сестре Энсел,— зрение. Теперь я это знаю. Я знаю, чего я могла лишиться.

Стиснув руки перед собой, сестра Энсел сочувственно кивала.

— И зрение к вам вернулось,— сказала она.— Это чудо. Вы никогда больше его не потеряете. Она направилась к двери.

— Пойду немного отдохну,— сказала она.— Теперь, когда я знаю, что с вами все в порядке, я смогу уснуть. Вам что-нибудь нужно, пока я здесь?

— Дайте мне, пожалуйста, крем для лица и пудру,— сказала пациентка,— и помаду, и гребень со щеткой.

Сестра Энсел взяла все это с туалетного столика и положила на постель так, чтобы Мада легко могла их достать. Она захватила также ручное зеркало и флакон духов и с заговорщицкой улыбкой понюхала пробку.

— Изумительные,— проворковала она.— Это те, что вам подарил мистер Уэст, да?

Сестра Энсел уже вписалась в интерьер, подумала Мада. Ей представилось, как она — снова хозяйка дома — ставит цветы в маленькой комнате для гостей, выбирает книгу, приносит портативный приемник, чтобы сестре Энсел не было скучно по вечерам.

— До вечера.

Знакомые слова: столько дней и недель она слышала их каждое утро, они прозвучали в ее ушах как любимая песня, которую с каждым разом любишь все больше. Наконец-то они слились с человеком, человеком, который улыбался ей, чьи глаза обещали ей дружбу и верность.

— Увидимся в восемь.

Дверь закрылась. Сестра Энсел ушла. Привычный распорядок, нарушенный безумной ночью, вступил в свои права. Но вместо мрака — свет. Жизнь — вместо угрозы смерти.

Мада Уэст вынула пробку из флакона и подушила за ушами. Аромат разлился в воздухе, стал частью теплого светлого дня. Она подняла зеркальце, взглянула в него. В комнате ничего не переменилось, в окна проникал уличный шум, вот в дверях показалась маленькая горничная — вчерашняя ласка — и принялась убирать. Она сказала «доброе утро», но пациентка не ответила ей. Возможно, она устала. Горничная убрала и пошла дальше.

Тогда Мада Уэст взяла зеркало и снова посмотрела в него. Нет, она не ошиблась. Глаза, которые смотрели ей в ответ, были сторожкими глазами пугливой лани, покорно склонившей голову, будто под занесенным ножом.

НЕ ПОЗЖЕ ПОЛУНОЧИ

По профессии я учитель. Или был им. Я подал директору заявление об уходе до окончания летнего семестра, чтобы предупредить неминуемое увольнение. Причины мне придумывать не пришлось: самочувствие мое и в самом деле было хуже некуда. Болезнь, которую я подхватил во время отпуска на Крите, грозила мне неделями пребывания в больнице, разными инъекциями и так далее. Я не уточнял, что со мной. Однако и он, и мои коллеги, и мальчишки знали, что мой недуг универсален и был таким во все времена — с давних пор предлог для острот и веселья, пока не переступишь черту и не станешь угрозой для общества. Тогда нас увольняют. И все, отворачиваясь, проходят мимо, предоставляя нам самим выкарабкиваться из этой ямы или оставаться в ней умирать.

Особенно досадно, что я и понятия не имею, отчего это случилось со мной. Другие могут сослаться на предрасположение, плохую наследственность, семейные неурядицы, пресыщенность жизнью и, бросившись на кушетку психоаналитика, выболтать свой отвратительный секрет и таким образом излечиться. Я же ничего подобного сделать не могу. Врач, которому я попытался объяснить, что со мной произошло, выслушал меня с надменной улыбкой, потом пробормотал что-то о вреде мнительно-

сти в сочетании с подавленным состоянием и прописал курс пилуль. Возможно, они бы и помогли, если б я принимал их. Вместо этого я бросил их в канализационную трубу и еще больше пропитывался не дававшей мне покоя отравой. Это ухудшило дело. Особенно губительным оказалось то, что мальчишки, которых я считал своими друзьями, почувствовали мое состояние, они подталкивали друг друга локтями, когда я входил в класс; давясь от смеха, склоняли над партами свои маленькие противные головы,— пока не наступил момент, когда я понял, что больше так не могу, и решил пойти в дверь к директору.

Ну все, конечно, довольно об этом. Передо мной альтернатива: отправиться в больницу или стереть все из памяти. Но прежде я хочу установить, с чего это началось. Тогда, что бы ни произошло со мной, мои записки будут найдены, и прочитавший их сможет сам решить, согласиться ли ему с мнением врача, что некоторый недостаток внутренней уравновешенности сделал меня жертвой суеверного страха, или принять мою точку зрения, что мое падение было вызвано вековой магией, коварным злом, корни которого теряются в глубине истории. Можно даже сказать, что тот, кто первым сотворил эту магию и с бесовской радостью заражал других, сея в своих наследниках по всему миру семена саморазрушения,— обессмертил себя.

Обратимся к началу. Стоял апрель, пасхальные каникулы. В Греции я уже бывал до этого дважды, но ни разу на Крите. Я стремился посетить Крит не ради изучения достопримечательностей Кносса и Феста, а ради удовольствия заняться своим хобби. Я немного увлекаюсь живописью, и в выходные дни или в школьные каникулы это для меня все. Мои работы хвалят знакомые из мира искусств, и я поставил себе цель — набрать картин для небольшой выставки. Даже если ни одна из них не будет продана, персональная выставка была бы большим достижением.

А теперь коротко, в двух словах о себе. Я холостяк. Возраст — сорок девять. Родители умерли. Образование получил в Шерборне, Брейзнос-колледже в Оксфорде. Профессия, как вы уже знаете, школьный учитель. Играю в крокет, гольф, бадмин-

тон и, довольно плохо, в бридж. Интересы — помимо преподавания, как я уже говорил, искусство и иногда, когда могу себе позволить, путешествия. И никаких пороков — до сих пор буквально никаких. Это не бахвальство, просто моя жизнь во всех отношениях не богата событиями. И это меня ничуть не тревожило. Наверное, я скучный человек. На избыток эмоций не жалуюсь. В двадцать пять лет был обручен с хорошенькой девушкой, соседкой, но она вышла замуж за другого. Было больно, но рана зажила меньше чем за год. Один недостаток, если это только недостаток, у меня есть, и, возможно, им-то и объясняется моя до сего времени монотонная жизнь. Это — нежелание общаться с людьми. Друзья у меня есть, но неблизкие. Сблизисься, начнут всякие трения, только и жди неприятностей.

Я отправился на Крит в пасхальные каникулы, не взяв с собой ничего, кроме внушительных размеров чемодана и принадлежностей для живописи. Агент бюро путешествий, узнав, что меня не интересуют археологические достопримечательности, а я собираюсь порисовать, порекомендовал отель с видом на залив Мерабелон, на восточном его берегу. Мне показали буклет, и это вроде отвечало моим запросам. Привлекательно расположенное на морском берегу здание и отдельные шале ближе к воде, где спали и завтракали. Клиентура солидная: я, хоть и не считаю себя снобом, тоже не переносу бумажных пакетов и апельсиновых корок. Две картины, написанные предыдущей зимой, — вид собора святого Павла под снегом и еще один — Хампстед-Хит, — обе проданные любезной кухне, — окупали мою поездку, и я позволил себе маленькую слабость, хотя по существу, это было необходимо, — по прибытии в аэропорт Ираклиона взял напрокат маленький «фольксваген».

Рейс, с ночной остановкой в Афинах, прошел приятно и без приключений. Путь в сорок с лишним миль несколько утомил меня, так как, будучи водителем осторожным, я ехал не торопясь, а извилистая дорога, когда я добрался до гор, стала довольно опасной. Машины обгоняли меня, а встречные отворачивали в сторону и громко сигналили. Кроме того было очень жарко, и я проголодался. Вид синего залива Мерабелон и великолепных гор на востоке

приподнял мое настроение. А когда я приехал в отель, красиво вписавшийся в окружающий пейзаж, и мне подали на террасу второй завтрак, несмотря на то что было уже более двух часов дня — как не похоже на Англию! — захотелось отдохнуть и посмотреть свое жилище. Последовало разочарование. Молодой портье провел меня по садовой дорожке, обсаженной с обеих сторон яркими геранями, к маленькому домику, стиснутому с боков другими и с видом не на море, а на участок сада с площадкой для мини-гольфа. Мои ближайшие соседи — явно английская мамаша со своим выводком — приветствовали меня улыбками с балкона, увешанного сохнувшими на солнце купальниками. Двое мужчин средних лет были заняты игрой в гольф. Я мог бы с таким же успехом отдохнуть в Мейденхеде.

— Это мне не подходит, — сказал я, поворачиваясь к своему сопровождающему. — Я приехал сюда рисовать. Мне нужен вид на море.

Он пожал плечами, пробормотал, что, мол, домики у моря все заняты и это, конечно, не его вина.

Я заставил его отправиться со мной назад, в отель, и сам обратился к клерку, ведающему приемом.

— Здесь какая-то ошибка, — сказал я. — Я просил шале с видом на море, и прежде всего уединенное.

Клерк улыбнулся, извинился, принялся перебирать бумаги, и последовали обычные отговорки: мой агент бюро путешествий не сделал специального заказа на шале с видом на море. Они пользуются большим спросом и уже все забронированы. Может быть, через несколько дней придут отказы, кто знает. При этом он уверял, что я прекрасно устроюсь в отведенном мне домике. Обстановка такая же, завтрак будет подаваться, и так далее, и тому подобное.

Я стоял на своем. Нет, меня не соблазнят ни английское семейство, ни мини-гольф. Не для того я летел за тысячу миль и выложил кучу денег. В общем, мне надоело все это, утомило и порядочно взвинтило.

— Я художник, профессор, — заявил я клерку. — За время пребывания здесь мне надо выполнить несколько заказов, и очень важно, чтобы у меня был вид на море и соседи, которые бы не мешали.

(В паспорте, где обозначается род занятий, у меня стоит: профессор. Это звучит лучше, чем педагог или учитель, и обычно вызывает уважение администрации.)

Клерк, казалось, был искренне огорчен. Продолжая оправдываться, он снова повернулся к полке с бумагами. Вконец раздраженный, я пересек просторный вестибюль и выглянул из дверей на склон, на море.

— Не могу поверить,— сказал я,— чтобы все они были заняты. Еще только начало сезона. Летом — может быть, но не сейчас.— Я махнул рукой в сторону западной части залива.— Вон те,— сказал я.— У самой воды. Вы хотите сказать, что все до единого сданы?

Он покачал головой и улыбнулся.

— Мы обычно не открываем их до середины сезона. К тому же они гораздо дороже. Там есть и ванна и душ.

— Насколько дороже?— не отступался я.

Он сказал. Я быстро прикинул, что могу себе это позволить, если сокращу все остальные расходы. Вечером питаться в отеле и обходиться без ленча. И — ничего в баре, даже никакой минеральной воды.

— Тогда нет проблем,— важно произнес я.— С удовольствием переплачу за покой, и если вы не возражаете, мне бы хотелось выбрать домик самому. Я прогуляюсь пока к морю, а потом вернусь за ключом, и носильщик отнесет вещи.

Я не дал ему времени для ответа, повернулся и вышел. Напористость была вознаграждена. Замешкайся я на минуту, и он бы всучил мне этот дурацкий домик с окнами на мини-гольф. Представляю себе последствия. Крики детей на соседнем балконе, наверное, несдержанная мамаша, мужчины, упрашивающие сыграть в гольф. Я бы этого не выдержал.

Я прошел вниз через сад к морю, и, как только это сделал, настроение у меня поднялось: это, конечно, было то, что столь красочно описывалось в брошюре агента, то, ради чего я летел за тысячу миль. Без преувеличения. Маленькие побеленные домики, предусмотрительно расставленные далеко друг от друга, ниже — море, омывающее скалы. Был и пляж, и, несомненно, люди купались тут в разгар сезона, но сейчас на нем никого не было, но даже

если бы кто-то и вторгся, то сами шале располагались далеко влево, в спокойствии и уединении. Клерк, должно быть, говорил правду, что они сдаются лишь в разгар сезона: окна во всех были закрыты ставнями. Во всех, кроме одного. Тотчас, поднявшись по ступенькам на балкон, я понял — это как раз для меня. Тот самый вид, что я и представлял себе. Подо мной — море, зажатое скалами, бухта, переходящая в залив, и вдали — горы. Место идеальное. Шале, что располагались восточнее отеля, не в счет: их не было видно. Лишь одно, с причалом внизу, одиноко стояло на узком мысу, как аванпост, но оно только обогатило бы картину, если егописать. Остальные милостиво скрывала возвышенность. Я повернулся и заглянул в открытые окна спальни. Простые побеленные стены, каменный пол, удобная кушетка с пледами на ней. Прикроватный столик с лампой и телефоном. Если бы не последнее, это была бы простота монашеской кельи, а большего мне и не требовалось.

Недоумевая, почему не закрыто именно это шале, а не какое-нибудь из соседних, я шагнул внутрь и услышал, что где-то далеко в ванной бежит вода. Неужели и тут неудача, занято? Я просунул голову в открытую дверь и увидел, что горничная, маленькая гречанка, моет в ванной пол. Мне показалось, она вздрогнула, увидев меня. Я, соответственно жестикулируя, спросил:

— И это занято?

Она не поняла, но ответила что-то по-гречески. Потом схватила тряпку и ведро и, прямо в ужасе, прошмыгнула мимо меня к выходу, оставив работу незаконченной.

Я вернулся в спальню, поднял телефонную трубку, и тут же услышал спокойный голос дежурного клерка.

— Говорит мистер Грей,— сказал я.— Мистер Тимоти Грей. Я только что разговаривал с вами о замене домика.

— Да, мистер Грей,— ответил он, и в голосе его слышалось удивление.— А откуда же вы говорите?

— Минутку,— сказал я и, положив трубку, прошел через комнату на балкон. Над открытой дверью был номер. Шестьдесят два.— Я говорю из домика, который себе выбрал,— сказал я.— Он случайно

оказался открытым: одна из горничных убирала ванную, боюсь, что я ее напугал. Этот домик для меня идеален. Номер шестьдесят два.

Он ответил не сразу, а когда ответил, голос его прозвучал неуверенно.

— Номер шестьдесят два?— повторил он. И после минутного колебания:— Не уверен, что он свободен.

— О, бога ради...— начал я нетерпеливо и услышал, как он по-гречески говорит с кем-то рядом за столом. Разговор шел долго: видно, было какое-то препятствие, но это, однако, не убавило моей решимости.

— Вы слышите меня?— сказал я.— Какие там еще затруднения?

Более торопливое перешептывание, и наконец ко мне:

— Ничего страшного, мистер Грей. Просто мы считаем, что вам, наверное, намного удобнее будет в номере пятьдесят семь, который к тому же ближе к отелю.

— Ерунда,— сказал я.— Мне нравится вид отсюда. А что с номером шестьдесят два? Неисправен водопровод?

— Водопровод, разумеется, работает,— заверил он, и снова послышался шепот.— Вообще с домиком все в порядке. И если уж вы решили, я посылаю носильщика с багажом и ключом.

Он повесил трубку,— вероятно, чтобы закончить дискуссию с тем, с кем шептался. Может быть, они хотели повысить цену? Если так, я бы нашел, что им сказать. Шале не отличалось от своих пустовавших соседей, но его расположение,— и море, и горы,— это было то, о чем я мечтал, даже более. Я стоял на балконе, смотрел на море и улыбался. Какой вид, какое место! Я распакую вещи и искупаюсь. А потом поставлю мольберт и сделаю первый эскиз, а уж утром примусь как следует за работу.

Послышались голоса, и я увидел маленькую горничную, уставившуюся на меня с садовой дорожки, по-прежнему с ведром и тряпкой в руках. Потом, когда молодой носильщик спускался со склона, неся мой чемодан и этюдник, она, должно быть, поняла, что я собираюсь поселиться в шестьдесят втором номере, потому что остановила его на полпути, и на-

чался еще один разговор шепотом. Очевидно, я нарушил размеренную жизнь отеля. Через несколько минут они вместе поднялись в дом: носильщик, чтобы внести мой багаж, горничная, наверное, чтобы закончить мытье пола в ванной. Я не собирался портить с ними отношения и, бодро улыбаясь, сунул каждому в руку по монете.

— Прекрасный вид, — сказал я, показывая на море. — Надо пойти поплавать. — Я изобразил движения браса, демонстрируя свои намерения, и ожидал получить в ответ благосклонную улыбку: ведь греки так отзывчивы на доброту.

Носильщик отвел глаза и цеременно поклонился, приняв, однако, мои чаевые. Что же до маленькой горничной, то мучение совершенно явно отразилось на ее лице, и, позабыв домыть пол, она шмыгнула за ним. Было слышно, как они разговаривают, шагая по садовой дорожке к отелю.

Ну, это уж не моя забота. Пусть служащие и начальство сами разбираются в своих делах. Я получил, что хотел, а остальное меня не касается.

Я распаковал вещи и устроился как у себя дома. Потом я натянул плавки, спустился на край скалы под балконом и, вытянув ногу, отважился коснуться воды кончиками пальцев. Несмотря на яркое солнце, сиявшее целый день, вода была удивительно холодной. Пустяки. Нужно доказать свою храбрость, хотя бы только самому себе. Я нырнул, отдышался и, будучи осторожным пловцом и в лучшие времена, особенно в незнакомых водах, быстро-быстро поплыл кругами, словно морской львенок в бассейне зоопарка.

Освежающе — несомненно, но нескольких минут было достаточно. А когда я снова выбрался на скалы, я увидел, что носильщик и маленькая горничная все время наблюдали за мной сверху, с садовой дорожки, из-за цветущего куста. Надеюсь, лицо меня не выдало. И отчего все-таки такой интерес? Ведь, наверное, люди из других домиков тоже плавают каждый день. Во всяком случае, купальники на балконах висят.

Я обсыхал на балконе, наблюдая, как солнце, теперь с запада, из-за моего шале, покрывало воду сверкающими кольцами. Рыбачьи лодки возвращались в маленькую гавань, расположенную в несколь-

ких милях; приятно попыхивали моторы: пуф-пуф-пуф.

Я принял из предосторожности горячую ванну: первое в сезоне купание всегда вызывает некоторое окоченение,— оделся, потом установил мольберт и ушел в работу. Для этого я ведь и приехал сюда, а все остальное не имело значение. Когда свет ослаб и море потемнело, горы стали пурпурно-синими, я с радостью подумал, что завтра смогу вместо рисунка углем запечатлеть эту вечернюю зарю в цвете, и пейзаж оживет.

Пора было остановиться. Я сложил свои принадлежности и, собираясь переодеться и закрыть ставни — москиты безусловно были, а мне не хотелось быть искусанным,— увидел моторную лодку с мягко урчащим двигателем,двигающуюся к расположенному восточнее от меня, справа, мысу с причалом. На борту трое, несомненно рыболовы-любители, в том числе женщина. Один из мужчин, вероятно местный, пришвартовал лодку, ступил на причал и помог женщине выйти. Затем все трое стали смотреть в мою сторону, а второй мужчина, на корме, взял бинокль и направил его на меня. Он неподвижно держал его несколько минут, фокусируя, и, несомненно, рассматривая каждую деталь моей внешности, в которой нет ничего примечательного. Бог знает, сколько бы это продолжалось, если бы мне вдруг не надоело и я не удалился в спальню, захлопнув ставни. Ну можно ли быть таким невоспитанным?— спросил я себя. И тут же вспомнил, что все западные шале еще не заняты и мое обживается первым. Не исключено, что это вызвало такое внимание ко мне сначала персонала отеля, а теперь и постояльцев тоже. Интерес, вероятно, скоро пропадет. Я не миллионер и не поп-звезда. А мои живописные потуги, как ни приятны они для меня, вряд ли могут интересовать публику.

Ровно в восемь я поднялся по садовой дорожке в отель и явился в столовую на обед. Посетителей здесь было немного, и меня, в соответствии с моим статусом одиночки, определили за столик в углу, неподалеку от перегородки, прикрывающей служебный вход из кухонь. Ну, ничего. Здесь мне было даже лучше, чем в середине зала, где бы я сразу понял, что клиентура отеля отвечала принципу, ко-

торый моя мама обычно определяла выражением: «Все детки с одной ветки».

Я наслаждался обедом, угощался, несмотря на свой дорогостоящий домик, полубутылкой домашнего вина и чистил апельсин, и вдруг всех нас привел в смятение ужасный грохот в дальнем углу. Официанты поспешили к месту происшествия. Все головы повернулись. Повернулся и я. Раздался хриплый голос американца, уроженца крайнего юга:

— Когда же будет порядок в этой проклятой столовой!

Это был мужчина средних лет с квадратными плечами и лицом, покрытым волдырями от ожогов солнца и настолько опухшим, что, казалось, его искусаи пчелы, миллионы пчел. Глаза прямо утонули в нем, а розовая кожа на лысой макушке, обрамленной густыми поседевшими волосами, натянулась, как на готовой лопнуть сосиске. Уши, похожие на огромных устриц, усиливали диспропорцию. Клочки усов не могли скрыть выступающей нижней губы, пухлой, словно медуза, и такой же влажной. Редко мне случалось видеть более неприятную личность. Женщина, неподвижно и совершенно прямо сидевшая рядом с ним — видимо, его жена, — не обращала никакого внимания на осколки на полу, — кажется, в основном от бутылок. На вид она была средних лет, с копной начинающих седеТЬ волос цвета пакли и лицом таким же загорелым, как и у ее супруга, только с коричневатым, а не с красным оттенком.

— К черту эту столовую! — прохрипел он на весь зал. — Идем в бар.

Постояльцы благоразумно принялись за свои обеды, и я, вероятно, был единственный, кто наблюдал задвигающимся нетвердой походкой, покусанным пчелами супругом и его женой. Я успел еще заметить беруши у нее в ушах — вероятно, защита от скрежещущего голоса мужа, — как он — кренящийся корабль в кильватере своего устойчивого партнера — буквально выкатился мимо меня в бар. Я про себя оценил расторопность гостиничного персонала, в два счета справившегося с уборкой обломков кораблекрушения.

Столовая опустела.

— Кофе в баре, сэр,— пробормотал мой официант.

Опасаясь шумного сборища и громкой болтовни, я колебался, перед тем как зайти: компании в гостиничных барах всегда утомляли меня, но терпеть не могу уходить без послеобеденного кофе. Мне не стоило волноваться. В баре было пусто. Только бармен в белом пиджаке за стойкой и американец за столом со своей женой. Перед ним уже три пустые бутылки. Оба молчали. Откуда-то из-за стойки мягко звучала греческая музыка. Я уселся на табурет и заказал кофе.

Бармен, прекрасно говоривший по-английски, поинтересовался, хорошо ли я провел день. Я ответил утвердительно — полет прошел неплохо, дорогу из Ираклиона я нашел опасной, первое купание слишком освежающим. Он заметил, что еще не сезон.

— Во всяком случае,— сказал я,— я приехал писать, а уж потом плавать. Домик мой номер шестьдесят два у самой воды, и вид с балкона великолепный.

И странное дело: он протирал стакан и вдруг переменялся в лице. Показалось даже, он что-то хотел сказать, потом, видно, раздумал и продолжил свое занятие.

— Сними, черт возьми, эту пластинку!— гулко раздалось в пустом помещении.

Бармен тотчас направился к проигрывателю и выключил его. И тут же снова:

— Принеси еще бутылку пива!

Ну уж будь я на месте бармена, я бы повернулся к этому человеку и по-родительски потребовал: скажи «пожалуйста». Но это животное тут же обслужили. И когда я уже допивал свой кофе, из-за стола донеслось:

— Эй вы, шале шестьдесят два, вы не суеверны?

Я повернулся на табурете. Он уставился на меня со стаканом в руке. Его жена смотрела прямо перед собой. Может быть, она даже вытащила свои беруши. Памятуя, что к сумасшедшим и пьяницам следует относиться с юмором, я ответил достаточно вежливо:

— Нет, я не суеверен. А с чего бы?

Он принялся хохотать, и на его ярко-красном лице образовалось с сотню складок.

— Черт бы меня побрал. Да малый из этого шале

утонул всего лишь две недели назад. Два дня не появлялся, а потом тело его, наполовину съеденное осьминогами, вытащили в сетях местные рыбаки.

Он затрясся от смеха, хлопая рукой по колену, а я отвернулся в сторону от омерзения и вопрошающе поднял брови, обращаясь к бармену.

— Несчастный случай,— пробормотал тот.— Мистер Гордон был такой приятный джентльмен. Интересовался археологией. Было очень тепло в ту ночь, когда он исчез; он, должно быть, после обеда ушел купаться. Конечно, вызвали полицию. Мы здесь, в гостинице, расстроились больше всего. Понимаете, сэр, мы об этом особенно не рассказываем. Может повредить делу. Но, смею вас заверить, что купаться совершенно безопасно. Это первый случай за все время.

— Ну и ну,— сказал я.

И все же... Не очень-то приятно, что бедняга был последним, кто жил тут до меня. Однако он ведь умер не в кровати. И я не суеверен. Теперь я понял, почему с такой неохотой сдавали домик, понял, почему испугалась маленькая горничная.

— И вот что я вам скажу,— продолжал греметь отвратительный голос,— не ходите купаться после полуночи, а то осьминоги съедят и вас.— За этим предостережением последовал новый взрыв хохота. Затем он сказал:— Идем, Мод. Пора отправляться спать,— и он с шумом отпихнул в сторону стол.

Я с облегчением вздохнул, когда мы остались одни.

— Что за ужасный человек,— сказал я.— Неужели администрация не в состоянии от него избавиться?

Бармен пожал плечами.

— Бизнес есть бизнес. Что они могут сделать? У Столлов полно денег. Они здесь вот уже второй сезон, приехали, когда мы только что открылись, в марте. Кажется, они без ума от этого места. И только теперь вот мистер Столл так сильно пьет, раньше он пьяницей не был. Он погубит себя, если будет продолжать подобным образом. И так все время, из вечера в вечер. Днем-то еще ничего. В море на рыбалке с раннего утра до захода солнца.

— Я полагаю, бутылок летит за борт больше, чем он наловит рыбы,— заметил я.

— Возможно,— согласился бармен.— Он никог-

да не приносит в гостиницу свой улов. Наверное, забирает лодочник.

— Жену его жалко.

Бармен пожал плечами.

— Она не из бедных,— ответил он sotto voce *, потому что тут в бар вошло двое посетителей.— Я не думаю, что мистер Столл — хозяин положения. Быть глухой, может быть, для нее удобнее. Она — ни на шаг от него. Ловит рыбу с ним целыми днями. Да, джентльмены, что вам угодно?

Он повернулся к новым клиентам, а я ушел. Каких только людей на свете не бывает, промелькнула у меня избитая мысль. По мне, так пусть себе мистер Столл и его глухая супруга хоть целыми днями дочерна копятся в море на солнце и по вечерам дуют свое пиво. Они даже не соседи. А последний обитатель номера шестьдесят два, скорее всего, утонул случайно, и тому, кто живет в нем сейчас, теперь по крайней мере обеспечено спокойствие.

Я прошел по садовой дорожке к своему жилищу. Стояла ясная звездная ночь. Воздух был ароматен и сладок от запаха цветущего кустарника, густо посаженного на красной земле. Я посмотрел с балкона на море, в сторону далеких окутанных дымкой гор, посмотрел на огни гавани маленького рыбацкого порта. Справа от меня мерцали огни других шале, создавая приятное, почти сказочное впечатление, как искусный задник на сцене. Поистине замечательное место, и я благословил агента по туризму за рекомендацию.

Я вошел в дом через прикрытую ставнями дверь балкона и включил лампу у изголовья кровати. Комната выглядела приветливо и уютно; лучше и быть не могло. Я разделся и уже хотел улечься в постель, как вспомнил, что оставил на балконе книгу, которую хотел посмотреть. Открыл ставни, забрал ее из шезлонга и еще раз, прежде чем улечься спать, взглянул в открытое море. Большинство волшебных огней потухло, но в шале, которое стояло на отшибе, на самой крайней точке еще горел на балконе свет. На лодке, привязанной к причалу, светился фонарь. Секунда-другая, и я увидел, как что-то движется недалеко от моих скал. Это был шноркель подводно-

* Вполголоса (итал.).

го пловца. Тонкая трубка, словно крошечный перископ, спокойно двигалась по неподвижной темной поверхности моря. Затем далеко слева она исчезла из виду. Я закрыл ставни и отошел от окна.

Не знаю почему, но при появлении этого предмета мне стало несколько не по себе. У меня возникли мысли о несчастном, утонувшем во время полуночного купания. О моем предшественнике. Он тоже, наверное, отправился таким же благоухающим вечером поплавать под водой и... расстался с жизнью. Можно было думать, что этот несчастный случай отвадил обитателей отеля плавать в одиночку по ночам. Я твердо решил купаться только среди бела дня и — пусть это трусость — не заплывать далеко.

Я пробежал несколько страниц своей книжки, потом, почувствовав, что засыпаю, повернулся выключить свет. И сделал это так неловко, что задел телефон, и он свалился на пол. Наклонился, поднял его — к счастью, никаких повреждений, — но маленький ящичек, часть подставки, раскрылся. В нем — клочок бумаги или, вернее, карточки с именем Чарлз Гордон и адресом в Блумсбери. Гордон — это же фамилия моего предшественника? Маленькая горничная, убирая комнату, и не подумала открыть ящичек. Я перевернул карточку. На обороте было что-то нацарапано: слова «Не позже полуночи». А дальше, видно, пришедшее в голову потом число 38. Я положил карточку обратно в ящичек и выключил свет. Дорога меня утомила, но уснул я, когда было уже почти половина третьего. Я лежал не засыпая и слушал, как плещется о скалы вода у меня под балконом.

Я безостановочно писал три дня, ни разу не покидая своего жилища, только выбегал окунуться по утрам да вечером обедал в отеле. Никто не мешал мне. Услужливый официант приносил завтрак, от которого я откладывал булочки на полуденный ленч, маленькая горничная убирала постель и делала домашнюю работу, не отвлекая меня, и, когда я закончил свое импрессионистическое полотно к середине третьего дня, я вполне определенно осознал, что это одна из лучших сделанных мною

когда-либо работ. Она займет почетное место на моей будущей персональной выставке. Очень довольный, я мог бы теперь отдохнуть и решил на следующий день обследовать побережье, отыскать еще какой-нибудь вид и, быть может, снова обрести вдохновение. Погода была великолепная. Тепло, как в хорошем английском июне. И самое главное — отсутствие поблизости соседей. Остальные постояльцы держались своей территории и не пытались завязывать знакомств, если не считать обмена поклонами и кивками при входе в столовую на обед. Я старался выпивать свой кофе в баре до того, как там появится мистер Столл.

Теперь я понял, что это его лодка причаливала у мыса. Они отправлялись очень рано, и я не видел, как они уходили, но, бывало, замечал, когда возвращались в конце дня: легко узнавалась его квадратная сутулая фигура, а иногда, когда они подходили к причалу, слышался и хриплый голос человека, управлявшего лодкой. Уединенное шале на косе занимали они. И я подумал, а не специально ли он выбрал это шале, чтобы напиться до умопомрачения подальше от соседей? Что ж, вольному воля, лишь бы он не навязывал мне своего отвратительного общества.

Чувствуя необходимость немного поразмяться, я решил прогуляться на восток от отеля. Еще раз поздравил себя с тем, что не оказался в скоплении домиков на населенном участке. Мини-гольф и теннис были в разгаре, а на маленьком пляже каждый клочок песка был покрыт телами с неуклюже раскинутыми руками и ногами. Но скоро гомон публики остался позади, и меня надежно защитил от него цветущий кустарник. Я оказался на мысе около причала. Лодки еще не было видно ни тут, ни в заливе.

Меня охватило неожиданное искушение заглянуть в шале неприятного мистера Столла. Я прокрался по небольшой тропке, словно грабитель, рыщущий в поисках добычи, и посмотрел сквозь закрытые ставнями окна. Дом ни от моего, ни от своих собратьев ничем существенным не отличался, если бы не предательская куча бутылок в углу на балконе. Скотина... Потом кое-что еще задержало мой взгляд: пара ласт, трубка. Вряд ли при таком количестве в нем этой жидкости он отваживался погружать

свою тушу в воду. Может быть, он снаряжал для ловли крабов местного грека, нанятого в качестве «команды»? И я вспомнил мой первый вечер, трубку рядом со скалами и фонарь на лодке.

Я пошел прочь, потому что слышались шаги на дорожке, а мне не хотелось, чтобы видели, как я шпионю. Уходя, я взглянул на номер домика. Тридцать восемь. Число это не произвело на меня тогда никакого впечатления, но позже, переодеваясь к обеду и доставая булавку для галстука, которую я положил на прикроватную тумбочку, я машинально открыл ящичек под телефоном, чтобы еще раз взглянуть на карточку своего предшественника. Да, так и есть. Небрежно написанное число было 38. Чистое совпадение, конечно, и все же... «Не позже полуночи». Слова неожиданно приобрели смысл. Столл в первый же вечер предупредил меня в отношении поздних купаний. Может быть, он предупреждал и Гордона? А Гордон написал это предупреждение на своей карточке, а на обороте — номер домика Столла? В этом был смысл, но, очевидно, бедняга Гордон пренебрег советом. Так же, по-видимому, поступает и один из обитателей шале 38.

Я закончил переодеваться и, вместо того чтобы положить карточку на место, положил ее в бумажник. У меня было смутное чувство, что при случае ее надо вручить дежурному, что она прольет какой-то свет на кончину моего несчастного предшественника. Я не расставался с этой мыслью в течение обеда, но ни к какому решению не пришел. Ведь и меня бы впутали, да и полиция стала бы задавать вопросы. А насколько я знал, дело было закрыто. Нет, не стоило вдруг появляться с забытой визитной карточкой, которая, вероятно, не имела абсолютно никакого значения.

Так случилось, что люди, сидевшие в столовой справа от меня, по-видимому, уехали, и место Столла в углу было теперь у меня на виду. Я мог, не вытягивая шею, наблюдать за ними незаметно и был поражен тем, что он ни разу, ни единым словом не обмолвился с ней. Они составляли странный контраст. Она словно аршин проглотила, чопорная, строгая, орудующая вилкой, как учительница воскресной школы на пикнике; он еще краснее, чем всегда, словно большая раздутая сосиска; отпихива-

ющий от себя после первой пробы большую часть того, что ставил перед ним официант, и протягивающий короткую волосатую руку за все время пустеющим стаканом.

Я кончил обедать и прошел в бар выпить кофе. Было еще рано, и я нашел себе место. Мы с барменом обменялись обычными любезностями; затем, поговорив о погоде, я кивнул в сторону столовой:

— Я заметил, наш друг мистер Столл и его жена, как и обычно, провели весь день в море.

Бармен пожал плечами.

— Каждый день так, никаких изменений,— ответил он.— И большей частью одно и то же направление — на запад из бухты в залив. К тому же погода бывает шквалистой, а им будто все нипочем.

— Не знаю, как она его терпит,— сказал я.— Наблюдал за ними во время обеда, так он с ней даже не разговаривает. Интересно, другие постояльцы какого мнения о нем?

— Они держатся в стороне, сэр. Вы помните, как было с вами? Если он раскрывает рот, то только чтобы хамить. Вот и с прислугой. Девочки не осмеливаются делать уборку в доме, пока он не уйдет. А запах!— Он поморщился, наклонился ко мне и доверительно произнес:— Девочки говорят, он варит свое пиво. Он жжет в камине огонь, у него стоит там горшок с гниющим зерном, что-то вроде помоев для свиней! Ну да, он и выпивает все тут же. Вообразите состояние его печени, да еще при том, что он употребляет за обедом и потом здесь, в баре!

— Я думаю, поэтому у него и горит на балконе до поздней ночи свет,— сказал я.— Пьет эти свинные помои до рассвета. Скажите, а кто тут из обитателей в отеле занимается подводным плаванием?

Бармен заметно удивился.

— Никто, насколько мне известно, после несчастного случая, по крайней мере. Бедный мистер Гордон любил по ночам купаться, вернее, мы так полагали. Он был одним из немногих постояльцев, кто хоть иногда разговаривал с мистером Столлом, я теперь припоминаю это. Раз вечером они серьезно поговорили здесь, в баре.

— В самом деле?

— Не о купании, однако, и не по поводу рыбной ловли. Они говорили о странных вещах. Здесь, знае-

те, в деревне, прекрасный маленький музей, но он сейчас закрыт на ремонт. Мистер Гордон имел какое-то отношение к Британскому музею в Лондоне.

— Кто бы мог подумать, что такие интересы у этого Столла,— сказал я.

— Ничего удивительного,— сказал бармен.— Мистер Столл вовсе не глуп. В прошлом году, бывало, он и миссис Столл брали машину и посещали все достопримечательности: Кносс, Маллию и некоторые малоизвестные места. В этом году все иначе. Каждый день лодка и рыбалка.

— А мистер Гордон?— не отступал я.— Он когда-нибудь ловил с ним рыбу?

— Нет, сэр. Насколько я знаю — нет. Он нанимал машину, как и вы, и изучал окрестности. Он написал книгу, он говорил мне об археологических находках на восточном Крите и об их связи с греческой мифологией.

— Мифологией?

— Да, я понял, что они с мистером Столлом говорили о мифологии, но слышал я их разговор, как вы понимаете, краем уха,— мы были очень заняты в тот вечер в баре. Мистер Гордон был из спокойных джентльменов, если позволите, сэр, пожалуй, в вашем стиле, он, кажется, был очень заинтересован разговором, речь шла о каких-то древних богах. И проговорили они так больше часа.

— Хм...

Я подумал о карточке в бумажнике. Передать или не передать ее дежурному клерку? Пожелав бармену спокойной ночи, я пошел через столовую в холл. Столлы только что вышли из-за стола и шли передо мной. Я отстал, пока дорога была свободна, удивленный тем, что они не пошли в бар. Сделав вид, что меня интересуют открытки, я остановился у витрины. Потом увидел, что миссис Столл снимает свое пальто с вешалки в вестибюле у входа, тем временем ее неприятный супруг посетил туалет, а затем они вышли через переднюю дверь, которая вела прямо на стоянку машин. Наверное, собрались на автомобильную прогулку. И Столл за рулем в таком состоянии?

Я все колебался. Дежурный клерк говорил по телефону. Передавать карточку было не время. Какой-то порыв, как у мальчишки, изображающего

детектива, заставил меня подойти к своей машине, и, когда габаритные огни Столлов исчезли из вида — это был «мерседес», — я последовал за ними. Дорога была одна-единственная, и он поехал по ней на восток в направлении деревни и огней гавани. Доехав до маленького порта, я, как и следовало ожидать, потерял его. Инстинктивно направился к пристани. Подумал, что он сделал то же самое. Напротив находилось большое кафе. Припарковал «фольксваген» и посмотрел вокруг. Никаких признаков «мерседеса». Только туристы, такие же, как я, и местные жители, прогуливающиеся перед кафе или пьющие кофе.

Ну ладно, ничего страшного, посижу, поглазею тут на них, выпью лимонада. Я просидел, должно быть, больше получаса, смакуя так называемый «местный колорит», развлекаясь проходящей толпой. Шествовали греческие семьи, вышедшие подышать воздухом, хорошенькие, застенчивые девушки поглядывали на юношей, которые держались особняком, как бы подчиняясь своеобразной сегрегации; бородатый православный священник за столом рядом с моим беспрестанно курил, играя в кости с двумя очень пожилыми людьми, и, конечно, бесцеремонная компания хиппи из моей собственной страны — самые длинноволосые, самые грязные из всех и создающие больше всех шума. Как только они включили транзистор и расселись на булыжнике позади меня, я понял, что пора уходить.

Я заплатил за лимонад и прогулялся до конца набережной и обратно — бесконечные ряды рыболовных лодок, наверное, были колоритны днем, и, возможно, их бы стоило написать. Затем я перешел через улицу, и мой взгляд уловил блеск водной поверхности там, где боковая дорога, казалось, оканчивается тупиком. Это, видимо, была местная достопримечательность, упоминавшееся в путеводителе озеро Боттомлесс Пулл *, которое в разгар сезона часто посещают и фотографируют туристы. Оно было довольно велико, гораздо больше, чем я думал; в воде его плавал всякий мусор, и я не завидовал тем, кто днем безрассудно прыгал в воду с трамплина, виднеющегося на его дальнем конце.

* Бездонная лужа (англ.).

Тут я увидел «мерседес». Он стоял напротив слабо освещенного кафе, и — ошибки не было — за столом сгорбленная фигура, перед ней пивные бутылки, рядом — «несгибаемая» дама. Но к моему удивлению и, могу добавить, отвращению, он пил не в одиночестве, а, по-видимому, разделял свою послеобеденную пьянку с компанией хрипатых рыбаков за соседним столом.

Крики и смех висели в воздухе. Они, очевидно, дразнили его, греческая учтивость осталась в их стаканах. Один из молодых участников попойки вдруг запел, потом протянул руку и смахнул с его стола на тротуар пустые бутылки. Раздался грохот бьющегося стекла, сопровождающийся криками его приятелей. И я ждал, что явится местная полиция и прекратит безобразие.

Но никаких признаков властей. Меня не волновало, что случится со Столлом — ночь в тюрьме отрезвила бы его, — но для жены его все это было бы ужасно. Впрочем — не мое дело, и я уже повернулся, собираясь возвратиться на набережную, когда он под дикие овации рыбаков, шатаясь, поднялся на ноги, схватил со своего стола уцелевшую бутылку, замахнулся ею над головой и с поразительной для его состояния ловкостью, как дискбол, запустил ее в воду. Она пролетела мимо меня в каких-нибудь двух футах, и он видел, как я пригнул голову. Это было уже слишком. Я шагнул к нему.

— Ну что вы тут разыгрались? — заорал я.

Он, пошатываясь, стоял передо мной. Смех в кафе прекратился: его друзья с интересом наблюдали. Я ожидал потока брани, но опухшее лицо Столла скривилось в усмешке. Он, пошатываясь, шагнул вперед и похлопал меня по плечу.

— Знаешь, — сказал он. — Если бы не ты, я бы, черт побери, забросил ее на середину этой лужи. Подальше, чем кто-нибудь из этих парней. Среди них — ни одного чистокровного критца. Все это чертовы турки.

Я попытался избавиться от него, но он прицепился ко мне с навязчивостью привычного пьяницы, который вдруг нашел или думает, что нашел друга на всю жизнь.

— Ты ведь из отеля? — Он икнул. — Не отказывайся, приятель. У меня хорошая память на лица.

Это же ты, черт побери, рисуешь целыми днями на своем дурацком крыльце. Ты меня восхищаешь. Я ведь кое-что понимаю в искусстве. Я бы мог даже купить твою картину.

Его *bonhomie* * была отвратительна, попытка покровительствовать — невыносима.

— Извините,— сказал я жестко,— картина не продается.

— Да бросьте!— возразил он.— Все вы, художники, одинаковы. К вам не подступишься, пока не предложишь хорошенькие денежки. Вот Чарли Гордон...— Он замолчал и хитро взглянул на меня.— Постойте, вы ведь знали Чарли Гордона?

— Нет,— сухо ответил я.— Он был до меня.

— Верно, верно,— согласился он.— Бедняга умер. Утонул здесь, в бухте, прямо под вашими скалами. Во всяком случае, его там нашли.

Маленькие глазки-щели были не видны на его заплывшем лице, но я знал: он наблюдает за мной.

— Да,— сказал я.— Об этом я слышал. Но он не был художником.

— Не был художником?— повторил Столл за мной и расхохотался.— Да он был знатоком! Ну и особого счастья ему это, в конце концов, не принесло, так ведь?

— Да,— сказал я.— Очевидно, не принесло.

Он попытался взять себя в руки; покачиваясь, нащупал зажигалку, извлек пачку сигарет. Закурил, протянул пачку мне. Я помотал головой и сказал, что не курю. Потом, набравшись храбрости, заметил:

— И не пью тоже.

— Вот это да!— удивленно сказал он.— И я тоже. Тем более что пиво, которым они тут вас угощают,— настоящая моча, а вино — отравка.— Он взглянул через плечо на группу у кафе и, заговорщически подмигивая, потащил меня к стене, ближе к воде.— Я вам говорил, что все эти ублюдки — турки,— сказал он.— А турки, они же пьяницы и кофеманы. За пять с лишним тысяч лет они не наварили тут ничего стоящего. А раньше тут знали, как это делается.

Я вспомнил, что говорил бармен о помоях у него в шале.

* Простота (франц.).

— В самом деле?— спросил я.

Он опять подмигнул, и тогда его сощуренные глаза приоткрылись, и я заметил, что они у него грязно-карие, с налитыми кровью белками и слегка навывкате.

— Знаете что?— хрипло зашептал он.— Ученые тут ничего не понимают. Именно пиво пили критяне здесь в горах, пиво, сваренное из ели и плюща. Вино было изобретено века спустя чертовыми греками.

Он встал поустойчивее: одна рука на стене, вторая у меня на плече. Потом наклонился вперед и его стошнило в воду. Меня самого чуть не вывернуло.

— Ну вот и полегчало,— сказал он.— Избавился от отравы. Плохо отравлять организм. Вот что я скажу, вернемся в отель, и вы с нами, и выпьем на сон грядущий у нас в шале. Вы мне нравитесь, мистер, как вас там! Вы правильно рассуждаете. Не пьете, не курите и пишете картины. Кто же вы?

Отказываться сразу было невозможно, и мне пришлось позволить потащить себя через дорогу. К счастью, группа у кафе разошлась, несомненно недовольная тем, что дело до рукоприкладства не дошло, и миссис Столл забралась в «мерседес» и заняла место впереди рядом с местом шофера.

— Не обращайтесь на нее внимание,— сказал Столл.— Она как пень глуха. Если не орать в ухо, она ничего не услышит. Сзади места хватает.

— Спасибо,— сказал я.— У меня своя машина на берегу.

— Как знаете,— ответил он.— Так скажите же, господин Художник, кто вы? Академик?

Я мог бы и не уточнять, но некоторая склонность к помпезности и наивная надежда, что он сочтет меня занудой и не станет больше привязываться, заставили меня сказать правду.

— Я учитель,— сказал я.— В приготовительной школе для мальчиков.

Он словно споткнулся на ходу, в довольной ухмылке широко раскрыл мокрый рот.

— Бог мой!— заорал он.— Вот забавно, вот уж в самом деле забавно! Наставник, черт побери! Нянька для младенцев. Ты наш человек, приятель, наш человек! И у него-то еще хватило наглости говорить, что не варил елки с плющом!

Он прямо как помешался. Но эта неожиданная

вспышка шумного веселья заставила его освободить мое плечо, и он пошел вперед к своей машине, покачивая головой из стороны в сторону; ноги несли его тело забавной трусцой: трюх-трюх... трюх-трюх... как неуклюжую лошадь.

Я посмотрел, как он быстро уселся рядом с женой в машине, и поскорее улизнул прочь, но он с удивительной ловкостью развернул машину и, не успев я дойти до перекрестка, догнал меня. Он высунул голову из окна и продолжал улыбаться:

— Заходите же к нам, мистер Наставник, заходите когда хотите. Всегда будем рады. Скажи ему это ты, Мод. Ты что, не видишь, парень стеснительный?

Эта зычная команда раздалась на всю улицу. Прохожие повернулись в нашу сторону. Деревянное, невозмутимое лицо миссис Столл показалось из-за плеча мужа. Она выглядела совершенно спокойной, как будто все было как надо, как будто ехать по незнакомой деревне с пьяным мужем было самым обычным делом.

— Добрый вечер,— сказала она без всякого выражения.— Рада познакомиться, мистер Наставник. Пожалуйста, заходите к нам. Только не позже полуночи. Шале тридцать восемь...

Столл помахал рукой, и машина с воем рванулась по улице отмерить несколько километров до отеля. Я отправился следом, твердя себе, что если мне дорога жизнь, не следует принимать это предложение.

Сказать, что эта неожиданная встреча испортила мне отдых и выбила из колеи, было бы неправдой. Но половиной правды — наверное. Я злился и негодовал, но только на Столлов. Спал ночь крепко и проснулся посвежевшим, готовым встретить новый прекрасный день, и ничто уже не казалось таким скверным в это утро. Передо мной стояла одна-единственная задача: избегать Столла и его не менее сумасбродную жену. Весь день они проводили в своей лодке, и это не представляло труда. Обедая пораньше, я мог не повстречаться с ними в столовой. Они никогда не гуляли поблизости, и маловероятно, что я столкнусь с ними нос к носу в парке. Случись мне быть на балконе, когда они вернутся вечером с рыбной ловли и он направит в мою

сторону бинокль, я тотчас исчезну у себя в шале. В общем, если повезет, он может и совсем забыть о моем существовании или, хотя это уж слишком хорошо, чтобы на это надеяться, воспоминания о нашем вечернем разговоре могут просто выпасть у него из памяти. Эпизод был неприятный, даже в некотором смысле тревожный, но я не собирался позволить ему отравить мне оставшиеся дни.

К тому времени, как я вышел на балкон позавтракать, лодка уже отошла от причала, и я вознамерился осуществить свой план исследования берега с этюдником. Погружусь в свое любимое занятие, совершенно забуду о них. И не стану передавать администрации карточку с каракулями бедняги Гордона. Жуткое сходство записанного на карточке и слов, сказанных миссис Столл, все же мучило меня. Я догадывался теперь, что произошло. Несчастный малый и подумать не мог, к чему приведет разговор в баре, его заинтриговало, что Столл знал кое-что из мифологии и разные глупости о древних критянах. Как археолог, он надеялся, что беседа со Столлом будет полезной. Он принял приглашение посетить шале 38.

Однако почему он решил переплыть залив, вместо того чтобы пройти пешком, правда сделав крюк, по горной тропке, оставалось загадкой. Может быть, своего рода бравада? Кто знает! Бедняга! Раз уж он оказался в шале Столлов, ему пришлось выпить предложенного хозяином адского варева, от которого он, должно быть, потерял всякий рассудок. И когда он снова отправился в воду после попойки, произошло то, что и должно было произойти. Остается надеяться, что он был настолько хорош, что не успел и понять, в чем дело, как утонул. И что интересно: Столл так и не пожелал дать свидетельских показаний. Конечно, моя теория случившегося основывалась на интуиции, совпадениях, которые представлялись не случайными, предубеждениями, и только. Но пора было выбросить все это из головы и заняться предстоящим днем. Или, скорее, днями.

Моя разведка в западном, противоположном от гавани направлении оказалась даже успешнее, чем я ожидал. Я отправился по кружащей слева от отеля дороге и, проехав километров семь в гору, снова спустился к морю, где суша справа от меня нежи-

данно оказалась совершенно плоской, похожей на большое цвета шпаклевки высохшее и затвердевшее на солнце болото; ослепительно голубое море, омывавшее с двух сторон эту полоску суши, великолепно контрастировала с ней. Подъехав поближе, я увидел, что это и не болото вовсе, а отложения соли с проложенными по ним узкими дорожками, прорезанные перегородками и канавками для дренирования и испарения морской воды. Повсюду развалины брошенных ветряных мельниц: их круглые стены напоминали башни замков. А на взгорбленном клочке земли в нескольких сотнях ярдов от моря торчала маленькая церквушка — можно было даже рассмотреть на крыше блестевший на солнце крошечный крест. Потом соляные отмели резко обрывались, и, снова поднимаясь, суша образовывала длинный узкий перешеек Спиналонга.

Я съехал на «фольксвагене» по ухабистой дорожке к отмелям. Местность была довольно пустынная. После обстоятельного знакомства с ней я решил, что тут-то и поработаю следующие дни. Разрушенная церковь на переднем плане, чуть поодаль — брошенные ветряные мельницы, слева — соляные отмели и голубая вода, накатывающаяся на перешеек справа.

Я установил мольберт, напялил на голову свою потрепанную фетровую шляпу и забыл обо всем, кроме вида передо мной. Три дня на соляных отмелях, — я трижды повторял свои экспедиции сюда, — были лучшим временем моего отпуска. Абсолютное уединение и покой. Я так и не увидел тут ни души. Случалось, машина проезжала по дороге вдоль побережья и исчезала. Я прерывался, чтобы съесть бутерброды с лимонадом, которые привозил с собой, потом, когда солнце особенно палило, отдыхал у разрушенной мельницы. Возвращался в отель, обедал пораньше и отправлялся к себе в шале почитать перед сном. Богомолец-отшельник не мог пожелать большего уединения.

На четвертый день я завершил две отдельные картины с разных точек и, несмотря на это, не склонен был покидать избранную мной территорию, ставшую как бы моим собственным и уже часто посещаемым местом. Я уложил свое имущество в машину и отправился пешком по поднимающейся

поверхности перешейка с намерением подобрать новую площадку для следующего дня. Высота могла дать кое-какие преимущества. Обмахиваясь шляпой, потому что было очень жарко, я с трудом поднимался в гору и, достигнув вершины, был поражен, насколько узок оказался перешеек — всего лишь полоска суши, и прямо подо мной — море. И не спокойная вода, что омывала оставленные позади соляные отмели, а завывающиеся гребешки открытого залива, подгоняемые северным ветром, который чуть не сдул с меня шляпу. Гений, может быть, и передал бы эти изменяющиеся тона на полотне — бирюзовый, незаметно переходящий в эгейскую синь с глубокими винными оттенками, — гений, но не такой любитель, как я. К тому же я едва держался на ногах. Мольберт с полотном мгновенно бы сдуло.

Я спустился вниз, к островку ракитника, образующего укрытие, в котором бы можно было несколько минут отдохнуть и понаблюдать за пенящимся морем. И тут я увидел лодку. Она стояла на якоре в маленькой бухте, где берег изгибался и вода была сравнительно спокойной. Ошибки быть не могло, лодка несомненно их. Нанятый ими грек расположился на носу с лесой, заброшенной через борт. Судя по его ленивой позе, ловля не была для него серьезным занятием, и я понял, что он задремал. Он был один в лодке. Я взглянул прямо перед собой, на песчаную косу, тянущуюся вдоль берега, и увидел грубое каменное строение, сооруженное у торца скалы и частично разрушенное: когда-то оно, наверное, использовалось как укрытие для овец или коз. У входа лежал мешок для провизии, корзина, какие обычно берут на пикники, и пальто. Столлы, должно быть, высадились из лодки раньше, хотя удар бортом о берег при беспокойном море был чреват опасностью, и теперь отдыхают где-нибудь за ветром. Возможно, Столл даже варит свою микстуру из ели и плюща вместе с хорошей порцией козлиного помета, и это уединенное местечко на перешейке Спиналонга является его «натурой».

Вдруг грек на лодке встрепенулся и стал наматывать лесу. Он перебрался на корму и встал там, пристально вглядываясь в воду. Я заметил какое-то шевеление, стала видна фигура под водой, а вот она

появилась и над поверхностью: шлем, маска, резиновый костюм, акваланг и прочее. Потом ее заслонил от меня грек, наклонившийся помочь пловцу снять верхнюю часть снаряжения, и мое внимание привлекло полуразрушенное укрытие на берегу. Что-то стояло там у входа. Я говорю «что-то», потому что вначале, несомненно из-за игры света, оно показалось мне стоящим на задних ногах косматым жеребенком. Ноги и даже вся спина были покрыты волосами. Потом я догадался, что это собственной персоной голый Столл, с такими же волосатыми руками и грудью. Только опухшее ярко-красное лицо да огромные, как блюдца, уши, торчащие по сторонам его лысой головы, свидетельствовали, что это человек. Никогда в жизни не видел более отвратительного существа. Он вышел на солнце и посмотрел в сторону лодки, затем, как бы довольный собой и окружающим миром, принялся расхаживать взад и вперед перед руинами укрытия, и движения его были такие же странные, как и тогда в поселке — не раскачивающаяся походка пьяного человека, а тяжелая поступь рысцей: руки в боки, выпяченная грудь, далеко выдающийся зад.

Пловец, уже без маски и акваланга, теперь направлялся к пляжу длинными неторопливыми шагами. Еще в ластах — мне было видно, как они бьют по воде, словно большая рыба. Затем ласты были сброшены на песок, пловец остановился, и, несмотря на обманчивость резинового костюма, я с удивлением узнал в нем миссис Столл. На шее у нее было что-то вроде мешка, подойдя к своему вышагивающему мужу, она сняла мешок через голову и подала ему. Я не заметил, чтобы они обменялись хоть словом, оба направились к хижине и исчезли внутри. Что касается грека, он снова перешел на нос лодки и принялся за свою ленивую ловлю рыбы.

Я лег под прикрытием раakitника и стал ждать. Я готов был потратить на них минут двадцать, даже полчаса, а потом отправиться в обратный путь к солевым отмелям, к своей машине. Но так долго ждать не пришлось. И десяти минут не прошло, как я услышал подо мной на пляже крик. Всматриваясь сквозь раakitник, я увидел, что оба стоят на песчаной косе, мешок с провизией, корзина и ласты — в руках. Грек завел мотор и принялся выбирать якорь. Потом он

медленно вырулил к берегу и вплотную подошел к уступу скалы, где уже ждали Столлы. Они влезли в лодку, грек моментально развернул ее, и они направились вон из защищенной бухты, в залив. Потом лодка обогнула мыс и исчезла из виду.

Меня одолело любопытство. Я сполз по скале на песок и напрямик двинулся к развалинам. Как я и предполагал, это было укрытие для коз: загаженный пол издавал неприятный запах, козий помет был повсюду. Один угол все-таки был расчищен, и деревянные планки образовывали какое-то подобие полки. Под ней была свалена груда неизменных пивных бутылок, но была ли в них местная бурда или собственная отравка Столла, я разобрать не мог. На самой полке — остатки керамики, будто кто-то рылся в груде мусора и выбирал оттуда осколки посуды. На них, однако, не было земли, они были вычищены морскими уточками, а некоторые еще влажные. И тут мне пришло в голову, что это то, что археологи называют «черепками», и попали они сюда с морского дна. Миссис Столл исследовала дно и искала то ли раковины, то ли что-то еще более интересное — неизвестно, а осколки, разбросанные здесь, им не нужны, и потому ни муж, ни она сама не потрудились убрать их. Я в этих вещах не разбираюсь и, осмотрев все и не найдя ничего особенно интересного, ушел из развалин.

Выход все испортил. Едва я стал забираться на скалу, послышался стук мотора. Лодка вернулась. Они решили пройти вдоль берега, — так я определил по ее направлению. Все три головы повернулись в мою сторону. Короткая толстая фигура на корме, конечно, направила бинокль. Я догадывался, что он хочет выяснить, кто это вышел из развалин и с трудом поднимается в гору.

Я не оборачивался и продолжал карабкаться, надвинув на самые брови шляпу, надеясь, что она послужит хоть какой-нибудь маскировкой. В конце концов, любой турист мог оказаться на этом месте в это время. Тем не менее я опасался, что буду обязательно узнан. Я дотащился до машины на соляных отмелях, усталый, задыхающийся, вконец измотанный. Я даже пожалел, что принялся обследовать другую сторону перешейка. Столлы подумают, что я шпионил за ними, что, впрочем, было правдой.

День был испорчен. Я решил покончить с этим и возвращаться в отель. Мне, однако, не везло: едва я выехал с отмени на дорогу, ведущую к шоссе, как заметил, что спустило колесо. Пока я ставил запасное, — я ведь совершенно ничего не смыслию в технике, — прошло минут сорок.

Мое скверное настроение не улучшилось, когда я наконец доехал до отеля и увидел, что Столлы обогнали меня. Их лодка была уже на цепи у причала, а сам Столл сидел на балконе с полевым биноклем, направленным на мое шале. Я тяжело поднялся по ступенькам, ощущая неловкость, как перед телекамерой, вошел в комнату и закрыл ставни. Я принимал ванну, когда зазвонил телефон.

— Да! — Полотенце вокруг талии, с рук течет, более неподходящего момента для звонка не брать.

— Это вы, мистер Наставник?

Хриплый голос с одышкой — ошибиться невозможно. Однако, судя по голосу, пьян он не был.

— Тимоти Грей, — холодно сказал я.

— Грей или Блэк — мне все одно, — сказал он; тон был неприятный, враждебный. — Вы ведь были сегодня днем на Спиналонге? Верно?

— Я гулял на полуострове, — ответил я. — Не знаю, что это вас так интересует.

— Не прикидывайтесь, — ответил он. — Вы меня не проведете. Вы прямо как тот парень. Вы всего-навсего проклятый шпион. Так я вам прямо скажу: крушение начисто выбрано несколько веков назад.

— Не знаю, о чем это вы? Какое крушение? — сказал я.

Наступила минутная пауза. Он что-то пробормотал едва слышно, не то сам себе, не то жене — было не разобрать. Когда он снова заговорил, тон его смягчился, в нем снова зазвучало притворное добродушие.

— О'кэй, о'кэй, старина Наставник, — сказал он. — Не будем спорить по этому поводу. Скажем так, у нас с вами нашлись общие интересы. Учителя, университетские профессора, преподаватели колледжей, все мы похожи под кожей и даже внешне иногда. — Его дурацкое хихиканье было обидно. — И не бойтесь, я вам не причиню вреда, — продолжал он. — Вы мне нравитесь, как я недавно сказал. Вы

ведь хотите что-нибудь для вашего несчастного школьного музея, верно? Чтобы можно было показать славным парнишкам да и коллегам тоже? Прекрасно. Договорились. У меня есть как раз то, что вам подойдет. Заходите к нам попозже вечером, и я сделаю вам презент. Денег мне ваших, черт побери, не надо... — Он замолчал, снова хихикнул, а миссис Столл, видимо, сделала какое-то замечание, потому что он добавил: — Ладно, ладно. Будет маленькая дружеская вечеринка, только мы троим. Моей жене вы тоже очень понравились.

Полотенце с талии соскользнуло на пол, я остался голым. Я ощутил какое-то необъяснимое чувство незащитности. А снисходительный тон и эти намеки просто взбесили меня.

— Мистер Столл, — сказал я. — Я не собираю ничего ни для школ, ни для колледжей, ни для музеев. Я не интересуюсь древностями. Я приехал сюда, чтобы ради собственного удовольствия заниматься живописью, и, откровенно скажу, не имею ни малейшего желания заходить ни к вам, ни к кому бы то ни было еще. Спокойной ночи.

Я швырнул трубку и снова пошел в ванную. Нелыханная наглость! Отвратительный человек. Хотел бы я знать, оставит он теперь меня в покое или направит бинокль на мой балкон и будет ждать, когда я пойду в отель обедать, и тогда, вместе с женой последует за мной в столовую? Несомненно, он не посмеет возобновить разговор в присутствии официантов и отдыхающих. Если я верно угадал его намерения, он собирался купить мое молчание, отдавшись каким-нибудь подарком. А эти его ежедневные рыболовные экспедиции были не чем иным, как маскировкой подводных поисков, отсюда его слова о крушении. Он надеялся обнаружить, а возможно, уже и обнаружил ценные предметы и собирался вывезти их контрабандой с Крита. Наверняка ему удалось это в прошлом году. А греку-лодочнику хорошо заплатят, чтобы он придержал язык.

Планы этого сезона, что ни говори, у него рушились. Мой несчастный предшественник Чарлз Гордон, сам специалист по древностям, видно, что-то заподозрил. Слова Столла: «Вы, как тот парень, всего-навсего проклятый шпион» — сомнений не

оставляли. А что, если Гордон получил приглашение в шале 38 не только, чтобы угоститься его пивом, но и посмотреть коллекцию Столла и получить взятку за молчание? Может быть, он отказался, угрожая разоблачить Столла? Случайно он утонул, или жена Столла, может быть, последовала за ним в резиновом костюме, маске и ластах, а потом, под водой...

Воображение мое разыгралось. Но доказательств не было. Одно я знал: никто меня и палкой не загонит к Столлу в шале, а если он попытается снова приставать ко мне, я вынужден буду рассказать администрации всю эту историю.

Я переоделся к обеду, потом чуть-чуть приоткрыл ставни и встал за ними, наблюдая за шале. Поскольку уже смеркалось, на балконе был зажжен свет, но сам Столл исчез. Я вышел, закрыл ставни и пошел по саду к отелю.

И только я собрался шагнуть с террасы в зал регистрации, как увидел, что Столл и его жена восседают там на стульях, так сказать охраняя проход в столовую и в холл. И пройти поесть, не миновав их, нельзя. Хорошо, подумал я, можете сидеть здесь и ждать весь вечер. Я прошел назад по террасе и, обойдя отель, через кухни вышел на стоянку машин и сел в «фольксваген». Пообедаю в поселке, черт с ними, с дополнительными расходами. В бешенстве я отъехал, нашел ничем не примечательную таверну в порядочном отдалении от гавани. Но хотя я и был голоден, проведя целый день на соляных отмелях с жалкими сандвичами, мне пришлось вместо положенного по пансиону обеда из трех блюд довольствоваться омлетом, апельсиновым соком и чашкой кофе.

Только после десяти я возвратился в отель. Я припарковал машину; еще раз пройдя через кухни, крадучись, осторожно открыл ставни и вошел. Огонь еще светился на балконе Столла, он был наверняка уже хорош. Если с ним что-нибудь случится на следующий день, я определенно пойду к администрации.

Я разделся, лег в кровать и решил до полуночи почитать, затем, чувствуя, что меня одолевает сон, выключил свет и прошел по комнате открыть ставни — было слишком душно. Я остановился на минуту посмотреть на залив. Огни во всех шале потуше-

ны, кроме одного. Столла, конечно. Свет с его балкона бросал желтую полосу у причала. Вдруг по воде прошла рябь, хотя не было ни ветерка. Потом я увидел шноркель. Маленькая трубка на миг попала в желтую полосу света, но, до того как она скрылась из виду, я понял, что она движется прямым курсом к скалам под моим шале. Я подождал. Не слышалось ни звука, и ряби тоже не было на воде. Может быть, такое происходило каждый вечер. Возможно, это определенный режим, и, пока я лежал и читал, забыв обо всем на свете, жена Столла всю плавала около скал? Значит, она регулярно после полуночи оставляет своего одурманенного супруга дремать над его адским варевом из ели и плюща, а сама — его подводный помощник в черном как ночь костюме, маске и ластах — отправляется шпионить за шале 62? Мягко говоря, от этой мысли мне было не по себе. В особенности в эту ночь, после приглашения по телефону и моего отказа прийти, после разработанной мной версии судьбы моего предшественника. Словом, ее непосредственная близость от меня была не просто неприятной, она была угрожающей. Это свидетельствовало о наивысшей опасности.

Вдруг в темной неподвижности справа от меня в луче света с палец толщиной, падающем с моего собственного балкона, промелькнул шноркель. Теперь это было прямо подо мной. Я испугался, накрепко закрыл ставни, выключил свет на балконе и встал к стене между кроватью и ванной. Прислушался. Теплый воздух струился сквозь ставни мимо меня. Казалось, прошла вечность, прежде чем звуки, которых я ждал и боялся, донеслись до моих ушей. Сначала похожие на удары кнута по балкону, потом шлепанье ладоней, что-то нащупывающих, тяжелое дыхание. Мне ничего не было видно с моего места у стены, но звуки доходили через щели в ставнях, и я знал, что это она там. Слышал, как она возится с задвижкой, слышал, как с резинового костюма капает вода. Знал, что, если я даже крикну: «Что вам надо?», она не услышит. Какие уж под водой слуховатые аппараты, какие устройства для неслышащих ушей. Как бы там ни было, ей приходилось сейчас обходиться только с помощью зрения или осязания.

Она стала барабанить по ставням. Я не обращал внимания. Она снова принялась стучать. Потом нашла кнопку, и раздались настойчивые звонки прямо над моей головой, заставляя меня содрогаться, как от бормашины у дантиста. Она трижды звонила. Потом унялась. Больше не стучала. И дыхания не было слышно. Может быть, она еще отсиживается на балконе... вода стекает с черного резинового костюма... Может быть, ждет, что я не выдержу, появлюсь?..

Я потихоньку отошел от стены и сел на кровать. С балкона ни звука. Я, не таясь, включил прикроватную лампу и ждал: не раздастся ли снова стук в ставню, не затрезвонит ли звонок. Однако тишина не нарушалась. Взглянул на часы. Половина первого. Я сидел ссутулясь на кровати, и голова, только что клонившаяся ото сна, была до ужаса ясной, полной предчувствий. Страх перед черной гладкой фигурой нарастал с каждой минутой, казалось, не остается во мне ни капли здравого смысла. И особенно усиливалось страх то, что эта фигура в резиновом костюме — женская. Что ей от меня нужно?

Так просидел я час или больше, пока разум не вернулся ко мне. Должно быть, она ушла. Я встал с кровати, подошел к ставням, прислушался. Ни звука. Только плеск воды о скалы. Я тихо-тихо снял крюк, выглянул через ставни. Никого нет. Я открыл их шире и вышел на балкон. Посмотрел на залив. Огня на балконе тридцать восьмого шале не было. Маленькая лужица воды под ставнями свидетельствовала о том, что фигура в резиновом костюме стояла здесь час назад, а мокрые следы, ведущие вниз по ступенькам к скале, говорили о том, что она ушла тем же путем, что и пришла. Я вздохнул с облегчением. Теперь можно спокойно спать.

И только тут я заметил у своих ног небольшой предмет, лежащий у основания ставней. Я нагнулся и поднял его. Пакет, завернутый в какой-то непромокаемый материал. Я взял его и вошел в дом, осмотрел его, сидя на кровати. В голову пришли дурацкие мысли о пластиковых бомбах, но, может быть, после путешествия под водой бомба не взорвется? Пакет был перевязан крест-накрест бечевкой. По весу довольно легкий. Я вспомнил древнюю классическую поговорку: «Бойся данайцев, дары при-

носящих». Но Столлы — не греки. И какую бы затерянную Атлантиду они ни раскопали, что бы ни награбили, взрывчатые вещества не содержатся в кладах этого исчезнувшего континента.

Я перерезал бечевку маникюрными ножницами, размотал ее и развернул водонепроницаемую обертку. Далее следовала упаковка из тонкой сетки. Развернул и ее. И вот содержимое пакета у меня в руке. Это маленький красноватый сосуд с двумя ручками по сторонам для удобства. Я видел подобные предметы раньше в музейных витринах. Правильное его название, кажется, ритон. Тело сосуда искусно сделано в виде человеческой головы с торчащими, как створки раковины, ушами. Над жадно раскрытым ртом — похожий на луковицу нос, выпученные глаза, усы опускаются к круглой бороде, которая служит основанием. Наверху, между ручками, по краю, прямые шагающие фигуры с лицами такими же, что и у самого сосуда. Но этим сходство с людьми и заканчивалось, поскольку ни рук ни ног у них не было, а только копыта, и у каждого сзади хвост.

Я повернул вещь. То же лицо с другой стороны поедало меня глазами. Те же три фигуры шагали по краю. Не было заметно ни трещины, ни изъяна, за исключением легкой царапины на губе. Я заглянул внутрь сосуда и увидел на дне записку. Горлышко было слишком узким для моей руки, и я ее вытряхнул. Это была обыкновенная белая карточка с напечатанным на ней текстом: «Силен, рожденный землею сатир, полуконь-получеловек, неспособный отличить истину от лжи, воспитывал Диониса, бога опьянения, словно девицу, в пещере Крита, а потом стал его наставником в пьянстве и спутником».

И это все. Ни слова больше. Я снова положил записку внутрь сосуда, а сосуд поставил на столик в дальний угол комнаты. Но и оттуда уродливое лицо не сводило с меня издевательского взгляда, а три шагающие фигуры полулюдей-полуконей рельефно выделялись по краям сосуда. Я бросил на него куртку и опять забрался в кровать. Утром займусь этой трудной задачей: упакую и отправлю официанта отнести в шале 38. Столл может забрать свой ритон обратно — бог знает, сколько он может

стоять, — успехов ему. А мне ни черепка не нужно от этого человека.

Измученный, я уснул, но, о господи, не забылся, нет. Одолевшие меня сны, от которых я изо всех сил пытался безуспешно отбиться, переносили меня в какой-то другой непонятный мир, жутко перемешанный с моим собственным. Семестр начался, но школа, в которой я преподавал, находилась на вершине горы, окруженная лесом, хотя здания школы были те же самые и класс был моим. Мальчики — все знакомые мне лица, мальчуганы, которых я знаю, — отличались необычной красотой, несколько вызывающей, и в то же время было в них что-то милое, подкупающее, а на головах у них — виноградные листья. Они бегут ко мне, улыбаются, я обнимаю их, и это доставляет мне радость, таинственную и сладкую, невообразимую, до того не испытанную. Человек, находящийся среди них, играющий и резвящийся с ними, — это не тот я, которого я знаю, это демонический призрак, сошедший с сосуда, самодовольно вышагивающий, как Столл на песчаной косе Спиналонги.

Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем я проснулся, и, конечно, день вовсю сиял сквозь ставни — было без четверти десять. В голове у меня стучало. Мутило, — я чувствовал себя совершенно разбитым. Я заказал кофе и посмотрел на залив. Лодка была у причала. Столлы не отправились на рыбалку. Обычно уже в девять их нет. Я извлек сосуд из-под куртки и неловкими руками стал заворачивать его в сетку и непромокаемую упаковку. Я закончил свою неумелую работу, когда на балкон вошел официант с завтраком на подносе. Со своей обычной улыбкой он пожелал мне доброго утра.

— Простите, — сказал я, — не могу ли я попросить вас об одолжении?

— Чем могу служить, сэр? — откликнулся он.

— Это касается мистера Столла, — начал я. — Кажется, шале тридцать восемь у залива... Он обычно каждый день отправляется ловить рыбу, но я вижу, его лодка еще на месте.

— Ничего удивительного, — улыбнулся официант. — Мистер и миссис Столл уехали сегодня на машине.

— Ах вот что. И когда же вернутся?

— Они не вернутся, сэр. Они уехали совсем. Они поехали в аэропорт, направились в Афины. Лодка теперь, наверное, свободна; если вы хотите ее взять...

Он спустился по ступенькам в сад; сосуд в непромокаемой упаковке так и остался у подноса с завтраком.

Солнце уже палило мой балкон. День обещал быть знойным, пожалуй, будет слишком жарко, чтобы писать. Во всяком случае, настроения у меня все равно не было. Ночные приключения не выходили из головы, оставили у меня непонятное чувство опустошения. И виной тому была не столько гостя на моем балконе, сколько эти бесконечные сны. Можно освободиться от самих Столлов, но не от их наследия.

Я снова развернул пакет, повертел сосуд в руках. Хитрое, насмешливое лицо оттолкнуло меня: его сходство с живым Столлом не было чистой игрой воображения, оно бросалось в глаза и, несомненно, было единственной причиной избавиться от этого предмета — я вспомнил дурацкое хихиканье на другом конце провода. А уж если он располагает сокровищами не менее, а может быть, даже и более ценными, предметом меньше, предметом больше — какое это имеет значение. Конечно, провезти их через таможню, особенно в Афинах, — проблема. Штрафы за подобного рода дела огромны. Но, без сомнения, у него есть там связи, и он знает, что делает.

Я пристально всмотрелся в фигурки по краям сосуда и еще раз был поражен их сходством с шагающим по берегу Спиналонги Столлом, с его волосатым телом, сильно выпирающим задом. Получеловек-полуконь, сатир... «Силен, наставник в пьянстве бога Диониса...»

Сосуд был отвратителен, зловещ. И неудивительно, что я оказался во власти снов, совершенно чуждых моей натуре. Моей, но, вероятно, не натуре Столла? Не могло ли случиться так, что он тоже осознал свое скотство, но не слишком ли поздно? Бармен говорил, что он спился и дошел только в этом году. Возможно, существует связь между его алкоголизмом и находкой сосуда? Одно было совершенно очевидно, мне нужно от него избавиться,

но как? Если отнести администрации, станут задавать вопросы, могут не поверить, что мне его ночью подбросили на балкон, могут заподозрить, что я взял его с какой-нибудь археологической площадки. Потом пришла мысль попробовать вывезти его контрабандой. Или еще: избавиться от него где-нибудь на острове. Ну например, ехать вдоль побережья и выбросить, вероятно, бесценный тысячелетний ритон?..

Я сунул его к себе в куртку и пошел по саду к отелю. В баре было пусто. Бармен за стойкой протирает стаканы. Я сел на табурет перед ним и заказал минеральной воды.

— Никуда не отправляетесь сегодня, сэр? — спросил он.

— Нет еще, — сказал я. — Может быть, пойду позже.

— Купание в море и сиеста на балконе, — порекомендовал он. — Между прочим, сэр, у меня для вас кое-что есть. — Он нагнулся и достал маленькую бутылку с завинчивающейся пробкой, наполненную чем-то, по цвету похожим на горький лимон. — Оставили вчера вечером, — сказал он. — И привет вам от мистера Столла. Он ждал вас в баре чуть ли не до полуночи, а вы так и не пришли. Я пообещал передать, когда вы придете.

Я посмотрел на бутылку с недоверием.

— Что это? — спросил я.

Бармен улыбнулся.

— Его варево из шале, — сказал он. — Попробуйте немного. Совершенно безобидное. Он дал нам с женой тоже бутылку. Жена сказала — просто лимонад. Настоящий-то его запах, должно быть, выветрился. Попробуйте.

Он плеснул мне немного в минеральную воду, остановить его я не успел. Колеблясь, я осторожно опустил в стакан палец, попробовал. Похоже на ячменную воду, которую, бывало, готовила мать, когда я был ребенком. И такая же безвкусная. Нет, все же... все же что-то остается на языке и нёбе. Не то чтобы сладость меда и не кислота винограда, скорее, что-то напоминающее запах изюма в сочетании с запахом колосющейся пшеницы.

— Что же, — сказал я, — за здоровье мистера

Столла! — и, покорившись неизбежности, мужественно выпил.

— Знаю одно, — сказал бармен, — я потерял лучшего клиента. Они уехали сегодня рано утром.

— Да, официант говорил мне.

— Лучшее, что может сделать миссис Столл, — это положить его в больницу, — сказал бармен. — Муж у нее больной человек. И дело не только в пьянстве.

— Что вы имеете в виду?

Он постучал себя по лбу.

— Что-то здесь не в порядке, — сказал он. — Вы сами могли заметить, как он ведет себя. Мысли странные. Своего рода навязчивая идея. Я сильно сомневаюсь, что мы увидим их здесь на будущий год.

Я маленькими глотками потягивал свою минералку, которая явно стала приятнее от ячменного привкуса.

— А кто он такой?

— Мистер Столл-то? Он говорил мне, что был профессором в каком-то американском университете, античную литературу будто преподавал, но разве поймешь, где у него правда, а где нет. Миссис Столл платила здесь по счетам, нанимала лодочника, словом, все устраивала она. И хотя он на людях поносил ее, — кажется, он от нее зависел. Однако я иногда удивлялся... — Он замолк.

— Удивлялся? Чему же? — поинтересовался я.

— Ну... Вот ей со многим приходилось мириться. Я видел, как она на него иногда смотрит. Совсем не с любовью. Женщины ее возраста обычно стремятся к какому-то удовлетворению в жизни. Может быть, она и находила его где-то на стороне, в то время как он удовлетворял свою страсть к спиртному и антиквариату. Он насобирав немало предметов в Греции, на островах вокруг и здесь, на Крите. Это не так трудно, если разбираться в это деле. — Он подмигнул.

Я кивнул и заказал еще минеральной воды. От духоты в баре хотелось пить.

— На побережье тут есть мало известные места? — спросил я. — Я имею в виду места, где бы они могли высаживаться с лодки?

Может быть, это моя фантазия, но мне показалось, что он избегает моего взгляда.

— Едва ли, — сказал он. — Может быть, и есть, но наверняка они каким-то образом охраняются. Сомневаюсь, что есть места, о которых не знают власти.

— А как насчет крушений? — не отступал я. — Кораблей, которые затонули много веков назад и сейчас покоятся на дне?

Он пожал плечами.

— Всегда существуют какие-нибудь местные легенды, — небрежно обронил он, — истории, которые передаются из поколения в поколение. Но в основном-то это разные суеверия. Я сам никогда в них не верил и не знаю образованного человека, который бы верил.

Он с минуту помолчал, протирая стакан. А я задумался, не слишком ли много наговорил?

— Всем известно, что кое-какие небольшие предметы время от времени находят, — пробормотал он. — Они могут быть очень ценными. Их вывозят контрабандой из страны или, если риск слишком велик, сбывают за хорошие деньги знатокам на месте. У меня в деревне есть двоюродный брат, он связан с местным музеем. У него кафе напротив Боттомлесс Пулл. Мистер Столл часто хаживал к нему. Папитос его зовут. Собственно говоря, и лодка, которую нанимал мистер Столл, принадлежит моему брату, он сдает ее напрокат туристам.

— Понимаю.

— Но тут... Впрочем, сэр, вы не коллекционер и не интересуетесь древностями.

— Да, — сказал я. — Я не коллекционер.

Я слез с табурета и на прощание пожелал ему доброго утра. Интересно, сильно ли оттопыривается мой карман от пакета?

Я вышел из бара и побрел по террасе. Не дающее покоя любопытство заставило меня подойти к причалу у шале Столла. В самом шале, очевидно, шла уборка, балкон был вычищен, ставни закрыты. От последних постояльцев не осталось и следа. Не пройдет и дня, как оно, наверное, примет какую-нибудь английскую семью, которая все завесит купальниками.

У причала стояла лодка, и грек начищал ее борта. Я посмотрел через залив на свое собственное шале на другой стороне и в первый раз увидел его с места

Столла, откуда он смотрел на меня в полевой бинокль. Мне теперь стало как никогда ясно, что он вполне мог принять меня за человека, сующегося не в свои дела, за шпиона, — возможно, даже за человека, специально присланного из Англии установить истинные обстоятельства гибели Чарлза Гордона. Был ли дар в виде сосуда знаком вызова? Взяткой? Или проклятием?

Грек в лодке поднялся и повернулся в мою сторону. Это был не тот, прежний их лодочник, — другой. Я это понял, только когда он повернулся ко мне. Мужчина, обычно отправлявшийся со Столлами, был моложе и более загорелый, а этот — совсем старик. Да, бармен говорил, что лодка принадлежит его двоюродному брату, Папитосу, который держит кафе в деревне у этой лужи.

— Простите, вы хозяин лодки? — громко спросил я.

Грек выбрался на пристань и встал передо мной.

— Николай Папитос, — сказал он, — мой брат. Хотите совершить прогулку по заливу? Много хорошей рыбы в море. Ветра нет сегодня. Море совсем спокойное.

— Я не собираюсь ловить рыбу. А вот прогуляться часок-другой... Сколько это стоит?

Он назвал мне цену в драмах, и я быстро пересчитал. Получилось не больше двух фунтов за час. Однако, если обогнуть мыс и выйти к песчаной косе перешейка Спиналонга, это обойдется в два раза дороже. Я вытащил бумажник посмотреть, хватит ли у меня наличных, или придется возвратиться к столу регистрации и получить туристский чек.

— Вы поручите отелю, — быстро сказал он, прямо читая мои мысли. — Они включают расходы в ваш счет.

Решено. К черту все, и так я был достаточно скромн.

— Хорошо, — сказал я. — Беру лодку на пару часов.

Необычное это ощущение — с тархтением двигаться по заливу, как много раз делали Столлы; позади — цепочка шале, немного правее — гавань и синие воды простора залива впереди. У меня не было четкого плана. Просто так, по какой-то необъяснимой причине я чувствовал, что меня при-

тягивает эта бухта, где вчера днем стояла на якоре лодка. «Крушение начисто выбрано несколько веков назад...» Это были слова Столла. Он лгал? Или, может, изю дня в день он охотился здесь прошедшие недели и его жена ныряла и приносила мокрые сокровища с морского дна в его жадные руки? Мы обогнули мыс, и, разумеется, вдали от до сих пор спасавшего нас укрытия ветер посвежел, лодка ожи-вилась, зарываясь временами носом в крутые бурля-щие волны.

Длинный перешеек Спиналонга лежал впереди слева, и я с трудом объяснил своему рулевому, что не хочу направляться в сравнительно спокойные воды у солевых отмелей, а хочу идти дальше вдоль перешейка.

— Вы хотите ловить рыбу? — кричал он, перекрывая рев двигателя. — Вы найдете очень хо-рошую рыбу здесь, — указывал он на мои вчерашние отмели.

— Нет, нет, — крикнул я в ответ. — Дальше вдоль берега.

Он пожал плечами. Он не мог поверить, что у ме-ня нет желания ловить рыбу, а я думал, когда мы достигли места назначения, какую вескую причину привести, чтобы попросить его направить лодку к бе-регу и встать на якорь, и не нашел ничего лучше-го, — и это оказалось достаточно убедительным, — как пожаловаться, что меня сильно укачивает.

Горы, на которые я вчера забирался, показались прямо по носу, а когда мы обогнули косу, то откры-лась и сама бухта с развалинами пастушьей хижины на берегу.

— Вот, — показал я. — Здесь у самого берега бросайте якорь.

Он озадаченно посмотрел на меня и покачал головой.

— Никакого толку, — крикнул он. — Слишком много скал.

— Глупости! — завопил я. — Я видел, какие-то люди из отеля бросали здесь вчера якорь.

Он вдруг приглушил двигатель, и мой голос по-дурацки раздался в воздухе. Лодка заплясала вверх-вниз на крутых волнах.

— Плохое место бросать якорь, — упрямо повто-рил он. — Крушение здесь, запутаемся.

Ага, здесь было крушение... Я чувствовал, что волнение мое нарастает, меня уже было не остановить.

— Ничего об этом не слышал, но лодка здесь и бросала якорь, прямо в бухте, я сам видел, — с таким же упрямством ответил я.

Он что-то невнятно проворчал себе под нос и перекрестился.

— А если я потеряю якорь, — сказал он, — что я скажу своему брату, Николаю?

Он медленно, очень осторожно продвигался вперед к бухте, потом, вполголоса ругаясь, прошел вперед на нос и бросил за борт якорь, подождал, пока он зацепится, повернулся и выключил двигатель.

— Если хотите подойти близко, вам надо сесть в резиновую лодку, — недовольно сказал он. — Я надуваю вам, да?

Он снова прошел вперед, вытащил этакую надувную штуковину, которыми пользуются на спасательных судах «воздух — море».

— Хорошо, — сказал я. — Сяду в резиновую лодку.

По правде говоря, это очень подходило для моей цели. Я мог подгрести к берегу, и он не будет дышать мне в затылок. В то же время мне не хотелось ни в малейшей степени задевать его гордости.

— Человек, который вчера правил лодкой, встал на якорь гораздо ближе и без всяких приключений, — сказал я.

Рулевой перестал надувать лодку.

— Если ему нравится рисковать лодкой брата — это его дело, — сказал он резко. — Сегодня я за нее отвечаю. Тот парень не явился сегодня утром, так что он теряет работу. Я не хочу ее терять.

Я ничего не ответил. Если тот бросил свою работу, то, наверное, потому, что неплохо заработал у Столла.

Лодка надута и на воде. Я забрался в нее осторожно и принялся грести к берегу. К счастью, на песчаной косе никого не было, и я мог спокойно сойти на берег и вытащить за собой лодку. Я заметил, что грек с интересом наблюдал за моими действиями со своей безопасной стоянки. Потом, как только он убедился, что лодке ничто не угрожает, он, демонстрируя свое неодобрение, повернулся ко

мне спиной и, ссутулившись, присел на носу лодки на корточки, несомненно размышляя о причудах английских туристов.

Причиной моей высадки было намерение с берега определить поточнее место, где лодка вчера стояла на якоре. Ну да, так и думал. Примерно на сотню ярдов левее, чем сегодня бросили якорь мы, и ближе к берегу. Море было довольно спокойным, и я прекрасно мог путешествовать в резиновой лодке. Я посмотрел в сторону пастушьей хижины и увидел свои вчерашние следы. Были и другие следы. Свежие. Песок перед самой хижинкой был основательно потоптан. Как будто что-то лежало здесь, а потом его поволокли к воде, к тому месту, где я теперь стоял. Может быть, это пастух побывал здесь поутру со стадом коз?

Я подошел к хижине и заглянул внутрь. Интересно!.. Небольшая кучка камушков и осколки керамики исчезли. Пустые бутылки продолжали стоять в дальнем углу, к ним добавились еще три, одна наполовину наполненная. Внутри хижины было жарко, и я вспотел. Солнце почти час пекло мне голову, а шляпу я, как идиот, оставил в шале, не собираясь на подобную экскурсию. Меня охватила нестерпимая жажда. Я действовал тогда импульсивно, и вот — расплата за это. Только теперь понимаю, какую я совершил глупость. Мой организм мог оказаться совершенно обезвоженным, и я бы погиб от теплового удара.

Полбутылки пива лучше, чем ничего. Но мне не хотелось пить из горлышка после пастуха, — ведь это, наверное, действительно он принес ее сюда, — эти парни не отличаются чистоплотностью. И тут я вспомнил о пакете в кармане. Во всяком случае, можно употребить по назначению. Я развернул пакет и налил в сосуд пива. Уже после первого глотка я понял, что это и не пиво вовсе. Это была ячменная вода. Тот же самый домашнего приготовления напиток, что Столл оставил для меня в баре. Выходит, местные его тоже пьют. Он вполне безобиден. Я слышал об этом: бармен сам пробовал, пробовала и его жена.

Прикончив бутылку, я осмотрел сосуд еще раз. Не знаю отчего, но лицо уже перестало казаться мне таким нахальным. В нем можно было даже заметить

какое-то чувство собственного достоинства, которого я не отмечал раньше. Вот, например, борода. Она незаметно переходила в основание. Кто бы ни приложил здесь свою руку — это был мастер своего дела. Хотел бы я знать, не так ли выглядел Сократ, прогуливаясь со своими учениками по афинской агоре и рассуждая о жизни. Этот мог бы сойти за него. А его учениками необязательно могли быть юноши, как утверждал Платон, они могли быть и помоложе, ну вот как мои мальчуганы в школе, подростки одиннадцати-двенадцати лет, что улыбались мне во сне прошлой ночью.

Я потрогал оттопыренные уши, курносый нос, полные добрые губы наставника Силена на сосуде, глаза у него больше не выпучивались, а просто вопрошали или умоляли, и даже обнаженные конилюди по краям стали величественнее. Мне казалось теперь, что они не вышагивают, а танцуют, взявшись за руки, полные самозабвенного буйного веселья. Должно быть, страх перед незваной ночной гостьей заставил меня видеть сосуд в ином, в неприглядном свете.

Я сунул его обратно в карман, вышел из хижины и пошел по пляжу к резиновой лодке. Предположим, я заявлюсь к этому Папитосу, у которого связи с местным музеем, и попрошу оценить сосуд? Предположим, он стоит сотни, может быть, тысячи, и он поможет мне его продать или подскажет, к кому мне обратиться в Лондоне? Столл, должно быть, все время так поступал и выходил сухим из воды. Не на это ли намекал бармен.... Я забрался в лодку и принялся грести от берега, раздумывая о разнице между таким человеком, как Столл, при всем его состоянии, и мной. Вот, скажем, он — хам хамом, и кожа такая, что копьем не проткнешь, а полки у него дома в Штатах ломаются от награбленного. В то время как я... ну что — учу мальчишек за мизерное жалованье, и ради чего все это? Моралисты говорят, что не в деньгах счастье, но они не правы. Если бы мне хоть четверть состояния Столла, я бы вышел на пенсию, уехал за границу, поселился бы на каком-нибудь греческом острове, зимой, может быть, работал в мастерской в Афинах или в Риме. Совершенно иной образ жизни открылся бы передо мной, и самое время, пока я еще не стал стариком.

Я удалился от берега и достиг места, где, как мне казалось, накануне стояла на якоре лодка. Я перестал грести и стал всматриваться в воду. Она была бледно-зеленой и довольно прозрачной, глубина — определенно несколько сажений, и, когда я смотрел на золотой песок в глубине, полное спокойствия дно представлялось мне совершенно иным миром, далеким от известного мне. Яркие, блестящие серебром стайки рыб продвигались в сторону длинного локона коралловых волос, который мог бы украсить Афродиту, но был морской водорослью, и прибрежное течение плавно колыхало его. Галька, которая на берегу не более чем круглые камешки, блистала здесь как драгоценные камни. Бриз слегка рябил воды залива за стоящей на якоре лодкой, но не касался этой глубины. Моя лодка медленно кружилась то ли от ветра, то ли от течения, и я задавал себе вопрос: не само ли движение это привлекло тугую на ухо миссис Столл, приобщило к подводному плаванию? Быть может, сокровища были только предлогом для утоления жадности супруга, а туда, вниз, на глубину, она бежала от того образа жизни, который, наверное, был ей невыносим.

Потом я взглянул вверх, на горы вдоль тянущейся вдаль песчаной косы, и увидел, как что-то блеснуло там. Это был зайчик от стекла, и стекло двигалось. Кто-то наблюдал за мной в бинокль. Я оперся на весла и всмотрелся. Две фигуры крадучись пробирались через гребень горы. Но я их сразу узнал. Одна — это была миссис Столл, другая — молодой грек, нанятый ими. Я взглянул через плечо на стоящую на якоре лодку. Мой кормчий продолжал смотреть в море. Он ничего не видел.

Теперь ясно, чьи следы были около хижины. Миссис Столл и с ней лодочник пришли попрощаться с лачугой, убрать все обломки. И вот их миссия выполнена, и они отправляются в аэропорт, чтобы попасть дневным самолетом в Афины. Их поездка удлинилась на несколько миль из-за объезда по прибрежной дороге. А сам Столл? Спит, конечно, у машины на соляных отмелях. Ждет их возвращения.

Увидев эту женщину еще раз, я вдруг почувствовал полное отвращение к своей экскурсии. Лучше бы уж не ездил. А грек мой говорил правду. Лодка сейчас плавала над подводной скалой. Гребень горы,

должно быть, продолжался сюда от берега как одно целое. Песок стал темнее, изменился по структуре, приобрел серый оттенок. Я всмотрелся получше, прикрыв по сторонам глаза ладонями, и вдруг увидел громадный ржавый якорь, обросший ракушками и морскими уточками, значит, я плавал над останками давно похороненного судна. Вот показались его разломанные палубы, если эти палубы существовали когда-либо.

Столл был прав. Всякая мелочь, видимо, начисто подобрана. Ничего сколько-нибудь ценного нельзя было заметить на этом скелете. Ни сосудов каких-нибудь, ни кружек, ни сверкающих монет. Налетевший на миг ветерок взрыбил воду, и, когда рябь улеглась и вода стала снова ясной, я увидел второй якорь у носа остова и тело — руки раскинуты, ноги прижаты лапами якоря. Движение воды как бы оживило тело, оно зашевелилось, как будто в каком-то отчаянии еще пыталось освободиться, но ловушка не выпускала. Спасение так и не наступило. Дни пройдут, ночи, месяцы протекут и годы, и постепенно плоть растворится и исчезнет, оставив скелет на остриях.

Это было тело Столла — голова, туловище, конечности, особенно нелепые, нечеловеческие, когда их туда-сюда шевелило течением.

Я еще раз посмотрел на гребень горы, но две фигуры, бывшие там, уже давно исчезли, и меня осенила догадка, живо предстало то, что произошло.

Столл шагает по песчаной косе, бутылка поднесена ко рту. Тут они ударяют его и волокут к воде, и именно жена отбуксировывает его, захлебывающегося, на подводную могилу, тут, подо мной, придавливает заржавленным якорем. Я единственный свидетель его участи, и пусть она как угодно лжет, объясняя его исчезновение, — я буду молчать: это меня не касается. И пусть мучит меня чувство вины — я никогда, ни за что не впутаюсь в это дело.

Я услышал, как кто-то тяжело дышит рядом, и тут же понял, что это я сам — от ужаса и страха. Я ударил веслами по воде и стал удаляться от места крушения. Когда я задвигался, рука наткнулась на сосуд в кармане. Охваченный внезапным страхом, я вытащил его и швырнул за борт. Напрасно, это не помогло. Он и не потонул сразу, а еще покачался на

поверхности и лишь потом медленно наполнился этим зеленым полупрозрачным морем, бледным, как ячменная жидкость, настоящая на ели и плюще. Не безобидное, а губительное, подавляющее сознание, притупляющее интеллект адское варево веселого бога Диониса, превращающее своих поклонников в горьких пьяниц. И черед следующей жертвы недалек.

Глаза на опухшем лице пристально смотрят на меня, и это не только глаза сатира Силена, не только глаза утопленного Столла, но это также и мои глаза, которые вскоре глянут на меня из зеркала. И кажется, столько таится в их глубинах — само отчаяние.

НА ГРАНИ

Он спал минут десять. Наверняка не больше. Чтобы развлечь отца, Шейла принесла из кабинета альбом со старыми фотографиями, и они вместе перебирали их и смеялись. Казалось, ему стало гораздо лучше. Сиделка решила, что ничего не случится, если она покинет пост и выйдет пройтись до обеда, оставив больного на попечение дочери, а миссис Манни села в машину и отправилась сделать прическу. Доктор заверил их, что кризис уже позади, и теперь нужны только тишина, покой, и чтобы никаких волнений.

Шейла стояла у окна и смотрела в сад. Она, разумеется, не уедет, пока отец в ней нуждается, — нельзя же его оставить, раз состояние его все еще внушает сомнение, нет, это не в ее правилах. Правда, в Театральной лиге ей предлагают главные роли в шекспировских комедиях, намеченных там к постановке, и, если она откажется, такой шанс, возможно, уже не представится. Розалинда... Порция... Виола. Особенно Виола — голубая мечта! Страждущее сердце, таящееся под покровом обмана, мистификация, разжигающая аппетит.

Шейла невольно улыбнулась, заправила волосы за уши, откинула голову, подбоченилась, вживаясь в образ Цезария, и вдруг услышала, что отец зашевелился на постели, и увидела, как он пытается

сесть. Он пристально смотрел на нее, словно не веря своим глазам, лицо его выражало ужас:

— Нет! Нет! — крикнул он. — О Джинни!.. О бог мой!

Она бросилась к нему:

— Что тебе, милый? Что с тобой?

Но он сделал отстраняющий жест, качая головой, и рухнул на подушки, и она поняла: он умер.

Выбежав из комнаты, она стала звать сиделку. Но тут же вспомнила: сиделка пошла пройтись. Гуляет, возможно, где-нибудь в поле, да мало ли где. Шейла бросилась вниз — найти мать. Но в доме было пусто, а двери гаража стояли настежь: мать, верно, куда-то уехала на машине. Почему вдруг? Зачем? Она и словом не обмолвилась, что куда-то собирается. Шейла метнулась к телефону в холле, трясущимися руками набрала номер врача, но, когда раздался звук соединения, ей ответил не сам доктор, а голос магнитофонной ленты, безличный, автоматический:

— Говорит доктор Дрей. До пяти часов я не смогу вас принять. Но ваш вызов будет зарегистрирован. Пожалуйста, ваши данные...

Затем раздался щелчок, какой слышится, когда уточняешь время и механический голос сообщает: «С третьим сигналом будет два часа сорок две минуты двадцать секунд».

Шейла повесила трубку и стала лихорадочно искать в телефонной книге номер ассистента доктора Дрея — молодого врача, только-только начавшего практиковать, — она даже не знала его в лицо. Но на этот раз трубка ответила человеческим голосом — говорила женщина. Где-то в отдалении плакал ребенок, бубнило радио, и Шейла слышала, как женщина нетерпеливо цыкнула на ребенка.

— Это Шейла Манни из Большого Марсдена, вилла «Уайтгейт». Пожалуйста, попросите доктора приехать к нам немедленно. Кажется, мой отец умер. Сиделка вышла, я одна. А доктора Дрея нет дома.

Голос у нее прервался, но ответ женщины — мгновенный, сочувственный: «Сейчас же разыщу мужа» — не требовал дальнейших объяснений. Да Шейла и не могла говорить. В слепом тумане она повернулась к телефону спиной и побежала назад — в спальню. Отец лежал в той же позе, в какой она

его оставила, выражение ужаса застыло у него на лице. Она подошла к постели, опустилась на колени, поцеловала холодеющую руку, и слезы потекли у нее по щекам.

— Почему? — спрашивала она себя. — Что случилось? Что я такое сделала?

Когда он закричал, назвав ее ласкательным именем Джинни, дело было явно не в том, что он проснулся от внезапной боли. Нет, видимо, совсем не в том. Он крикнул так, будто обвинял ее в чем-то, будто она сделала нечто ужасное, невыносимое, чему нельзя даже поверить.

— Нет-нет... О Джинни... О бог мой!

А когда она ринулась к нему, попытался не допустить к себе и мгновенно умер.

Что же я такого сделала, думала она. Нет, это невыносимо, невыносимо. Она встала, почти ничего не видя от слез, подошла к открытому окну, и оттуда, через плечо, взглянула на кровать. Что-то изменилось. Отец уже не смотрел на нее в упор. Он лежал спокойно. Ушел в небытие. Что бы ни случилось, случилось Тогда, в прошлом, в ином временном измерении, а теперь наступило Сейчас, настоящее, частица будущего, которому он уже не принадлежал. Это настоящее, это будущее уже ничего для него не значили — пустота, словно чистые страницы в лежащем у его постели альбоме. Даже если, подумалось ей, он прочитал ее мысли, как это не раз бывало, в них ничего не могло его задеть. Он знал, как мне хочется играть эти роли в постановках лиги, сам поощрял меня и радовался. К тому же я вовсе не собиралась вдруг сорваться и бросить его. Откуда же это выражение ужаса, этот оторопелый взгляд? Откуда? Откуда?

Она поглядела в окно. Осенние листья, словно ковром устлавшие лужайки, вдруг, поднятые порывом ветра, взметнулись вверх, разлетелись птичками во все стороны, покружились в хороводе и вновь, рассыпавшись и перекувырнувшись, упали на землю. Совсем недавно они, крепко и тесно спаянные с породившим их деревом, все лето напролет сияли густой зеленой кроной, а теперь лежали пожухлые, безжизненные. Дерево отторгало их от себя, и они становились добычей любого бездельного ветра, дувшего над садом. Даже их переливающееся золото

было всего лишь отраженным солнечным светом и гасло вместе с закатом, а в тени они и вовсе выглядели ветошью — сморщенные, поникшие, сухие.

Внизу по гравию прошелестела машина; Шейла вышла из комнаты на лестницу и остановилась наверху. Нет, это приехал не доктор, это вернулась миссис Манни. Она как раз входила через парадную дверь в холл, стягивая на ходу перчатки. Волосы, уложенные высокой прической, блестели от лака.

Не ощущая на себе взгляда дочери, она задержалась у зеркала, поправила выбившуюся прядь. Достала из сумочки помаду и провела по губам. В отдалении, со стороны кухни, скрипнула дверь.

— Это вы, сестра? — спросила миссис Манни, поворачивая на звук голову. — Как насчет чаю? Пожалуй, можно накрыть для всех наверху.

И, снова обернувшись к зеркалу, откинула голову, сняла бумажной салфеточкой излишки помады с губ.

Из кухни показалась сиделка. Без форменного платья — в спортивной куртке, взятой у Шейлы для прогулки, — она выглядела непривычно, да и волосы, всегда тщательно уложенные, были растрепаны.

— Какой изумительный день! — заверещала она. — Я совершила целый поход по полям. Дул такой приятный ветерок. В полях не осталось ни одной паутинки. Да, выпьем чаю. Непременно чаю. Ну как там мой больной?

Они живут в прошлом, подумала Шейла, во временном отрезке, которого уже нет. Сиделке вряд ли полезут в горло овсяные оладьи с маслом, которые она, нагуляв аппетит, заранее смакует, а на маму из зеркала, когда она глянет туда чуть спустя, будет смотреть постаревшее, осунувшееся лицо под взгроможденной башней прически. И словно обрушившееся на Шейлу горе обострило ее способность заглядывать вперед, она уже видела сиделку у постели очередного больного, капризного хроника, полной противоположности ее отцу, любившему розыгрыши и шутку, а свою мать, как подобает при трауре, в черном и белом (только черное, мама, конечно, сочтет слишком мрачным) за письмами в ответ на соболезнования — в первую очередь тем, кто поважнее.

И тут обе заметили ее над лестницей, наверху.

— Он умер, — сказала Шейла.

Запрокинутые лица, уставившиеся на нее глаза с выражением «этого не может быть» — то же выражение, какое она прочла на лице отца, только без ужаса, без обвинения, и, когда сиделка, опомнившаяся первой, взбежала по лестнице и промчалась мимо, Шейла увидела, как лицо ее матери, ухоженное и все еще миловидное, словно развалилось, распалось, точно гуттаперчевая маска.

Тебе не в чем себя винить. Ничего такого ты сделать не могла. Это было неизбежно, раньше или позже... Но почему все-таки раньше, а не позже, думала Шейла, потому что, когда умирает отец, остается столько невысказанного. Ведь знай я, что в этот последний час, когда мы сидели вдвоем, смеясь и болтая о всякой ерунде, к его сердцу, словно готовая взорваться бомба с часовым механизмом, подбирается тромб, и вела бы себя совсем иначе — прижалась бы к нему, обняла, поблагодарила бы, по крайней мере, за девятнадцать лет любви и счастья. А так — перескакивала с фотографии на фотографию, потешаясь над устаревшими модами, позевывая украдкой, а он, почувствовав, что мне скучно, уронил альбом и пробормотал:

— Не хлопочи вокруг меня, доченька, я немного подремлю.

Все мы, оказавшись лицом к лицу со смертью, чувствуем одно и то же, сказала ей сестра: могли бы сделать больше, да не сделали. Вначале, практиканткой, я просто места себе не находила. А родственникам в таких случаях еще хуже. Вы пережили огромное потрясение, но надо взять себя в руки ради вашей мамочки... Ради моей мамочки? Мамочка не имела бы ничего против, если бы я тут же куда-нибудь испарилась, чуть было не ответила Шейла. Потому что тогда все внимание, все сочувствие досталось бы ей одной, и все говорили бы, как хорошо она держится, а так, пока я в доме, сочувствие будут делить на двоих. Даже доктор Дрей, когда он наконец прибыл вслед за своим ассистентом, потрепал по плечу меня, минуя мамочку, и сказал: «Он очень гордился вами, деточка, и всегда мне это говорил». Да, смерть, решила про себя Шейла, заставляет людей говорить друг другу добрые слова, какие в другое время и не подумали бы сказать... Разрешите, я сбегаю за вас наверх... Позвольте, я подойду к те-

лефону... Поставить чайник?.. Поток взаимных любезностей — ни дать ни взять китайские мандарины, отвешивающие друг другу поклоны. И тут же попытка оправдаться в том, что тебя не было на месте, когда произошел взрыв.

Сиделка (ассистенту доктора Дрея):

— Разве я пошла бы пройтись, если бы не была твердо уверена, что он прекрасно себя чувствует. К тому же я думала, что и миссис Манни и мисс Манни обе дома. Я как раз дала ему таблетки...

И так далее, и тому подобное.

Словно свидетельница, вызванная в суд, подумала Шейла. Но и все мы так...

Миссис Манни (тоже ассистенту доктора Дрея):

— У меня совершенно вылетело из памяти, что сиделка собирается пройтись. Все ведь на мне — обо всем подумай, распорядись, и я решила дать себе передышку — съездить ненадолго к парикмахеру. Мужу, казалось, стало намного лучше, он был уже совсем самим собой. Да если бы я хоть на миг подумала... Меня ничто не выманило бы из дому, тем паче из его спальни.

— Разве в этом дело? — вмешалась Шейла. — Мы никогда не думаем, никто не думает. Ни ты не подумала, ни сиделка, ни доктор Дрей, ни я сама. Но я единственная видела, как это произошло, и мне никогда в жизни уже не забыть выражения его лица.

Она бросилась по коридору к себе в комнату, рыдая навзрыд, как не рыдала уже много лет — с тех пор, когда почтовый фургон врезался в ее первый, оставленный в проезде автомобиль и превратил прелестную игрушку в груды искореженного металла. Пусть это послужит им уроком. Отучит упражняться в благовоспитанности, утверждаться в благородстве перед лицом смерти, делать вид, будто смерть лишь благое избавление и все только к лучшему. Ведь ни одного из них нисколько не удручает, даже не задевает, что человек ушел навсегда. Но ведь *навсегда*...

Позже вечером, когда все уже легли, — смерть всех, кроме покойного, чрезвычайно утомила! — Шейла прокралась в спальню отца, отыскала альбом, тактично убранный сиделкой на столик в углу, и отнесла к себе. Раньше она не придавала значения собранным в нем фотографиям, привычным, как

кипа рождественских открыток, пылящихся в ящике письменного стола, но теперь они стали для нее своеобразным некрологом, ожившими кадрами на экране памяти.

Младенец, весь в оборочках, с разинутым ртом, на подстилке, рядом родители, играющие в крокет. Дядя, убитый в первую мировую войну. Снова отец, уже не младенец на подстилке, а в бриджах и с крикетной битой, не по росту длинной. Виллы дедушек и бабушек, которых давно нет на свете. Дети на пляже. Пикники на вересковых полянах. Потом Дартмут, фотографии военных кораблей. Групповые снимки стоящих в ряд мальчиков, юношей, мужчин. Маленькой, она очень гордилась, что может сразу найти его: «Вот ты где; вот это — ты» — самый низенький мальчик в конце шеренги, но на следующей фотографии — повыше, во втором ряду, а потом — высокий и — откуда только что взялось! — красивый, совсем уже не мальчик, и она быстро листала страницы, потому что их заполняли фотографии с одними видами — Мальта, Александрия, Портсмут, Гринвич. Собаки, которых он завел, а она в глаза не видела. «Вот это старина Панч...» (Панч, любовно рассказывал он, всегда чуял, когда его судно должно вернуться в порт, и сидел, ожидая наверху у окна). Морские офицеры на осликах... Они же, играющие в теннис... состязающиеся в беге, — довоенные снимки, невольно вызывавшие в памяти строку: «Судьбы своей не зная, ее резвятся жертвы», потому что со следующей страницы все было ужасно печально: корабль, который он так любил, взлетел на воздух, а многие молодые лица, улыбавшиеся с фотографий, погибли. «Бедняга Манки Уайт. Останься он в живых, был бы сейчас адмиралом». Она пыталась представить себе белозубого Манки Уайта с фотографии адмиралом — лысым, тучным — и где-то в самой глубине души радовалась, что он умер, хотя отец и сокрушался — какая потеря для флота! Еще офицеры, еще корабли. Великий день, когда сам Маунтбаттен посетил корабль, командиром которого был отец, встретивший его у борта со всем экипажем. Внутренний двор в Букингемском дворце. Отец, позирующий фотографу из газеты и с гордостью демонстрирующий свои медали.

— Ну вот, мы скоро дойдем и до тебя, — произносил отец, переворачивая страницу, после которой появлялась весьма помпезная — в полный рост и вряд ли предназначавшаяся отцу — фотография ее матери, которой он бесконечно гордился: мать была в вечернем платье, с тем слащавым выражением лица, которое было Шейле так хорошо знакомо. Ребенком она никак не могла понять, зачем это папе понадобилось влюбиться, а уж если мужчинам иначе нельзя, почему он не выбрал другую девушку — смуглую, таинственную, умную, а не такую обыкновенную особу, которая сердилась без всякой на то причины и круто выговаривала каждому, кто опаздывал к обеду.

Офицерская свадьба, мама с победоносной улыбкой — это выражение на ее лице было Шейле также хорошо знакомо: оно появлялось всякий раз, когда миссис Манни добивалась своего, что ей почти всегда удавалось, — и отец, тоже улыбающийся, но совсем другой — не с победоносной, а просто с счастливой улыбкой. Подружки невесты в допотопных, полнивших их платьях — мама, надо думать, специально выбрала таких, какие не могли ее затмить, — и дружка жениха, папин приятель Ник, тоже офицер, но далеко не такой красивый, как папа. На одном из ранних групповых снимков на корабле Ник выглядел лучше, а здесь казался надутым и словно чем-то недовольным.

Медовый месяц, первый дом, и вот — она. Детские фотографии — часть ее жизни: на коленях у отца, на закорках, и еще, еще — все о ее детстве и юности, вплоть до недавнего рождества. Этот альбом и мой некролог, подумала Шейла, это наша общая книга, и кончается она моей фотографией, которую он сделал: я стою в снегу, и его, которую сделала я: он улыбается мне сквозь стекло из окна кабинета.

Еще мгновение, и она опять зарывает, оплакивая себя, а плакать надо не о себе — о нем. Как же все это было, когда, почувствовав, что ей скучно, он отстранил от себя альбом? О чем они говорили? Об увлечениях. Он еще попрекнул ее, что она ленива и мало двигается.

— Я двигаюсь достаточно на сцене, — возразила она, — изображая других людей.

— Это не то,— сказал он.— Иногда надо удаляться от людей, воображаемых и живых. Знаешь что? Когда я встану и ко мне вернутся силы, мы поедем в Ирландию, все трое, с удочками. Твоей мамочке это будет ох как полезно, а я столько лет уже не рыбачил.

В Ирландию? С удочками? В ней поднялось эгоистическое чувство, чувство тревоги. Поездка в Ирландию помешает ее карьере в Театральной лиге. Нет, надо отговорить его, вышутить само намерение.

— Мамочке каждая минута будет там как нож острый,— сказала Шейла. Она предпочла бы поехать на юг Франции и остановиться у тети Беллы (у Беллы, маминой сестры, была собственная вилла на Кап д'Эль).

— Пожалуй,— усмехнулся он.— Только мне для выздоровления нужно совсем другое. Ты не забыла, что я наполовину ирландец? Твой дед родом из Антрима.

— Нет, не забыла,— сказала она.— Но дедушка уже давно умер и похоронен на кладбище в Суффолке. Так что о твоей ирландской крови мы лучше не будем. У тебя в Ирландии никого нет — даже знакомых.

Он не сразу нашелся с ответом, но, подумав, сказал:

— Там Ник, бедняга.

Бедняга Ник... бедняга Манки Уайт... бедняга Панч... На мгновение все они перемешались у нее в голове — его друзья и собаки, которых она в глаза не видела.

— Ник? Тот, что был у тебя шафером на свадьбе? — усмехнулась она.— Мне почему-то казалось, что он умер.

— Для общества,— отрезал он.— Ник чуть не разбился насмерть в автомобильной катастрофе и глаз потерял. С тех пор живет отшельником.

— Жаль его. Поэтому он и перестал поздравлять тебя на Рождество?

— Отчасти. Бедняга Ник! Храбрец, каких мало, но с большим сдвигом. То, что называется «на грани». Я не решился рекомендовать его на повышение и боюсь, он мне этого не простил.

— Ничего удивительного. Я бы тоже не прости-

ла, если бы мой ближайший друг так со мной поступил.

— Дружеские отношения и служебные — вещи разные. Каждое само по себе. Для меня долг всегда был на первом месте. Тебе этого не понять: ты из другого поколения. Я поступил правильно и убежден в этом, но тогда чувствовал себя отнюдь не наилучшим образом. От удара по самолюбию человек легко озлобляется. И мне мучительно думать, что я несу ответственность за те дела, в которых Ник, возможно, замешан.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Неважно, — ответил он. — К тебе это не имеет отношения. Во всяком случае, все это уже давно в прошлом, было и быльем поросло. Но иногда мне хотелось бы...

— Что, папочка?

— Пожать старине Нику руку и пожелать добрых дней.

Они еще немного полистали альбом, и вскоре она зевнула, медленно обведя взглядом комнату, и он, почувствовав, что ей скучно, уверил ее, будто хочет вздремнуть. Нет, человек не умирает от разрыва сердца только от того, что дочери стало с ним скучно... Ну а если ему приснилось что-то страшное, и в этом сне он увидел ее? Если ему приснилось, будто он вновь на своем корабле, потопленном в ту войну, вместе с Манки Уайтом и Ником и всеми теми, кто тогда барахтался в воде, а среди них она? Во сне все перемешивается — это же всем известная истина. А все это время тромб сгущался, словно лишняя капля масла в часовом механизме, готовая в любое время остановить стрелки, и часы перестают тикать.

В дверь постучали.

— Да, — отозвалась Шейла.

Вошла сиделка. Во всеоружии своих профессиональных познаний, хотя и в домашнем халате.

— Я просто хотела взглянуть, как вы, — сказала она. — Увидела у вас под дверью свет.

— Спасибо. Со мною все в порядке.

— Ваша мамочка крепко спит. Я дала ей успокоительного. Она так разнервничалась: завтра суббота и поместить объявление о смерти в «Таймс»

или «Телеграф» до понедельника почти невозможно. Но ваша мамочка — молодец.

Скрытый упрек, что Шейла не взяла возню с газетами на себя? Неужели на них не хватило бы завтрашнего дня? Но спросила она о другом:

— Может ли страшный сон вызвать смерть?

— Не поняла, о чем вы?

— Может быть, отцу привиделся кошмар, и от потрясения он умер?

Сиделка подошла к постели, поправила перину.

— Но я же сказала вам, и оба доктора подтвердили — это случилось бы так или иначе. Право, незачем без конца беречь себя такими мыслями. Разрешите, я вам тоже дам успокоительного.

— Не нужно мне успокоительного.

— Знаете, милочка, уж простите, но вы ведете себя, как ребенок. Горе, естественно, но так убиваться по усопшему — последнее, что ваш батюшка мог бы пожелать. Для него все уже кончено. Он поживает с миром.

— Вам-то откуда известно, что с миром? — взорвалась Шейла. — А вдруг он в эту самую минуту астральным телом кружит возле нас и в бешенстве от того, что пришлось расстаться с жизнью, говорит мне: «Эта чертова сиделка обкормила меня пилюлями».

Фу, подумала она, я вовсе так не считаю: люди слишком ранимы, слишком обнажены. Выбитая из своей обычной профессиональной невозмутимости, чувствуя себя в домашнем халате не на высоте и разом упав в собственных глазах, бедняжка пролепетала дрожащим голосом:

— Как можно быть такой жестокой. Вы прекрасно знаете — я ничего подобного не сделала!

Шейла мгновенно прыгнула с кровати, обняла сиделку за плечи.

— Простите меня, — взмолилась она. — Конечно, знаю. Отец был вами очень доволен. Вы превосходно за ним ухаживали. Я совсем другое хотела сказать. — Она остановилась, мысленно подыскивая хоть какое-то объяснение. — Я хотела сказать, что нам ничего неизвестно о том, что происходит с человеком после смерти. Может, все, кто умер за день, ждут своей очереди у ворот святого Петра, а может, толпятся в каком-нибудь ужасном чистилище вроде ночного

клуба — и праведники, и грешники, осужденные гореть в аду, — а может, парят в тумане, пока он не рассеется и все кругом прояснится. Хорошо, я приму таблетку, и вы тоже, и утром обе встанем со свежей головой. И пожалуйста, забудьте, что я вам наговорила.

Беда, конечно, в том, подумала Шейла, приняв таблетки и вновь улегшись в постель, что слова наносят раны, а раны оставляют рубцы. Бедняжка теперь уже никогда не сможет дать больному пиллюлю, не терзаясь сомнением, то ли она делает. Отца же мучил вопрос, так ли он поступил, когда обошел Ника повышением, и не нанес ли он его самолюбию смертельный удар. Тяжко умирать, имея что-то на совести. Вот если бы знать заранее, чтобы успеть послать всем, кому, возможно, причинил какой-то вред, телеграмму в два слова: «Прости меня», и тем самым зло было бы уже исправлено, заглажено. Не зря же в старину люди собирались у постели умирающего — вовсе не ради того, чтобы их не забыли в завещании, а ради взаимного прощения, ради искупления взаимных обид, исправления дурного на хорошее. Словом, ради любви.

Шейла действовала по наитию. Иначе не умела. Такая уж у нее была натура, а родственникам и друзьям приходилось принимать ее такой, какая есть. Только когда часть пути на север от Дублина осталась позади, ее наспех затеянное путешествие во взятой напрокат машине стало обретать реальную цель. Она приехала сюда с миссией — исполнить священный долг. Ей было вверено послание от того, кого уже поглотила могила. Совершенно секретное. Никто ничего не должен был о нем знать, потому что, доверься она кому-нибудь, несомненно, посыпались бы вопросы и контрдоводы. Поэтому после похорон она ни словом не обмолвилась о своих планах. Миссис Манни, как Шейла и предполагала, решила податься к тете Белле на Кап д'Эль.

— Я чувствую, мне необходимо уехать, — сказала она дочери. — Тебе, пожалуй, это непонятно, но папина болезнь выжала из меня все соки. Я на добрых фунтов семь похудела. У меня одно желание — закрыв глаза, лежать на залитой солнцем террасе у Беллы и стараться забыть весь ужас последних недель.

Это выглядело как реклама душистого мыла. Зачем отказывать себе в неге и наслаждении? Обнаженная женщина в ванной по горло в душистой пене. По правде сказать, мамочка уже оправилась от первого шока и выглядела лучше; Шейла не сомневалась, что залитая солнцем терраса вскоре заполнится смешанным обществом из приятелей тети Беллы — разными знаменитостями, художественными натурами, осаждающими старые дома, — теми, кого ее отец называл «сбродом», но мамочке эта публика нравилась.

— А ты как? Может, поедешь со мной, — предложила она; правда, без большого энтузиазма, но все же предложила.

Шейла покачала головой:

— На следующей неделе начнутся репетиции. Пожалуй, я возьму напрокат машину и, прежде чем вернуться в Лондон, проедусь куда-нибудь одна. Куда глаза глядят.

— А ты не хочешь прихватить кого-нибудь с собой?

— Нет-нет. Сейчас любой спутник будет действовать мне на нервы. Мне лучше побыть одной.

Никаких иных разговоров, кроме чисто житейских, между ними не было. Ни мать, ни дочь не сказали друг другу: «Как же ты будешь теперь? Неужели все для меня, для тебя уже кончилось? Что ждет нас в будущем?» Вместо этого они обсуждали, стоит ли поселить в доме садовника с женой, встречи с адвокатами, когда миссис Манни вернется с Кап д'Эль, письма, которые предстояло отправить, и тому подобное и такое прочее. Спокойные и деловитые, они сидели бок о бок и, словно две секретарши, просматривали почту и отвечали на письма с болезнованиями. Ты берешь на себя от А до К, я — от Л до Я. И на каждое следовал ответ примерно в одних и тех же выражениях: «Глубоко тронуты... Ваше участие помогает нам...» Совсем как ежегодное заполнение рождественских открыток в декабре, только слова другие.

Просматривая хранившуюся у отца старую адресную книгу, Шейла натолкнулась на фамилию Барри. Капитан 3-го ранга Николас Барри, О. О. С., королевский флот (в отставке); адрес: Беллифейн, Лох-Торра, Эйре. Как имя, так и адрес были пере-

черкнуты, что означало — умер. Шейла бросила быстрый взгляд на мать.

— Странно, почему никак не отозвался папин старинный приятель, капитан Барри,— сказала она как бы между прочим.— Он ведь жив, не так ли?

— Кто? — словно не расслышав, переспросила миссис Манни.— А, ты имеешь в виду Ника? Не слышала, чтобы он умер. Правда, несколько лет назад он попал в ужасную аварию. Впрочем, они с отцом уже давно не поддерживали отношений. Он много лет нам не писал.

— Интересно почему?

— Вот уж не знаю. Переругались, наверно, а из-за чего, понятия не имею. Какое трогательное письмо прислал адмирал Арбетнот. Ты прочла? Мы были вместе в Александрии.

— Да, прочла. А что он собой представлял? Не адмирал, разумеется,— Ник?

Миссис Манни откинулась на спинку стула, размышляя, что ответить.

— Честно говоря, он так и остался для меня загадкой,— сказала она.— Мог быть со всеми в ладу и душой общества, в особенности в компании, а мог вдруг ощериться на всех и зло прохаживаться на чужой счет. Он был какой-то бесноватый. Помню, приехал погостить у нас вскоре после того, как мы с твоим папочкой поженились — Ник, ты же знаешь, был шафером у нас на свадьбе,— и вдруг словно взбесился: взял и перевернул в гостиной всю мебель. Выкинуть такое коленце? Я была просто вне себя.

— А папа?

— Не помню. Кажется, не придавал этому значения. Они же знали друг друга как свои пять пальцев, служили на одном корабле, а раньше, еще мальчишками, были вместе в Дартмуте. Ник потом уволился с флота и вернулся в Ирландию, и они с отцом окончательно разошлись. У меня тогда создалось впечатление, что Ника просто выгнали, но спрашивать мне не хотелось. Ты же знаешь, отец моментально замыкался в себе, стоило коснуться его служебных дел.

— Знаю...

Несколько дней спустя, проводив мать в аэропорт, Шейла занялась приготовлениями к отъезду в Дублин. В ночь перед отплытием она, разбирая

бумаги отца, наткнулась на листок, на котором значился ряд дат и имя Ника со знаком вопроса, но ни единого слова в объяснение, с чем эти даты связаны, 5 июня 1951 г., 25 июня 1953 г., 12 июня 1954 г., 17 октября 1954 г., 24 апреля 1955 г., 13 августа 1955 г. Список не имел никакого отношения к хранившимся в папке бумагам и попал туда, скорее всего, случайно. Шейла переписала даты на отдельный листок и, положив в конверт, сунула в путеводитель.

Так или иначе, но она прибыла сюда и собиралась — что, собственно? Извиниться от имени покойного отца перед отставным капитаном 3-го ранга за то, что его обошли вниманием? Перед человеком, который в юности вел себя как бесноватый? Был душой общества, особенно в компаниях? Образ, складывавшийся в воображении, не выглядел привлекательным: она мысленно рисовала себе такого отставничка-озорничка средних лет с лающим, как у гиены, смехом, любителя ставить мины-сюрпризы над каждой дверью. Уж не пытался ли он сыграть подобную штуку с первым лордом адмиралтейства, за что и получил под зад. Автомобильная катастрофа превратила забияку в отшельника и злого шута былых времен (правда, по словам отца, он человек отчаянной храбрости — бросился, например, в покрытую нефтяными разливами воду спасать тонущих моряков), который сидел, кусая ногти, в каком-нибудь обветшавшем георгианском особняке или похожем на пародию замке, пил ирландское виски и вздыхал по тем временам, когда выкидывал над товарищами свои фортели.

Однако в благоухании октябрьского дня в семидесяти милях от Дублина, где пошли места зеленее, пышнее, хотя и реже населенные, а по западную сторону дороги в просветах все чаще блестела вода и то и дело открывались мириады водоемов и озер с узкими полосками земли между ними, перспектива позвонить в колокольчик у дверей георгианского особняка сама собой рассеялась. Здесь не встречалось высоких стен, опоясывавших великолепные владения; по обе стороны дороги тянулись только мокрые поля, за ними виднелось переливающееся серебро озер, добраться до которых не было, конечно, никакой возможности.

В официальном справочнике о Беллифейне говорилось кратко: «Находится к западу от озера Лох-Торра с многочисленными водоемами в окрестностях». Гостиница «Килморский герб» располагала шестью номерами, однако о современных удобствах не упоминалось. В самом худшем случае, решила Шейла, она позвонит Нику по телефону — мол, дочь его старинного приятеля оказалась в затруднительном положении, не мог бы он указать приличную гостиницу по соседству, а утром она нанесет ему визит. Дворецкий, из числа старых преданных слуг, тотчас ответит: «Капитан будет счастлив, если мисс примет его гостеприимство в замке Беллифейн». Под лай ирландских волкодавов хозяин замка собственной персоной, опираясь на трость, будет ждать ее на пороге...

На подъеме показалась колокольня, а потом взору предстал и сам Беллифейн — сельская улица, убегавшая в гору между двумя рядами угрюмых домишек и лавок, над дверьми которых красовались дощечки с намалеванными на них именами владельцев — все больше Дрисколы и Мёрфи. «Килморский герб» не мешало бы побелить, но цветочные ящики на окнах, где ноготки доблестно одолевали вторую пору цветения, свидетельствовали, что кто-то в доме обладал вкусом к краскам.

Шейла поставила свой мини-«остин» у гостиницы и обозрела окрестности. Дверь в «Килморский герб» стояла распахнутой. В передней, служившей одновременно гостиной, было голо и чистенько. И нигде ни души. Но колокольчик на конторке слева от входа лежал там явно не для цели. Шейла встряхнула его, и, когда из внутреннего помещения вышел, прихрамывая, грустный мужчина в очках, ее вдруг охватила холодная жуть — не сам ли это Ник, впавший в ничтожество и нужду?

— Добрый день,— поздоровалась она.— Нельзя ли попросить чаю?

— Почему нельзя,— сказал он.— Вам только чаю или еще что-нибудь к чаю?

— Пожалуй, и что-нибудь к чаю,— обрадовалась Шейла и, мысленно уже видя перед собой тарелку с горячими овсяными оладьями и розетку с вишневым вареньем, улыбнулась ослепительной улыбкой,

какую обычно приберегала для дежурного у актерского входа.

— Будет готово минут через десять, — заявил он. — Столовая направо, три ступеньки вниз. Вы издалека?

— Из Дублина, — ответила Шейла.

— Приятная поездка. Я сам всего неделю как оттуда. У моей жены, миссис Догерти, там родня. А самой ее сейчас нет — прихворнула.

Уж не следует ли ей извиниться за причиняемое беспокойство, подумала Шейла, но он уже исчез, чтобы распорядиться насчет чаю, и Шейла спустилась в столовую. Шесть столиков стояли накрытыми, но создавалось впечатление, что за ними уже давно никто не ел. Стенные часы гулко тикали, нарушая тишину. Не успела Шейла сесть, как откуда-то из задней половины дома возникла тяжело дышавшая служанка с подносом в руках, на котором возвышался пузатый чайник, но вместо предвкушаемых Шейлой оладий и розетки с вишневым вареньем оказалась сковородка с глазуньей на два яйца, три ломтика жирного бекона и целая горка жареного картофеля. Чай с чем-нибудь... Придется все это съесть — нельзя же обижать мистера Догерти! Служанка тут же скрылась, зато черная, с белыми подпалинами кошка, объявившаяся вместе с чаем, выгнув спинку и самозабвенно мурлыкая, терлась у ног. Шейла скормила ей украдкой бекон и половину глазуньи, а за остальное принялась сама. Чай, горячий и крепкий, исходил паром, и, глотая его, она ощущала, как тепло разливалось по внутренностям.

Откуда-то вновь возникла служанка.

— Чай — как вы любите? — осведомилась она. — Если вы не наелись, яичницу можно повторить.

— Нет-нет, спасибо, — поблагодарила Шейла. — Я вполне сыта, даже через край. Не могли бы вы дать мне телефонную книгу? Мне нужно разыскать номер моего знакомого.

Книга была вручена, и Шейла зашуршала страницами. Всяких Барри значилось там в избытке, но ни одного, проживающего в Беллифейне или окрест. Ни одного капитана Барри. Ни Николаса Барри, отставного моряка королевского флота. Путешествие оказалось напрасным. Все ее надежды рухнули, а смелые шаги ни к чему не привели.

— Сколько с меня за чай? — спросила она.

Служанка тихим голосом назвала очень скромную сумму. Поблагодарив и расплатившись, Шейла поднялась в переднюю и через распахнутую дверь вышла на улицу. По другую сторону находилась почтовая контора. Еще одна, последняя попытка, и, если и на этот раз ничего, придется повернуть машину назад и уже на обратном пути в Дублин остановиться в каком-нибудь отеле, где по крайней мере можно будет принять горячую ванну и провести ночь в удобной постели. Шейла нетерпеливо дожидалась, пока стоявшая перед ней старушка покупала марки, а мужчина справлялся, как отправить посылку в Америку. Наконец подошла ее очередь, и она обратилась к почтовому служащему за разрешенным окошечком.

— Простите, — начала она, — не могли бы вы помочь? Вы случайно не знаете, не живет ли в этой округе капитан Барри?

Человек за окошечком смерил ее внимательным взглядом.

— Живет, — сказал он. — Лет двадцать, как здесь живет.

Какое счастье! Прямо гора с плеч! Шейла вновь уверовала в свою миссию. Не все еще потеряно.

— Дело в том, — принялась она объяснять, — что я не нашла его имени в телефонной книге.

— Ничего удивительного, — прозвучало в ответ. — На Овечьем острове нет телефона.

— Овечьем острове? — повторила Шейла. — Вы хотите сказать, капитан живет на острове?

Он снова внимательно ее оглядел, словно она сморозила какую-то глупость.

— Овечий остров, — сказал он, — расположен в южной части Лох-Торра. Милях в четырех отсюда по прямой. Но иначе как на лодке туда не добраться. Если вам нужно снести с капитаном Барри, черкните ему записку. Он редко появляется на людях.

Удар по самолюбию... Отшельник...

— Да-да, — кивнула Шейла. — Я сразу не сообразила. А что, этот остров виден с дороги?

Он пожал плечами.

— Примерно в миле от Беллифейна к озеру есть поворот, — сказал он. — Только не на дорогу, а на тропинку. На машине по ней не проедешь. Пешком,

в крепких башмаках, пройдет легко. И лучше днем. В сумерках недолго сбиться с пути, а озеро по вечерам затянуто туманом.

— Спасибо,— поблагодарила Шейла.— Большое спасибо.

Выходя из конторы, она не могла отделаться от чувства, что почтмейстер пристально смотрит ей вслед. Куда же теперь? Пожалуй, лучше не рисковать на ночь глядя. Лучше перетерпеть сомнительные удобства «Килморского герба» и несварение желудка. Она вернулась в гостиницу, где на пороге столкнулась лицом к лицу с мистером Догерти.

— Боюсь,— сказала она,— у вас не найдется свободного номера на ночь?

— Почему не найдется? — ответил он.— Милости просим. Сейчас глухое время. Вот в разгар сезона — может, вы даже и не поверите — ни одной незанятой постели. Позвольте, я внесу ваши вещи. А машину оставьте на улице: ей ничего тут не сделается.

И, стараясь угодить клиенту, он заковылял к багажнику, извлек чемодан, сопровождал Шейлу в «Килморский герб» и сам повел наверх, где показал ей небольшой сдвоенный номер окнами на улицу.

— Я возьму с вас только за одну постель,— объявил он.— Двадцать два шиллинга, не считая завтрака. Ванная — по ту сторону коридора.

Что ж, приятная неожиданность: и современные удобства в придачу. Позже в баре соберутся местные завсегдатаи, заведут песни. А она, попивая гиннес из огромной пивной кружки, станет наблюдать за ними и, кто знает, подтягивать.

Шейла оглядела ванную. Такая же дыра, какими обычно приходилось пользоваться в турне. Из одного крана с коричневым подтеком вода непрерывно сочилась, из другого, когда она его открыла, хлынула с мощностью Ниагарского водопада. Правда, вода была горячая. Шейла вынула вещи, необходимые на ночь, приняла ванну, переоделась и спустилась вниз. В коридоре доносились голоса. Она пошла туда, откуда они раздавались, и очутилась в баре. За стойкой возвышался мистер Догерти. При ее появлении голоса смолкли и все сидевшие за столиками уставились

на нее. Посетителей было с полдюжины, и среди них почтмейстер, которого она узнала.

— Добрый вечер,— широко улыбнулась Шейла.

Ей ответили невнятным приветствием: отозвались все, но интереса не проявили. Продолжали разговаривать между собой. Шейла заказала мистери Догерти порцию виски и, усевшись на высокий табурет, вдруг почувствовала себя неловко, и это было просто курам насмех, потому что в своих турне она постоянно посещала всевозможные питейные заведения, а это ничем особенным от них не отличалось.

— Вы впервые в Ирландии? — спросил мистер Догерти, наливая виски, он старался быть приятным клиентке.

— Впервые,— подтвердила Шейла.— Простить себе не могу, что до сих пор не выбралась. Мой дед — ирландец. Да и места здесь, несомненно, красивейшие. Завтра же отправлюсь на разведку вокруг озера.

Она обвела взглядом зал и убедилась, что почтмейстер не спускает с нее глаз.

— Значит, вы погостите у нас несколько дней? — спросил мистер Догерти.— Я мог бы помочь вам с рыбалкой, если вы любите посидеть с удочкой.

— Вот как? Я еще не решила. Все зависит от обстоятельств.

До чего же крикливо звучит ее голос, ее чисто английское произношение — совсем как у мамочки. Дама из общества с глянцевой обложки популярного журнальчика — да и только! Завсегдатаи вдруг умолкли. Нет, ирландского добродушия, о котором ей прожужжали уши, здесь нет и в помине. Никто, видимо, не собирается браться за скрипку, тем паче отплясывать джигу или заводить песни. Наверное, одинокие девицы, проводящие вечера в кабачках, в Беллифейне внушают подозрение.

— Ужин ждет вас, как только пожелаете,— сообщил мистер Догерти.

Шейла поняла намек и, скользнув с табурета, направилась в столовую, сразу почувствовав себя лет на десять старше. Суп, рыба, ростбиф — сколько усилий, где с нее хватило бы прозрачного ломтика ветчины,—и ничего нельзя оставить на тарелке. И еще пирожное — бисквитное, пропитанное хересом.

Шейла взглянула на часы. Еще только половина девятого.

— Подать вам кофе в гостиную?

— Да, пожалуйста.

— Там у нас телевизор. Я его включу.

Служанка — миниатюрное создание — подвинула кресло поближе к ящику, и Шейла с чашкой кофе, который ей был ни к чему, уселась перед экраном, где мелькала американская комедия выпуска 1950 года. Со стороны бара доносился гул голосов. Шейла вылила кофе обратно в кофейник и поднялась в номер взять жакет. Затем, оставив телевизор гроыхать в пустой гостиной, вышла на улицу. Кругом, насколько хватало глаз, не было ни души. Весь Беллифейн мирно почивал за плотно закрытыми дверьми. Шейла села в свой мини-«остин» и покатила через пустынный городок в сторону Дублина — по дороге, по которой прибыла сюда несколько часов назад. К повороту, не доезжая мили до Беллифейна, о котором упомянул почтмейстер.

А вот, очевидно, и этот поворот, с левой стороны дороги. В свете фар показался покосившийся указательный столб со стрелкой «Лох-Торра». Тропинка, узкая и петлистая, вела под гору. Безумие спускаться по ней без фонарика, при мерцающем свете неполной луны, которая лишь изредка выглядывает из-за кромки набегающей тучи. И все-таки... Часть пути, хотя бы ради моциона, она вполне сможет пройти.

Шейла поставила машину впритык к столбу и устремилась вниз. Туфли — к счастью, без каблуков — чавкали по грязи. Как только покажется озеро, решила она, сразу поверну назад, а завтра вернусь сюда спозаранку, захватив бутерброды и обдумав план вторжения. Тропинка вилась и вилась по дну оврага, и вдруг перед Шейлой открылось огромное зеркало воды в кольце глядевших в него высоких берегов, а в самом центре густо поросший деревьями остров. Жутковатый, мрачный. В свете пробивающейся из-за туч луны вода отливала серебром, и остров, словно спина кита, подымался из нее черным горбом.

Овечий остров... в памяти невольно всплывали сказания — не об ирландских вождях или клановых

распрях, а о жертвах, приносимых языческим богам еще до зари цивилизации. Каменные алтари в лощинах. Барашек с перерезанным горлом, распластанный на золе костра. Интересно, далеко ли до острова от берега. Но ночью трудно определить расстояние. Слева от того места, куда вышла Шейла, в озеро впадал ручей в густых зарослях камыша. Шейла двинулась к нему, тщательно выбирая путь между лужами и галькой, но не успела сделать и несколько шагов, как увидела лодку, привязанную к комлю, а рядом фигуру человека. Он смотрел в ее сторону, и Шейла, сама не зная почему, отпрянула и повернула назад. Но не тут-то было. Он быстро зашагал к ней по грязи и мигом настиг.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросил он.

Перед Шейлой стоял добротный сбитый парень в рыбацком крупной вязки свитере и холщовых штанах. Судя по выговору, он был местный.

— Нет, никого, — ответила Шейла. — Я приезжая. Такой чудесный вечер, вот и решила прогуляться.

— Это место слишком глухое для прогулок. Пришли издалека?

— Из Беллифейна. Я остановилась в «Килморском гербе».

— А-а, — протянул он. — Удочками захотелось побаловаться. Рыба веселее клюет по другую сторону от Беллифейна.

— Вот как? Спасибо.

Наступило молчание. Полюбезничать с ним еще, подумала Шейла, или лучше повернуться и уйти, пожелав на прощанье доброй ночи? Взгляд парня устремился поверх ее плеча в глубь тропинки, и Шейла услышала шаги: кто-то хлюпал по грязи. Из темноты возникла еще одна фигура. В приближающемся человеке она узнала почтмейстера и не могла решить, радоваться ли ей или пугаться.

— Еще раз — добрый вечер! — приветствовала она его голосом, пожалуй, чересчур сердечным. — А я все-таки, как видите, не стала дожидаться утра и, пользуясь вашими указаниями, превосходно нашла сюда дорогу.

— Вижу, — сказал почтмейстер. — Я заметил ваш «остин» у поворота и подумал: надо спуститься за вами следом — мало ли что.

— Очень мило с вашей стороны,— проворковала Шейла.— Только, право, вы зря беспокоились.

— Невелико беспокойство. А береженного бог бережет.— И, обращаясь к парню в рыбацком свитере, сказал: — Славный нынче, Майкл, вечерок.

— Славный, мистер О'Рейли,— отозвался тот.— Барышня говорит, что приехала сюда порыбачить. Ну и я ей объяснил, что по ту сторону Беллифейна клёв куда веселее.

— Что верно, то верно, если барышня и впрямь приехала сюда порыбачить,— сказал почтмейстер и впервые улыбнулся, но как-то неприятно, чересчур понимающе. — Эта барышня заходила сегодня на почту и расспрашивала о капитане Барри. Ее удивило, что его имени нет в телефонной книге.

— Вот оно что,— сказал молодой человек и, внезапно выхватив из кармана фонарик, направил луч Шейле в лицо.— Прощения просим, мисс, только вы мне прежде тут не попадались. Если вы не против сказать, какое у вас до капитана дело, я ему передам.

— Майкл живет на Овечьем острове, мисс,— пояснил почтмейстер.— Он вроде как несет вахту при капитане, охраняя его, словно сторожевой пес, от незваных гостей.

Все это было сказано с той же понимающей улыбочкой, которая так не понравилась Шейле, и она пожалела, что спустилась сюда: она явно попала в историю. Сидеть бы сейчас в уютном номере гостиницы «Килморский герб», а не стоять на берегу зловещего озера между этими двумя подозрительными типами.

— Боюсь, мне нечего передать с вами,— сказала она.— У меня к капитану сугубо личное дело. Пожалуй, я лучше вернусь в гостиницу и напишу ему оттуда письмо. Он ведь вовсе меня не ждет. И вообще, на словах объяснить, что мне нужно, очень сложно.

Ее замешательство не скрылось от мужчин. Она видела, как они обменялись взглядами, и тут же парень в свитере, сделав почтмейстеру знак головой, увлек его в сторону, где они, вполголоса, чтобы она не слышала, о чем-то переговаривали. Шейле стало совсем уже не по себе.

— Знаете, что я вам посоветую,— сказал парень, возвращаясь к ней с расплывающейся на лице улыб-

кой, чуточку слишком сладкой.— Я отвезу вас на остров, а там капитан сам решит, захочет ли он вас принять.

— Нет-нет,— проговорила Шейла, подаваясь назад.— Не сейчас. Уже очень поздно. Я вернусь сюда поутру, и вы меня отвезете.

— Лучше покончим разом,— сказал Майкл.

Покончить? Что он имеет в виду? Всего несколько месяцев назад на банкете после премьеры она хвастливо заявила, что в жизни ничего не боялась и не боится, разве только исчерпать себя до времени. Но сейчас она умирала от страха.

— Меня могут хватить в гостинице,— быстро возразила она.— Если я в ближайшее время не вернусь, мистер Догерти заявит в полицию.

— Не тревожьтесь,— сказал почтмейстер.— У дороги меня ждет приятель. Он отрулит ваш «остин» к гостинице. А с Тимом Догерти мы это дело как-нибудь сами уладим.

И прежде чем она успела еще что-либо возразить, они, взяв ее с двух сторон под руки, отконвоировали к лодке. Нет, это невозможно, думала она, это немыслимо, и приглушенное рыдание, как у испуганного ребенка, вырвалось у нее из горла.

— Т-шш, т-шш,— шикнул Майкл.— Никто вас не тронет. Волос с головы не упадет. Сами же сказали — чудная ночь. А на воде она еще красивее. Видно, как рыба пляшет.

Он помог ей спуститься в лодку, решительно оттеснив на корму. Почтмейстер остался на берегу. Слава богу, подумала Шейла, на одного по крайней мере меньше.

— До скорого, мистер О'Рейли,— вполголоса попрощался Майкл, запуская мотор и сбрасывая конец с комля.

— До скорого, Майкл, в добрый путь, — отозвался почтмейстер.

Лодка скользнула из камышей в открытую воду. Тук-тук — негромко и ровно застучал мотор. Почтмейстер взмахнул рукой, повернулся и побрел, подымаясь по склону, в направлении тропинки.

Путь до острова занял от силы пять минут, но с озера берега казались темными, далекими, а окружающие водную гладь холмы расплывались зловещим пятном. Спасительные огни Беллифейна исчез-

ли из виду. Никогда еще Шейла не чувствовала себя такой беззащитной, такой одинокой. Майкл весь путь упорно молчал, пока моторка не подошла к небольшому причалу, сооруженному на узкой косе. Деревья купами спускались к самому краю воды. Майкл закрепил конец и протянул Шейле руку.

— Так вот, — сказал он, когда она с его помощью вскарабкалась на причал, — капитана, если по правде, сейчас тут нет: у него деловая встреча на том конце озера, но к полуночи он обещал вернуться. Я провожу вас в дом и сдам на руки стюарду, то бишь мажордому, а уж он за вами приглядит.

Стюард, мажордом... Замок Беллифейн, георгианский особняк вернули ее в царство фантазии, откуда и вышли, а уж слово «мажордом» несло в себе отзвук средних веков — Мальволио с длинным жезлом в руке, каменные ступени, ведущие в залу для приемов, волкодавы на страже у дверей. Шейла почувствовала себя чуть-чуть увереннее. Майкл явно не собирался удавить ее тут же под деревьями.

К ее удивлению, дом оказался всего в ста ярдах от берега и виднелся в просвете между деревьями. Это было длинное низкое одноэтажное строение из пронумерованных бревен, точь-в-точь как на картинках, изображающих колониальные больницы, возводимые миссионерами для страждущих туземцев. Во всю длину фасада к нему примыкала веранда, и, когда Майкл вместе с Шейлой, поднявшись по ступеням, остановился у двери с надписью: «Вход на камбуз», изнутри раздался собачий лай — не то чтобы гортанный рык волкодава, но такой же, если не более, истошный и злобный, и Майкл, повернувшись к Шейле, сказал:

— Зачем мне быть сторожевым псом, когда Шиппи в доме. Наша псинка за двадцать миль унюхает чужака.

Дверь отворилась. На пороге стоял невысокий коренастый мужчина средних лет, одетый в форму судового стюарда.

— Вот тебе, Боб, задачка по уму, — заявил ему Майкл. — Эта барышня шаталась в темноте у озера, а раньше, как доложил мистер О'Рейли, расспрашивала о капитане.

Лицо стюарда хранило бесстрастное выражение,

но глаза смерили Шейлу с головы до ног, задержавшись на карманах жакета.

— Там ничего нет, — сказал Майкл, — а сумочка осталась в машине. Мисс сняла номер в «Гербе» у Догерти, но мы все-таки решили, что лучше переправить ее на остров. А то чего не бывает на свете.

— Входите, мисс, — пригласил стюард Шейлу тоном любезным, но непререкаемым. — Англичанка, как я посмотрю?

— Да, — подтвердила Шейла. — Я только сегодня прилетела в Дублин, а оттуда машиной прямо сюда. У меня с капитаном сугубо личный разговор, и никому другому я ничего излагать не стану.

— Ясно, — сказал стюард.

Собачка, типичный черный шпиц, с ушами торчком и блестящими умными глазами, упоенно обнюхивала у Шейлы лодыжки.

— Разрешите ваше пальто, — сказал стюард.

Новое дело! Зачем оно ему? На Шейле был твидовый жакет и юбка в тон. Она протянула стюарду жакет, и тот, вывернув карманы, повесил его на стул. Затем — это уже было ни на что не похоже! — быстрым профессиональным движением провел руками по ее телу. Майкл, не отворачиваясь, с интересом наблюдал за обыском.

— Не понимаю, зачем все это? — возмутилась Шейла. — Кажется, не я вас, а вы меня умыкнули.

— У нас такое правило со всеми незнакомыми посетителями, — сказал стюард. — Быстрее и надежнее, чем устраивать допрос. Ты хорошо сделал, — повернулся он к Майклу, — что привез барышню сюда. Когда капитан прибудет, я ему доложу.

Майкл ухмыльнулся, подмигнул Шейле, шутливо взял под козырек и вышел, прикрыв за собою дверь.

— Прошу за мной, — сказал стюард.

С тяжелым сердцем, проводив взглядом Майкла, который теперь в ее глазах из возможного насильника превратился в союзника, Шейла последовала за стюардом-мажордомом (увы, отнюдь не Мальволио!) в дальний конец коридора, где, распахнув перед ней дверь, он ввел ее в просторную комнату.

— Сигареты на столе у камина, — объявил он. — Если что понадобится, звоните. Кофе желаете?

— Да, пожалуйста, — сказала Шейла.

Если придется сидеть без сна всю ночь, кофе не помешает.

Комната выглядела уютно. Синий ковер застилал пол от стены до стены. Банкетка, два глубоких кресла, у окна — большой письменный стол. На стенах — фотографии боевых кораблей. В камине ярко пылают сложенные костром поленья. Обстановка показалась Шейле знакомой. Она напоминала что-то уже виденное — давно, в детстве. И вдруг Шейла вспомнила: да это же каюта капитана на «Эскалибаре», каюта ее отца. Мебель, расстановка — все в точности такое же. От этой до боли знакомой обстановки ей стало не по себе — словно она шагнула в свое прошлое.

Она прошлась по комнате, стараясь освоиться. Остановилась у окна, раздвинула шторы, почти ожидая увидеть снаружи палубу, а дальше — стоящие на якоре в Портсмутской гавани корабли. Но ни палубы, ни кораблей там не оказалось. Только длинная веранда, окутанные мраком деревья, дорожка к озеру и вода, переливающаяся в лунном свете серебром. Дверь отворилась, и стюард внес на серебряном подносе кофе.

— Капитана уже недолго ждать, — заявил он. — Меня как раз известили: его катер вышел четверть часа назад.

Катер... Значит, у них не только моторная лодка. И его «известили». А ведь не слышно было, чтобы звонил телефон, да и, насколько ей известно, телефонной связи в доме нет. Стюард вышел, заперев за собою дверь. И тут Шейла, вспомнив, что ее сумочка осталась в машине, вновь поддалась панике — ужасное положение! Ни гребенки, ни губной помады. Она не прикасалась к лицу с тех пор, как вышла из бара в «Килморском гребне». Ужасно! Шейла посмотрелась в стенное зеркало, висевшее над письменным столом. Так и есть: волосы обвисли, лицо землистое, осунувшееся. Страшилище! Как же ей этого Ника встретить — сидя в кресле с чашкой в руке, вид раскованный, или лучше стоя у камина, по-мальчишески небрежно засунув руки в карманы? Ей нужны указания, нужен режиссер вроде Адама Вейна, который еще до поднятия занавеса распорядится, что ей делать, в каком месте стоять.

Шейла отвернулась от зеркала, обведя глазами

письменный стол, и ее взгляд упал на фотографию в синей кожаной рамке. Снимок запечатлел ее мать в подвенечном платье, с откинутой вуалью и торжествующей улыбкой на лице, которая так коробила Шейлу. Однако что-то в этой фотографии выглядело неладно. Новобрачный, стоявший об руку с молодой женой, был вовсе не отец Шейлы. Это был Ник, подстриженный en brosse*, с надменным, злым выражением лица. Шейла всмотрелась пристальнее и, оторопев, обнаружила, что фотография эта — ловко смонтированная фальшивка. Голова и плечи Ника приданы фигуре ее отца, а гладко причесанная голова отца со счастливой улыбкой на губах венчает долговязую фигуру Ника, маячившую среди подружек невесты. Единственно благодаря тому, что Шейла знала этот снимок в его подлинном виде — фотография стояла на столе отца, да и у нее самой была копия, засунутая в один из ящиков секретера, — подмена тотчас бросилась ей в глаза. А ведь другому это и в голову бы не пришло. Но к чему такой трюк? Кого, кроме самого себя, Ник жаждал обмануть?

Шейла отошла от стола, охваченная щемящим чувством тревоги. Только душевнобольные тешатся самообманом. Что там, помнится, сказал отец? Ник всегда был на грани... Если час назад, на берегу озера, где ее допрашивали двое мужчин, ей было страшно, то теперь ею овладел неодолимый физический ужас — естественная реакция на возможное насилие. Это было уже совсем иное чувство — унижительное состояние страха перед неизвестностью, и комната, которая вначале показалась ей теплой, привычной, теперь пугала своей причудливостью, даже сумасбродством. Ей захотелось выбраться из нее.

Шейла прошла к балконной двери, раздвинула шторы. Дверь была заперта. Ни ключа, ни выхода! И тут до нее донеслись голоса. Вот оно, подумала она. Что ж, придется выдержать. Придется лгать, вести свою линию, импровизировать. Я здесь одна, не считая стюарда, во власти человека больного, безумного. Дверь распахнулась, и он ступил в комнату.

* Под гребенку (франц.).

Удивление было взаимным. Он застал ее буквально на одной ноге, когда, привстав с кресла, она тянулась к столику за чашкой кофе — поза на редкость неизящная и неустойчивая. Выпрямившись, она устоялась на Ника. Он на нее. В нем не было ничего от шафера со свадебной фотографии, стоявшей на отцовском столе, разве только фигура — такая же долговязая и сухопарая. О стрижке en brosse не могло быть и речи: слишком мало волос осталось на голове, а черный кружок, закрывавший левый глаз, наводил на сравнение с Моше Даяном. Рот — ниточкой. А пока он смотрел на нее, блестя своим правым синим глазом, Шиппи приплясывала у его ног.

— Боб, проследите, чтобы к операции «Б» приступили немедленно, — бросил он через плечо стюарду, не отрывая взгляда от Шейлы.

— Есть, сэр, — ответил тот из коридора.

Дверь затворилась, и Ник, шагнув к столику, сказал:

— Боб, кажется, сварил вам кофе. Надеюсь, он не остыл?

— Не знаю, — пожала плечами Шейла. — Я еще не пила.

— Добавьте туда виски. Вам сразу станет веселей.

Распахнув створки стенного шкафчика, он вынул из него поднос, уставленный стаканами, с графином и сифоном, и поставил на столик. Затем уселся в кресло напротив Шейлы, подняв собаку к себе на колени. Шейла налила в кофе немного виски. Руки у нее дрожали. Она исходила холодным потом. Голос у него был хриловат, но звучал четко, авторитетно, как у того кинорежиссера, который преподавал ей в драматической школе и от которого полкласса ходило в слезах. Правда, не она. Она даже однажды демонстративно ушла с его урока, и ему пришлось перед ней извиниться.

— Ну-ну, расслабьтесь, мисс, — сказал хозяин дома. — А то вы вся как натянутая струна. Прошу извинить за причиненное беспокойство. Но вы сами виноваты: зачем шататься у озера в вечерний час?

— На указательном столбе, — заявила Шейла, — значилось только «Лох-Торра». Ни запретительного знака, ни надписи: «Проход воспрещен» — я что-то не заметила. Вам следовало уже в аэропорту развесить советы иностранным гостям, — мол, не гуляйте

после захода солнца. Боюсь, однако, это невыполнимо: подорвет туристский бизнес.

Вот так, извольте скушать, подумала она про себя и отхлебнула кофе с виски. Он ослабился, как бы смеясь вместе с ней — на самом деле над ней, — и принялся гладить собачку по лоснящейся бархатной шерстке. Его единственный глаз смотрел на Шейлу в упор. И ей казалось, что черный кружок скрывает не пустоту, а такой же зрячий глаз.

— Как вас зовут?

— Джинни, — вырвалось у нее. Потом она добавила: — Блэр.

Дженнифер Блэр было ее сценическим именем. Настоящее — Шейла Манни — ей никогда не нравилось. Но никто, кроме отца, не называл ее Джинни. Почему она вдруг разгласила их секрет? Нервы подвели.

— Н-да, — сказал он. — Значит, Джинни. Ничего, вполне мило звучит. Так зачем я вам понадобился, Джинни?

Поимпровизируем. Исполним этюд — любил говорить Адам Вейн. Вот ситуация. Разыгрываем отсюда. Итак, начинаем.

На столике — коробка сигарет, рядом зажигалка. Шейла подалась вперед, взяла сигарету. Он и не подумал чиркнуть зажигалкой.

— Я — журналистка. Моим издателям пришла на ум благая мысль открыть рубрику «Солдаты на покое». Нравится ли ветеранам жить отдыхая или, напротив, не нравится. Чем они увлекаются и так далее. Вы же знаете такого рода штучки. Четирем журналистам дали соответствующие задания. Вы попали в мой список, и вот я здесь.

— Понятно.

Может, он хотя бы на минуту перестанет низать ее своим единственным глазом? Собачка, млея от наслаждения под его ласкающей рукой, опрокинулась на спинку и подняла кверху лапы.

— С чего вы взяли, что моя особа интересует ваших читателей?

— Ну это не моего ума дело. На этот счет существует начальство — оно и решает. Мне просто сообщили исходные данные. Послужной список, военные отличия, вышел в отставку, живет в Беллифейне, а остальное велено добрать здесь. Привезти

готовый очерк. Ну там личные привычки, пристрастия и прочее.

— Забавно, что ваши шефы остановили свой выбор на мне, когда здесь в округе полно знаменитостей, которым я и в подметки не гожусь. Генералы, тыловые адмиралы и прочие ушедшие на покой — их здесь пруд пруди.

Она пожала плечами:

— Насколько мне известно, имена берутся наобум. Кто-то — я уже не помню кто — сказал, что вы живете отшельником. А публике непременно подай что-нибудь этакое. Вот мне и сказали: езжай и выясни, чем он там дышит.

Он налил себе стакан виски и откинулся в кресле.

— От какой вы газеты? — спросил он.

— Это не газета — журнал. Из новых, в глянцевой обложке, очень ходовой, преуспевающий еженедельник «Прожектор». Возможно, он вам попался.

Журнал с таким названием и вправду не так давно начал публиковаться. Шейла проглядывала его во время полета.

— Нет, пока не попадался, — ответил он. — Но ведь я живу отшельником, так что ничего удивительного в этом нет.

— Несомненно.

Его глаз неотступно следил за ней. Она выпустила в воздух облачко дыма.

/— Значит, не что иное, как профессиональное любопытство побудило вас отправиться на озеро в ночное время вместо того, чтобы дождаться встречи со мной при свете дня.

— Естественно. Ну и еще то, что вы живете на острове. Острова всегда овеяны тайной. В особенности ночью.

— Вас, видимо, нелегко испугать.

— Я очень испугалась, когда ваш страж Майкл и этот противный почтмейстер подхватили меня под руки и потащили в лодку.

— Что же вы думали, они намерены с вами сделать?

— Избить, изнасиловать, пристукнуть — что-нибудь в этом роде.

— Вот-вот — типичный результат чтения английских газет и сочинительства для ходовых журналь-

чиков. Мы, ирландцы, — мирная нация, на удивление мирная. Не без того, чтобы мы не подстреливали друг друга, но это так, по традиции. Насилие над женщиной нам несвойственно. Мы редко берем женщину приступом, скорее женщины берут за горло нас.

Теперь рассмеялась Шейла — сама того не желая. Напряженность рассеивалась. Словесная схватка: удар и контрудар. Такую дуэль она могла вести часами.

— Позвольте вас процитировать?

— Не стоит. Может повредить сложившемуся национальному образу. Ирландцам любо считать себя лихими парнями. Это поднимает их в собственных да и в чужих глазах. Еще виски?

— Благодарю, с удовольствием.

На репетиции, подумалось ей, режиссер в этом месте предложил бы переменить позу. Встань, налей себе из графина очередную порцию виски, обведи взглядом комнату. Нет, отменяется. Лучше оставим как есть.

— Теперь ваша очередь отвечать на вопросы, — улыбнулась она ему. — Скажите, ваш Харон умыкает всех туристов?

— Никоим образом. Вы удостоились этой чести первая. Можете гордиться.

— Я сказала ему, — продолжала Шейла, — и почтмейстеру также, что для вечернего визита время слишком позднее, и предложила вернуться утром. Но им это было словно об стену горох. А когда меня доставили сюда, ваш стюард устроил мне форменный обыск — обработал, так, кажется, это у вас называется.

— Боб знает службу. Блюдет морские обычаи. На флоте всегда обрабатывали местных девиц, когда они подымались на борт. Половина удовольствия. А как же.

— Вы лжете, — возмутилась она.

— Никак нет. Теперь, говорят, эту потеху упразднили, как, впрочем, и ежедневную порцию рома. То-то нынешняя молодежь не спешит идти на флот. Вот эту мысль, если угодно, можете процитировать.

Она бросила на него взгляд поверх стакана.

— Вы не жалеете, что бросили службу?

— Нисколько. Я получил от нее все, что хотел.

— Кроме повышения в должности?

— А на что оно мне сдалось? Какая радость командовать кораблем в мирное время, когда он устаревает, еще не сойдя со стапелей. А уж протирать штаны в адмиралтействе или в другой сухопутной конторе — слуга покорный. К тому же я нашел себе здесь занятие не в пример интереснее.

— То есть?

— Познакомился с собственной страной. Изучил историю. Не ту, что от Кромвеля и далее, — древнюю, которая куда как завлекательнее. Сам написал сотни страниц; правда, они вряд ли когда-нибудь увидят свет. Статьи нет-нет да появляются в научной периодике, но вот и все. Денег мне за них не платят. Не то что вам — авторам, пишущим для ходовых журнальчиков.

Он снова улыбнулся. На этот раз располагающе — не в общепринятом смысле, а с точки зрения Шейлы. Подстрекательно, так сказать, вызывающе. («Душа общества, в особенности в компании».) Может быть, момент уже настал? Не рискнуть ли?

— Скажите, — начала она. — Вопрос, простите, коснется личной жизни, но моим читателям захочется узнать... Я не могла не заметить эту фотографию на вашем столе. Вы были женаты?

— Был, — подтвердил он. — Трагическая страница в моей биографии. Моя жена погибла в автомобильной катастрофе. Всего несколько месяцев спустя после свадьбы. Я, к несчастью, уцелел. Тогда и лишился глаза.

Ну и ну! Тут у кого угодно ум зайдет за разум. Придумай же что-нибудь!.. Симпровизируй!..

— Какой ужас! — пробормотала она. — Простите меня.

— Ничего. Прошло уже много лет. Я, разумеется, долго не мог прийти в себя, но постепенно научился жить с тем, что есть. Ничего другого мне не оставалось. К тому времени я уже успел выйти в отставку, впрочем, служба мало бы что изменила. Так или иначе, таково положение вещей, да и, как я уже сказал, все это случилось давным-давно.

Неужели он и впрямь верит в свои рассказы? Верит, что был женат на ее матери, якобы погибшей в автокатастрофе? Не иначе как, лишившись глаза, он повредился в уме; что-то сдвинулось в его мозгу.

Интересно, когда он переклеил фотографию? До или после катастрофы? И что его побудило? Сомнения и настороженность вновь овладели Шейлой. А ведь она было уже расположилась к нему, почувствовала себя с ним легко. Но теперь все это рухнуло. Если перед ней и впрямь сумасшедший, как ей вести себя с ним, что делать? Шейла встала, подошла к камину. Удивительно, подумалось ей, какой естественный переход, я уже не играю роль, не выполняю указания режиссера, спектакль стал реальностью.

— Послушайте, — сказала она. — Мне как-то расхотелось писать этот очерк. Бессовестно выстав-
лять вас напоказ. Вы слишком много пережили: Раньше мне не приходило это в голову. Я уверена, редактор со мной согласится. Не в наших правилах беречь человеку раны. «Прожектор» — не такого сорта журнал.

— Да? Как жаль! — воскликнул он. — А я-то уже настроился почитать о себе всякую всячину. Я, знаете ли, человек суетный.

И он снова принялся гладить собачку, ни на секунду не спуская взгляда с лица Шейлы.

— В таком случае, — сказала она, подбирая слова, — давайте я опишу ваше житье-бытье на острове, привязанность к собаке, увлечения... что-нибудь из этого ряда.

— Ну стоит ли такую скуку печатать?

— Почему скуку?

Вместо ответа он вдруг рассмеялся, сбросил с колен собачку, встал и мгновенно оказался на каминном коврике рядом с ней.

— Вам придется придумать что-нибудь поинтереснее — не то провалите задание, — сказал он. — Ладно, утро вечера мудренее. Утром и расскажете мне, кто вы на самом деле такая. Если и журналистка, в чем я сильно сомневаюсь, вас вряд ли послали сюда только за тем, чтобы описать мои увлечения и мою собачку. Забавно, однако, кого-то вы мне напоминаете, а вот кого, не могу сообразить.

Он почти отечески улыбнулся ей — уверенный в себе, абсолютно нормальный человек, напомнив... но что? Как она сидит на койке в каюте отца на «Эскалибаре»? Как отец подбрасывает ее в воздух, а она визжит от восторга и страха? Запах одеколона, который употреблял отец — и этот анахорет

тоже, — а не вонючих лосьонов, каким поливают себя нынешние мужчины...

— Вечно я всем кого-то напоминаю, — вздохнула она. — Увы, природа не наделила меня своеобразием. А вот вы напоминаете мне Моше Даяна.

— Вы это имеете в виду? — Он коснулся черной повязки. — Просто ловкий маневр. Нацепи он или я такую же штуку телесного цвета, никто бы внимания не обратил. А так совсем другое дело. Действует на женщин, как черные чулки на мужчин.

Он пересек комнату к двери и, распахнув ее, крикнул:

— Боб!

— Слушаю, сэр, — раздалось из кухни.

— Как протекает операция «Б»?

— Майкл уже причаливает, сэр.

— Превосходно! — И, обернувшись к Шейле, предложил: — Разрешите показать вам остальную часть дома.

Из этого обмена репликами на морском жаргоне Шейла сделала вывод, что Майклу поручено доставить ее на моторной лодке назад. Что ж, когда она вернется в гостиницу, ей вполне хватит времени, чтобы решить, приехать ли сюда вторично и довести игру до конца или, поставив на своей миссии крест, убраться восвояси. А пока Ник повел ее по коридору, распахивая одну за другой двери с надписями: «Рубка», «Связь», «Лазарет», «Кубрик». Вот где, пожалуй, зарыта собака, сказала она себе. Он, должно быть, воображает, что живет на судне. И эта игра помогает ему примириться с жизнью, с разочарованием, с ударами судьбы.

— У нас здесь все организовано по высшему разряду, — объяснял он. — Зачем мне телефон? Связь с берегом осуществляется передатчиком на коротких волнах. Когда живешь на острове, нужно иметь все при себе. Полная независимость — как на корабле в море. Здесь все создано мной — от нуля, так сказать. На этом острове, когда я сюда прибыл, не было даже бревенчатой хижины, а теперь он оборудован как флагман. С него можно командовать эскадрой.

Он торжествующе улыбнулся. Нет, все-таки он сумасшедший, буйнопомешанный. Но при всем том

обаятелен — и еще как. В нем ничего не стоит обмануться, принять за истину все, что он говорит.

— Сколько человек здесь живет?

— Десять, включая меня. А вот здесь — мои апартаменты.

Они приблизились к двери в конце коридора, через которую он повел Шейлу в отдельное крыло. Три комнаты и ванная. На одной из дверей значилось: «Капитан Барри».

— Вот я и у себя, — возвестил он, распахивая дверь, за которой оказалась типичная капитанская каюта, только с кроватью вместо койки. Знакомое убранство вызвало у Шейлы чувство глухой тоски по ушедшим временам.

— Следующие двери в гостевые, — сказал он, — номер один и номер два. Из номера один вид на озеро лучше.

Он шагнул в комнату и раздернул занавески. Высоко в небе стояла луна, освещая видневшуюся за деревьями полосу воды. Кругом царили мир и покой. Овечий остров вовсе не казался злоецим. Напротив — жутковатая тьма пеленала далекий берег.

— Даже я заделалась бы отшельницей, поселись я здесь, — сказала Шейла и, повернувшись к окну, добавила: — Не смею дольше злоупотреблять вашим временем. Майкл, верно, уже ждет меня, чтобы отвезти назад.

— Назад? Ни в коем случае, — сказал Ник, включая лампочку на ночном столике. — Операция «Б» завершена.

— Что вы хотите сказать?

Он наставил на нее свой единственный глаз, нагнетая страх и забавляясь:

— Когда мне доложили, что неизвестная женщина ищет встречи со мной, я разработал план действий. Операция «А» означала: эта особа, кто бы она ни была, не представляет для меня интереса и ее можно отправить обратно в Беллифейн. Операция «Б» означала, что посетительнице будет оказано гостеприимство, ее вещи доставят из гостиницы, а Тиму Догерти дадут необходимые объяснения. Тим — человек благоразумный.

Шейла с ужасом посмотрела на него:

— Но вы ведь даже не дали себе времени поду-

мать. Я слышала: вы отдали приказ приступить к операции «Б», едва перешагнув порог.

— Совершенно верно. Я сторонник быстрых решений. А вот и Боб с вашими пожитками.

Снаружи кашлянули, раздался тихий стук в дверь. В комнату вошел стюард с чемоданом Шейлы в руках. Ее вещи были, по всей вероятности, тщательно собраны — все мелочи, разбросанные в номере. А также карта и сумочка, оставленные в машине. Ничто не было забыто.

— Спасибо, Боб, — поблагодарил стюарда Ник. — Мисс Блэр позвонит, когда пожелает завтракать.

Опустив на стул чемодан и пробормотав: «Спокойной ночи, мисс», стюард удалился. Значит, вот какой оборот событий, подумала Шейла. Посмотрим, что будет дальше. Ник по-прежнему не сводил с нее взора, довольная ухмылка расплылась у него по лицу. Не знаешь, как поступить, сказала себе Шейла, выжидай, зевая в потолок. Держись как ни в чем не бывало. Делай вид, что подобные приключения случаются с тобой ежевечерне. И Шейла взяла сумочку, вынула гребенку и, напевая себе под нос, провела ею по волосам.

— Вы зря ушли в отставку, — бросила она. — Какие организаторские способности пропадают впустую. Вам бы Средиземноморской эскадрой командовать. Планы атак и военных операций разрабатывать.

— Именно этим я и занимаюсь. Вы получите приказ, когда судно прибудет на базу. А теперь позвольте покинуть вас: мне нужно поработать... Кстати, — он помедлил у двери, держа ладонь на ручке, — вам нет нужды запираяться; вы тут в полной безопасности.

— У меня и в мыслях не было запираяться, — ответила Шейла. — Я журналистка, в каких местах мне только не случалось прикорнуть, по каким коридорам шмыгать в середине ночи.

На, получи, голубчик. Мотай на ус. Теперь пошел вон и можешь куролесить в свое удовольствие.

— Ах вот вы какая! Стало быть, не вам, а мне следует держать двери на запоре. Благодарю за предостережение.

Она слышала, как он, удаляясь, смеялся в кори-

доре. Конец первого акта. Занавес. Последнее слово осталось за ним.

Шейла направилась к чемодану, откинула крышку. Ее немногочисленные наряды, ночные принадлежности, косметика — все аккуратно сложено. Сумочку не открывали. Счастье, что бумаги на аренду машины выписаны на ее сценическое имя. Шейла Манни нигде не упомянута. Однако две вещи, видимо, подверглись осмотру: их развернули и сложили по-иному, чем они были сложены раньше, — карты и путеводитель. Ну и на здоровье, не имеет значения. Беллифейн и Лох-Торра обведены синим карандашом — любой газетчик пометил бы их точно так же. Чего-то все-таки недостает... Исчезла желтоватая — под медную — скрепка. Шейла потряхнула путеводитель, но из него ничего не выпало. И конверта тоже нет — конверта, куда она вложила листок с датами, которые переписала в кабинете отца.

Когда Шейла проснулась, комната уже была залита солнцем. Она взглянула на часы, оставленные с вечера у кровати. Четверть десятого. Ну и ну! Проспать беспробудно больше девяти часов! Шейла встала, подошла к окну, отдернула занавески. Комната, по-видимому, находилась в самом конце здания, и сразу за окном пологая лужайка убегала к полосе деревьев, а через нее тянулась узкая просека. Вода в озере, насколько она открывалась взгляду, поблескивала синевой, но его поверхность — зеркально гладкая вчера вечером, — теперь вспененная легким ветерком, была подернута рябью. Ник велел стюарду подать ей завтрак, когда она позволит, и Шейла потянулась к трубке стоящего у постели телефона. Ответ раздался немедленно:

— Слушаю, мисс, — прозвучал голос Боба. — Апельсиновый сок? Кофе? Булочки? Меду?

— Да, пожалуйста...

Вот это сервис, сказала она себе. Не то что в «Килморском гербе»! Не прошло и четырех минут, как Боб уже ставил у ее постели поднос. Утренняя газета, сложенная по всем правилам, лежала тут же.

— Капитан желает мисс доброго утра, — сказал Боб, — и просил узнать, хорошо ли вы почивали. Если мисс хочется чего-нибудь еще, — я к вашим услугам.

Мисс хочется знать, думала, глядя на стюарда,

Шейла, кто — мистер Догерти из «Килморского герба» или мистер О'Рейли из почтовой конторы — наложил лапу на конверт, лежавший в путеводителе. А может быть, это ваших рук дело, любезный Мальволио? Не нацарапай я сверху «Н. Барри, Важные (???) даты», никто бы на него не покусился. Вслух она сказала:

— Спасибо, Боб. Мне всего предостаточно.

Шейла позавтракала, натянула свитер и джинсы, подвела глаза — несравненно тщательнее, чем вчера, и теперь почувствовала себя готовой к любым сюрпризам, какие припас для нее Ник. Пройдя по коридору и миновав вращающуюся дверь, она оказалась у входа в гостиную, куда ее поначалу провели вчера. Комната стояла открытой, но Ника в ней не было. Почему-то она ожидала увидеть его за письменным столом. С опаской озираясь через плечо, она прошла туда и вновь уставилась на фотографию. Ник стал много лучше с тех пор, подумалось ей. В молодости он, должно быть, был несносен — этаким самонадеянный пентюх с ярко-рыжими, так и чувствовалось, волосами. Все дело в том, что оба они, отец и Ник, были, наверное, влюблены в ее мать, и, когда она предпочла отца, Ник озлобился. Тогда-то все и началось. Странно, что мама ни разу не упомянула об их соперничестве. Она не упускала случая похвастать былыми поклонниками. Непочтительно, конечно, так говорить о матери, но что они оба видели в ней, кроме очень хорошенького личика? Густо намазанный, по тогдашней моде, рот. Любовь к снобизму — вечно бросалась именами. Они с отцом только переглядывались, когда она, козыряя, принималась сыпать ими перед гостями.

Легкое покашливание в коридоре дало Шейле знать, что стюард наблюдает за ней.

— Вы ищите капитана, мисс? — осведомился Боб. — Он в лесу, на вырубке. Могу показать, как туда пройти.

— Да, пожалуйста, Боб.

Они вышли из дому, и он сказал:

— Вот сюда. Капитан работает на открытой площадке минутах в десяти ходу.

Вырубка... Что он там делает? Валит деревья? Она пустилась по тропинке с нависшим по обеим сторонам зеленым шатром через небольшой, но густой

лес, сквозь который нигде не проглядывало озеро. Если сойти с тропинки и пойти между деревьями, подумалось ей, мигом заблудишься, до озера так и не дойдешь — будешь кружить и кружить на одном месте. Над ее головой зашумел в кронах ветер. Ни птиц, ни шагов, ни плеска воды. Под этим буреломом ничего не стоило схоронить человека, и его никогда не найдут. Может, ей лучше повернуть назад, возвратиться в дом и сказать стюарду, что она предпочитает дожидаться капитана у него в кабинете? Шейла остановилась в нерешительности, но было уже поздно: к ней, мелькая между деревьями, приближался Майкл с заступом в руках.

— Капитан ждет вас, мисс. Он хочет показать вам могилу. Мы ее только что отрыли.

О боже! Могила! Для кого? Шейла почувствовала, как краска сошла с ее лица. Майкл смотрел на нее не улыбаясь. Кивком головы он указал ей на видневшуюся впереди вырубку. Теперь она увидела и остальных: двое мужчин, не считая Ника. По пояс голые, они стояли наклонившись, разглядывая что-то в земле. Шейла почувствовала, что у нее отнимаются ноги, а сердце готово выскочить из груди.

— Это мисс Блэр, — объявил Майкл.

Ник выпрямился и повернулся к ним. На нем, как и на остальных, были джинсы да еще майка. Только в руке вместо заступа он держал топорик.

— Превосходно, — сказал он. — В самый исторический момент. Ступайте сюда и на колени.

Положив Шейле руку на плечо, он подтолкнул ее к разверстой яме. У Шейлы отнялся язык. Только глаза видели кучи бурой земли, наваленной по краям ямы, примятую листву и срубленные сучья. Опускаясь на колени, она инстинктивно закрыла лицо руками.

— Что вы делаете? — В голосе Ника прозвучало изумление. — Откройте глаза! Вы же ничего не увидите. Такое великое событие! Вы, может, первая англичанка, которая присутствует при вскрытии мегалитического погребения в Ирландии. Королевские могильники — вот как их тут называют. Мы уже несколько недель раскапываем эту могилу.

Когда Шейла очнулась, она сидела спиной к дереву, скрючившись и уткнувшись головой в колени. Лес уже не кружился у нее перед глазами, постепен-

но обретая ясные очертания. Тело было мокрым от пота.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — пробормотала она.

— Давайте-давайте, — сказал Ник. — Не обращайтесь на меня внимания.

Шейла открыла глаза. Мужчины куда-то испарились, а рядом с ней на корточках сидел Ник.

— Вот что значит выпить только кофе на завтрак, — попрекнул он. — Так всегда, когда начинают день на пустой желудок.

И, поднявшись на ноги, он отступил к своей яме.

— Я возлагаю огромные надежды на нашу находку. Это захоронение в лучшем состоянии, чем многие, какие мне довелось повидать. Мы наткнулись на него случайно несколько недель назад. Нам удалось расчистить переднюю камеру и часть коридора, который, по-моему, ведет к самой усыпальнице. Этой могилы никто не касался с 1500 г. до н. э. Теперь главное, чтобы никто о ней не пронюхал, иначе вся археологическая шатия примчится сюда со своими фотоаппаратами, и тогда уж пиши пропало. Ну как, лучше вам?

— Не знаю, — отозвалась она слабым голосом. — Кажется.

— Так ступайте же сюда и взгляните.

Шейла заставила себя подойти к раскопкам и заглянуть вглубь. Куча камней, что-то вроде закругленной арки, подобие стены. Нет, после того, что ей подумалось, после пережитого ужаса, ей не по силам изображать восторг.

— Очень интересно, — пролепетала она и вдруг — что было куда хуже, чем если бы ее стошнило, — разрыдалась.

Секунду-другую он в замешательстве смотрел на нее, затем молча взял за руку и, насвистывая сквозь зубы, быстро повел напрямик через лес. Несколько минут спустя деревья расступились, и они оказались на берегу озера.

— Вон там на западе Беллифейн, — сказал он. — Отсюда его не видно. Со стороны острова озеро расширяется к северу, а с той стороны берег весь изрезанный — настоящий слоеный пирог. Зимой прилетают утки и гнездятся в камышах. Но я их не

стреляю. А вот летом хожу сюда купаться до за-
втрака.

Шейла уже оправилась. Он дал ей время прийти
в себя, а большего и не требовалось, и она почув-
ствовала к нему благодарность.

— Простите, — сказала она, — но, честно говоря,
когда я увидела Майкла с заступом в руках, да еще
он сказал что-то про могилу, я решила — настал мой
последний час.

Он с удивлением уставился на нее. Потом улыб-
нулся:

— А вы вовсе не такая стреляная птица, какую
из себя изображаете. И вся ваша терпость — сплош-
ной блеф.

— Отчасти, — согласилась она. — Но в такую си-
туацию, когда меня выгрузили на острове, где обита-
ет анахорет, я попала впервые. Теперь ясно, почему
меня похитили. Вы боитесь, чтобы известия о вашей
мегалитической находке не просочились в прессу.
Так и быть, я промолчу. Даю вам слово.

Он ответил не сразу. Стоял, поглаживая под-
бородок.

— Н-да, — сказал он наконец. — Это, право,
весьма великодушно с вашей стороны. А теперь
знаете, что мы сделаем? Вернемся-ка домой и попро-
сим Боба завернуть нам что-нибудь на ленч, и я по-
катаю вас по озеру. И даю вам слово, через борт не
выкину.

Он безумен только при норд-норд-весте, подума-
ла она. А так, если не считать фотографию, вполне
в здравом уме. Что же касается фотографии... если
бы не это, Шейла тут же ему открылась бы, сказав,
кто она и зачем приехала в Беллифейн. Но пока
лучше подождать...

Трудно даже представить себе более разительное
несходство, думалось ей несколько часов спустя,
между тем Ником, каким изобразил его отец —
человеком с уязвленным самолюбием, обиженным
на весь мир, постоянно озлобленным неудачами, —
и этим, который сам вызвался развлечь ее и просто
из кожи лезет, чтобы сделать ей приятным каждый
проведенный в его обществе миг. Двухмоторный
катер с небольшой каютой — не то что одышливая
моторка, на которой Майкл доставил Шейлу на
остров, — ровно скользил по озерной глади, лавируя

среди бесконечных отмелей, а Ник, сидя на месте штурвального, указывал то на одну, то на другую достопримечательность на берегу. Далекие холмы на западе, развалины замка, башня, оставшаяся от древнего аббатства. Он ни разу и словом не напомнил ей о цели ее визита, не стал выспрашивать о собственной ее жизни. Сидя бок о бок в каюте, они закусывали вареными яйцами и холодным цыпленком, а Шейле думалось, какое наслаждение такая поездка доставила бы ее отцу, как пришлось бы по душе такой вид отдыха, если бы он до него дожил. Она представила себе, как они с Ником сидят вдвоем, болтая, перебрасываясь морскими словечками и, сколь это ни забавно, распуская перед ней свои павлиньи хвосты. А вот мама — другое дело. Она всем только испортила бы удовольствие.

— Знаете, — вдруг сказала Шейла в порыве откровенности, вызванной глотком виски, выпитым до гиннеса, — тот капитан Ник, которого я себе нарисовала, ни чуточки на вас не похож.

— А что вы себе нарисовали?

— Ну раз мне сказали, что вы анахорет, я вообразила себе старца, живущего в замке в окружении преданной челяди и грозных волкодавов. Этаким старым хмырь. Угрюмый, резкий, вечно орущий на слуг или же добренький господинчик, любитель розыгрышей и всяких шуток.

Он улыбнулся.

— Я умею быть очень резким, и Бобу часто от меня достается. Что же до розыгрышей... В свое время я ими очень увлекался. Да и сейчас не прочь. Еще пива?

Она покачала головой и, откинувшись, прислонилась спиной к переборке.

— Беда в том, — продолжал он, — что шутки, которые я разыгрывал, обычно доставляли удовольствие только мне одному. Да к тому же вышли из моды. Не думаю, что вот вы, например, сажали когда-нибудь вашему редактору в письменный стол выводок белых мышей.

Пожалуй, уборная премьерши сойдет за редакторский письменный стол.

— Белыми мышами мне не случалось баловаться, — заявила она. — А вот дымовую шашку я свое-

му боссу однажды сунула под кровать. И, поверьте, он выскочил из нее как ошпаренный.

Все так и было — в Манчестере, и Брюс ей этого так и не простил: авансы, которые он делал, желая закрутить с ней тайный романчик, рассеялись как дым.

— Вот-вот, — сказал он. — Лучшие шутки тешат только нас самих. Но босса вашего, надо думать, вы хорошо шуганули.

— Необходимая самозащита, — сказала она. — Мне совсем не улыбалось ложиться с ним в постель. Он было прыснул, но сдержался:

— Прошу прощения за нескромный вопрос: вам сильно досаждают ваши редакторы?

Она помолчала, делая вид, что обдумывает ответ.

— Как когда. Есть очень настырные. Но если хочешь сделать карьеру, а я как раз хочу, на этом можно получить повышение. Впрочем, тут все далеко не просто. Я — особа не очень податливая.

— В каком смысле?

— В самом простом: я не раздеваюсь по первому требованию. Нужно, чтобы человек мне нравился. Я вас шокирую?

— Отнюдь. Старому хмырю вроде меня интересно знать, чем дышит нынешняя молодежь.

Она потянулась за сигаретой. На этот раз он не замедлил поднести зажигалку.

— Дело в том, — сказала она (совсем как если бы беседовала с отцом, убедившись, что мама накрепко засела в соседней комнате; только с Ником подобный разговор доставлял ей больше удовольствия), — дело в том, что, на мой взгляд, сексу придают непомерно много значения. Мужчины поднимают вокруг этого дела невообразимый шум — от их воя, право, уже мутит! Некоторые даже впадают в истерику. И единственно ради того, чтобы хвастать снятыми скальпами — этакая игра в краснокожих индейцев. Ничего хорошего я тут не вижу. Правда, мне всего девятнадцать. У меня еще много времени впереди, возможно, я еще дозрею.

— Я не стал бы на это рассчитывать. Девятнадцать — вполне зрелый возраст. Куда более зрелый, чем вы думаете. — Он встал с рундука, перешел на место у штурвала и включил мотор. — Мне доставляет огромное удовольствие, — добавил он, — ду-

мать о том, сколько скальпов вы уже сняли и какой вой разносится по всей Флит-стрит. Сочту долгом предостеречь своих друзей-журналистов: им надо быть начеку.

Она взглянула на него в испуге:

— Друзей-журналистов?

Он улыбнулся:

— У меня в прессе есть кой-какие связи. — И, развернув катер, направил его к Овечьему острову.

Так, сказала себе Шейла, значит не сегодня-завтра он проверит, какая я корреспондентка, и установит, что никакие редакторы меня к нему не посылали. Что же касается Дженнифер Блэр, то ему придется перебрать немалое число театральных менеджеров, прежде чем кто-нибудь среди них скажет: «А, вы о той блистательной молодой актрисе, которую в Страфорде пытаются заполучить на будущий сезон?»

Не успела она это подумать, как они уже приближались к его владениям; катер подвалил к причалу у лодочного домика, умело замаскированного густо насаженными деревьями, где их ждал Майкл, и она вспомнила, какой ужас испытала утром, когда тот подвел ее к полураскрытому мегалитическому захоронению, затерянному в глуши лесистого острова.

— Я испортила вам день, — сказала она Нику. — Вы все так увлеченно работали на раскопках. И, верно, продолжали, если бы не я.

— Необязательно. Отдыхать можно по-разному. Могильник никуда не убежит. Есть новости, Майкл?

— Получено несколько радиogramм, сэр. Они ждут вас в доме. Все в порядке.

Как только Ник переступил порог дома, он полностью преобразился: деловитый, подтянутый, сосредоточенный на своих, никак не связанных с нею делах. Даже Шиппи, которая, слышав голос хозяина, попыталась прыгнуть к нему на руки, тут же оказалась на полу.

— Всем быть в рубке через пять минут, — распорядился он.

— Есть, сэр.

— С вашего разрешения, — повернулся он к Шейле, — я вас покину. Вам придется развлекать себя самой. Книги, радио, телевизор — все в комна-

те, где мы беседовали вчера. В ближайшие часы я буду занят.

В ближайшие часы... Стрелки стояли на начале седьмого. Он наверняка проканителится со своими делами, какие они ни на есть, до девяти, а то и десяти. Обидно! Она рассчитывала совсем на другое — провести вечер у камина в долгой доверительной беседе, когда что только не случается между двумя людьми.

— О'кей, — сказала она вслух, пожимая плечами. — Я — в ваших руках. Кстати, хотелось бы знать, как долго еще вы намерены меня здесь держать. Мне надо вернуться в Лондон: я назначила несколько свиданий.

— Не сомневаюсь. Но с охотой за скальпами придется повременить. Боб, позаботьтесь о чае для мисс Блэр.

Он исчез в глубине коридора вместе с собачкой, которая следовала за ним по пятам. Шейла, надувшись, опустилась на банкетку. Какая досада! А главное, все уже так замечательно шло. Никакого желания читать или слушать пластинки у нее не было. Да и Ник, верно, одного вкуса с отцом: давно вышедшие в тираж Питер Чейни и Джон Бакэн, которых тот без конца перечитывал. И музыка легкого жанра — «Южный океан», скорее всего.

Боб принес чаю — на этот раз с вишневым вареньем и песочными колечками, и что особенно ценно, только-только испеченными. Она умяла их все без остатка. Потом послонялась по комнате, исследуя полки. Ни Питера Чейни, ни Джона Бакэна на них не оказалось. Зато, как, впрочем, она и ожидала, длинными рядами выстроились книги об Ирландии, всенепременный Йейтс, Синг, А. Е. и монография о Театре аббатства. Ее, пожалуй, было бы интересно почитать, но сейчас я не в настроении, подумала Шейла, совсем не в настроении. Пластинки оказались в основном с классическим репертуаром — Моцарт, Гайдн, Бах — целый склад бесподобной музыки. Будь тут Ник, какое наслаждение было бы послушать их с ним вместе! Фотографию на письменном столе Шейла обходила взглядом. Даже мысль о ней ее раздражала. И как только он мог? Что он увидел в ее матери? А ее отец? Что увидел в ней он, если на то пошло? Но Ник — другое дело.

Он намного интеллектуальнее, чем когда-либо был отец, и просто уму непостижимо, чтобы такой человек стал увиваться вокруг особы, подобной ее матери, пусть даже в свое время прехорошенькой.

«Кажется, я знаю, чем заняться, — подумала Шейла. — Пойду вымою голову».

Средство это часто помогало, когда ничто другое не действовало. Она пошла по коридору мимо двери с табличкой: «Рубка». Оттуда слышался гул голосов. Рассмеялся Ник. Шейла ускорила шаги: не хватало только, чтобы ее поймали на подслушивании. Дверь таки открылась, но Шейла ее уже проскочила и, бросив взгляд через плечо, увидела, что из комнаты вышел совсем молоденький парень — один из тех, кто утром помогал раскапывать могильник. Он запомнился ей копной пушистых волос. Ему было не больше восемнадцати. Они все были очень молоды — вот на чем сейчас она зацепилась. Все, кроме самого Ника и Боба! Она миновала вертящуюся дверь, вошла в свою комнату и села на кровать, ошеломленная мыслью, которая внезапно пришла ей в голову.

Ник — гомосексуалист. Они все — гомики. Поэтому-то Ника уволили с флота. Отец дознался об этом и не счел возможным представить Ника к повышению, а тот на всю жизнь затаил на отца обиду. Возможно, даты, которые она переписала, фиксируют те случаи, когда Ник нарывался на неприятности. Фотография служила ширмой — педерасты часто прикрываются женитьбой. Нет-нет, только не Ник. Это — конец! Ей этого не перенести! Ну почему, почему единственный привлекательный мужчина, встретившийся ей на жизненном пути, должен оказаться подобного рода типом! Черт бы их побрал, пропади они пропадом, все эти молодчики, голые до пояса, скупившиеся там у мегалитической могилы. Верно, и сейчас в «Рубке» они собрались ради тех же дел. А для чего же еще! Ее пребывание здесь лишено всякого смысла. Как, впрочем, и вся ее поездка. Чем скорее она вырвется с этого острова и возвратится в Лондон, тем лучше.

Она отвернула оба крана, наполнила раковину и с яростью погрузила голову в воду. Даже мыло — «Эгейская синь» — выдавало патологию: ну какой нормальный мужчина станет держать у себя в доме

такую экзотику! Шейла вытерла волосы полотенцем и накрутила его тюрбаном вокруг головы. Сняла джинсы, натянула другие. Эта пара плохо на ней сидела. Долой! Надела дорожную юбку: пусть видят, что ей претит ходить в штанах, подражая мужчинам.

В дверь постучали.

— Войдите, — сердито бросила Шейла.

Это был стюард.

— Простите, мисс, но капитан просит вас пройти в «Рубку».

— Очень сожалею, но ему придется подождать. Я только что вымыла голову.

— Кхм, — кашлянул Боб. — Я не советовал бы вам, мисс, заставлять капитана ждать.

Тон — учтивейший, любезнее некуда, и все же... От этой квадратной, коренастой фигуры веяло чем-то непреклонным.

— Превосходно, — заявила Шейла. — В таком случае капитану придется примириться с моим видом.

И она, как была, в тюрбане, делавшей ее похожей на арабийского шейха, пустилась по коридору вслед за стюардом.

— Виноват, — пробормотал он и постучал в дверь «Рубки». — К вам мисс Блэр, сэр, — доложил он.

Она была готова к любому зрелищу. Молодые люди, валяющиеся на койках нагишом. Курящиеся ароматические палочки. Ник, дирижирующий в качестве распорядителя неописуемо гнусными действиями. Вместо этого ее взгляду представились семеро молодых людей, сидящих за столом во главе с Ником. В углу находился восьмой с наушниками на голове. Семеро за столом оглядели ее сверху донизу и отвели глаза. Ник только поднял брови и взял со стола листок бумаги. Она узнала четвертушку с датами, которая исчезла из ее туристской книжки.

— Извините, что прервал ваши усилия по части *haute coiffure*, — сказал он, — но эти джентльмены и я желали бы знать, что означают числа на листке, который вы таскали вложенным в ваш путеводитель.

Следуй испытанному афоризму. Лучший вид защиты — нападение.

— Именно этот вопрос я и хотела задать вам, капитан Барри, если бы сподобилась получить от вас интервью. Однако смею предположить, вы ушли бы от ответа. Потому что эти даты, несомненно, имеют для вас значение, и огромное, иначе зачем бы вашим приятелям, таким истинным джентльменам, красть из моей сумочки именно этот листок.

— Логично, — заметил Ник. — Кто дал вам эти даты?

— Мне дали их в редакции. Они были среди других сведений, которые я получила вместе с заданием. Часть исходных данных.

— Вы имеете в виду редакцию журнала «Прожектор»?

— Точно так.

— Где вам поручили написать очерк о некоем отставном военном моряке — то бишь обо мне, — поведав миру, чем он заполняет время, какие у него увлечения и так далее.

— Совершенно верно.

— И другим вашим коллегам заказали такие же очерки о других отставниках.

— Именно. Серия очерков. В редакции ухватились за эту идею. Нечто свежее.

— Н-да. К сожалению, вынужден подпортить вам рассказ, но мы выяснили у издателя «Прожектора», что там не только не намерены публиковать подобную серию, но и что никакой Дженнифер Блэр среди их сотрудников, даже на самой мизерной должности, не числится.

Ей следовало этого ожидать. При его связях в прессе. Жаль, что она не журналистка. Что бы он там ни скрывал, его тайна, разоблаченная в любом воскресном приложении, принесла бы ей состояние.

— Видите ли, — сказала она, — тут есть щекотливые обстоятельства. Не могла бы я поговорить с вами наедине?

— Можно и наедине, раз вам так предпочтительнее, — заявил Ник.

Семеро молодцев дружно вскочили на ноги. Крепко спаянная команда. Воспитанная в том духе, какой, надо думать, нравится Нику.

— С вашего разрешения, — добавил он, — ра-

дист останется на своем посту. Радиogramмы идут потоком. Он ничего не услышит из того, что вы скажете.

— Пожалуйста, — сказала она.

Семеро молодцев потянулись за дверь, Ник откинулся на спинку кресла. Проницательный синий глаз ни на мгновение не отрывался от ее лица.

— Садитесь и выкладывайте, — сказал Ник.

Она присела на один из освободившихся стульев и вдруг подумала о полотенце, накрученном на голове. Вряд ли оно прибавляло ей достоинства. Неважно. Дело не в ней, а в нем. Сейчас она попробует посмотреть, чего он стоит. Она скажет ему правду — до известного предела, потом сочинит что-нибудь по ходу и посмотрит, как он на этоотреагирует.

— В «Прожекторе» вам все правильно сказали, — начала она, глубоко вздохнув. — Ни у них, ни в других журналах я не работаю. Я не журналистка, я актриса. И в театральном мире мое имя мало кому известно. Я состою в одной молодежной труппе. Мы в основном гастролируем. Но недавно нам удалось получить площадку в Лондоне. Можете проверить, если угодно. Новый театр для всех, район Виктория. Вот в нем каждая собака знает Дженнифер Блэр. Меня пригласили на главные роли в шекспировских комедиях, которые пойдут там в этом сезоне.

Ник улыбнулся:

— Вот это больше похоже на правду. Примите мои поздравления.

— Поберегите их до открытия. Оно состоится недели через три. Кстати, в театре о моей поездке ничего не знают и понятия не имеют, что я в Ирландии. Я приехала сюда на пари.

Она перевела дыхание. Сейчас пойдет вранье.

— У моего приятеля — он с театрами не связан — много друзей на флоте. И вот к нему в руки попал листок с датами, где сверху стояло ваше имя. Он понимал: что-то этот список означает, а вот что, не знал. Ну и как-то вечером мы за ужином хлебнули лишнего, и он стал меня подначивать — я, мол, вовсе не такая хорошая актриса, и он ставит двадцать пять фунтов плюс дорожные расходы, что мне не удастся разыграть корреспондентку и получить

у вас интервью, — так, ради шутки. Я сказала — замечано. Вот почему я здесь. Разумеется, я вовсе не ожидала, что в числе всего прочего меня похитят и заточат на острове. И когда вчера вечером обнаружилось, что из моей книжки исчез листок с датами, я, не скрою, слегка струхнула. Не иначе, подумалось мне, за ними стоит что-то серьезное, не подлежащее огласке. Ведь все эти числа относятся к началу пятидесятых — к тем годам, когда вы увольнялись с флота, что я выяснила, сунув нос в военно-морской именной справочник, который раздобыла в одной общедоступной библиотеке. Мне, откровенно говоря, совершенно безразлично, что там за этими датами стоит, но вам, как я уже сказала, по всей очевидности, совсем не безразлично, и я готова держать пари, они скрывают весьма темные, а то и противозаконные дела.

Ник закрипел стулом, покачался на нем туда-сюда. Синий глаз оторвался от ее лица, уставился в потолок. Капитан Барри явно не находился с ответом: верный знак, что ее стрела попала в яблочко.

— Ну, это как посмотреть, — начал он негромко. — Что называть темным. И противозаконным. Мнения тут расходятся. Вы, возможно, отшатнетесь в ужасе от того, что я и мои молодые друзья считаем вполне оправданным.

— Я не так-то легко прихожу в ужас.

— Согласен. У меня сложилось такое же впечатление. Но мне придется убедить в этом моих товарищей — вот в чем трудность. События пятидесятых их не касаются — тогда они были еще детьми. Но то, чем мы сообща занимаемся сейчас, касается каждого из нас, и еще как. Если даже самая малость о том, что мы делаем, просочится наружу, мы окажемся в неладах со стражами закона.

Он встал, подошел к столу и зашуршал бумагами. Так, подумала Шейла, в каких бы противозаконных действиях отец ни подозревал Барри, он продолжает заниматься тем же здесь, в Ирландии. Сбывает контрабандой в США археологические находки? Или верна ее сегодняшняя гипотеза? Неужели Ник и эти мальчишки... В Эйре, где поднят такой трезвон вокруг нравственности, подобное отклонение вполне может преследоваться законом. Яснее ясного — ему себя ей выдавать ни к чему.

Ник перешел к парню в наушниках, встал за его спиной. Тот заносил что-то в блокнот. Радиogramму, должно быть. Посмотрев запись, Ник черкнул несколько слов в ответ. И тут же повернулся к Шейле:

— Хотите видеть нас в деле?

Она обомлела. Переступая порог «Рубки», она была готова ко всему, но не к такому вопросу в лоб...

— Что вы имеете в виду? — пробормотала она, обороняясь.

Тюрбан слетел у нее с головы на пол. Ник поднял его и, подавая, сказал:

— Приключение, какое с вами вряд ли когда-нибудь повторится. Сами вы ни в чем не будете принимать участия. Полюбуетесь на расстоянии. Очень вдохновляющее зрелище. Вполне безопасное.

Он улыбался, но что-то в его улыбке настораживало. Шейла попятилась от него к дверям. Внезапно ей привиделось, как она сидит в чаще леса у разверстой доисторической могилы; бежать ей некуда, а Ник и его молодчики исполняют какой-то первобытный, невыразимо гнусный обряд.

— Если начистоту... — начала она, но он, все еще улыбаясь, не дал ей договорить:

— Если начистоту, я этого требую. То, что вы увидите, вам кое-что объяснит. Часть пути мы проделаем водой, дальше двинем по дорогам.

Он распахнул дверь. Вся команда, включая Боба, выстроилась в коридоре.

— Все в порядке, — бросил Ник. — Мисс Блэр не доставит нам неприятностей. Всем занять боевые посты.

Молодые люди один за другим покинули коридор. Ник, взяв Шейлу под руку, повел ее в сторону вертящейся двери, ведущей на его половину.

— Наденьте пальто и шарф, если есть. Возможно, будет холодно. Действуйте, и побыстрей.

Он скрылся в своей комнате. Когда Шейла снова вышла в коридор, он уже ждал ее, поглядывая на часы. На нем был свитер с высоким воротом и брезентовый плащ с капюшоном.

— Пошли, — сказал он.

В коридоре никого не было, кроме Боба, который стоял у двери в «Кубрик» со шпиком на руках.

— Удачи, сэр, — пожелал он.

— Спасибо, Боб. Шиппи два кусочка сахара. Не больше.

Ник повел Шейлу узкой тропинкой через лес. У лодочного домика стоял катер. Еле слышно жужжал мотор. На борту было только двое — Майкл и парень с копной волос.

— Забирайтесь в каюту и ни ногой оттуда, — приказал Шейле Ник, направляясь в рубку.

Катер заскользил по озеру. Остров исчез за кормой. Сидя в каюте, Шейла вскоре перестала ориентироваться. Берега расплывались далеким пятном, то удаляясь, то приближаясь, но не обретая под сумрачным небом сколько-нибудь четких очертаний. В крошечный иллюминатор она видела, что иногда они шли вблизи берега: катер пробирался среди камышей, но уже в следующее мгновение кругом была только вода, черная и неподвижная, если не считать белой пены, сбиваемой носом стремительно двигавшегося судна. Машина работала почти неслышно. Все намертво молчали. Внезапно тихое постукивание заглохло, — должно быть, Ник повернул катер к берегу и шел по отмели. Секунду спустя он сунул голову в каюту и протянул Шейле руку.

— Сюда. Придется хлюпать по воде — ничего не поделаешь.

Кроме воды, камышей и неба, ничего не было видно. Шейла побрела по вязкой хляби, цепляясь за руку Ника. Впереди ступал пышноволосый паренек. Черная жижа просачивалась в туфли. Наконец они вышли на твердый грунт — что-то вроде дороги. В темноте угадывался какой-то предмет. Оказалось, автофургон. Рядом стоял человек, которого Шейла поначалу и вовсе не различила. Он открыл в фургоне дверцу. Ник влез первым, втащив за собой Шейлу. Паренек, обойдя кузов, уселся вместе с шофером, и машина, подпрыгивая и погромыхая, покатила по проселку, пока, одолев какой-то холм или пригорок, не выехала на укатанную ровную поверхность, должно быть, шоссе. Шейла попыталась сесть, выпрямив спину, но тут же стукнулась о полку головой. Что-то над ней загремело, покатилося.

— Сидите смирно, — сказал Ник. — Еще обрушите на нас всю эту гору хлеба.

— Хлеба?

Это было первое слово, произнесенное ею с тех пор, как они покинули остров. Ник включил фонарик, и она увидела, что они отделены от водителя глухой перегородкой. Кругом стояли полки, аккуратно загруженные хлебом, лотками с пирожными, печеньем, сладостями и еще консервными банками.

— Вот, подзаправьтесь, — сказал Ник. — Сегодня вам вряд ли представится еще раз такая возможность. — И, протянув руку, взял буханку хлеба и переломил надвое. Потом вырубил фонарик, и они вновь оказались в крошечной тьме.

Я совершенно беззащитна, подумала Шейла, сильнее мертвой, которую везут в катафалке.

— Вы что, угнали фургон? — спросила она.

— Угнали? На кой ляд мне его угонять? Нам предоставил его бакалейщик из Малдонека. Сам и сидит за рулем. Возьмите сыру. И хлебните отсюда. — И он прижал ей к губам флягу. Шейла чуть не задохнулась, глотнув чистого спирта, но ей сразу стало тепло и не так страшно. — Вы наверняка промочили ноги. Скиньте туфли. А жакет сверните и положите под голову. Вот так, можно будет и позабавиться.

— Позабавиться? Как?

— Ну, нам придется отмахать миль тридцать шесть, пока не выедем к границе. Дорога ровная до самого конца. Я не прочь снять с вас скальп.

Она уезжала поездом в пансион на севере Англии. Отец махал ей на прощанье с перрона рукой.

— Не уходи, — кричала она из окна вагона. — Не покидай меня.

Спальный вагон исчез, превратился в театральную уборную, где она стояла перед зеркалом в костюме Цезаря из «Двенадцатой ночи». Вдруг спальный вагон-уборная взорвался...

Шейла села, ударилась головой о полку с хлебом. Ника рядом не было. Фургон стоял на месте. Что-то ее разбудило, вырвало из полного затмения — не иначе как лопнула шина. Внутри фургона было черным-черно, ничего не видно, даже стрелок на часах. Время перестало существовать. Все дело в химическом сродстве тел, сказала себе Шейла. Вернее, их оболочек — человеческой кожи. Они либо гармони-

руют, либо нет. Либо сочетаются и сплавляются в единую ткань, растворяясь друг в друге и обновляясь, либо ничего не происходит, как ничего не происходит, когда неисправна вилка, взорвался запал, перепутаны контакты на распределительном щитке. Но когда механизм срабатывает — а сегодня он сработал, — тогда раскалывают небо стрелы, пылают леса, это — твой Азенкур. И пусть я проживу до девяноста лет, выйду замуж за очень славного человека, рожу пятнадцать детей, завоюю всяческие театральные призы и «Оскары», второй такой ночи у меня не будет — не брызнет осколками мир, не сторит у меня на глазах. Но как бы там ни было, я это испытала...

Дверцы фургона распахнулись, и ее обдало потоком холодного воздуха.

— Капитан говорит, — сказал, весело скалясь, паренек с копной волос, — если вы любите фейерверки, так вылезайте. Есть на что посмотреть.

Вслед за пареньком она спустилась из фургона, протирая глаза. Фургон стоял у канавы, за ней тянулось поле, через которое, судя по всему, текла река, но вблизи все тонуло в черной мгле. Кроме нескольких строений и излучины дороги — скорее всего, ферма, — Шейла ничего не различала. Зато вдали небо полыхало оранжевым заревом, словно солнце, вместо того чтобы уже несколько часов как уйти за горизонт, перепутав время суток, вставало на севере, где взметались вверх языки пламени и чернели стобы дыма. Ник стоял у кабины рядом с шофером, и оба глядели в небо. Из приемника, установленного в кабине над приборным щитком, вещал приглушенный голос.

— Что это? Что случилось? — спросила Шейла.

Шофер, человек средних лет с изрезанными морщинами лицом, повернулся к ней, улыбаясь:

— Арма горит, в центре, лучшая часть города. Но с собором ничего не сделается. Святой Патрик стоит и будет стоять, даже если вся округа выгорит дотла.

Паренек приложил ухо к приемнику и, выпрямившись, тронул Ника за рукав.

— В Оме уже взорвалось, — доложил он. — Через три минуты сообщат из Страбана. Через пять — из Эннискиллена.

— Что и требуется, — отозвался Ник. — Поехали.

Подсадив Шейлу, он помог ей взобраться в фургон и сам поднялся следом. Фургон тронулся, развернулся кругом на сто восемьдесят градусов и покатил по дороге туда, откуда приехал.

— Как же я не поняла! — воскликнула Шейла. — Как могла не догадаться! Вы заморочили мне голову этим могильником в лесу и вообще напустили густого туману.

— Никакого туману. Я на самом деле увлекаюсь раскопками. Но и пиротехникой тоже.

Он протянул ей флагу, но она замотала головой.

— Вы — убийца. На вашей совести — беспомощные люди, которые сейчас заживо горят в своих постелях, и дети — возможно, сотни погибших детей.

— Погибших? Да они все сейчас высыпали на улицу, аплодируя. Вы больше слушайте Мёрфи. Он и не такого наскажет — вечно фантазирует. В Арме этот взрыв и не почувствовали: загорелся какой-нибудь пакгауз, хорошо, если два.

— А в других городах, которые назвал ваш подручный?

— Ну, пустили небольшой фейерверк. В основном для эффекта.

Теперь ей все стало ясно: в памяти всплыл последний разговор с отцом. Он, несомненно, давно уже обо всем догадался. Долг выше дружбы. Верность отечеству прежде всего. Неудивительно, что он и Ник перестали поздравлять друг друга на рождество.

Ник достал с полки яблоко.

— Так, — сказал он, впиваясь в него зубами, — значит, многообещающая актриса...

— Многообещающая — расхожий газетный штамп.

— Ну-ну, не скромничайте. Вы далеко пойдете. Сумели разыграть меня не хуже, чем я вас. Впрочем, я еще не знаю, поверил ли я в этого вашего приятеля, у которого куча друзей на флоте. Как его зовут?

— Никак. Хоть убейте, не скажу.

Счастье, что она назвалась Дженнифер Блэр. В качестве Шейлы Манни она ничего бы из него не выудила.

— Ладно уж, живите, — сказал он. — Теперь это не имеет значения. Дела давнишнего прошлого.

— Значит, вам известно, что стоит за этими датами.

— Известно, что стоит. Правда, тогда мы были еще любителями. 5 июня 1951 года — налет на Эбрингтонские казармы в Дерри. Очень удачная операция. 25 июня 1953-го — на офицерский учебный батальон Фелстед-скул в Эссексе. Задали им перцу. 12 июня 1954 года — Гофские казармы в Арме. Результат невелик, но для поднятия духа сгодилось. 17 октября 1954 года — казармы в Оме. Несколько ребят перешли тогда к нам. 24 апреля 1955 года — Эглинтонская военно-морская база в Дерри. Н-да... тут я, пожалуй, помолчу. 13 августа 1955 года — склад военных боеприпасов в Арборфилде, в графстве Беркшир. Началось вполне сносно, а кончилось чуть ли не разгромом. Пришлось потом заняться кой-какими домашними делами.

В одной из опер Пуччини есть ария «О, милый мой отец!» Слушая ее, Шейла всегда плакала. Но все равно, подумала она, где бы ты ни был сейчас в ином своем бытии, прости меня за то, что я сделала и, возможно, еще раз сделаю сегодня ночью. Ведь таким образом я выполняю твое желание, хотя, боюсь, ты не одобрил бы способ, каким я его выполняю. Но ты жил высокими идеалами, а у меня нет никаких. Все, что было в те дни, не моя беда. Моя беда куда проще, куда глубже: я по уши, по самую маковку врезалась в твоего бывшего друга!

— Политика меня не интересует, — сказала она. — Какой смысл развлекаться взрывами и калечить людям жизнь. Надеетесь такими мерами объединить Ирландию?

— Да, надеемся. Все как один, — ответил он. — И так оно и будет, не сегодня, так завтра, хотя, возможно, для кое-кого из наших жизнь станет намного скучней. Взять хотя бы Мёрфи. Невелика радость весь день гонять по округе фургон с бакалеей и укладываться в постель к девяти. Если в объединенной Ирландии ему предстоит такое будущее, он и до семидесяти не дотянет. А с нами он чувствует себя молодым. На прошлой неделе, когда он прибыл на остров за инструкциями, я сказал ему: «Джонни еще совсем мальчишка» — Джонни — его сын, тот,

что сейчас едет с ним рядом, — «Джонни еще совсем мальчишка, — говорю я ему, — может, не стоит пока разрешать ему рисковать своей жизнью?» — «Плевать на риск, — отвечает Мёрфи, — это единственное, чем можно уберечь паренька от беды в том бардаке, в какой превратился мир».

— Вы все здесь буйнопомешанные, — буркнула Шейла. — Я вздохну с облегчением, когда мы окажемся по вашу сторону границы.

— По мою сторону границы? — повторил он. — Мы границы не пересекали. За кого вы меня принимаете? В свое время я всласть повалял дурака, но даже я не стану колесить по вражеской территории в продуктовом фургоне. Просто мне хотелось показать вам занятное зрелище. А так, по правде говоря, теперь я чаще выступаю в роли консультанта. «Спросите капитана Барри!» — восклицает тот или другой из наших ребят; «Он, возможно, что-нибудь присоветует», и я бросаю копать могильники или кропать свои исторические опусы и иду талдычить на короткой волне. Это помогает мне, как и Мёрфи, оставаться в душе молодым. — Он снял с полки несколько буханок пшеничного хлеба и подложил себе под голову. — Вот так получше. А то шея без подпорки устает. Я однажды, было дело, упражнялся с девчонкой, прислонившись к куче лимонок, но тогда я был помоложе. Девчонка и бровью не повела. Верно, думала, что это редька.

Нет, решила она. Не сейчас. Я не смогу. Сражение окончено и выиграно. Я прошу мира. Мне бы только лежать, не двигаясь, касаясь ногами его коленей, положив голову ему на плечо. Покойно и хорошо.

— Не надо, — сказала она.

— Что так? Выдохлись?

— Нет, не выдохлась. Но от ваших дел меня в такой жар бросило, что еще неделю внутри все будет тлеть — как казармы, которые вы запалили. Кстати, я по праву принадлежу к протестантам из Ольстера. Мой дед оттуда родом.

— Вот как? Тогда все понятно. Стало быть, между нами отношения любви-ненависти. Типичные отношения между людьми, разделенными общей границей. Притяжение и вражда вперемежку. Особый случай.

— Пожалуй, вы правы.

— Конечно, прав. Когда я лишился глаза в автомобильной катастрофе, на меня посыпались сочувственные письма от людей по ту сторону границы, которые с радостью увидели бы меня мертвым.

— Вы долго пролежали в больнице?

— Шесть недель. Пропасть времени, чтобы кое о чем подумать. И кое-что решить.

Вот, сказала она себе. Сейчас — подходящий момент. Только гляди в оба, обдумывай каждый шаг.

— Скажите, эта фотография... — начала она, — этот снимок у вас на письменном столе... Это ведь подделка, не правда ли?

Он рассмеялся:

— Право, надо быть актрисой, чтобы учуять обман. Дань былому увлечению розыгрышами. При взгляде на эту фотографию я всегда невольно улыбаюсь — вот и держу ее у себя на столе. А женат я никогда не был и всю историю придумал с ходу — исключительно вам на благо.

— Что же это за снимок?

Он переменил положение, стараясь, чтобы им обоим было удобнее.

— Счастливым молодоженом был Джек Манни, мой ближайший друг. Он недавно умер, я видел объявление в газетах. Мир праху его. Мы уже много лет, как не поддерживали отношений. А тогда — тогда я был у него шафером. Когда они с женой послали мне свадебную фотографию, я поменял местами головы — мою и его — и отослал в таком виде Джеку. Он смеялся до упаду. А вот Пэм, его жене, моя шутка пришлась не по нраву. По правде сказать, Пэм пришла в ярость. Разорвала снимок на клочки и выбросила в мусорную корзину — Джек сам мне рассказывал.

С нее станет, подумала Шейла, с нее станет. Пари, что она даже не улыбнулась.

— Ну ничего, я с ней потом поквитался, — продолжал Ник, убирая хлеб из-под своей головы. — Как-то вечером я заявился к ним без приглашения. Джека не было: пропадал на каком-то званом обеде. Пэм встретила меня отнюдь не ласково, я смешал два мартини, отчаянно крепких, и мы с ней немного повозились на тахте. Она похихикивала, но вскоре остыла. Я устроил в гостиной небольшой тарарам: перевернул всю мебель кверху ножками — словно

ураган пронесся по дому. Потом отнес Пэм в спальню и завалил на кровать. Сама на это напросилась. Впрочем, к утру она уже ничего не помнила.

Шейла легла головой ему на плечо и уставила глаза в потолок.

— Я так и знала, — сказала она.

— Что знала?

— Что ваше поколение было способно на всякие мерзости. Вы много хуже нас. В доме своего ближайшего друга. Мне даже думать об этом гадко.

— Оригинальная точка зрения! — с удивлением воскликнул Ник. — Что тут такого? Никто же ничего не узнал. К Джеку Манни я искренне был привязан, хотя он позже и зарубил мое продвижение на флоте. Но совсем по другой причине. Он руководствовался принципами. Полагал, думаю, что я способен ставить палки в неповоротливые колеса морской разведки, и был в этом, черт возьми, прав.

Нет, не сейчас. Сейчас не время. Я либо вернусь в Англию побитой и побежденной, либо не вернусь туда вообще. Он обманул моего отца, обманул мою мать (так ей и надо), обманул Англию, за которую сражался столько лет, запятнал мундир, который носил, замарал свое звание, а сейчас, как и двадцать последних лет, делает все, чтобы расколоть — как можно глубже и шире — собственную страну, а меня это нимало не заботит. Пусть грызутся. Рвут друг друга в клочья! Пусть вся планета, взорвавшись, превратится в дым! Я отошлю ему из Лондона письмо с благодарностями — в особенности за эту поездку — и подпишусь: Шейла Манни. Или же... Или же побегу за ним на четвереньках, как его собачонка, не отступающая от него ни на шаг и прыгающая к нему на колени. И буду умолять: позволь остаться с тобой навсегда!

— На днях я начинаю репетировать Виолу, — сказала она вслух. — «Дочь моего отца любила так...» —

— У вас эта роль здорово получится. Особенно Цезарио. «Но тайна эта, словно червь в бутоне, румянец на ее щеках точила. Безмолвно тая от печали черной, она своим страданьям улыбалась».

Мёрфи снова сделал крутой поворот на сто восемьдесят градусов, хлеб на полках загромыхал.

Сколько миль еще до Лох-Торра? О, ехать бы и ехать без конца.

— Беда в том, — продолжала она, — что мне хотелось возвращаться домой. Я не буду там дома. И ничего меня там к себе не тянет — ни Театральная лига, ни «Двенадцатая ночь». Цезарио — к вашим услугам.

— Серьезно? Покорнейше благодарю.

— Нет, вы не поняли... Я хочу сказать, что готова бросить сцену, отказаться от английского подданства, сжечь все свои корабли и взрывать с вами бомбы.

— Как? Стать отшельницей?

— Да, отшельницей.

— Бред. Через пять дней вы будете умирать со скуки.

— Нет! Нет!

— Подумайте о громе аплодисментов, которые вас ждут. Виола-Цезарио — да это же голубая мечта. Знаете что. Я не цветы вам пришлю на премьеру, а эту черную повязку. Вы повесите ее у себя в уборной как талисман.

Я хочу слишком многого, подумала она. Хочу всего сразу. Хочу, чтобы днем и ночью, во сне и наяву — хочу любви без конца, стрел и Азенкура, аминь! Кто-то ее предостерегал — нет ничего гибельнее, как сказать мужчине «люблю». За такое откровение мужчины в два счета вытряхивают женщину из своей постели. Пусть! Возможно, Ник сейчас вышвырнет ее из фургона Мёрфи.

— В глубине души я хочу лишь одного, — сказала она, — покоя и определенности. Чувствовать, что вы всегда рядом. Я люблю вас. Наверно, я, сама того не зная, любила вас всю жизнь.

— Ай-ай-ай! — отозвался он. — Кто же сейчас подымает вой?

Фургон сбавил ход и остановился. Ник ползком добрался до дверцы и распахнул ее. В проеме показался Мёрфи.

— Надеюсь, я не вовсе вытряс из вас душу, — сказал он, улыбаясь во всю ширину своего морщинистого лица. — Дороги у нас не в лучшем виде — уж

капитан-то знает. Главное, чтобы барышня была поездкой довольна.

Ник спрыгнул на дорогу. Мёрфи протянул Шейле руку и помог ей слезть.

— Приезжайте снова, мисс, милости просим, когда только будет охота. Я всем английским туристам, какие сюда пожаловали, всегда так говорю. У нас здесь жизнь куда веселее, чем по ту сторону Ирландского моря.

Шейла озиралась кругом, ожидая увидеть озеро, ребристую тропинку у камышей, где они оставили Майкла и катер. Но ничего этого не было. Они находились на главной улице Беллифейна. Фургон стоял перед «Килморским гербом». И пока Шейла поворачивала к Нику свое полное недоумения лицо, Мёрфи уже стучал в дверь гостиницы.

— Двадцать лишних минут в пути, но они того стоили, — заявил Ник. — Во всяком случае для меня. Для вас, надеюсь, тоже. Расставания должны быть краткими и нежными, не так ли? А вот и Догерти. Итак, вперед. Мне надо возвращаться на базу.

Отчаяние овладело Шейлой. Нет, не может такого быть! Неужели он предлагает ей проститься на тротуаре — на глазах у Мёрфи и его сына, суесящихся тут же, на виду у хозяина гостиницы, застывшего на ее пороге.

— А мои вещи? — спросила она. — Мой чемодан? Ведь все осталось на острове, в комнате, где я ночевала.

— Ошибаетесь, — ответил Ник. — Согласно операции «В» они, пока мы резвились на границе, доставлены в гостиницу.

В отчаянии она, забыв про гордость, пыталась оттянуть время:

— Но почему? Почему?

— Потому что так нужно, Цезарио. «И я гублю тебя, ягненок милый, мстя ворону в душе моей остылой». У Шекспира это звучит немного иначе.

И, пропустив ее вперед, подтолкнул к дверям гостиницы.

— Отдаю мисс Блэр на ваше попечение, Тим. Вылазка прошла успешно. Пострадавших нет — разве только мисс Блэр.

Он ушел. Двери за ним захлопнулись. Мистер Догерти окинул Шейлу сочувственным взглядом.

— У капитана все как на пожар. Всегда такой же неистовый. Уж я-то знаю, каково быть с ним в одной упряжке, никому не дает расслабиться. Я отнес к вам в спальню термос с горячим молоком.

Он захромал вверх по лестнице впереди Шейлы, распахнул перед ней дверь того самого номера, который она покинула два дня назад. Чемодан ее стоял на стуле. Сумочка и карты лежали на туалетном столике. словно она никуда не убывала.

— Машина ваша вымыта и заправлена, — сообщил мистер Догерти. — Она стоит в гараже у моего приятеля. Завтра утром он ее сюда подгонит. И никаких денег с вас не причитается: капитан взял все расходы на себя. Так что ложитесь-ка в постель и отоспитесь, отдохните до утра.

Отоспитесь, отдохните... «Поспеши ко мне, смерть, поспеши и в дубовом гробу успокой». Шейла открыла окно, выглянула на улицу. Задернутые шторы, опущенные жалюзи, закрытые ставнями окна. Черно-белая кошка мяукала в канаве напротив. Ни озера, ни лунной дорожки.

— Твоя беда, Джинни, что ты никак не станешь взрослой. Живешь в иллюзорном мире, которого нет. Потому-то тебя и потянуло на сцену. — Голос отца ласковый, но твердый. — Наступит день, — добавил он, — и ты очнешься, содрогаясь от ужаса.

Утро выдалось дождливое, туманное, серое. Лучше такое, подумала она, чем золотое, ясное, как вчера. Лучше уехать сейчас на взятом напрокат «остине» со снующими по ветровому стеклу «дворниками», а потом, если повезет, скovyрнуться и очутиться в кювете. Меня доставят в больницу, без сознания, в бреду я буду молить его прийти. И вот он у моей постели, на коленях, и, держа мою руку в своих, говорит: «Это я виноват. Зачем, зачем я заставил тебя уехать?»

Служанка ждала ее в столовой. Яичница с беконом. Чай. Кошка, выбравшись из канавы, трется у ног. А вдруг, пока она еще не уехала, зазвонит телефон и ей вручат телефонограмму: «Задействована операция «Д». Моторная лодка вас ждет»? Или, быть может, если она чуть-чуть задержится в холле, что-то да переменится. Появится Мёрфи с фургоном или даже почтмейстер О'Рейли с запиской в руках. А пока чемодан ее снесли вниз. К входным дверям

подкатил ее «остин». Мистер Догерти ждал у порога.

— Надеюсь, я буду иметь счастье, — сказал он, прощаясь, — вновь приветствовать вас в Беллифейне. Рыбная ловля — всегда такое удовольствие.

Когда Шейла доехала до столба с указателем «Лох-Торра», она остановила машину и под проливным дождем спустилась по раскисшей тропинке к озеру. Кто знает, а вдруг там окажется лодка. Шейла дошла до самого конца, постояла немного на берегу, вглядываясь в даль. Озеро было окутано туманом. Она с трудом различила очертания острова. Из камышей поднялась цапля и устремилась куда-то, летя над самой водой. А что, если раздеться и поплыть, подумала Шейла. Ведь я доплыву — обессилевшая, едва не утонувшая, выберусь на берег, проберусь через чащу к дому, подымусь на веранду и свалюсь у его ног. «Боб! Скорей. Это — мисс Блэр! Боже, она умирает!»

Она повернулась, поднялась по тропинке, села в машину, включила газ. «Дворники» на ветровом стекле засновали туда-сюда.

Когда я был и глуп, и мал, —
И дождь, и град, и ветер, —
Я всех смешил и развлекал,
А дождь лил каждый вечер.

Дождь все еще лил, когда она добралась до Дублинского аэропорта. Первым делом нужно было сдать машину, затем взять билет на ближайший, по возможности, лондонский рейс. Ждать почти не пришлось. Очередной самолет вылетал через полчаса. Шейла прошла в зал отправления и села, устремив глаза на дверь, выходящую в зал прибытия, — а вдруг произойдет чудо: повернется вертящаяся дверь и из нее появится долговязая фигура без шляпы, с черной повязкой на левом глазу: «Хватит с меня шуток и розыгрышей. Этот был последним. Едем назад — на Овечий остров».

Объявили ее рейс, и Шейла вместе с остальными пассажирами двинулась к выходу, оглядывая будущих попутчиков. Ступив на гудрон, она обернулась и бросила взгляд на провожающих. Какой-то верзила в макинтоше усердно махал платком. Нет, не он...

Этот наклонился, чтобы подхватить ребенка. Мужчины в плащах и пальто снимали шляпы, укладывали «дипломаты» в сетки наверху — любой из них мог быть, но не был Ником. А вдруг... Когда она застегивала ремень, из кресла перед нею в проход высунулась рука, и Шейле на мгновение показалось, что она узнала на мизинце кольцо с печаткой. А что, если мужчина, сидящий сгорбившись в самом переднем ряду — Шейла видела лысоватую маковку, — сейчас обернется, посмотрит в ее сторону, и на лице с черной повязкой расплывется улыбка.

— Простите.

Огромный детина, явившийся к самому отлету, протискивался в соседнее кресло, наступая ей на ноги. Шейла окинула его взглядом. Черная шляпа из мягкого фетра, прыщеватое, бескровное лицо, приклеившийся окурок в уголке губ. А ведь где-то есть женщина, которая любила или любит эту квелую хамоватую орясину. Фу, даже замутило в желудке. Он развернул газету, задев ею Шейлу за локоть. В глаза бросился заголовок: «Снова взрывы на границе. Сколько же еще!»

Тайное чувство удовлетворения согрело ей душу. Сколько еще? Несть числа, и дай им бог! Я это видела, я была там, я участвовала в деле. А ты, кретин, развалившийся в кресле рядом, ни о чем даже не догадываешься!

Лондонский аэропорт. Таможенный досмотр. «Ездили отдыхать? Сколько дней пробыли?» Показалось ей или инспектор на самом деле бросил на нее излишне пристальный взгляд? Нет, показалось: он пометил ее чемодан и повернулся к следующему по очереди.

Легковые автомобили, обгоняющие автобус, пока тот, лавируя в потоке транспорта, подруливает к остановке. Гудящие в высоте самолеты, прибывающие и отбывающие с другими пассажирами. Мужчины и женщины с потухшими, усталыми лицами, ожидающие на тротуаре, когда красный свет сменится зеленым. Она возвращалась в Театральную лигу всерьез и надолго. Но теперь уже не с тем, чтобы вместе с прочей актерской братией паяльаться на доску объявлений в продуваемом сквозняками

общем зале, а чтобы прочесть свое имя на другой, такой же, но висящей у входа за кулисы доске. И никаких «неужели я должна весь сезон делить уборную с Кэтти Мэттьюз? Безобразие! Я даже слов не нахожу!», а потом при встрече, фальшиво улыбаясь: «Хелло, Кэтти! Да, чудесно отдохнула. Лучше некуда!» Теперь она пройдет прямо в ту прокуренную каморку, которую принято называть «гримерной у лестницы», и эта паршивка, Ольга Брэтт, закрыв собою все зеркало и намазывая губы чужой — ее, Шейлы, или другой актрисы, но только не своей — помадой, встретит ее словами: «Хелло, дорогая. Ты опоздала на репетицию. Адам рвет на себе остатки волос. Буквально рвет и мечет».

Звонить из аэропорта домой, чтобы попросить миссис Уоррен, жену садовника, приготовить постель, было бесполезно. Дома пусто и одиноко. Отца там нет. Лишь воспоминание о нем — вещи, все еще неразобранные, книги, лежащие, как лежали, у кровати на тумбочке. Призрак, тень вместо живого присутствия. Лучше поехать на лондонскую квартиру — словно собака, ползущая в конуру, где пахнет только смятой соломой, которой не касалась рука хозяина.

В понедельник утром Шейла не опоздала на репетицию. Она прибыла в театр заблаговременно.

— Есть почта для меня?

— Да, мисс Блэр, открытка.

Только открытка. Шейла взяла ее. Открытка от матери, из Кап д'Эль: «Погода — бесподобная. Я чувствую себя куда лучше, вполне отдохнувшей. Надеюсь, ты тоже, и твоя поездка, куда бы тебя ни носило, тебе удалась. Не переутомляйся на репетициях. Тетя Белла шлет тебе сердечный привет, а также Регги и Мэй Хиллзборо, которые стоят со своей яхтой в Монте-Карло. Твоя любящая мамочка». (Регги был пятым виконтом Хиллзборо).

Шейла швырнула открытку в мусорную корзинку и отправилась на сцену, где уже собралась труппа.

Прошла неделя, десять дней, четырнадцать. Никаких известий. Шейла перестала надеяться. Она уже не услышит о нем. Никогда. И пусть. Главным в ее жизни будет театр, главное хлеба насущного,

любви и прочего, чем жив человек. Она уже не Шейла и не Джинни, а Виола-Цезарио и должна двигаться, мыслить, мечтать, не выходя из образа. В этом ее единственное исцеление, все остальное — прочь. Несколько раз она включала телевизор, пытается поймать передачу из Эйре, но безуспешно. А ведь голос диктора, возможно, напомнил бы ей голос Майкла или Мёрфи, всколыхнув в ее душе иные чувства, чем ощущение полной пустоты. Что ж, нет так нет! Натянем шутовской костюм, и к черту отчаянье!

О л и в и я

Куда, Цезарио?

В и о л а

Иду за ним,

Кого люблю, кто стал мне жизнью, светом...

И Адам Вейн, крадущийся, словно черная кошка, по краю сцены, в роговых очках, сдвинутых к взъерошенным волосам, воскликнет:

— Продолжайте, голубчик, продолжайте. Хорошо, просто очень хорошо!

В день генеральной репетиции она выехала из дому с хорошим запасом времени, поймав по дороге в театр такси. На углу Белгрейв-сквер они попали в затор: ревушие машины, сгрудившиеся на тротуарах люди, полиция верхом. Шейла опустила стекло между кабиной водителя и салоном.

— Что там происходит? — спросила она. — Я спешу. Мне нельзя опаздывать.

— Демонстрация у Ирландского посольства, — ответил шофер, ухмыляясь ей через плечо. — Разве вы в час дня не слушали по радио последние новости? Снова взрывы на границе. Похоже, лондонские защитники ольстерских «ультра» вышли в полном составе. Верно, швыряют камни в посольские стекла.

Кретины, подумала Шейла. Зря стараются. Вот было бы дело, если бы конная полиция их потоптала. Она в жизни не слушает новости после полудня, а в утренние газеты и тем паче не заглядывала. Взрывы на границе, Ник в «Рубке», радист с наушниками в своем углу, Мёрфи в фургоне, а я здесь —

в такси, на пути к своему собственному спектаклю, к собственному фейерверку, после которого друзья окружают меня тесной толпой: «Замечательно, дорогая, замечательно!»

Затор съел весь ее запас времени. Она прибыла в театр, когда там уже царила атмосфера возбуждения, суматохи, паники, охватывающей людей в последнюю минуту. Ладно, ей по силам с этим справиться. После первой сцены, где она выступает как Виола, она поспешила в гримерную переодеться в костюм Цезария. «Освободите гримерную, пожалуйста! Она мне самой нужна». Вот так-то лучше, подумала Шейла, теперь я здесь распоряжаюсь. Я в ней хозяйка, вернее, скоро буду. Она сняла парик Виолы, прошла гребенкой по собственным коротко остриженным волосам. Влезла в панталоны и длинные чулки. Плащ через плечо. Кинжал за пояс. И вдруг стук в дверь. Кого там еще нелегкая принесла?

— Кто там? — крикнула Шейла.

— Вам бандероль, мисс Блэр. По срочной почте.

— Суньте, пожалуйста, под дверь.

Последний штрих у глаз, так, теперь отойдем, последний взгляд в зеркало — смотришься, смотришься. Завтра вечером публика сорвет себе глотки, крича ей «браво». Шейла перевела взгляд со своего отображения на лежащий у порога пакет. Конверт в форме квадрата. Почтовый штемпель — Эйре. У нее оборвалось сердце. Она помедлила секунду, держа пакет в руке, потом вскрыла. Из него выпало письмо и еще что-то твердое, уложенное между двумя картонками. Шейла принялась за письмо.

Дорогая Джинни,

завтра утром я улетаю в США, чтобы встретиться с издателем, который проявил интерес к моим научным трудам, кромлехам, крепостям с обводами, бронзовому веку в Ирландии и т. д. и т. п., но щажу вас... По всей вероятности, я буду в отсутствие несколько месяцев, и вы, возможно, сможете прочесть в ваших шикарных журнальчиках о бывшем отшельнике, который вовсю, не щадя себя, распинается перед студентами американских университетов. На самом деле я счел за наилучшее на время улизнуть из Ирландии — мало ли что, как говорится.

Перед отъездом, сжигая кое-какие бумаги, среди ненужного хлама в нижнем ящике я наткнулся на эту фотографию. Думается, она вас позабавит. Помните, в первый вечер нашего знакомства я сказал, что ваше лицо мне кого-то напоминает? Как выяснилось, меня самого: концы сошлись благодаря «Двенадцатой ночи». Желаю удачи, Цезарио, особенно в охоте за скальпами.

С любовью, Ник.

Америка... Для нее это равнозначно Марсу. Она вынула фотографию из картонок и бросила на нее сердитый взгляд. Еще один розыгрыш? Но ведь она еще ни разу не снималась в роли Виолы-Цезарио. Как же он сумел подделать это фото? Может быть, он снял ее незаметно и потом перенес голову на чужие плечи? Нет, невозможно. Она повернула карточку обратной стороной. «Ник Барри в роли Цезарио из «Двенадцатой ночи», Дартмут, 1929» — было выведено там его рукой.

Шейла снова взглянула на фотографию. Ее нос, ее подбородок, задорное выражение лица, высоко поднятая голова. Даже поза ее — рука, упирающаяся в бок. Густые коротко остриженные волосы. О боже! Она стояла уже вовсе не в гримерной, а в спальне отца, у окна, когда услышала, как он зашевелился на постели, а она повернулась, чтобы взглянуть, что с ним. Он пристально смотрел на нее, словно не веря своим глазам, лицо его выражало ужас. Нет, не обвинение прочла она тогда в его глазах, а прозрение. Он пробудился не от кошмара — от заблуждения, которое длилось двадцать лет. Умирая, он узнал правду.

В дверь снова постучали:

— Через четыре минуты закончится третья сцена, мисс Блэр.

Она лежит в фургоне, в объятиях Ника. «Пэм похихикала и остыла. Наутро она уже ничего не помнила».

Шейла подняла глаза от фотографии, которую все еще держала в руке, и уставилась на свое отражение в зеркале.

— Нет-нет, — прошептала она. — О Ник!.. О бог мой!

И, вынув из-за пояса кинжал, проткнула острием лицо смотревшего на нее с фотографии мальчишки, разорвала ее на мелкие клочки и выбросила в мусорную корзину. И когда выходила на сцену, ею овладело такое чувство, будто идет она вовсе не из герцогского дворца в Иллирии, мимо крашеного задника за спиной и по крашеным доскам под ногами, а прямо на улицу — любую улицу, где есть стекла и дома, которые можно крушить и жечь, были бы лишь камни, кирпич и бензин под рукою, были бы только поводы для презрения и люди, чтобы их ненавидеть, ибо только ненавистью она очистит себя от любви, только мечом и огнем.

СОДЕРЖАНИЕ

В КОГТЯХ СТРАХА. Роман. Перевод В. Граковского 3

Рассказы

Птицы. Перевод А. Ставиской	277
Яблоня. Перевод И. Комаровой	316
Синие линзы. Перевод Г. Островской	365
Не позже полуночи. Перевод Л. Девель	404
На грани. Перевод М. Шерешевской	450

ДАФНА ДЮ МОРЬЕ

В когтях страха

**Ташкент
Главная редакция
издательско-полиграфического
концерна «Шарк»
1994**

**Редактор Ф. Румская
Художественный редактор А. Умаров
Технический редактор Е. Лукьянова
Корректор Е. Омельченко**

Сдано в набор 18.03.94 г. Подписано в печать 27.06.94 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура Балтика. Усл. п. л. 27,72. Уч.-изд. л. 29,23. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2731. Цена договорная.

**Типография издательско-полиграфического
концерна «Шарк».**
700083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

**Главная редакция
издательско-полиграфического
концерна «Шарк» готовит к изданию
в 1994 году следующие книги:**

ВАЛЬТЕР СКОТТ. «Пират». Роман

В основу романа В. Скотта положена история о дерзком пирате Джоне Гау, который в течение длительного времени наводил ужас на мореплавателей в северных водах. Несмотря на мрачную репутацию Гау, его полюбила знатная шетлендка, которая осталась верна памяти пирата и после его смерти.

КЕНТЕРВИЛЬСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ.

Английские новеллы

Среди английских прозаиков едва ли найдется хоть один, который не писал бы новелл: Киплинг, Джером К. Джером, Уэллс, Голсуорси, Честертон, Стивенсон, Уайльд и многие другие. Различны их творческие принципы, манера, стиль. Но роднят их вечные темы: трагические надломы человеческой психики, столкновение добра и зла, чувств высоких и низких.

ТОМАС УАЙТ. «Король на все времена». Роман

Весь мир восхищается этой книгой. В ней волшебное повествование о Короле Артуре и его сверкающем Камелоте, о Мерлине, Сове и Гуинвере чередуется с волнующими рассказами о говорящих зверях и о людях, умеющих летать, о черной магии и войне.

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ. «Стена». Повести и рассказы

Художественный мир Леонида Андреева — самого популярного русского писателя начала XX века — являет собой воплощение живого грандиозного кошмара, пугающего своей тотальностью. Ужас человека, обреченного на одиночество и страдающего от невозможности изменить чудовищные законы несправедливо устроенного мира, стали главным предметом изображения в произведениях Андреева, вошедших в сборник.

АЛЕКСАНДР ДЮМА. «Кавалер Красного Замка»

«Кавалер Красного Замка» — один из лучших исторических романов А. Дюма, который повествует о истории трагической любви бесстрашного шевалье де Мезон Руж к французской королеве Марии-Антуанетте, приговоренной санкюлотами к смертной казни.

АЛЕКСАНДР АМФИТЕАТРОВ.

«Роман одной женской жизни». Роман

В центре романа А. Амфитеатрова увлекательные перипетии женской судьбы, души одаренной, но слабой, опустившейся на дно жизни и сохранившей там высокие душевные качества. Действие разворачивается на ярком историческом фоне России рубежа XIX—XX столетий.

ДЖИМ АНДЖЕР. «Герман». Карикатуры

Задавшись поначалу целью уморить своими блистательными рисунками Америку, Джим Анджер распространил затем эпидемию смеха на весь мир. Пришла и наша очередь.

МАДЛЕН ЛЭНГЛ. «Морщина времени».

ШИРЛИ ДЖЕКСОН. «Лотерея». Романы

Две именитых американских писательницы представляют жемчужины «психологического триллера». В первом романе присутствует фантастический элемент, события второго замешаны на страхах повседневной жизни.

ШЕРЕНГА ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Увлекательный, иллюстрированный гравюрами и схемами справочник, содержащий основные сведения о величайших путешественниках всех времен, рассчитан на широкие круги читателей.

ЭДГАР БЕРРОУЗ. «Джон Картер, марсианин». Роман

Эдгар Берроуз — автор знаменитого «Тарзана» — на сей раз представлен серией романов о капитане кавалерийского эскадрона Джоне Картере, чудом оказавшемся на Марсе, где его ждали непредсказуемые и загадочные приключения.

Романы Берроуза рассчитаны на массового читателя.

ЭДГАР ПО. «Черный кот». Рассказы

В книгу Эдгара По — основоположника детективной литературы, психологических триллеров и научной фантастики — вошли его лучшие рассказы. Необъяснимые тайны и парадоксальный рационализм создают в своем сочетании неповторимый мир Э. По.

ИУДА ИСКАРИОТ

Личность Иуды Искарота, сыгравшего, пожалуй, самую зловещую роль в истории человечества, всегда тревожила воображение писателей. В предлагаемый сборник вошли произведения Э. Шмидт, Л. Андреева, Э. Гебгарта и Г. Панаса, которые пытаются приоткрыть завесу над тайной Искарота, предавшего на смерть своего Бога.

НАСИЛИЕ. Детективные романы

Загадочные преступления, убийцы-маньяки, находчивые сыщики — весь этот детективный арсенал предстанет в полном объеме в предлагаемых романах Лилиан О'Донелл, Эрла Биггерса, Джона Ллойда, исследующих дьявольскую природу насилия.

ОКТАВ МИРБО. «Сад пыток». Романы

В книгу вошли одни из лучших романов Октава Мирбо — «Сад пыток» и «Аббат Жюль», — в которых описание омерзительных пороков и ужасов оправдано стремлением автора проникнуть в загадочные бездны человеческого сознания.

П. А. ТРЭВЕРС. «Мэри Поппинс». Повесть-сказка

Фантастическая повесть-сказка английской писательницы П. Трэверс погружает читателя в удивительную атмосферу мягкого юмора, добродушной иронии и невероятных приключений двух маленьких озорников Джейн и Майкла, которые просто влюблены в свою необыкновенную чудесную няню Мэри Поппинс.

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР. «Мистика»

В книгу немецкого теософа Рудольфа Штейнера (1861—1925) вошли работы, в которых разрабатывается единая оккультная доктрина. Штейнер предлагает собственный, оригинальный подход к исследованию духовных сил человека, указывает путь раскрытия его «тайных» способностей через особую систему самовоспитания.

ДЖОЙС КЭРОЛ ОУТС.

«Сад радостей земных». Роман

В фокусе романа «Сад радостей земных» история превращения красивой романтической девушки, дочери поденного рабочего, в богатую содержанку, обретающую в борьбе за место под солнцем беспримерное терпение хищницы и поистине кошачью цепкость.

